

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор	Комлева Евгения Владиславовна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Заместитель главного редактора	Туманик Екатерина Николаевна <i>кандидат исторических наук</i> Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Ответственный секретарь	Введенский Владимир Викторович Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Редакторы и ответственные секретари выпусков	Аблажей Наталья Николаевна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Потапова Наталья Анатольевна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Гонина Наталья Владимировна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Савин Андрей Иванович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор
	Демидова Лариса Денисовна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Семёнов Михаил Александрович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Журавлёв Вадим Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Чернова Ирина Сергеевна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Ильных Владимир Андреевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Шарапов Сергей Валерьевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Лапердин Вячеслав Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Шпилов Илья Александрович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор
	Петров Станислав Геннадьевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	
■ Члены редакционной коллегии	Блаховска Катажина <i>профессор</i> Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша	Дацышен Владимир Григорьевич <i>доктор исторических наук, профессор</i> Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия
	Гагкуев Руслан Григорьевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории РАН, Москва, Россия	Исупов Владимир Анатольевич <i>доктор исторических наук</i> Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
	Дай Цзяньбин <i>доктор исторических наук, профессор</i> Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай	Кабульдинов Зиябек Ернуханович <i>доктор исторических наук, профессор</i> Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан
	Данилович Вячеслав Викторович <i>кандидат исторических наук, профессор</i> Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь	Катионов Олег Николаевич <i>доктор исторических наук, профессор</i> Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет, Новосибирск, Россия

■ Члены редакционной
коллегии

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Красильников Сергей Александрович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецкого, Германия

Рышков Вадим Маркович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор

Ответственный секретарь
Корректор
Верстальщик
Интернет-верстальщик

д-р ист. наук В.А. Ильных
д-р ист. наук Е.В. Комлева
канд. ист. наук С.В. Шарапов
Т.В. Соболева
В.В. Введенский
К.А. Васильев

ИСТОРИЧЕСКИЙ
КУРЬЕР
ISSN 2618-9100

2026. № 4 (48)

Издается с октября 2018 г.

Выходит 6 раз в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Номер свидетельства Роскомнадзора ЭЛ № ФС77-73758

Адрес редакции:
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24
Факс: +7 (383) 333-24-37
E-mail: mail@istkurier.ru
Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7–9

From the Editor 10–12

■ Обеспечение населения продуктами питания в Российской империи

А.В. Белов. Относительность парадокса: экономический строй и аграрный промысел среднерусского города в середине и второй половине XVIII века 13–25

Г.Н. Ульянова. Овощи в потреблении жителей Москвы в 1800-е–1850-е годы: торговля, промысловые огороды, внешние поставки 26–51

В.П. Шахеров. Организация мер продовольственной безопасности в Иркутской губернии конца XVIII – первой половины XIX века 52–64

А.Е. Гончаров. Енисейское речное судоходство в допароходную эпоху и снабжение Туруханского края (первая половина XIX века) 65–84

Е.Н. Туманик. Вклад декабристов в развитие сельского хозяйства Сибири: обзор юбилейных советских исторических изданий, вышедших в 1925 году 85–104

Е.В. Годовова. Общественная запашка полей как инструмент обеспечения продовольственной безопасности оренбургского казачества в XIX веке 105–116

■ Продовольственное снабжение в кризисных условиях

Т.И. Трошина. Угроза голода и государственный патронаж как факторы формирования образа жизни и поведенческих моделей населения северных губерний 117–131

М.Д. Кушнарева. Снабжение Якутской области продовольствием и товарами потребления в 1917–1919 годах: механизмы и роль крупных торговых фирм 132–141

Л.Н. Мазур. Голод и война 1941–1945 годов: повседневность тылового города в воспоминаниях современников 142–156

■ Проблемы сельского хозяйства и продовольственной безопасности в советский период

В.Б. Лапердин. МТС как инструмент модернизации сельского хозяйства Западной Сибири в 1930-е годы 157–171

С.В. Шаронов. Закон и стимул: проблема колхозного трудового в условиях мобилизационной экономики (1938–1946 годы) 172–187

С.Н. Третьяков. Роль политотделов МТС и органов НКВД в организации сельскохозяйственного производства в период Великой Отечественной войны (по материалам Алтайского края) 188–197

<i>О.Н. Аргунов.</i> Заготовки и экспорт зерна и хлебопродуктов в СССР в 1945–1953 годах	198–205
<i>С.Н. Андреенков.</i> Потери зерна при уборке урожая в колхозах СССР в середине 1950-х годов: начальный этап анализа факторов и объемов	206–217
<i>Н.Ю. Пивоваров.</i> Целинная кампания Н.С. Хрущева как политический проект (стенограмма заседания Секретариата ЦК КПСС от 30 января 1954 года)	218–246
<i>Е.Е. Темникова.</i> Целина экономическая необходимость или политический волюнтаризм (анализ концепций российской историографии)	243–255
<i>Р.В. Павлюкевич.</i> Развитие животноводства в Красноярском крае в 1966–1970 годах	256–265

■ **Риски и проблемы современности**

<i>В.А. Ильиных.</i> Сельское хозяйство и продовольственное обеспечение Восточной Сибири в 1990–2010-е годы	266–284
<i>А.С. Ващук, Н.И. Кужина.</i> Ключевые риски и проблемы продовольственной безопасности Дальнего Востока в конце 1990 – начале 2010-х годов	285–299

■ **Этнокультурные аспекты аграрного производства и потребления**

<i>Г.У. Орынбаева.</i> Механизмы обеспечения продовольственной безопасности в казахском обществе конца XIX – начала XX века	300–310
<i>Е.С. Волкова.</i> Дальневосточное село конца XX – начала XXI века в художественной литературе	311–322
<i>Е.А. Ерохина, А.Д. Куропатов.</i> Экономическая устойчивость и стратегии выживания традиционного скотоводства на Алтае (по материалам полевых исследований в Алтайском крае и Республике Алтай)	323–333
<i>Ю.А. Крашенинникова.</i> Гастрономические заметки: оленья кровь в рационе питания современных ненцев Ямала	334–340

CONTENTS

From the Editor (*in Rus*) 7–9

From the Editor 10–12

■ Provision of Food to the Population in the Russian Empire

A.V. Belov. The Relativity of the Paradox: The Economic System and Agricultural Industry of the Central Russian City in the Middle and Second Half of the 18th Century 13–25

G.N. Ulianova. Vegetables in the Consumption of Moscow Residents, 1810–1850: Trade, Commercial Market Gardens, and External Supplies 26–51

V.P. Shakherov. Food Security Measures in The Irkutsk Province in The Late 18th and The First Half of the 19th Century 42–64

A.E. Goncharov. Yenisei River Shipping in the Pre-Steamboat Era and the Supply of the Turukhansk Region (First Half of the 19th Century) 65–84

E.N. Tumanik. The Contribution of the Decembrists to the Development of Siberian Agriculture: An Overview of Soviet Historical Publications Published by 1925 85–104

E.V. Godovova. Common Ploughing of Fields as A Tool for Food Security Providing among the Orenburg Cossacks in the 19th Century 105–116

■ Food Supply in Crisis Conditions

T.I. Troshina. The Threat of Famine and State Patronage as Factors in Shaping the Lifestyle and Behavioral Patterns of the Population of the Northern Provinces 117–131

M.D. Kushnareva. Supply of the Yakutsk Region with Food and Consumer Goods in 1917–1919: Mechanisms and the Role of Large Trading Firms 132–141

L.N. Mazur. Hunger and War 1941–1945: Everyday Life in a Rear-Earth City in the Memories of Contemporaries 142–156

■ Problems of Agriculture and Food Security in the Soviet Period

V.B. Laperdin. Machine-Tractor Stations as an Instrument of Agricultural Modernization in Western Siberia in the 1930s 157–171

S.V. Sharapov. Law and Incentive: The Problem of the Collective farm Workday in the Conditions of the Mobilization Economy (1938–1946) 172–187

<i>S.N. Tretyakov.</i> The Role of the Political Departments of the MTS and the NKVD in the Organization of Agricultural Production during the Great Patriotic War (Based on Materials from the Altai Region)	188–197
<i>O.N. Argunov.</i> Procurement and Export of Grain and Grain Products in the USSR in 1945–1953	198–205
<i>S.N. Andreenkov.</i> Grain Losses during Harvest in USSR Collective Farms in the Mid-1950s: an Initial Analysis of Factors and Volumes	206–217
<i>N.Yu. Pivovarov.</i> Khrushchev's Virgin Lands Campaign as a Political Project (Transcript of the Meeting of the Secretariat of the CPSU Central Committee, January 30, 1954)	218–246
<i>E.E. Temnikova.</i> Virgin Land: Economic Necessity or Political Voluntarism (Analysis of Historiographical Concepts)	243–255
<i>R.V. Pavlyukevich.</i> Development of livestock farming in the Krasnoyarsk Krai in 1966–1970	256–265

■ Risks and Problems of the Present

<i>V.A. Ilinykh.</i> Agriculture and Food Supply in Eastern Siberia in the 1990s–2010s	266–284
<i>A.S. Vashchuk, N.I. Kuzhina.</i> Key Risks and Challenges to Food Security in the Far East in the Late 1990s and Early 2010s	285–299

■ Ethnocultural Aspects of Agricultural Production and Consumption

<i>G.U. Orynbaeva.</i> Mechanisms for Ensuring Food Security in Kazakh Society in the Late 19 th and Early 20 th Centuries	300–310
<i>E.S. Volkova.</i> The Far Eastern Countryside of the Late 20 th – Early 21 st Centuries in Fiction	311–322
<i>E.A. Erokhina, A.D. Kuropatov.</i> Economic Sustainability and Survival Strategies of Traditional Livestock in Altai (Based on Field Research in Altai Krai and Altai Republic)	323–333
<i>Yu.A. Krashennnikova.</i> Gastronomic Notes: Deer Blood in the Diet of Modern Nenets of Yamal	334–340

2026 · № 4 (48)

Тема номера:

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ДОСТИЖЕНИЯ И КРИЗИСЫ

ОТ РЕДАКТОРОВ

Предлагаемый вниманию читателей очередной номер журнала посвящен реконструкции исторического опыта обеспечения продовольственной безопасности России в XVIII – начале XXI в. При его подготовке ставились задачи освещения разработки стратегий и тактик реализации аграрной и продовольственной политики государства, организации снабжения городов и отдаленных регионов, этнокультурных аспектов аграрного производства и потребления. Особое внимание уделено исследованию проблем развития сельского хозяйства, которые приводили к продовольственным кризисам, комплексному анализу экономических, политических, социальных и психологических аспектов кризисного развития, выявлению путей выхода аграрной экономики и продовольственной сферы из кризисного состояния, изучению общих закономерностей и региональной специфики данных процессов.

Номер состоит из пяти разделов, сформированных по проблемно-хронологическому принципу: «Обеспечение населения продуктами питания в Российской империи», «Продовольственное снабжение в кризисных условиях», «Проблемы сельского хозяйства и продовольственной безопасности в советский период», «Риски и проблемы современности», «Этнокультурные аспекты аграрного производства и потребления».

Первый раздел включает шесть материалов, в которых на примере ряда регионов рассматривается организация снабжения населения продуктами питания в России на протяжении XVIII–XIX вв. Обращено внимание на аграрные занятия горожан центральной части страны, в том числе на широкое распространение в городской среде огородничества. Впервые в историографии подробно освещен вопрос о потреблении овощей жителями Москвы в первой половине XIX в.: реконструирована инфраструктура торговли, динамика ценообразования, выявлены сведения об огородниках и торговцах, подчеркнута роль внешних поставок. Анализ реалий отдаленных от центра восточных регионов Российской империи, в частности Иркутской губернии конца XVIII – первой половины XIX в., свидетельствует о крайне важном значении государственных мер для поддержки земледелия и предотвращения голода среди местного населения. Вопросы логистики, неизбежно связанные с обеспечением продовольственной безопасности, рассмотрены на примере организации снабжения продуктами питания по Енисею обширного Туруханского края в первой половине XIX в. – в период, предшествовавший появлению пароходов. Автор приходит к выводу, что сложившаяся система судоходства сдерживала экономическое освоение региона, а техническая отсталость дополнялась неблагоприятной торгово-промышленной конъюнктурой Енисейской губернии в целом. Не обойден вниманием и вклад в развитие сельского хозяйства Сибири декабристов – тема, лишь фрагментарно представленная в историографии. Акцент сделан на характеристике репрезентации сельскохозяйственных опытов ссыльных участников восстания на Сенатской площади в юбилейных сборниках, вышедших в 1925 г. и заложивших базу для дальнейшего развития декабристоведения. Наконец, с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности рассмотрен такой институт, как общественная запашка полей казаками Оренбургской губернии. При этом подчеркнуты как плюсы, так и минусы этой системы.

Следующий тематический блок составляют три статьи. Автор первой из них трактует связанную с неблагоприятными для земледелия природно-климатическими условиями угрозу голода и государственный патронаж в сфере продовольственного снабжения как факторы формирования образа жизни и поведенческих моделей населения северных губерний России. В другой статье реконструированы механизмы организации снабжения населения Якутской области продовольствием и товарами потребления в условиях политической нестабильности 1917–1919 гг. В третьей статье анализируется проблема голода и продовольственного обеспечения тылового города в годы Великой Отечественной войны. В качестве основных источников привлечены воспоминания современников, дневники, письма и архивные источники. Акцент сделан на функционировании карточной системы снабжения, отдела рабочего снабжения, подсобных хозяйств предприятий и учреждений, сочетании нормированного распределения с коммерческой и «черной» торговлей.

В третий раздел включено восемь статей. В них освещаются основные тенденции, осуществления агропродовольственной политики Советского государства. Проанализирован опыт функционирования МТС в 1930-е годы, которые должны были не только решить зерновую проблему, но и стать ключевым элементом модернизации деревни. Определены факторы и последствия государственной политики по административному стимулированию труда колхозников в конце 1930-х – 1940-е годы. Выявлена роль политотделов МТС и органов НКВД в организации сельскохозяйственного производства в годы Великой Отечественной войны. Исследованы основные параметры и методы решения зерновой проблемы во второй половине 1940-х – 1950-е годы. Реконструирована динамика развития животноводства во второй половине 1960-х годов. Две включенные в раздел работы представляют собой аналитические публикации уникальных архивных источников, отражающие данные о значительных размерах потерь во время уборки хлебов в середине 1950-х годов – важнейший фактор дефицита зерна в СССР, а также механизм политического давления Москвы на руководство Казахстана в преддверии целинной кампании.

В двух статьях четвертого раздела осуществлена реконструкция динамики основных отраслей сельского хозяйства Восточной Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период, а также определены базовые тенденции изменений в потреблении населением основных продуктов питания и самообеспечении ими исследуемых регионов. Констатируется, что следствием радикальной аграрной реформы начала 1990-х годов стал глубокий кризис сельского хозяйства, который привел к резкому ухудшению продовольственного обеспечения. Последствия кризиса в полной мере не преодолены до сегодняшнего дня. Снабжение Восточной Сибири и Дальнего Востока остается критически зависимым от ввоза продовольствия, в том числе из Китая.

В пятом разделе представлены научные работы, в которых затрагиваются этнокультурные аспекты аграрного производства и потребления. В открывающей раздел статье охарактеризованы способы обеспечения продовольственной стабильности в казахском скотоводческом социуме конца XIX – начала XX в. Показаны существовавшие в кочевом обществе социальные механизмы предотвращения голода, которые в советской историографии трактовались как методы феодальной эксплуатации родовой знати своих бедных соплеменников. В другой статье на материалах региональной художественной литературы рассматривается трансформация сельскохозяйственной отрасли и повседневных структур дальневосточного села под воздействием рыночных реформ. В третьей статье представлены результаты полевого обследования современного состояния традиционного скотоводства в Алтайском крае и Республике Алтай.

В завершающей раздел работе представлены сведения о питании современных ненцев как одном из объектов их нематериального этнокультурного достояния.

В целом вошедшие в номер материалы отличаются разнообразием как по территориальному и хронологическому охвату, так и по рассматриваемой в них проблематике. Отраженная в заглавии номера постановка общей исследовательской задачи – изучение обеспечения продовольственной безопасности на разных этапах исторического развития нашей страны – позволила с нового ракурса осветить различные связанные с этим сюжеты, заострить внимание на ранее ускользавших из поля зрения специалистов деталях. Представленные результаты не только подчеркивают значимость реконструкции исторического опыта в области снабжения населения продуктами питания, но и заставляют серьезно задуматься о современном положении и перспективах России.

*Выпускающие редакторы:
доктор исторических наук
Владимир Андреевич Ильиных,
доктор исторических наук
Евгения Владиславовна Комлева*

Выпускающие редакторы

Ответственный секретарь

Корректор

Верстальщик

Интернет-верстальщик

д-р ист. наук В.А. Ильиных

д-р ист. наук Е.В. Комлева

канд. ист. наук С.В. Шарапов

Т.В. Соболева

В.В. Введенский

К.А. Васильев

2026 · No. 4 (48)

The Theme of the Issue:

**FOOD SECURITY OF RUSSIA IN THE 18TH – EARLY 21ST CENTURY:
ACHIEVEMENTS AND CRISES**

FROM THE EDITORS

The issue offered to readers is devoted to the reconstruction of the historical experience of ensuring food security in Russia from the 18th to the early 21st century. Its preparation aimed to address the development of strategies and tactics for implementing state agrarian and food policy, the organization of supply to cities and remote regions, and the ethnocultural aspects of agricultural production and consumption. Particular attention is paid to researching the problems of agricultural development that led to food crises, a comprehensive analysis of the economic, political, social, and psycho-mental aspects of crisis development, identifying ways out of crises for the agrarian economy and the food sphere, and studying both general patterns and regional specifics of these processes.

The issue consists of five sections, organized according to a problem-chronological principle: “Provision of Food to the Population in the Russian Empire”, “Food Supply in Crisis Conditions”, “Problems of Agriculture and Food Security in the Soviet Period”, “Risks and Problems of the Present”, and “Ethnocultural Aspects of Agricultural Production and Consumption”.

The first section includes six materials examining, through case studies of several regions, the organization of food supply to the population in Russia during the 18th–19th centuries. Attention is drawn to the agricultural occupations of townspeople in the central part of the country, including the widespread practice of vegetable gardening in urban environments. For the first time in historiography, the issue of vegetable consumption by Moscow residents in the first half of the 19th century is examined in detail: the trade infrastructure and pricing dynamics are reconstructed, information about gardeners and traders is uncovered, and the role of external supplies is emphasized. An analysis of the realities of the eastern regions of the Russian Empire distant from the center, particularly Irkutsk Governorate in the late 18th – first half of the 19th century, demonstrates the critical importance of state measures to support agriculture and prevent famine among the local population. Logistics issues, inevitably linked to ensuring food security, are examined through the example of organizing food supply along the Yenisei River to the vast Turukhansk Krai in the first half of the 19th century – the period preceding the advent of steamships. The author concludes that the existing navigation system hindered the economic development of the region, and that technical backwardness was compounded by the unfavorable trade and industrial conditions of Yenisei Governorate as a whole. The contribution of the Decembrists to the development of Siberian agriculture is also addressed – a topic only fragmentarily covered in historiography. Emphasis is placed on characterizing the representation of the agricultural experiments of exiled participants in the Senate Square uprising in anniversary collections published in 1925, which laid the foundation for the further development of Decembrist studies. Finally, the institution of communal plowing (*obshchestvennaya zapashka*) by the Cossacks of Orenburg Governorate is examined from the perspective of ensuring food security, highlighting both the advantages and disadvantages of this system.

The next thematic block comprises three articles. The first of these interprets the threat of famine associated with unfavorable natural and climatic conditions for agriculture, and state patronage in the sphere of food supply, as factors shaping the lifestyle and behavioral models of the population in Russia's northern governorates. Another article reconstructs the mechanisms for organizing the supply of food and consumer goods to the population of Yakutsk Oblast under conditions of political instability in 1917–1919. The third article analyzes the problem of famine and food supply to a rear city during the Great Patriotic War. The primary sources used include memoirs, diaries, letters, and archival documents. Emphasis is placed on the functioning of the rationing system, workers' supply departments, subsidiary farms of enterprises and institutions, and the combination of rationed distribution with commercial and "black market" trade.

The third section includes eight articles. They cover the main trends in the implementation of the Soviet state's agri-food policy. The experience of the Machine and Tractor Stations (MTS) in the 1930s is analyzed – they were intended not only to solve the grain problem but also to become a key element in the modernization of the countryside. The factors and consequences of state policy on the administrative stimulation of collective farm labor in the late 1930s–1940s are identified. The role of the MTS political departments and NKVD bodies in organizing agricultural production during the Great Patriotic War is revealed. The main parameters and methods for solving the grain problem in the second half of the 1940s–1950s are investigated. The dynamics of livestock development in the second half of the 1960s are reconstructed. Two works included in the section are analytical publications of unique archival sources, reflecting data on significant losses during grain harvesting in the mid-1950s – a critical factor in the USSR's grain deficit – as well as the mechanism of political pressure from Moscow on the leadership of Kazakhstan on the eve of the virgin lands campaign.

In the two articles of the fourth section, the dynamics of the main agricultural sectors in Eastern Siberia and the Far East during the post-Soviet period are reconstructed, and the basic trends in changes in the population's consumption of staple foods and self-sufficiency in the studied regions are identified. It is stated that the consequence of the radical agrarian reform of the early 1990s was a deep agricultural crisis, which led to a sharp deterioration in food supply. The consequences of the crisis have not been fully overcome to this day. The supply of Eastern Siberia and the Far East remains critically dependent on food imports, including from China.

The fifth section presents scholarly works addressing the ethnocultural aspects of agricultural production and consumption. The opening article of the section characterizes the methods of ensuring food stability in Kazakh pastoral society in the late 19th – early 20th centuries. It demonstrates the social mechanisms for preventing famine that existed in nomadic society, which in Soviet historiography were interpreted as methods of feudal exploitation of poor clansmen by clan nobility. Another article, based on regional fiction, examines the transformation of the agricultural sector and everyday structures of the Far Eastern village under the influence of market reforms. A third article presents the results of a field survey of the current state of traditional livestock breeding in Altai Krai and the Altai Republic. The concluding work of the section provides information on the nutrition of contemporary Nenets people as one of the objects of their intangible ethnocultural heritage.

Overall, the materials included in this issue are distinguished by their diversity, both in terms of territorial and chronological scope and in the range of issues addressed. The formulation of the overall research task reflected in the issue's title – the study of ensuring food security at various stages of our country's historical development – has made it possible

to illuminate various related subjects from a new angle and to focus attention on details that had previously escaped the notice of specialists. The presented results not only underscore the importance of reconstructing historical experience in the field of food supply but also prompt serious reflection on Russia's current situation and prospects.

Executive editors:

Doctor of Historical Sciences

Vladimir Andreevich Ilyinykh,

Doctor of Historical Sciences

Evgenia Vladislavovna Komleva

Executive editor

Doctor of Historical Sciences V.A. Ilyinykh

Doctor of Historical Sciences E.V. Komleva

Executive secretary

Candidate of Historical Sciences S.V. Sharapov

Corrector

T.V. Soboleva

Layout designer

V.V. Vvedenskiy

Web designer

K.A. Vasil'ev

А.В. Белов*

**ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ПАРАДОКСА:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ И АГРАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ
СРЕДНЕРУССКОГО ГОРОДА
В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА**doi:10.31518/2618-9100-2026-4-1
УДК 94:332(470)"17"*Выходные данные для цитирования:**Белов А.В. Относительность парадокса: экономический строй и аграрный промысел среднерусского города в середине и второй половине XVIII века // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 13–25.**URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-01.pdf>*

A.V. Belov*

**THE RELATIVITY OF THE PARADOX:
THE ECONOMIC SYSTEM AND AGRICULTURAL INDUSTRY
OF THE CENTRAL RUSSIAN CITY
IN THE MIDDLE AND SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-1

*How to cite:**Belov A.V. The Relativity of the Paradox: The Economic System and Agricultural Industry of the Central Russian City in the Middle and Second Half of the 18th Century // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 13–25.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-01.pdf>]*

Abstract. The inhabitants of the Russian city in the middle and second half of the 18th century were actively engaged in various forms of agriculture. Scientists who study the city's economy (including agriculture) primarily pay attention to vegetable gardens and orchards. However, the inhabitants of the Russian city of that time, even in Central Russia, had large agricultural territories at their disposal. Using these lands, they were partly engaged in the cultivation of bread. This contradicts traditional ideas about the nature of the city's economy. Based on a wide range of sources, first introduced into scientific circulation, the author analyzes this form of economic activity of city residents in its various manifestations. It shows to what extent, in what form and for what reason the land trade has spread in the city. The author describes specific cities in Central Russia, the inhabitants of which were most actively engaged in agriculture. Special attention has been paid to the structure of urban society and the organization of urban space. The question has been raised about the contradictory nature of this phenomenon, which was generated both by the presence of certain social forms and remnants, and by the need to solve pressing problems. An assessment is given of the peculiarities of the development of the urban market and craft production, the compatibility of trade, agricultural and other forms of activity of merchants, philistinism, as well as communities of suburban settlements. Particular attention is paid to the participation of the city church in this process.

Keywords: Russian city, pre-reformation city, urban functions, agricultural industry, Central Russia, Kaluga province, Moscow province.

The article has been received by the editor on 09.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Алексей Викторович Белов**, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: belovavhist@mail.ru

Alexey Viktorovich Belov, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: belovavhist@mail.ru

Аннотация. Для хозяйства жителей русского города середины и второй половины XVIII в. характерно обращение к различным формам сельскохозяйственной деятельности. При рассмотрении данного вопроса традиционно внимание обращается в первую очередь на огороды и сады. При этом население не только «подгородных» слобод на окраинах Европейской России, но и городов центральных губерний России обладало, как правило, большими земельными владениями (выгонами), активно практикуя все формы сельскохозяйственной деятельности, включая сюда и хлебопашество, что противоречит традиционным представлениям о характере городского хозяйства. На основании широкого круга источников, впервые вводимых в научный оборот, автор анализирует данную форму хозяйственной деятельности жителей городов в разных ее проявлениях, показывая в какой степени и по какой причине присущий городскому хозяйству земельный промысел получил свое распространение, какие городские поселения двух «коренных» губерний Центральной России – Калужской и Московской, по какой причине и в какой форме его поддерживали. Особое внимание уделено структуре городского общества этого времени и организации городского пространства. Поднимается вопрос о противоречивости данного явления, которое было порождено как наличием определенных социальных форм и пережитков, так и необходимостью решать насущные задачи. Дается оценка особенностей развития городского рынка и ремесленного производства, совместимости торговой, сельскохозяйственной и иных форм деятельности купечества, мещанства, а также общин подгородных слобод. Особое внимание уделяется участию в данном процессе городской церкви.

Ключевые слова: русский город, дореформенный город, городские функции, аграрный промысел, Центральная Россия, Калужская губерния, Московская губерния.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026 г.

Как в зарубежной¹, так и в отечественной² историографической традиции до сего дня присутствует устойчивое представление о том, что город выступает в исключительной роли центра ремесла и торговли. Тем самым делается вывод, что по природе своей город противоположен деревне и ее хозяйству, сконцентрированному на аграрном секторе. Все, что выходит за рамки данного представления, объявляется, как правило, проявлением неразвитости городского хозяйства, исторической ошибкой или парадоксом. Впрочем, насколько этот парадокс был действительно парадоксом? Исследователи обращали внимание на сельскохозяйственную составляющую городского хозяйства, но при этом по преимуществу опирались на отдельные формы (в первую очередь садоводство и огородничество³), «уводя за скобки» (часто вообще не упоминая) пашню, или же формировали типологию городов исходя из степени «преимущества» деятельности их жителей («преимущественно аграрного и преимущественно промышленно-торгового центра»)⁴. В итоге за пределами анализа остается вопрос о месте и роли аграрной деятельности в хозяйстве города, а также о причинах и обстоятельствах весьма устойчивого положения этого промысла, что априори объявлялось исторической ошибкой. С другой стороны, данная тема фиксировалась в рамках рассмотрения пространства города, его структуры, но и в этом случае она не требовала поиска объяснения данного аспекта. Он лишь отмечался через определенные образы (внимание уделялось, например, символической роли центрального места (площади

¹ Божё-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов. М., 1967. С. 39.

² Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города. Факты, обобщения, аспекты. М., 2006. С. 12–13.

³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 257–299.

⁴ Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы. Л., 1990. С. 207.

и собора)⁵) или через функции, где основой опять же выступала торговля как результат хозяйственной деятельности города⁶.

В чем причина такого подхода? Оценивая и объясняя реальность давно ушедшей эпохи, исследователи последующих периодов неизбежно сравнивают ее со знакомыми формами, которые кажутся им незыблемыми, экстраполируя привычные критерии на прошлое. Мы привыкли к современному типу города. Кроме того, имеющиеся в нашем распоряжении источники убывают (как по своей численности и полноте, так и по глубине и охвату проблем) в процессе погружения в прошлое. В итоге выводы могут строиться на неизбежно ограниченном круге материалов при узком угле обзора. В полной степени это относится к хозяйственной жизни города середины XVIII в. Относительность наших знаний о нем объясняется также и характером периода, который покоится на стыке двух исторических эпох, перемежая внутри себя разные процессы и признаки.

В связи с этим большой интерес представляют данные проводимых в середине и второй половине XVIII в. в бумагах генеральных межеваний. Помимо сугубо географических и топографических описаний, они содержат большой пласт различных сведений. Исследователи обращали внимание на данный комплекс, привлекая его для рассмотрения ряда тем (источниковедческих, социально-экономических, историко-географических⁷ и др.). Нам же он интересен в первую очередь своими «Экономическими примечаниями». Это относительно обширный круг статистических материалов в большей степени описательного характера, возникших в рамках единого и не столь протяженного исторического периода, охватывающего несколько смежных регионов. При этом до наших дней дошло сразу несколько вариантов «примечаний», в том числе черновых, исходных, не суммированных позже в виде общих выводов, а также выполненных на разных этапах работы в форме сменяющих друг друга развернутых характеристик. Благодаря этим обстоятельствам данный комплекс позволяет увидеть процесс не обобщенно, а в рамках региональной и исторической конкретики, а также в ходе своего развития. Более обстоятельный и разносторонний материал приходит в руки исследователю только с развитием земской статистики, оформившейся (да и то не везде) не ранее середины следующего – XIX столетия.

В данной работе внимание будет обращено на две нечерноземные, так называемые «коренные»⁸ губернии Центральной России (Московскую и Калужскую), формирующие ядро ее исторического каркаса. Объектом выступают будущие уездные центры губерний за исключением Москвы (которая хотя и была столичной, но также имела свой уезд), получившие свои описания в середине и второй половине XVIII в., предметом – особенности организации их хозяйственной деятельности, тесно связанной с «аграрными промыслами». В основу исследования положен принцип территориального разделения функций и тесно связанный с ним функционально-сетевой подход, разработанный автором данной статьи и положенный им в основу ряда своих работ, а также требования конкретно-исторического исследования.

«Населенность» большей части городов рассматриваемых административных территорий была невелика. Основная масса их жителей состояла из бывших посадских людей, численность которых колебалась от 326 чел. в «новоучрежденном» по острой необхо-

⁵ Герасимов М.В. Городская площадь как объект идеологической трансформации в постсоветские годы: случай Томска [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 113–117. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-09.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

⁶ Раздорский А.И. Пятая международная научная конференция «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX веках» [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 240–243. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-5-23.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

⁷ Ломако Е.Л. Русский провинциальный город Екатерининской эпохи: Коломна второй половины XVIII века. Коломна, 2013; Черненко Д.А., Хитров Д.А. Сведения материалов Генерального межевания о жилой городской застройке на Севере и Северо-Западе России в конце XVIII в. [Электронный ресурс] // Историческая информатика. 2019. № 4 (30). С. 1–11. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31587 (дата обращения 01.02.2026); Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.

⁸ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 28.

димости из села Никитске, или древнем Звенигороде, который как город давно уже умер («всего на посадах 717»), до 2 625 чел. в торговом Дмитрове и 3 934 чел. в Боровске, вокруг которого успешно развивался ремесленный пригород. Основными сословными городскими группами здесь выступали купцы и мещане. При этом необходимо отметить то обстоятельство, что в составе купцов присутствовали в подавляющем числе представители низшей гильдии. Многие из них, по сути, сливались с мещанами во всех формах как повседневной жизни, так и хозяйственной деятельности. Исключение представляли общины лишь наиболее крупных центров с особенно активной хозяйственной жизнью. В первую очередь это Боровск, Калуга, Коломна и Серпухов. На каком-то этапе сюда можно было отнести еще Верею, Дмитров, Малоярославец и Козельск. Прочие же поселения и их «граждане» (если не брать в расчет такие совсем маленькие поселения, как Воротынский, Звенигород, Медынь, Никитск и Подольск) во многом были очень схожи друг с другом.

Кроме того, среди городского населения были лица из числа так называемых «преждебывших служилых людей» (городовые казаки, стрельцы и аналогичные им сословные категории). Наряду с ними при уездных центрах, выполнявших роль транспортных узлов, проживали ямщики, которые, впрочем, всегда старались держаться обособленно. Статистики второй половины XVIII в. даже предпочитали не вносить их в списки собственно горожан или делали это всегда с оговорками. В ряде случаев очень заметной частью от общего числа населения городов могли выступать представители духовенства, монахи, церковная прислуга. Имелись и дворяне, но редко численность этого привилегированного сословия достигала среди постоянного числа провинциальных городских жителей по-настоящему заметных величин.

В основу структуры пространства был положен принцип деления на несколько частей. Первая – это собственно «город» (т.е. крепость или занимаемое ею когда-то место). Второй – пригород (посады, находящиеся в непосредственной близости от этого «города»). Затем шло «предместие» – населенная и застроенная часть поселения, по сути бывший исторически устоявшийся городской посад. А также четвертая зона – территория городского выгона, земли которого принадлежали как собственно городской общине, так и отдельным, все еще состоящим при крепости-«городе» слободам. Чаще всего их жителями выступали бывшие служилые люди.

В ряде случаев число состоящих в «городской обмежеванной черте» слобод было достаточно велико. Больше всего их официально значилось за Дмитровом – девять⁹. В ходе городского развития середины и второй половины XVIII в. многие из этих уже откровенно архаических и переживших свой век территориально-сословных форм трансформировались в городские районы. Хотя некоторое отчуждение все еще наблюдалось, но уже далеко не повсеместно. Так, например, про казачьи слободы Можайска сообщалось, что «управляются они из их же выбираемыми погодно» лицами¹⁰.

Свое особое место занимала «писцовая церковная земля города», принадлежавшая монастырям и городским храмам. В ряде поселений таких участков в рамках выгона насчитывалось несколько десятков. Кроме того, упоминались и небольшие слободки крестьян, которые прежде состояли за монастырями, а иногда даже сохраняли свою к ним принадлежность. Типичный пример – «прежде бывшего Николаевского монастыря, что ныне экономического ведомства подмонастырской слободки», находившейся у окраин калужского города Перемышля¹¹.

У подавляющей части городов в рамках выгона присутствовали все пять форм хозяйственной земли: усадебная, пашня, сенной покос, лес и «неудобная». Городские луга и сенокосы были наиболее дорогими и самыми востребованными землями. По этой же причине они никогда не простаивали. По роду деятельности в первую очередь ямщики активно использовали свои выгоны. Но и луговая земля из состава посадского выгона также находилась

⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 760. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Д. 773. Л. 5.

¹¹ Там же. Д. 485. Л. 1 об.

в эксплуатации. Описания всегда содержат обстоятельные данные о качестве получаемых с нее трав и сена. Особенно ценились заливные луга, причем в первую очередь с восточного (затапливаемого) берега.

Участки лугов могли принадлежать как всей городской общине, так и отдельным ее группам и даже семьям. Так, только у купечества Серпухова значилось 84 дес. Кроме того, и у кузнецов этого уездного центра имелось 7 дес. луговой земли. Жители владели сенокосами также и за пределами городской общины, на территории уезда. Например, у жителей Лихвина (лихвинцев) был отмечен «луг Обухов Михайлы Тимофеева сына Щербачева», – где, как было отмечено, «покосы лучшие»¹².

Покосами владели и органы местной власти. В частности, у канцелярии Дмитрова значилось полдесятины. Ей же принадлежала пустошь Беленицына с 6 дес. сенных лугов и 15 дес. пашни¹³. Много сенокосных лугов на территории городского выгона относилось к конкретным городским церквям. В целом удельная масса лугов среди городского выгона была очень высока. Так, например, выгонные земли Козельска насчитывали 4 301 дес. Из них луга составляли 20 % всей площади (790 дес.)¹⁴.

Говоря о «пашенной земле», необходимо отметить, что речь идет не о категории качества, а именно об участках, на которых выращивали хлеб. Пашни выступали непременным атрибутом городской земельной собственности. У большинства поселений присутствует указание – «жители довольствуются от хлебопашества». Так, про население подмосковного Никитска (326 чел.)¹⁵ в примечаниях отмечено: «Торгу не имеют, а промышляют хлебопашеством, извозом в Москву, в оной даче ломка, с обделкою камня на месте, также жгут известь, отвозят на продажу в Москву»¹⁶. Соседний с ними город Подольск и его жители охарактеризованы так: «Торгу не имеют, а промышляют хлебопашеством»¹⁷. К этой же категории относилась и калужская Медынь (558 чел.), и другие официальные городские поселения – центры соответствующих уездов.

Наибольшую активность в деле хлебопашества проявляли живущие в своих слободах «прежних служб служилые люди». В Можайске, где значилось четыре таких слободы, у каждой из них описана собственная пашенная земля, причем находившаяся в обработке. В отношении местных жителей источники сообщают: «Питаются от хлебопашества отмежованных за ними нижевнесенных [в данном описании] земель, малое число [жителей] нанимаются под извоз и другую черную работу»; имеют «всего 180 дес. пашни»; «земля качеством <...> к плодородию около Можайска из лучших, посеянный на ней хлеб, рожь, пшеница, овес, ячмень и прочая семена родятся в отменном изобилии...»¹⁸. Не отставал от Можайска и древний Волоколамск, при котором также имелась обширная «земля владения прежних служб пушкарских детей, состоящая в грацкой (т.е. городской. – А. Б.) округе в четырех местах принадлежащих к грацкой пушкарской слободе»¹⁹. Вся сумма этих наделов насчитывает 60 дес. только пашни. При этом особо отмечалось, что «жители оной слободы» свое «жительство имеют при городе». По сути, они уже и в территориальном, и в социальном отношении слились с населением посада, промышляя при этом исключительно «хлебопашеством», а также «некоторые извозом». Кроме того, при городе состояла еще одна слобода – «прежних служб казачьих детей», владеющих «в градской округе в трех местах» 569 дес. пашни²⁰, на которой успешно выращивались рожь и овес.

При этом Волоколамск являлся бесспорным торговым центром с сильным купечеством, причем в буквальном (а не условно-сословном) понимании этого термина. Об этом сооб-

¹² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 454. Л. 245.

¹³ Там же Д. 756. Л. 3 об.

¹⁴ Там же. Д. 463. Л. 5 об.

¹⁵ Там же. Д. 779. Л. 1.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 781. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 773. Л. 7.

¹⁹ Там же. Д. 754. Л. 3 об.

²⁰ Там же. Д. 751. 1 об.

щают нам и его описания: «Жители того города большей частью купцы и имеют торг не в одном только своем городе, но и в других городах отправляют к С.-Петербургскому порту от Галицкой пристани водой хлеб, пеньку, сало и лен, а другая шерстяными шелковыми бумажными и мягкою рухлядью, холстом и прочим мелочным съестными припасами <...> Купеческие и мещанские дети в Москве принимаются в сидельцы и обучаются разным мастерством и рукоделиям»²¹.

При этом деловой настрой жителей Волоколамска давал себя знать. По крайней мере часть местных купцов арендовала выгонную землю, для обработки которой «особо» (специально) нанимали работников. «От коллегии отдается в оброк вообще с нижеописанными погостами Никольским Мокраго, Фрола и Лавра, Марьи Магдалины, Василия Кесарийского, Семи отроков и Жен Мироносиц по 17 руб. по 50 по 5 коп. в год волоколамскому купцу Василью Богатыреву, который и обрабатывает оный наемными людьми на себя»²². При этом тем же Богатыревым нанимались «в обработку» и земли, принадлежавшие городским церквям: «Лежит возле церковной земли Воскресенского собору [Волоколамска]. К плодородию изрядная <...> лучше родится рожь и овес <...> Отдается в оброк в год по 5 рублей по 30 копеек волоколамскому купцу Василию Богатыреву, который и обрабатывает наемными людьми на себя»²³.

Хлебопашество как часть хозяйства купеческого города фигурировало и в других местах. Так, в выгоне Рузы упомянута «купецкая пашенная земля». При этом особо отмечено как ее качество (признак востребованности) – «иловата и без доволнаго удабривания к плодородию неспособна», так и то, что эти участки «обрабатываются самими купцами»²⁴.

Для купцов Звенигорода, который стал в ходе губернской реформы Екатерины II одним из уездных центров Московской губернии только в связи с острой нехваткой претендентов на эту роль, хлебопашество являлось вообще главным промыслом. В выгонной земле города стояло «вымежеванной» без малого 700 дес. пашни. При этом жители, кроме того что пахали ее, также дополнительно еще и «нанимались в уезде у разных владельцев», у которых были свои земельные владения, где «землю пахут, хлеб сеют и тем большею частию прокормление [для себя] имеют»²⁵.

Свою роль в деле хлеборобства играла и церковь. Церковные владения, расположенные на городском выгоне, распахивались буквально все. Как мы уже видели, часто их брали в аренду местные городские купцы. Впрочем, и сами священники не чуждались рала и сохи. В Можайске значилась «церковная писцовая земля владения грацкой церкви Успения Богородицы состоящих в действительном служении священно и церковно служителей». От «города» (в данном случае имеется в виду – от крепости) участок находился всего на расстоянии одной версты. То есть, по сути, располагался в черте посада. В его границах числилось 10 дес. пашни и 1,4 дес. перелога, которые обрабатывали «все сами священно и церковнослужители»²⁶.

Основными культурами, выращиваемыми горожанами, были рожь и овес, которые всходили лучше всего. Кроме того, сеяли «пшеницу и прочие семена», но их урожайность характеризовалась как «средственная»²⁷. Встречался и ячмень.

Показательно, что хорошая земля, состоявшая в рамках «городской межи», всегда ценилась и не простаивала – жители распахивали даже старые кладбища. В описании непременно указывались хлеборобные качества городских погостов. Так, например, при характеристике Боровска обозначено пять кладбищ и особенно отмечено, что четыре из них стоят «на суходоле», где «земля глинистая, хлеб родится посредственно»²⁸.

²¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 752. Л. 3 об.

²² Там же. Д. 754. Л. 3.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 785. Л. 2.

²⁵ Там же. Д. 763. Л. 1 об.

²⁶ Там же. Д. 773. Л. 14 об.

²⁷ Там же. Д. 754. Л. 3.

²⁸ Там же. Д. 454. Л. 120.

Особое место в хозяйстве города занимали «капустники» (огороды). Данный вид промысла был не просто важным, но неизменным атрибутом собственно городской жизни XVIII в., а также неотъемлемой частью хозяйственного уклада русского города не только в течение Средневековья, но и Нового времени.

Все усадьбы городов имели свои огороды. Составители описаний не считали даже нужным их фиксировать. Такое положение дел для них – привычная обыденная норма. Наличие огорода особо указывается только в том случае, когда возникали какие-либо проблемы с собственностью земли или же она отличалась качеством. Так, например, в отношении огородов Коломны указывается, что здесь «грунт земли глинистой, но по удобрению ее навозом» позволяет добиться хорошего овощного плодородия и выращивать «капусту, огурцы, картофель морковь, редьку, свеклу, горох, бобы и хрен»²⁹.

Огороды – очень частый элемент не только усадебных, но и выгонных территорий. При этом данный промысел был сориентирован на массовое торговое производство. Так, например, относительно хозяйственной занятости женщин Тарусы отмечалось, что они вяжут чулки, но занимаются этим лишь «сверх полевой работы»³⁰.

Огороды были буквально у всех: отдельных лиц, семей, приходских общин и, видимо, даже у местных органов власти. Так, внутри крепостного вала города Рузы при «воевоцкой канцелярии» находилось «деревянное собственное построение воевоцкая товарища коллежского асессора Зарина да разных чинов огороды»³¹. То же самое можно было увидеть внутри границ крепости Волоколамска, где располагались воеводская канцелярия, архив, соборная церковь «да разных чинов людей огороды, в которых родится одна капуста»³².

Внутри «замка» Дмитрова жители также содержали огороды, на которых выращивали капусту, огурцы, лук, чеснок, горох, бобы, репу и морковь «для собственного употребления». Особо подчеркнуто, что имелся «при огороде копанный пруд, которой никогда не высыхает»³³. Огороды – типичный атрибут и в Калужской губернии. Так, их возделывали многие жители Перемышля, у которых «урожай овощей хороший»³⁴, что означало его вывоз на рынок, причем не всегда только на внутренний.

Продукция городских «капустников» составляла важный предмет торговли, уходя, в том числе, далеко за пределы губернии. Это относилось к слободе «прежних служб пушкарей» Боровска, которым принадлежит почти 7,5 дес., т.е. 8 га³⁵. Если перевести это в привычные нам 6 дачных соток, получится примерно 133 участка. Кроме того, и «прочие жители» (как указывалось в характеристике их деятельности) «на огородах сажают разные овощи и отвозят для продажи в степные города и в случающиеся по близости ярмарки»³⁶. В подмосковном Можайске также выращивали «капусту и огурцы», отвозя их «в великом количестве <...> на продовольствие городских и уездных жителей», а также «для соседственных городов»³⁷. При этом городские огороды традиционно и полностью снабжали своей продукцией окрестные села, население которых (т.е. «природные крестьяне») своими силами «редко где огородные овощи в довольствии имеют, а более покупают их в городе»³⁸.

Что же выращивали на «капустниках»? При разборе текста десятков описаний хорошо заметно правило, согласно которому производимая сельскохозяйственная продукция перечисляется по степени ее востребованности. В огородах чаще всего садили капусту, огурцы, редьку, свеклу, морковь и горох³⁹. Также нередко упоминается лук. Присутствуют в описании брюква, бобы, репа, тыква, хрен, чеснок и даже «земляные яблоки» (картофель).

²⁹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 767. Л. 3 об.

³⁰ Там же. Д. 490. Л. 4.

³¹ Там же. Д. 785. Л. 1.

³² Там же. Д. 754. Л. 1.

³³ Там же. Д. 760. Л. 1.

³⁴ Там же. Д. 456. Л. 81.

³⁵ Там же. Д. 454. Л. 119 об.

³⁶ Там же. Л. 120 об.

³⁷ Там же. Д. 771. Л. 2 об.

³⁸ Там же. Д. 773. Л. 2–2 об.

³⁹ Там же. Д. 752. Л. 3 об.

При этом особое место неизменно занимало массовое выращивание именно капусты (у «разных чинов людей огороды», в которых «родится» «одна капуста»⁴⁰). Неслучайно этот овощ с древнейших времен использовался для обозначения самого огорода.

В описаниях городских земель неизменно присутствуют сады. Чаще всего они фигурируют только как атрибут (правда, неперенный) городской усадьбы. Так, например, при характеристике Можайска составители особо отметили, что «при каждом посадском дворе [имеются] сады»⁴¹. Вообще Можайск дает пример типичного русского города средней полосы России с присущими ему домашними усадебными садами. Размер их небольшой, а цель разведения преследовала не столько производство (хотя присутствовало и это), сколько создание и поддержание антуража, любимого атрибута повседневной жизни. Масштабных садов в Можайске не было вообще, а те, что были, «только небольшие у обывателей насажденные». Плоды с них употреблялись на «продовольствие самих хозяев, а некоторые продают, но очень мало»⁴². В каждом посадском дворе росли яблоневые деревья, красная и черная смородина, черемуха и рябина. Реже встречались груши, барбарис и крыжовник. И совсем эпизодически – вишневые и сливовые деревья, которые, «хотя где и есть, плодов по несоответствию климату почти не носят»⁴³.

Похожая ситуация наблюдалась и в Волоколамске, где сад с плодовыми деревьями стоял в самом центре города, непосредственно в пределах оплывших крепостных валов при воеводской канцелярии. Причем особо отмечалось, что выращенные с него яблоки «собираются <...> и употребляются»⁴⁴. В Дмитрове описан сад Борисоглебского монастыря, земли которого после секуляризации отошли к экономическому ведомству, фактически став частью «окружной межи» – экономической границы города.

Впрочем, в Московской губернии встречались и значительные сады, которые выполняли ярко выраженную производственную функцию. Так, например, при описании Серпухова упомянуто «садов плодovitых 20». Причем все они никак не были связаны с отдельными городскими усадьбами⁴⁵, что говорит о форме их хозяйственного использования.

Наиболее значительная садоводческая деятельность в рамках рассматриваемого региона отмечена в Коломне. В этом большом и активном городе не только были масштабные сады, но они еще и составляли часть большого, хорошо организованного и доходного промысла. «В сем городе разведены обширные сады с плодovitыми разными деревьями, жители из яблок, вишен, крыжовнику и смородины делают сахарную пастилу с отличным искусством и отправляют для продажи в Москву, в Санкт-Петербург и другие города»⁴⁶. С опорой на эту производственную базу в Коломне успешно развивался и промысел местной пастилы.

В документах также встречается указание на наличие в городах скотоводства и птицеводства. Однако применительно к рассматриваемым губерниям данная отрасль не имела не только значительного, но даже хоть сколь-нибудь заметного распространения. Это не означает, что местные жители не держали в своем хозяйстве домашнюю скотину и птицу. Слоняющиеся по улицам городов свиньи и коровы были обязательным и хорошо узнаваемым атрибутом городского пейзажа – настолько характерным, что попали даже на полотно картины М. Добужинского «Город в николаевское время», созданной в качестве наглядного учебного пособия для гимназий.

Живность, безнаказанно болтавшаяся и валявшаяся на улицах и площадях губернской Калуги (к тому же выполнявшей в 1770–1780-е годы роль не только губернского центра, но и генерал-губернаторской столицы!), воспринималась как само собой разумеющееся явление. По словам главы края тех лет М.Н. Кречетникова, «сие было в величайшей

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 754. Л. 1.

⁴¹ Там же. Д. 773. Л. 2.

⁴² Там же. Л. 2–2 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Д. 754. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 786. Л. 1 об.

⁴⁶ Там же. Д. 767. Л. 3.

привычке»⁴⁷. Аналогичная ситуация наблюдалась на рубеже XVIII–XIX вв. и в другом крупнейшем центре страны – Ярославле, где, по свидетельству документов местного магистрата, «от свиней народу, а паче молодым детям опасность велика есть»⁴⁸.

Однако такое положение дел было связано не с масштабом развития скотоводства среди горожан, а с их отношением к «питательному» потенциалу городского пространства. Обыватели, выражаясь языком отчета генерал-губернатора Калужского края М.П. Кречетникова, «пользовали»⁴⁹ пространство своего поселения для выпаса домашней живности. Во избежание дополнительных трат для этой цели в ход шло буквально всё – от заросших травой оврагов, ручьев и пустырей до обочин улиц и дорог. Такое положение дел (или точнее сказать – негласное правило) было характерно и для других городов, причем как в дореформенное, так и в пореформенное время, и даже в официально «столичной» Москве⁵⁰.

При этом в рамках уездных центров Московской и Калужской губерний вся имеющаяся во дворах живность содержалась только семьями и только для собственного употребления и, как правило, в небольшом числе. Экономические примечания сообщают, что в далеко не бедном Волоколамске местные жители «держат коров, а некоторые и овец, но токмо в малом количестве»⁵¹. В Клину «имеют для своего употребления» в домах коров, свиней, овец, коз, птиц, гусей, индеек, уток и кур. При этом чаще всего горожане содержали свиней⁵².

Соотнося исторический путь города и особенности его структуры, становится очевидным, что наличие угодий изначально было заложено в самой структуре поселения, сохранявшего черты предшествующего исторического периода. Данное обстоятельство поддерживало условия для наличия здесь сельскохозяйственных промыслов и не в последнюю очередь – хлеборобства. Такому положению дел способствовала и сохраняющаяся социальная структура, уже архаичная и пережившая свой век, но все еще устойчивая в силу традиции и слабых внутренних стимулов для активизации развития. Необходимость ее оптимизации под требования Нового времени (как и всего городского строя страны) была осмыслена и реализована в правление Екатерины II, что выразилось в городской (социальной) реформе и реформе города (преобразования его под требования исполнения роли административного центра).

Впрочем, необходимо отметить, что заинтересованное участие населения городов в сельскохозяйственной деятельности выступало далеко не только рудиментом, но и имело вполне рациональное содержание в рамках тех условий, в которых пребывала страна на данном историческом этапе. В связи с этими обстоятельствами развитие сельского хозяйства можно считать неизбежной составляющей городского хозяйства, обусловленной рядом фундаментальных причин.

Так, например, абсолютное господство личного гужевого транспорта делало неизбежным наличие в руках местных жителей обширных сенокосов. Причем подобного рода угодья должны были находиться в распоряжении не только всей городской общины, но и каждой отдельной семьи и учреждения, включая любую приходскую церковь. Раздача церквям луговых участков была (пользуясь современной терминологией) аналогом распределению талонов на бензин среди служебных машин. С той только разницей, что луг надо было косить самостоятельно.

Наличие пашен в стране, пребывавшей в состоянии неустойчивой продовольственной безопасности, было оправдано требованиями в буквальном смысле выживания. Причем выживания как важнейшего фактора национальной истории России, который во многом определял как бытие, так и сознание ее жителей. К сожалению, данный аспект не только мало изучен, но и не осмыслен. Наличие в хозяйстве семьи собственного хлеба (главного продукта питания!), а также возможность его вырастить усиливали гарантию наступления

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 729. Ч. III. Л. 76 об.

⁴⁸ Исторический очерк истории Ярославля, составленный действительным членом Ярославской ученой архивной комиссии И. Барщевским // История губернского города Ярославля. Ярославль, 2006. С. 244.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729. Ч. I. Л. 199 об.

⁵⁰ Богатырев П.И. Московская старина // Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989. С. 121.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 752. Л. 3 об.

⁵² Там же. Д. 772. Л. 5.

завтрашнего дня. И горожане в этом деле (как отмечалось статистиками неоднократно), естественно, были весьма «рачительны».

Сюда же нужно отнести и огородный промысел. Трудности с производительным сельским хозяйством диктовали жесткую специализацию деревни, собравшей все силы на хлебопашестве. Неудивительно, что разный «овощ» у посадских активно скупали «соседствующие» с городом крестьяне. Города, обладавшие необходимыми условиями, уверенно занимали место производителей огородной продукции. Причем продукции массовой, рассчитанной всегда на большой сбор и продажу не только на местном уездном рынке, но и на транспортировку в удаленные города и регионы. Тем более что основным элементом огородного промысла – капуста – выступал основой как продовольственной корзины, так и культуры питания огромной страны. Как видим, поговорка «щи да каша – пища наша» совсем не случайна.

В этом отношении понятно и слабое, точнее сказать подсобное, развитие скотоводства и тем более садоводства, требующих иных природно-климатических условий. Впрочем, есть и исключение – Серпухов и особенно Коломна. Последнюю отличали мощный рынок и активная торгово-хозяйственная деятельность. В результате ее жители не только устроили обширные сады, но и превратили их в общем-то непритязательную продукцию в ходовой товар в результате переработки.

Впрочем, в вопросе городского земледелия, и в первую очередь хлеборобства, наблюдалась и важная социальная (и при этом архаическая) составляющая. Несложно заметить, что особое «радение» к пашне выказывали в большей степени жители слобод, «прежних служб казаков, стрельцов и пушкарей». Защищая южные границы страны, пространные и открытые, они были воинами, которые получали за свой труд в качестве жалования не столько деньги, сколько земли и угодья, обеспечивающие их существование. Тем более на юге, где, несмотря на угрозу, черноземные пашни отличались гораздо большим плодородием, чем среднерусские суглинки или северо-западные болота. Естественно, что стрельцы, казаки и пушкарники поколениями держались за свое законно приобретенное имущество и «пользовались» его.

Вместе с тем и граница, и сословная система, породившая служилые слободы, которые не столько входили в посад города – полифункционального центра, сколько всего лишь примыкали к такому городу-«крепости», все более уходили в прошлое. Как уходил в прошлое и сам город-«замок». Данное обстоятельство и породило масштабные екатерининские реформы второй половины XVIII в., целью которых было собрать из имеющегося наследия «общество градское», соответствующее требованиям в буквальном смысле уже «Нового времени».

Развитие рынка в городах, пусть и не повсеместное, все же давало себя знать. Купцы не только сами упражнялись в земледелии, но нанимали новые участки пашни и людей для их обработки⁵³. Причем подобная форма данной предпринимательской деятельности была присуща и представителям иных сословий. В частности, упоминавшегося в источнике волоколамского протопопа, арендовавшего на территории городского выгона участок размером без малого в одну десятину для обработки его «наемными людьми на себя»⁵⁴.

Население ряда городов (в основном старые и развитые центры) – Коломны, Серпухова, Малоярославца – было активно занято в торговом промысле. Так, по отношению к деятельности купцов последнего статистики вообще не упоминали сельскохозяйственные занятия, но отмечали, что живут в нем «большой частью купцы», которые «имеют торги не в одном токмо своем, но и в других городах»⁵⁵. В Коломне на базарах активно торговали женщины, чего не было больше нигде и о чем не без удивления сообщали статистики. При описании Клина в примечаниях было отмечено полное отсутствие здесь пашни, несмотря на исключительное плодородие почв, которое именуют не иначе как «черноземом»⁵⁶.

⁵³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 754. Л. 3.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Д. 454. Л. 68.

⁵⁶ Там же. Д. 764. Л. 3 об.

На имевшемся материале хорошо видно, что ремесленное производство не связано с городом. Точнее, оно ориентируется только на крупные городские рынки: в небольших центрах пребывает только по степени необходимости, а при крупных дает обильные ростки даже в окрестных селах, как это было, в частности, в Боровске. Находящееся вблизи него село Рождественна, населенное крестьянами, отличалось тем, что местные жители, находившиеся на «положенном оброке», «не столько упражняются в хлебопашестве, как в разных промыслах: в кузнечном, слесарном, резном, иконописном, женщины ткнут холст и сукна для домовых расходов и на продажу»⁵⁷.

«Граждане» (горожане) всегда старались пристраиваться к промыслу, но промысел этот был далеко не всегда производственный. Главным выступала его доступность, а также доходность. И часто это плодородная земля, которой в других местах не было. Поэтому почти везде, где есть сильная община и богатые почты, есть и пашня. Если город к тому времени ослабел, то местные жители искали пропитание вне его владений. В случае, когда поблизости проходил важный торговый путь, они были заняты в его обслуживании; если неподалеку залежали природные ископаемые – участвовали в их добыче и обработке («с обделкой камня на месте, также жгут известь, отвозят на продажу в Москву»⁵⁸). «Граждане» таких городов хватались за ту работу, которую им предоставляли обстоятельства места и времени: транспортировка, обслуживание транспортировки, отходничество, добыча и обработка природных ископаемых, мелкая «выменочная торговля» внутри уезда.

Так, тарусяне промышляли «хлебопашеством», «работой на фабриках», а также «ходили» на стругах и нанимались «в сидельцы и целовальники»⁵⁹. В пригородах уездных центрах жители шли на кирпичные заводы, искали работу в питейных домах «по найму»⁶⁰. Необходимо отметить, что развитие крупного мануфактурного производства в эти годы не выступало сколько-нибудь обязательной и заметной чертой хозяйства. Не было оно ни-суще и наиболее развитым губернским центрам, например Ярославлю, находившемуся на пространстве формирующегося Центрального промышленного региона и тесно связанного с Волгой – важнейшей речной артерией страны. Однако и его жителями (даже в начале XIX в.) мануфактура «воспринималась <...> как что-то чуждое, противное общегородской жизни»⁶¹.

Насколько такое положение дел можно считать слабостью и неразвитостью русского города как такового? Любое однозначное утверждение, базирующееся на сугубо теоретическом построении, оторвано от реальности. Рассматривать такое сложное и хронологически протяженное явление, как русский город (тем более город дореформенный, находящийся на стыке кардинально разных эпох и процессов), возможно только в рамках конкретно-исторического подхода с учетом реалий конкретного исторического времени и места. Данное обстоятельство нередко не берется в расчет или же просто опускается в крупномасштабных исследованиях академического профиля.

Литература

Божё-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов. М.: Прогресс, 1967. 424 с.

Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города. Факты, обобщения, аспекты. М.: ИРИ РАН, 2006. 416 с.

Герасимов М.В. Городская площадь как объект идеологической трансформации в постсоветские годы: случай Томска [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 111–121. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-09.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 454. Л. 121 об.

⁵⁸ Там же. Д. 779. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Д. 454. Л. 172 об.

⁶⁰ Там же. Д. 456. Л. 1.

⁶¹ Обнорская Н.В. Эволюция предпринимательской деятельности ярославских купцов в сфере производства и сбыта тканей в конце XVIII – начале XX века [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 193. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-13.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.

Ломако Е.Л. Русский провинциальный город Екатерининской эпохи: Коломна второй половины XVIII века. Коломна: Лига, 2013. 398 с.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М.: МГУ, 1965. 312 с.

Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.

Обнорская Н.В. Эволюция предпринимательской деятельности ярославских купцов в сфере производства и сбыта тканей в конце XVIII – начале XX века [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 191–199. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-13.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

Раздорский А.И. Пятая международная научная конференция «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX веках» [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 240–243. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-5-23.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

Черненко Д.А., Хитров Д.А. Сведения материалов Генерального межевания о жилой городской застройке на Севере и Северо-Западе России в конце XVIII в. [Электронный ресурс] // Историческая информатика. 2019. № 4 (30). С. 1–11. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31587 (дата обращения: 01.02.2026).

References

Bozho-Garn'e, J., Shabo, G. (1967). *Ocherki po geografii gorodov* [Essays on The Geography of Cities]. Moscow, Progress. 424 p.

Chernenko, D.A., Hitrov, D.A. (2019). Svedeniya materialov General'nogo mezhevaniya o zhiloy gorodskoy zastroyke na Severe i Severo-Zapade Rossii v kontse XVIII v. [Information from the General Survey Materials about Residential Urban Development in the North and North-west of Russia at the End of the 18th Century]. In *Istoricheskaya informatika*. No. 4, pp. 1–11. Available at: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31587 (date of access 01.02.2026).

Gerasimov, M.V. (2021). Gorodskaya ploshchad' kak ob'ekt ideologicheskoy transformatsii v postsovetskie gody: Sluchay Tomska [The City Square as an Object of Ideological Transformation in the Post-Soviet Years: The Case of Tomsk]. In *Istoricheskii kuryer*. No. 6 (20), pp. 111–121. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-09.pdf> (date of access 01.02.2026).

Kornilov, A.A. (1993). *Kurs istorii Rossii XIX veka* [The Course of Russian History of the 19th Century]. Moscow, Vysshaya shkola. 446 p.

Lomako, E.L. (2013). *Russkiy provintsial'nyy gorod Ekaterininskoy epokhi: Kolomna vtoroy poloviny XVIII veka* [Russian Provincial City of The Catherine Era: Kolomna in The Second Half of The 18th Century]. Kolomna, Liga. 398 p.

Milov, L.V. (1965). *Issledovanie ob "Ekonomicheskikh primechaniyakh" k General'nomu mezhevaniyu (K istorii russkogo krest'yanstva i sel'skogo khozyaystva vtoroy poloviny XVIII v.)* [A Study on the "Economic Notes" to the General Land Survey (On the History of the Russian Peasantry and Agriculture in the Second Half of the 18th Century)]. Moscow, MGU. 312 p.

Milov, L.V. (1998). *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow, ROSSPEN. 573 p.

Mironov, B.N. (1990). *Russkiy gorod v 1740th–1860th gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* [A Russian City in the 1740th and 1860th: Demographic, Social, and Economic Development]. Leningrad, Nauka. 272 p.

Obnorskaya, N.V. (2023). Evolyutsiya predprinimatelskoy deyatel'nosti yaroslavskikh kuptsov v sfere proizvodstva i sbyta tkaney v kontse XVIII – nachale XX veka [The Evolution of the Entrepreneurial Activity of Yaroslavl' merchants in the Field of Production and Sale of Fabrics in the Late 18th – Early 20th Century]. In *Istoricheskiy kuryer*. No. 5 (31). pp. 191–199. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-13.pdf> (date of access 01.02.2026).

Razdorskiy, A.I. (2022). Pyataya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya “Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XX vekakh” [The Fifth International Scientific Conference “Trade, Merchants, and Customs in Russia from the 16th to the 20th Century”]. In *Istoricheskiy kuryer*. No. 5 (25), pp. 240–243. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-5-23.pdf> (date of access 01.02.2026).

Vodarskiy, Ya.E. (2006). *Issledovaniya po istorii russkogo goroda. Fakty, obobshcheniya, aspekty* [Research on The History of the Russian City. Facts, Descriptions, Aspects]. Moscow, IRI RAN. 416 p.

Г.Н. Ульянова*

**ОВОЩИ В ПОТРЕБЛЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ
В 1800-Е–1850-Е ГОДЫ: ТОРГОВЛЯ, ПРОМЫСЛОВЫЕ
ОГОРОДЫ, ВНЕШНИЕ ПОСТАВКИ****doi:10.31518/2618-9100-2026-4-2
УДК 94:332(470-25)"1800/1859"*Выходные данные для цитирования:**Ульянова Г.Н. Овощи в потреблении жителей Москвы в 1800-е–1850-е годы: торговля, промысловые огороды, внешние поставки // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 26–51. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-02.pdf>*

G.N. Ulianova*

**VEGETABLES IN THE CONSUMPTION OF MOSCOW
RESIDENTS, 1800S–1850S: TRADE, COMMERCIAL MARKET
GARDENS, AND EXTERNAL SUPPLIES**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-2

*How to cite:**Ulianova G.N. Vegetables in the Consumption of Moscow Residents, 1800s–1850s: Trade, Commercial Market Gardens, and External Supplies // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 26–51.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-02.pdf>]*

Abstract. The article focuses on the issue of the history of vegetable consumption by Moscow residents in the first half of the 19th century that remains relatively unexplored. The study chronologically covered the period from the 1800s to the 1850s. The article is based on various archival and published sources, primarily on materials from the Central State Archive of the City of Moscow, such as reports of trade in Moscow, the vegetable prices on Moscow markets, agreements of gardeners on the lease of garden land, as well as the published reports of the Moscow Police Chief with information about the markets where vegetable goods were traded, the catalog of the 1852 exhibition of rural production, the newspaper ‘Moskovskie vedomosti’ and others. Moscow, situated in the centre of the European part of Russia, was the main trading centre and a city of high level of everyday consumption of food products, because its population grew rapidly in the first half of the 19th century – from 275 thousand people in 1811 to 312 thousand people in 1833 and up to 350 thousand people in 1847. Providing the population with food in a megalopolis required a vast and extensive trade infrastructure that operated on a daily basis and included a segment of the vegetable trade, since vegetables were an item of daily demand. Special attention is paid to the functioning of commercial vegetable gardens that provided Moscow markets with fresh vegetables. According to the calculations of statistician V. Androssov, in the early 1830s the area of these gardens, located in a wide strip on the urban outskirts, and sometimes in the center, was one sixth of the Moscow area. According to police statistics of 1847, it was identified the estate (soslovie) stratification of the gardeners, among whom peasants prevailed, mostly state-owned and landlords’ peasants, who were released to the capital to earn money – they presented two thirds of the cohort (more than 80 persons). The gardeners group also included merchants, burghers (meshchane), an official, a soldier and soldier wives. The essay also shows that external supplies played an important role in the vegetable supply of the city, that is, the delivery of vegetables to Moscow markets by peasants from Moscow, Kaluga, Vladimir and other provinces.

Keywords: vegetables, trade, vegetable gardening, commercial market gardens, 19th century Russian History, Imperial Russia, Moscow.

* **Галина Николаевна Ульянова**, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: galina.ulianova@gmail.com

Galina Nikolaevna Ulianova, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: galina.ulianova@gmail.com

** Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2025-0009 «Социально-экономические и социально-политические вопросы в истории России IX–XXI вв.», НИОКТР 125022002767-8)

The article has been received by the editor on 11.05.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье освещен вопрос об истории потребления овощей жителями Москвы в период с 1800-х и до 1850-х годов. Эта тема до сих пор оставалась малоисследованной. Статья написана на основе обширного комплекса архивных и опубликованных источников, прежде всего на выявленных в Центральном государственном архиве г. Москвы материалах ведомостей о торговле в Москве, ведомостей о ценах на овощи на московских рынках, договоров огородников об аренде огородной земли, а также опубликованных отчетов московского обер-полицмейстера со сведениями о рынках, где велась торговля овощным товаром, каталога выставки сельских произведений 1852 г., газеты «Московские ведомости» и др. Находясь в центре Европейской части России, Москва была главным торговым центром и городом с высоким уровнем ежедневного потребления пищевых продуктов, поскольку ее население в первой половине XIX в. стремительно росло – от 275 тыс. чел. в 1811 г. до 312 тыс. чел. в 1833 г. и до 350 тыс. чел. в 1847 г. Обеспечение населения съестными припасами в мегаполисе требовало пространной и разветвленной инфраструктуры торговли, функционировавшей ежедневно и включавшей сегмент продажи овощей, являвшихся продуктом повседневного спроса. Особое внимание посвящено функционированию промысловых огородов, снабжавших московские рынки свежими овощами. По подсчетам статистика В. Андрossoва, в начале 1830-х годов площадь этих хозяйств, опоясывающих город широкой полосой на городских окраинах (а иногда находившихся и в центре), составляла одну шестую территории Москвы. По данным полицейской статистики 1847 г. была установлена сословная стратификация хозяйствующих огородников, среди которых преобладали крестьяне, главным образом государственные и помещичьи, отпущенные в столицу на оброк – они составляли две трети когорты (более 80 чел.). В числе огородников были также купцы, мещане, чиновники, солдаты и солдатки. В статье отмечено, что важную роль в снабжении города играли внешние поставки, т.е. привоз овощей на московские рынки крестьянами Московской, Калужской, Владимирской и других губерний.

Ключевые слова: овощи, торговля, огородничество, промысловые огороды, история России XIX века, имперская Россия, Москва.

Статья поступила в редакцию 11.05.2026 г.

Введение. Для изучения сферы потребления продуктов питания и розничной торговли, пока еще мало изученной для периода XIX в., большое значение имеет работа Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса»¹. В книге впервые был собран и проанализирован обширный материал о земледелии, садоводстве и огородничестве, животноводстве – тех отраслях, которые кормили население большой страны. Представленные в книге Л.В. Милова эмпирические данные и выводы автора позволяют понять процесс и особенности доставки продуктов питания в Москву (и отчасти способов их консервации и хранения), региональную специализацию в выращивании зерновых культур, овощей и фруктов, особенно в сопредельных среднерусских губерниях, а также в Центрально-Черноземном районе, откуда тоже поставлялись съестные продукты.

В последние годы исследовательский интерес к истории потребления съестных продуктов в XIX в. усилился. Появился ряд содержательных работ, среди которых есть исследования о промысловом огородничестве горожан и возделывании других овощных

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

культур на продажу². В работах современного ростовского историка А.Г. Морозова рассмотрен вопрос об опыте ростовских огородников в Москве³.

Что касается изучения потребления москвичей, то результаты содержатся в серии моих статей о торговле, в том числе зерном и мукой, а также мясом, в Москве в первой половине XIX в.⁴ Представляемая вниманию читателей статья, таким образом, продолжает начатые ранее исследования.

Однако в целом вопрос о торговле в Москве – источниках и путях поступления товаров и их приобретения потребителями через систему розничной торговли – пока находится на начальной стадии изучения.

В законодательстве область торговли овощами и фруктами обозначалась так: «Фрукты, ягоды, овощи и зелень» (здешнего произрастения и варенья), отдельной строкой выделялись «капуста, огурцы и другие здешние овощи квашенные»⁵. Эти же формулировки повторены в предписаниях Московской городской шестигласной думы и Казенной палаты, в частности в «Росписании товаров, которые принадлежат торгу в Москве московских мещан без купеческих свидетельств и крестьян по свидетельству 4-го рода и какими могут торговать крестьяне без торговых свидетельств, а за один только платеж в городские доходы акциза».

Среди торговцев овощным товаром были купцы, мещане, крестьяне. Крестьяне, живущие в Москве – а в изучаемый период помещичьи, дворовые и казенные крестьяне, составляли до 60 % городского населения – активно занимались торговлей (наряду с купцами и мещанами), среди торгующих их насчитывалось 35–40 %.

По Уставу г. Москвы, изданному в 1799 г., крестьянам дозволялось заводить лавки трех родов (в зависимости от объема продаж и ассортимента): за первый род платить в городскую казну 100 руб. и торговать иностранными и российскими овощами, чаем, кофе и сахаром; за второй род платить 50 руб. и торговать иностранными и российскими овощами (но не чаем, кофе и сахаром); за третий род платить 25 руб. и торговать только российскими съестными припасами⁶. Таким образом, в первой половине XIX в. осуществлялся строгий надзор за тем, чтобы крестьяне вели дело легально с уплатой акциза.

В указе Александра I «О городских доходах и расходах», изданном 23 февраля 1806 г. с целью регулирования городских повинностей, среди товаров, которыми дозволялось торговать крестьянам, были «садовые, огородные и полевые овощи, семена, корни и травы»⁷.

Топография торговли: где в Москве торговали овощами. Важнейшим источником питания горожан были овощи и фрукты из собственных садов и огородов. Но эти продукты удовлетворяли потребность только частично и преимущественно в летние месяцы. Помимо

² Рянский Л.М. Новые явления в сельскохозяйственном производстве крестьян черноземных губерний в первой половине XIX в. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 4. С. 217–219; Меженина О.В., Щеглов С.Г. Сельскохозяйственная деятельность мещан в городах Томской губернии в первой половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3-2. С. 159–164; Роднов М.И. К истории отечественного бахчеводства в XIX – начале XX века (по материалам Оренбургской и Уфимской губерний) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. № 2. С. 89–120; Пожарская К.А., Бугрова Е.А. Огородничество в системе хозяйствования крестьян Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.: трудовые традиции и аграрные практики // Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 6. С. 38–46.

³ Морозов А.Г. Оброк ростовских крестьян в конце XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам вотчинных архивов Орловых, Голицыных, Паниных) // История и культура Ростовской земли. 2009. Ростов, 2010. С. 236–245; Морозов А.Г. Ростовские огородники в Москве в конце XVIII – середине XIX века // Московские поставщики: история в лицах. Вып. II. М., 2021. С. 188–195.

⁴ Ульянова Г.Н. Хлебная торговля в Москве в первой половине XIX в.: доставка зерна, муки и круп по водным путям [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 11–23. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-01.pdf> (дата обращения: 05.05.2026); Ульянова Г.Н. Торговля мясом в Москве в первой половине XIX века: доставка, продажа, цены // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н.В. Козловой: сб. науч. ст. Труды исторического факультета МГУ. Сер. II: Исторические исследования. Вып. 163. М., 2023. С. 168–186.

⁵ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 14. Оп. 9. Д. 175. Л. 20; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I. Т. XXIX. № 22030. Приложение под литерой «Б».

⁶ ПСЗ I. Т. XXV. № 18822. Гл. V. § 6.

⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 175; ПСЗ I. Т. XXIX. № 22030.

этого, москвичи делали значительные закупки на городских рынках. Торговая инфраструктура Москвы была устроена следующим образом. Город был разделен на 20 (с 1829 г. по именному императорскому указу, озаглавленному «О новом разграничении городских частей в Москве»,⁸ – на 17) административно-полицейских частей.

Торговые лавки были трех основных типов.

Во-первых, значительные торговые помещения находились в центре Москвы, близ Красной площади и Кремля, в Городской части (в просторечье называемой «Город»). Городская административно-полицейская часть включала Китай-город, являвшийся преимущественно районом торговли и контор крупных коммерческих фирм, а также примыкавшие к нему кварталы Зарядья (название местности произошло от ее местонахождения «за [торговыми] рядами») где были жилые кварталы, ремесленные заведения, а позже фабрики.

В Китай-городе имелись постоянно действующие торговые ряды в каменных стационарных зданиях – к крупнейшим торговым строениям принадлежали Гостиный двор, Верхние и Средние торговые ряды. В Китай-городе шла главным образом оптовая и в меньшей степени розничная торговля. В основном тут продавали промышленные и ремесленные товары (ткани, металлоизделия – столовую утварь и замки, готовую одежду, посуду, москательный товар и др.). Также в ежегодных «Ведомостях о торговцах» (составляемых с 1825 г. после реформы Е.Ф. Канкрин) упоминаются овощные оптовые лавки, о которых будет сказано ниже. Проведенные нами ранее статистические подсчеты по купеческим ревизским сказкам V ревизии показали доминирующую роль Китай-города в московской торговле – в 1795 г. здесь торговало 46 % всех московских купцов (или 1 246 чел.)⁹. Помимо Китай-города, остальная торговля была рассредоточена по всей городской территории.

Во-вторых, на периферии города, т.е. в каждой из 19, затем 16 (за исключением Китай-города) административных частей Москвы, на главных площадях находились крупные стационарные, построенные из камня рынки – торговля там шла круглогодично и ежедневно. На примыкавшие к этим рынкам открытые площадки трижды в неделю по торговым дням (среда, пятница, воскресенье) приезжали огородники-москвичи и подмосковные крестьяне, чтобы торговать овощами «с возов», как это обозначалось в официальных документах. Как указано в помесечных ведомостях о ценах 1846 г., с возов продавали такие овощи – капусту свежую (по сезону – в сентябре, октябре, ноябре), огурцы свежие (по сезону – в августе, сентябре), картофель, капусту квашеную, репчатый лук, морковь, свеклу, репу, редьку. «Из лавок» продавали соленые огурцы, мяту русскую и немецкую, репу зимой.

Ряд рынков для торговли товарами каждодневного спроса, включая съестные припасы, был устроен на так называемых «казенных площадках», принадлежавших городу и размещавшихся по линии Земляного вала (в войну 1812 г. во многих местах разрушенного)¹⁰. Тут велась торговля печеным хлебом, овощами и другими товарами первой каждодневной жизненной потребности.

А в-третьих, овощи также можно было купить во множестве отдельно стоящих лавочек и лавок в первых этажах домов в жилых кварталах – эти торговые места были разбросаны по всему пространству Москвы. Так называемые «овощные лавки» по проведенным в ходе исследования подсчетам составляли примерно одну пятую часть всех торговых заведений.

Например, в 1827 г. в Арбатской части насчитывалось всего 237 торговых мест¹¹. Съестные товары продавались в 105 лавках (что составляло 44 %), из них овощных лавок – 33 и «зеленных погребов» – 5. Овощная торговля в Арбатской части была сосредоточена в руках купцов 3-й гильдии (20 чел.) и помещичьих крестьян (14 чел.), мещан же было всего 4 чел.

⁸ ПСЗ II. Т. IV. № 3230.

⁹ См.: Ульянова Г.Н. Предпринимательская деятельность московского купечества по данным ревизских сказок и «Очередной книги» (1795–1801 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2016. № 22. Вып. 40. С. 108–116.

¹⁰ Земляной вал – возведенная в конце XVI в. линия укреплений средневековой Москвы. Представляла собой земляной вал со рвами с обеих сторон и окаймляла Москву в виде кольца протяженностью около 30 км. Ныне на месте Земляного вала – Садовое кольцо.

¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 255. Л. 1–39.

Такой сословный профиль торговцев, видимо, был связан с необходимостью наличия минимальных свободных капиталов для закупки товара (как у купцов 3-й гильдии) или с наличием связей с сельскими поставщиками товара (как у помещичьих крестьян).

В Басманной части в 1827 г. насчитывалось всего 127 торговцев¹², из которых снесь продавали 45 чел., овощных лавок было 22. В Мясницкой части в 1846 г. из 256 действующих лавок 49 были овощными¹³.

Торговать в Москве овощами могли московские купцы (по взятому на каждый год торговому свидетельству с уплатой гильдейского сбора), мещане (они торговали без взятия свидетельства) и крестьяне (по свидетельствам так называемого «4-го рода») – две последние категории ежегодно платили акциз. Особой категорией были подмосковные крестьяне, приезжавшие в Москву торговать «с возов» выращенными ими огородными овощами в базарные дни – среду, пятницу и воскресенье¹⁴.

Рассмотрим далее подробнее, как производилась торговля.

Если выделить группу торговавших в Китай-городе известных купеческих семей, то по архивным документам удалось установить, что огромные состояния в первой половине XIX в. смогли приобрести содержавшие «овощные лавки» (где продавались овощи, а также специи, чай и сахар) такие известные московские купеческие династии, как Куманины, Карзинкины, Усачевы, Кукины, Перловы. Они имели лавки для оптовой торговли в Гостином дворе и состояли в первых двух гильдиях московского купечества, что свидетельствовало о больших объемах торговых операций.

Например, такие овощные лавки-амбары находим в «Ведомости торговцев Гостиного двора» за 1825 год. «Овощным товаром» торговал московский купец 2-й гильдии Афанасий Якимович Кукин. На этих продажах он нажил большое состояние, а семья приобрела общественное влияние, что выразилось в избрании его сына Кирилла Афанасьевича Кукина московским городским головой на срок 1852–1855 гг.

Среди других лиц, продававших «овощной товар», были купцы 1-й гильдии братья Василий и Петр Николаевичи Усачевы (в трех лавках), братья Карзинкины (в трех лавках), купец 2-й гильдии Василий Алексеевич Перлов (в двух амбарах), купец 1-й гильдии Иван Иванович Борисовский, купец 2-й гильдии Дмитрий Федорович Боткин, «первостатейный» купец Константин Алексеевич Куманин¹⁵. Последний был московским городским головой в 1825–1827 гг.

Но эти оптовые лавки с амбарами следует включать в число овощных с известными оговорками, поскольку в первой четверти XIX в. в указанных торговых помещениях велась торговля не столько огородными овощами, сколько чаем, сахаром, специями, бакалейным товаром. Это выяснилось из описи имущества, которое потерял в пожаре Москвы в 1812 г. купец Андрей Сидорович Карзинкин. В описи перечислены товары, находившиеся «в кладовых и амбарах»: чай черный, зеленый и цветочный, кофе, сахар, перец, миндаль, гвоздика, пшено, осетровый клей, сахарное варенье, прованское масло, лимонный сок, ренский уксус¹⁶.

Всего же в Гостином дворе было 442 лавки (часть из них «стояла впусе»). Из них оптовая торговля съестными припасами велась в 53 лавках, в том числе овощной товар продавался в 39 лавках (а с лавками, где продавали лимоны, – в 42). Для окончательного суждения о торговле «овощным товаром» в Китай-городе необходимо дальнейшее изучение ассортимента товаров, продаваемых в каждой из «овощных» лавок.

Рассмотрим далее, как функционировала торговля на крупных стационарных рынках и больших торговых площадях.

Действовавшие круглогодично или сезонно крупные рынки, где можно было приобрести зелень, овощи и фрукты, выращенные в Москве на промысловых огородах или

¹² ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 295. Л. 1–21.

¹³ Там же. Оп. 10. Д. 4055. Л. 1–96.

¹⁴ Там же. Оп. 9. Д. 175. Л. 18–18 об.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 143. Л. 2–4, 26, 29 об., 39 об., 42 об., 44 об., 61, 62, 64.

¹⁶ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные Петром Ивановичем Щукиным. Ч. 3. М., 1898. С. 70–71.

привезенные крестьянами из Московской и близлежащих губерний, имелись в каждой из административных частей Москвы. Рынки были стационарные, действовавшие ежедневно, и такие, которые работали по средам, пятницам и воскресеньям.

Стационарная торговля велась в капитально выстроенных торговых рядах (как с закрытыми, так и с открытыми прилавками), а также располагалась на специально приспособленных площадях, где могли стоять деревянные ряды с прилавками (так называемые «шалаши») и по базарным дням выстраивались крестьянские возы с товаром.

Имеется статистика за ряд лет о количестве рынков. Например, в 1796 г. было 35 «торговых мест, называемых рынками»¹⁷. В последующие годы по полицейской статистике рынков числилось: в 1838 г. – 26 «рынков со съестными припасами» (в них лавок 244); в 1840 г. – 42 рынка со съестными припасами (лавок – 395); в 1842 г. – всех рынков 35 (в это число включены рынки не только со съестными припасами), в 1847 г. – 40 рынков¹⁸. Не исключено, что снижение числа торговых мест в 1842 г. было вызвано неурожаем рубежа 1830–1840-х годов.

Рассмотрим подробнее, на каких рынках велась продажа овощей.

В 1806 г. московский военный губернатор Тимофей Иванович Тутолмин с целью урегулирования торговли приказал сообщить ему сведения, «сколько состоит в Москве и где именно торговых площадей и чем на каждой из них торговля производится»¹⁹. Этот архивный документ дает сведения о местах торговли овощами и фруктами и имеющемся там ассортименте съестного и прочего товара²⁰.

Сведения, собранные полицейскими приставами каждой части, сообщали о 19 торговых площадях (за исключением Пятницкой, Новинской и Пречистенской частей, где не было торговых площадей). Ниже даны выдержки из рапортов приставов тех 11 частей, где упомянута торговля овощами. Поскольку источники с перечислением видов товара достаточно редки, то назовем зафиксированные в них овощные культуры: капуста, огурцы, морковь, репа, картофель, свекла, редька, лук, чеснок, а также овощи (вообще) и зелень (разная).

В рапорте пристав Городской части говорилось, что на Красной площади происходит торговля в летнее время «разными ягодами с соизволения начальства»²¹. Эти сведения подтверждаются как данными из ревизских сказок 1795 г., так и сведениями из ведомостей о торговцах 1825, 1827 и 1846 гг., т.е. можно говорить о формировании в указанных местах специализированной торговли, проходившей под административным и санитарным контролем городских и купеческих инстанций. Подтверждают эти факты и визуальные источники – на картине Федора Алексеева «Красная площадь в Москве» (1801) показана торговля фруктами, овощами и арбузами.

Пристав Мясницкой части писал, что на площади у Никольских ворот (нынешняя Лубянская площадь) «производится торг разными фруктами», а на площади у Варварских ворот – «привозимыми из деревень крестьянами по торговым дням капустою, репою, морковью» и тому подобным²².

По Тверской части показана торговля овощами в Охотном ряду: «В Охотном ряду – птицами, птичьим кормом, коровами, баранами, капустой, огурцами и прочим овощем и зеленью»²³.

По Арбатской части были поданы сведения о двух площадях: «1. Площадь лежащая у Тверских ворот. 2. Площадь состоящая на Смоленском рынке из давних лет». На обеих

¹⁷ Подсчитано по изд.: Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы с приобщением генерального и частного ее планов. М., 1796. С. 1–86.

¹⁸ Краткий годовой отчет московского обер-полицмейстера за 1838 г. М., 1839. С. 23; Прибавления к «Московским ведомостям». 1840. С. 501; Отчет московского обер-полицмейстера за 1842 г. М., 1843. С. 14; Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 г. М., 1848. С. 107.

¹⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 105. Оп. 1. Д. 2172. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 1–31.

²¹ Там же. Л. 9.

²² Там же. Л. 14.

²³ Там же. Л. 15.

по ассортименту товара указано: «Торговля производится продуктами, привозимыми из разных селений, как-то: капустой, огурцами, репой, картофелем и прочим, а также дровами и сеном»²⁴.

Ведомость Якиманской части содержала сведения о том, что на Полянской площади производится торговля «привозимыми разного звания крестьянами всякого рода съестными продуктами»²⁵.

Сведения, поступившие от пристава Серпуховской части, свидетельствовали, что «на площадке близ валу» (подразумевалась «казенная» площадка) «бывает торговля разными продуктами, как-то: капуста, морковь, репа, картофель и прочим»²⁶.

Пристав Сретенской части писал в Управу благочиния: «Во вверенной мне части имеется площадь, называемая площадь, что у Тверских ворот²⁷, на коей производится издавна без всякого назначения торг в базарные дни сеном и дровами, съестными продуктами, как-то: капустой, привозимой из деревень, картофелем, огурцами и прочим, а при том же калачами, ситными, хлебами и прочими съестными припасами, о чем управе благочиния сим рапортует частный пристав Дьячков»²⁸.

Более подробно перечислен товар, который горожане могли купить в Яузской части – на казенной площади на Земляном валу²⁹. Здесь торг производился «привозимым из разных деревень и огородов, а именно: капуста, огурцы, репа, редька, картофель, грибы, молоко, лук, чеснок, и разной зеленью, <...> торг сей производится из давних лет». В той же части на «площади на Таганском Молошном рынке» (нынешняя Таганская площадь) торг велся «привозимым из разных деревень и огородов, а именно: капуста, огурцы, картофель, лук, чеснок, редька, репа, свекла, грибы, молоко и разная зелень»³⁰.

Пристав Суцёвской части³¹ писал, что там «торговых площадей не имеется, а есть небольшие рынки, на коих по временам торгуют овощным товаром с огородов»³².

В Таганской части одна из двух площадей находилась на Таганском рынке, где на «казенной» площадке торговали «печеными калачами, ситными, хлебом, яблоками, свежей рыбой, крестьянскими рукавицами, привозимыми из деревень разными продуктами».

В Лефортовской (в документе по написанию XIX в. – Лафертовской) части имелась торговая площадь «на Немецком рынке» и там производилась торговля «привозимыми из разных селений огородными жизненными припасами»³³.

Эти основные рынки, где шла торговля овощами и фруктами, просуществовали почти весь XIX век.

Следующий по полноте фактический материал о рынках, где, в том числе, торговали овощами, содержится в отчете обер-полицмейстера за 1846 г. В «Ведомости о рынках и торговых площадях в Москве» перечислено всего 42 рыночных места, из которых торговля овощами упомянута на 15³⁴. Общий оборот всех рынков составил за год 7 674 067 руб. 33 коп. серебром, из которых 3 544 000 руб. (т.е. 46 %) пришлось на торговлю мясом на Скотопригонном дворе. Далее рассмотрим оборот торговли овощами на отдельных рынках и в целом.

²⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 105. Оп. 1. Д. 2172. Л. 17.

²⁵ Там же. Л. 13.

²⁶ Там же. Л. 12.

²⁷ Площадь Тверских ворот была разделена между двумя административно-полицейскими частями – Тверской и Сретенской.

²⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 105. Оп. 1. Д. 2172. Л. 18.

²⁹ Примерно в районе нынешнего Курского вокзала.

³⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 105. Оп. 1. Д. 2172. Л. 19.

³¹ Нынешний район между станциями метро «Алексеевская» и «Рижская».

³² ЦГА г. Москвы. Ф. 105. Оп. 1. Д. 2172. Л. 23.

³³ Там же. Л. 26.

³⁴ Отчет московского обер-полицмейстера за 1846 год. М., 1847. Ведомость № 16. О рынках и торговых площадях в Москве за 1846 год.

В ведомости показано, что в торговле овощами лидировал рынок на площади Охотного ряда – продавались «разные огородные произрастения, но в особенности капуста, картофель, огурцы, лук и грибы», а оборот составлял 85 175 руб. серебром в год.

Некоторые рынки работали ежедневно, например овощной рынок на Моисеевской площади, где продавались «капуста, разные корни и зелень», с оборотом 25 741 руб. серебром в год³⁵.

Полные сведения о рынках, где шла торговля овощами, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Торговля овощами на рынках Москвы в 1846 г.

Наименование рынков и площадей	Какие товары преимущественно продавались	Годовой оборот, руб. серебром	По каким дням велся торг
Охотный ряд	Разные огородные произрастения, но в особенности капуста, картофель, огурцы, лук и грибы	85 175	По воскресеньям, средам, пятницам и круглый год
Таганский рынок	Капуста, картофель и корни	75 000	По воскресеньям, средам и пятницам
Преображенский рынок	Мука, крупа, капуста и огурцы	35 000	По воскресеньям, средам и пятницам
Моисеевская площадь	Капуста, корни и разная зелень	25 741	Ежедневно
Покровский рынок	Капуста, картофель и корни	20 000	По воскресеньям, средам и пятницам
Сухаревская площадь	Капуста, картофель и корни	12 000	По воскресеньям, средам и пятницам
Полянский рынок	Капуста, картофель и молоко	11 940	По воскресеньям, средам и пятницам и круглый год
Площадь Тверских ворот	Съестные припасы	11 250	Каждодневно
Андроньевская площадь	Капуста, картофель и корни	5 550	По воскресеньям, средам и пятницам
Пречистенский рынок	Разная зелень и молоко	2 000	По воскресеньям, средам и пятницам
Серпуховская площадь	Молоко и разные овощи	1 200	По воскресеньям, средам, пятницам
Калужская площадь	Молоко, капуста и другие жизненные потребности	1 150	По воскресеньям, средам и пятницам летом
Варварская площадь	Дрова, молоко и зелень	1 000	По воскресеньям, средам и пятницам
Зацепский рынок	Капуста и картофель	500	По воскресеньям
Рынок в Тверской Ямской слободе в Тупом переулке	Ржаная мука, крупа, овес, капуста и пр.	111 050	По воскресеньям, средам и пятницам
Всего на сумму		400 496	

Источник: Отчет московского обер-полицмейстера за 1846 год. М., 1847. Ведомость № 16.

В таблице показано, что наиболее употребимыми овощными культурами были капуста, картофель, а также корни – под этим словом подразумевались корнеплоды: морковь, свекла, репа, редька, корень сельдерея, корень пастернака и т.п. В.И. Даль в «Словаре живого

³⁵ Отчет московского обер-полицмейстера за 1846 год. М., 1847. Ведомость № 16...

руб. продажа овощей могла составлять, в приблизительной оценке, 95–98 %, поскольку в статистику включены четыре рынка с продажей молока и рынок в Тупом переулке, где наряду с капустой продавали муку, крупу и овес.

По сведениям начала 1850-х годов, приводимым в книге московского публициста Ивана Кокорева «Московские рынки», в Москве было три больших рынка «огородных произведений» – Смоленский, Немецкий (в Басманной части) и Таганский. Туда за покупками ехали жители со всей округи. Одновременно действовали 17 маленьких «огородных рынков» в каждой части города³⁶. Действовал также специальный «постный» рынок у Москворецкого моста, где в периоды постов можно было купить «грибы, огурцы, кислую капусту, мед, толокно»³⁷.

В других случаях на торжках районного значения можно было приобрести продукты, выращенные в Москве, например зелень, овощи и фрукты с промысловых огородов. Овощи всех видов продавались преимущественно с возов как приезжими крестьянами, так и москвичами-огородниками. Например, в «Отчете московского обер-полицмейстера» за 1842 год в хронике происшествий упомянут московский огородник Терентий Александров 50-ти лет (помещичий крестьянин княгини Голицыной, уроженец д. Загорной Бронницкого уезда Московской губ.). Он выращивал овощи на арендованной в Хамовнической части земле Чудова монастыря и 3 сентября привез вместе с другим огородником Иваном Федоровым на продажу воз огурцов на Дорогомиловский рынок. Когда огурцы были проданы, то Иван пошел к себе домой, а Терентий на лошади поехал назад в Хамовники и подвергся разбойному нападению с целью завладения вырученными деньгами. Утром квартальный обнаружил на берегу Москвы-реки бездыханное тело Терентия³⁸.

Московские промысловые огороды. Традиция содержания в городе садов и огородов началась в Средневековье и продолжилась и в XVIII–XIX вв. Из немногочисленных рукописных документов и записок иностранных путешественников (например, в XVII в. Ж. Маржерета и Ф. Лизека) можно узнать, что среди потребляемых в Москве овощей и фруктов были капуста, свекла, лук и чеснок, бобовые, яблоки и груши – последние шли в пищу в свежем и печеном виде и использовались для изготовления наливок, соусов к мясу и птице. Историк И.Е. Забелин в работе «Московские сады в XVII столетии» отмечал, что огородные гряды по бокам были обложены тесом, так что «находились собственно в ящиках»³⁹, что менее вело к охлаждению почвы, особенно в ночные часы.

Занятие промысловым огородничеством было распространено среди московских купцов и мещан. Так, в ревизских сказках 1795 г. находим следующие сведения: житель Рогожской части купец третьей гильдии Кондратий Артамонов «промысел имеет огородной»; мещанка вдова Федосья Тимофеева, живущая в Суцёвской части, «пропитание имеет от содержания огородов»; мещанин Тимофей Иванов, проживавший в Новой Слободе, «промысел имеет содержанием огорода»⁴⁰. В списке купцов 1830 г. сказано, что купец третьей гильдии Андрей Мартыанов занимается «содержанием огородов»⁴¹.

Согласно объявлению, данному Московской городской шестигласной думой для желающих производить в Москве в 1827 г. торговлю, за содержание огородов в городе следовало платить подать: на территории до Земляного вала (сюда входила большая центральная часть территории Москвы) – по 80 руб. в год, а за пределами Земляного города, т.е. на окраинах, – 40 руб. в год⁴².

³⁶ Кокорев И.Т. Очерки и рассказы. Ч. III. Московские рынки. М., 1858. С. 38–39.

³⁷ Там же. С. 41.

³⁸ Отчет московского обер-полицмейстера за 1842 год. С. 97–98.

³⁹ Забелин И.Е. Московские сады в XVII столетии. М., 1856. С. 302.

⁴⁰ Материалы для истории московского купечества. Т. IV: Сказки, поданные купеческим сословием к 5-й ревизии. М., 1886. С. 29, 815, 846.

⁴¹ Список купцов города Москвы, объявивших капиталы на 1830 год, с показанием имеющегося при них семейства, чем торговлю производят и где жительство имеют. Б.м., б.г. 3-я гильдия. С. 67.

⁴² ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 175. Л. 18 об.

Статистик Василий Андроссов писал, что в Москве в начале 1830-х годов шестую часть территории занимали огороды: «От бывшего Земляного до самого Камер-Коллежского вала и за оным тянутся обширные огороды, занимающие собою 6-ю часть (1 039 десятин 2 140 саженей) всего пространства под городом. Но это еще не все: кроме самых только заселенных частей города, Тверской и Яузской, во всех прочих есть огороды»⁴³.

Наличие в городе обширных огородных плантаций отразилось в городской топонимике – согласно городскому плану Хотева (1851–1852 гг.), в Якиманской части были Старый и Новый Огородные переулки, еще один Огородный переулок находился в Мещанской части (на плане Хотева обозначен как проезд «Огородный к Красному пруду»), также на плане Хотева есть проезд «Огородный к железной дороге»⁴⁴. О Старом и Новом Огородных переулках историк А. Мартынов писал, что они «получили настоящее наименование от местности, занятой огородами»⁴⁵. Мартынов также обратил внимание, что в Пресненской части существовала церковь Десяти мучеников на Кочерыжках, и название местности свидетельствует, что здесь «были огороды с капустою»⁴⁶. Малый Харитоньевский переулок, известный тем, что здесь прошло детство А.С. Пушкина, одно время назывался Огороднической улицей, «так как тянулся мимо церкви св. Харитония, что в Огородниках»⁴⁷.

Маленькие огороды, где растили овощи для собственного потребления, были почти в каждом дворе. В книге Андроссова сказано о том, какие части Москвы изобиловали фруктовыми садами (с огородными участками) в городских усадьбах. Это были части Пятницкая (269 садов), Якиманская (259), Басманная (127) и Яузская (115), «обитаемые большею частью купцами». Всего же в Москве насчитывалось 1639 садов. Андроссов отмечал: «Тут каждый, сколько-нибудь значительный дом, имеет свой сад. Обширнейшие сады находятся в Лефортовской и Пресненской частях: здесь на каждый сад приходится круглым числом, более десятины»⁴⁸.

По сведениям московского обер-полицмейстера, в 1838 г. в Москве «при обывательских домах» было 228 огородов и 138 оранжерей, в 1843 г. – 227 огородов и 102 оранжереи, в 1847 г. – 157 огородов, фруктовых садов – до 150, оранжерей – 35⁴⁹.

Однако важнейшее значение для снабжения Москвы свежими овощами и зеленью имели так называемые «промышленные», или «промысловые», огороды, где выращивали в открытом грунте и в теплицах овощи на продажу. В «Проекте правил... по наблюдению за торговлей в столице», выпущенном в правление генерал-губернатора А.А. Закревского и датированном 6 октября 1849 г., говорилось, что торговля с огородов ведется в городе с апреля по ноябрь, и для торговли огородников должны быть на торговых площадях выделены специальные площадки, где торговое место каждого определяется по жребию⁵⁰. Это было предложено, чтобы торговцы разным товаром не смешивались друг с другом, и чтобы было удобнее осуществлять надзор за качеством продаваемых продуктов.

В. Андроссов писал: «Часто ряд огромных домов прикрывает обширные, находящиеся за ними дворы, сады, огороды и пустыри»⁵¹. Огороды в основном располагались на окраинах Москвы. Они шли широкой полосой между Земляным (приблизительно совпадавшим с нынешним Садовым кольцом) и Камер-Коллежским валом, являвшимся границей города и уезда. Известный статистик Д.С. Протопопов отмечал: «На пространстве между Земляным и Камер-Коллежским валами нет почти ни одного переулка, куда бы не выходил более или менее обширный огород. Пустые места, на самом краю города находящиеся и занимающие

⁴³ Андроссов В. Статистическая записка о Москве. М., 1832. С. 24.

⁴⁴ Хотев А. Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы. М., 1852–1853. С. 34, 35, 38, 137.

⁴⁵ См.: Мартынов А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 1881. С. 141.

⁴⁶ Там же. С. 53.

⁴⁷ Там же. С. 203.

⁴⁸ Там же. С. 23.

⁴⁹ Краткий годовой отчет московского обер-полицмейстера за 1838 г. С. 36; Отчет московского обер-полицмейстера за 1843 г. С. 13; Отчет московского обер-полицмейстера за 1847. С. 115.

⁵⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 30. Д. 503. Л. 6 об.

⁵¹ Андроссов В. Статистическая записка о Москве... С. 20–21.

часто по несколько десятин, представляют многочисленные ряды парников и отлично возделанных гряд, засаженных овощами»⁵².

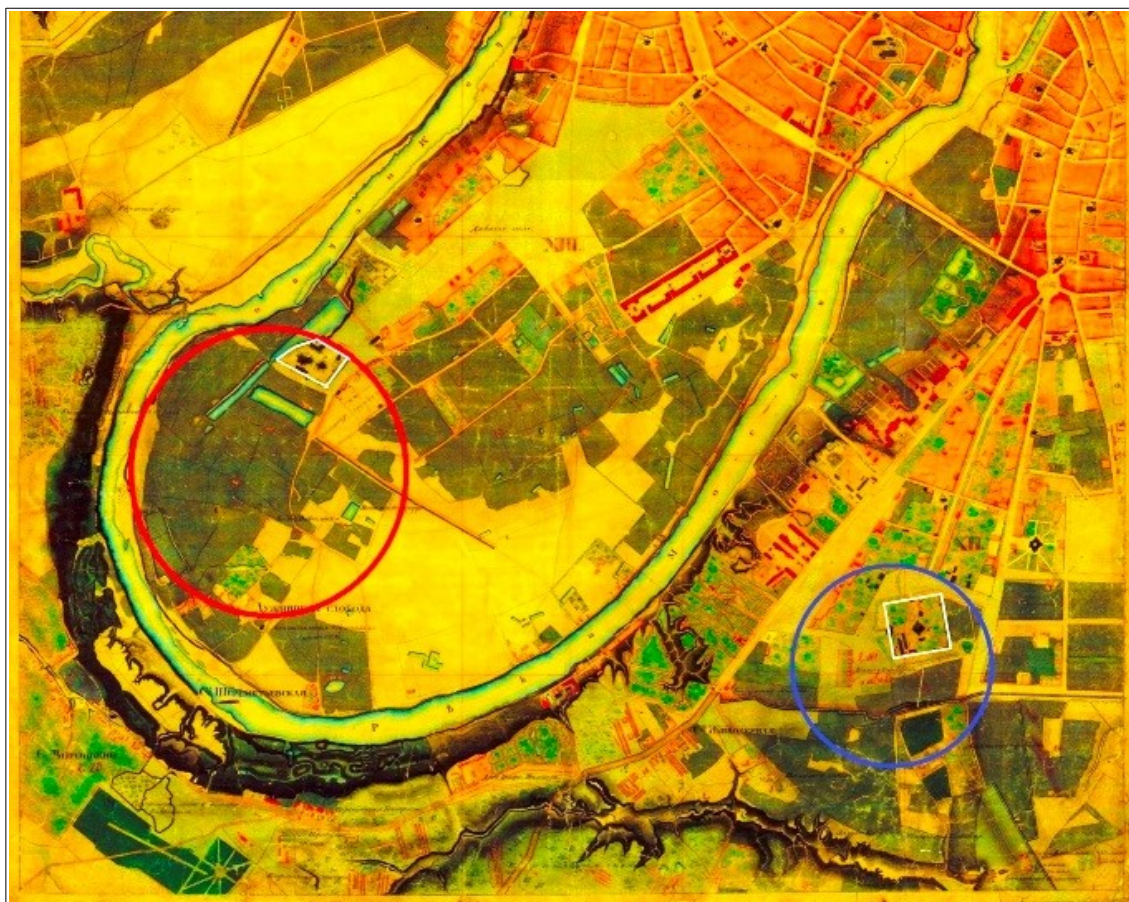

Рис. 1. Огородные земли в излучине Москвы-реки в Хамовнической части (обозначены красным кругом, территория Новодевичьего монастыря показана белым контуром) и Серпуховской части (обозначены синим кругом, территория Донского монастыря показана белым контуром). Фрагмент плана топографической съемки города Москвы и ее окрестностей 1838 года

На крайней периферии городского пространства располагалось множество огородов – по данным 1847 г. насчитывалось 25 огородов в Суцёвской части на севере города, 15 – в Мещанской части (также север города за Земляным валом), 16 огородов – в Серпуховской части на юге города, 17 – в Лефортовской части (на восточной окраине)⁵³.

41 огород числился в Хамовнической части. Большие по площади огородные плантации в Хамовниках находились на территории, окаймленной руслом Москвы-реки и заливаемой половодьем весной – таким образом, когда сходила вода, почва получала естественное удобрение в виде ила. В Хамовниках были огородные земли ряда московских монастырей – Никитского, Чудова, Новодевичьего. К примеру, «на земле Чудова монастыря», располагавшейся «на берегу Москвы-реки» (примерно в районе нынешних Лужников), арендовал землю под огород для выращивания овощей на продажу «княгини Барятинской крестьянин Аввакум Иванов»⁵⁴. По сведениям из отчета обер-полицмейстера, в 1847 г. на огородах в Хамовниках было выращено капусты на сумму 28 710 руб. серебром, огурцов – на 14 728 руб. серебром, разной зелени – на 5 432 руб. серебром, моркови – на 2 115 руб. серебром, картофеля – на 1 892 руб. серебром, свеклы – на 1 350 руб. серебром, лука – на 1 322 руб. серебром, репы – на 387 руб. серебром⁵⁵.

⁵² Протопопов Д.С. Об огородничестве в Москве и окрестностях и в особенности в селе Карачарове // Журнал Министерства государственных имуществ. 1841. Кн. V. С. 274.

⁵³ Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 год. Ведомость № 24. Об огородах в Москве за 1847 год.

⁵⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 413. Л. 1–8.

⁵⁵ Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 год. Ведомость № 24.

Однако в первой половине XIX в. огороды иногда могли находиться и в центре города, например, полоса огородов площадью 4 десятины (примерно 4,5 га) тянулась за первой линией домов Тверского бульвара между бульваром, улицами Малой Никитской, Садовой и Тверской⁵⁶. Там растили даже спаржу на продажу. Объявление из «Московских ведомостей» 24 февраля 1823 г. сообщало, что «отдается внаймы огородная земля с разведенною на ней гонною спаржею в значительном количестве»⁵⁷. Указанный огородный участок располагался в Арбатской части близ Никитских ворот в обширной городской усадьбе генеральши А.Н. Неклюдовой (усадьба занимала несколько современных кварталов).

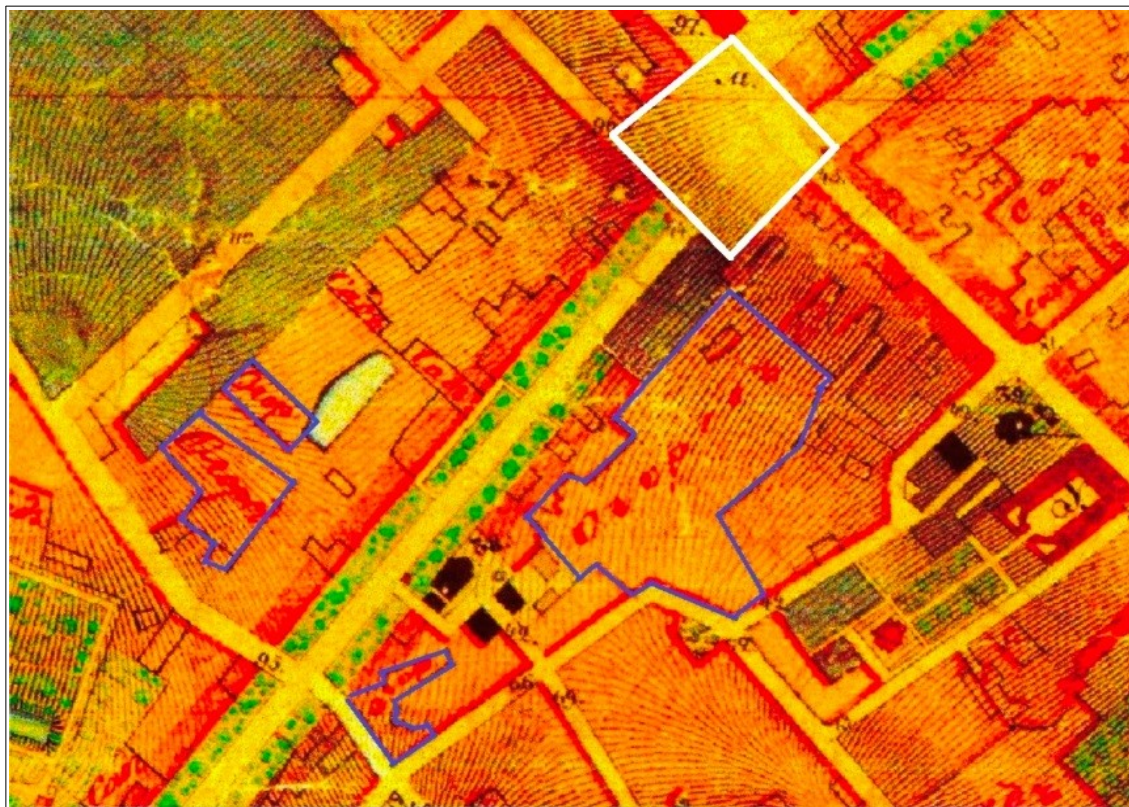

Рис. 2. Огородные земли вдоль Тверского бульвара (обозначены синим контуром). Тверской бульвар показан в виде желтой полосы по диагонали с двумя рядами зеленых деревьев. Площадь Тверских ворот показана белым контуром. Фрагмент плана топографической съемки города Москвы и ее окрестностей 1838 года

Промысловые огороды находились не только в дворянских владениях, но также на землях, принадлежащих московским купцам и мещанам, а также арендуемых крестьянами-огородниками у православных монастырей и храмов.

Например, в Мещанской части несколько огородов находилось в церковных владениях, в частности, один огород на земле церкви Тихвинской Богоматери и три огорода на земле церкви Иоанна Предтечи (что в Ямской Переяславской слободе). Среди других собственников, сдававших в аренду огородную землю, были, к примеру, князь Н.Б. Юсупов, княгиня А.И. Несвицкая, граф В.Г. Орлов, граф Д.Н. Шереметев, а также ямщики Переяславской слободы, Троицкое подворье, Кремлевская экспедиция, купцы А.Я. Савельев и И.Г. Лобков и др.

Московские монастыри также сдавали земельные участки под огороды. У Даниловского и Донского монастырей, расположенных в Серпуховской части на южной окраине города, огородные угодья примыкали к монастырской территории. То же у Спасо-Андроньевского, Покровского, Симонова и Новоспасского монастырей в Рогожской части⁵⁸. В сохранившихся договорах содержатся сведения о выращиваемых овощах, арендаторах и стоимости аренды.

⁵⁶ Андроссов В. Статистическая записка о Москве... С. 24.

⁵⁷ Московские ведомости. 1823. № 8.

⁵⁸ Хотев А. Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы... С. 85, 153.

В 1804 г. земля Покровского монастыря в размере 15 десятин была сдана в аренду на пять лет (1804–1809) крепостным крестьянам графа П.М. Волконского из его вотчины села Троицкого в Коломенском уезде – Тимофею Епифанову, Филату Егорову и Семену Иванову, а также крестьянину Сергею Васильеву из сельца Есени Богородского уезда вотчины помещика А.С. Ушакова – «для их усадьбы разных овощей». Земли на участке близ монастыря было девять десятин (цена аренды ранее в 1800–1804 гг. была 240 руб., а на 1804–1809 гг. возросла до 250 руб. в год) и на втором участке за Камер-Коллежским валом – шесть десятин (ранее отдавалась «по сороку рублей, а ныне отдается по семидесяти рублей на каждой год»). Об этих условиях послушник Покровского монастыря иеромонах Дорофей сообщал митрополиту Московскому и Коломенскому Платону в докладе, испрашивая его резолюции на заключение «законных условий» на «таковых кондициях»⁵⁹. Помимо платежа за аренду, огородники обязались также поставлять в монастырь ежегодно «огурцов чистых зеленых хороших по три тысячи», «кочанной свежей капусты самой лучшей доброты по осени по пяти сот кочней, свеклы также по тысяче и редьки по двести»⁶⁰. Остальные выращенные овощи огородники везли на московские рынки. В случае неисполнения платежей и поставок весь инвентарь и выращенные овощи переходили в собственность монастыря по принятому судебному решению.

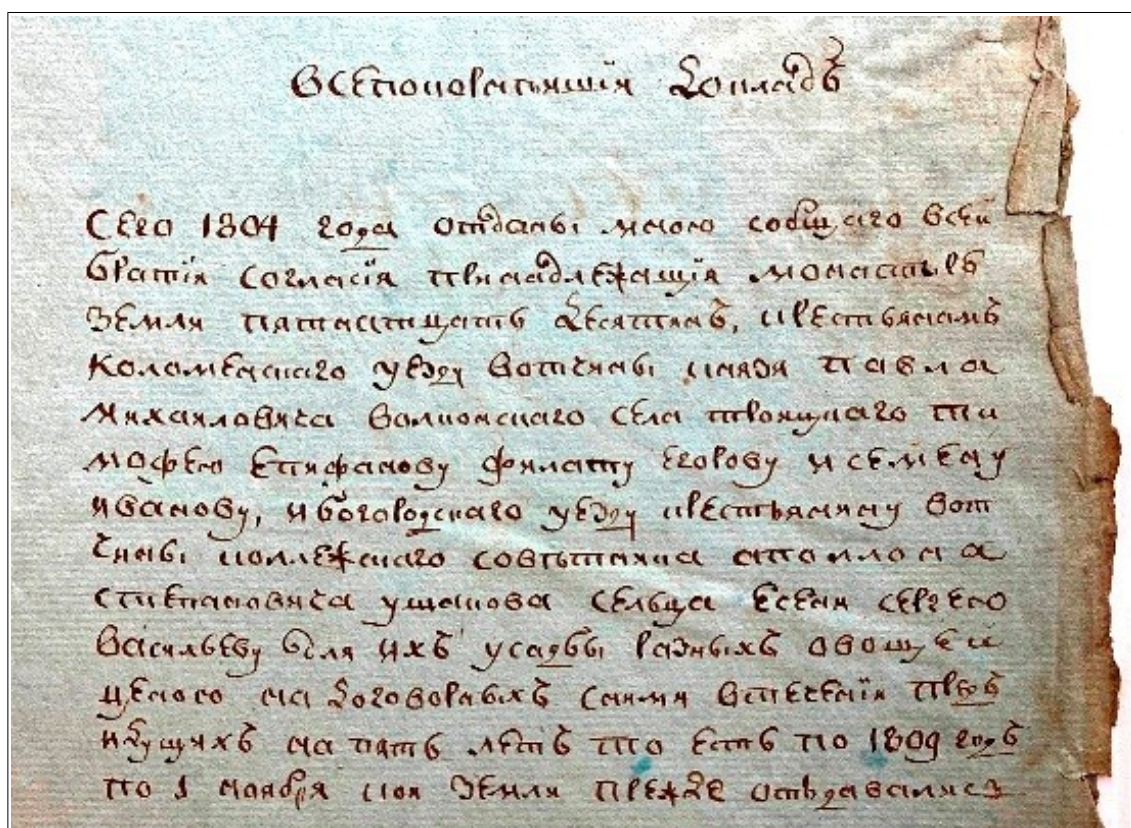

Рис. 3. Фрагмент доклада иеромонаха Дорофея митрополиту Московскому и Коломенскому Платону о заключении контракта Покровского монастыря с крестьянами на отдачу земель под огороды. 1804 год. ЦГА г. Москвы

На условиях «доставления в монастырь положенного условием числа огородных овощей» и взноса ежегодной арендной платы огородные земли сдавали и другие московские монастыри.

К примеру, в 1834 г. у Чудова монастыря арендовали землю в Хамовнической части «за Новодевичьим монастырем, подле берега Москвы-реки, именуемую “за оврагом”», мерою пять десятин на шесть лет крестьянин д. Донино Бронницкого уезда Московской губ. Макар Федоров и крестьяне д. Загорная того же уезда Макар Александров и Терентий

⁵⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 751. Д. 1869. Л. 1.

⁶⁰ Там же. Л. 2.

Александров с платою «каждогодно по 325 рублей монетою»⁶¹. С 1839 г. договор был продлен на десять лет с платою 330 руб. В монастырь для питания братии огородники обязывались поставлять ежегодно «капусты самой лучшей по 500 кочней, луку репчатого по 2 четверти (одна четверть включала 8 пудов или 131 кг. – Г. У.) и огурцов по 5 000»⁶².

Промысловые огороды в Хамовнической части просуществовали практически в неизменном виде с XVIII века до 1920-х и даже до 1950-х годов, когда постепенно эти земли были застроены жилыми домами и стадионом «Лужники».

Рис. 4. Промысловые огороды у стен Новодевичьего монастыря. Открытое письмо. Начало XX века

Объем овощей, производимых на промысловых огородах, был значительным. В ведомости из отчета московского обер-полицмейстера за 1847 г. перечислено 157 огородов. На огородах, в садах и оранжереях было произведено на продажу овощей на огромную сумму – 151 тыс. руб. серебром⁶³.

Факты из ведомости позволяют определить сословный состав держателей и владельцев (в ведомости они не разделены) 111 огородов, о которых есть подробные сведения⁶⁴. В 1847 г. насчитывалось купцов 13 чел., московских мещан – 16 чел., чиновник – 1 (отставной губернский секретарь И.О. Соколов, на чьем огороде выращивалось 1 500 кочанов капусты), солдат – 1 и солдаток – 2, вольноотпущенный крестьянин – 1, всего 34 чел. Остальные 77 огородов были в аренде у оброчных крестьян, живущих в Москве и отпущенных «на вольные хлеба» из деревень в город. Они были обязаны только уплачивать денежный оброк помещику или в казну. Из этой категории, по проведенным подсчетам, самую значительную группу представляли крестьяне Министерства государственных имуществ – всего 31 чел. Казенных и удельных крестьян насчитывалось по 11 чел. (всего 22 чел.). Помещичьих крестьян было 24 чел. Таким образом, навыки крестьянского земледелия были перенесены москвичами, являвшимися крестьянами по сословному статусу, на свои московские занятия.

Рассмотрим на ряде примеров объем выращиваемых овощей.

⁶¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 746. Д. 758. Л. 1.

⁶² Там же. Л. 3.

⁶³ Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 год... С. 115.

⁶⁴ Там же. Ведомость № 24.

Среди купцов – содержателей огородов находим имя видного московского фабриканта, владельца бумагопрядильной мануфактуры Семена Логгиновича Лепёшкина, на огороде которого в Лефортовской части было выращено в год до 200 гряд капусты и до 40 гряд разных корнеёв (какому количеству овощей соответствовала гряда – выяснить пока не удалось). Как обычно в таких случаях, часть урожая шла «на собственный обиход», а другая часть поставлялась на московские рынки. Еще у одного купца, третьегильдейца Федора Григорьевича Анбарова, годовой урожай составил 10 тыс. штук (корней) петрушки и столько же сельдерея, 2 тыс. кочанов капусты и 5 тыс. головок репчатого лука. В справочнике 1842 г. в списке купцов указано, что огородничество являлось основным занятием Анбарова⁶⁵. Купец третьей гильдии Владимир Васильевич Титов держал в Серпуховской части огород, урожай с которого в 1847 г. составил 10 тыс. кочанов капусты, 20 тыс. штук огурцов и зелень с 50 гряд⁶⁶.

Выделим группу крупнейших производителей овощного товара в 1847 г. (все в Серпуховской части). Например, государственный крестьянин Тимофей Семенов вырастил 200 тыс. штук огурцов, 15 тыс. «кочней» (кочанов) капусты и 300 гряд зелени. Московский мещанин Иван Иванов получил урожай в 150 тыс. штук огурцов, 4 000 кочанов капусты, 250 арбузов и 100 дынь, а также имел 600 гряд «разной зелени». Государственный крестьянин Трифон Андриянов представил сведения о том, что им выращено 560 тыс. штук огурцов, 15 тыс. кочанов капусты и 200 гряд зелени. Крестьянин Министерства государственных имуществ Василий Семенов вырастил 100 тыс. кочанов капусты, 150 тыс. штук огурцов и 200 гряд зелени⁶⁷.

Среди других выращиваемых на этих огородах овощей перечислены картофель, свекла, горох, бобы, репа, морковь, лук, петрушка, сельдерея, разные корнея.

Обработка огородов велась с помощью нанятых работников, и, конечно, по эффективности и количеству наемных работников эти огороды можно сравнить с современными фермерскими хозяйствами.

Наблюдалась специализация огородов, что, видимо, было связано с различной плодородностью почвы. Так, в Сущёвской части особенно практиковалось выращивание разных корнеёв (моркови, свеклы, редьки, пастернака, петрушки). У московского мещанина Козьмы Минаева под этими культурами было 1 300 гряд, у «крестьян графа Панина» Никиты и Михаила Баржиловых – тоже 1 300 гряд, у «вольноотпущенного от господина Рудакова» Григория Золотова – 550 гряд.

Овощи росли как на открытых грядках, так и в парниках. Парники были массово устроены на огородах в Сущёвской части (район на севере Москвы). Крестьянин графа Панина Алексей Сироткин (уроженец с. Поречье Ростовского уезда) выпустил на рынок 125 мер парниковых огурцов, а московская мещанка вдова Авдотья Зеленина – 95 мер (огурцы обычно считались на меру в 100 штук), она же в 1847 г. получила урожай (видимо в парниках) в 150 арбузов и 320 дынь. Крестьянин графа Панина Петр Никитин вырастил в парнике в Басманной части за год 10 тыс. штук огурцов⁶⁸.

В Москве весьма ценились ростовские огородники. Их искусство было отмечено экспертами устроенной Московским обществом сельского хозяйства Выставки сельских произведений 1852 года: «Все искусство разведения огородных овощей воздушных, парниковых и тепличных у нас, в России, сосредоточивается в руках ростовцев: эти огородники – монополисты, ученики знаменитых голландских огородников, едва ли не опередили своих учителей, занимаясь в течение столетия – еще со времен Петра Великого – разведением более ценных огородных овощей; они усовершенствовали и довели эту отрасль до высокой степени». Далее говорилось, что ростовские огородники разводят с большим искусством почти «все роды капусты, чрезвычайно разнообразные аптекарские растения, спаржу, подладжаны (так называли баклажаны. – Г. У.), морскую капусту, бамы стручки (съедобные

⁶⁵ Нистрем К. Московский адрес-календарь для жителей Москвы. Москва, 1842. Т. 3. С. 113.

⁶⁶ Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 год. Ведомость № 24.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

стручки однолетнего растения бамии. – Г. У.), шампиньоны» и «у них можно найти эти овощи свежими в течение круглого года»⁶⁹.

Похвалы на выставке также заслужили московские огородники, «которых теперь в одной столице считается около 200 хозяев (есть между ними такие, у которых более 200 парников)», а также петербургские и подмосковные. Среди последних, «которые возделывают огородные растения в большом количестве и отличного качества», названы коломенские, кожуховские, новинские, воробьевские (все они выращивали огородные овощи в Московском уезде), а также верейские и калужские. Было отмечено, что «в последнее время начинают смотреть на огородничество как на доходную ветвь хозяйственной промышленности»⁷⁰.

Вышеупомянутый московский огородник-ростовец А.В. Сироткин, будучи крепостным крестьянином графа В.Н. Панина, на выставке 1852 года представил выращенные им огородные растения:

- капусту семи сортов (русская, красная, савойская, сицилийская, брюссельская, а также кудрявая листовая сортов федерколь и брунколь);
- морковь трех сортов (красная, каротель, турецкая черная);
- лук шести сортов (обыкновенный, порей, фиолетовый, серебристый, египетский, шалот);
- свеклу двух сортов (мангольд красный и белый).

Также Сироткиным были посланы на выставку плоды нескольких выращиваемых им сортов огурцов, а также редька, репа, редис, брюква, артишоки азиатские и французские, картофель разных сортов, цветная капуста, брокколи, кольраби, пастернак, петрушка, эстрагон, баклажаны, тыква (одна весом 3 пуда⁷¹), сельдерей, салат, спаржа, турнепс, бобы и горох⁷².

Рис. 5. Огородные произведения огородника Алексея Васильевича Сироткина на Выставке сельских произведений в Москве в сентябре 1852 года. Рисунок В. Тимма из издания «Русский художественный листок» В. Тимма. 1852. № 34

⁶⁹ Аналитический каталог Выставки сельских произведений в Москве 1852 года. М., 1853. С. 211–212.

⁷⁰ Там же. С. 212.

⁷¹ В метрических мерах около 50 кг.

⁷² Каталог предметов выставки сельских произведений в Москве 1852 года. М., 1852. С. 7–8.

В аналитическом каталоге выставки А.В. Сироткин отмечен за «зрелость и достоинство» представленных им экспонатов: «Семена и овощи были им доставлены не только в виде разнообразных сортов и в большом количестве, но и отличного достоинства»⁷³.

Согласно исследованию А.Г. Морозова, вначале ростовцы и жители с. Поречья Ростовского уезда уходили на оброк в Москву, где по пять месяцев трудились на огородах, арендованных у своего же помещика В.Г. Орлова, а потом его дочери графини С.В. Паниной и внука – графа В.Н. Панина. Затем они переселялись в Москву, где практиковали выращивание овощей в открытом грунте и особенно искусно в парниках (у некоторых ростовских огородников имелось по 300–400 парниковых рам). С 1860 г. наблюдался выкуп московских участков у помещиков.

На деле, как установил А.Г. Морозов по маклерским книгам г. Ростова и «Книге для записи договоров и согласий Поречского вотчинного правления 1826–1832 годов» из РГАДА, земля в период до реформы 1861 г. иногда была куплена этими крепостными крестьянами на имя помещика, а затем выкуплена фактически еще раз. В частности, супруга А. Сироткина Прасковья Алексеевна и его сыновья Николай и Василий в феврале 1861 г. выкупили за 2 571 руб. 43 коп. серебром у графа В.Н. Панина участок земли площадью 91 кв. сажень (4,1 сотки) в Сущёвской части. В домовладении находился собственный дом Сироткиных, промысловый огород с парниками⁷⁴.

Промысловые огороды просуществовали в Москве до рубежа XIX–XX вв. Писатель Алексей Михайлович Ремизов, в детстве живший за Таганкой близ Всехсвятских огородов, в книге воспоминаний «Подстриженными глазами» написал, что в конце 1870-х годов его детскому взору московские огороды запомнились «изумрудными весной и, как подсиненная скатерть, в московскую крепкую зиму».

Рис. 6. Вид на огороды и реку Яузу с Высокоязузского моста. 1887 год. Фотогравюра «Шерер, Наболец и Ко». Фото из альбома Н.А. Найденова «Москва. Виды некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений. Приложение 1-е. М., 1888

⁷³ Аналитический каталог Выставки сельских произведений в Москве 1852 года... С. 213.

⁷⁴ Морозов А.Г. Ростовские огородники в Москве... С. 194.

Статистика привоза огородных овощей в Москву. Приведенные выше факты демонстрируют значительную востребованность и доходность продукции городских промысловых огородов, так что статистик В. Андроссов даже писал, что «по тому пространству, какое занимают огороды в столице, она, кажется, не могла бы иметь надобности в привозе овощей из деревень соседственных»⁷⁵, однако в Москву шли значительные поставки овощной продукции из Московской, Калужской, Владимирской и ряда других губерний.

Статистические сведения о доставке в Москву важного вида съестных припасов – овощей и фруктов – весьма фрагментарны. Пока они обнаружены за десятилетие 1838–1847 гг. в ряде отчетов московского обер-полицмейстера. При этом известно, что овощной товар в «московскую столицу» (именно так Москва часто именовалась в официальных документах, включая законодательные акты) поступал из Московской губернии и из смежных с нею, но в полицейских отчетах даны только общие цифры без указания, откуда производились поставки. Сводные сведения представлены в табл. 2.

Таблица 2

Объем поставок овощей в Москву по отчетам московского обер-полицмейстера, 1838–1843, 1846–1847 гг. (в возах)

Овощи / Год	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1846	1847
Капуста свежая	55 183	3 956	81 823	88 100	14 500	27 600	7 252	16 923
Капуста «кислая»	Не указ.	Не указ.	16 888	25 100	21 900	18 900	7 306	9 046
Картофель	30 774	2 628	76 404	100 780	18 000	26 480	10 457	20 702
Свежие огурцы	20 241	1 245	75 971	Не указ.	Не указ.	Не указ.	Не указ.	Не указ.
Огурцы соленые	6 759	818	699	Не указ.	Не указ.	Не указ.	Не указ.	Не указ.
Разные огородные произрастения	17 647	1 442	21 711	121 900	15 000	16 300	12 741	23 831
Гороховые стручки	Не указ.	Не указ.	496	Не указ.	Не указ.	Не указ.	Не указ.	Не указ.
Тыква	Не указ.	Не указ.	76	Не указ.	Не указ.	Не указ.	Не указ.	Не указ.

Составлено по: Краткий годовой отчет московского обер-полицмейстера за 1838 г. М., 1839. С. 40–41; Краткий годовой отчет московского обер-полицмейстера за 1839 г. М., 1840. С. 65–66; Отчет московского обер-полицмейстера за 1840 г. М., 1841. С. 115–116; Отчет московского обер-полицмейстера за 1841 г. М., 1842. С. 66; Отчет московского обер-полицмейстера за 1842 г. М., 1843. С. 67–68; Отчет московского обер-полицмейстера за 1843 г. М., 1844. С. 31; Отчет московского обер-полицмейстера за 1846 г. М., 1847. С. 95; Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 г. М., 1848. С. 109.

Данные табл. 2 показывают, что привоз был нестабильным и сильно различался по годам, что затрудняет анализ материала в многолетней ретроспективе. Происходило ли это по причинам скачков в сборе урожаев или объясняется несовершенством статистики – вопрос для дальнейшего исследования. Тем не менее в рамках одного года данные можно проанализировать.

К примеру, в благополучном 1838 г. в Москву было привезено сухим путем овощей для продажи (в порядке убывания количества):

- капусты – 55 183 воза;
- картофеля – 30 774 воза;
- свежих огурцов – 20 241 воз;
- соленых огурцов – 6 759 возов.

Прочих «разных огородных произрастений» – моркови, свеклы, репы, редьки и др. – было в сумме 17 647 возов⁷⁶.

Таким образом, всего овощей было доставлено 130 604 воза.

Попробуем произвести приблизительные подсчеты с переводом объема в меры веса. В обзоре о движении торговли в Москву и из Москвы, опубликованном в «Журнале Мини-

⁷⁵ Андроссов В. Статистическая записка о Москве... С. 24.

⁷⁶ Краткий годовой отчет московского обер-полицмейстера за 1838 г. С. 40–41.

стерства внутренних дел» за 1845 г., говорилось, что груз на одном возу составляет 24,95 пуда (409 кг)⁷⁷. Таким образом, было доставлено приблизительно 52 тыс. тонн продуктов. В 1838 г. в Москве было населения всего 349 тыс. чел. Условно говоря, считая со стариками и младенцами, на каждого жителя приходилось около 150 кг всяких овощей в год. При больших затратах энергии, которых требовал уход за двором и скотиной, а также перемещение по городу пешком (в среднем для взрослого человека 5–10 км в день, иногда и больше), такой объем овощей – в сочетании с питанием мясом, рыбой, хлебом – не был избыточным количеством. По данным из отчета московского обер-полицмейстера за 1838 г. видно, какие овощи потреблялись более всего: капуста, картофель, свежие и соленые огурцы.

Откуда (кроме промысловых огородов) овощи и фрукты поступали на рынки. По-видимому, только дворяне (составлявшие 4–5 % населения Москвы) привозили фрукты и овощи в город из собственных поместий. Московские промысловые огороды давали наибольший объем поставок свежих овощей на рынки и в лавки, где покупали провизию остальные москвичи. Наряду с этим в Москву поступало значительное количество огородной и полевой продукции из сел и деревень Московской и близлежащих губерний. Л.В. Милов в книге «Великорусский пахарь» отмечал: «Ввиду сильного развития московской промышленности и ремесла, высокой плотности городской застройки московские огородники не могли удовлетворить рыночный спрос. Поэтому в орбиту торгового огородничества были втянуты ближайшие к Москве сельские районы. Селения по рекам Москве, Клязьме и Оке изобиловали овощами»⁷⁸.

В аналитическом каталоге выставки сельских произведений 1852 г. говорилось: «Боровской и владимирской лук, коломенская капуста, воробьевская морковь и кожуховская свекла (подразумеваются овощи, выращенные в селениях Московского уезда в районе Воробьевых гор и в Кожухове. – Г. У.) весьма известны на московских рынках и имеют чрезвычайно обширный и выгодный сбыт»⁷⁹.

Из Московской губернии и особенно окаймляющего столичную территорию Московского уезда в Москву шли возы с овощами. В «Географическом словаре Российского государства», изданном в 1805 г., сообщалось о жителях Московского уезда: «Поселяне, а особливо живущие поблизости Москвы, упражняются в сажании огородных овощей, как-то: свеклы, моркови, редьки, луку, чесноку, огурцов, капусты и картофеля, так что во многих селениях почти все поля обращены в огороды; многие также имеют плодовые сады и торгуют яблоками, смородиною и прочими плодами»⁸⁰.

В «Обзоре действий Департамента сельского хозяйства» Министерства государственных имуществ за вторую половину 1840-х годов говорилось: «Почти наряду с ростовскими, можно поставить огороды многих подмосковных селений, лежащих на расстоянии от 3 до 14 верст от застав. Некоторые из таких селений занимаются разведением в большом виде огурцов и капусты, и только в пособие им, для отдыха земли, сажают картофель; другие же главным предметом производства имеют клубнику, разводимую в большом количестве, а с нею морковь, капусту и огурцы»⁸¹.

Прославились своими огородами так называемые «подгородные» села Московского уезда – Карачарово, Коломенское с окрестностями, Мытищи с окрестностями. В Карачарове разводили капусту, огурцы, свеклу, морковь, картофель, репу и другие овощи для продажи

⁷⁷ Движение сухопутной провозной промышленности в Москву и из Москвы // Журнал Министерства внутренних дел. 1845. Ч. 9. № 1. С. 53.

⁷⁸ Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 265.

⁷⁹ Аналитический каталог Выставки сельских произведений в Москве 1852 года... С. 212.

⁸⁰ Щекатов А.М. Географический словарь Российского государства. Ч. 4. М., 1805. Стлб. 388.

⁸¹ Обзор действий Департамента сельского хозяйства в течение пяти лет, с 1844 по 1849 год (Извлечение из ежегодных отчетов Департамента сельского хозяйства и других официальных документов). Изд. 2-е. СПб., 1850. С. 139.

на московских рынках, в Мытищах – картофель и турнепс, в Коломенском – картофель, капусту, огурцы, морковь и свеклу⁸².

В «Журнале Министерства внутренних дел» (1836) перечислены селения Московского уезда, где был развит огородный промысел: «В Московском удельном имении Коломенского приказа, в деревнях: Нагатиной, Новинках, Кожуховой, Печатникове, Перерве, Граворновом, Дубровках, Марьином, Батюнином, Курьяновом и Котлах⁸³ пахотные поля обращены в огороды. Возможность сбыта овощей и достать много навозу привела крестьян к плодосменной беспаровой Английской системе хозяйства. Крестьяне ближайших к Москве деревень, по удобности ежегодно вывозить большое количество навоза, имеют два поля: на первом по навозу сеют огурцы, а на другом, после огурцов, сажают капусту»⁸⁴.

Лук и чеснок привозили из Вереи, уездного города Московской губернии: «Сказать по справедливости должно, что по отменному жителей прилежанию к удобрению их огородов и всего почти выгона, произрастает в великом множестве лук и чеснок, которой почитается во всей России лучшим, и развозится оной для продажи в Москву и прочие города, даже в Польшу и к Рижскому порту»⁸⁵.

Доставляли в Москву овощи и из более далеких мест. В опубликованном в 1801–1809 гг. «Географическом словаре Российского государства» были приведены следующие факты об огородниках г. Боровска Калужской губернии, где одним из важнейших производимых товаров был лук, которым засаживали огромные огородные пространства во многих домовладениях: «Главнейший торг большей части жителей чесноком и луком, который родится лучшего рода и в таком количестве, что слишком на 4 000 рублей отвозят в Москву и близлежащие города»⁸⁶. С 1857 г. наладили сбыт капусты в Москву огородники из Калуги⁸⁷.

Немалые поставки шли из Владимирской губернии. В «Списке населенных мест» Владимирской губернии говорилось: «Нельзя упомянуть об огородничестве, которым занимаются преимущественно в Суздале, Муроме, их подгородных селениях и сл[ободе] Мстёре... Суздаль славится особенно своим хреном, также хмелем, луком, мятой и огурцами; главное место разведения последних, однако, в Муроме, а луком изобилуют по преимуществу огороды Мстёры. Продажа суздальских овощей производится в Петербурге, Москве и в ближайших городах и больших селах губернии»⁸⁸.

Многие помнят заученное в школе стихотворение Н.А. Некрасова:

Вся овощь огородная
Поспела; дети носятся
Кто с репой, кто с морковкою,
Подсолнечник луцат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные,
Лежат на полосе.

В этом стихотворении, написанном на рубеже 1860–1870-х годов, названы основные овощи, которые были в рационе русского населения в XIX веке – морковь, репа, свекла. В других художественных текстах мы находим также упоминания капусты, картофеля, огурцов, редьки.

⁸² Протопопов Д.С. Об огородничестве в Москве и окрестностях... С. 277, 281.

⁸³ Ныне это районы Москвы в современных границах города. Падежные окончания даны по написанию XIX в.

⁸⁴ Обзорение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 годах, изданное Департаментом уделов (обозрение) // Журнал Министерства внутренних дел. 1836. Ч. XXII. № 3. С. 620–621.

⁸⁵ Максимович Л.М., Щекатов А.М. Географический словарь Российского государства. Ч. 1. М., 1801. Стлб. 807.

⁸⁶ Там же. Стлб. 539.

⁸⁷ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба [Т. 9]. Калужская губерния. Ч. II. СПб., 1864. С. 387.

⁸⁸ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Российской империи Министерства внутренних дел. Вып. VI. Владимирская губерния. СПб., 1863. С. XXVIII.

Цены на овощи. Следует сказать несколько слов о ценах на овощи. Сведения об ассортименте и стоимости овощей в первой половине XIX в. были почерпнуты из архивных документов и газеты «Московские ведомости». Рассмотрим, к примеру, и сравним цены на разные съестные продукты в 1820-е годы.

В 1825 г. наиболее дешевыми были картофель, морковь и репа. Четверик картофеля (четверик в пересчете на метрические меры – 26,24 л, приблизительно 2,5 ведра) стоил 42 коп., или 16–17 коп. ведро (при объеме 12 литров), морковь – 30 коп. за сотню в марте и 12–15 коп. летом, репа – примерно 55 коп. за ведро⁸⁹. Огурцы в разгар сезона (август) стоили 15 коп. сотня. Соленые огурцы чаще продавались на тысячи в бочках и оценивались в полтора рубля тысяча.

В этой же ценовой категории, видимо, была и капуста, судя по ее наибольшему потреблению и привозу в Москву. Капуста стоила два рубля «за сто кочней». Скорее всего, ее покупали для семейного стола большими партиями и потом хранили в сухих прохладных подвалах. Василий Андроссов в книге «Хозяйственная статистика России», изданной в 1827 г., упоминал сорта капусты, культивируемые в России: «Обыкновенная, белая, красная, желтая, Савойская, зеленая, Савойская ермышка, синяя, обрезная, цветная, и других родов»⁹⁰. Но очевидно, что самой употребляемой была белая капуста, а после нее шла цветная, о продаже и блюдах из которой весьма немало упоминаний уже в 1820-е («пушкинские») годы.

Квашеная капуста была среди важных товаров повседневного спроса, но в отношении ее действовали фиксированные цены – торговцам запрещалось самостоятельно повышать стоимость этого товара. Например, в июле 1823 г. квашеная капуста белая стоила 45 коп. за ведро, а серая – 21 коп. за ведро⁹¹ (в сравнении – за 45 коп. можно было купить около 1,5 кг пшеничной муки, или 1,4 кг свежей говядины, или 375 г белуги или севрюги первого сорта).

Дороже стоила свекла – в 1825 г. сотня за 60 коп. Интересно, что свекла продавалась как в свежем виде, так и в квашеном, и как было указано в документах, «свеклы квашеной бураков ведро весом 24 фунта», т.е. около 10 кг, стоило 1 руб. 25 коп.⁹²

Широкое распространение имел корень пастернака, используемый как пряность для приправы: по ведомости 1825 г. стоил он 1 руб. 25 коп. за сотню. Еще одной любимой приправой был хрен. Фунт (409,5 г) «хрена коренчатого», т.е. свежего корня, стоил 15 коп. Продавался хрен также в тертом виде и стоил значительно дороже – 14 руб. за пуд⁹³.

Из зелени на рынках торговали зеленой петрушкой (30 коп. за фунт) и шалфеем (25 коп. за фунт). В качестве приправы, добавки к заварке чая и лечебного средства для желудка использовали сушеную мяту – она стоила 20 коп. за фунт.

Из огородных овощей наиболее дорогим продуктом была спаржа – фунт 1-го сорта стоил 1 руб. 50 коп., а 2-го сорта – 80 коп.⁹⁴ Спаржу выращивали в парниках круглогодично. В каталоге выставки сельских произведений говорилось: «Спаржа у нас возделывается в большом количестве и весьма у многих хозяев: не только огородники, сбывающие свои продукты продажею, выводят, между прочим, и спаржу, но у многих помещиков находятся значительные спаржные плантации, с коих получают плоды для собственного домашнего их употребления»⁹⁵.

Использовался оригинальный способ выращивания спаржи под снегом при температуре воздуха до –30 °С (28° по Реомюру). В наполненные перегноем ямы из-под парников

⁸⁹ Здесь и далее цены приведены и пересчитаны в современные меры по архивным документам. Данные приведены из архивного дела: ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1401. Л. 42, 53.

⁹⁰ Андроссов В.П. Хозяйственная статистика России, составленная Василием Андроссовым, Императорского Московского общества сельского хозяйства действительным членом. М., 1827. С. 70–71.

⁹¹ Московские ведомости. 1823. № 54. 7 июля.

⁹² ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1401. Л. 53.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Аналитический каталог Выставки сельских произведений в Москве 1852 года... С. 220.

сажали спаржу, присыпали землей и покрывали рогожами, сверху которых насыпали 30–35 см навоза и поверх навоза – снега от 30 см до 1 м. Навоз на грядах даже под снегом, разлагаясь, повышал температуру и согревал почву, сохраняя «отпрыски спаржи» от замерзания. Когда надо было срезать спаржу, сначала раскапывали снег, затем снимали навоз и рогожи на тех участках, где хотели брать спаржу. После добывания стеблей спаржи из-под снега гряды вновь накрывали рогожами, навозом и присыпали снегом. Спаржа могла давать урожай по 20 лет. Зимой спаржа была деликатесом, поэтому, как сообщал эксперт выставки, «лучшие московские огородники не продают свою спаржу летом, а более во время зимы, когда она имеет значительно большую цену»⁹⁶.

Рис. 7. Промысловые огороды у стен Новодевичьего монастыря. Открытое письмо. Начало XX века

Дорого ли стоили овощи по сравнению с хлебом, мясом и рыбой? Приведем для сравнения цены на хлеб и мясо. Печеный хлеб, продаваемый в многочисленных пекарнях, стоил, конечно, недорого, и так называемые «фиксированные цены» намеренно удерживались городским начальством. Эти справочные цены (их нельзя было превышать) регулярно печатались на последней странице газеты «Московские ведомости». Цена французской булки (фунт весом) была наивысшей – 16 коп., дальше шли крупитчатые калачи за 12 коп., пшеничный, пеклеванный и ситный – все по 8 коп. фунт⁹⁷.

По сведениям, поданным старостой Сретенской части в Московскую городскую шестигласную думу 31 марта 1825 г., мясо стоило 15 коп. за фунт свежей говядины первого сорта, 20 коп. за фунт баранины, 25 коп. за фунт копченой ветчины⁹⁸. Курица живая, которую предполагалось забивать уже дома, стоила 80 коп. – 1 руб. Коровье сливочное масло стоило 40–42 коп. за фунт. Десяток яиц – также 40 коп.⁹⁹ Фунт малосольной осетрины на рынке стоил 50–55 коп., малосольной севрюги – 35–40 коп.¹⁰⁰ Здесь приведены цены на общегородских рынках, где повседневно покупали снедь горожане.

Если же сопоставить цены на снедь с ценами на книги, предметы быта, одежду, то окажется, что овощи, мясо, рыба, хлеб продавались по вполне доступным ценам. Например,

⁹⁶ Аналитический каталог Выставки сельских произведений в Москве 1852 года... С. 220–221.

⁹⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1401. Л. 56.

⁹⁸ Там же. Л. 79.

⁹⁹ Там же. Л. 53.

¹⁰⁰ Там же. Л. 44.

книга стихотворений Пушкина чуть позже, в начале 1830-х годов, стоила 5 руб., и критики сетовали, что это весьма дорого. В это время (1825 г.) в лавках Китай-города самовар стоил 100 руб., бобровая шапка – от 50 до 300 руб., суконная шапка – 7 руб.¹⁰¹.

Рассмотрим цены 1840-х годов. Некоторые сведения о таксах на овощи и их сезонном колебании содержатся в отчете обер-полицмейстера за 1842 г. Фиксированные цены (таксы) на основные (первостепенные) съестные продукты устанавливались московским комендантом совместно с членами Городской шестигласной думы. Из овощного товара в список первостепенных «припасов» входили капуста и картофель. Например, цена на четверик картофеля была определена следующая: с января по июнь – 30 коп., за июль нет сведений, на август – 25 коп., сентябрь – 10 коп., октябрь – 11 коп., ноябрь и декабрь – по 12 коп. Свежая капуста продавалась лишь три осенних месяца и колебания цен не наблюдалось. Цены на капусту показаны только за сентябрь, октябрь и ноябрь, когда снимали урожай для продажи – 1-й сорт стоил 2 руб. 50 коп. за сотню кочанов в сентябре и октябре, 2 руб. 60 коп. в ноябре, 2-й сорт всю осень шел по 2 руб. за сотню¹⁰².

Наличие сохранившихся в архиве помесечных ведомостей о ценах в Москве за 1846 г.¹⁰³, поданных на имя московского военного генерал-губернатора А.Г. Щербатова от городского головы С.Л. Лепешкина, дало возможность проследить сезонную динамику цен на различные овощные культуры. Например, свежие огурцы (сотнями и тысячами) были в продаже только в августе и сентябре, но при этом в августе прекращалась на месяц продажа засоленных огурцов. В августе 1846 г. свежие огурцы стоили 10 коп. за сотню, в сентябре – 1 руб. 20 коп. за тысячу¹⁰⁴.

Рассмотрим далее ценовые колебания по видам овощей.

Квашеная капуста продавалась трех видов – белая (самая дорогая), полубелая и серая. Она была в продаже круглый год как излюбленное кушанье горожан, которое могло долго храниться в холодном подвале и подвергаться дальнейшей переработке, например для варки щей и приготовления тушеной капусты. Максимальная цена на квашеную капусту устанавливалась в ноябре и декабре, когда она была приготовлена из кочанов нового урожая – 60 коп. за ведро белой капусты, 45 коп. – полубелой, 30 коп. – серой. С января по май цены не менялись и были минимальными: белая – 26 коп., полубелая – 17 коп., серая – 12 коп. В три летних месяца цена соответственно немного повышалась: белая – 30 коп., полубелая – 20 коп., серая – 15 коп., и еще раз повышалась в сентябре и октябре, когда распродавали остатки прошлогодних запасов: белая – 35 коп., полубелая – 25 коп., серая – 20 коп. В октябре капуста нового урожая, еще не настоявшаяся до полной готовности, стоила: белая – 45 коп., полубелая – 35 коп., серая – 25 коп.

Цена на картофель (продавался с возов) в течение года колебалась от 13 коп. за четверик с января по март и 15 коп. в июне и июле до 35 коп. за картофель нового урожая в ноябре и декабре. Амплитуда цен между свежим картофелем и картофелем старого урожая была широкой и максимальная цена превосходила минимальную в 2,7 раза. В январе показана продажа «с возов и из барок», в феврале – «из лавок».

Репчатый лук продавался круглогодично по максимальной цене – в апреле-мае (50 коп. за четверик) и июне (65 коп. за четверик). Продажа лука нового урожая начиналась в августе (35 коп.), с сентября по декабрь цены держались на уровне 30 коп. за четверик.

На другие овощи цены в течение года незначительно колебались – разница между максимальной и минимальной ценами не превышала 20 %, что можно интерпретировать как признак стабильности и устойчивости рынка.

Заключение. Овощи занимали важнейшее место в питании горожан. Они были в продаже на городских рынках круглогодично. Москвичи могли купить такие овощные культуры, как капуста, картофель, морковь, свекла, репа, редька, сельдерей, пастернак, спаржа

¹⁰¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1401. Л. 1, 29.

¹⁰² Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 год. С. 78–79.

¹⁰³ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 14. Д. 428. Л. 1–239.

¹⁰⁴ Здесь и далее помесечные цены даны по: ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 14. Д. 428. Л. 12 об., 19 об., 35 об., 52 об., 79 об., 107 об., 133 об., 170 об., 185 об., 201 об., 216 об., 231 об.

и др. Торговля велась преимущественно с возов как местными московскими огородниками, так и приезжими селянами из Московской и близлежащих губерний – Калужской, Владимирской, Рязанской. На крупных рынках – на Моисеевской площади и площади Тверских ворот – торговля овощами шла ежедневно, на остальных рынках в базарные дни – среду, пятницу и воскресенье. В ходе исследования удалось выявить сведения об объеме продаж: например в 1846 г. по данным полицейской статистики на 15 рынках было продано овощей на сумму около 400 тыс. руб. серебром.

Законодательством торговля была разрешена основным категориям городского населения – купцам, мещанам, постоянно живущим в городе крестьянам. То есть состав торгующих был мультисословным. В статье отмечена значительная роль крестьян-москвичей в выращивании овощей и торговле ими, поскольку крестьяне были самой многочисленной группой в населении Москвы, составляя в разные годы 45–66 % всех жителей: например, в 1810 г. их насчитывалось 160 тыс. чел. (61 %), в 1830 г. – 120 тыс. чел. (46 %), в 1847 г. – 234 тыс. чел. (почти 67 %).

Большая часть овощей поступала в продажу в Москве с промысловых огородов, расположенных по всему городу, но особенно на окраинах столицы – в Суцёвской, Серпуховской, Хамовнической частях. В начале 1830-х годов в Москве огороды занимали шестую часть городской территории, а выращенная продукция поступала на городские рынки, где свежие овощи продавались с возов, а засоленные – в лавках. По полицейской статистике в 1838 г. в Москве имелось 228 огородов, в 1847 г. – 157. В год, по сведениям 1847 г., на них было выращено овощей для продажи на огромную сумму 151 тыс. руб. серебром, причем некоторые огородники поставляли на рынок капусту в кочанах десятками тысяч, а огурцы – десятками и сотнями тысяч штук. Владельцами огородов были Кремлевская экспедиция, монастыри и церкви, частные лица всех сословий. Обращение к архивным делам о сдаче монастырской земли помещичьим крестьянам под возделывание овощей (с оговоренной в контрактах денежной платой и поставкой овощей в монастырь) позволило реконструировать механизм взаимоотношений арендодателя и арендаторов.

Что касается привоза овощей в Москву из Московской и соседних губерний (особенно из Калужской и Владимирской), то даже при несовершенстве статистики очевидно, что привоз был постоянным и значительным: например, в 1838 г. на пике поставок было доставлено в Москву 130,6 тыс. возов овощей, т.е. около 52 тыс. тонн, что равнялось приблизительно 150 кг в год на душу населения.

Большой удачей стало выявление по архивным документам цен на овощи. Это позволило показать графикацию цен на разные виды овощных культур и установить факт сезонного колебания цен на картофель, квашеную капусту и репчатый лук в зависимости от того, продавались овощи старого урожая или нового. Также благодаря анализу помесечных ведомостей прояснилась картина поставок овощей на рынок, в частности в ведомостях, поданных старостами городских частей и торговых рядов в 1846 г., показано, что свежие огурцы были в продаже только в августе и сентябре, а свежая капуста лишь в октябре, что соответствовало календарю сбора урожая.

Изучение истории потребления открывает новые перспективы для исследования уровня жизни населения, аграрной истории и повседневной истории города. В целом же проведенное исследование показало, что уже в первой половине XIX в. протекал интенсивный процесс институционализации торговли, что можно считать одним из признаков становления внутреннего рынка.

Литература

Меженина О.В., Щеглов С.Г. Сельскохозяйственная деятельность мещан в городах Томской губернии в первой половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3-2 (87). С. 159–164.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 572 с.

Морозов А.Г. Оброк ростовских крестьян в конце XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам вотчинных архивов Орловых, Голицыных, Паниных) // История и культура Ростовской земли. 2009. Ростов, 2010. С. 236–245.

Морозов А.Г. Ростовские огородники в Москве в конце XVIII – середине XIX века // Московские поставщики: история в лицах. Вып. II. М., 2021. С. 188–195.

Пожарская К.А., Бугрова Е.А. Огородничество в системе хозяйствования крестьян Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.: трудовые традиции и аграрные практики // Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 6 (146). С. 38–46.

Роднов М.И. К истории отечественного бахчеводства в XIX – начале XX века (по материалам Оренбургской и Уфимской губерний) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т. 15, № 2. С. 89–120.

Рянский Л.М. Новые явления в сельскохозяйственном производстве крестьян черноземных губерний в первой половине XIX в. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 4 (28). С. 217–219.

Ульянова Г.Н. Хлебная торговля в Москве в первой половине XIX в.: доставка зерна, муки и круп по водным путям [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 11–23. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-01.pdf> (дата обращения: 05.05.2026).

Ульянова Г.Н. Предпринимательская деятельность московского купечества по данным ревизских сказок и «Очередной книги» (1795–1801 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2016. № 22 (243). Вып. 40. С. 108–116.

Ульянова Г.Н. Торговля мясом в Москве в первой половине XIX века: доставка, продажа, цены // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н.В. Козловой: сб. науч. ст. Труды исторического факультета МГУ. Сер. II: Исторические исследования. Вып. 163. М., 2023. С. 168–186.

References

Mezhenina, O.V., Shcheglov, S.G. (2025). Sel'skokhozyaystvennaya deyatel'nost' meshchan v gorodakh Tomskoy gubernii v pervoy polovine XIX v. [Agricultural Activities of Burghers in the Tomsk Province in the First Half of the 19th Century]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 87, No. 3-2, pp. 159–164.

Milov, L.V. (2001). *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow, ROSSPEN. 573 p.

Morozov, A.G. (2010). Obrok rostovskih krest'yan v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. (Po materialam votchinnykh arkhivov Orlovyykh, Golitsynykh, Paninykh) [The Rent of Rostov Peasants in the Late XVIII – First Half of the XIX Centuries (Based on the Materials of the Patrimonial Archives of the Orlovs, Golitsyns, and Panins)]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli*. Rostov, pp. 236–245.

Morozov, A.G. (2021). Rostovskie ogorodniki v Moskve v kontse XVIII – seredine XIX veka [Rostov Gardeners in Moscow at the End of the 18th – the Middle of the 19th Century]. In *Moskovskie postavshchiki: istoriya v litsakh*. Vol. II. Moscow, pp. 188–195.

Pozharskaya, K.A., Bugrova, E.A. (2025). Ogorodnichestvo v sisteme hozyaystvovaniya krest'yan Tomskoy gubernii na rubezhe XIX–XX vv.: trudovye traditsii i agrarnye praktiki [Vegetable Gardening in the Farming System of Peasants in Tomsk Province at the Turn of the 19th–20th Centuries: Labor Traditions and Agrarian Practices]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 146, No. 6, pp. 38–46.

Rodnov, M.I. (2025). K istorii otechestvennogo bakhchevodstva v XIX – nachale XX veka (po materialam Orenburgskoy i Ufimskoy guberniy) [On the History of Domestic Melon Growing in the 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials from the Orenburg and Ufa Provinces)]. In *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*. Vol. 15, No. 2, pp. 89–120.

Ryansky, L.M. (2009). Novye yavleniya v sel'skohozyaystvennom proizvodstve krest'yan chernozemnykh guberniy v pervoy polovine XIX v. [Agrarian Innovations in the Peasant Households of the "Chernozem" Region in the 1st Half of the 19th Century]. In *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. Vol. 28, No. 4, pp. 217–219.

Ulianova, G.N. (2016). Predprinimatel'skaya deyatel'nost' moskovskogo kupechestva po dannym revizskikh skazok i "Ocherednoy knigi" (1795–1801 gg.) [Moscow Merchants Entrepreneurial Activity: the Results of the Analysis, based on Poll-Tax Registers (Soul Revisions) of Fifth Revision (1795) and "Public Duties Order Book" (1801)]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya*. Vol. 243, Part 40, No. 22, pp. 108–116.

Ulianova, G.N. (2022). Khlebnaya trgovlya v Moskve v pervoy polovine XIX v.: dostavka zerna, muki i krup po vodnym putyam [The Grain and Flour Trade in Moscow in the First Half of the 19th Century: a Water Transportation of Grain, Flour and Cereals]. In *Istoricheskiy Kurier*. Vol. 23, No. 3, pp. 11–23. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-01.pdf> (date of access 05.05.2026).

Ulianova, G.N. (2023). Torgovlya myasom v Moskve v pervoy polovine XIX veka: dostavka, prodazha, tseny [Meat Trade in Moscow in the First Half of the Nineteenth Century: Supply, Selling, Prices]. In *Goroda i lyudi staroy Rossii. K yubileyu professora N.V. Kozlovoy. Sbornik nauchnykh statey. Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Seriya II: Istoricheskie issledovaniya*. Moscow. Vol. 163, pp. 168–186.

В.П. Шахеров*

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕР ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКАdoi:10.31518/2618-9100-2026-4-3
УДК 94:332(571.53)"17/18"*Выходные данные для цитирования:**Шахеров В.П. Организация мер продовольственной безопасности в Иркутской губернии конца XVIII – первой половины XIX века // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 52–64. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-03.pdf>*

V.P. Shakherov*

FOOD SECURITY MEASURES IN THE IRKUTSK PROVINCE
IN THE LATE 18TH AND THE FIRST HALF
OF THE 19TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-3

*How to cite:**Shakherov V.P. Food Security Measures in the Irkutsk Province in the Late 18th and the First Half of the 19th Century // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 52–64. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-03.pdf>]*

Abstract. The article examines the agricultural development in the Irkutsk province in the late 18th and early 19th centuries in the context of the formation of a food security system. The article attempts to show the state and direction of government policies aimed at expanding the area of cultivated land and filling the region's food market. It is established that administrative measures, primarily aimed at ensuring the interests of the state, as well as various forms of incentives, played a significant role in expanding the area of cultivated land and increasing the marketability of grain products. It has been shown that the resettlement from central Russia and exile, the promotion of agriculture among the indigenous population, primarily the Buryats, support for the expansion of crops, including potatoes, and the restriction of private entrepreneurship and food speculation contributed to the growth of the agricultural sector in the region, despite the harsh weather conditions, poor soil quality, lack of roads, crop failures, and famine. At the same time, administrative pressure, abuse, taxes, and duties hindered the growth of peasant farming and the free food market. It was concluded that despite the objective reasons for the growth of the peasant population and its involvement in market relations, government measures to support the farming of the Russian and Buryat populations contributed to its development and stabilization of food security.

Keywords: agriculture, peasantry, food security, Buryat farming, grain market, bread stores, subsidiary crafts, Irkutsk Province.

The article has been received by the editor on 19.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрено развитие земледелия в Иркутской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. в контексте формирования системы продовольственной безопасности. Предпринята попытка показать состояние и направления правительственной политики по расширению посевных площадей и наполнению продовольственного рынка региона. Установлено, что меры административного воздействия, обеспечивая прежде всего интересы государства, наряду с разнообразными формами поощрения играли определенную роль в расширении посевных площадей и росте

* **Вадим Петрович Шахеров**, доктор исторических наук, профессор, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: wodalis@yandex.ru

Vadim Petrovich Shakherov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: wodalis@yandex.ru

товарности хлебной продукции. Показано, что переселение из европейской части России и ссылка, поощрение земледелия у коренного населения, прежде всего у бурят, поддержка расширения посевных культур, в том числе картофеля, ограничение частного предпринимательства и спекуляций продуктами питания содействовали росту аграрного сектора в регионе в условиях резких колебаний погоды, некачественных почв, бездорожья, неурожаяев и голода. В то же время административное давление, злоупотребления, налоги и повинности сдерживали рост крестьянского хлебопашества и свободного продовольственного рынка. Сделаны выводы, что, несмотря на объективные причины роста крестьянского населения и его вовлечения в рыночные отношения, государственные меры поддержки земледелия способствовали его развитию и стабилизации продовольственной безопасности.

Ключевые слова: земледелие, крестьянство, продовольственная безопасность, бурятское хлебопашество, хлебный рынок, хлебозапасные магазины, подсобные промыслы, Иркутская губерния.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025 г.

Вопросы продовольственной безопасности и организации мер по ее обеспечению относительно недавно получили признание в сибирской историографии. При этом для ряда сибирских регионов, в том числе Иркутской губернии, занимавшей огромное пространство от Енисея до Тихого океана, они не поднимались даже в постановочном плане и остаются мало исследованы. В настоящей статье предпринята попытка показать состояние и направления правительственной политики по расширению посевных площадей и наполнению продовольственного рынка региона в конце XVIII – первой половине XIX в. Изучение этих процессов позволяет выделить в качестве главной цели статьи усилия региональной власти по поиску различных мер формирования продовольственной безопасности края.

Надо сказать, что история сельскохозяйственного освоения Иркутской губернии в связи с ее заселением достаточно полно рассматривалась в региональной историографии. Различные аспекты формирования аграрного хозяйства и обеспечения населения продовольствием не раз поднимались в советский период, в первую очередь в трудах В.Н. Шерстобоева, В.А. Александрова, В.И. Шункова, Г.Ф. Быкони, в коллективной монографии о крестьянстве Сибири¹. В последние десятилетия изучение этих проблем в Восточной Сибири заметно снизилось. Можно отметить лишь обстоятельное документальное исследование Б.Г. Красноштанова о ленской пашне². Некоторые наблюдения и обобщение материала представлены также в небольшом исследовании автора данной статьи об экономическом развитии Верхней Лены и в написанных им разделах по заселению и хозяйственному освоению региона в новейшем четырехтомном издании по истории Иркутской губернии³. Нельзя не отметить и возросший интерес к изучению земледелия у прибайкальских и забайкальских бурят, выразившийся в появлении ряда диссертационных работ и коллективной монографии по истории Усть-Ордынского Бурятского округа, в которой были обобщены результаты исследований последних десятилетий⁴.

¹ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. I: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1957. Т. II: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956; Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

² Красноштанов Г.Б. На Ленских пашнях в XVII веке: документальное повествование. Ч. 1–3. М., 2012–2013.

³ Шахеров В.П. Социально-экономическое развитие Верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск, 2000; История Иркутской губернии в 4 т. Иркутск, 2024. Т. 1. С. 245–265.

⁴ Батуева И.Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2000; Михайлов В.А. Земледелие западных бурят в XVII – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000; История Усть-Ордынского Бурятского округа. Иркутск, 2024.

Источниковая база исследования достаточно разнообразна по материалам, включая статистические данные, отчеты и обзоры по сибирским губерниям. В процессе подготовки статьи были использованы неопубликованные документы из архивов Иркутска, Улан-Удэ, Читы, а также документы I и II Сибирских комитетов, хранящиеся в РГИА. К сожалению, можно отметить практически полное отсутствие работ, посвященных анализу этого документального комплекса. Кроме того, до настоящего времени не появилось ни одного сборника документов, отражающих проблемы хозяйственного развития сибирских регионов и правительственную политику в формировании мер продовольственной безопасности.

Развитие сибирской пашни в конце XVII – XVIII вв. заложило крепкие земледельческие традиции в Прибайкалье. Илимский и Верхоленинский земледельческие районы превратились в основную базу снабжения всего северо-востока Сибири, где в силу вечной мерзлоты хлебопашество было невозможным. Динамично развивалось земледелие в Иркутском и Нижнеудинском уездах, обеспечивавшее хлебом не только свои территории, но и все Забайкалье. В начале XIX в. быстрыми темпами растет земледельческое освоение долины Селенги. Крестьянское освоение края становится определяющим в развитии экономики Восточной Сибири. К середине XIX в. в Прибайкалье числилось до 79 тыс. крестьян мужского пола, а общая площадь пашни достигала 500 тыс. десятин⁵. После отмены десятинной пашни и перевода крестьян на денежное обложение начинает постепенно формироваться региональный хлебный рынок. Крестьяне получили большую свободу в развитии своего хозяйства и продажи излишков в казну, на городской рынок или в отдаленные бесхлебные районы.

При этом следует отметить, что в силу особенностей сибирского климата и недостатка пригодных для земледелия почв урожайность была довольно низкая, особенно в северных волостях, и сильно колебалась по годам. Сибирь всегда была зоной рискованного земледелия, вынуждая население и власти применять различные возможности для стабилизации хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности. Серьезные падения урожая хлеба и кормов вследствие засухи наблюдались в 1800–1802, 1810–1811 гг. Особенно тяжелыми выдались неурожайные годы начала века, когда, чтобы избежать голода, хлеб пришлось закупать в Красноярском округе. Кроме того, из-за недостатка сырья были остановлены винокуренные заводы, а подряды на доставку вина из Тобольска взял на себя иркутский купец Н.Т. Баснин⁶. Сильные неурожай случались даже в наиболее хлеботорговых районах. Один из агентов М.М. Булдакова, первенствующего директора Российско-американской компании, сообщал ему в марте 1813 г. о чрезвычайной дороговизне хлеба и конского корма в Сибири из-за неурожая в Красноярском и Нижнеудинском округах. Он отмечал, что цены на хлеб повысились в несколько раз, и считал, что к лету «дороговизна в провозах и припасах возвысится до совершенной крайности»⁷.

Неурожайные годы не только приводили к голоду населения, но и серьезно осложняли положение казны, заставляя губернские власти заниматься вопросами продовольственной безопасности. К их числу относились меры по созданию хлебных запасов, переселенческая политика и расширение посевных площадей, приобщение к земледелию коренного населения, попытки административного регулирования продовольственного рынка и казенных закупок. К середине века административное вмешательство принесло некоторые результаты и привело к стабилизации урожаев в основных земледельческих районах края.

Одной из мер по обеспечению в селениях хлебных запасов стало создание хлебозапасных магазинов. Они начали появляться в русских селениях во второй половине XVIII в., но широкое распространение получили в губернии только после принятия в 1799 г. «Положения о сельских запасных магазейнах»⁸. Цель их создания – «доставление пособий жителям в случае непредвиденных несчастий», т.е. они стали местом хранения страхового

⁵ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 220.

⁶ Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1911. С. 177.

⁷ Эпистолярное наследие устюжской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века. Вологда, 2018. С. 228.

⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 25. № 19203. С. 895–899.

крестьянского семенного фонда на случай стихийных бедствий и неурожая. Официальные данные за 1840 год засвидетельствовали, что запасные магазины, из которых крестьяне получали зерно на посевы, были устроены «в каждом мирском обществе». Всего в губернии насчитывалось до 564 магазинов, в которых на хранении находилось 2,7 млн пудов зерна⁹.

В целом в Иркутской губернии сложилось устойчивое земледельческое хозяйство. На первом месте по развитию земледелия находился Иркутский уезд, хлеб из которого вывозился в соседние уезды и на север. Следующим был Верхнеудинский уезд, снабжавший хлебом Нерчинский округ и обеспечивавший кяхтинский мелочный торг с Монголией. Далее по степени распространения хлебопашества следовали Нижнеудинский, Нерчинский и Киренский уезды. В целом в Иркутской губернии за первую половину XIX в. посевная площадь увеличилась почти в три раза. Соответственно вырос и сбор зерновых.

Стремясь быстро заселить восточные окраины Сибири, правительство неоднократно применяло меры административного характера. Одним из успешных с точки зрения развития землепашества стало переселение в Забайкалье старообрядцев с границ Западной Белоруссии, получивших название «семейских» из-за того, что переселялись целыми семьями и образовывали свои поселения. В 1768 г. около 2,7 тыс. «семейских» было расселено в Селенгинском ведомстве. Всего к концу XVIII в. в Забайкалье их насчитывалось до 4,5 тыс. обоего пола, а к середине XIX в. их численность увеличилась более чем в 4 раза¹⁰. Ареол их расселения включал четыре волости Верхнеудинского уезда: Куналейскую, Мухоршибирскую, Торбагатайскую и Урлукскую. Для начального обзаведения каждой семье были выданы лошадь, корова, сошник и другие инструменты, а также семена для посевов. Спустя десяток лет старообрядцы прижились к местным природным условиям, стали получать хорошие урожаи и обзавелись «домашнею экономией и домовым строительством». Они не только полностью обеспечивали себя хлебом, но начали поставлять его для регулярных войск, на Петровский железоделательный завод и в другие места. В 1808 г. иркутский гражданский губернатор Н.И. Трескин в своем «Положении о распространении хлебопашества в Иркутской губернии» с удивительной для казенного документа эмоциональностью отмечал их редкое трудолюбие и прилежание. Как писал губернатор, «ныне у них лучшие пашни, и их хлебопашество составляет им не токмо изобильное содержание, но есть главнейшая подпора Верхнеудинского и Нерчинского уездов»¹¹.

Надо сказать, что далеко не всегда правительственная политика переселения была столь успешна для земледельческого освоения края. В самом конце XVIII в. была предпринята одна из крупнейших административных акций по заселению Восточной Сибири. По указу 1799 г. предусматривалось расселить в Прибайкалье и Забайкалье до 10 тыс. человек из отставных солдат, ссыльнопоселенцев и помещичьих крестьян, сосланных в зачет рекрутов. Итоги массового переселения к Байкалу не способствовали успешному развитию земледелия. Всего в южных уездах Иркутской губернии было создано 65 новых поселений, в которых числилось около 14 тыс. человек (с женщинами и детьми)¹². В дальнейшем поселенцы новых селений не образовывали, а причислялись к старожильческим поселениям. Среди переселенных оказалось более 5 тыс. человек так называемых «вольнопропитанных», к которым относили престарелых, увечных и больных людей¹³.

Еще одним источником пополнения крестьянского населения были ссыльные, численность которых постоянно росла. Если в 1795 г. в регионе находилось около 6,6 тыс. ссыльнопоселенцев, то спустя три десятилетия их было уже более 31 тыс. человек. Определенные на поселение в старожильческие деревни, далеко не все из них готовы были заняться сельским хозяйством, многие бежали с мест водворения. Так, из сосланных в Сибирь в 1820–1850-х годах не более половины оставалось в местах водворения, остальные находи-

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1265. Оп. 1. Д. 67. Л. 37.

¹⁰ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XIX вв. Новосибирск, 1994. С. 61.

¹¹ Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск, 1922. С. 14.

¹² РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 310.

¹³ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 481. Л. 6 об.–7.

лись в бегах¹⁴. Те, кто оставался, не сразу могли обзавестись собственным хозяйством. Чаще всего они вынуждены были наниматься в работники к зажиточным крестьянам. Например, в 1841 г. из 7,5 тыс. ссыльных только 194 человека сумели сразу же начать собственное дело.

Следует сказать, что земледелием занимались не только крестьяне. В качестве подсобного хозяйства оно существовало у казаков, духовенства и даже у городских мещан и купечества. Но наиболее заметным для расширения посевных площадей и развития земледелия стали усилия государства по привлечению к этой отрасли бурятских хозяйств. Переход бурят к земледельческим занятиям был следствием тесного взаимодействия с сибирским крестьянским населением, но растянулся по времени не только в рамках одного уезда, но и внутри отдельных ведомств, родов и улусов. Первыми стали переходить к земледелию буряты, живущие по Ангаре и ее притокам. К 1792 г. у балаганских бурят под посевами было уже до 3 387 десятин¹⁵. Заметные успехи в земледелии наблюдались и в соседних ведомствах – Идинском, Аларском, Кудинском. В начале 1770-х годов в окрестностях Иркутска и на Ангаре посевы имелись примерно в каждом четвертом хозяйстве бурят. В первой половине XIX в. по темпам роста посевных площадей западные буряты почти не отставали от русского населения. В 1849 г. на их долю приходилось до трети всех посевов Иркутской губернии¹⁶. Успехи хлебопашества у западных бурят даже породили некоторые иллюзии в отношении других народов края. С 1760 г. делались попытки приохотить к земледелию эвенков «по примеру Иркутского и Балаганского ведомства брацких, которые-де имеют у себя довольные пашни и многое число хлеба привозят в Иркутск и продают и тем ясак платят и на прочие свои потребности употребляют»¹⁷. Однако приспособить пахать пашни таежных бродячих жителей было трудно. Так, из эвенков Нижнеилимской инородческой волости в 1832 г. только 19 человек перешли к земледельческим занятиям, но и у них под пашней было всего 13 десятин земли¹⁸.

Привлечение бурятского населения Прибайкалья к земледельческим занятиям было вызвано недостаточным количеством пастбищ для скотоводческого хозяйства и необходимостью получения дополнительных ресурсов. Кроме того, развитие регионального рынка и спрос на зерновую продукцию и корма также стимулировали вовлеченность бурят в новые формы хозяйственной деятельности. Наиболее активно в развитии земледелия участвовала верхушка бурятского общества, имевшая значительное количество скота и материальных ресурсов. Нельзя не отметить усилия губернских властей в развитии хлебопашества у бурятского населения. Для содействия развитию земледельческих занятий среди бурят еще в 1780-х годах в Иркутске была создана должность экономии-директора. Тогда же иркутская губернская канцелярия разослала всем бурятским родовым начальникам предписание, в котором указывала на необходимость содействовать развитию пашни у подведомственных им инородцев «сколько возможно советами и благоразумными увещеваниями». В 1802 г. кудинскому тайше было предписано не просто содействовать хлебопашеству у местных бурят, а строго контролировать, чтобы «ни один в улусах <...> без работы не оставался». Тогда же старейшины родов Кудинского ведомства дали подписку «год от года умножать земледелие»¹⁹.

Кроме административных мер, власти на местах старались оказывать и материальную поддержку орудиями труда и семенами. Так, земледелие у хоринских бурят в Забайкалье началось только в конце XVIII в. и было связано со многими трудностями. По просьбе их главного тайши Дамбы Дугара Иринчеева снабдить за счет казны всем необходимым для

¹⁴ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1834. Т. 2. С. 67.

¹⁵ История Усть-Ордынского Бурятского округа... С. 129.

¹⁶ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 21.

¹⁷ Зандараев Б.Б. Развитие земледельческого хозяйства у бурят в XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 7. С. 3.

¹⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1008. Л. 61.

¹⁹ История Усть-Ордынского Бурятского округа... С. 129–130.

возделывания пашни Сенат выделил субсидию «на первый случай» в 20 тыс. руб.²⁰ Иринчиев приложил значительные усилия для развития земледелия у своих сородичей, за что был в 1804 г. награжден «золотой медалью, украшенной бриллиантами для ношения на голубой ленте»²¹. К 1837 г. посевная площадь у хоринцев достигла 21 800 десятин. Земледелие стало проникать даже к агинцам, хотя земли для пашни были мало пригодны. В 1840-х годах посевные площади здесь составляли всего 240 десятин. Сажали одну яровую пшеницу, которая шла для собственного пропитания и на посев²².

Заметную поддержку бурятскому земледелию оказывал гражданский губернатор Н.И. Трескин. Определенную роль сыграло его «Положение о распространении хлебопашества в Иркутской губернии». С одной стороны, в нем были отмечены успехи развития земледелия у бурят, с другой – прописывались меры для его дальнейшего развития. Так, бурятам Иркутского уезда предписывалось засеивать не менее одной десятины, а Нижнеудинского, «как менее привыкшим к земледелию», – по полдесятины на ревизскую душу²³. Последовательная политика местных властей на поддержание земледелия у бурят в виде организации хлебозапасных магазинов, оказания помощи семенами и кормами привела к увеличению темпов его развития. Так, если в 1827 г. иркутские буряты засеивали 30,7 тыс. десятин, то через четверть века, в 1851 г., уже 111,7 десятин, т.е. почти в 4 раза больше²⁴. Успехи в развитии бурятского земледелия отмечал в 1851 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, писавший, что «первые ученики Трескина» идинские, аларские и балаганские буряты превзошли по успехам хлебопашества даже русские волости и под их влиянием начинают переходить к хлебопашеству их кудинские, ленские и верхоленские сородичи. В целом, по его мнению, частые падежи скота и рекомендации местных властей приучили «инородцев» создавать запасы кормов на зиму²⁵. Таким образом, в середине XIX в. земледелие стало играть ведущую роль в хозяйстве бурят Иркутской губернии, особенно тех ведомств, хозяйства которых тесно соприкасались с пашнями русских крестьян. За успехи в земледелии многие бурятские родоначальники были награждены медалями и похвальными листами на первой иркутской сельскохозяйственной и мануфактурно-ремесленной выставке в октябре 1868 г.²⁶ Признавая важность административного принуждения и поддержку бурятских хозяйств, следует учитывать, что бурятское земледелие в первую очередь было вызвано процессами экономического развития губернии и переходом части коренного населения к оседлому образу жизни.

Успехи земледелия и развитие рыночных отношений содействовали заметному социальному расслоению крестьянства, особенно в пригородных и притрактовых селах. Наряду с хозяйствами, имевшими до 40 и более десятин пашни, много было и таких, которые «пашут едва столько, сколько на их пропитание потребно»²⁷. В 1819 г. все сельское население Сибири было разделено на четыре разряда: «самые богатые», «достаточные», «посредственные» и «совсем неимущие». В 1823 г. в Иркутской губернии в первую группу входило всего 255, во вторую – 20 536, в третью – 20 590, в четвертую – 17 014 чел.²⁸ Таким образом, основными фигурами на селе выступали середняки, составлявшие до 70 % всего крестьянства.

В 1800 г. в связи с неурожаем и недостатком хлеба в Иркутске провели обследование притрактовых селений Иркутского и Верхоленского уездов. Всего были получены данные по 44 населенным пунктам, в которых 418 хозяйств имели излишки хлеба и продавали его. Из числа выявленных почти половина – 202 хозяйства (48,3 %) – имела наемных работников.

²⁰ История Усть-Ордынского Бурятского округа... С. 130.

²¹ РГИА. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 256. Л. 7 об.

²² Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3462. Л. 24.

²³ История Усть-Ордынского Бурятского округа... С. 132.

²⁴ Курышов А.М. Культура земледелия у западных бурят: факторы распространения и их значимость // Историко-экономические исследования. 2014. № 3. С. 574.

²⁵ Там же. С. 579.

²⁶ История Усть-Ордынского Бурятского округа... С. 140.

²⁷ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 106. Оп. 2. Д. 12. Л. 1 об.

²⁸ ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 3. Л. 796–797.

Всего в хозяйствах крестьян этих сел было задействовано 3396 домашних работников, 434 наемных работника, 3053 лошади²⁹. Ими было «объявлено к продаже» 96 282 пуда хлеба и уже продано перекупщикам 102 817 пудов, т.е. всего в этот неурожайный год было обнуждено почти 200 пудов разного хлеба, предназначенного на продажу³⁰. Некоторые из этих хозяйств по объемам посевной площади и масштабам деятельности вполне соответствовали мелкому предпринимательству. Так, у уриковского крестьянина Д. Малых насчитывалось 60 работников, в том числе 40 наемных, С. Ширяев нанимал 35, черемховский крестьянин С. Чернышев – 60 человек³¹. Среди крупнейших перекупщиков хлеба были не только иркутские купцы, но балаганские и ленские крестьяне. При этом они закупали хлеб не только у русских крестьян, но и у бурят Идинского ведомства.

В результате роста перекупных операций резко сократилась свободная хлебная торговля в Иркутске. Если в конце XVIII в. на местный рынок привозилось от 200 до 400 возов с хлебом, то в первые десятилетия XIX в. подвоз его значительно упал, а цены выросли. Среди перекупщиков зерна были как иркутские купцы, так и зажиточные крестьяне подгородных сел. Отсутствие свободной продажи и рост цен не только затрудняли снабжение городского населения хлебом, но и создавали трудности для казенных закупок. В борьбе с хлебной монополией перекупщиков губернские власти пытались ограничивать частную торговлю хлебом, конфисковывая незаконно приобретенный хлеб. Властям проще было обвинить в повышении цен на хлеб и фураж перекупщиков из числа купцов и крестьян, чем признать свои ошибки и произвол в казенных закупках. Наиболее остро эта борьба развернулась при Н.И. Трескине, усилиями которого установился почти тотальный контроль за производством и продажей хлеба. Его деятельность по наведению порядка в организации хлебного производства и закупок была крайне противоречива. С одной стороны, он, борясь с произволом хлебных спекулянтов, изменил всю систему закупок хлеба в казну, предложив в 1807 г. предварительно закупать у крестьян хлеб в счет будущего урожая. Если вначале отношение крестьян к этой мере было настороженным, то вскоре в урожайные годы эта мера стала себя оправдывать. Подобными действиями ему удалось снизить цены на хлеб с 3 руб. до 1 руб. 60 коп³². Вместо ветхих хлебозапасных магазинов в Иркутске по распоряжению Н.И. Трескина были выстроены четыре новых деревянных амбара, вмещающих до 120 тыс. пудов. В период его правления заметно в лучшее состояние были приведены винокуренные заводы. Они были фактически изъяты из управления казенной экспедиции и находились под его личным контролем. В результате реконструкции заводов и наведения порядка с закупкой сырья и винными откупками они значительно увеличили производительность продукции и подняли доходность для казны в два с лишним раза – до 3,2 млн руб.³³

С другой стороны, жесткие административные меры сдерживали развитие внутренней торговли, ограничивая крестьянскую инициативу и предпринимательство. Пытаясь навести порядок в этой сфере, новая сибирская администрация в лице М.М. Сперанского издала в 1819 г. «Предварительные правила о свободе внутренней торговли» для всех слоев сибирского населения, которые состояли из 16 пунктов и определяли отношения между органами местного управления и торговцами, устанавливали запреты на наложение дополнительных пошлин в городах и уездах, разрешали свободное перемещение товаров из одного уезда в другой³⁴. Экономический либерализм М.М. Сперанского сыграл важную роль в преобразовании управления Сибирью, существенно улучшив его структуру, снизив произвол и злоупотребления местных властей, определив объем и сферу компетенции администраций разного уровня.

²⁹ ГАИО. Ф. 70. Оп. 10. Д. 379. Л. 18–26.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Гаращенко А.Н. Трескин и Цейдлер – иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX в. Иркутск, 2014. С. 54–55.

³³ Там же. С. 61.

³⁴ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. Т. 1. С. 322.

Хотя состояние крестьянского скотоводства в данной статье не затрагивается, нельзя не отметить достаточно высокий уровень обеспеченности хозяйств лошадьми и крупным рогатым скотом. На размеры крестьянского стада влияли огромные расстояния, недостаток сенокосных угодий, тяжелые условия обработки пашни, большой износ скота и частая его гибель от неурожая, стихийных бедствий, болезней. В то же время в связи с развитием бурятского скотоводства в губернии сформировался значительный рынок и особых проблем с пополнением крестьянского стада не наблюдалось, а среди крестьян встречались и обладатели крупных стад.

Значительное число лошадей, которое имели некоторые крестьяне, говорит не только о росте посевных площадей, но и об участии их владельцев в отхожих промыслах. Некоторые из наиболее состоятельных брали подряды по доставке казенных грузов в различные уголки губернии. Так, уриковские крестьяне Д. Малых и С. Ширяев подрядились с 1789 г. поставлять хлебное вино в Нерчинский округ и на казенные заводы. Весь подряд составлял 583 бочки на общую сумму в 17,3 тыс. руб.³⁵ Для более успешного выполнения подряда они даже приобрели парусное судно на Байкале. В различных подрядах и поставках казенных кладей участвовали и другие зажиточные крестьяне. В 1825 г., например, подряды на перевозку казенного вина находились в руках оекских крестьян С. Новоселова и Л. Позднякова³⁶. В то же время значительная часть крестьян все более беднела и превращалась в наемных работников. В 1830-х годах в различных работах и промыслах принимали участие 13 797 крестьян Иркутской губернии, еще 5196 человек занимались извозом³⁷.

Немаловажным в изучении истории развития системы продовольственной безопасности региона является вопрос о вывозе хлеба и другого продовольствия за границу. С одной стороны, этот экспорт – важный показатель развития зернового производства, с другой – в условиях неурожая он выступал серьезным фактором ухудшения снабжения населения. Существование пограничного торгового дела вдоль всей границы с Китаем заметно влияло на объемы вывоза продукции земледелия и скотоводства населения Забайкалья. Основные промены мелочной продукции проходили через Кяхту. Размеры ее во многом зависели от урожаев хлеба и необходимости использовать его и различный скот для казенных нужд. Местные власти, исходя из ситуации, неоднократно ограничивали продовольственные поставки за границу. Так, в связи с неурожаями 1801–1802 гг. губернская власть, испытывая серьезные трудности в закупках и снабжении населения продуктами питания, практически полностью запретила промены хлеба и скота за границу³⁸. В 1811 г. Н.И. Трескин запретил промен рогатого скота из-за резкого повышения цен на говядину в губернии. В том же году была приостановлена продажа хлеба. В 1813 г. из-за неурожая хлеба в Забайкалье было разрешено отпускать за границу не более 200 пудов хлеба в месяц³⁹. Заметный рост объемов продаж хлеба начался только с 1820-х годов, когда вывоз масла вырос в десятки раз, хлеба – в 4 раза, птицы и яиц (в штуках) – более чем в 2 раза. В 1827 г. вся продажа хлеба и масла достигла 105 472 руб. Другие статьи мелочной торговли дали еще около 163 тыс. руб. Таким образом, весь оборот мелочной торговли составил 268 472 руб.⁴⁰

В 1832 г. Иркутский губернский совет просил увеличить объемы промена в Кяхте почти в 2 раза – до 313 тыс. руб., считая, что эта мера послужит стимулом для развития хозяйства и повысит уровень жизни населения Забайкальского края. Не было поддержано только ходатайство начальника Верхнеудинского округа о дозволении местным крестьянам променивать хлеб за границу. Из-за опасения осложнения снабжения продовольствием

³⁵ ГАЗК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 14а. Л. 95–95 об.

³⁶ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1966. Л. 130.

³⁷ РГИА. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 521. Л. 104 об.; Д. 531. Л. 180; Д. 543.

³⁸ Шахеров В.П. Кяхтинская мелочная торговля второй половины XVIII – начала XIX вв. как фактор расширения трансграничных торговых связей // Российско-китайские исследования. 2025. № 2. С. 132.

³⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 607. Л. 127.

⁴⁰ Там же. Л. 5.

жителей Иркутской губернии и в заготовке казенных запасов им было предложено сбывать излишки хлеба в казенные провиантские магазины, а также в Иркутский округ⁴¹.

В результате этих мер, а также в целом роста земледелия и скотоводства в Забайкалье, мелочная продажа продуктов питания заметно выросла. В 1827 г. разного хлеба за границу было отпущено по данным таможи более чем на 60 тыс. пудов. Постановлением министра финансов от 29 апреля 1833 г. были сняты все ограничения для местных жителей на экспорт съестных припасов за исключением мерлушки, которая наряду с пушниной составляла важную статью оптовой торговли. В 1837 г. по мелочной и оптовой торговле было вывезено за границу до 337 пудов разной муки и зерна⁴².

Важной частью рациона сибирского жителя было овощеводство. Как правило, овощи выращивались для собственного потребления, но в крупных селах, расположенных по основным трактам и рекам, а также на городских окраинах, разведение овощей имело товарный характер. Как правило, овощная продукция поставлялась на городские рынки. Например, мещане Илимска и Киренска небольшие партии овощей отправляли даже в Якутск. Необходимо отметить, что практически все города края имели сельский вид, так как многие из городских жителей имели рядом с городом пашни и огороды, держали скот и домашнюю птицу. Не только городские окраины и предместья, но даже центральные части городов были связаны с сельскохозяйственным производством не только для собственного пропитания, но и на продажу на местных рынках.

Необходимо отметить усилия правительства по внедрению в Сибири картофеля. С 1760-х годов производились первые опыты его посадки, когда по инициативе медицинской коллегии в губернии высылались пакеты с «земляными яблоками» для раздачи всем желающим. Так, в 1768 г. Илимская воеводская канцелярия отправила во все волости семенной картофель для первых опытов, а в 1815 г. в Киренском уезде было посажено уже 2,7 тыс. пудов картофеля в 6 тыс. грядках. В 1812 г. вышел указ о повсеместном разведении этой культуры. Картофель, считало правительство, мог заменить в неурожайные годы хлебные посевы и составить «здоровую и питательную пищу для населения». Однако распространение новой культуры шло медленно⁴³.

Несмотря на заметные успехи в развитии земледелия, необходимо признать, что оно не могло обеспечить потребности даже сельского населения, вынуждая его заниматься различными промыслами, в первую очередь добывающего характера. Это позволяло значительно пополнить рацион питания, а некоторые из промыслов, связанные с рынком, доставляли средства для оплаты налогов и приобретение необходимых вещей. Среди них можно назвать рыболовство и охоту, добычу пушного зверя, заготовку и первичную переработку древесины, сбор грибов, ягод и других дикоросов, обслуживание речного судоходства и перевозку казенных и частных грузов.

Широко распространенным подсобным промыслом, служившим важным дополнительным продовольственным ресурсом для населения особенно в неурожайные годы, стало рыболовство. Рыба потреблялась в свежем виде, но в еще больших объемах ее солили и таким образом хранили всю зиму. Она была важнейшей частью рациона сибиряка, отчасти заменяя мясо во время нестрогих православных постов. На территории губернии было много озер, больших и малых рек с богатыми рыбными ресурсами. Особенно развито было рыболовство на крупнейших реках Ангаре, Селенге и Лене, где им занималось большинство крестьянских дворов. Гласным промысловым ресурсом края было озеро Байкал, в котором добывалось в год более трети всего сибирского улова рыбы.

Об изобилии рыбы на Байкале, прежде всего омуля, писали многие современники. Так, С.П. Крашенинников отмечал, что «сею рыбою не только живущие по Селенге реке по целому году довольствуются, но ради излишнего довольствия в Иркутск соленую уже

⁴¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 607. Л. 15–15 об.

⁴² О Кяхтинской меновой торговле // Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1839. Ч. 1. С. 332.

⁴³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 366.

бочками привозят»⁴⁴. Очень рано байкальское рыболовство приобрело товарный характер. Уже в XVIII в., кроме рыболовства прибрежного населения и участков, выделенных в аренду монастырям, появилось несколько артелей, имевших парусные суда, десятки неводов и сотни работников⁴⁵. Наиболее крупными, организованными иркутскими купцами, были Култукская, Каргинская, Березовская, Сухинская, Ольхонская, названные так по местам основного лова. Основным местом сбыта заготовленной соленой рыбы был Иркутск и ярмарка в селе Чертовкино на Селенге. В период массового промысла омуля в ней собиралось до 2,5 тыс. человек, а обороты достигали нескольких сот тысяч рублей⁴⁶. Отсюда продукция развозилась по всему региону. По сведениям А. Курбатова, доходы от продажи рыбы достигали почти 600 тыс. руб.⁴⁷

Монополизация байкальских промыслов крупным капиталом приводила к вытеснению мелких рыбопромышленников с промыслов и ограничила их объемы только собственным потреблением. К примеру, в 1840-х годах крестьяне Ильинской волости получали от рыбной ловли не более 8,5 тыс. руб. серебром, что составляло всего около 15 % от всей суммы их неземледельческих доходов⁴⁸. Во второй половине XIX в. после образования в Иркутске «Товарищества рыбодобычи на Байкале» практически все основные рыболовные участки, кроме Селенги, попали под его контроль. В результате большинство мелких рыбопромышленников, как они сами отмечали, либо должны были «примкнуть к этой компании на каких угодно ей условиях и тогда почти всякая конкуренция в этом деле исчезнет, или прекратить свой промысел»⁴⁹.

Одним из последствий монополизации байкальских промыслов стало хищническое освоение рыбных ресурсов, в результате чего уже к 1840-м годам заметно сократилась добыча рыбы в южных районах озера и на Селенге. Основной промысел переместился в отдаленные и безлюдные северные и северо-восточные районы озера. Организовать и завезти в эти районы работников, тару и соль могли только крупные рыбопромышленники. Сокращение рыбных запасов в наиболее заселенных районах озера приводило к ухудшению положения местных крестьян и сокращению сбора с них податей. Власти были обеспокоены сложившейся ситуацией и пытались снизить ее последствия. Еще в 1816 г. верхнеудинским исправником М.М. Гедельштромом было издано «Положение об омулевом промысле в реке Селенге», регулировавшее порядок составления промысловых артелей и устройство рыболовных снарядов. Кроме того, этим и последующим документом запрещался вылов рыбы во время нереста в устьях рек, впадающих в озеро⁵⁰. Однако правила эти носили региональный характер и не могли изменить ситуацию на озере. И.В. Курышова, проанализировав попытки правового регулирования байкальской рыбопромышленности в дореволюционный период, вынуждена была признать, что они противоречивы, малоэффективны и не смогли предотвратить снижение количества промысловой рыбы⁵¹.

Подводя итоги, отметим, что уже в конце XVIII – первой половине XIX в. земледелие в Иркутской губернии стало ведущей отраслью хозяйства, покрывая не только потребности населения, но и формируя рынок сбыта за счет неземледельческих районов, казенных закупок и постоянно расширявшейся городской торговли. В то же время сложные условия земледелия, качество пахотной земли, резкие колебания погоды приводили к частым неурожаям, повышению цен на продовольствие и даже голоду. В этих условиях власти пытались стабилизировать аграрный сектор и снизить негативные последствия для населения края.

⁴⁴ С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Л., 1966. С. 82.

⁴⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 183. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–1 об.

⁴⁶ ГАИО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 242. Л. 14.

⁴⁷ Курбатов А. Статистические сведения о лесной и рыбной промышленности Верхнеудинского округа // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841. С. 41.

⁴⁸ РГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–1 об.

⁴⁹ Цит. по: Шахеров В. П. «Тащат купцы омулевые бочки...» (Из истории рыбопромышленности на Байкале) // Былое. 1995. № 11. С. 8–9.

⁵⁰ ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3065. Л. 40.

⁵¹ Курышова И.В. Правовое регулирование рыбного промысла в Байкальском регионе во второй половине XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2007. № 3. С. 147.

В рамках обеспечения продовольственной безопасности использовались как меры административного воздействия, так и разнообразные формы поощрения. Определенную роль в развитии земледелия сыграло переселение из центральных районов России и ссылка, приобщение к хлебопашеству коренного населения, поддержка расширения посевных культур, в том числе картофеля, ограничение частного предпринимательства и спекуляций продуктами питания. При этом усиление административного воздействия и злоупотребления местного чиновничества сдерживали развитие свободного продовольственного рынка.

Литература

- Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М.: Наука, 1964. 302 с.
- Батуева И.Б. История развития хозяйства западных бурят в XIX веке: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2000. 378 с.
- Болонев Ф.Ф. Земледелие – основа экономического благосостояния семейских крестьян // Историко-экономические исследования. 2010. Т. 11, № 2. С. 16–27.
- Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. 248 с.
- Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб.: Тип. Второго отделения собств. е. и. канцелярии, 1872. Т. 1. 801 с.
- Гаращенко А.Н. Трескин и Цейдлер – иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX в. Иркутск: Оттиск, 2014. 400 с.
- Гирченко В.П. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск: Книгоиздательство объединенного прибайкальского союза кооператоров, 1922. 20 с.
- Зандараев Б.Б. Развитие землепашенного хозяйства у бурят в XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 7. С. 3–7.
- Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск: [б. и.], 1911. 423 с.
- История Иркутской губернии: в 4 т. / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2024. Т. 1. 608 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А.П. Окладников и В.И. Шунков. Л.: Наука, 1968. Т. 2. 538 с.
- История Усть-Ордынского Бурятского округа / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2024. 620 с.
- Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке: документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2012. Ч. 1. 887 с.
- Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке: документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2012. Ч. 2. М., 2013. 1003 с.
- Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке: документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2012. Ч. 3. М., 2013. 976 с.
- Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / гл. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука: Сиб. отд., 1982. 504 с.
- Курбатов А. Статистические сведения о лесной и рыбной промышленности Верхнеудинского округа // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841. С. 36–46.
- Курышов А.М. Культура земледелия у западных бурят: факторы распространения и их значимость // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15, № 3. С. 567–584.
- Курышова И.В. Правовое регулирование рыбного промысла в Байкальском регионе во второй половине XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8, № 3. С. 147.
- Михайлов В.А. Земледелие западных бурят в XVII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. С. 195.
- С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Л.: Наука, 1966. 239 с.

Шахеров В.П. «Тащат купцы омулевые бочки...» (Из истории рыбопромышленности на Байкале) // Былое. 1995. № 11. С. 8–9.

Шахеров В.П. Социально-экономическое развитие Верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск: Оттиск, 2000. 88 с.

Шахеров В.П. Кяхтинская мелочная торговля второй половины XVIII – начала XIX вв. как фактор расширения трансграничных торговых связей // Российско-китайские исследования. 2025. Т. 9, № 2. С. 128–139.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1949. Т. I: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 596 с.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1957. Т. II: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. 674 с.

Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 432 с.

Эпистолярное наследие устюжской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века: тексты и исследования / под ред. Ф.Я. Коновалова. Вологда: Древности Севера, 2018. 412 с.

References

Aleksandrov, V.A. (1964). *Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v.* [Russian Population of Siberia in the 17th – Early 18th Century]. Moscow, Nauka. 302 p.

Batueva, I.B. (2000). *Istoriya razvitiya khozyaystva zapadnykh buryat v XIX veke* [The History of the Development of the Economy of Western Buryats in the 19th Century], Dr. hist. sci. diss. Irkutsk. 378 p.

Bolonev, F.F. (2010). Zemledelie – osnova ekonomicheskogo blagosostoyaniya semeyskikh krest'yan [Agriculture is the Basis of the Economic Well-Being of Family Peasants]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 11, No. 2, pp. 16–27.

Bykonya, G.F. (1981). *Zaselenie russkimi Prieniseyskogo kraya v XVIII v.* [Settlement of the Cis-Yenisey Region by the Russians in the 18th Century]. Novosibirsk, Nauka. 248 p.

Dameshek, L.M. (Ed.). (2024). *Istoriya Irkutskoy gubernii* [History of the Irkutsk Province]. Irkutsk, Izdatel'skiy dom BGU. Vol. 1. 608 p.

Dameshek, L.M. (Ed.). (2024). *Istoriya Ust'-Ordynskogo Buryatskogo okruga* [History of the Ust-Orda Buryat District]. Irkutsk, Izdatel'skiy dom BGU. 620 p.

Garashchenko, A.N. (2014). *Treskin i Tseydler – irkutskie grazhdanskoe gubernatory pervoy poloviny XIX v.* [Treskin and Zeidler: Civil Governors of Irkutsk in the First Half of the 19th Century]. Irkutsk, Ottisk. 400 p.

Girchenko, V.P. (1922). *Iz istorii pereseleniya v Pribaykal'e staroobryadtsev-semeyskikh* [From the History of Resettlement in the Baikal Region of Old Believers]. Verhneudinsk, Knigoizdatel'stvo ob'edinennogo pribaykal'skogo soyuza kooperatorov. 20 p.

Konovalov, F.Ya. (Ed.). (2018). *Epistolyarnoe nasledie ustyuzhskoy kupecheskoy sem'i Buldakovykh kontsa XVIII – pervoy chetverti XIX v.* [Epistolary Heritage of the Ustyug Merchant Family of the Buldakovs of the Late 18th – First Quarter of the 19th Century]. Vologda, Drevnosti Severa. 412 p.

Krasnoshtanov, G.B. (2012). *Na lenskikh pashnyakh v XVII veke* [On Lena Arable Land in the 17th Century]. Moscow, Drevlekhraishche. Part 1. 887 p.

Krasnoshtanov, G.B. (2013). *Na lenskikh pashnyakh v XVII veke* [On Lena Arable Land in the 17th Century]. Moscow, Drevlekhraishche. Part 2. 1003 p.

Krasnoshtanov, G.B. (2013). *Na lenskikh pashnyakh v XVII veke* [On Lena Arable Land in the 17th Century]. Moscow, Drevlekhraishche. Part 3. 976 p.

Kurbatov, A. (1841). Statisticheskie svedeniya o lesnoy i rybnoy promyshlennosti Verkhneudinskogo okruga [Statistical Information on the Forest and Fishing Industry of the Verkhneudinsky District]. In *Materialy dlya statistiki Rossiyskoy imperii*. St. Petersburg, pp. 36–46.

Kuryshov, A.M. (2014). Kul'tura zemledeliya u zapadnykh buryat: faktory rasprostraneniya i ih znachimost' [The Farming Culture of Western Buryats: Factors of Its Spread and Their Importance]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 15, No. 3, pp. 567–584.

Kuryshova, I.V. (2007). Pravovoe regulirovanie rybnogo promysla v Baykal'skom regione vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Legal Regulation of Fishing in the Baikal Region in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 8, No. 3, pp. 134–148.

Mihaylov, V.A. (2000). *Zemledelie zapadnykh buryat v XVII – nachale XX vv.* [Agriculture of the Western Buryats in the 17th – Early 20th Centuries], Cand. hist. sci. diss. Ulan-Ude. 195 p.

Okladnikov, A.P. (Ed.). (1966). *S.P. Krasheninnikov v Sibiri. Neopublikovannyye materialy.* [S.P. Krasheninnikov in Siberia. Unpublished Materials]. Leningrad, Nauka. 239 p.

Okladnikov, A.P. (Ed.). (1982). *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu feodalizma* [Peasantry of Siberia in the Era of Feudalism]. Novosibirsk, Nauka. 504 p.

Okladnikov, A.P., Shunkov, V.I. (Eds.). (1968). *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of Siberia from Ancient Times to the Present Day]. Leningrad, Nauka. 538 p.

Serebrennikov, I.I. (Ed.). (1911). *Irkutskaya letopis'* [The Irkutsk Chronicle]. Irkutsk. 423 p.

Shakherov, V.P. (1995). “Tashchat kuptsy omulevye bochki...” (Iz istorii rybopromyshlennosti na Baykale) [“Merchants are Carrying Omul Barrels...” (From the History of the Fish Industry on Lake Baikal)]. In *Byloe*. No. 11, pp. 8–9.

Shakherov, V.P. (2000). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Verkhnego Prilen'ya v XVII – pervoy polovine XIX veka* [Social and Economic Development of the Upper Lena Region in the 17th – First Half of the 19th Centuries]. Irkutsk, Ottisk. 88 p.

Shakherov, V.P. (2025). Kyatinskaya melochnaya trgovlya vtoroy poloviny XVIII – nachala XIX vv. kak faktor rasshireniya transgranichnykh trgovykh svyazey [Kyakhta Petty Trade of the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries as a Factor in the Expansion of Cross-border Trade Relations]. In *Rossiysko-kitayskie issledovaniya*. Vol. 9, No. 2, pp. 128–139.

Sherstoboev, V.N. (1949). *Ilinskaya pashnya* [Ilinsk Tillage]. Irkutsk, Irkutskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. I. 596 p.

Sherstoboev, V.N. (1957). *Ilinskaya pashnya* [Ilinsk Tillage]. Irkutsk, Irkutskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. II. 674 p.

Shunkov, V.I. (1956). *Ocherki po istorii zemledeliya Sibiri (XVII vek)* [Essays on the History of Agriculture in Siberia (17th Century)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 432 p.

Vagin, V. (1872). *Istoricheskie svedeniya o deyatelnosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 god* [Historical Information about Count M.M. Speransky's Activities in Siberia from 1819 to 1822]. St. Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya sobstvennoy e.i. kantselyarii. Vol. 1. 801 p.

Zandaraev, B.B. (2014). Razvitie zemleupravleniya khozyaystva u buryat v XVIII v. [Development of Land Management among the Buryats in the 18th Century]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7, pp. 3–7.

А.Е. Гончаров*

ЕНИСЕЙСКОЕ РЕЧНОЕ СУДОХОДСТВО В ДОПАРОХОДНУЮ ЭПОХУ И СНАБЖЕНИЕ ТУРУХАНСКОГО КРАЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-4
УДК 94:332(571.5)"1800/1850"*Выходные данные для цитирования:**Гончаров А.Е. Енисейское речное судоходство в допароходную эпоху и снабжение Туруханского края (первая половина XIX века) // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 65–84. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-04.pdf>*

A.E. Goncharov*

YENISEI RIVER SHIPPING IN THE PRE-STEAMBOAT ERA AND THE SUPPLY OF THE TURUKHANSK REGION (FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-4

*How to cite:**Goncharov A.E. Yenisei River Shipping in the Pre-Steamboat Era and the Supply of the Turukhansk Region (First Half of the 19th Century) // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 65–84. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-04.pdf>]*

Abstract. This article examines riverine shipping on the Yenisei River during the first half of the nineteenth century, a period predating the introduction of steamships. Drawing on archival sources (administrative records, shipbuilding registers, expedition logbooks) and contemporaneous memoirs, the study analyzes the role of water transport in provisioning the remote Turukhansk Region. It investigates the principal vessel types employed on the Yenisei – doshchaniks, barks, decked boats, and rafts – along with their design, cargo capacity, construction costs, and operating conditions. The findings indicate that Yenisei shipbuilding and navigational practices perpetuated seventeenth-century folk traditions and evolved in relative isolation from broader Russian and international developments. Particular attention is paid to the system of bread magazines – emergency granaries established as famine relief facilities and the logistical mechanisms for transporting grain northwards from Minusinsk and Krasnoyarsk to the Lower Yenisei. The study assesses shipping volumes, regional grain prices, the roles of merchants and the state together with the persistent challenges posed by the lack of adequate communications, exorbitant transportation costs, and local mismanagement. Furthermore, the paper addresses upstream cargo movement, specifically, in regards to the local fishing industry and its deliveries to southern areas of the province. This operation involved the laborious towing of vessels by teams of men, and, sometimes, animals. Navigational conditions in the estuarine zone, the hazards opposing wooden vessels, and pilotage practices are also examined. The article further discusses early regulatory interventions by the state, notably the installation of navigation beacons in 1819, and the enduring problem of outdated cartography. The study concludes that the established shipping system not only failed to promote, but actively hindered the economic development of the North, as technical obsolescence was exacerbated by unfavorable economic conditions in the region.

Keywords: Yenisei River, riverine navigation, Turukhansk Region, emergency granaries, provisions, Yenisei vessels.

The article has been received by the editor on 29.04.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Александр Евгеньевич Гончаров**, кандидат исторических наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия, e-mail: goncharovae@sibsau.ru
Alexander Evgenievich Goncharov, Candidate of Historical Sciences, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: goncharovae@sibsau.ru

Аннотация. В статье рассматривается история речного судоходства на Енисее в первой половине XIX в., т.е. в допароходную эпоху. На основе широкого круга архивных источников (делопроизводственной документации, ведомостей о судостроении и шканечных журналов экспедиций), а также опубликованных воспоминаний современников проанализировано развитие водного транспорта, а также его роль в обеспечении продовольствием Туруханского края. Охарактеризованы основные типы судов, применявшихся на Енисее (дощаники, барки, палубные лодки, плоты), их конструктивные особенности, грузоподъемность, стоимость постройки и условия эксплуатации. Показано, что енисейское судостроение и навигационные практики представляли собой продолжение традиций народного судостроения предшествующих эпох и развивались изолированно от общероссийских и мировых тенденций. Особое внимание уделено системе запасных хлебных магазинов, созданных для борьбы с голодом в крае, и механизмам доставки зерна с юга (из Минусинского и Красноярского округов) в низовья Енисея. Рассмотрены масштабы перевозок, стоимость хлеба в разных районах края, роль частных поставщиков и казны, а также трудности, связанные с неразвитостью путей сообщения, высокой стоимостью транспортировки и злоупотреблениями местных властей. Отдельный раздел посвящен обратному движению по Енисею и вывозу рыбы в южные районы губернии, что требовало крайне трудоемкой буксировки судов бечевой против течения. Описаны условия плавания в устьевой зоне, риски для деревянных судов и особенности лоцманской проводки. Рассматриваются первые меры по регулированию судоходства (установка вех в 1819 г.) и проблема отсутствия актуальных картографических материалов. Сделан вывод, что сложившаяся система судоходства не только не стимулировала, но и сдерживала хозяйственное освоение Приенисейского Севера, а техническая отсталость дополнялась неблагоприятной экономической конъюнктурой губернии.

Ключевые слова: Енисей, судоходство, Туруханский край, хлебные магазины, продовольствие, енисейские суда.

Статья поступила в редакцию 29.04.2026 г.

Водные артерии, прежде всего речные, представляли собой неотъемлемую составляющую процесса колонизации Сибири в XVII–XVIII вв.: при отсутствии надежного сухопутного сообщения русские промышленные и служилые люди продвигались в отдаленные северо-восточные районы страны, используя разветвленную систему речных притоков и волоков, которые они открывали и осваивали. Основанная по берегам судоходных рек Русская Сибирь была страной водного транспорта, где передвижения осуществлялись чуть ли не исключительно по водным «дорогам». Эта особенность освоения территории нашла прямое отражение, например, в сибирской допетровской картографии, где реки являются основой карты, к которой привязаны все остальные географические объекты¹. Так, в знаменитой «Хорографической книге Сибири» С.У. Ремезова расстояния указаны в днях пути (по воде или по льду), а не в принятых единицах измерения.

В XIX в. речные пути не утратили свою значимость для обеспечения связанности территорий Крайнего Севера с административными и экономическими центрами, находящимися в южной части региона. Среди сибирских регионов особое место занимала наиболее протяженная в меридианном направлении Енисейская губерния². В ее состав входила огромная территория Туруханского края, связанность которого с губернскими центрами – Красноярском и Енисейском – обеспечивалась исключительно по реке Енисей как по воде, так и по льду.

¹ Akerman J.R. The Imperial Map: Cartography and Mastery of Empire. University of Chicago Press, 2009. P. 56.

² В настоящей работе топоним «Енисейская губерния» будет использоваться для обозначения территорий, вошедших в ее состав на момент образования в 1822 г.; это же относится к топониму «Туруханский край».

Для многих малых населенных пунктов Крайнего Севера подобное положение дел сохраняется и в наши дни: в условиях отсутствия железнодорожного и автомобильного сообщения транспортная связь этих поселков и даже городов с «большой землей» поддерживается главным образом по воде. Авиация хотя и приняла на себя значительную долю пассажирских перевозок, едва ли способна составить конкуренцию водному транспорту в сфере грузоперевозок.

Сегодня основное снабжение товарами народного потребления и продовольствием удаленных населенных пунктов северных районов Красноярского края – Туруханского и Таймырского, расположенных по берегам Енисея и его притокам, осуществляется в ходе навигационной кампании – так называемого «северного завоза» из Красноярска. Следует отметить, что начиная с 1980-х годов, когда была освоена круглогодичная навигация по Карскому морю, г. Норильск и прилегающий к нему район стали снабжаться так же и по морю через морской порт Дудинки. Это, однако, никак не сказалось на обеспечении других енисейских населенных пунктов, снабжение которых традиционно производилось с юга.

В связи с тем, что схема снабжения северных районов Приенисейской Сибири принципиально не изменилась, небезынтересным будет обратиться к ее истории. Настоящая работа посвящена изучению функционирования речного судоходства на Енисее в первой половине XIX в., т.е. в период, когда здесь еще не появились первые паровые суда, существенно изменившие судоходные практики. Этот вопрос будет рассмотрен в контексте проблемы снабжения продовольствием Туруханского края.

На сегодняшний день существует достаточно обширная историография по истории енисейского судоходства, охватывающая спектр вопросов – от материально-технических до функциональных, однако большая часть публикаций посвящена пароходной эпохе, т.е. периоду после 1863 г. Небольшой пласт работ, затрагивающий интересующий нас период, не является специализированным, но рассматривает судоходство в контексте связанных с ним явлений и хозяйственных процессов (научных исследований, рыбопромышленности, торговли, снабжения)³.

Отсутствие надежных путей сообщения издавна признавалось основным фактором, сдерживающим развитие северных территорий⁴. Проблему транспортной интегрированности удаленных и труднодоступных северных регионов Сибири пытались решить неоднократно на протяжении XVIII–XX вв. Предлагались различные инженерно-технические и экономические решения, например соединение сибирских рек системой каналов, железнодорожное строительство и др. Единственным реалистичным решением оказалось освоение морского судоходства в Карском море и создание транспортной системы по схеме «река – море».

Необходимо учитывать, что первоначальная колонизация и освоение Приенисейского Севера происходили в специфических социально-экономических условиях. Их исчезновение повлекло за собой значительные перемены в хозяйственной и общественной жизни региона. Смещение транспортных путей на юг, снижение поголовья соболя, обеспечивающего основной доход для жителей края, а также значительное снижение роли Туруханского Свято-Троицкого монастыря в хозяйстве края после 1764 г. привели к тому, что край постепенно стал приходить в упадок. Позже, в 1830-е годы, удар по демографии северного края нанес отток

³ Среди наиболее значимых работ, исследующих вопросы енисейского судоходства в рассматриваемый период, следует указать: *Большаков В.Н.* Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в. Новосибирск, 1991; *Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А.* История развития рыбного промысла в низовьях Енисея в досоветский период (1822–1917 гг.) // Вестник КрасГАУ. 2012. № 4. С. 244–249; *Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А.* Освоение водных путей северной части бассейна Енисея в XVII – начале XX века [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 3. С. 86–103. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-07.pdf> (дата обращения: 20.04.2026); *Комлева Е.В.* Казенные запасные хлебные магазины Туруханского края в первой половине XIX в. // Енисейский Север: история и современность. Красноярск, 2016. Вып. 2. С. 16–47; *Комлева Е.В.* Снабжение хлебом северных районов Сибири (XVII–XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 3. С. 13–18.

⁴ См.: *Пинхенсон Д.М.* Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л., 1962. С. 46; *Комлева Е.В.* «Народ молодой и здоровый»: русские поселенцы в Туруханском крае в конце XVIII – первой половине XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 3. С. 132.

населения на золотые прииски. Важно отметить, что, несмотря на многократные усилия правительства оживить этот регион путем увеличения числа русских поселенцев, эти инициативы не увенчались особым успехом. Социально-демографическая картина в крае оставалась достаточно безрадостной на протяжении всего XIX в., несмотря на некоторое увеличение числа русских поселенцев в первой половине века, главным образом за счет принужденного переселения в начале века. Так, если в 1795 г. в крае проживало всего 475 жителей русского происхождения, то к концу 1830-х годов численность населения выросла за счет государственных (892 чел.) и экономических (34 чел.) крестьян; еще одним источником пополнения населения стали ссыльнопоселенцы (531 чел. в 1837 г.)⁵. Большая часть жителей края состояла из коренного населения – «инородцев», ведущих кочевой образ жизни и занятых ведением традиционных видов хозяйства – оленеводством, охотой и рыболовством.

Оказавшись на Севере, крестьяне, для которых основной хозяйственной деятельностью было хлебопашество, сталкивались с невозможностью его ведения⁶. В результате многие поселенцы погибали в первую же зиму от голода и холода. Пожалуй, за исключением секты скопцов, члены которой ссылались в Туруханский край в 1830–1850-е годы, едва ли можно назвать удачные примеры переселенческих инициатив. Последним, благодаря строгим устоям их общины, удалось достаточно успешно обосноваться на новом месте и даже внедрить множество новшеств в ведение рыболовства и огородничества⁷. Различные предложения по улучшению организации хозяйственной деятельности (рыбного промысла и картофелеводства) высказывал во время пребывания в туруханской ссылке декабрист Ф.П. Шаховской⁸.

Большая часть перечисленных инициатив, к сожалению, так и осталась нереализованной. За исключением опыта скопцов, огородничество не достигло сколько-нибудь заметных успехов. Первое упоминание о выращивании картофеля – единственной относительно питательной овощной культуры, возделывание которой в южных районах края имело определенные перспективы, относится лишь к 1837 г.⁹ Столь же неблагоприятно обстояло дело и со скотоводством, которое сдерживалось суровыми климатическими условиями. Основой существования как русского, так и аборигенного населения оставались рыболовство и охота, однако и эти промыслы отличались примитивным уровнем развития.

Русское население края, как отмечает большинство современников, помещенное в незнакомую и неблагоприятную среду, отличалось низким уровнем предприимчивости и высокой степенью апатии: «Не ошибемся, если скажем в заключение, что все мысли этих людей вертятся большею частью около своего убогого хозяйства, а удовольствие в жизни состоит в животном пресыщении себя пищею»¹⁰.

Однако самостоятельно обеспечивать себя желанными продуктами питания северяне едва ли были в состоянии. Ввиду сложившегося плачевного положения властям приходилось принимать меры для того, чтобы обеспечить их продовольствием. Вопрос о продовольственном обеспечении Туруханского края неразрывно связан с такой мерой борьбы с голодом, как создание запасных хлебных магазинов, учреждение которых в России пришлось на конец

⁵ Комлева Е.В. «Народ молодой и здоровый»... С. 133.

⁶ Наиболее северным пунктом, где выращивался хлеб по Енисею, было село Дубческое (Ворогово), вблизи которого проходила граница Енисейского уезда и Туруханского края. Е.В. Комлева отмечает, что в 1850-е годы были достигнуты определенные успехи по выращиванию ячменя скопцами (Комлева Е.В. «Народ молодой и здоровый»... С. 138).

⁷ Комлева Е.В. «Народ молодой и здоровый»... С. 134, 138.

⁸ Там же.

⁹ Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины Туруханского края... С. 25. Известно, что правительство со второй половины XVIII в. пыталось внедрить посадку картофеля. Более или менее удалось сдвинуться с мертвой точки после соответствующего указа 1842 г. (Котов П.П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1, вып. 25. С. 91).

¹⁰ Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871. С. 154–155.

XVIII – начало XIX в.¹¹ Первые хлебные магазины были основаны в Туруханском крае (в Туруханске и Вернеимбатском) еще в конце XVIII в.¹² Эти два магазина оставались единственными до начала XIX в.¹³ После того как на Севере несколько лет подряд свирепствовал голод (1805–1808, 1810–1811 гг.), унесший жизни более сотни коренных жителей¹⁴, власти предприняли меры для увеличения числа магазинов. Приводятся разные оценки по количеству магазинов в Туруханском крае: например, отставной туруханский отдельный пристав П.И. Третьяков указывал, что на 1823 г. магазинов в крае было более 35¹⁵, в то время как историк Е.В. Комлева, опираясь на архивные документы, указывает, что в период 1825–1826 гг. хлебных магазинов в Туруханском крае было 24¹⁶. За десять лет количество магазинов увеличилось до 47, причем два крупных (складочных) магазина были расположены в Верхнеимбатском и Туруханске: отсюда хлеб перераспределялся в оставшиеся мелкие запасные магазины¹⁷.

С 1825 г. был учрежден особый запасный капитал в размере 32 501 руб. Хлебные магазины не только должны были обеспечивать автохтонное население продовольствием, но и служить регулятором цен на хлеб местных и приезжих торговцев. Однако, несмотря на наличие магазинов, ситуация со снабжением хлеба коренного населения не сильно изменилась. Обозначались две основные причины этому: во-первых, хлебные магазины располагались вдоль Енисея, следовательно, большую часть года они были слишком удалены от мест проживания и промыслов населения. Когда жители выходили к Енисею в летние месяцы, хлебные магазины уже не работали. Во-вторых, магазины принимали расчет наличными, в то время как торговцы были готовы менять хлеб на рыбу и пушнину. Это было гораздо более выгодным для нерусского населения, у которого зачастую отсутствовала звонкая монета¹⁸.

Создание большого числа хлебных магазинов повлекло за собой различного рода махинации как со стороны инородцев, так и местного начальства, которое начало прибегать к различного рода ухищрениям для увеличения запасов продовольствия с целью личного обогащения¹⁹. Нередкими были случаи, когда вахтеры магазинов обманывали население, обвешивая и обсчитывая его²⁰.

Конечно, недостаточно было учредить магазины, требовалось решить и вопрос о наполнении их хлебом: сделать это можно было только по Енисею. Система централизованного судоходства отсутствовала, поэтому перевозка осуществлялась представителями частного капитала, издревле принимавшего участие в снабжении северных регионов²¹. Так, по сообщению уже упомянутого Третьякова, крестьяне южной части Туруханского края за пять лет до учреждения большого количества магазинов стали обеспечивать себя хлебом, который закупался в Енисейске, а затем доставлялся на север барками²². Севернее Туруханска хлеб скупали у привозящих его торговцев. Что касается казенного хлеба, то его брали главным образом за наличный расчет. Отметим, что в вопросах снабжения продовольствием Туруханского края в первой половине XIX в. наблюдались неоднократные разногласия между казной, которая стремилась удержать монополию на торговлю хлебом, и частными поставщиками. Доходило до того, что местные власти, запретив торговые операции

¹¹ Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины... С. 16.

¹² Комлева Е.В. «Народ молодой и здоровый»... С. 137.

¹³ Третьяков П.И. Туруханский край... С. 229.

¹⁴ Там же; Комлева Е.В. Снабжение хлебом... С. 16.

¹⁵ Третьяков П.И. Туруханский край... С. 232.

¹⁶ Комлева Е.В. Снабжение хлебом... С. 16.

¹⁷ Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины... С. 18–19.

¹⁸ Третьяков П.И. Туруханский край... С. 232; Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины... С. 23.

¹⁹ Третьяков П.И. Туруханский край... С. 230–231.

²⁰ Комлева Е.В. «Народ молодой и здоровый»... С. 138.

²¹ Комлева Е.В. Снабжение хлебом... С. 15.

²² Третьяков П.И. Туруханский край... С. 225.

с хлебом, конфисковывали заготовленное продовольствие и распродавали его по цене ниже рыночной²³.

Очевидно, что большие расстояния и трудности перевозки существенно увеличивали цену привозимого в Туруханский край хлеба. Неразвитость водного сообщения сказывалась не лучшим образом на стоимости транспортировки хлеба даже в самые южные районы края. Например, в 1820-е годы сплав груза в магазины Верхнеимбатска и Туруханска обходился в 70 коп. за пуд, а в магазины ниже Туруханска – в 95,5 коп., причем обе цены считались «низкими»²⁴.

По данным Е.В. Комлевой, если в 30-е годы XIX в. стоимость пуда пшеничной муки в Красноярске составляла 55–75 коп., а пуд ржаной муки обходился в 36–38 коп., то в Туруханске стоимость возрастала до 1 руб. 30 коп. и 60–80 коп. соответственно²⁵. Наиболее предприимчивые туруханские крестьяне закупали хлеб на юге, а затем сплавляли его на плотках в низовья, где сбывали инородческому и русскому населению²⁶.

Существуют различные оценки количества доставляемого в Туруханский край хлеба: от 50–80 тыс. пудов по оценкам одних исследователей до 60 тыс. по оценкам других²⁷. Большая часть доставляемого по реке хлеба осуществлялась частными лицами (до 30–50 тыс. пудов), казенный завоз составлял ежегодно 20–30 тыс. пудов пшеницы²⁸. Судя по всему, во второй половине века количество привозимого хлеба существенно снизилось. Так, согласно И.П. Третьякову, с 1852 по 1862 г. для населения Туруханского края ежегодно заготавливалось около 14 тыс. пудов хлеба на общую сумму 7 644 руб.²⁹. Лишь небольшое количество хлеба (800 пудов казенного и 2 тыс. пудов частного завоза) предназначалось для района, лежащего к северу и востоку от Дудинки³⁰.

Еще одним жизненно необходимым товаром, привозимым в край с юга, была соль. Соль доставлялась с Троицкого солеваренного завода и имела большое значение как для заготовки рыбы и мяса впрок, так и для рыболовных промыслов в низовьях Енисея. Отмечается, что для нужд северян ввозилась лишь 1 тыс. пудов, в то время как потребность для снабжения магазинов Енисейского округа составляла более 25 тыс. пудов³¹. В целом этого товара катастрофически не хватало, что отрицательно сказывалось на качестве засолки рыбы: А.И. Кытманов отмечал, что временами засолка была настолько плохой, что разложившуюся рыбу из бочек можно было вытащить только ковшом³². К порче рыбы приводила длительность ее транспортировки, осуществлявшаяся на лодках, которые тянули бечевой против течения³³.

Из населенных пунктов, куда доставлялся хлеб и иные товары, в архивных документах встречается упоминание об Усть-Курейском, Карасинском, Плахинском, Лузинском, Дудинском, Хетском и Толстоносковском (Толстый Нос)³⁴. Последний, вплоть до возникновения пароходного сообщения, представлял собой наиболее удаленный населенный пункт на Енисее, куда осуществлялось судоходство. После появления на реке первых самоходных судов протяженность судоходных маршрутов возросла: самой северной точкой, куда ходили пароходы, стало устье реки Гольчихи, лежащей у южной границы Енисейского залива.

²³ Комлева Е.В. Снабжение хлебом... С. 16.

²⁴ Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины... С. 28.

²⁵ Комлева Е.В. Снабжение хлебом... С. 15.

²⁶ Третьяков П.И. Туруханский край... С. 232.

²⁷ Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины... С. 19.

²⁸ Комлева Е.В. Снабжение хлебом... С. 16.

²⁹ Третьяков П.И. Туруханский край... С. 234.

³⁰ Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины... С. 19.

³¹ Там же.

³² Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 гг. Красноярск, 2016. С. 373.

³³ Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История развития рыбного промысла в низовьях Енисея... С. 242.

³⁴ Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины... С. 33.

До 1820 г. в устье Подкаменной Тунгуски находился еще один хлебный магазин. Однако, как сообщает П.И. Третьяков, он перестал существовать после того, как все смотрящее за ним казаки «вымерли»³⁵.

Начиная с 1830-х годов формируется еще одно направление продовольственных перевозок по Енисею – к золотым приискам в северной енисейской тайге. За два десятилетия развития золотодобычи численность рабочих перевалила за 80 тыс. человек, что потребовало организации новых путей снабжения. Были освоены водные маршруты по левым притокам Енисея – Подкаменной Тунгуске, Тее, Большому Питу и др. Хлеб теперь поступал не только из южных уездов губернии, но и с Ангары. В этот период заметно активизировалось судоходство в среднем и нижнем течении Енисея: так, в 1854–1859 гг. из Минусинского и Красноярского округов мимо Енисейска проследовало 60 судов неопределенного типа, 850 барок и 690 плотов с продовольствием и иными грузами для приисков северной тайги и Туруханского края³⁶.

Если сплав вниз по течению был обыденным явлением, то судоходное сообщение в обратном направлении в рассматриваемый период, напротив, встречалось достаточно редко. Это трудоемкое действие было связано главным образом с рыбными промыслами: низовья Енисея играли важную роль в обеспечении более южных регионов рыбой.

По оценке Третьякова, ежегодный улов рыбы в Туруханском крае составлял около 230 тыс. пудов (скорее всего этот показатель относится к 1860-м годам), большая часть из которых вывозилась в Енисейск³⁷. Для изучаемого периода более реалистичными выглядят сведения красноярских историков С.Т. Гайдина и Г.А. Бурмакиной, которые указывают, что в 1850-е годы енисейские рыботорговцы ежегодно вывозили в Енисейск с промыслов в низовьях Енисея около 28 тыс. пудов разных сортов рыбы³⁸.

Весьма красочно описывал процесс прихода в низовья Енисея рыбопромышленников в 1859 г. «енисейский летописец» А.И. Кытманов: «Весной Туруханский край оживал. Прибывали купцы из Енисейска. Сначала 4–5 палубные лодки грузоподъемностью по 300–600 пудов, затем 5–6 судов с грузом до 6 000–9 000 пудов, которые спускались до станка Красинского (хозяев этих судов называли “Красинцами”). Несколько судов спускались даже до Бреховских островов. На больших судах 50–70 рабочих, кормщик получал 70–90 рублей. Купцы выменивали привезенные товары на пушнину и рыбу. Рыба покупалась по расценкам на муксуна: муксун стоил 7–10 коп., нельма шла за два муксуна, чир по цене муксуна. В верхнеимбацком участке “белорыбцы” скупали пуд осетрины по 1–2 руб., муксуна по 8–15 коп. за штуку, сельдей сырых по 15–50 коп., копченых – 3–4 руб. Белорыбцы и красинцы вывозили из края белой рыбы 22 500 пуд., красной рыбы 5 300 пуд. на сумму 29 633 руб.»³⁹.

А.И. Кытманов перечисляет енисейских купцов, занимавшихся низовой рыбной торговлей и располагавших собственными судами: А. Павлов, М.Е. Страшников, В.П. Скорняков, П.Е. Воробьев, А.В. Елтышев⁴⁰. Анализ биографических сведений об этих лицах позволяет заключить, что ни один из них не специализировался исключительно на судоходстве: рыбные промыслы служили для них лишь одним из доходных занятий, что характерно для сибирского купечества в целом⁴¹. Лишь с возникновением пароходных компаний стала формироваться определенная отраслевая специализация.

Из приведенного описания следует, что большинство судов ограничивалось плаванием до Карасинского станка, не доходя даже до современной Игарки. Лишь единичные судовладельцы рисковали спускаться ниже – к Толстому Носу и Бреховским островам.

³⁵ Третьяков П.И. Туруханский край... С. 35.

³⁶ Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Освоение водных путей... С. 94.

³⁷ Третьяков П.И. Туруханский край... С. 226.

³⁸ Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Освоение водных путей... С. 94.

³⁹ Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда... С. 372.

⁴⁰ Там же. С. 373.

⁴¹ Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 2012. С. 114, 247–248, 254.

Участок ниже мыса Крестовского (100 км от Дудинки), где начинается дельта Енисея, был не только труден из-за ослабления течения, но и крайне опасен для плоскодонных деревянных судов. Сплавщикам следовало проходить его по большой воде, сразу после ледохода, а возвращаться не позднее начала августа, до прихода северных ветров и штормов. Навигация в низовьях Енисея сопрягалась с высоким риском, особенно при северных ветрах, вызывавших сильное волнение, способное разрушить деревянные корпуса судов, скрепленных нагелями, или перевернуть судно: «в низовьях Енисея вал редок, но крупен; выше Туруханска – вал част и мечется во все стороны, а поэтому более опасен»⁴². Плавание при таких условиях могло привести к гибели судна и его экипажа.

Подъем вверх по реке был длительным и крайне тяжелым. Движение обеспечивалось преимущественно мускульной силой бурлаков-лямщиков. Сложность использования данного способа передвижения заключалась в том, что в связи с большой скоростью течения Енисея для подъема судов требовались значительные усилия: число работников, необходимое для того, чтобы тянуть барку, доходило до 50⁴³. На многих участках буксировка судна осложнялась отсутствием бечевника, труднопреодолимыми притоками, косами и отмелями. Хотя на многих судах имелись паруса, их использовали лишь при попутном ветре. Этот отказ от использования силы ветра для передвижения по реке вызывал недоумение у первых моряков, побывавших на Енисее в 1870-е годы: «О пользе парусов здесь еще не понимают. Единственными двумя судами, которые когда-либо ходили под косыми парусами по Енисею были, наши “Темза” и “Ибис”»⁴⁴.

В действительности первыми судами с косыми парусами, ходившими по Енисею, были дубель-шлюпка «Тобол» и бот «Оби почталион», использовавшиеся здесь в 1737–1741 гг. Однако, несмотря на передовое парусное вооружение «Оби почталиона», существенно превосходившее оснастку сибирских речных судов, а также на его способность лавировать, экипаж судна зачастую был вынужден прибегать к буксировке бота бечевой.

В Туруханском крае енисейский бечевник начинался от Толстого Носа и тянулся до границы края, причем проходил он исключительно вдоль правого (каменного) берега Енисея, за исключением двух мест – от Сумароково до Инзырева и от Чулково до Бородина, где плавание проходило вдоль левого (наволочного) берега⁴⁵. Это обуславливалось географическими особенностями реки – у правого берега находится меньше островов и больше глубина.

Поскольку не сохранилось описания путешествия по Енисею при помощи бечевы, приведем описание подобного путешествия по Нижней Тунгуске, где использовались большие палубные лодки, которые, помимо прочего, обеспечивали продовольствием графитовые прииски М.К. Сидорова. Одним из наиболее трудных участков маршрута на этой реке был Большой порог: до 1845 г. подъем по Нижней Тунгуске казенных больших палубных лодок с хлебом производился в конце лета. Это было трудоемкой и опасной процедурой: «Обыкновенно лодку, с тяжестью 400 пудов, тянули 4–5 человек казаков, а в порогах в лямку вставало до 30 человек»⁴⁶. При попутном ветре расстояние в 1 200 верст вверх по течению проходили за 40–43 дня. Большая часть пути лежала вдоль левого берега, который был удобнее для ходьбы, однако время от времени вынуждала рабочих идти вдоль скал, цепляясь за них. Вообще работа лямщиков была не из простых, требуя не только серьезного физического напряжения, но и приводившая к различного рода травмам.

Для буксировки небольших лодок с грузом (10–15 пудов) против течения иногда использовались парные собачьи упряжки (рис. 1). Собаки могли переплывать небольшие притоки Енисея и продолжать путь не останавливаясь. Правда, после 50–60 верст такой работы собаки стирали подошвы лап о камни и выходили из строя. Особенности данного

⁴² Третьяков П.И. Туруханский край... С. 32.

⁴³ Близняк Е.В. Енисей от Минусинска до Красноярска. Краткие сведения о реке и судоходстве. Пг., 1915. С. 163.

⁴⁴ Johnson H. The life and voyages of Joseph Wiggins. London, 1907. P. 158 (здесь и далее перевод наш. – А. Г.).

⁴⁵ Третьяков П.И. Туруханский край... С. 34.

⁴⁶ Там же. С. 39.

способа передвижения отмечали многие путешественники, для которых он казался по меньшей мере причудливым: «Время от времени мимо нас проплывала лодка, полная людей, которую тянули две-три великолепные местные собаки. Животные пригодны не только для того, чтобы тянуть зимние упряжки, но и для того, чтобы тянуть бечевой лодки. <...> Казалось, что, в отличие от зимней работы, это занятие было для них удовольствием»⁴⁷.

Рис. 1. Собаки тянут лодку на Енисее (Johnson H. The life and voyages of Joseph Wiggins. London, 1907)

Поскольку судоходство на Енисее в рассматриваемый период в целом представляло собой сочетание исторически обусловленных практик, часть которых восходит к начальному этапу освоения сибирских водных путей, а другая часть сформировалась под воздействием локальных географических условий и сложившихся местных традиций, для понимания ряда вопросов необходимо подробнее остановиться на некоторых из них.

Начнем с рассмотрения типов судов, использовавшихся на Енисее. В отличие от рассматриваемого периода, сибирское судостроение XVII–XVIII вв. освещено в научной литературе значительно полнее. Данные работы представляют определенный интерес для настоящего исследования, поскольку, как будет показано ниже, многие элементы енисейского судостроения наследовали традиции XVII в. Среди наиболее значимых публикаций следует выделить статью Е.В. Вершинина, посвященную истории таких традиционных типов судов, как дощаник и коч. В ней впервые специальное внимание было уделено сибирскому речному судостроению⁴⁸. Дальнейшее развитие данное направление получило в коллективной монографии, посвященной кочу⁴⁹. Ее основное содержание составляет анализ технических характеристик этого типа судов, однако присутствуют и отдельные сведения об организации ранних плаваний по Енисею. Сохраняет свою актуальность (включая прилагаемый альбом чертежей судов), несмотря на почтенный возраст, и исследование П.А. Богославского, посвященное купеческому речному и морскому судостроению⁵⁰. И хотя автор специально не затрагивает сибирскую традицию судостроения, данный труд представляет значительный интерес, поскольку сибирское судостроение генетически и типологически связано с судостроением Русского Севера, откуда оно берет свое начало.

Вопреки популярному представлению о широком использовании кочей для освоения Енисея и его речного бассейна, мы встречаем лишь отдельные случаи строительства и применения этих судов на Енисее. Как убедительно показывает Е.В. Вершинин, русские

⁴⁷ Johnson H. The life and voyages... P. 173.

⁴⁸ Вершинин Е.В. Дощаник и коч в Западной Сибири в XVII в. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 87–131.

⁴⁹ Коч – судно полярных мореходов XVII в. Новые данные. М., 2022.

⁵⁰ Богославский П.А. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб., 1859.

служилые и торговые люди быстро пришли к выводу, что нужды судоходства на Енисее и Ангаре вполне удовлетворяет такой тип судна, как дощаник⁵¹. Таким образом, во второй половине XVII и в XVIII в. именно дощаник выступал наиболее распространенным типом енисейских судов, перевозивших грузы на разных участках енисейского водного пути, в том числе и в низовьях реки, обеспечивая снабжение таких удаленных населенных пунктов, как Толстый Нос. Причем, в отличие от коча, дощаник был исключительно речным судном⁵². Показательным является то, что, например, в Мангазее данный тип судов вообще не строился⁵³, поскольку плавания сюда осуществлялись через Обскую и Тазовскую губы и как таковые считались «морскими». В то же самое время дощаник, относительно крупное судно, едва ли мог использоваться для перемещения по излюбленным для северных мореходов волокам. Так, мы встречаем сведения о том, что на Енисейском волоке (речном пути из Таза в Турухан) использовались такие небольшие суда, как карбасы и каюки⁵⁴: последние обладали грузоподъемностью около 5 тыс. кг⁵⁵, т.е. представляли собой большие лодки.

Примечательно, что, несмотря на распространение дощаников на Енисее, нам известно всего лишь об одном случае строительства дощаника в Туруханске (в 1652 г.). Центром строительства этого типа судов, видимо, был Енисейск, где они активно возводились начиная с конца 1660-х годов. Здесь дощаники и каюки приобретались промышленными и торговыми людьми за 20–30 руб.; набойные лодки, длина которых составляла 5–6 саженей, обходились в 5–6 руб.⁵⁶

Перемещение центра судоходства на Енисее на юг было обусловлено развитием хлебопашества. Соответственно, снабжение продовольствием северных русских форпостов стало основной задачей речного судоходства. Начиная со второй половины XVII в., когда в южных районах Приенисейской Сибири начало развиваться хлебопашество, обеспечивая Енисейск достаточным количеством хлебных запасов, торговые и служилые люди стали привозить хлеб в «Мангазейский уезд и на Турухан дощаниками и каюками»⁵⁷. По сообщениям XVII в., путь из Енисейска в Туруханск дощаники с хлебом проделывали за 10 дней, причем после прекращения отправки кочей с хлебом из Тобольска Мангазея также стала снабжаться енисейским хлебом и солью через Туруханск⁵⁸.

Ввиду крайней ограниченности имеющихся данных представляется целесообразным обратиться к первому документально зафиксированному описанию плавания по Енисею – экспедиции штурмана Ф.А. Минина на боте «Оби почталион» (1741 г.). В том году после завершения работ по исследованию и описанию устья Енисея, а также западного побережья Таймыра, бот направили в Енисейск. Во время плавания была составлена первая судоходная карта реки (от устья до Туруханска) с указанием глубин, а также приметных географических объектов. Карта находится в Российском государственном архиве Военно-Морского флота (РГА ВМФ) под заголовком «Карта береговой черты р. Енисей от г. Туруханска до устья»⁵⁹ и служит дополнением к морской карте Ф.А. Минина и Д.В. Стерлигова (Енисей от Туруханска до о. Диксон)⁶⁰. В этом же архиве хранятся копии судовых (шканечных) журналов экспедиции.

Организация экспедиции возложила на местные власти обязанности по снабжению ее участников и привлечению местного населения – прежде всего в качестве проводников. Продовольствие доставлялось на дощаниках к месту нахождения экспедиционного судна

⁵¹ Коч – судно полярных мореходов... С. 43–44.

⁵² Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 118.

⁵³ Коч – судно полярных мореходов... С. 41.

⁵⁴ Наиболее подробное описание каюка представлено в: Курносин С.П., Филин П.А. Очерки по истории судоходства уральских казаков. М., 2024. С. 178–181.

⁵⁵ Коч – судно полярных мореходов... С. 42.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Комлева Е.В. Снабжение хлебом... С. 15.

⁵⁸ Коч – судно полярных мореходов... С. 42–43.

⁵⁹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 1331. Оп. 4. Д. 10.

⁶⁰ Там же. Д. 11.

и размещалось в специально выстроенных для нужд экспедиции магазинах (гольчихинских, глубоких), предназначавшихся для обеспечения береговых партий. На дощаниках и лодках обеспечивалась связь между экспедицией и внешним миром (Туруханском и Енисейском) – на них доставлялись посыльные и официальные служебные документы: «В исходе часа приехали на лодке 2 человека мангазейских служивых – Андрей Маскалев и Федор Мильков, оной Маскалев послан от Мангазейской воеводской канцелярии с пятью человеками на дощанике, который дощаник отправлен по требованию от флота лейтенанта Лаптева и велено отвести по реке Енисею и поставить в реке Дудиной, и как поставить дощаник, то ему Маскалеву с пятью человеками велено явиться к штурману Минину, который послан для помощи его в работе и привез шесть указов из Государственной Адмиралтейской коллегии да из Енисейской и Мангазейской канцелярии промемории»⁶¹.

Как и для других деревянных судов, особую опасность для дощаников представляли льды. Неудачно выбранное место зимовки могло привести к гибели судна: например, во время ледохода погибли два дощаника, находящиеся на реке Авам (Большая Авамская – правый приток Енисея): «...в половине часа приехал на лодке с Аваму мангазейский служивой Мартын Мутовин, который объявил, что де имеющиеся при Аваме два дощаника идущим льдом разломало, которых де подлежало отправить один к реке Дудиной – по требованию от флота лейтенанту Лаптеву, а другой – ему же к гольчихинским магазинам <...> остались одни днища да и ясак де собранной и отправить к Мангазеи не на чем, о чем Мутовин просил, чтоб то Его Императорского Величества ясак взят на оной бот до отвоза до Мангазеи»⁶².

Из журнала Минина можно сделать еще несколько выводов относительно енисейского дощаника. Во-первых, судно было достаточно вместительным и могло перевозить до 24 человек на большие расстояния; среди прочих перевозимых грузов упоминаются продовольственные запасы и строевой лес. Во-вторых, дощаник был наиболее распространенным типом судов на Енисее, поскольку именно его упоминания встречаются чаще всего – в частности, в тексте фигурирует «рыбный дощаник». Наконец, в описании Минина содержится одно из первых свидетельств о хождении дощаника под парусом, правда вниз по течению⁶³.

Анализ шканечного журнала «Оби почталион» позволяет заключить, что судоходная активность на Енисее была достаточно высокой и на реке действовало значительное число опытных судоводителей и проводников, хорошо знавших ее фарватер и не избегавших опасных плаваний в устьевой зоне. Однако к началу XIX в. дощаник выходит из употребления на Енисее: одно из последних упоминаний об этом типе судна встречается в описании губернатора А.П. Степанова в 1824 г.⁶⁴ Преобладающими типами речных судов становятся барки (рис. 2–4), лодки и плоты.

Согласно классификации П.А. Богославского, барка относится к гребным речным судам; он отмечает, что данный тип судна наиболее разнообразен: «Ни одно из речных судов на обширном пространстве речных вод в России не усвоено так повсеместно, как барки; ни одно из них не разнообразно так своими формами, и самым построением, как барки...»⁶⁵; например, в Сибири существовало до 17 различных видов барок. Распространенность этого судна была обусловлена такими факторами, как простота и дешевизна в изготовлении, значительная грузоподъемность (до 145 тыс. пудов) при самой осадке, что важно для речного судоходства. В движение барка приводилась 12–20 гребками (большими веслами), задача которых состояла в том, чтобы удерживать судно носом к течению. Из оборудования на судне имелось несколько речных четырехлапых якорей с канатами длиной до 100 сажень, а также несколько лодок-завозней. В зависимости от размера на барке могло работать до 60 человек⁶⁶.

⁶¹ РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 31. Л. 339 (здесь и далее при цитировании источников орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами).

⁶² Там же. Л. 333 об.

⁶³ Там же. Л. 338 об., 343 об.

⁶⁴ Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Освоение водных путей... С. 92–93.

⁶⁵ Богославский П.А. О купеческом судостроении... С. 65.

⁶⁶ Там же. С. 69.

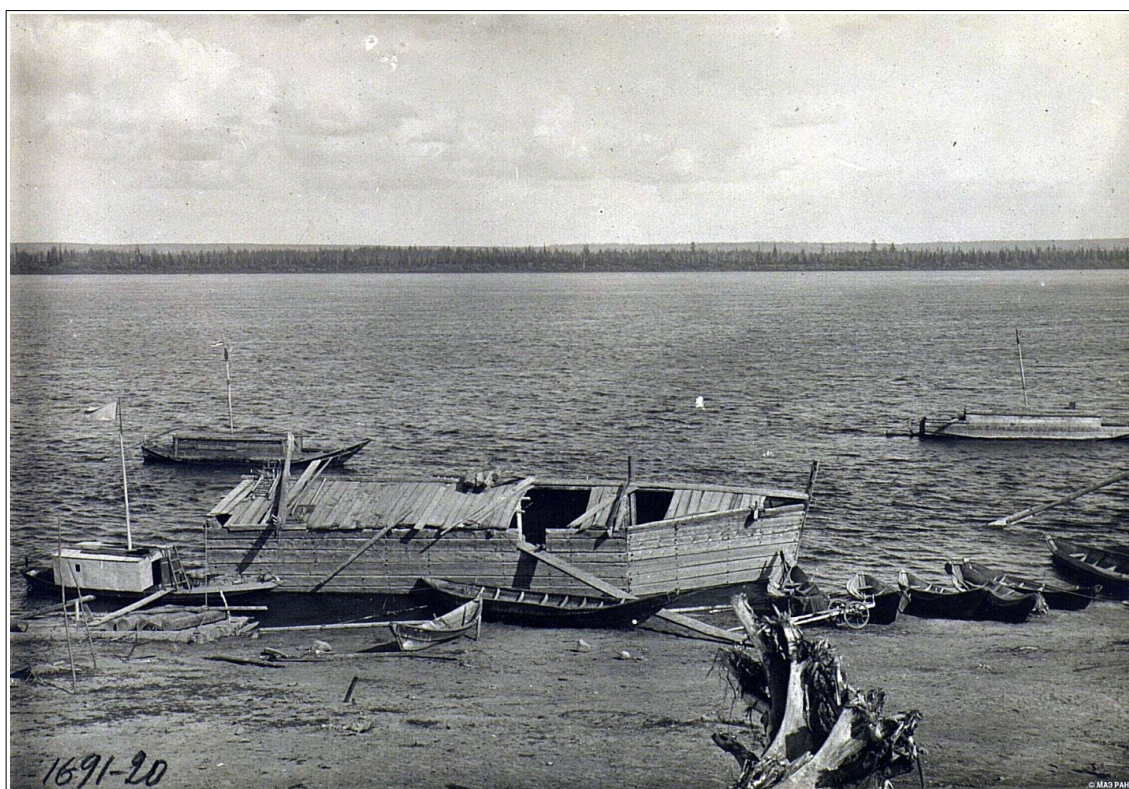

Рис. 2. Барка. Деревня Сумароково. Вид на берег р. Енисей. На заднем плане фотографии – две крытые лодки-илимки. Фото В.И. Анучина (Из фондов Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера))

Рис. 3. Макет крытой ангарской барки, Иркутский областной краеведческий музей. Фото автора статьи

Рис. 4. Барка (село Даурское) (Близняк Е.В. Енисей от Минусинска до Красноярска. Краткие сведения о реке и судоходстве. Пг., 1915)

Если плоты строились повсюду, где имелась подходящая древесина, и не требовали особых судостроительных навыков, то для строительства барок необходимо было обладать определенным умением. Одним из центров постройки этого типа судов выступала Новоселовская волость, что неслучайно, учитывая ее расположение в одном из наиболее плодородных районов на Енисее – Минусинской котловине⁶⁷. Грузенные хлебом барки сплавлялись до Енисейска, поставляя, среди прочего, сырье для винокуренного завода. Некоторые из судов продолжали плавание далее на север – более 1 тыс. верст до Туруханска, где можно было более выгодно сбыть хлебный товар⁶⁸.

Согласно «Ведомости о выстроенных барках и плотях», в мае 1817 г. на новоселовских плотбищах было построено три барки и десять плотов, предназначенных для сплава до Усть-Кемского⁶⁹. Грузоподъемность самых крупных судов достигала 6 тыс. пудов хлеба, тогда как барки меньшего размера вмещали до 3 тыс. пудов. Для управления судном требовалось восемь человек. Строительство велось с использованием простейших инструментов и принципиально не отличалось от традиционного деревянного зодчества, поэтому в официальных документах встречается характеристика: «барка топорной работы». Габариты крупных судов составляли 6 сажень в длину, 9 аршин в ширину, высота бортов достигала 3 аршин. Согласно «Ведомости», для хлебных перевозок применялись также плоты «топорной работы» грузоподъемностью от 400 до 600 пудов при следовании до Енисейска. Габариты таких плотов составляли 8 сажень в длину и 5 в ширину⁷⁰. Стоимость такого плота достигала 959 руб.

Хотя едва ли можно говорить о следовании каким бы то ни было стандартам в подобной практике народного судостроения, тем не менее, сославшись на упомянутую работу П.А. Богославского, можно указать на существование такого типа плотов, как «хлебные», имевших специальные лари-сундуки для хранения и перевозки хлеба⁷¹. Такие плоты изготавливались из 20–30 сосновых или еловых бревен и могли быть однорядными или двурядными. По прибытии на место плоты разбирались и использовались в качестве строительного материала, что было особенно важно для Крайнего Севера, где качественная деловая древесина отсутствовала. Более детальное описание енисейских плотов, сплавлявшихся на участке

⁶⁷ Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Освоение водных путей... С. 92.

⁶⁸ Там же. С. 93.

⁶⁹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 608. Оп. 1. Д. 524. Л. 3–4.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Богославский П.А. О купеческом судостроении... С. 74.

от Минусинска до Красноярска, дает Е.В. Близняк. Он подразделяет плоты на следующие категории: лесные, дровяные, грузовые и торговые (с грузом хлеба, арбузов, шуб, пим). Примечательно, что, несмотря на конкуренцию со стороны парохозяйственников, плоты продолжали активно эксплуатироваться и в начале XX в.: достаточно указать, что в Красноярск в течение навигации приходило до 3 тыс. плотов⁷².

В мае 1819 г. Новоселовское правление направило в Балахтинское частное комиссарство рапорт с ведомостью о пяти барках «топорной работы», выстроенных при деревне Усть-Комской⁷³. Размеры судов составляли от 5 до 7 сажень в длину, от 5 до 10 аршин в ширину, высота бортов – 2–3 аршина. Грузоподъемность барок колебалась от 4 до 2,5 тысяч пудов хлеба, а цена – от 800 до 300 руб. в зависимости от величины судна. Экипаж каждой барки насчитывал 6–8 человек. Барки предназначались для сплава хлеба в Енисейск.

Описывая енисейские суда в начале XX в., Е.В. Близняк отмечал, что, помимо барок, существовали суда, которые называли «утюгами» из-за внешнего сходства с этим предметом. В отличие от барок, утюги были значительно короче – 5–7 сажень против 7–15 – и имели острый нос и обрезанную корму⁷⁴. Судя по всему, это различие стало фиксироваться во второй половине XIX в., поскольку оно не встречается в документах о судостроении.

В ноябре 1822 г. Минусинский земский суд наложил резолюцию, согласно которой было зафиксировано строительство трех барок «топорной работы» со следующими параметрами: длина от 8 до 9 сажень, высота бортов от 9 до 10 аршин и ширина 3 аршина⁷⁵. Спустя два года, в 1824 г., Новосельское волостное правление представило развернутую ведомость, охватывающую значительно более широкий объем судостроения – всего 11 барок, построенных в трех волостях: Шушенской, Курагинской и Абаканской, причем плотбища были в нескольких населенных пунктах, а именно – при деревне Сисимской, при деревне Шошиной в Курагинской волости и около села Курагинского⁷⁶. Работы велись местными крестьянами, среди которых особо выделялись представители семьи Ворошиловых – Дмитрий, Осип и Хома, построившие три крупные барки, а также Елисей Потылицын, работавший при деревне Сисимской. Размеры судов были довольно разнообразными: длина колебалась от 8 до 10 сажень, ширина – от 8 до 11 аршин, при этом высота бортов практически у всех барок составляла 3 аршина, хотя в резолюции 1822 г. указывалась глубина до 10 аршин, что, вероятно, относится к внутреннему пространству трюма. Еще больший разброс наблюдается в грузоподъемности судов: самая малая барка (сисимская, работы Потылицына) брала всего 600 пудов хлеба и оценивалась в 1 800 руб., тогда как три барки Ворошиловых, имевшие длину от 8,5 до 9 сажень и ширину 10–11 аршин, обладали грузоподъемностью по 7 тыс. пудов каждая и стоили по 2 100 руб.; промежуточные позиции занимали суда, упомянутые в резолюции земского суда. Общая стоимость построенного флота составила около 20 тыс. руб., причем каждая барка обслуживалась экипажем, численность которого, судя по более ранним данным, составляла от 6 до 8 человек.

Еще одной характерной особенностью барок была их одноразовость: после прибытия к месту назначения они разбирались и использовались для местного строительства. В тундровой зоне Енисея, где основным местным строительным материалом служил плавник, барочный лес служил важным ресурсом, пользовавшимся популярностью благодаря доступности и низкой стоимости, правда качество этого материала было невысоким. Из барачных плах, например, была построена первая церковь в Толстом Носу⁷⁷. Суда (барки и лодки), на которых доставлялся хлеб, выступали порой и в качестве складских помещений для хранения продовольствия в связи с нехваткой последних⁷⁸. Подобная практика объяснялась тем, что суда, как правило, отправлялись в рейсы в один конец.

⁷² Близняк Е.В. Енисей от Минусинска до Красноярска... С. 246–248.

⁷³ ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. Д. 653. Л. 1–2.

⁷⁴ Близняк Е.В. Енисей от Минусинска до Красноярска... С. 251.

⁷⁵ ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. 854. Л. 1 об.

⁷⁶ Там же. Л. 5 об.–6 об.

⁷⁷ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7862. Л. 42.

⁷⁸ Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины... С. 21.

Согласно архивным данным, строительство и эксплуатация барок на Енисее продолжались и после запуска первого парохода на Енисее⁷⁹, тем более что до 1880-х годов несколько имеющихся пароходов курсировало лишь на участке от Енисейска до Гольчихи. Сложившаяся в первой половине XIX в. система судоходства, особенно на отрезке Минусинск – Красноярск, долго сохраняла свои позиции, противодействуя попыткам организации здесь пароходства⁸⁰. Окончательно барки исчезли на Енисее лишь в первой половине XX в.: проводивший здесь изыскания незадолго до Первой мировой войны Е.В. Близняк отмечал, что по Енисею в навигацию их ходило не более десяти штук. Прекращение эксплуатации данного вида судна он объясняет существенным снижением тарифов на пароходные перевозки, а также неурожайными годами, лишившими перевозчиков основного груза⁸¹.

Интересным видом судна, использовавшимся в рассматриваемый период, была палубная лодка⁸². В отличие от плотов и барок, она предназначалась для более скоростной перевозки пассажиров, а также небольших партий грузов, в частности для снабжения изолированных зимовий и малых поселений. По своим характеристикам енисейские лодки⁸³, вероятно, походили на суда, использовавшиеся на реках Беломорья⁸⁴. Такие лодки оснащались одной мачтой с прямым рейковым парусом, рулем и двумя парами весел. Примечательно, что, в отличие от традиционных поморских малых судов, енисейская лодка имела палубу, что является достаточно уникальной особенностью для такого рода судов. Поскольку этот тип судов исчезает из описаний енисейского судоходства второй половины XIX в., можно предположить, что его вытеснила знаменитая крытая лодка-илимка. В отличие от плотов и барок, палубные лодки могли эксплуатироваться на протяжении многих лет.

Сохранились интересные материалы, охватывающие период с 27 ноября 1832 г. по 16 декабря 1839 г., которые подробно описывают два драматических происшествия с участием казенной палубной лодки, следовавшей вниз по течению Енисея под руководством туруханских урядников Ефима Попова и Петра Баженова⁸⁵.

Первый инцидент, зафиксированный в рапорте от 9 октября 1832 г. туруханскому отдельному заседателю, описывает аварию лодки. Урядники были командированы на палубной лодке с грузом казенной соли, но, не дойдя 12 верст до Фокинского зимовья, из-за сильной непогоды вынужденно стали на кошку (якорь); однако уже через два часа лодку выбросило на берег, при этом была выломана часть корпуса и сворочена крыша, но команда успела спасти бочонок с порохом, оставшийся неподмоченным, тогда как провиант и часть соли пропали⁸⁶.

Второе более трагическое событие произошло 10 сентября 1835 г., когда та же лодка с грузом – казенной солью, провиантом и порохом была отправлена под надзором тех же урядников в запасные магазины Тесимский и Толстоносовский, однако в пути лодка была разбита льдом и оба урядника утонули вместе с судном и грузом (10 пудов соли стоимостью 220 руб., провианта на 111 руб. и прочего имущества на 119 руб.)⁸⁷. Разбирательство по этому делу выявило, что «происшествие случилось от сильной погоды»⁸⁸. Было установлено, что отправка лодки из Туруханска была произведена слишком поздно, когда река уже должна была покрыться льдом, что и привело к гибели судна; в дальнейшем от подобной практики надлежало воздержаться⁸⁹. Примечательно, что это первый известный задокументированный случай кораблекрушения на Енисее.

⁷⁹ ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. Д. 3095.

⁸⁰ Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Освоение водных путей... С. 93–94.

⁸¹ Близняк Е.В. Енисей от Минусинска до Красноярска... С. 250–251.

⁸² См.: Третьяков П.И. Туруханский край... С. 37.

⁸³ Описание небольших рыболовных лодок, используемых прибрежными жителями, представлено в работе: Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Освоение водных путей... С. 92–93.

⁸⁴ Богославский П.А. О купеческом судостроении... С. 62–63.

⁸⁵ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 601.

⁸⁶ Там же. Л. 1 об.

⁸⁷ Там же. Л. 64 об.

⁸⁸ Там же. Л. 43.

⁸⁹ Там же. Л. 52.

Однако наибольший интерес представляет описание элементов оснастки палубной лодки, а также их стоимость (холщевый парус – 55 руб., снасти (векша и бурундушка) – 1 руб., шейма (якорный канат) – 40 руб., завод (завозной канат для снятия с мели) – 10 руб., бечевка весом в один пуд – 7 руб., железная кошка (якорь) – 21 руб.)⁹⁰. При стоимости самой лодки в 85 руб. можно отметить, что такие элементы снаряжения, как парус, канаты и якоря, обходились достаточно дорого, что, в свою очередь, вело к использованию различных импровизированных средств, например якорей, изготовленных из подручных материалов⁹¹. Интересно также, что приведенные термины практически полностью совпадают с теми, что использовались в традиционном поморском и сибирском судостроении в XVII в.⁹²

Коснувшись проблемы безопасности на речном транспорте, необходимо уделить внимание вопросу о регулировании судоходства в рассматриваемую эпоху. В соответствии с высочайшим манифестом от 20 ноября 1809 г. управление путями сообщения входило в компетенцию 10-го округа путей сообщения (территория империи была разделена на десять округов). За период своего существования руководство округа не успело предпринять сколько-нибудь значимых мер, за исключением изучения вопроса о строительстве канала между Обью и Енисеем⁹³. В 1822 г. округ был упразднен, а его полномочия переданы в ведение местных властей. Как справедливо отмечает А.Ю. Ижендеев, одной из причин ликвидации округа послужил конфликт между сибирской администрацией и министерскими структурами. Показательно, что завершение реформы М.М. Сперанского, имевшей своей целью, в том числе, разрешение противоречий между генерал-губернаторами и центральными ведомствами, хронологически совпало с упразднением министерского контроля над сибирскими коммуникациями. В итоге надзор за судоходством оказался в ведении местной полиции, что при дефиците кадров и материальных ресурсов вряд ли можно считать эффективным⁹⁴.

Несомненно, безопасность судоходства не раз привлекала внимание местных властей. Однако первым документально зафиксированным решением стал указ о постановке вех на Енисее, датированный 1819 г.⁹⁵ Инициатива по проведению этих работ исходила от томского губернатора и была направлена для исполнения в Новоселовское волостное правление, что неслучайно: как было показано выше, данный район играл ключевую роль в организации строительства и отправки хлеба на север. В отличие от северных участков, течение Енисея к югу от Красноярска было осложнено галечными отмелями и перекатами, что создавало серьезные трудности для сплава барок и плотов. Показательно, что решение об установке вех было принято во исполнение высочайшего указа от 11 сентября 1784 г. «Об обмере фарватера и обстановке мелей предостерегательными знаками»⁹⁶, который, по-видимому, до того времени на Енисее не применялся. Хотя конкретные результаты реализации данного распоряжения нам неизвестны (вероятно, из-за отсутствия кадров и оборудования они были незначительными), сам факт его появления может рассматриваться как начало реальной практической деятельности властей по обеспечению безопасности на Енисейском водном пути.

При рассмотрении вопросов обеспечения безопасности навигации на Енисее необходимо отметить, что после Великой Северной экспедиции картографические материалы по реке практически не обновлялись. В сложившихся условиях судоводители и сплавщики полагались преимущественно на народные методы навигации, используя природные приметы; накопленные гидрологические знания сохранялись в рамках устной традиции. Обычно суда проводились сменными лоцманами, закрепленными за отдельными участками пути.

⁹⁰ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 601. Л. 54, 62 об.

⁹¹ См.: *Близняк Е.В.* Енисей от Минусинска до Красноярска... С. 276.

⁹² См.: *Коч – судно полярных мореходов XVII в...* С. 76, 78–79.

⁹³ *Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А.* Освоение водных путей... С. 92.

⁹⁴ *Ижендеев А.Ю.* Томский округ путей сообщения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (3). С. 55.

⁹⁵ ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. Д. 655. Л. 1–2.

⁹⁶ Там же. Л. 2.

Однако, по-видимому, опытные судоводители, неоднократно совершавшие плавания из Енисейска в низовья Енисея, знали реку достаточно хорошо и могли обходиться без проводников. При этом наиболее опасные участки пути – Казачинский порог, Пономаревские камни, Осиновский порог – были в достаточной степени изучены для того, чтобы совершать через них плавание.

Необходимость в точных печатных навигационных пособиях возникла лишь с утратой енисейским судоходством своей изолированности, т.е. после открытия судоходства в Карском море: с 1875 г. в Енисей начинают прибывать корабли из европейских портов. Рост объемов перевозок морским путем привел к постепенному увеличению тоннажа речного флота, что исключало дальнейшее использование только местных проводников. С 1894 г. начинаются систематические изыскательские работы на Енисее, проводимые различными ведомствами, а в 1920-х годах появляются первые лоции и уточненные судоходные карты реки.

Хотя начало пароходного сообщения по Енисею относится к 1863 г., когда был запущен первый одноименный пароход, это событие не привело к расцвету пароходства, несмотря на то, что современники возлагали на него большие надежды⁹⁷. Вплоть до начала XX в. количество самоходных судов исчислялось единицами, причем большая их часть была либо приобретена у иностранных предпринимателей, пытавшихся в течение последней четверти XIX в. освоить морской путь через Карское море, либо представляла собой слабо-сильные суда, способные осуществлять не более одного северного рейса за навигацию⁹⁸.

Событием, послужившим наиболее сильным толчком для развития енисейского речного судоходства, следует считать экспедицию Министерства путей сообщения 1905 г. Из-за возникшего транспортного кризиса на Транссибирской железной дороге, вызванного военными действиями на Дальнем Востоке, правительству пришлось организовать доставку больших партий различных грузов в Сибирь по Карскому морю. Ввиду отсутствия на Енисее необходимого количества судов для перевозки столь внушительных объемов сюда было доставлено множество паровых и несамоходных судов. Резкое увеличение тоннажа енисейского бассейна послужило импульсом для развития здесь всех аспектов судоходства.

Таким образом, рассмотрение истории судоходства по Енисею в первой половине XIX в. подчеркивает роль водного транспорта в продовольственном обеспечении Приенисейского Севера. Основными факторами, стимулировавшими развитие северного судоходства, выступали снабжение хлебных запасных магазинов и обеспечение продовольствием золотых приисков. Отмечено, что в допароходную эпоху перевозка товаров с севера на юг представляла лишь небольшую долю речных перевозок, что существенно тормозило развитие таких отраслей хозяйства, как рыбная промышленность. В целом енисейское судоходство развивалось и существовало независимо от тех тенденций, которые наблюдались в более развитых промышленных и транспортных регионах страны, а также за рубежом. Енисейские суда XIX в., а также применяемые навигационные практики представляли собой продолжение традиций народного судостроительства, которые были заложены еще в XVII в. Очевидно, что подобная практика использования Енисея как транспортной артерии сдерживала хозяйственное освоение региона и была бесперспективной. Однако не менее существенным тормозом для развития пароходства на реке выступала сама экономическая конъюнктура губернии, а не только техническая отсталость. По верному замечанию Е.В. Близняка, «... столь позднее появление парового судна на Енисее объясняется лишь общими неблагоприятно сложившимися условиями торгово-промышленной жизни Енисейской губернии»⁹⁹.

⁹⁷ См.: Третьяков П.И. Туруханский край... С. 235–236.

⁹⁸ Примером такого парохода была «Анна», построенная в Енисейске и снабженная небольшой паровой машиной в 15 сил (Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда... С. 594).

⁹⁹ Близняк Е.В. Енисей от Минусинска до Красноярска... С. 162.

Литература

- Близняк Е.В. Енисей от Минусинска до Красноярска. Краткие сведения о реке и судоходстве. Пг.: Тип. МПС, 1915. 337 с.
- Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. 216 с.
- Богославский П.А. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб.: Тип. Морского министерства, 1859. 188 с.
- Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.
- Вершинин Е.В. Дощаник и коч в Западной Сибири в XVII в. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 87–131.
- Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
- Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История развития рыбного промысла в низовьях Енисея в досоветский период (1822–1917 гг.) // Вестник КрасГАУ. 2012. № 4. С. 244–249.
- Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Освоение водных путей северной части бассейна Енисея в XVII – начале XX века [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 86–103. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-07.pdf> (дата обращения: 20.04.2026).
- Ижгендеев А.Ю. Томский округ путей сообщения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (3). С. 55–56.
- Комлева Е.В. «Народ молодой и здоровый»: русские поселенцы в Туруханском крае в конце XVIII – первой половине XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (23). С. 132–143.
- Комлева Е.В. Казенные запасные хлебные магазины Туруханского края в первой половине XIX в. // Енисейский Север: история и современность: сб. ст. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2016. Вып. 2. С. 16–47.
- Комлева Е.В. Снабжение хлебом северных районов Сибири (XVII–XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 3. С. 13–18.
- Котов П.П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 90–96.
- Коч – судно полярных мореходов XVII в. Новые данные / отв. ред. П.А. Филин. М.: Паулсен, 2022. 248 с.
- Курноскин С.П., Филин П.А. Очерки по истории судоходства уральских казаков [Электронное сетевое издание]. М.: Институт Наследия, 2024. 216 с. DOI [10.34685/b7429-1676-0824-w](https://doi.org/10.34685/b7429-1676-0824-w).
- Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 гг. Красноярск: СФУ, 2016. 850 с.
- Пинхенсон Д.М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л.: Морской транспорт, 1962. 892 с.
- Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1871. 316 с.
- Akerman J.R. The Imperial Map: Cartography and Mastery of Empire. University of Chicago Press, 2009. 367 p.
- Johnson H. The life and voyages of Joseph Wiggins, F.R.G.S.: modern discoverer of the Kara Sea route to Siberia based on his journals and letters. London, 1907. 396 p.

References

- Akerman, J.R. (2009). *The Imperial Map: Cartography and Mastery of Empire*. University of Chicago Press. 367 p.
- Bliznyak, E.V. (1915). *Enisey ot Minusinska do Krasnoyarska. Kratkie svedeniya o reke i sudokhodstve* [The Yenisei from Minusinsk to Krasnoyarsk. A Brief Sketch on the River and Its Navigation]. Petrograd, Tipografiya MPS. 337 p.
- Bogoslavsky, P.A. (1859). *O kupecheskom sudostroenii v Rossii, rechnom i pribrezhnom* [On the Merchant Shipbuilding in Russia: Riverine and Coastal]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. 188 p.
- Bolshakov, V.N. (1991). *Ocherki istorii rechnogo transporta Sibiri XIX v.* [Essays on the History of Riverine Shipping in Siberia in the 19th Century]. Novosibirsk, Nauka. 216 p.
- Bykonya, G.F., Komleva, E.V., Pogrebnyak, A.I. (2012). *Eniseyskoe kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.)* [The Yenisei Merchantry in Persons (18th Century to Early 20th Century)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 316 p.
- Filin, P.A. (Ed.). (2022). *Koch – sudno polyarnykh morekhodov XVII v. Novye dannye* [The Koch – the Vessel of Polar Seafarers of the 17th Century. New Evidence]. Moscow, Paulsen. 248 p.
- Gaydin, S.T., Burmakina, G.A. (2012). Istoriya razvitiya rybnogo promysla v nizovyakh Eniseya v dosovetskiy period (1822–1917 gg.) [History of the Development of the Fishery Industry in the Lower Reaches of the Yenisei in the Pre-Soviet Period (1822–1917)], In *Vestnik KrasGAU*. No. 4, pp. 244–249.
- Gaydin, S.T., Burmakina, G.A. (2022). Osvoenie vodnykh putey severnoy chasti basseyna Eniseya v XVII – nachale XX veka [Development of Waterways in the Northern Part of the Yenisey Basin in the 17th and Early 20th Century]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 3 (23), pp. 86–103. URL: Available at: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-07.pdf> (date of access 20.04.2026).
- Izhendeev, A.Yu. (2007). Tomskiy okrug putey soobshcheniya [The Tomsk District of Ways of Communication]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 300 (3), pp. 55–56.
- Johnson, H. (1907). *The Life and Voyages of Joseph Wiggins, F.R.G.S.: Modern Discoverer of the Kara Sea Route to Siberia Based on His Journals and Letters*. London, John Murray. 396 p.
- Komleva, E.V. (2016). Kazennyye zapasnyye khlebynye magaziny Turukhanskogo kraya v pervoy polovine XIX v. [State Reserve Grain Stores of the Turukhansk Kray in the First Half of the 19th Century], In *Eniseyskiy Sever: istoriya i sovremennost*. No. 2, pp. 16–47.
- Komleva, E.V. (2016). Snabzhenie khlebom severnykh rayonov Sibiri (XVII–XIX vv.) [Grain Supply to the Northern Regions of Siberia (17th–19th Centuries)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 23, No. 3, pp. 13–18.
- Komleva, E.V. (2017). “Narod molodoy i zdorovyy”: russkie poselentsy v Turukhanskom krae v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [“The People are Young and Healthy”: Russian Settlers in the Turukhansk Kray in the late 18th – First Half of the 19th Century]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 3 (23), pp. 132–143.
- Kotov, P.P. (2013). Khlebynye zapasnyye magaziny po zakonodatelnym istochnikam Rossii XVIII – pervoy polovine XIX vekov [Grain Reserve Stores According to Legislative Sources of Russia in the 18th – First Half of the 19th Centuries], In *Nauchnye vedomosti. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. Vol. 25, No. 1 (144), pp. 90–96.
- Kurnoskin, S.P., Filin, P.A. (2024). *Ocherki po istorii sudokhodstva uralskikh kazakov* [Essays on the History of Navigation of the Ural Cossacks]. Moscow, Institut Naslediya. 216 p. DOI [10.34685/b7429-1676-0824-w](https://doi.org/10.34685/b7429-1676-0824-w).
- Kytmanov, A.I. (2016). *Kratkaya letopis' Eniseyskogo uezda i Turukhanskogo kraya Eniseyskoy gubernii 1594–1893 gg.* [A Short Chronicle of the Eniseyskiy Uezd and the Turukhanskiy Kray of the Yeniseisk Province, 1594–1893]. Krasnoyarsk. 850 p.

Pinkhenson, D.M. (1962). *Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma* [The Problem of the Northern Sea Route During Capitalism]. Leningrad, Morskoy transport. 892 p.

Tretyakov, P.I. (1871). *Turukhanskiy kray, ego priroda i zhiteli* [The Turukhansk Kray: Its Nature and Inhabitants]. St. Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova. 316 p.

Vershinin, E.V. (2001). Doshchanik i koch v Zapadnoy Sibiri v XVII v. [The Doshchanik and Koch in Western Siberia in the 17th Century]. In *Problemy istorii Rossii*. No. 4, pp. 87–131.

Vershinin, E.V. (2018). *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI – XVII vv.* [The Russian Colonization of Northwestern Siberia in the Late 16th and 17th Centuries]. Yekaterinburg, Demidovsky institut. 504 p.

Е.Н. Туманик*

**ВКЛАД ДЕКАБРИСТОВ В РАЗВИТИЕ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СИБИРИ:
ОБЗОР ЮБИЛЕЙНЫХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ
ИЗДАНИЙ, ВЫШЕДШИХ В 1925 ГОДУ****doi:10.31518/2618-9100-2026-4-5
УДК 94:332(571.1/.5)"1925"*Выходные данные для цитирования:**Туманик Е.Н. Вклад декабристов в развитие сельского хозяйства Сибири: обзор юбилейных советских исторических изданий, вышедших в 1925 году // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 85–104.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-05.pdf>*

E.N. Tumanik*

**THE CONTRIBUTION OF THE DECEMBRISTS
TO THE DEVELOPMENT OF SIBERIAN AGRICULTURE:
AN OVERVIEW OF SOVIET HISTORICAL PUBLICATIONS
PUBLISHED BY 1925****

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-5

*How to cite:**Tumanik E.N. The Contribution of the Decembrists to the Development of Siberian Agriculture: An Overview of Soviet Historical Publications Published by 1925 // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 85–104.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-05.pdf>]*

Abstract. The study of the agricultural activities of the Decembrists in Siberia is of significant interest not only for the development of the problems of socio-economic and agrarian development of the region, but also in terms of the characteristics of the Decembrist movement as a socio-political movement. This topic has been actively researched by Soviet historians, and the foundation for its study was laid in the mid-1920s with the publication of four anniversary collections in Irkutsk, Minusinsk, Chita, and Moscow, dedicated to the 100th anniversary of the Decembrist uprising. The article focuses on the historiographical analysis of these publications in the context of the study of the agricultural activities of the Decembrists in the settlements, which was most fully reflected in the works of B.G. Kubalov, A.V. Vatin-Bystryansky, and A.P. Kosovanov. In the thematic structure of the anniversary collections, the issues of the agricultural and economic activities of the Decembrists are predominant in the articles of the Minusinsk Museum Yearbook, although in terms of concept, the publication represents a transitional link from pre-revolutionary to Soviet historiography. Many authors demonstrate a new class-based approach in their research, particularly B.G. Kubalov, who presented the socio-economic interaction between the Decembrist nobility and the Siberian peasantry in the context of agricultural entrepreneurship with the inevitable elements of new bourgeois relations. Overall, the topic of the agricultural activities of the Decembrists in Siberia has become an integral part of the general issues of Siberian local history and the general history of the Decembrist movement, and it has been explored for the first time on a scientific basis using a diverse range of sources. Historians have emphasized and recognized the cultural mission of the Decembrists in the field of agriculture, appreciated their significant contribution to the development of the agricultural sector in Siberia, and declared their educational and economic influence on the Siberian peasantry.

Keywords: Decembrists, Siberia, agriculture, Soviet historiography.

* **Екатерина Николаевна Туманик**, кандидат исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kattum@mail.ru

Ekaterina Nikolaevna Tumanik, Candidate of Historical Sciences, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kattum@mail.ru

** Статья подготовлена по плану научно-исследовательской работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, проект № 122041100088-9 «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.».

The article was prepared in accordance with the research plan of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 122041100088-9 "Transformation of Book Culture in Social Communications in the 19th–21st Centuries."

The article has been received by the editor on 10.05.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Изучение сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири представляет значительный интерес не только для разработки проблем социально-экономического и аграрного развития региона, но и в плане характеристики декабризма как общественно-политического движения. Данная тема достаточно активно исследовалась советскими историками, при этом фундамент для ее изучения был заложен в середине 1920-х годов публикациями в четырех юбилейных сборниках, вышедших в Иркутске, Минусинске, Чите и Москве к 100-летию восстания декабристов. Статья посвящена историографическому анализу данных изданий в свете изучения сельскохозяйственной деятельности декабристов на поселении, которая из числа авторов сборников нашла наиболее полное отражение в трудах Б.Г. Кубалова, А.В. Ватина-Быстрянского и А.П. Косованова. В тематической структуре юбилейных томов проблематика аграрно-экономических занятий декабристов превалирует в статьях ежегодника Минусинского музея, хотя в концептуальном отношении издание представляет собой переходное звено от дореволюционной к советской историографии. Многие авторы демонстрируют в своих исследованиях новый классовый подход, прежде всего Б.Г. Кубалов, представивший социально-экономическое взаимодействие дворян-декабристов и сибирского крестьянства в условиях сельскохозяйственного предпринимательства с неизбежными элементами новых буржуазных отношений. В целом в середине 1920-х годов тема сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири прочно вошла в общую проблематику сибирского краеведения и общую историю декабризма и впервые получила раскрытие на научной основе с использованием разнообразной источниковой базы. Историками была признана культуртрегерская миссия декабристов в области сельского хозяйства, оценен их значительный вклад в развитие аграрного сектора экономики Сибири, подчеркнуто просветительно-экономическое влияние на сибирское крестьянство.

Ключевые слова: декабристы, Сибирь, сельское хозяйство, советская историография.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Введение. Изучение сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири важно и в плане характеристики декабризма как общественно-политического движения, и в плане разработки проблем социально-экономического и аграрного развития региона. Тема достаточно активно освещалась советскими историками и часто появлялась на страницах изданий, выходивших в 1920–1980-е годы. И хотя обобщающей работы по данному направлению исследований так и не было создано, тем не менее в трудах различных ученых в рассматриваемый период была заложена мощная база для появления такого труда. Занятия декабристов сельским хозяйством рассматривались в основном с двух точек зрения – как одна из форм необходимой жизнедеятельности на поселении (часто вынужденная) и как создание передовых новаторских прибыльных хозяйств буржуазного типа, существенно продвигавших вперед аграрный сектор и развитие производительных сил Сибири. Но насколько декабристы своими сельскохозяйственными занятиями способствовали совершенствованию отрасли в целом, аграрно-экономическому прогрессу и освоению Сибири, внедрению новых агротехнических технологий и увеличению урожайности, созданию и укреплению продовольственной безопасности края? Попытаемся проанализировать самое начало освещения этого вопроса на страницах важнейших юбилейных изданий-сборников о декабристах в Сибири, появившихся к 100-летней годовщине восстания на Сенатской площади, состав-

ляющих золотой фонд советской историографии декабристоведения и одновременно важный компонент библиотечных коллекций советского наследия, доступный современному читателю и исследователю.

К сожалению, сегодня даже профессиональные историки не столь часто обращаются к историографии советской эпохи о декабристах. Между тем здесь можно выделить работы как общего характера, так и биографического, как краеведческого, так и обзорного. Это же относится к частному ракурсу в рамках декабристоведения – рассмотрению сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири. Говоря об изученности темы в целом, в работе «Освещение проблемы “Декабристы и Сибирь” в отечественной литературе. 1975–1985 гг.» советские ученые Г.Д. Казьмирчук и О.А. Рафальский подчеркнули: «Сельскохозяйственная деятельность ссыльных декабристов еще недостаточно изучена. Имеются аспекты, нуждающиеся в уточнении»¹. Эта ситуация сохраняется и по сей день. Цель нашей работы – выявление и презентация степени изученности темы на начальном этапе советской историографии в период самой постановки и начальной разработки с учетом определения общей концептуальной схемы как базы для дальнейшего изучения. По мнению С.Ф. Ковалю, именно в 1925–1933 гг. тематика, связанная с жизнью декабристов в Сибири, «превратилась в самостоятельную и значительную научно-краеведческую проблему»². И здесь важно выяснить, какое место в ее рамках именно в этот период занимало исследование сельскохозяйственной деятельности декабристов в сибирской ссылке. В задачи статьи входит не только создание общего историографического обзора, выявление лакунов в освещении сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири и, напротив, наиболее изученных полей и аспектов темы, но и характеристика теоретических основ ее разработки в середине 1920-х годов.

Если брать весь советский этап декабристоведения, с нашей точки зрения правомерно выделить следующие периоды изучения именно сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири: 1920–1930-е годы (издания довоенного периода); 1950–1970-е годы; наконец, работы 1980-х годов. Особняком в этом ряду стоит книга В.Н. Соколова, вышедшая в 1946 г. и представляющая собой своеобразный рубеж, сыграв весьма специфическую роль в разработке темы и определившая на долгие годы осторожное отношение исследователей к проблеме хозяйственной активности декабристов в Сибири, в том числе и в аграрной сфере³. Вместе с тем в работе В.Н. Соколова в отдельной главе дан общий, достаточно содержательный с фактической точки зрения очерк сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири, и по сей день остающийся единственным во всей историографии. Очень удачно значение и место этой работы в контексте историографии определила Т.С. Мамсик: «Начало специальному вниманию к характеру хозяйственных занятий декабристов, к типу их хозяйств было положено работами В.А. Ватина-Быстрянского, Н.М. Дружинина, Б.Г. Кубалова, В.Н. Соколова. Затем в течение 40 лет вопрос о хозяйстве декабристов вновь решался попутно в связи с интересом к их общественной деятельности. Определенную роль в этом сыграло то обстоятельство, что В.Н. Соколов, дав очерк хозяйственной жизни декабристов в Сибири, высказал неверное положение о том, что сельскохозяйственная и промышленная деятельность дворянских революционеров, которой они занялись в период поселения в Сибири, отвлекала их от проблем освободительного движения в стране»⁴. То есть экономическая деятельность декабристов в Сибири трактовалась В.Н. Соколовым как помеха для их общественной активности и фактор обуржуазивания или обмещивания, способствовала социальной и политической деградации.

¹ Казьмирчук Г.Д., Рафальский О.А. Освещение проблемы «Декабристы и Сибирь» в отечественной литературе. 1975–1985 гг. Киев, 1987. С. 19.

² Коваль С.Ф. Декабристы в Сибири. Некоторые итоги и задачи исследования // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 21.

³ Соколов В.Н. Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1946.

⁴ Мамсик Т.С. Хозяйство ссыльных декабристов братьев Кюхельбекеров // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 127.

Если же вернуться в год столетия восстания декабристов, то можно отметить, что тогда проблемы сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири активно поднимались, ставились достаточно широко в силу историографических реалий эпохи и набора доступных источников – тема широко разрабатывалась, была важной. Но со временем ее актуальность стала отходить на задний план. В 1970-е годы, когда заговорили о развитии движения декабристов именно как идеологии, на первое место вышли общественные, социальные, культурные ракурсы освещения их пребывания в Сибири. Проблема изучения сельскохозяйственной деятельности декабристов оставалась на периферии вплоть до появления работ В.Б. Бахаева, вписавшего ее в общий идейный контекст декабризма.

Окончательный концептуальный перелом был намечен в 1980 г., когда в монографии «Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии» В.Б. Бахаев провел прямую доказательную связь между общественно-политическими идеями декабристов и их хозяйственной активностью в Сибири, имевшей самую широкую направленность, обратив внимание на тот факт, что сельскохозяйственная деятельность декабристов вписывалась в отрасль общественного хозяйства устава Союза благоденствия. Избрав данную отрасль, его члены должны были обращать особенное внимание на улучшение хлебопашества, всестороннее усовершенствование и развитие всего аграрного сектора. На этой ниве декабрист мог работать и приносить пользу Отечеству именно как общественный и политический деятель. Следовательно, по мысли автора, мы имеем дело ни с чем иным, как с продолжением и практическим развитием идей Союза благоденствия после восстания – итак, В.Б. Бахаев связал хозяйственную деятельность декабристов в Сибири с идеологией декабризма в целом, поставив в духе советской историографии 1980-х годов вопрос о продолжении движения декабристов после 1825 г., проявлявшегося, в том числе, и в их усилиях по аграрно-экономическому освоению края, имевших несомненное идейное основание⁵. У исследователей возникло понимание того, что декабристы, конечно, кто-то в большей, кто-то в меньшей степени, вкладывали в свою сельскохозяйственную деятельность определенный общественно-политический смысл. Подчеркнем, что книга В.Б. Бахаева до сих пор сохраняет свое не только научное, но и культурное значение в сибиреведении.

Тема сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири в юбилейных изданиях 1925 г. Рассмотрим освещение темы о сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири на страницах четырех юбилейных изданий, вышедших в 1925 г. к 100-летию юбилею восстания на Сенатской площади и заложивших основы и направления исследования сибирского декабристоведения: «Сибирь и декабристы» (Иркутск, 1925), «Декабристы на каторге и в ссылке» (Москва, 1925), «Декабристы в Минусинском округе (Ежегодник Мартыановского музея)» (Минусинск, 1925), «Декабристы в Забайкалье» (Чита, 1925)⁶ (рис. 1). Важность всех юбилейных изданий заключалась в их особых задачах, которые можно сформулировать следующим образом: во-первых, подвести итоги изучения темы о декабристах в Сибири практически за вековой промежуток времени и наметить перспективы ее дальнейшей разработки; во-вторых, ввести в научный оборот новые источники; в-третьих, определить новую концепцию изучения темы с применением актуальных методологических подходов (это удалось далеко не всем – пожалуй, с задачей в полной мере справился только иркутский сборник «Сибирь и декабристы»); в-четвертых, заявить о важности темы в структуре молодой советской исторической науки и зарезервировать для нее широкое исследовательское поле.

⁵ Бахаев В.Б. Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии. Новосибирск, 1980. С. 61–62.

⁶ Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск, 1925; Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. Сборник новых материалов и статей, составленных Комиссией Всесоюзного общества политкаторжан по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов. М., 1925; Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию юбилею восстания декабристов. Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова. Минусинск, 1925. Т. III, вып. II; Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита, 1925.

Остановимся подробнее на характеристике изданий, где наиболее подробно раскрываются вопросы, связанные с сельскохозяйственной деятельностью декабристов. Больше всего материалов можно найти на страницах сборника Государственного музея им. Н.М. Мартыанова в Минусинске. Тематический выпуск музейного ежегодника, вышедший из печати 20 ноября 1925 г., получил название «Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию восстания декабристов» и посвящен почти исключительно истории декабристской ссылки. В сборник вошли три статьи: «Политическая ссылка в Минусинске» В.А. Ватина-Быстрянского, которая хорошо известна исследователям и часто цитируется, и две А.П. Косованова биографического плана об отдельных декабристах, проживавших в Минусинске и Минусинском округе. Обратим внимание, что под статьей В.А. Ватина-Быстрянского указаны время и место написания – Минусинск, 1916 г. Для сборника статья не была адаптирована автором в рамках нового формирующегося марксистского подхода, тем не менее, опубликованная в 1925 г. к 100-летию восстания декабристов, она все равно относится уже к советской историографии. Мы рассматриваем эту работу как переходную от дореволюционного этапа историографии декабризма к советскому, своеобразное связующее звено в рамках разработки темы «Декабристы в Сибири». Это же относится и ко второй части юбилейного сборника со статьями А.П. Косованова. Таким образом, минусинское издание концептуально вписывается в рамки переходного звена от дореволюционной к советской историографии, в то время как иркутские, читинские и московские исследователи уже активно демонстрируют элементы новой методологии.

Сборник статей под редакцией А.В. Харчевникова, подготовленный совместно с Читинским государственным областным музеем им. А.К. Кузнецова и Забайкальским отделом Государственного географического общества, вышел из печати в Чите 3 декабря 1925 г. Издание выделяется из общего ряда рассматриваемых юбилейных томов тем, что носит преимущественно источниковедческий характер и его главная задача – введение в научный оборот новых документов о декабристах, в том числе и для того, чтобы всесторонне представить их жизнь на поселении. В предисловии, написанном Г.С. Грешениным, сказано о цели издания: «Узнать декабристов, понять условия, в каких выработалось их движение, уяснить обстановку, в какой оно протекало – значит установить теснейшую преемственную связь развития революционного движения, найти его истоки. Сохранившиеся архивы дают для этого материал. <...> Поэтому требуется кропотливая упорная работа по тщательному изучению публикуемых материалов <...>. Сборник надо не просто читать, а серьезно и вдумчиво поработать над ним»⁷. Из авторов издания сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири касаются в своих работах А.Г. Эпов и В.П. Гирченко. Статья А.Г. Эпова «Декабристы в Забайкалье. Краткий очерк» примечательна тем, что единственная из всех материалов, опубликованных в рассматриваемых четырех изданиях, носит обзорно-обобщающий характер и по своим задачам призвана создать цельную картину пребывания декабристов в определенном регионе Сибири. Конечно же, автор не смог пройти мимо занятий декабристов сельским хозяйством, особо подчеркнув, что, помимо экономических мотивов, они руководствовались определенными идеями, в числе которых развитие рациональной хозяйственной деятельности на основе собственного труда, просветительство и культуртрегерство, стремление улучшить сибирскую жизнь и сельское хозяйство, распространить свои знания. Опираясь на изыскания В.П. Гирченко, А.Г. Эпов приводит краткие сведения о сельскохозяйственной деятельности братьев Бестужевых и К.П. Торсона в Селенгинске («Бестужевы в широких размерах вели сельское хозяйство», занимаясь при этом «совершенно новой для края отраслью – разведением тонкорунных овец», имея стадо размером до 600 голов, К.П. Торсон пытался механизировать сельское хозяйство, устроил мельницу и молотилку, «знакомил местных жителей с улучшенными сельскохозяйственными машинами»)⁸. Достоин внимания упоминание о сельскохозяйственной деятельности

⁷ Грешенин Г.С. Предисловие // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита, 1925. С. 7.

⁸ Эпов А.Г. Декабристы в Забайкалье. Краткий очерк // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита, 1925. С. 19–20.

Д.И. Завалишина, которая часто отходит на второй план среди других проблем биографии декабриста, например, его общественно-политической деятельности в Сибири. Поселенный в Чите декабрист получил первоначальную известность именно «как сельский хозяин-землепашец, старавшийся привить более культурные формы земледелия»⁹.

Из работ московского и иркутского сборников акцентируем внимание на исследованиях Б.Г. Кубалова, вносящих существенный вклад в постановку и разработку темы сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири, а также проанализируем статьи и статьи-публикации В.А. Гонцовой-Берниковой, П.Н. Попова и П.Н. Сакулина (Москва), посвященные жизнедеятельности отдельных декабристов, где раскрыта тема их аграрно-экономических занятий в ссылке.

Б.Г. Кубалов о сельскохозяйственной деятельности декабристов. Работы классика сибирского декабристоведения Б.Г. Кубалова правомерно выделить в отдельный ряд, и начать стоит со статьи «Крестьяне Восточной Сибири и декабристы»¹⁰. Данная работа вошла в иркутский юбилейный сборник «Сибирь и декабристы», раскрывая в издании тему сельскохозяйственной деятельности декабристов в регионе. В 1920-е годы молодая советская наука переходила к классовым подходам, и в центре внимания ученых оказалось изучение истории рабочего класса и крестьянства. Б.Г. Кубалов решил тщательно проследить взаимоотношения декабристов с крестьянством Сибири, что в контексте декабристоведения позволило полнее раскрыть социально-классовый облик «первенцев свободы», а также попутно восстановить отдельные моменты сельскохозяйственных занятий декабристов в Восточной Сибири. Анализируя социальную среду, в которую попали ссыльные декабристы, Б.Г. Кубалов убедительно доказывает, что они не оказались в изоляции, а, напротив, совершенно целенаправленно установили полезные связи с сибирским крестьянством, более выгодные именно народу: «...Декабристы не жили замкнутым миром, не чурались сибирского крестьянина, но умело подошли к нему <...> со стороны его жизненных интересов»¹¹. Эти социальные связи с крестьянством, по мнению ученого, помогли декабристам лучше освоиться и в сельскохозяйственной деятельности.

Б.Г. Кубалов описывает процесс наделения декабристов землей в Сибири, не всегда проходивший гладко – как известно, в 1835 г. правительство приказало выделить декабристам, обращаемым на поселение, по 15 десятин пахотной земли с целью обеспечения пропитания; с разрешения властей такой надел мог быть увеличен, как, например, это было позволено сделать С.Г. Волконскому и братьям Беляевым. Многие декабристы (С.П. Трубецкой, Ф.Ф. Вадковский) возвращали наделы сельскому обществу, что вызывало положительную реакцию крестьян, но кое-где, хотя и редко, наделение ссыльных землей сопровождалось протестами и тяжбами со стороны прежде всего зажиточных крестьян («мироедов»). В связи с последним обстоятельством Б.Г. Кубалов констатирует социально-классовый конфликт, противопоставляя декабристов сельской буржуазии и ставя их на одну ступень с беднотой и середняками¹². В целом Б.Г. Кубалов подчеркивает важную роль декабристов в сельскохозяйственном освоении Восточной Сибири и близость их в этом процессе к народу, что было вполне осознано и самим крестьянством, когда ссыльные дворяне «вместе с народом-пахарем поднимали новь в суровом краю, делили с новоселом его редкие радости и зачастую мыкали с ним горе неудач и разочарований, щедро преподносившихся ему капризной природой»¹³.

Б.Г. Кубалов создает весьма впечатляющую единую картину разносторонней и масштабной сельскохозяйственной деятельности декабристов в Восточной Сибири. К сожалению, далеко не все его тезисы и направления исследования (что, казалось бы, логически должно было произойти с накоплением научных знаний о декабристах) получили развитие в дальнейшей историографии вплоть до наших дней. Итак, по сведениям

⁹ Эпов А.Г. Декабристы в Забайкалье... С. 22.

¹⁰ Кубалов Б.Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925. С. 15–40.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 19–21.

¹³ Там же. С. 21.

Б.Г. Кубалова, более или менее успешно, делая ставку на производство и сбыт продукции, хлебопашеством в Сибири занимались следующие декабристы:

братья Беляевы (Минусинск, вели самое успешное и прибыльное, обширное по площади аграрное хозяйство из всех декабристов в Сибири в тесном экономическом партнерстве с местными крестьянами, ввели в крае посев гречи и гималайского ячменя);

В.А. Бечаснов (с. Смоленщина в Иркутской губернии, где имел два надела земли);

А.И. Вегелин (Сретенск, «создал образцовое хозяйство, от которого многое позаимствовали крестьяне»);

С.Г. Волконский (с. Усть-Куда в Иркутской губернии, в 1840 г. расчистил 55 «пустолежащих десятин» под пашню с правом использования на 40 лет, «с большим рвением» занимался агрономией);

М.К. Кюхельбекер (Баргузин, «употреблял все присылаемые ему от родных деньги на устройство хозяйства и хлебопашества», расчистил и обработал 26 десятин);

братья Крюковы (Минусинск);

П.А. Муханов (Братский острог);

Е.П. Оболенский (Турунтаевская слобода в Иркутской губернии, в первый год поселения поднял пять десятин тридцатилетней залежи под рожь);

М.М. Спиридов (с. Дрокино под Красноярском, обработка надела «брошенной земли» и успешный сбор урожая с применением усовершенствованных сельскохозяйственных орудий);

И.Ф. Шимков (Батуриная слобода в Иркутской губернии, имел три обширных участка разработанной им самим пашни)¹⁴.

Как видим, они не боялись ни трудностей, ни тяжелой работы, с энтузиазмом берясь за хлебопашество и производство сельскохозяйственной продукции.

Особо подчеркивает Б.Г. Кубалов вклад отдельных декабристов в механизацию и усовершенствование сельского хозяйства:

А.Н. Андреев (Олёкминск, постройка мукомольной мельницы);

В.А. Бечаснов (с. Смоленщина, устройство маслобойки для производства конопляного масла);

К.П. Торсон (Селенгинск, создание мастерской для изготовления земледельческих орудий, устройство молотильной машины);

М.М. Спиридов (с. Дрокино, усовершенствование земледельческих орудий, используемых в Енисейской губернии, и создание новых для более эффективной обработки пашни)¹⁵.

Избирая занятия при адаптации на поселении, декабристам проще всего было сконцентрировать силы на подсобном хозяйстве – огородничестве и садоводстве, тем более что оно давало средства к существованию. Б.Г. Кубалов отмечает, что, еще находясь в заключении в Чите и Петровском Заводе, ведя общее артельное хозяйство, декабристы достигли впечатляющих успехов в выращивании овощей, и этот опыт с выходом узников на поселение буквально преобразил Восточную Сибирь. До приезда декабристов, пишет Б.Г. Кубалов, по свидетельству местных крестьян, в регионе вообще не было традиции разведения больших огородов и возделывания отдельных овощных культур, также именно декабристы первыми познакомили крестьян Восточной Сибири с парниками¹⁶. Упоминает Б.Г. Кубалов и о попытке М.К. Кюхельбекера и П.А. Беляева заняться промышленным животноводством и поступить на службу в компанию по разведению мериносов в с. Бурети Иркутского округа и в Минусинске как лицам, имеющим сведения об овцеводстве, но эта инициатива по политическим соображениям не была поддержана генерал-губернатором Восточной Сибири А.С. Лавинским, опасавшимся послабления полицейского надзора над ссыльными декабри-

¹⁴ Кубалов Б.Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы... С. 22–24.

¹⁵ Там же. С. 24–25.

¹⁶ Там же. С. 25.

стами ввиду новых хозяйственных занятий, требующих неизбежного расширения круга общественных связей¹⁷.

Итак, в статье Б.Г. Кубалова представлено первое подробное описание сельскохозяйственной деятельности декабристов в Восточной Сибири с параллельной тщательной проработкой социального аспекта проблемы – многосторонних связей декабристов с местным крестьянством, исследованием позиционирования дворян-декабристов в народной среде вплоть до экономического и культурного включения декабристов в жизнь крестьянского общества. Оценивая вклад декабристов в развитие сельскохозяйственной отрасли Восточной Сибири, Б.Г. Кубалов резюмирует: «Как хозяйственники, декабристы не только поднимали новь, улучшали земледельческую культуру, <...> не только способствовали поднятию крестьянского хозяйства и усилению продуктивности крестьянского труда, но давали в этом направлении прекрасные мысли и местной власти»¹⁸. Вместе с тем в работе Б.Г. Кубалова остались без освещения некоторые сюжеты, которые позже станут весьма популярными в историографии: речь идет, к примеру, о сельскохозяйственных занятиях братьев Бестужевых – тема о Минусинской колонии только намечена автором. Как и сама статья Б.Г. Кубалова, так и собранные им факты и источники о сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири сохраняют научную ценность и сегодня.

Исследование сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири было продолжено Б.Г. Кубаловым на страницах московского юбилейного сборника «Декабристы на каторге и в ссылке», изданного Комиссией Всесоюзного общества политкаторжан по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов. Его статья «Члены “Тайного общества военных друзей” на каторге и поселении», в которой он расширяет материал и сведения, приведенные в разобранном выше исследовании «Крестьяне Восточной Сибири и декабристы», занимает, бесспорно, центральное место в сборнике в плане характеристики сельскохозяйственной деятельности декабристов. В частности, Б.Г. Кубалов опять упоминает об «образцовом хозяйстве» А.И. Вегелина в Сретенске, но особый интерес представляют данные о хозяйстве М.И. Рукевича, не вошедшие в иркутскую статью. Возникает невольный вопрос – по какой причине это произошло? Обе статьи (московская и иркутская) вышли из печати практически одновременно, и трудно предположить, что Б.Г. Кубалов не успел собрать материал о Рукевиче, чтобы хотя бы кратко не упомянуть его в работе о крестьянах и декабристах. На наш взгляд, причина в том, что М.И. Рукевич «не вписался» в созданную самим же Б.Г. Кубаловым новую классовую концепцию о взаимоотношениях декабристов и крестьянства, так как являлся типичным сельскохозяйственным предпринимателем буржуазно-помещичьего образца, находившимся в антагонистических отношениях с народом, и ученый решил преподнести его образ отдельно.

Итак, М.И. Рукевич, поселенный в д. Коркино Иркутской губернии, практически сразу же после недолгого периода адаптации начинает заниматься сельским хозяйством, чему способствовали его «подвижность и предприимчивость». Помимо этого, М.И. Рукевич занимался торговлей, отпускал крестьянам товары в кредит и считался в Коркино зажиточным поселенцем. Кроме хлебных угодий, Рукевичу принадлежало стадо свиней и до 30 голов крупного рогатого скота, его хозяйство «было поставлено на сравнительно широкую ногу»¹⁹. Отношения декабриста с местными крестьянами были сложными – сам М.И. Рукевич считал, что отголоски недоброжелательства отразились в доносе на него по поводу связи с политическими ссыльными и подготовке бунта. «Негодование крестьян» возникло после выделения правительством М.И. Рукевичу, как и другим ссыльным декабристам, 15 десятин пахотной земли, когда начались его «усердные занятия» хлебопашеством, а параллельно и официальная мелочная торговля (на деле совсем не мелочная – хлебом, пушниной, китайскими тканями), приносившая до 2 тыс. руб. дохода в год. Недоброжелатели, как считал сам

¹⁷ Кубалов Б.Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы... С. 26.

¹⁸ Там же. С. 22.

¹⁹ Кубалов Б.Г. Члены «Тайного общества военных друзей» на каторге и поселении // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. Чита, 1925. С. 296, 303.

М.И. Рукевич, хотели разорить его, отнять хозяйство, которым он жил, в том числе и «хлебопашотные заведения». На деле все обстояло несколько иначе.

В числе врагов М.И. Рукевича Б.Г. Кубалов видит не только «местных богатеев и купцов», но и тех, с кем у декабриста теоретически должна была бы быть социальная солидарность и близость. Впрочем, это положение историк считает исключением из правила. Б.Г. Кубалов говорит о наличии конфликта М.И. Рукевича и крестьян, и «обоюдное недовольство должно было так или иначе разрешиться»²⁰. Несколько лет «кто-то продолжал осведомлять» (ясно, что информация поступала от крестьян) генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта, который до определенного момента даже покровительствовал Рукевичу, о том, что «коркинский поселенец» притесняет народ, самовольно захватывает их земли, не вознаграждает за наемный труд и др. В 1840 г. было проведено расследование, в результате которого выяснилось, что М.И. Рукевич отнимал у крестьян покосы, выпускал скот на еще не убранные поля, возводил самовольные постройки и негласно занимался корчемством. Крестьяне сделали предельно точное официальное заявление, что «для блага народа» было бы лучше его переселить в другое место, чем будет сделано «величайшее одолжение обществу»²¹.

Так почему же сельскохозяйственные занятия М.И. Рукевича сделали его лютым врагом местного крестьянства, тогда как в случае других декабристов позволяли им наоборот вливаться в местные общины, становиться в один ряд с сибирскими хозяевами? Б.Г. Кубалов дает на этот вопрос прямой и все объясняющий ответ. Если другие декабристы становились либо хозяевами-крестьянами, либо буржуазными аграрными предпринимателями с прогрессивными социальными воззрениями, что сближало их с местным крестьянством, то М.И. Рукевич избрал иной путь, принес в Сибирь реалии крепостнического феодализма, что вызвало настоящий антифеодальный протест в сибирской деревне. Выяснилось, к тому же, что он часто заставлял крестьян работать на него совершенно бесплатно (за проценты по долгу), используя традиционный механизм крепостнической отработки, а также за долги бесплатно забирая у них землю под хлеб. Б.Г. Кубалов пишет: «Нам думается, что корень недовольства крестьян бывшим помещиком кроется в тех приемах ведения хозяйства, которые усвоены были Рукевичем на родине и прямолинейно проводились им в приленской глуши. На первом плане ставилась эксплуатация крестьянского труда, рабочей силы»²².

После расследования конфликт только углублялся, росло недовольство крестьян местным «помещиком», жалобы не прекращались вплоть до смерти М.И. Рукевича, последовавшей 30 августа 1841 г. Эта история показала – в Сибири невозможно было вести хозяйство, используя крепостнические порядки, и единственный из декабристов, пренебрегший этим правилом и не перешедший к новой модели хозяйствования на основе буржуазных отношений и уважения к социальным интересам крестьянства, был обречен на непримиримый классовый конфликт, в основе которого лежали предпочтение личных интересов общественным, стремление к хищнической эксплуатации крестьян на основе долговых отношений, нежелание считаться на хозяйственной ниве с сельским обществом, позиционирование себя как крепостника-помещика.

Изучение сельскохозяйственной деятельности декабристов в Минусинском округе В.А. Ватиным-Быстрянским. В юбилейный ежегодник Мартыановского музея вошла комплексная статья В.А. Ватина-Быстрянского о политической ссылке в Минусинске декабристов и польских повстанцев. Описывая жизнь декабристов, поселенных в славящемся своим благодатным климатом городке и его окрестностях, автор сразу же волевым акцентом привлекает внимание читателя к неизбежному занятию ссыльнопоселенцев сельским хозяйством и огородничеством. Бывший обер-прокурор Сената декабрист С.Г. Краснокутский первым оценил условия жизни в Минусинске, где оказался осенью 1827 г., построил дом, «завел большой огород, запасся скотом и всеми потребностями жизни» и стал зани-

²⁰ Кубалов Б.Г. Члены «Тайного общества военных друзей»... С. 301.

²¹ Там же. С. 304.

²² Там же.

маться «разведением табачной рассады и вишневых деревьев». С.Г. Краснокутский получал в посылках «лучшие огородные семена», но не только для себя – он «снабжал» «ими городских и деревенских жителей»²³. В 1829 г. в Минусинск прибыл С.И. Кривцов и поселился в доме Краснокутского, активно помогая ему в разросшемся приусадебном хозяйстве, включавшем сад, огород, разведение домашней птицы (кур, гусей, индеек)²⁴. С.Г. Краснокутский и С.И. Кривцов были достаточно обеспеченными декабристами, но тем не менее крупное приусадебное хозяйство позволяло им получать собственные продукты для пропитания и не зависеть от рынка – это и домашние заготовки, и даже наливки²⁵.

В иной ситуации оказались *братья Беляевы*, которых водворили в Минусинске уже после отъезда из города самых первых поселенцев-декабристов. Для них как «неимущих декабристов» сельскохозяйственное предпринимательство стало источником существования и материального благополучия, которого, как отметил в выше рассмотренной работе Б.Г. Кубалов, очень скоро они вполне достигли²⁶. В конце концов, Беляевы даже отказались от ежегодного пособия из казны в размере 200 руб. В.А. Ватин-Быстрянский первым из историков описывает передовое хозяйство братьев Беляевых, но сначала он весьма динамично представляет поиски предприимчивыми декабристами направления хозяйственной деятельности, показывая их трудолюбивыми и активными людьми. Сначала в Минусинске был поселен Петр Беляев (в 1832 г.), который сразу же занялся табаководством, организовав на пару с окружным начальником А.К. Кузьминым «товарищество на табачную плантацию». Табак «хорошо вырос» и на него был «большой спрос со стороны инородцев», но П.А. Беляев оставил это дело и уже вместе с прибывшим в 1833 г. в Минусинск братом Александром переключился на рыбный промысел, используя наемный труд. Вскоре Беляевы увидели, «что из рыболовства им не извлечь никакой пользы», и полностью «обратились к сельскому хозяйству»²⁷.

Беляевы купили дом, лошадей, бороны, взяли в аренду «за бесценок» 60–70 десятин отличного чернозема в 20 верстах от Минусинска – пашня располагалась на возвышенном месте. Вскоре земледелие стало их постоянным занятием. Себя они считали «в полном смысле фермерами» и использовали в хозяйстве исключительно наемный труд, сами сконструировали и собрали молотильную машину для обработки урожая и через несколько лет «сделались поставщиками на золотые прииски» муки, крупы, а также вскоре и говядины²⁸. Ощутимая польза для обеспечения продовольственной безопасности края, снабжения продуктами важных для государства золотодобывающих предприятий вызвала живой отклик в III Отделении, куда Беляевы обратились с просьбой о расширении хозяйства (о дозволении брать в новую аренду казенные земли и делать хозяйственные постройки). На труды декабристов обратил особое внимание император, который высказал исключительное распоряжение, столь не типичное по отношению к иным «государственным преступникам», которым мало что позволялось, а именно «не стеснять Беляевых в их хозяйственной деятельности», хотя ранее братьям было отказано в разрешении служить по найму на золотых приисках и в овчарне. После высочайшего разрешения Беляевы арендовали еще несколько сотен десятин пашни и сенокосов, а также целый остров-заимку, отделенный от Минусинска протокой Енисея, где создали животноводческую ферму, – отсюда и поставки говядины. поголовье стада Беляевых составляло 200 коров, из них 20 были дойными и часть молока использовалась для производства масла, шедшего на продажу²⁹.

²³ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске (Декабристы. Польские повстанцы) // Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию юбилею восстания декабристов. Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова. Минусинск, 1925. Т. III, вып. II. С. 1–34.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 6.

²⁶ Кубалов Б.Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы... С. 23.

²⁷ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске... С. 10.

²⁸ Там же. С. 10–11.

²⁹ Там же. С. 11–12.

В 1840 г. братья Беляевы, дела которых «шли довольно хорошо», были переведены рядовыми на Кавказ и 13 марта того же года покинули Минусинск. О судьбе их хозяйства В.А. Ватин-Быстрянский сообщает только то, что оно было передано декабристу *Н.О. Мозга-левскому* и его семье. Также в работе есть очень краткие сведения, что сельскохозяйственной деятельностью занимались поселенные в Минусинске *братья Н.А. и А.А. Крюковы*, имевшие, помимо приусадебного, полевое хозяйство, а также водворенные в с. Шушенском *А.Ф. Фролов* (хлебопашество, разведение лошадей, устройство мельницы и обширного огорода, «хлебные и огородные семена он выписывал из России и старался распространять их среди местных крестьян, которым вообще помогал чем только мог») и *П.И. Фаленберг*, державший табачную плантацию с урожаем порядка 40 пудов в год и производивший сигары³⁰.

В.А. Ватину-Быстрянскому удалось передать впечатляющий масштаб сельскохозяйственной деятельности братьев Беляевых в Сибири, хотя оценок он ей не дает, ограничиваясь изложением фактов и описаниями. Лишь в одном месте он делает интересное замечание о «культуртрегерской работе декабристов» Беляевых в аграрной области – именно они первыми ввели в Минусинске посев гречихи. Также В.А. Ватин-Быстрянский признает, что и «некоторые другие декабристы проложили путь новым формам сельскохозяйственной деятельности» – *В.А. Бечаснов*, который первым в Восточной Сибири «занялся возделыванием конопли и добился блестящих результатов», «устроил маслобойку и Сибирь впервые увидела свое местное масло, не привозное из Ирбита»; в с. Олонки *В.Ф. Раевский* вырастил арбузы и «тем положил начало бахчеводству в Иркутской губернии». Примечательно и другое обстоятельство, которое особо отмечает В.А. Ватин-Быстрянский, рассказывая о братьях Беляевых, – сельскохозяйственную деятельность они успешно совмещали с просветительской, организовав в своем доме школу³¹. Современный исследователь обязательно должен видеть тесную связь между этими двумя формами деятельности декабристов на поселении – обе они направлены на улучшение государства и общества, его социальных и экономических институтов, соответственно в комплексе могут рассматриваться как продолжение движения декабристов после восстания. В целом же В.А. Ватин-Быстрянский не находил ничего исключительного в сельскохозяйственных занятиях минусинских ссыльных: «Как мы видели, поселенные в Минусинске декабристы занялись сельским хозяйством, как и большинство живших в Восточной Сибири декабристов». Далее он упоминает о «деятельных сельских хозяевах» *братьях Бестужевых* (Селенгинск) и занятиях земледелием в «крупном масштабе» *А.Е. Розена* в Западной Сибири (Курган)³².

Основным источником для В.А. Ватина-Быстрянского послужили воспоминания *А.П. Беляева* – для дальнейшей разработки темы, конечно же, источниковую базу необходимо было расширить, и во второй части статьи он попытался опереться на документы делопроизводства, дополнив ими «литературные данные». Опыт стал успешным и показал, что для дальнейшего раскрытия темы о сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири необходимо шире привлекать делопроизводственные материалы учреждений. Это остается актуальным и в наши дни. В распоряжении В.А. Ватина-Быстрянского оказались дела Минусинского словесного суда, выполнявшего в городе «функции городского управления». Благодаря этим данным фактический ряд о сельскохозяйственной деятельности декабристов удалось существенно расширить и уточнить. Но, конечно же, новые сведения прочнее вошли бы в историографию, если бы автор вписал их в основной контекст исследования. Эта часть статьи (под номером III, по форме вспомогательный и второй по значению блок исследования) часто ускользает от внимания читателей в силу специфического характера подачи информации. Между тем здесь присутствуют важные сведения, необходимые при критике источников личного происхождения, на которые опирается автор в основной части работы.

³⁰ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске... С. 13–15.

³¹ Там же. С. 10, 16.

³² Там же. С. 16.

Итак, рассматривая архивные материалы, связанные с административным контролем и организацией сельскохозяйственных занятий декабристов, активно и обстоятельно цитируя документы, В.П. Ватин-Быстрянский сообщает следующее. Братья Беляевы еще до официального разрешения 1835 г. о наделении декабристов землей получили удобные «к хлебопашеству и сенокосению» места «по близости города» (июнь 1833 г., речь в документе шла об одном из братьев без конкретизации имени), а еще ровно через год Александр Беляев получил дополнительное «сенокосное место». В 1836 г. Беляевым уже по общему распоряжению обо всех «государственных преступниках» было отведено еще по 15 десятин пашни каждому, в 1838 г. еще 20 десятин и 1970 квадратных сажень³³. Таким образом, делопроизводительные источники дают дополнительные сведения о размере хозяйства и назначении земельных наделов Беляевых. Также В.А. Ватину-Быстрянскому за счет документов словесного суда удалось «пополнить и исправить» «некоторые неточности», содержащиеся в мемуарах А.П. Беляева, касающиеся устройства братьями мельницы, последующей аварии на ней, реконструкции и ремонта, стоивших хозяевам достаточно дорого. В частности, он сообщает, что по предписанию окружного начальника А.К. Кузьмина «повреждения от прорыва плотины на принадлежавшей декабристам мельнице были отнесены на счет городских расходов»³⁴, что может свидетельствовать о покровительстве местных властей сельскохозяйственному предпринимательству Беляевых, от которого зависели поставки продовольствия на золотые прииски.

В комплексе дел, обработанных В.А. Ватиным-Быстрянским, есть дополнительные сведения для характеристики сельскохозяйственной деятельности и других декабристов, упомянутых в основной части работы. В частности, можно почерпнуть новую информацию о масштабах хозяйства братьев Крюковых, о которых сказано очень мало. В 1841 г. они арендовали покос на о. Савинке близ Минусинска, а в 1843 г. добивались дополнительной аренды пустопорожных земель близ города, в 1849 г. закупили 300 копен сена у минусинских мещан – все эти факты свидетельствуют о стабильности и расширении их хозяйства на протяжении многих лет. В 1848 г. Енисейское губернское правление произвело расследование, в ходе которого выяснилось, что, помимо обязательных 15 десятин земли, выделенных каждому из ссыльных Беляевых и Крюковых, они заняли только «хлебопашеством более 100 десятин» казенных земель³⁵.

Без указания даты В.А. Ватин-Быстрянский приводит документ (контракт) о доставке минусинскими купцами П.И. Поповым и К.Ф. Широковым «ржаного молотого хлеба» в количестве 3 000 пудов, «собственного их» Крюковых и Н.О. Мозгалевского, в Енисейск для купца В.Д. Дементьева. При заключении контракта декабристы получили 1 000 руб., остальные деньги должны были быть выплачены после завершения сделки³⁶. Также в III части статьи есть данные об отведении в 1836 г. 15 десятин сенокосной земли *И.В. Кирееву*, что может говорить и о его попытках заняться сельским хозяйством; сведения о спорах Н.О. Мозгалевского с местными мещанами, противившимися выделению для декабриста сенокосных угодий и разорявших его покосы³⁷.

Подводя итог своему исследованию, В.А. Ватин-Быстрянский приходит к выводу, что деятельность декабристов «в сфере сельского хозяйства прокладывала путь распространению среди жителей рациональных приемов земледелия», что было частью «крупного культурного дела», включавшего и другие сферы, особенно просвещение и образование. В целом В.А. Ватин-Быстрянский смотрит на политическую ссылку, в том числе и декабристскую, как на один «из крупнейших факторов культурного развития Сибири», методологически присоединяясь к традиции досоветской школы, но усиливая акценты. В частности, он развивает точку зрения С.В. Максимова, которого щедро цитирует³⁸. Еще ранее в своей

³³ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске... С. 16–17, 19, 23.

³⁴ Там же. С. 21.

³⁵ Там же. С. 25.

³⁶ Там же. С. 24–26.

³⁷ Там же. С. 20–22.

³⁸ Там же. С. 31–32.

статье он опирается на концепции и труды В.И. Семевского, П.Е. Щеголева, П.М. Головачева, А.И. Дмитриева-Мамонова. Как историк, В.А. Ватин-Быстрянский пока более тяготеет к дореволюционной историографии, чего уже совершенно нельзя сказать, например, об учениках молодой иркутской школы (Б.Г. Кубалове, Ф.А. Кудрявцеве, М.К. Азадовском и др.).

Сельскохозяйственная деятельность декабристов в биографических исследованиях. Авторы юбилейных изданий активно касаются темы о сельскохозяйственных занятиях декабристов в Сибири в контексте биографических исследований и статей-публикаций, показывая ее важность в свете отдельных биографий. Стоит подчеркнуть и то, что приведенные сто лет назад фактические сведения со временем растворились в потоке историографии и сегодня стоит повнимательнее приглядеться к этим работам. Например, в 1985 г. вышел библиографический указатель «Декабристы и Сибирь», где в разделе «Материалы об отдельных декабристах» вообще отсутствуют указания на биографические статьи А.П. Косованова о П.И. Фаленберге, А.Ф. Фролове и др.³⁹

Так происходило еще и потому, что сначала (в довоенный период) возникла относительная иллюзия изученности биографий отдельных декабристов, потом, как уже было сказано выше, отрицательную роль сыграла концепция В.Н. Соколова, и многие исследователи, работая в биографическом жанре, предпочитали освещать сельскохозяйственную деятельность декабристов в Сибири вскользь как не вписывающуюся в образ дворянского революционера. К ней относились, с одной стороны, как к незначительному и второстепенному занятию на поселении, а с другой – как к занятию даже вредному с идейной точки зрения, возникшему в числе других экономических интересов в ссылке на почве «буржуазно-капиталистического отношения к вещам»⁴⁰. Тема становилась сначала неудобной, потом вспомогательной, и вот «сельскохозяйственные сюжеты» просто-напросто частично или полностью исчезают из биографий декабристов. Но нельзя же забывать о том, что, к примеру, даже поэты-декабристы А.И. Одоевский и В.К. Кюхельбекер много сделали для развития аграрной сферы Сибири, где каждый из них вел передовое хозяйство, способствуя сельскохозяйственному освоению края. Сегодня вновь необходимо ввести в научный оборот историографический опыт биографики 1920-х годов, где проводится идея, что декабристы целенаправленно развивали Сибирь в плане аграрной экономики, выполняя в этом отношении свою культуртрегерскую миссию. Они и здесь были просветителями: возделывали новые культуры, делились агротехническими знаниями с крестьянами, усовершенствовали сельскохозяйственное производство. Вот почему важно углубиться в историографию середины 1920-х годов, посмотреть, на сельскохозяйственную деятельность каких декабристов было обращено особое внимание, какие вопросы ставились именно в биографическом поле исследований.

В.А. Гонцова-Берникова рассказывает о сельскохозяйственном проекте Ф.П. Шаховского⁴¹, при этом относя его к разряду «культурных работ». До ареста кн. Ф.П. Шаховской проживал в имении Нижегородской губернии и успешно вел помещичье хозяйство, соответственно, был полностью готов именно к сельскохозяйственной деятельности и на поселении. Автор представляет проект Шаховского как средство, направленное на развитие и улучшение Сибири: «24-го января 1827 года Шаховской переведен в Енисейск. Здесь его спросили, что может он устроить на пользу нового края. Шаховской отвечал, что “не отчаивается заведением хлебопашества по новой системе севооборотов и травосеяния подать полезные примеры жителям, <...> сделать пособие поселянам как для облегчения их работ, так и для сохранения их достояний через введение различных экономических строений и орудий, <...> завести вайду и даже свекловичные плантации; <...> предположение его состояло в том, чтобы завести особенный хутор для практических опытов разных заведений сих”»⁴². В планах Ф.П. Шаховского было создание образцового хозяйства «для практических

³⁹ Декабристы и Сибирь. Библиографический указатель. Иркутск, 1985. С. 87–106.

⁴⁰ Соколов В.Н. Декабристы в Сибири... С. 135.

⁴¹ Гонцова-Берникова В.А. Из жизни декабристов на каторге и в ссылке в 1827 году // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М., 1925. С. 66, 70.

⁴² Там же. С. 66.

опытов» на 50 десятинах земли, которые он надеялся получить от правительства, завести строения, машины, использовать «лучшие семена», а «для распространения образования в хлебопашестве употреблять на хуторе несколько поселян»⁴³. В.А. Гонцова-Берникова недаром особо выделяет этот проект и представляет его в своей статье как просветительский. Здесь налицо концепция автора, согласно которой сельскохозяйственная деятельность (пусть в данном случае пока еще планы) декабристов в Сибири трактуется в русле общественной пользы, направленной на культурно-экономическое освоение края. Автор подчеркивает целенаправленность проекта Шаховского, сознательно поставленные им самим просветительские цели. Это очень важный шаг на пути формирования будущей концепции советской историографии о продолжении декабризма как движения после восстания.

П.Н. Сакулин в документальной публикации «А.И. Одоевский в неизданных письмах» также не смог обойти вниманием вопрос о сельскохозяйственной деятельности в ссылке поэта-декабриста, тем более что в ряде введенных в научный оборот его писем (из с. Елань Иркутской губернии) об этом подробно говорится. Исследователь сообщает, что сибирский «рачительный помещик» А.И. Одоевский возделывал в общей сложности 18 десятин земли, сеял хлеб, содержал огород, сам осуществлял надзор за сельскохозяйственными работами⁴⁴.

В статье о сибирском периоде жизни П.А. Муханова П.Н. Попов пишет, что декабрист занимался хлебопашеством на поселении в Братском остроге с 1834 по 1841 г., обрабатывая 17 десятин земли, но его сельскохозяйственные опыты были неудачны и убыточны прежде всего из-за неблагоприятного климата и плохой почвы, дороговизны наемной рабочей силы и низких цен на хлеб. Тем не менее, как указывает автор, П.А. Муханов даже пытался механизировать свое хозяйство путем устройства «лошадиной мукомольни» и веялки (ее чертежи он просил прислать своих близких из России)⁴⁵.

В биографических статьях А.П. Косованова подробно освещается сельскохозяйственная деятельность отдельных декабристов в Минусинском округе. Первая из них «Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова» имеет подзаголовок «По новым данным архива Мартыановского музея», что сразу же вызывает интерес читателя на предмет дополнительных источников о минусинских декабристах. А.П. Косованов берет в разработку делопроизводственные материалы, в частности переписку минусинского окружного начальника с шушенским волостным правлением за достаточно длительный отрезок времени с 1834 по 1856 г., т.е. с момента водворения декабристов на поселении вплоть до амнистии. О сельскохозяйственной деятельности в Шушенском П.И. Фаленберга и А.Ф. Фролова автор сообщает очень ценные фактические данные, которые следует обязательно учитывать и в современных работах о декабристах в Восточной Сибири. Краевед А.П. Косованов дополняет официальные документы дополнительными сведениями, полученными, как видно, в результате полевых исследований, которые, пусть без упоминания источника, на наш взгляд заслуживают полного доверия. На этой базе автор даже выступает с критикой делопроизводственных материалов, создавая объективную картину сельскохозяйственной деятельности декабристов в Шушенском.

А.П. Косованов отмечает, что с момента поселения в Шушенском П.И. Фаленберг, практически не имевший средств к существованию, стал искать возможности для занятия именно сельским хозяйством, ради чего выписывал огородные семена (их присылала ему также сестра Вера Фаленберг из Воронежа). Хозяйственные заботы полностью захватили декабриста в 1835 г., когда было получено официальное известие о возможности наделения ссыльных 15 десятинами земли. П.И. Фаленберг начинает хлопотать об устройстве дома с усадьбой, на что ему дали десятину «внутри селения»⁴⁶. Судя по всему, уже в 1836 г. он разводит большой огород, для чего весной того же года выезжает в с. Кавказское

⁴³ Гонцова-Берникова В.А. Из жизни декабристов на каторге и в ссылке... С. 66.

⁴⁴ Сакулин П.Н. А.И. Одоевский в неизданных письмах // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М., 1925. С. 130, 131, 191, 192, 195.

⁴⁵ Попов П.Н. П.А. Муханов в Сибири // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М., 1925. С. 218, 219, 227, 228.

⁴⁶ Косованов А.П. Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова. (По новым данным архива Мартыановского музея) // Декабристы в Минусинском округе... С. 39–40, 42, 45–46.

Шушенской волости за семенами. Пашни в свое пользование по разным причинам декабрист так и не получил, но ему было отведено 4 десятины сенокосов. А.П. Косованов отмечает: «Не имея достаточно сил и средств, Фаленберг не хотел заниматься посевом хлеба, а имел огород и покос»⁴⁷. Постепенно декабрист перешел к выращиванию табака с применением наемного труда, и его «табаководство» приняло широкие размеры – «приготавливался сигарный табак, на плантации его работало летом много шушенских жителей, в особенности детей, женщин и стариков». По мнению исследователя, это производство не достигало «фабричных рамок», но доход хозяину давало вполне «приличный»⁴⁸. В 1845 г. табаководство П.И. Фаленберга процветало – по донесению Минусинского земского суда енисейскому гражданскому губернатору, в Минусинском округе декабрист был единственным сельскохозяйственным предпринимателем, который занимался торговлей табаком «собственного производства». В этом же документе подробно описано его хозяйство, что представляет значительный интерес для характеристики аграрно-предпринимательской деятельности декабристов в Сибири⁴⁹.

Поселенный в с. Шушенском с 1835 г. А.Ф. Фролов сразу же не видел для себя иного занятия в ссылке, кроме сельского хозяйства, что особо подчеркивает А.П. Косованов: «Не успел оглянуться Фролов на новом месте, как вся его энергия направляется в сторону развития сельского хозяйства»⁵⁰. Автор сообщает, что имевший богатый опыт огородничества в Петровском Заводе (вплоть до выращивания дынь и арбузов), в Шушенском декабрист к началу полевых работ 1837 г. закупает лошадей для хозяйственных нужд, а в конце 1836 г., помимо «47 пачек различных семян», получает по почте 8 книг по ведению сельского хозяйства и еще 6 книг «экономического и технического характера»⁵¹. Как видим, А.Ф. Фролов демонстрирует научный подход к ведению хозяйства и стремление к повышению агротехнических знаний. После наделения шушенских декабристов положенными 15 десятинами, А.Ф. Фролов занимался «возделыванием своей части земли» и даже получал «из оной посредством доход»⁵². Уже в 1840 г., пишет А.П. Косованов, «Фролов ведет хозяйство как заправский крестьянин, помимо полевой культуры развивая подсобные промыслы», возделав 4 десятины и сняв 70 пудов зерна, которые использовал для собственного потребления⁵³. К лету 1842 г., помимо хлебопашества, по примеру Фаленберга Фролов заводит собственную табачную плантацию. Подводя итоги сельскохозяйственной деятельности А.Ф. Фролова, А.П. Косованов делает следующий вывод, объясняя причины того, что декабристу не удалось в полной мере развить свое дело, «хотя и считался он в с. Шушенском первым землеробом среди крестьян»: «Что касается Фролова, то, конечно, сельское хозяйство ему не приносило особенных доходов, так как земли крестьяне отвели ему самые невыгодные, на болоте да на солончаках, сам он был одинок, на руках его от каторжной тачки были мозоли и следы от кровоизлияния, и ему этот труд был не под силу»⁵⁴.

Вторая статья А.П. Косованова «Новые страницы из жизни минусинских декабристов» написана на материалах архивных собраний Минусинска и Красноярска, а также воспоминаний родственников декабристов (в частности П.М. Сайлотовой, невестки Н.А. Крюкова) и рассказов старожилов⁵⁵. В статье рассказывается о братьях Крюковых, И.В. Кирееве, А.И. Тютчеве, Н.О. Мозгалевском. Упоминания о сельскохозяйственной деятельности декабристов кратки и подтверждают информацию из работы В.А. Ватина-Быстрянского⁵⁶ с некоторыми дополнениями. Так, о Н.А. Крюкове автор сообщает, что сельский труд был

⁴⁷ Косованов А.П. Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова... С. 46.

⁴⁸ Там же. С. 61.

⁴⁹ Там же. С. 62.

⁵⁰ Там же. С. 49.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 51.

⁵³ Там же. С. 55, 57.

⁵⁴ Там же. С. 61.

⁵⁵ Косованов А.П. Новые страницы из жизни минусинских декабристов // Декабристы в Минусинском округе... С. 67–84.

⁵⁶ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске... С. 1–34.

обязательной частью его «здорового образа жизни» в ссылке, лето он проводил вместе с работниками на заимке и всегда принимал «личное участие в сенокосении и уборке хлеба»⁵⁷. Из фактов, приведенных А.П. Косовановым, можно заключить, что декабрист, используя в своем хозяйстве наемную силу, сам трудился наравне с работниками, неотлучно находился рядом с ними во время полевых работ, разделяя вполне их обязанности, что, безусловно, сближало его с народом. Говоря о Н.О. Мозгалеvском, автор приводит краткие сведения о судьбе хозяйства братьев Беляевых после их перевода на Кавказ – сначала они продали Мозгалеvскому «свою заимку со всем живым и мертвым инвентарем», а после смерти декабриста летом 1844 г. подарили его семейству все свое оставшееся имущество⁵⁸. Как хозяин Н.О. Мозгалеvский был также демократичен – «сам пахал и сеял», семена злаковых и огородных культур выписывал из России и «всегда делился со старожилami», которым также сообщал «некоторые агрономические сведения». Впервые в крае он начал высаживать арбузы и дыни, делать опытные посадки табака и других культур⁵⁹.

Статьи А.П. Косованова содержат много фактических сведений, точных фактологических описаний и живо рисуют жизнь декабристов на поселении, в том числе и сельскохозяйственную деятельность, которой в них отводится значительная роль. Вместе с тем в них не хватает концептуальности, нет выводов хотя бы о той же культуртрегерской деятельности декабристов, попыток вписать их сельскохозяйственную деятельность в дело культурного преобразования Сибири, как это делает тот же В.А. Ватин-Быстрянский. Не хватает, конечно же, нового классового подхода, чтобы дать социальную характеристику взаимоотношений декабристов и крестьянства. Тем не менее работы А.П. Косованова очень историчны, автор прекрасно справляется с презентацией и анализом различных источников, в том числе уникальных – собранных им лично воспоминаний родственников декабристов и рассказов старожилов. Поэтому сегодня его статьи, в свою очередь, становятся замечательным источником о жизни декабристов в Сибири и имеют непреходящую ценность.

В предисловии к изданию «Декабристы в Забайкалье» сказано, что «сборник показывает нам декабристов, как они были», и призван служить расширению биографических данных о «декабристах-массовиках», т.е. рядовых участников движения⁶⁰. В этом плане стоит особо выделить статью-публикацию В.П. Гирченко, вводящую в научный оборот не только важный материал для освещения сельскохозяйственных занятий декабристов – письмо А.В. Поджио к А.Ф. Фролову от 30 января 1837 г. с выражением уверенности, что аграрные опыты адресата на поселении в с. Шушенском будут успешными («успех будет несомненный»), и советами разводить арбузы и дыни, кукурузу и арнаутку (сорт яровой пшеницы), обещаниями доставить необходимые семена, – но и содержащую достаточно подробные сведения о сельскохозяйственной деятельности других декабристов⁶¹. В.П. Гирченко отмечает, что основная тема публикуемого письма – сельское хозяйство, в связи с чем дополняет источник некоторыми фактами. Являясь внуком декабриста В.А. Бечаснова, автор вполне мог опираться и на личные сведения, полученные им из семейной истории, что придает его публикации несомненную ценность. В.П. Гирченко пишет: «Вопросы агрономии вообще занимали многих из декабристов во время их пребывания в Петровскозаводском каземате. Огород, устроенный при тюрьме, служил опытным полем для их агрономических опытов»⁶². «Особенно основательно» теорию агрономии изучил К.П. Торсон, одними из «самых ревностных агрономов-практиков» были А.В. Поджио и А.Ф. Фролов, оба они на тюремном огороде Петровского Завода выращивали арбузы и дыни, а Поджио еще и спаржу, цветную капусту. Естественным было выраженное в опубликованном письме стремление снабдить выходящего на поселение Фролова отборными семенами, в том числе и сибирскими, культивированными в опытном огороде. В.П. Гирченко подтверждает

⁵⁷ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске... С. 72.

⁵⁸ Там же. С. 82.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Грешенин Г.С. Предисловие... С. 7–8.

⁶¹ Гирченко В.П. Из неизданной переписки декабристов // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы... С. 26.

⁶² Там же. С. 28.

сведения о «разносторонней сельскохозяйственной деятельности» А.Ф. Фролова в с. Шушенском – хлебопашестве, разведении лошадей, которых декабрист имел целый табун, огородничестве в крупных размерах, устройстве мельницы, а также, что немаловажно, говорит о распространении декабристом агрокультуры среди местных крестьян путем передачи им выписанных из России хлебных и огородных семян и готовности к любой другой помощи⁶³. Кроме того, В.П. Гирченко сообщает новые данные о сельскохозяйственной деятельности декабриста М.Н. Глебова, поселенного с 1832 г. в с. Кабанском Иркутской губернии. Именно он выступал посредником при пересылке семян из Петровского Завода в Минусинский округ, так как проживал в торговом селении, выгодно расположенном на Большом Московском тракте. Сам М.Н. Глебов, по мнению В.П. Гирченко, основанном на изучении архивных документов (донесении старост Ильинской волости, к которой относилось Кабанское), занимался хлебопашеством⁶⁴.

Закключение. Подводя итог первому опыту советской историографии, подчеркнем, что все рассмотренные работы основаны на новых, активно вводимых в научный оборот источниках, а тема сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири впервые получила самостоятельное звучание, была заявлена ее важность в контексте других проблем декабристоведения. Если в дореволюционной историографии сельскохозяйственная деятельность декабристов в ссылке не стала объектом специального рассмотрения, то в 1920-е годы в связи с особым вниманием исследователей как к истории революционного и освободительного движения, так и к проблемам социально-классовой истории рабочих и крестьян, получила особый импульс для изучения. В юбилейных сборниках 1925 г. была создана прочная основа, сохраняющая свое значение и в наши дни для дальнейшего раскрытия темы. Советские историки, начиная с конца 1920-х годов, активно использовали сформированный юбилейными изданиями научный плацдарм при исследовании занятий декабристов в Сибири сельским хозяйством, что проявилось уже в самые ближайшие годы. Например, на страницах издания «Декабристы в Бурятии», вышедшего в 1927 г., было продолжено освещение темы – В.П. Гирченко, М.К. Азадовский, И.М. Троцкий, Ф.А. Кудрявцев, В.В. Попов в своих исследованиях и статьях-публикациях новых источников приводят дополнительные сведения и расширяют научное знание о сельскохозяйственной деятельности в крае декабристов братьев Бестужевых, братьев Кюхельбекеров, К.П. Торсона, И.Ф. Шимкова⁶⁵.

В рассмотренных юбилейных изданиях достаточно подробно описана сельскохозяйственная деятельность декабристов в Восточной Сибири, о Западной Сибири встречаются лишь эпизодические упоминания. Это связано с общей научной ситуацией 1920-х годов, наличием в тот период именно в Восточной Сибири исследовательских центров (музеев, комиссий, архивов) по изучению движения декабристов, в том числе и их сельскохозяйственной деятельности. Главным центром по изучению декабристов в Сибири постепенно становится Иркутский университет, где формируется передовая научная школа советского декабристоведения, ярким представителем и основателем которой является Б.Г. Кубалов.

Тема сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири с середины 1920-х годов заняла значительное место в структуре проблем сибирского декабристоведения, почему и нашла свое отражение на страницах всех юбилейных сборников. Концептуально, как и сибирское декабристоведение того периода в целом, тема была вписана в рамки краеведческих изысканий; с эволюцией и развитием движения декабристов, конечно же, исследователи ее пока не связывали, но в подавляющем большинстве работ она была включена в рамки проблемы о культурном влиянии декабристов на Сибирь, их роли в экономическом развитии края. Этот подход стал мощной предпосылкой для постепенного развития концепции советского декабристоведения 1980-х годов, когда хозяйственно-экономическая деятельность декабристов в Сибири в ряду других направлений стала рассматриваться как важный элемент эволюции и продолжения движения декабристов после восстания.

⁶³ Гирченко В.П. Из неизданной переписки декабристов... С. 28.

⁶⁴ Там же. С. 29.

⁶⁵ Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927.

Наиболее подробно тема сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири была раскрыта в трудах Б.Г. Кубалова, А.В. Ватина-Быстрянского, А.П. Косованова. В тематической структуре юбилейных сборников первое место по освещению темы принадлежит ежегоднику Минусинского музея. Ряд исследователей, в первую очередь Б.Г. Кубалов, демонстрирует ярко выраженный классовый подход при ее освещении, показывая взаимоотношения дворян-декабристов с сибирским крестьянством в сложных условиях сельскохозяйственного предпринимательства с неизбежными элементами новых буржуазных отношений. Проблема сельскохозяйственной деятельности декабристов была поставлена и вышла на отдельный уровень изучения не только через экономический анализ, но и в классовом аспекте – через проведение связи декабристов с крестьянством, их классового и хозяйственного взаимодействия в Сибири. И неслучайно одной из первых серьезных работ о сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири стала статья Б.Г. Кубалова «Крестьянство и декабристы».

Подчеркнем, что, несмотря на то, что тема получила мощный задел для развития еще в середине 1920-х годов, обобщающей работы о сельскохозяйственной деятельности декабристов в Сибири так и не появилось, не раскрыта или недостаточно раскрыта сельскохозяйственная деятельность отдельных декабристов, в том числе имевших крупные хозяйства, например даже братьев Бестужевых (что на первый взгляд кажется абсурдным, так как существует историографическая иллюзия изученности их биографий и наследия). Но причины подобной историографической ситуации кроются, конечно же, не в 1920-х годах – ученые того времени сделали практически все от них зависящее для успешного становления и дальнейшей разработки проблематики.

В середине 1920-х годов тема аграрной деятельности декабристов в Сибири и ее отдельные проблемные поля (об их культуртрегерской миссии в области сельского хозяйства, о просветительно-экономическом влиянии на народ, о вкладе в развитие производительных сил Сибири) впервые были поставлены в научном ракурсе, также было положено начало их научному раскрытию и наполнению. Тем самым была заложена основа для концептуального прорыва в советском декабристоведении 1980-х годов, когда В.Б. Бахаев провел прямую связь между идеологией Союза благоденствия и сельскохозяйственными занятиями декабристов в Сибири, их весомым вкладом в аграрно-экономическое развитие края. Собственно говоря, наука не без некоторых трудностей последовательно шла к этой идее начиная со столетнего юбилея восстания декабристов.

Литература

Бахаев В.Б. Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске (Декабристы. Польские повстанцы) // Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию юбилею восстания декабристов. Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова. Минусинск: Гос. музей им. Н.М. Мартыанова, 1925. Т. III, вып. II. С. 1–34.

Гирченко В.П. Из неизданной переписки декабристов // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита: Тип. Акционер. о-ва Печатное дело, 1925. С. 25–30.

Гонцова-Берникова В.А. Из жизни декабристов на каторге и в ссылке в 1827 году // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 57–81.

Грешенин Г.С. Предисловие // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита: Тип. Акционер. о-ва Печатное дело, 1925. С. 7–8.

Казмирчук Г.Д., Рафальский О.А. Освещение проблемы «Декабристы и Сибирь» в отечественной литературе. 1975–1985 гг. Киев: Киевский государственный университет, 1987. 34 с.

Коваль С.Ф. Декабристы в Сибири. Некоторые итоги и задачи исследования // Сибирь и декабристы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. С. 20–27.

Косованов А.П. Годы изгнания декабристов Фаленберга и Фролова (По новым данным архива Мартыановского музея) // Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию восстания декабристов. Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова. Минусинск: Гос. музей им. Н.М. Мартыанова, 1925. Т. III, вып. II. С. 35–66.

Косованов А.П. Новые страницы из жизни минусинских декабристов // Декабристы в Минусинском округе. К 100-летию восстания декабристов. Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова. Минусинск: Гос. музей им. Н.М. Мартыанова, 1925. Т. III, вып. II. С. 67–84.

Кубалов Б.Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы // Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск: Иркутский губ. исполнит. комитет, 1925. С. 15–40.

Кубалов Б.Г. Члены «Тайного общества военных друзей» на каторге и поселении // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 287–306.

Мамсик Т.С. Хозяйство ссыльных декабристов братьев Кюхельбекеров // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 126–148.

Попов П.Н. П.А. Муханов в Сибири // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 201–243.

Сакулин П.Н. А.И. Одоевский в неизданных письмах // Декабристы на каторге и в ссылке: 1825–1925. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 124–200.

Соколов В.Н. Декабристы в Сибири. Новосибирск: ОГИЗ, НовосибГИЗ, 1946. 240 с.

Энов А.Г. Декабристы в Забайкалье. Краткий очерк // Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы. Чита: Тип. Акционер. о-ва Печатное дело, 1925. С. 9–24.

References

Bakhaev, V.B. (1980). *Obshchestvenno-prosvetitel'skaya i kraevedcheskaya deyatel'nost' dekabristov v Buryatii* [The Social and Educational Activities of the Decembrists in Buryatia]. Novosibirsk, Nauka. 176 p.

Epov, A.G. (1925). Dekabristy v Zabaykal'e. Kratkiy ocherk [The Decembrists in Transbaikalia. The Overview Essay]. In *Dekabristy v Zabaikal'e: neizdannye materialy*. Chita, pp. 9–24.

Girchenko, V.P. (1925). Iz neizdannoy perezpiski dekabristov [From the Unpublished Correspondence of the Decembrists]. In *Dekabristy v Zabaikal'e: neizdannye materialy*. Chita, pp. 25–30.

Gontsova-Bernikova, V.A. (1925). Iz zhizni dekabristov na katorge i v ssylke v 1827 godu [From the Life of the Decembrists in Exile in 1827]. In *Dekabristy na katorge i v ssylke: 1825–1925*. Moscow, pp. 57–81.

Greshenin, G.S. (1925). Predislovie [Foreword]. In *Dekabristy v Zabaikal'e: neizdannye materialy*. Chita, pp. 7–8.

Kaz'mirchuk, G.D., Rafal'skiy, O.A. (1987). *Osveshchenie problemy "Dekabristy i Sibir" v otechestvennoy literature. 1975–1985 gg.* [Reporting on the Issue of "The Decembrists and Siberia" in Russian Literature. 1975–1985]. Kiev, Kievskiy gosudarstvennyy universitet. 34 p.

Kosovanov, A.P. (1925). Gody izgnaniya dekabristov Falenberga i Frolova (Po novym dannym arkhiva Mart'yanovskogo muzeya) [The Years of Exile of the Decembrists Falenberg and Frolov (According to New Data from the Martyanovsky Museum Archive)]. In *Dekabristy v Minusinskom okruge. K 100-letnemu yubileyu vosstaniya dekabristov. Ezhegodnik Gosudarstvennogo muzeya im. N.M. Mart'yanova*. Minusinsk. Vol. III, Iss. II, pp. 35–66.

Kosovanov, A.P. (1925). Novye stranitsy iz zhizni minusinskikh dekabristov [New Pages from the Lives of the Minusinsk Decembrists]. In *Dekabristy v Minusinskom okruge. K 100-letnemu yubileyu vosstaniya dekabristov. Ezhegodnik Gosudarstvennogo muzeya im. N.M. Mart'yanova*. Minusinsk. Vol. III, Iss. II, pp. 67–84.

Koval', S.F. (1978). Dekabristy v Sibiri. Nekotorye itogi i zadachi issledovaniya [The Decembrists in Siberia. Some Results and Research Objectives]. In *Sibir' i dekabristy*. Irkutsk. Vol. 1, pp. 20–27.

Kubalov, B.G. (1925). Chleny "Taynogo obshchestva voennykh družey" na katorge i poselenii [Members of the Secret Society of Military Friends in Penal Servitude and Forced Settlement]. In *Dekabristy na katorge i v ssylke: 1825–1925*. Moscow, pp. 287–306.

Kubalov, B.G. (1925). Krest'yane Vostochnoy Sibiri i dekabristy [Peasants of Eastern Siberia and the Decembrists]. In *Sibir' i dekabristy. Stat'i, materialy, neizdannye pis'ma, bibliografiya*. Irkutsk, pp. 15–40.

Mamsik, T.S. (1985). Khozyaystvo ssyl'nykh dekabristov brat'ev Kyukhel'bekеров [The Farm of the Exiled Decembrists, the Kuchelbecker Brothers]. In *Ssyl'nye dekabristy v Sibiri*. Novosibirsk, pp. 126–148.

Popov, P.N. (1925). P.A. Mukhanov v Sibiri [P.A. Mukhanov in Siberia]. In *Dekabristy na katorge i v ssylke: 1825–1925*. Moscow, pp. 201–243.

Sakulin, P.N. (1925). A.I. Odoevskiy v neizdannykh pis'makh [A.I. Odoevsky in Unpublished Letters]. In *Dekabristy na katorge i v ssylke: 1825–1925*. Moscow, pp. 124–200.

Sokolov, V.N. (1946). *Dekabristy v Sibiri* [The Decembrists in Siberia]. Novosibirsk, OGIZ, NovosibGIZ. 240 p.

Vatin-Bystryanskiy, V.A. (1925). Politicheskaya ssylka v Minusinske (Dekabristy. Pol'skie povstantsy) [Political Exile in Minusinsk (The Decembrists. The Polish Insurgents)]. In *Dekabristy v Minusinskom okruge. K 100-letnemu yubileyu vosstaniya dekabristov. Ezhegodnik Gosudarstvennogo muzeya im. N.M. Mart'yanova*. Minusinsk. Vol. III, Iss. II, pp. 1–34.

Е.В. Годовова*

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗАПАШКА ПОЛЕЙ
КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XIX ВЕКЕ**doi:10.31518/2618-9100-2026-4-6
УДК 94:332(571.5)"1800/1850"*Выходные данные для цитирования:**Годовова Е.В. Общественная запашка полей как инструмент обеспечения продовольственной безопасности оренбургского казачества в XIX веке // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 105–116.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-06.pdf>*

E.V. Godovova*

**COMMON PLOUGHING OF FIELDS
AS A TOOL FOR FOOD SECURITY PROVIDING
AMONG THE ORENBURG COSSACKS
IN THE 19TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-6

*How to cite:**Godovova E.V. Common Ploughing of Fields as A Tool for Food Security Providing among the Orenburg Cossacks in the 19th Century // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 105–116. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-06.pdf>]*

Abstract. The article examines the system of communal plowing of fields as an important tool for ensuring food security for the Orenburg Cossack Host in the 19th century. The study covers the period from the 1830s to the 1890s and demonstrates the evolution of this system from its inception to its dissolution and revival. The author primarily focuses on analyzing the mechanisms of communal plowing, including the organization of fieldwork, the harvest storage system, the distribution of responsibilities among participants, and forms of control. Particular attention has been paid to the material incentives for participants and the challenges of storing grain reserves. The paper examines in detail the role of the Orenburg military governors in the development of a food security system for the Orenburg Cossacks. The author demonstrates how the communal plowing system helped to overcome food crises, including the large-scale crop failures of the 1890s. The article also examines the challenges of implementing the communal plowing system, including Cossack resistance to innovations, difficulties with organizing harvest storage, and interactions with the food supply department. Particular attention has been paid to issues of social justice and the economic impact of the system on various segments of the Cossack population. The study draws on extensive archival material and provides a better understanding of the functioning of the communal plowing of fields in the Cossack armies of the Orenburg province in particular and the Russian Empire in general, as well as its impact on the region's socioeconomic development and providing of ensuring food security for local population.

Keywords: Orenburg Cossack army, public plowing of fields, food security, Orenburg province.

*The article has been received by the editor on 06.05.2026.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

* **Елена Викторовна Годовова**, доктор исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, e-mail: godovova@mail.ru
Elena Viktorovna Godovova, Doctor of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, e-mail: godovova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается система общественной запашки полей как важный инструмент обеспечения продовольственной безопасности Оренбургского казачьего войска в XIX веке. Исследование охватывает период с 1830-х по 1890-е годы и демонстрирует эволюцию данной системы от момента ее создания до ликвидации и возрождения. Основной фокус направлен на анализ механизмов функционирования общественной запашки, включая организацию полевых работ, систему хранения урожая, распределение обязанностей между участниками и формы контроля. Особое внимание уделено вопросам материального стимулирования участников процесса и проблемам хранения зерновых запасов. Охарактеризована роль оренбургских военных губернаторов в обеспечении продовольственной безопасности оренбургского казачества. Показано, как система общественной запашки помогала преодолевать продовольственные кризисы, в том числе во время масштабных неурожаев 1890-х годов. Рассмотрены проблемы реализации системы общественной запашки полей, включая сопротивление казачества нововведениям, сложности с организацией хранения урожая и взаимодействие с провиантским ведомством. Особое внимание уделено вопросам социальной справедливости и экономического воздействия рассматриваемого инструмента на различные слои казачьего населения. Исследование базируется на обширном архивном материале и позволяет лучше понять механизмы функционирования общественной запашки полей в казачьих войсках Оренбургской губернии и Российской империи в целом, оценить ее влияние на социально-экономическое развитие региона и обеспечение продовольственной безопасности местного населения.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, общественная запашка полей, продовольственная безопасность, Оренбургская губерния.

Статья поступила в редакцию 06.05.2026 г.

Оренбургское казачье войско было одним из крупнейших казачьих образований Российской империи, уступавшим по численности населения только Донскому и Кубанскому казачьим войскам, а по количеству земель – Донскому и Забайкальскому. Особенности земельного устройства и поземельных отношений в казачьей среде Оренбургского края посвятили свои работы Т.К. Махрова¹, Л.И. Футорянский², Е.В. Годовова³, Н.Е. Есетов и А.И. Картунов⁴. Однако такой ключевой аспект жизнедеятельности Оренбургского казачьего войска, как механизм обеспечения продовольственной безопасности, до сих пор никто не исследовал. Восполнить этот пробел позволяет обращение, во-первых, к архивным материалам из Российского государственного исторического архива и Объединенного государственного архива Оренбургской области, содержащим ключевые документы о продовольственных запасах и решениях правительства; во-вторых – к законодательству, регламентирующему введение и отмену общественной запашки полей в Оренбургском казачьем

¹ Махрова Т.К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск, 1998; Махрова Т.К. Землеустройство и землепользование казачьих войск Российской империи в конце XVIII – начале XX века (по материалам Оренбургского казачьего войска) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 4 (38). С. 228–245; Махрова Т.К. Казачьи общины на Урале: происхождение, военно-служебная и хозяйственная деятельность в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия общественных наук. 2025. № 3. С. 40–61.

² Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998.

³ Годовова Е.В. Экономическая повседневность казаков (вторая половина XIX – начало XX в.) // Экономическая история: ежегодник. 2021. Т. 2020. С. 82–106; Годовова Е.В. Основные направления экономического развития оренбургского казачества (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2020. № 3. С. 563–577.

⁴ Есетов Н.Е., Картунов А.И. Земельный вопрос на территории современного Казахстана и его отражение в законодательных документах (1870–1890-е гг.) [Электронный ресурс] // Былые годы. 2021. Т. 16, № 4. С. 1867–1876. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1638353548.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

войске; в-третьих – к статистическим и делопроизводственным материалам, которые содержат данные о премиях, урожаях, строительстве запасных магазинов и динамике запасов зерна. Наконец, ценные свидетельства о реакции казаков на введение общественной запашки в Оренбургском казачьем войске и причинах сопротивления этим нововведениям содержатся в источнике личного происхождения – записках генерал-майора И.В. Чернова. Комплексная работа с этим корпусом исторических источников позволяет реконструировать историю общественной запашки, показать ее эволюцию, механизмы, эффективность и роль в обеспечении продовольственной безопасности региона.

В первой половине XIX в. на решение этой задачи были направлены усилия оренбургских военных губернаторов П.К. Эссена, П.П. Сухтелена и В.А. Перовского. Понимая важность принципа самообеспечения для казачьего войска, местные власти прилагали максимум усилий для развития земледелия на войсковой территории.

В 1822 г. граф П.К. Эссен ввел обязательное для местных властей требование по контролю за сельскохозяйственной деятельностью казачьих семей. Согласно установленному порядку, каждое семейство должно было засеивать не менее двух десятин хлеба, овса, четверти десятины картофеля. Местное начальство должно было осуществлять регулярный контроль за исполнением норм, составлять отчеты о выявленных нарушениях, принимать меры к нарушителям и направлять об этом информацию в войсковую канцелярию⁵. Эта мера была направлена как на обеспечение продовольственной безопасности, так и на развитие сельскохозяйственного производства на казачьих землях, а также на укрепление дисциплины среди населения.

В 1832 г. оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен добился существенного расширения земельных владений оренбургских казаков. По его инициативе размер земельного надела был увеличен с 20 до 30 десятин на каждого мужчину. Необходимость такого решения была обусловлена тем, что прежний размер земельного участка не позволял казакам качественно нести службу и обеспечивать себя одеждой, оружием и лошадьми⁶. Таким образом, увеличение земельных наделов стало вынужденной мерой, направленной на повышение боеспособности казачьего войска и обеспечение его экономической самостоятельности.

В 1835 г. в Оренбургском казачьем войске была внедрена инновационная система общественной запашки полей, призванная решить сразу несколько важных задач: стимулировать казаков к развитию земледелия, создать механизм государственного регулирования хлебной торговли, формировать стратегические запасы продовольствия и обеспечивать регулярные войска и киргизское население хлебом по доступным ценам⁷.

Каждый казак независимо от того, занимался он выращиванием хлеба для собственных нужд или нет, был обязан ежегодно засеивать на общественном поле один пуд озимого или ярового хлеба. В.А. Перовский в своем проекте предполагал, что при среднем урожае – 3,5 единицы урожая с одной посеянной – запас зерна уже через два года превысит половину

Рис. 1. Оренбургский казак Терентьев с семьей
(Краснохолмские казаки: люди и судьбы
в трех веках. Оренбург, 2019. С. 36)

⁵ Махрова Т.К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии... С. 27.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2340. Л. 85; Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 4802. Л. 4.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. X (1835). № 7870. Высочайше утвержденное положение комитета министров «О введении общественной запашки полей на Оренбургской линии и на землях, занимаемых тамошним казачьим войском» от 16 февраля 1835 г. С. 145–152.

годовой нормы. В связи с этим денежный сбор на продовольствие, установленный положением 5 июля 1834 г., был отменен⁸.

Согласно Высочайше утвержденному положению комитета министров «О введении общественной запашки полей на Оренбургской линии и на землях, занимаемых тамошним казачьим войском» от 16 февраля 1835 г., для первоначального посева было решено приглашать наиболее обеспеченных жителей, чтобы они высеяли по одному пуду зерна в долг. Для казаков, испытывающих материальные затруднения (это примерно 3/4 от общего числа), необходимо было приобрести нужное количество зернового хлеба. Средства для этого предполагалось брать из капитала народного продовольствия, сформированного за счет взимавшегося ранее с казаков сбора и на текущий момент достигшего 60 тыс. руб. Эти деньги передавались в распоряжение командира отдельного Оренбургского корпуса и могли использоваться как хлебный капитал. Исползованную часть хлебного капитала предполагалось пополнять за счет поступавших в этот капитал денег, полученных от продажи излишков хлеба. Под излишками понималось следующее: в течение первых 12 лет общественной запашки на всех землях, занимаемых оренбургскими казаками, устанавливалась постоянная норма среднего урожая (как для озимых, так и для яровых культур) – «сам три с половиной» (т.е. урожай в 3,5 раза больше посеянного). Все излишки сверх этой нормы следовало продавать в казну для продовольственного обеспечения войска. При этом в запасных магазинах нужно было оставлять зерно для обеспечения продовольствием и посевов на случай неурожая – по 15 пудов и 20 фунтов озимого и ярового хлеба на каждого человека⁹. Предполагалось, что все полевые работы будут выполняться коллективно: от каждого селения выделялось определенное количество людей на весь период работ. При этом казакам разрешалось заменять свое личное участие наймом других лиц. Волы, лошади и сельскохозяйственные орудия должны были предоставляться казаками ежегодно, но таким образом, чтобы это не мешало их собственному земледелию. Если казак отсутствовал или болел, он временно освобождался от участия в очереди на выполнение работ либо от обязанности нанять замену. После возвращения или выздоровления казак должен был либо отработать в следующем году, либо заплатить тому, кто выполнил его работу. После того как в запасных магазинах накопится двухгодичный запас продовольствия – по 15 пудов и 20 фунтов на каждого человека и дополнительно по одному пуду зерна на семена, весь урожай следовало ежегодно продавать в казну по фиксированной цене 6 руб. 52 ½ коп. за каждую четверть ржаной или пшеничной муки на протяжении первых 12 лет. Это правило должно было действовать независимо от того, урожайный или неурожайный был год. По истечении 12 лет, когда земледелие улучшится благодаря удобрению и распашке полей, норму постоянного урожая следовало повысить, а закупочную цену на хлеб для казны снизить¹⁰. Для контроля за общественным земледелием, сохранности собранного зерна, его выдачи по распоряжению начальства и предоставления отчетности по установленным формам предполагалось назначить следующих должностных лиц: смотрителя хлебопашества, помощников смотрителей, начальников дистанций, чиновников канцелярии командира Отдельного Оренбургского корпуса. После утверждения этих предложений необходимо было незамедлительно переходить к созданию складских помещений для хранения общественного зерна в каждом казачьем селении или отряде. Тип складского помещения – продовольственные магазины, амбары, клетки (складские помещения), закрома, ямы (подземные хранилища) и т.п. – определялся с учетом местных условий¹¹. Если какой-либо из перечисленных способов хранения зерна оказывался технически невозможным или нецелесообразным, допускалось временное хранение зерна в скирдах при условии соблюдения необходимых мер предосторожности: обеспечении пожарной безопасности, защите от атмосферных осадков, предотвращении доступа вредителей, регулярном контроле состояния зерновых запасов. Главным условием при возведении построек для хранения зерновых

⁸ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. X (1835). № 7870... С. 150–151.

⁹ Там же. С. 149.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

запасов должна была стать дешевизна. Для этого было разрешено вывозить лес из Башкирских дач, привлекая в качестве трудовых ресурсов казаков, а при необходимости и кордонную стражу. Финансирование же закупок строительных материалов – гвоздей и прочего железа – осуществлять за счет средств хлебного капитала. Первичное накопление излишков зерна планировалось осуществлять на местных складах селений и отрядов, а централизованно хранить зерно в специальных распределительных центрах или сборных магазинах. Реализацию продукции предполагалось производить по двум основным направлениям: в казну и в степь (по фиксированным государственным ценам). Со временем планировалось организовать на средства, взятые из хлебного капитала, магазины в центральных пунктах, выбор которых должен был утверждаться корпусным командиром. Особенностью функционирования системы должен был стать строгий надзор и ведение отчетности по хранению и выдаче из магазинов хлеба, а также вырученных за это денег. Это возлагалось на смотрителей хлебопашества, помощников смотрителей, начальников дистанций, чиновников канцелярии командира Отдельного Оренбургского корпуса. С целью предотвращения возможных злоупотреблений и повышения эффективности работы была разработана система мотивации персонала, задействованного в управлении общественным хлебопашеством. Так, финансовый механизм предусматривал следующее распределение средств, полученных от продажи излишков урожая в течение первых 12 лет: общая сумма делилась на 1 000 долей, из которых 250 шло на пополнение хлебного капитала, 25 – на канцелярские расходы и 725 – на вознаграждение сотрудников, участвующих в надзоре за общественным хлебопашеством (смотрителю запашки – 175, помощнику смотрителя – 250, начальнику дистанции – 100, чиновникам канцелярии – 200 долей). После 12 лет работы системы предусматривалась индексация выплат в соответствии с увеличением урожайности¹². При выявлении злоупотреблений предусматривалось полное лишение виновных лиц полагающегося вознаграждения, взыскание суммы, вдвое превышающей оцененный ущерб (в случае расхищения), и применение дополнительных мер наказания согласно действующему законодательству. Человек, выявивший злоупотребление, должен был получить 75 % от суммы вознаграждения, причитавшегося виновным лицам. 50 % поступало бы в хлебный капитал, а оставшаяся часть шла на компенсацию ущерба. О выявленных нарушениях предполагалось ежегодно публиковать сведения по всем дистанциям. В перспективе планировалось через 20–25 лет сформировать значительный капитал, который позволил бы установить на рынке зерновой торговли в степи доминирующее положение. Кроме этого, планировалось поэтапное строительство вблизи сборных магазинов мельниц, которые работали бы от различных источников энергии, например тягловой силы быков или лошадей, а где это возможно – от воды. Эти мельницы предполагалось сдавать в оброчное содержание казакам с условием молоть общественный хлеб безвозмездно, а частный – по установленным тарифам с направлением прибыли в хлебный капитал. В дальнейшем военный губернатор В.А. Перовский планировал развитие как общественной запашки, так и хлебопашества в Оренбургском крае в целом, для чего требовалось организовать демонстрационную ферму за счет средств хлебного капитала, а для распространения земледелия на линии предполагалось ежегодно премировать казаков за хорошие урожаи зернового хлеба, выделяя на это 1 000 руб.¹³

Первоначально оренбургские казаки проявляли явное нежелание участвовать в общественных посевных работах. Ярким примером такого противостояния стал инцидент, случившийся весной 1835 г., когда казаки станиц 4-го и 5-го кантонов категорически отказались выполнять работы по общественной запашке. Прибывший на место происшествия В.А. Перовский оценил ситуацию как контролируемую и не требующую вмешательства военных сил. В качестве дисциплинарных мер около 46 участников протеста подверглись телесному наказанию и были переселены на новые территории, где впоследствии основали станицы Новоорскую и Кумакскую¹⁴.

¹² ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. X (1835). № 7870... С. 150.

¹³ Там же.

¹⁴ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 138.

Генерал-майор И.В. Чернов в своих «Записках» отмечал, что основная причина сопротивления казаков заключалась в недостаточном разъяснении сути нововведения. Казаки воспринимали общественную запашку как форму барщины и не могли принять идею о том, что император требует от них дополнительной обязательной работы помимо военной службы¹⁵. Еще одной причиной следует назвать экономический аспект. Посев одного пуда зерна занимал немного времени, так как обычно в казачьей семье насчитывалось два-три работоспособных мужчины, однако если один из них находился на службе, а второй был в преклонном возрасте, третьему приходилось обрабатывать втрое больше земли, засевая три пуда. Такие объемы работ отнимали до двух недель, что наносило существенный урон собственному хозяйству казаков и их личным интересам.

Итак, решив все возникшие противоречия, региональные и местные власти приступили к реализации дела общественной запашки. Для подготовки казаков-специалистов, способных эффективно управлять сельским хозяйством на войсковой территории, в 1836 г. в Оренбурге учредили училище земледелия и лесоводства с образцовой фермой при нем¹⁶. В 1839 г. были подведены первые итоги в виде выдачи вознаграждений командующим дистанциями и смотрителям за общественной запашкой полей. Общая сумма вознаграждений, сформированная от продажи излишков хлеба, составила 25 331 руб. 60 коп. серебром. Размер премий определялся эффективностью работы на вверенных территориях: наибольшие выплаты получили начальники, ответственные за общественное земледелие в 1-м и 4-м кантонах, а также на 6-й дистанции¹⁷. При этом система премирования носила строго целевой характер, и на тех территориях, где излишков зерна не было, выплаты отсутствовали. Приказом по Оренбургскому корпусу от 6 апреля 1839 г. за успешное собственное хлебопашество в 1838 г. были назначены выплаты (всего 2 350 руб.) казакам в пяти кантонах и шести дистанциях Старой линии, двум казакам Новой линии и в Оренбургском полку по 150 руб., а казаку Коельской станицы Захару Папулову, высеявшему больше всех (480 пудов), выплатили 250 руб.¹⁸

В 1841 г. были внесены существенные изменения в систему общественной запашки полей. От участия в общественных работах освобождались следующие категории казаков: мужчины младше 16 и старше 60 лет, представители торговых казаков, нижние чины, занимающие административные должности в войсковой администрации. Дополнительно было принято решение о прекращении посева за казаков, которые умерли после проведения последней ревизии¹⁹.

Новый оренбургский военный губернатор В.А. Обручев, пришедший на смену В.А. Перовскому, пришел к выводу о неэффективности системы общественной запашки, поэтому прекратил практику премирования ее участников, передал дела по общественной запашке из канцелярии военного губернатора в Войсковое правление и направил ходатайство об окончательной отмене этой системы²⁰. В письме командиру Сибирского отдельного корпуса князю П.Д. Горчакову В.А. Обручев писал, что общественная запашка отвлекала казаков от ведения собственного хозяйства, создавала неравные условия для развития земледелия, благоприятствуя исключительно состоятельным казакам, которые получали преимущественный доступ к земле, а бедные, несмотря на более активное участие в развитии хлебопашества и достойные поощрения, оказывались в ущемленном положении²¹.

Кроме этого, В.А. Обручев пишет, что за 12 лет функционирования системы общественной запашки не удалось реализовать первоначальную стратегическую задачу –

¹⁵ Чернов И.В. Записки // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. XVIII. С. 73.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 2. Д. 170. Л. 2; ОГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 494 а. Л. 1.

¹⁷ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1910. Вып. X. С. 70.

¹⁸ Там же. С. 70–71.

¹⁹ ОГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 179. Л. 33–33 об.

²⁰ Там же. Оп. 11. Д. 2170. Л. 4 об.

²¹ Там же. Л. 5–5 об.

установить контроль над хлебной торговлей для оказания политического и экономического влияния на кочевые народы. Военный губернатор отмечал, что киргизские племена, особенно проживающие вблизи пограничной линии, начали активно развивать собственное земледелие, и поэтому продажа им излишков хлеба казаками стала менее актуальной. Оценивая в целом результаты внедрения общественной запашки в Оренбургском казачьем войске, В.А. Обручев пришел к выводу, что основная цель проекта практически была достигнута, так как в большинстве станиц сформировался достаточный продовольственный запас и на каждого жителя приходилось около 15 пудов 20 фунтов хлеба. В связи с этим предлагалось внедрить систему регулирования хлебного обеспечения по образцу Донского войска, чтобы обеспечить долгосрочную продовольственную безопасность оренбургских казаков²².

В сентябре 1851 г. В.А. Перовский вернулся на пост теперь уже Оренбургского и Самарского генерал-губернатора и ему было передано представление В.А. Обручева о продовольственном обеспечении иррегулярных войск. Военный министр 11 июля 1852 г. получил подробный анализ ситуации от В.А. Перовского, обосновавшего эффективность системы общественной запашки, введенной в 1835 г., указавшего на ее многочисленные преимущества: значительное пополнение продовольственных запасов казаков, формирование хлебного войскового капитала за счет продажи излишков, строительство общественных зернохранилищ, система премирования участников, освобождение казны от расходов на снабжение казаков при неурожае. Отметил он и дополнительные преимущества, такие как стимулирование развития частного земледелия при грамотном управлении и укрепление продовольственной безопасности региона. Однако, несмотря на весомые аргументы В.А. Перовского, его доводы не были приняты военным руководством. После рассмотрения заключения Военного совета император вынес вердикт: «Улучшение и развитие хлебопашества в Оренбургском казачьем войске зависит от наблюдения местного начальства за правильностью полевых и своевременных работ и от поощрения хороших хозяев»²³. Вскоре 10 июня 1853 г. последовало Высочайшее повеление: «В Оренбургском казачьем войске общественную запашку прекратить и ввести установленный в Донском войске порядок сбора и засыпки хлеба в магазины, к устройству которых приступить немедленно, а деньги от продажи излишков хлеба оставить запасными на обеспечение продовольствия в неурожайные годы»²⁴.

Генерал-адъютант В.А. Перовский спустя год повторно обратился к военному министру с просьбой о возобновлении системы общественной запашки в Оренбургском казачьем войске. В своем ходатайстве он представил детальное сравнение эффективности различных методов достижения установленных законом норм продовольственных запасов. Он привел следующие аргументы в пользу восстановления общественной запашки. Во-первых, скорость достижения результата: при сборе зерна с личных хозяйств потребуется 11 лет для накопления необходимых запасов (1,5 четверти на душу населения), а общественная запашка позволит достичь тех же результатов за 7 лет (на основе опыта 1835–1842 гг.). Во-вторых, эффективность взыскания долгов: при общественной запашке проще возвращать хлеб, выданный казакам в ссуду, тогда как при индивидуальном сборе казак обязан отдавать не только занятый хлеб, но и вносить годовую запасную норму. В-третьих, организационные преимущества: строительство магазинов потребует дополнительных денежных сборов с казаков, а индивидуальная сдача зерна каждым домохозяином отнимает еще и значительное время. В-четвертых, финансовая составляющая: излишки от общественной запашки выступали единственным надежным источником пополнения капитала Оренбургского казачьего войска. Без увеличения капитала войско будет вынуждено обращаться к государственной поддержке и просить дополнительных субсидий в критических ситуациях²⁵. Таким образом, все приведенные В.А. Перовским аргументы убедительно свидетельствовали

²² Годовова Е.В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 годах. Самара, 2007. С. 91.

²³ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1913. Вып. XI. С. 574–581.

²⁴ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXVIII. № 27339. О прекращении в Оренбургском казачьем войске общественной запашки полей и введении установленного в Войске Донском порядка сбора и сыпки хлеба в станичные магазины. С. 287–288.

об эффективности общественной запашки как инструмента для обеспечения продовольственной безопасности и финансовой устойчивости Оренбургского казачьего войска.

Он решил также выяснить и позицию казачества по вопросу восстановления общественной запашки. Для этого он поручил наказному атаману И.В. Падурову провести опрос среди казачьего населения. Атаман объездил 98 станиц и отрядов, собрал мнения казаков на общественных сходах. В подготовленной им докладной записке он отмечал, что большинство казаков высказались за сохранение общественной запашки, так как считают ее более выгодной, чем денежный сбор на строительство запасных магазинов²⁶.

После тщательного рассмотрения вопроса 24 января 1854 г. военный совет пришел к заключению, что, несмотря на внедрение практики общественной запашки исключительно в Оренбургском казачьем войске, система доказала свою высокую эффективность. Общественная запашка была признана не просто полезной, но и необходимой мерой, вследствие чего было решено ее восстановить на основании Положения, утвержденного 16 февраля 1835 г.²⁷

Ответственным за управление делами, связанными с общественной запашкой в войске, был назначен подполковник К.И. Герн, который оперативно приступил к исполнению своих должностных обязанностей и представил губернатору соответствующую докладную записку. В ней говорилось, что в большинстве станиц и отрядов работа по общественной запашке велась на удовлетворительном уровне, поля своевременно обработаны и засеяны, казаки активно занимались строительством и ремонтом зернохранилищ. Особо он отметил, что в некоторых станицах 1-го и 2-го полка ощущалась острая необходимость в строительстве новых житниц и требовалось возведение дополнительных амбаров для хранения урожая²⁸. За период 1853–1857 гг. в Оренбургском казачьем войске было построено 77 житниц и амбаров, а количество запасного хлеба возросло с 10 пудов 38 фунтов в 1852 г. до 13 пудов 22 фунта на душу мужского пола в 1857 г.²⁹

В апреле 1857 г. должность Оренбургского и Самарского генерал-губернатора занял А.А. Катенин. В своем отчете на имя императора он докладывал, что в Оренбургском казачьем войске были сформированы продовольственные запасы в размере 15 пудов 20 фунтов хлеба на душу населения и 110 тыс. руб. хранились в хлебном (продовольственном) капитале³⁰, земледелие стало основной деятельностью казачьего войска, провиантское ведомство и киргизские племена активно закупали хлеб из общественных запасов. Несмотря на положительные итоги, А.А. Катенин пришел к выводу о необходимости реформирования системы общественной запашки. Основные причины для этого он видел в проблеме хранения урожая (отсутствуют достаточные для всего объема зерна помещения: 150 тыс. пудов хранились в полевых складах, значительная часть зерна находилась в частных амбарах), во взаимодействии с провиантским ведомством (система фиксированных цен стала невыгодной), в снижении объемов закупок хлеба у казаков, так как киргизы начали активно развивать собственное хлебопашество. На основании анализа ситуации А.А. Катенин предложил временно приостановить общественные поставки, распределить имеющиеся запасы для продовольственного обеспечения, обсеменения полей, оказания помощи нуждающимся и продажи излишков, а также заменить повинности по общественной запашке денежным сбором с казаков³¹. Таким образом, в 1859 г. общественная запашка в Оренбургском казачьем войске была ликвидирована. Вместо нее для создания общественных хлебных запасов установили сбор с казаков определенного количества хлеба – по 10 гарнцев ржи, пшеницы

²⁵ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1915. Вып. XII. С. 64–68.

²⁶ Там же. С. 68.

²⁷ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска... Вып. XII. С. 69.

²⁸ Там же. С. 71–73.

²⁹ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 66. Л. 5; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2631. Л. 24.

³⁰ Денежные суммы, аккумулируемые за счет населения для обеспечения его в случае неурожая и возможного последующего голода.

³¹ Отчеты губернаторов Оренбургской губернии: сб. док-тов. [Электронный ресурс]. Оренбург, 2016. С. 156–157. URL: <https://archive.orb.ru/upload/uf/a34/Otchety-gubernatorov-ot-22.11.2016.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).

или ядрицы, а для заведования делами по этой части было предложено, по примеру Донского войска, учредить Комитет народного продовольствия³².

В последней декаде XIX в. Российская империя столкнулась с серьезными природными катаклизмами, которые привели к масштабному продовольственному кризису. Особенно тяжелая ситуация сложилась в 1891–1892 гг., когда неурожай охватил обширные территории страны, включая Оренбургскую губернию. В ответ на сложившуюся ситуацию военное руководство приняло срочные меры по стабилизации положения. В станицах Оренбургского казачьего войска было принято решение о возрождении системы общественной запашки. Эта мера позволила организовать централизованное земледелие, ежегодно засеивать от 4 до 8 тыс. десятин земли и частично решить проблему продовольственного обеспечения войскового населения.

Новый удар стихии случился в 1897–1898 гг. В июле 1897 г. наказной атаман Оренбургского казачьего войска В.И. Ершов докладывал в Главное управление казачьих войск, что «виды на урожай хлеба и трав в Оренбургском казачьем войске представляются ему не вполне благоприятными». Для определения мер, необходимых для обеспечения «народного продовольствия», он обязал атаманов отделов собрать точные сведения о том, достаточно ли, во-первых, будет хлеба, полученного от урожая 1897 г., для обеспечения продовольствием населения до урожая 1898 г. и засева полей и, во-вторых, если хлеба будет недостаточно по некоторым станицам или поселкам, то не будет ли возможно обойтись выдачей ссуд из запасов общественной запашки, не касаясь общественных хлебных магазинов³³.

Атаман Первого отдела Оренбургского казачьего войска докладывал наказному атаману в декабре 1897 г., что нужда в ссуде хлеба есть только у жителей Пречистенской и Новоорской станиц, другие же удовлетворяются хлебом с общественной запашки. «Предвидеть же теперь нужду, какая может оказаться к весне, невозможно, но во всяком случае можно положительно сказать, что она не перейдет границ возможности удовлетворения хлебом с общественной запашки и что если и поступят просьбы о таких ссудах, то они будут представлять единичные случаи», – отмечал атаман³⁴. В рапорте атамана Второго отдела говорилось, что жителям Магнитного станичного юрта ссуда хлеба как на обеспечение полей весной 1898 г., так и на продовольствие не требуется. Жителям станиц Березинской, Варшавской, Кваркенской, Степной, Наследницкой, Кизильской, Карагайской и Уйской хотя и потребуется ссуда на обеспечение полей весной 1898 г., можно обойтись выдачей таковой из хлеба общественной запашки, не касаясь запасов общественных хлебных магазинов. Потребуется же ссуда жителям станиц Таналыцкой, Великопетровской, Никольской и Верхнеуральской как для обеспечения посева, так и для продовольствия³⁵. Атаман Третьего отдела Оренбургского казачьего войска в ноябре 1897 г. представил ведомость о количестве хлеба, необходимого для обеспечения жителей продовольствием до нового урожая и посева полей весной 1898 г., и отметил, что «во всех этих поселках, кроме одного (Устиновского), количество хлеба общественной запашки превышает требование. Что же касается остальных станиц и поселков Третьего отдела, где наблюдался недостаток хлеба, то их жители отказались от ссуды, т.к. у них еще сохранились запасы от предыдущих лет и был заработок, который позволял им приобретать хлеб, учитывая его дешевизну»³⁶. Таким образом, в связи с неурожаем войсковое начальство заблаговременно оценивало потребности и планировало поддержку за счет запасов общественной запашки, стараясь не трогать основные резервы. Ситуация по станицам была неоднородной: где-то хватало собственных запасов или средств на покупку хлеба, где-то требовались ссуды. При этом точно спрогнозировать потребности не удавалось, но считалось, что имевшихся механизмов поддержки достаточно для сдерживания кризиса.

Итак, введенная в 30-е годы XIX в. в Оренбургском казачьем войске общественная запашка полей стала важным шагом в развитии аграрного сектора Оренбургского края

³² ОГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 2087. Л. 103–116.

³³ ОГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 604. Л. 16 об.

³⁴ Там же. Л. 17.

³⁵ Там же. Л. 17 об.

³⁶ Там же. Л. 19.

и позволила создать эффективную модель продовольственного обеспечения, сочетающую интересы государства, военных структур и местного населения. Однако ее история наглядно демонстрирует противоречивый характер государственной политики в казачьих областях: система оказалась не столько стабильным институтом, сколько циклически возобновляемой мерой экстренного реагирования на продовольственные кризисы.

Ключевой особенностью функционирования общественной запашки можно считать ее прямую зависимость от социально-экономической ситуации. В голодные годы (особенно в 1830-е и 1890-е) военное руководство прибегало к принудительному введению или возрождению системы, рассматривая ее как оперативный инструмент централизованного обеспечения хлебом. В периоды относительного благополучия, напротив, на первый план выходило недовольство казачества, которое воспринимало общественную запашку как дополнительную барщину, отвлекавшую силы от собственного хозяйства. Наиболее ярко это проявилось в 1835 г., когда массовый отказ от работ в 4-м и 5-м кантонах был подавлен лишь телесными наказаниями и переселением, а в 1840–1850-е годы сопротивление казаков стало одной из причин сначала ликвидации системы (1853 г.), а затем ее непоследовательного восстановления. Примечательно, что в 1851 г. опрос казаков 98 станиц показал: большинство высказались за сохранение общественной запашки, но не из-за признания ее эффективности, а из прагматического расчета – она казалась им менее обременительной, чем денежный сбор на строительство магазинов. Таким образом, позиция казачества колебалась в зависимости от конкретных условий, и этот фактор напрямую влиял на устойчивость института.

Дополнительным внешним фактором, подрывавшим необходимость общественной запашки, стало развитие хлебопашества у кочевых народов. Изначально система задумывалась, в том числе, как инструмент политического и экономического влияния на киргизские племена – через продажу им дешевого хлеба. Однако уже в 1840-е годы военный губернатор В.А. Обручев констатировал, что киргизы, особенно проживавшие вблизи пограничной линии, начали активно осваивать земледелие, и потребность в закупках хлеба у казаков снизилась. Позднее, в конце 1850-х годов, А.А. Катенин также отмечал падение объемов казенных закупок по той же причине. Этот процесс объективно уменьшал стратегическую значимость общественной запашки и делал ее содержание все менее целесообразным с точки зрения имперской администрации.

В целом патерналистская политика государства в сфере продовольственного обеспечения оренбургского казачества имела двойственный эффект. С одной стороны, общественная запашка неоднократно спасала войсковое население от голода, особенно в периоды масштабных неурожаев, когда централизованные запасы позволяли покрывать дефицит хлеба в наиболее пострадавших станицах. С другой стороны, система сдерживала развитие товарности казачьего хозяйства, консервировала уравнилительные принципы землепользования и тормозила естественную капиталистическую эволюцию аграрного сектора.

Опыт Оренбургского казачьего войска показывает, что общественная запашка не стала универсальной моделью для других казачьих образований Российской империи. На Дону, Кубани и Тереке сложились иные системы хлебных запасов (преимущественно основанные на индивидуальной сдаче зерна или денежных сборах). Именно специфика Оренбургского края – суровые природно-климатические условия, близость к кочевой степи, особая роль военных губернаторов и постоянная угроза неурожаев – сделала эту форму временно скорее тактическим, нежели стратегическим решением, эффективным в кризисных ситуациях, но малоприспособленным для долгосрочного устойчивого развития казачьего земледелия в условиях нарастающих капиталистических отношений.

Литература

Годовова Е.В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 годах. Самара: Универс групп, 2007. 224 с.

Годовова Е.В. Основные направления экономического развития оренбургского казачества (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2020. Т. 19, № 3. С. 563–577.

Годовова Е.В. Экономическая повседневность казаков (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Экономическая история: ежегодник. 2020. Москва, 2021. С. 82–106.

Есетов Н.Е., Кортунов А.И. Земельный вопрос на территории современного Казахстана и его отражение в законодательных документах (1870–1890-е гг.) [Электронный ресурс] // Былые годы. 2021. Т. 16, № 4. С. 1867–1876. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1638353548.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

История казачества Азиатской России: в 3 т. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века. 316 с.

Краснохолмские казаки: люди и судьбы в трех веках / авт.-сост. В.В. Берг, Е.В. Годовова. Оренбург: Южный Урал, 2019. 202 с.

Махрова Т.К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск: Еманжелинская городская типография, 1998. 65 с.

Махрова Т.К. Землеустройство и землепользование казачьих войск Российской империи в конце XVIII – начале XX века (по материалам Оренбургского казачьего войска) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2025. № 4 (38). С. 228–245.

Махрова Т.К. Казачьи общины на Урале: происхождение, военно-служебная и хозяйственная деятельность в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия общественных наук. 2025. № 3. С. 40–61.

Отчеты губернаторов Оренбургской губернии: сб. док-тов. [Электронный ресурс] / под ред. В.А. Ильиной, Е.Н. Новокрещеновой, К.Г. Ерофеева. Оренбург, 2016. 612 с. URL: <https://archive.orb.ru/upload/uf/a34/Otchety-gubernatorov-ot-22.11.2016.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).

Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург: ДИМУР, 1998. 198 с.

References

Alekseev, V.V. (Ed.). (1995). *Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii: v 3 t. Vol. XVI – pervaya polovina XIX veka* [History of the Cossacks of Asian Russia: in 3 Volumes. Vol. 1. XVI – the First Half of the 19th Century]. Yekaterinburg, NISO UrO RAN. 316 p.

Berg, V.V., Godovova, E.V. (Comp.). (2019). *Krasnokholmskie kazaki: lyudi i sud'by v trekh vekakh* [The Krasnokholmsk Cossacks: People and Destinies Across Three Centuries]. Orenburg, Yuzhnyy Ural. 202 p.

Esetov, N.E., Kortunov, A.I. (2021). *Zemel'nyy vopros na territorii sovremennogo Kazakhstana i ego otrazhenie v zakonodatel'nykh dokumentakh (1870–1890-e gg.)* [The Land Issue in the Territory of Modern Kazakhstan and Its Reflection in Legislative Documents (1870–1890s)]. In *Bylye gody*. Vol. 16, No. 4, pp. 1867–1876. Available at: URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1638353548.pdf (date of access 14.04.2026).

Futoryansky, L.I. (1997). *Kazachestvo Rossii na rubezhe vekov* [Cossacks of Russia at the Turn of the Century]. Orenburg, DIMUR. 198 p.

Godovova, E.V. (2007). *Orenburgskoe kazach'e voysko v 1798–1865 gg.* [Orenburg Cossack Army in 1798–1865]. Samara, Univers grupp. 224 p.

Godovova, E.V. (2020). *Osnovnye napravleniya ekonomicheskogo razvitiya orenburgskogo kazachestva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Main Directions of Economic Development of the Orenburg Cossacks (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. No. 3, pp. 563–577.

Godovova, E.V. (2021). *Ekonomicheskaya povsednevnost' kazakov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Everyday Economic Life of the Cossacks (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. In *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2020*. Moscow, pp. 82–106.

Il'ina, V.A., Novokreshchenova, E.N., Erofeev, K.G. (Ed.). (2016). *Otchety gubernatorov Orenburgskoy gubernii. Sbornik dokumentov* [Reports of the Governors of the Orenburg Province: Collection of Documents]. Available at: URL: <https://archive.org/upload/uf/a34/Otchety-gubernatorov-ot-22.11.2016.pdf> (date of access 14.04.2026).

Makhrova, T.K. (1998). *Kazach'ye khozyaystvo Orenburgskoy gubernii* [The Cossack Economy of the Orenburg Province]. Chelyabinsk, Emanzhelinskaya gorodskaya tipografiya. 65 p.

Makhrova, T.K. (2025). Kazach'i obshchiny na Urale: proiskhozhdenie, voenno-sluzhebnyaya i khozyaystvennaya deyatel'nost' v XVIII – pervoy polovine XIX v. [Cossack Communities in the Urals: Origin, Military Service and Economic Activity in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya imeni K.G. Razumovskogo (Pervyy kazachiy universitet). Seriya obshchestvennykh nauk*. No. 3, pp. 40–61.

Makhrova, T.K. (2025). Zemleustroystvo i zemlepol'zovanie kazach'yikh voysk Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – nachale XX veka (po materialam orenburgskogo kazach'ego voyska) [Land Management and Land Use of the Cossack Troops of the Russian Empire in the Late 18th – Early 20th Centuries (Based on Materials from the Orenburg Cossack Army)]. In *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. No. 4 (38), pp. 228–245.

Т.И. Трошина*

УГРОЗА ГОЛОДА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТРОНАЖ
КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ
И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЙdoi:10.31518/2618-9100-2026-4-7
УДК 94:332(470.1/.2)"16/19"

Выходные данные для цитирования:

*Трошина Т.И. Угроза голода и государственный патронаж как факторы формирования образа жизни и поведенческих моделей населения северных губерний // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 117–131.*URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-07.pdf>

T.I. Troshina*

THE THREAT OF FAMINE AND STATE PATRONAGE
AS FACTORS IN SHAPING THE LIFESTYLE
AND BEHAVIORAL PATTERNS OF THE POPULATION
OF THE NORTHERN PROVINCES

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-7

How to cite:

Troshina T.I. The Threat of Famine and State Patronage as Factors in Shaping the Lifestyle and Behavioral Patterns of the Population of the Northern Provinces // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 117–131.[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-07.pdf>]

Abstract. Food insecurity can lead to social destabilization, exacerbation of hunger and the negative consequences of malnutrition, population migration, and social conflict. This article examines these processes using the example of the northern territories of European Russia, where, in addition to the challenges associated with risky farming and higher prospects for industrial development due to natural resource wealth, there were also specific features associated with the specific nature of population formation. Therefore, the social consequences of the “hunger years”, on the one hand, strengthened the role of state institutions, and on the other, created specific conditions for sociopolitical crises. This article reviews the food situation in the north of European Russia, focusing on the development of a population that placed excessive demographic pressure on the surrounding landscape, which was ill-suited for agriculture. Under the conditions of sporadic industrial booms, which occurred here beginning in the 17th and 18th centuries, and especially since the late 19th century, with the onset of industrialization, the population was able to shift to other means of earning a living, enabling them to purchase the food they needed. Providing for the non-agricultural population brought here for defense purposes became a matter for the state. In critical circumstances, state food aid was also provided to the local population, fostering dependency. Based on an analysis of a large number of sources dating from the 18th to the first decades of the 20th centuries, the author explains the motivations and sentiments of the population of the northern provinces in the 1916–1920s in terms of their evolving social experience. Disruptions in food supplies from grain-producing provinces led to the usual consequences of such conditions: the ruralization of urban residents, rural migration, diversification of income sources, and a return to self-sufficiency. Regional peculiarities included support during the civil war for the political regime that could provide food; conflicts along territorial lines, which, during discussions about the “fair distribution of food”, divided provinces, counties, and volosts into “non-producing” and “agricultural” areas.

Keywords: natural and climatic conditions, population, self-support, state food policy, Northern European Russia.

* Татьяна Игоревна Трошина, доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия; Северный медицинский государственный университет, Архангельск, Россия, e-mail: tatr-arh@mail.ru

Tatyana Igorevna Troshina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia; Northern Medical State University, Arkhangelsk, Russia, e-mail: tatr-arh@mail.ru

The article has been received by the editor on 24.04.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Отсутствие продовольственной безопасности может привести к дестабилизации общества, усугублению голода и негативных последствий недоедания, миграции населения и социальным конфликтам. В статье эти процессы рассмотрены на примере северных территорий Европейской России, где, помимо проблем, связанных с рискованным земледелием, и более высоких, в связи с сырьевыми богатствами, перспектив промышленного развития, были и особенности, обусловленные спецификой формирования здесь населения. Поэтому социальные последствия «голодных лет», с одной стороны, усиливали роль государственных институтов, с другой – создавали специфические условия для протекания здесь социально-политических кризисов. Предметом статьи является обзор продовольственной ситуации на севере Европейской России в аспекте формирования здесь населения, создавшего излишнее демографическое давление на возможности вмещающего ландшафта, мало приспособленного для земледелия. В условиях промышленных подъемов, которые эпизодически происходили здесь начиная с XVII–XVIII и особенно с конца XIX в. с началом индустриализации, население получило возможность переориентироваться на другие способы заработка, позволявшие закупать недостающее продовольствие. Обеспечение неземледельческого населения, доставленного сюда для выполнения задач обороны, стало делом государства. Государственная продовольственная помощь стала оказываться в критических обстоятельствах и местному населению, формируя у него иждивенческие ожидания. По мнению автора, сложившемуся в результате анализа большого количества источников, относящихся к XVIII – первым десятилетиям XX в., мотивацию и настроения населения северных губерний в 1916–1920-е годы можно объяснить сформировавшимся социальным опытом. Перебои с доставкой продовольствия из хлебобородных губерний приводили к обычным в таких условиях последствиям: рурализации городских жителей, миграциям сельского населения, диверсификации источников дохода, возвращению к самообеспечению. Региональными особенностями стала поддержка в условиях гражданской войны того политического режима, который имел возможность обеспечивать продовольствием; конфликты по территориальному принципу, разделившие при обсуждении вопроса о «справедливом распределении продовольствия» губернии, уезды, волости на «непроизводящие» и «земледельческие».

Ключевые слова: природно-климатические условия, население, самообеспечение, государственная продовольственная политика, европейский север России.

Статья поступила в редакцию 24.04.2026 г.

Столичные события 1917 года поставили вопрос взаимосвязи наличия продовольственных запасов и политических настроений граждан. Учитывая исторический опыт, в советское время население крупных промышленных центров и так называемых «закрытых городов» находилось на особом обеспечении¹. Отдаленные и труднодоступные территории, где население следовало сохранять в экономических и оборонных интересах государства, обеспечивались «северными завозами»². В отношении других категорий населения оставался расчет на их способность к самообеспечению, что и в Новейшее время оставалось особенностью России, обладающей огромными территориями.

¹ Рясков С.А. Система жизнеобеспечения закрытых городов Урала. Екатеринбург, 2004.

² Васильев В.В. Ретроспективный анализ этапов формирования «северного завоза» на севере России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 2 (58). С. 146–155.

Проблемы, связанные как с нарушением государственной системы обеспечения, так и с подрывом по разным причинам способности населения к самообеспечению, исследуются в исторической ретроспективе, а также как возможность «выживания» в изменяющихся условиях³. Современные историки вслед за П.А. Сорокиным⁴ обращают внимание на девиантные «формы выживания» в результате резкого изменения жизни прежде всего на примере горожан⁵. Исследовательский интерес историков смещается на изучение региональных аспектов «фактора голода», в том числе его влияния на производящие слои населения – крестьянство⁶.

«Голодовки» сопровождали человечество на протяжении всей его истории, сохранились и после «второй продовольственной революции», которая в России началась с конца XIX в. Наиболее тяжелые последствия имели события 1891–1892, 1921–1923, 1932–1933, 1947 гг., объяснявшиеся не только неурожаями, но социальными или экономическими причинами, в частности логистическими проблемами, не позволившими вовремя подвезти продовольствие из более благополучных регионов страны. Для крестьянского населения регулярные и потому привычные неурожай означали недостаток питательных веществ, что способствовало росту заболеваемости. При этом сохраняющаяся отсталость сельского хозяйства и полунатуральные формы его ведения способствовали самообеспечению, позволяя выжить в сложные времена не только крестьянам, но и жителям городов, нередко вчерашним крестьянам, не утратившим еще навыков сельского труда.

В результате на рубеже XIX–XX вв. было распространено убеждение, что грядущие войны окажут на Россию менее разрушительное воздействие, чем на индустриальные державы, и население сможет относительно безболезненно перенести последствия разрыва мировых экономических связей⁷.

Первая мировая война, казалось бы, разрушила подобные представления; Россия уже на третий ее год вошла в полосу революций, Гражданскую войну, изнурительный восстанавительный период. С другой стороны, революции произошли в Германии и Австро-Венгрии, где закончились довольно быстро, не перейдя на уровень затяжной гражданской войны. В России же у населения хватило сил и ресурсов еще несколько лет «кормить» противоборствующие армии, а также многочисленные «разноцветные» повстанческие отряды. Историки высказывают мнение, что не последней целью жестко проводившейся продразверстки, при которой у населения изымались не только излишки продовольствия, но нередко и семенное зерно, было лишить крестьян возможности поддерживать повстанцев⁸. Действительно, несмотря на катастрофические для государства политические и экономические последствия военно-революционного времени, имевшиеся у населения навыки и возможности заниматься самообеспечением позволили не только выдержать долгую, продол-

³ Кузищин В.И. Угроза голода как фактор исторического развития // Вестник Московского университета. 2009. № 7. С. 41–48; Козлов В.Ф. Экономические проблемы продовольственного обеспечения Европейского Севера в условиях социально-экономической нестабильности (на материалах Архангельской области): дис. ... д-ра экон. наук. Архангельск, 2000; Прасулов В.И., Кашурников С.Н. Риски продовольственной безопасности в России в условиях санкций // Прикладные экономические исследования. 2016. № 4 (14). С. 17–23.

⁴ Сорокин П.А. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

⁵ См.: Федоров А.Н. «Стратегии выживания» российского горожанина в условиях революционных перемен (1917–1920 годы) // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2008. С. 110–124; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; и др.

⁶ Голодовки в истории России XVIII–XX веков. Оренбург, 2013; Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 6–13; Марченя П., Разин С., Ионов И. Крестьянство и власть в истории России XX века: По итогам международного круглого стола // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 79–95.

⁷ Блюх И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношении. СПб., 1898. Т. 4. С. 7; Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. Т. 2. С. 269–324.

⁸ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. М., 1997.

жавшуюся с 1914 по 1920 г. войну, но и дальнейшие «социалистические эксперименты», включая коллективизацию и индустриализацию⁹.

Региональная специфика. Разрушение государственной машины в результате событий 1917 г. повлияло на северное крестьянство иначе, чем в земледельческих губерниях, где население стремилось к самоизоляции, имея возможность полностью обеспечить себя всем необходимым, обменивая излишки на нужные товары или переводя их на спиртные напитки. Иначе обстояло дело в крупных индустриальных центрах, что вполне объяснимо, а также в малонаселенных и отдаленных территориях, военно-стратегическое, а затем экспортно-сырьевое значение которых ставило их в зависимость от государственного обеспечения. К таким регионам относятся северные территории Европейской России, система продовольственного обеспечения которых имеет приличную историографию. Сошлемся на качественный историографический анализ, представленный в диссертации сыктывкарского историка С.И. Чудова¹⁰. Столь обширная и разнообразная научная литература ставит вопрос о взаимосвязи всего комплекса исторических фактов, включая хозяйственные особенности Русского Севера, причины конфликтов между крестьянством и властью, усилия государства по оказанию помощи населению в экстремальных условиях, с конкретными проявлениями коллективного и индивидуального поведения в переломный период революции и гражданской войны.

Понятие голода здесь было относительным; недостаток хлеба можно было пополнить другими видами пищевых продуктов (рыба, дичь, дикоросы); голод, как продовольственный, так и товарный, небезосновательно связывался там с политикой государства, настаивавшего на неэквивалентном товарообмене. В революционный период такая политическая мотивация, как «вопрос о хлебе», более касался справедливого распределения ресурсов. Но именно этот вопрос выступал как важный довод в общении с властями. Причинами была не только революционная пропаганда, но и предшествующий народный опыт, что успешно исследуется в рамках такого научного направления, как крестьяноведение¹¹.

Остановимся на особенностях формирования населения европейского севера России в малопригодных для занятий сельским хозяйством природно-климатических условиях. История человечества показывает особые адаптивные способности носителей аграрной культуры. И на севере крестьяне, прикладывая немало труда, могли получать весьма высокий урожай, хотя и в недостаточном для пропитания количестве, пополняя недостаток собственного хлеба за счет обмена на продукцию промыслов. Военно-политическое и экономическое значение этого региона способствовало привлечению сюда большого количества непроизводящего населения (военнослужащих, фабрично-заводских рабочих), что создавало излишнее демографическое давление на ресурсы вмещающего ландшафта, одновременно расширяя для крестьян возможности неземледельческих занятий, что делало их уязвимыми в случаях падения спроса на продукцию промыслов или прекращения подвоза хлеба в связи с неурожаем в соседних губерниях.

Архангельская губерния и северные уезды Олонецкой и Вологодской губерний с преимущественно крестьянским (по сословной принадлежности) населением оказывались в сложном положении в «критические времена» именно в продовольственном отношении. Британский консул в Архангельске Д. Янг в 1918 г. был сторонником осуществления контроля над Северной Россией не военными, а экономическими методами, считая, что

⁹ Способность к самообеспечению сохранялась на протяжении всего XX века. Экономический кризис 1990-х годов способствовал массовому откату к нему: дачные участки стали «фактором натурализации» хозяйства в постсоветской России, когда более половины потребляемого населением продовольствия производилось ими самими. Ожидание экономического кризиса в 2008 году и введение санкционных режимов, затронувших продовольственное обеспечение населения, связывались с настроениями горожан вновь использовать дачи для производства продовольствия (см.: Розмаинский И.В., Ложникова А.В., Кичко Н.И., Хлопцов Д.М. Дача в постсоветской России: институциональный анализ // Journal of institutional studies. 2017. Вып. 9, № 2. С. 63–79).

¹⁰ Чудов С.И. Хлебные запасные магазины на Европейском севере России в XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017.

¹¹ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия. М., 1992.

в условиях нарушения логистических цепочек достаточно оказать продовольственную помощь населению, получив взамен все, что англичан здесь интересовало¹².

Внутренние социальные проблемы в кризисные времена тоже в значительной степени были связаны с недостатком продовольствия. Особенность северных территорий – крайне неравномерные природные условия для занятий сельским хозяйством. Нередко в соседних волостях и даже в соседних селениях получали разный урожай: у одних весьма высокий (по сравнению со среднероссийскими показателями) – как результат тщательной обработки незначительных по площади полей при использовании большого количества удобрений¹³, у других – регулярные неурожаи из-за ранних морозов, разливов рек и т.д.

«Крестьяне так свыклись со своими неурожаями, что считают их обычным явлением»¹⁴. Существовала традиция в подобных обстоятельствах «сниматься» целыми деревнями и переходить в районы, где можно было заниматься морскими или лесными промыслами. Затем население вновь «перетекало» на старые угодья. Ограничение таких передвижений было введено в середине XVII в., и население постепенно приспособилось сочетать земледелие с сезонным отходом на промыслы. Сохраняющаяся сословная и общинная система не позволяла сменить место проживания всей семьи. В деревнях для занятий сельским хозяйством оставались женщины и старики, на заработанные мужчинами деньги покупали недостающее продовольствие. В «бесхлебные» времена, когда промыслы были неуспешными или в центральных губерниях отсутствовал хлебный избыток для продажи, приходилось рассчитывать на государственную помощь.

Государственное продовольственное обеспечение. Свидетельством такой поддержки в конце XVII в. является распоряжение архангелогородского воеводы Ф.А. Апраксина продавать хлеб посадским людям и крестьянам «из государевых житниц» в связи с «учинившимся на Двине недородом», когда скудные запасы закончились, а подвоза извне не было¹⁵. В 1764 г. появилось правительственное распоряжение купцам, торгующим хлебом, 20 % доставленной в Архангельский порт продукции оставлять «для удовлетворения местного населения»¹⁶.

Хлебный экспорт через Архангельск создавал проблемы для соседних земледельческих районов. Жители Вологды жаловались, что купцы «закупку чинят» не только в хлебобродных губерниях, но и в снабжавших городское население ближайших волостях «с возвышением цен, каковых у нас даже в самые неурожайные годы не было», поэтому горожанам «мало что остается купить»: «до того довели, что в июле ржаной муки на рынках и в лавках в продаже не было»¹⁷. В результате государству пришлось постепенно взять на себя ответственность по поддержке и остального населения региона. Идя навстречу ходатайству купцов, недовольных требованием оставлять пятую часть экспортного хлеба для пропитания местного населения, в 1802 г. из средств вывозной пошлины был устроен хлебный магазин «для продовольствия терпящих недостаток в хлебе градских обывателей» с целью не допустить спекуляции и роста цен¹⁸. В уездах и волостях «для продовольствия жителей на случай неурожая» была создана сеть хлебных магазинов (складов), которые пополнялись путем ссыпки населением части своего урожая; удельные крестьяне с 1828 г. принуждались с такой же целью к запашке общественных полей.

Деятельность казенных и общественных (городских, уездных, сельских) складов с 1803 г. находилась под наблюдением Дирекции Архангельского хлебного общественного

¹² Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... М., 1982.

¹³ Витюгов А.А. К вопросу о положении и перспективах развития сельского хозяйства на севере // Северное хозяйство. 1924. № 2. С. 34.

¹⁴ Экономический быт сельского населения Вологодской губернии // Вологодский сборник. Вологда, 1881. Т. II. С. 4–5.

¹⁵ Цит. по: Гостев И.М. Петр I в Ар: события, реликвии, историческая память. Архангельск, 2022. С. 78.

¹⁶ О применении положения о земских учреждениях 12 июня 1894 г. к Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 11. С. 12.

¹⁷ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 113. Л. 1 об.–2.

¹⁸ Там же.

магазина; с 1812 г. подвоз хлеба и снабжение отдаленных местностей через сеть государственных хлебных складов контролировал, регулируя тем самым цены, Комитет о продовольствии жителей Архангельской губернии¹⁹. В губернском центре, а затем и в уездах на случай непредвиденных обстоятельств был заведен продовольственный капитал, который, к примеру, использовался в 1868-й, голодный для страны год, на закупку за границей хлеба для Архангельска.

Первое время система «хлебных магазинов» была вполне устойчивой. Однако несколько сложных лет в связи с неурожаем и эпидемиями 1830-х годов привели к тому, что весь хлеб раздали в ссуды и, согласно отчету губернатора за 1842 год, магазины не имели «решительно ни запасов, ни капиталов, – кроме значительного числа недоимок, состоящих на государственных крестьянах и частью на мещанах»²⁰. В 1878 г. половину полей в губернии засеяли взятыми в ссудных хлебных кассах семенами²¹, и эти долги постоянно возрастали. В 1900-м, вполне благополучном в смысле заработков и урожайности году, за населением губернии числилось «хлебных» долгов на 1,04 млн руб.; новых ссуд было выдано 418 тыс. руб., а взыскано всего 300 тыс.²² Население, таким образом, брало хлебных ссуд больше, чем возвращало, что можно считать свидетельством иждивенческих настроений.

Иждивенчество отмечали и чиновники Вологодской губернии, где с конца XVIII в. существовала практика перераспределения продовольствия от «хлебных» волостей в пострадавшие от неурожаев. В северо-восточных уездах население регулярно сталкивалось с проблемой летних заморозков; недостаток хлеба компенсировался добавлением в муку различных растительных добавок. Эта обычная практика для центральных и губернских властей стала признаком крайнего бедствия. Узнав, что в местности Удора Яренского уезда отмечался факт употребления крестьянами в пищу подобных суррогатов, губернатор распорядился оказать помощь из хороших урожаев соседних уездов. Крестьянам продавать хлеб по фиксированным ценам было невыгодно, в чем их поддерживало и уездное начальство. В результате «яренских крестьян <...> выгоняют оттуда всегда», и уездный исправник просил губернатора либо «унять тамошнее начальство», либо для проведения закупок в хлеботородных губерниях разрешить использовать средства Приказа общественного призрения, вернув их через «семь месяцев и с процентами». Отправить за закупкой обещал известного ему лично «расторопного и справедливого человека», учредив за ним строгий надзор, «чтобы удалить от всяких прихотливых покушений»²³.

Впрочем, имея возможность получать таким образом хлеб, яренские крестьяне, по словам того же исправника, вскоре «обнадеялись, и, свой хлеб до остатка распродав, прибегают с требованиями из чужих магазинов». Просители – «иные просто распутные и ленивые, некоторые, получив из магазина хлеб, половину тут же пропивают в кабаках и продают». При этом, как отмечал исправник, у местных крестьян существовали все возможности покупать хлеб даже по дорогой цене, поскольку они имели «на безбедное пропитание источники» от собственных промыслов, а также «от порубки казенных лесов для корабельных строений; поставки в [солеваренный] завод дров; строения на сплав соли судов и работу в наем»²⁴.

В 1880-е годы крестьяне некоторых волостей часто страдавших от неурожаев северо-восточных уездов Вологодской губернии, привыкнув, что «правительство вынуждено помогать [их] продовольствию, покупая в голодные годы хлеб за счет общего по Империи продовольственного капитала <...>, посевом хлеба вообще не занимаются»²⁵.

Архангельский губернатор А.Н. Муравьев, объезжая в 1840 г. с инспекционной поездкой Кольский полуостров, вынужден был помогать оказавшимся без продовольствия сотням направляющихся на промыслы людей, выделив «из тамошнего казенного хлебного мага-

¹⁹ Упразднен после Февральской революции в связи с организацией губернского продовольственного комитета.

²⁰ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 4, т. 2. Д. 188. Л. 58 об.–60.

²¹ Обзор Архангельской губернии за 1878 год. Приложение к всеподданнейшему отчету. Архангельск, 1879.

²² ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 583. Л. 27 об.–28.

²³ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 246. Л. 2–4.

²⁴ Там же. Д. 113. Л. 38–41.

²⁵ Экономический быт сельского населения Вологодской губернии... С. 4–5.

зина» хлеб и мобилизовав для доставки его поморам лопарей с оленьими упряжками. «Успокоив <...> породившийся среди промышленников ропот», губернатор «раздал хлеб под расписки артельщиков и <...> по прибытии в Колу послал еще, сколько можно было собрать»²⁶, не озадачившись при этом вопросом, чем руководствовались люди, отправившиеся на дальние промыслы без необходимого запаса продовольствия. Впрочем, подобное «народолюбие» можно признать отличительной чертой чиновников того времени. К тому же задачей губернатора было не допустить вызванного голодом бунта, от чего могли пострадать проживавшие на Мурмане лопари и карелы, забота о которых также лежала на нем как на представителе государственной власти.

Примеров иждивенчества в архивных документах присутствует немало. Чиновники находились в замешательстве: не помочь крестьянам с получением дешевого хлеба – будут жалобы и строгие окрики из столицы; помочь – разленятся, забросят сельские занятия, окончательно распустятся от городских заработков... Для надежного обеспечения населения продовольствием предпринимались попытки распространить среди крестьян передовые формы землепашества: в удельных поместьях организовывались сельскохозяйственные школы; во второй половине XIX в., в связи с упадком морских промыслов, различными льготами пытались «приучить» к землепашеству поморов. Но эти благие намерения шли вразрез как с привычкой населения, так и с потребностями набиравшей к концу XIX в. темпы индустриализации, предоставляющей дополнительные возможности получать неземледельческие заработки.

Пароходное и железнодорожное сообщение сблизило территории, дав толчок для развития частной торговли, а крестьянам северных губерний – возможности для диверсификации источников своих заработков. Все трудовые ресурсы северных губерний были задействованы для экспортного лесопиления: лесозаготовками, сплавом леса, сезонной работой на заводах. Крестьяне восточных уездов Вологодской губернии традиционно уходили на уральские заводы; благодаря развитию транспортной сети такой отход стал еще доступнее.

С развитием частной и кооперативной торговли завозом продовольствия в отдаленные территории начали заниматься предприниматели. Даже при среднем урожае в Архангельскую губернию ввозили 30–40 тыс. т хлеба, необходимых для нормального (около 200 кг на человека) потребления. 90 % доставляли частники, остальное, в основном в труднодоступные и малонаселенные места, – Комитет о продовольствии жителей.

Несмотря на высокие транспортные расходы и определенную долю риска (спроса не будет – пропадут затраченные деньги; товаров не хватит – начнется бунт против торговца), такой завоз был достаточно выгодным для предпринимателей, которые не только доставляли и реализовывали товары, но брали подряды на лесозаготовку, нанимая рабочих под хлебный аванс, авансировали продовольствием промысловиков под будущую добычу. Для крестьян такая форма найма выступала подспорьем зимой и весной, когда собственные запасы уже закончились. А торговцам продажа на городском рынке продукции их промыслов с лихвой окупала денежный эквивалент выданного крестьянам хлеба.

Связав регионы страны, транспортная сеть усилила зависимость производящих и потребляющих территорий; крестьяне в последних уже не опасались переключаться на неземледельческие заработки, будучи уверены, что купят хлеб.

Впрочем, потенциал для самообеспечения сохранялся даже в городах. В портовом и промышленном Архангельске в конце XIX в. горожане имели приусадебные участки, держали скотину. В малых уездных городах мещане мало чем по образу жизни и занятиям отличались от крестьян, занимаясь землепашеством и луговодством на приписанных городу сельскохозяйственных землях. Но к началу XX в. «побеждает» городской быт: мещанские общины сдают поля и луга в аренду пригородным крестьянам, обеспечивавшим горожан животноводческой и огородной продукцией.

²⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т. 2. Д. 189. Л. 6 об.–7.

Отход от самообеспечения начался в Первую мировую войну. Причина была не только в бесполезности полеводства в зоне рискованного земледелия: в начале XX в. Россия находилась в «полосе высоких урожаев», и в 1914–1915 гг. при незначительности в целом земледельческих площадей урожаи в северных губерниях были высокие («огромные избытки»²⁷). Но в 1916 и 1917 гг. на Севере (за исключением Сибири) в продовольственном самообеспечении фиксируются «значительные недостатки», которые Н.Д. Кондратьев связывал с демографическими изменениями; здесь произошло резкое увеличение «едоков» за счет притока беженцев, на вербованных рабочих, армейских и военно-морских частей. Переориентация значительной части мужского населения на новые виды деятельности, не имевшие сезонности (мобилизация в армию, расширение портовых, дорожных, фабрично-заводских работ), усугубила зависимость от внешних рынков.

Известная проблема нехватки вагонов для доставки хлеба в промышленные центры обострилась с конца 1916 г., а в Архангельской губернии началась раньше, уже в 1915 г. Причина заключалась в резком увеличении транспортных оборотов в связи с военными поставками союзников через северные порты. Продовольствие из центральных и южных губерний можно было завозить обратными рейсами, однако железнодорожные вагоны и трюмы судов использовались в качестве временного жилья для тысяч доставленных в эти малолюдные места рабочих.

Власти Архангельска пытались решить вопрос спекулятивного роста цен, введя карточную систему, «таксы» (предельной цены) на продукты питания и даже ограничив частную торговлю. В результате продовольственная ситуация только усугубилась.

«Вопрос о хлебе» и особенности политических процессов в северных губерниях в 1917–1920-е годы. Ни Временное, ни Советское правительства не смогли решить задачу нормального обеспечения населения. Сложности с доставкой закупленного в других регионах хлеба были связаны с «реквизициями», которые на последнем этапе войны устраивали власти транзитных губерний и уездов, решая тем самым проблему обеспечения своего населения²⁸. Вскоре захватами грузов стали заниматься и крестьяне придорожных деревень²⁹. Для доставки закупленного в Сибири продовольствия Архангельский губисполком высылал не только вагоны и паровозы, но и охрану – «ввиду частых разгромов в пути»³⁰.

К прекратившимся поставкам добавились местные неурожаи 1917 и 1918 гг., вызванные ранними заморозками. В Архангельском уезде собрали 5 % обычного урожая, в других уездах ситуация была немногим лучше. Между соседними уездами и волостями начинается настоящая борьба за продукты питания. В пострадавшем более всего от неурожая Онежском уезде другие виды продуктов (мясо, рыба) скупались торговцами из Архангельска, где продавались «по баснословно высоким ценам» – в 10–15 раз выше закупочной; «местные продавцы, узнав о ценах в Архангельске, повышают цены [в Онеге], и таким образом росту цен не видно предела...»³¹.

Власти соседних территорий пытались прийти к какому-то консенсусу, и уже весной 1917 г. собираются различные съезды для обсуждения продовольственного вопроса. Нередко они способствовали процессу распада административно-территориальных образований, поскольку обсуждение концентрировалось на «несправедливости» распределения продовольствия. Такой конфликт послужил причиной выделения пяти северо-восточных уездов Вологодской губернии в самостоятельную Северо-Двинскую, раздела надвое Холмогорского и Мезенского уездов Архангельской губернии. Распад волостей тоже начинался с претензий, что жители селений, в которых находится волостной хлебный склад, обеспечиваются лучше... В декабре 1917 г. была предпринята попытка объединения девяти северных

²⁷ Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 7, 39, 40, 44.

²⁸ В определенной степени это было связано с одним из первых советских распоряжений – Постановлением о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле (27 октября / 9 ноября 1917 г.). URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9615> (дата обращения: 10.06.2026).

²⁹ ГАВО. Ф. П-1332. Оп. 3. Д. 79. Л. 43.

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 5. Д. 31. Л. 110–114.

³¹ Там же. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 424. Л. 3–4.

европейских и северо-уральских губерний на основе продовольственного вопроса, но рассматривалось и «политическое» обособление от Советской России, предполагавшее получение продовольствия из-за рубежа в обмен на местное сырье³².

Тем временем доставка продовольствия из других районов страны осложнялась не только экономическими, но и политическими причинами. Украина по условиям Брестского мира начала поставлять хлеб в Германию, затем немецкая армия оккупировала юго-западные земледельческие районы бывшей империи. Антибольшевистским силам несложно было объяснить населению перебои с продовольствием «политикой большевиков». Продвигавшиеся к Архангельску интервенты везли хлеб и консервы, дополнительно настраивая тем самым население против большевиков, объявивших «врагом» союзников (Антанту) и отдав немцам, с которыми три года страна воевала, «житницу» – Украину.

В годы Гражданской войны контролируемые правительством Северной области (квазигосударственного объединения с центром в Архангельске) территории обеспечивались продовольственными поставками союзников на средства, полученные от экспорта северного леса и другого сырья. Контролируемая органами советской власти территория получала продовольствие по продразверстке из Вятской губернии, приставленной в качестве донора к Северному фронту. Местные власти устраивали «реквизиции» и «контрибуции» продовольственных запасов монастырей и уездных хлебных магазинов в пользу неимущего населения, а также для нужд армии.

Неожиданно усилилось и «демографическое давление» на местное сельское хозяйство, вызванное продовольственными проблемами в крупных городах. Из голодных столиц и крупных промышленных центров жители бежали в провинцию; за продовольствие они готовы были продавать все – от своего высококвалифицированного труда до драгоценностей и одежды³³. Подняв цены на продукты питания в губернских, а затем и в уездных городах, беженцы спровоцировали тяжелое продовольственное положение в деревнях, жители которых, не задумываясь о последствиях, обменивали продовольствие на обесценивающиеся деньги и не слишком нужные им товары. Выходом из создавшегося положения местным властям виделось введение ограничительных мер на вывоз из своих административных границ продовольственных запасов, запрет на въезд непродовольственного населения («едоков»), прежде всего чужого. Отказать «местным уроженцам», в том числе уже оторвавшимся от земли отходникам, было нельзя.

Особенностью северных территорий было расслоение населения не по социальному, а по территориальному принципу. Напомним, что из-за климатических условий в соседних деревнях могли существовать разные возможности для земледелия. Из неблагополучных в этом отношении поселений отход в города приобрел массовый характер, а благосостояние благодаря городским заработкам стало более высоким. В Вологодской губернии летом 1918 г. отмечалось «нищенство» жителей «богатых когда-то деньгами» волостей. Поскольку «теперь деньги ничего не стоят, а своего хлеба нет или мало», семьями направлялись «прокармливаться» в хлебные места³⁴. Под «нищенством», видимо, понималось хождение по домам с просьбой обменять на хлеб какие-то предметы одежды и утварь.

Возвращавшиеся из голодных городов отходники, по терминологии большевиков, являлись социально близкой «безземельной беднотой», а в глазах крестьян – «пьяницами и тунеядцами», которые заработанные в городах деньги тратили «на роскошь», забросив деревенское хозяйство. Подобный конфликт зафиксирован документально благодаря доставленному (через Н.К. Крупскую) на имя Ленина письму от крестьян Кадниковского уезда Вологодской губернии³⁵. «Это же факт, – пишет Крупская в Наркомат внутренних дел, – что комитеты бедноты <...> по составу – это не беднейшие крестьяне, а местные люди, забросившие хозяйство. Тут и охранники, скрывающиеся в деревне, тут бывшие швейцары, дворники и кое-какая интеллигенция контрреволюционная, которая набилась в деревни...»³⁶.

³² ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 61.

³³ ГАВО. Ф. П-1332. Оп. 3. Д. 8. Л. 45.

³⁴ С дороги // Вольный голос Севера. 1918. 22 (9) июня.

³⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 10. Д. 69. Л. 40–61.

³⁶ Там же. Л. 60, 63.

С другой стороны, крестьяне с крепким хозяйством в глазах как властей, так и сельской бедноты считались «помещиками», поскольку, помимо наделной земли, владели и частной, т.е. расчистками, составлявшими в Архангельской губернии 27 % «полезной» площади и достававшимися крестьянам высокими финансовыми и трудовыми затратами³⁷. Местная «гражданская война» в северных губерниях выражалась в требованиях «справедливых переделов» и разверстки налогов и контрибуций в повышенном размере на земледельческие волости.

Социальным последствием продовольственной проблемы стало «окрестьянивание» горожан, обострившее взаимоотношения между городом и деревней. Принадлежащие мещанским общинам земельные угодья находились в аренде у крестьян ближайших волостей, которые, пользуясь революционными событиями, – где безвластием, а где, напротив, поворачивая в свою пользу законы новой власти, – забирали эту землю себе на основании «трудового права». Зависимость от поставок из села делала горожан уступчивыми при решении спорных вопросов. Когда в декабре 1917 г. городская власть г. Пинеги пыталась ввести первоочередное обеспечение продовольствием горожан в ущерб сельскому населению, против этого выступили сами горожане, опасаясь ответных мер со стороны деревни³⁸.

Населению губернских центров предлагалось «в связи с продовольственным кризисом заниматься самообеспечением»: разводить огороды, заводить скот. Вологодская губернская дума летом 1918 г. сетовала: «...некоторые граждане преступно не используют имеющиеся у них свободные участки земли», предлагая их конфискацию и передачу желающим трудиться³⁹. В Архангельске появились «изрытые под огороды дворы, площади, даже часть улиц на окраинах, где летом цвела картошка, лук, морковь и прочие северные овощи...»⁴⁰. 11 % архангелогородцев и 19 % горожан Олонецкой губернии в 1920 г. «так или иначе занимаются сельским хозяйством»⁴¹.

Продовольственный вопрос оказал существенное влияние на ход боевых действий в условиях Гражданской войны. Центральная власть требовала продовольствия для армии и промышленных центров, и блюстители государственных интересов вступали в конфликт с местными властями, ставящими во главу угла благополучие своего населения. Большевики обвиняли их в «местничестве», требовали срочной замены⁴². В Архангельске городская власть оказалась в руках «пришлых» элементов, принявших в мае 1918 г. решение отправить имеющиеся в городе и губернии скудные ресурсы в помощь «голодающему Петрограду», тем самым обозлив местных рабочих⁴³, что фактически привело к падению советской власти.

Продовольственные проблемы все чаще становились основным поводом к бунтам населения, возмущениям в армии. Приходилось перебрасывать имеющееся продовольствие туда, где возникала напряженная ситуация, создавая тем самым новые сложности. Крестьянские бунты тоже возникали преимущественно в связи с вывозом собранного у населения, якобы для сохранности, семенного зерна в другую (голодающую) волость. Возникшую летом 1918 г. в Вологде опасность солдатского бунта на почве отсутствия продовольствия ликвидировали, доставив хлеб из Архангельска, чем было спровоцировано недовольство населения, поддержавшего, в конце концов, белогвардейский переворот.

По мнению современников, красные не особо и защищали Архангельск, не желая решать продовольственных проблем населения. В Гражданскую войну крестьяне научились видеть причину отступления армией с их территорий в отсутствии продовольствия и стремлении оставить заботу о населении неприятелю. В отдаленных уездах местная «гражданская война» велась партизанскими отрядами и нередко мотивировалась захватом у противника продовольствия. Когда армия уходила, следовало ожидать прихода партизан из обобщранной

³⁷ Стахов В. Два года землеустройства в Архангельской губернии // Северное хозяйство. 1925. № 3. С. 25.

³⁸ ГААО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 3. Л. 55, 56 об. – 57.

³⁹ От Вологодской губернской думы // Вольный голос Севера: областная крестьянская газета. 1918. 1 июня.

⁴⁰ ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 741. Л. 27–29.

⁴¹ Статистический обзор Автономной Карельской ССР. 1923–1924 г. Петрозаводск, 1925. С. 21.

⁴² ГАВО. Ф. П-1332. Оп. 3. Д. 6. Л. 160–161.

⁴³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

волости⁴⁴; отсюда недовольство отступлениями, которое, к примеру, привело к восстанию в «красных» волостях Пинежского уезда с целью его не допустить⁴⁵. Службу в армии местное население воспринимало как форму заработка. Привлекательнее было числиться «партизаном», поскольку это давало возможность получать паек, находясь дома. Партизан не только обеспечивал семью, но защищал ее от нападений «враждебной» волости. При переброске воинских подразделений такие комбатанты дезертировали и нередко вступали в ряды другой армии, занявшей их деревню, даже если недавно с ней воевали. При недостатке мобилизационных ресурсов такой набор устраивал и белых, и красных.

Отсутствие привычных заработков, позволявших населению закупать недостающий хлеб, недостаток этого хлеба сделали северных крестьян в период Гражданской войны сговорчивыми; они не отказывались от любых работ для фронта (была ли заказчиком белая армия или красная), получая за это продовольственные пайки. Питание выступало и в качестве мотивации вступления в ту или иную армию. Белая снабжалась лучше, поэтому часты были «переходы» в нее красноармейцев.

Вопрос обеспечения продовольствием стал важным мотиватором привлечения на свою сторону населения и для интервентов. Англичане, взявшие на себя дело закупки и доставки продовольствия в Северную область, справлялись с ним не очень хорошо, поставляя непривычные населению и нередко некачественные продукты, чем пользовались большевистские агитаторы, настраивая население против «союзников».

Для обеспечения лояльности населения на контролируемой красными прифронтовой территории также требовалось продовольствие. Если не было возможности доставить хлеб, агитаторы-большевики утверждали, что его в Советской России в избытке, целые вагоны с продовольствием стоят на ближайшей железнодорожной станции, но «мешает белая волость», не пропуская этот «красный» груз⁴⁶. В Печорском уезде удалось успокоить население, перехватив «200 тыс. пудов хлеба, которые белые пытались погрузить на пароходы»⁴⁷. Во время рейда на «белую» сторону Пинежского уезда захватили 25 тыс. пудов муки – это не только позволило накормить армию и обеспечить население «красных» волостей, но и мотивировать войска с присоединившимися к ним красными партизанами к дальнейшему наступлению, поскольку там «имеются довольно значительные запасы муки, и с занятием Пинеги дело обеспечения уезда продовольствием будет обстоять значительно лучше»⁴⁸. Густонаселенные Онежский и Шенкурский уезды находились в относительной близости к транспортным путям, что позволяло подвозить продовольствие из Вятской губернии, «приписанной» к Северному фронту. Население не особо задумывалось, какими способами этот хлеб выбивали из вятских крестьян.

Впрочем, как только с освобождением Архангельска закончилась Гражданская война, система продовольственной разверстки была распространена и здесь, в том числе на промысловые уезды. За неимением хлеба требовали рыбу, дичь, продукцию животноводства, ягоды, грибы. Предполагалось поставить население наряду с горожанами на государственное обеспечение. Однако тяжелая экономическая ситуация не позволила реализовать эти намерения. В поморских селах одновременно «социализировались» промыслы, в результате чего власти не только изъяли всю рыбу, но и лишили население орудий труда для ее добычи. Крестьянам промысловых районов нечего было предложить в обмен на хлеб, а население земледельческих уездов не располагало хлебными излишками для такого обмена. Весной 1922 г. в поморских волостях Архангельской губернии голодала практически половина жителей⁴⁹. Архангельская губерния, как бывало прежде, могла бы закупить продовольствие

⁴⁴ Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М., 2011.

⁴⁵ Трошина Т.И. Пинежские «валеты»: восстание перевертышей в ноябре 1919 г. // Родина. 2011. № 2. С. 93–97.

⁴⁶ ГААО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 13-а. Л. 72, 74, 76.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 25. Л. 13–16.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ГААО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 40. Л. 99–101; ГААО. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 48, 81.

за границей. Но не было валюты, а добыть экспортные товары (лес, пушнину), обменяв на хлеб, специально выделенный для этих целей Совнаркомом, не удалось из-за развала транспорта и дорожного хозяйства.

Еще одним последствием продовольственного кризиса для непродовольственных губерний стал отток населения. Схожая ситуация уже отмечалась во второй половине XIX в., когда падение значения Архангельска как крупного промышленного центра надолго погрузило в рецессию соседние губернии, население которых традиционно жило за счет «архангельских» работ. В 1870-е годы 6 % населения Усть-Сысольского уезда «в видах изыскания более удобных мест для поселения» ушли «в соседние Сибирские губернии»⁵⁰. В 1917–1918 гг. фиксировалось «переселение в Сибирь» вологодских крестьян, которые «бросают домашнее хозяйство, распродают что можно за бесценок и целыми семьями едут на жительство в “хлебные места”». Введенный запрет не пугал: «...направляются на авось, рассуждая, что умирать все равно где <...> Есть волости, из которых переселилось около трети жителей»⁵¹. В 1920-е годы в связи со «слухами, что в Поволжье и на Кубани много пустующих земель сельскохозяйственного значения с готовыми постройками и инвентарем», наблюдалось стремление к переезду шенкурских крестьян⁵². Источники не объясняют, чем руководствовалось население. Возможно, информацией о столыпинских переселениях или представлением о сытой жизни в Сибири, откуда доставлялся экспортный хлеб.

В условиях нэпа у северных крестьян обнаружилась «тяга к земле», что вступало в противоречие с потребностью государства обеспечить бесперебойную заготовку здесь экспортного сырья. Вместе с тем немаловажно было сохранить способность населения к самообеспечению за счет сельского хозяйства как дополнительного занятия. Есть основание считать, что потребность в регулярных и дешевых поставках сырья для экспортного лесопиления служило основной мотивацией для коллективизации северных крестьян⁵³. Потребителями колхозной сельхозпродукции выступали размещенные здесь воинские части, исправительно-трудовые лагеря, городское население. Но основным государственным заданием для колхозов, во всяком случае в 1930–1950-е годы, стали лесозаготовки.

Заключение. Формирование культурно-аграрного населения северных территорий России формировалось в общем русле адаптации к природно-климатическим условиям, предполагавшем сочетание здесь земледельческих занятий с различными промыслами. Развитие промышленности и внешней торговли придало региону важное значение сырьевого придатка для решения государственных задач, что предполагало сохранение здесь населения, привлекаемого к неземледельческим занятиям. Жители рискованных в плане земледеления территорий постепенно привыкали к мысли, что задача их продовольственного обеспечения в неурожайные годы лежит на правительстве и губернской власти. Доставка продовольствия в обычное время производилась торговцами, которые помогали крестьянам реализовать продукцию их промыслов. Любой сбой в этой на первый взгляд стройной системе мог привести к недовольству населения – как властью, так и «миroeдами» (торговцами, подрядчиками). Подобные взрывы народного негодования происходили довольно часто, иногда по незначительным поводам. Но на последнем этапе Первой мировой войны они вполне органично влились в общенациональный революционный протест.

В условиях развала государственной машины и близкой к коллапсу хозяйственной жизни страны местные власти (на уровне губерний, уездов, волостей) предпринимали собственные усилия для решения вопроса о продовольственном обеспечении населения, что создавало угрозу политического развала страны. В северных губерниях население активно возвращалось к земледелию, не имея других видов заработка, что особенно усилилось в

⁵⁰ Экономический быт сельского населения Вологодской губернии... С. 7.

⁵¹ Орлов Н.А. Продовольственная работа советской власти. К годовщине Октябрьской революции. М., 1918. С. 49.

⁵² Туфанов П. Переселенческое движение в Шенкурском уезде // Северное хозяйство. 1924. № 6. С. 39, 101; Переселенческое стремление // Северное хозяйство. 1924. № 1. С. 101.

⁵³ Трошина Т.И., Морозова О.М. «Кризис нэпа» в северной деревне, или «пролетаризация» крестьян как специфическая форма «раскрестьянивания» в неземледельческих районах в интересах индустриализации // Крестьяноведение. 2024. Т. 9, № 4. С. 122–143.

начальный период нэпа. Экономическое восстановление государства потребовало возвращения региону сырьевого и промышленного значения. Можно сказать, что исторический процесс спиралевидно завершился, вернувшись к сложившимся формам адекватного существования населения в условиях Севера, предполагающего диверсификацию занятий и способов заработка.

Литература

Блиох И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношении. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1898. Т. 4. 686 с.

Васильев В.В. Ретроспективный анализ этапов формирования «северного завоза» на севере России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 2 (58). С. 146–155.

Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин. М.: Прогресс-Академия, 1992. 432 с.

Голодовки в истории России XVIII–XX веков: мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Г.Е. Корнилова, В.А. Лабузова. Оренбург, 2013. 271 с.

Гостев И.М. Петр I в Архангельске: события, реликвии и историческая память. Архангельск, 2022. 304 с.

Козлов В.Ф. Экономические проблемы продовольственного обеспечения Европейского Севера в условиях социально-экономической нестабильности (на материалах Архангельской области): дис. ... д-ра экон. наук. Архангельск, 2000. 320 с.

Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М.: Новая деревня, 1922. 350 с.

Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 6–13.

Кузищин В.И. Угроза голода как фактор исторического развития // Вестник Московского университета. Сер.: История. 2009. № 7. С. 41–48.

Марченя П., Разин С., Ионов И. Крестьянство и власть в истории России XX века: По итогам международного круглого стола // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 79–95.

Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.

Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М.: НЛО, 2011. 384 с.

Орлов Н.А. Продовольственная работа советской власти. К годовщине Октябрьской революции. М., 1918. 398 с.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. М.: РКТ-История, 1997. 270 с.

Прасулов В.И., Кашурников С.Н. Риски продовольственной безопасности в России в условиях санкций // Прикладные экономические исследования. 2016. № 4 (14). С. 17–23.

Розмаинский И.В., Ложникова А.В., Кичко Н.И., Хлопцов Д.М. Дача в постсоветской России: институциональный анализ // Journal of institutional studies: журнал институциональных исследований. 2017. Вып. 9, № 2. С. 63–79.

Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... / пер. с англ. М.: Прогресс, 1982. 192 с.

Рясков С.А. Система жизнеобеспечения закрытых городов Урала. Екатеринбург, 2004. 60 с.

Сорокин П.А. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Академия, 2003. 684 с.

Трошина Т.И. Пинежские «валеты»: восстание перевертышей в ноябре 1919 г. // Родина. 2011. № 2. С. 93–97.

Трошина Т.И., Морозова О.М. «Кризис нэпа» в северной деревне, или «пролетаризация» крестьян как специфическая форма «раскрестьянивания» в неzemледельческих районах в интересах индустриализации // Крестьяноведение. 2024. Т. 9, № 4. С. 122–143.

Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Петроград: Право, 1915. Т. 2. С. 269–324.

Федоров А.Н. «Стратегии выживания» российского горожанина в условиях революционных перемен (1917–1920 годы) // Исторический ежегодник. Новосибирск: РИПЭЛ, 2008. С. 110–124.

Чудов С.И. Хлебные запасные магазины на Европейском севере России в XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017. 206 с.

References

Bliokh, I.S. (1898). *Budushchaya voyna v tekhnicheskoy, ekonomicheskoy i politicheskoy otnoshenii* [The Future War in Technical, Economic, and Political Respect]. St. Petersburg. Vol. 4. 686 p.

Chudov, S.I. (2017). *Khlebnye zapasnye magaziny na Evropeyskom severe Rossii v XVIII – nachale XX vv.* [Grain Reserve Stores in the European North of Russia in the 18th – Early 20th Centuries]. Cand. hist. sci. diss. Izhevsk. 206 p.

Fedorov, A.N. (2008). “Strategii vyzhivaniya” rossiyskogo gorozhanina v usloviyakh revolyutsionnykh peremen (1917–1920 gody) [“Survival Strategies” of the Russian City Dweller in the Context of Revolutionary Change (1917–1920)]. In *Istoricheskiy ezhegodnik*. Novosibirsk, RIPEL, pp. 110–124.

Gostev, I.M. (2022). *Petr I v Arhangel'ske: sobytiya, relikvii i istoricheskaya pamyat'* [Peter the Great in Arkhangelsk: Events, Relics, and Historical Memory]. Arkhangelsk. 304 p.

Kondrashin, V.V., Kornilov, G.E. (2021). *Istoriya goloda i epidemiy v Rossii: istoriograficheskaya situatsiya* [The History of Famine and Epidemics in Russia: A Historiographic Situation]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (70), pp. 6–13.

Kondratiev, N.D. (1922). *Rynok hleba i ego regulirovanie vo vremena voyny i revolyutsii* [The Bread Market and Its Regulation during War and Revolution]. Moscow, Novaya Derevnnya. 350 p.

Kornilov, G.E., Labuzov, V.A. (Eds.). (2013). *Golodovki v istorii Rossii XVIII–XX vekov* [Famine in the History of Russia in the 18th–20th Centuries]. Orenburg. 271 p.

Kozlov, V.F. (2000). *Ekonomicheskie problemy prodovol'stvennogo obespecheniya Evropeyskogo Severa v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoy nestabil'nosti (na materialakh Arhangel'skoy oblasti)* [Economic Problems of Food Security in the European North in the Context of Socioeconomic Instability (Based on Materials from the Arkhangelsk Region)]. Dr. econ. sci. diss. Arkhangelsk. 320 p.

Kuzishchin, V.I. (2009). *Ugroza goloda kak faktor istoricheskogo razvitiya* [The Threat of Famine as a Factor in Historical Development]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Istoriya*. No. 7, pp. 41–48.

Marchenya, P., Razin, S., Ionov, I. (2012). *Krest'yanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka: Po itogam mezhdunarodnogo kruglogo stola* [Peasantry and Power in the History of 20th Century Russia: Based on the Results of the International Round Table]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3, pp. 79–95.

Narsky, I.V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in Disaster: Everyday Life of the Ural Population in 1917–1922]. Moscow, ROSSPEN. 632 p.

Novikova, L.G. (2011). *Provintsial'naya “kontrrevolyutsiya”: Beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voyna na russkom Severe, 1917–1920* [Provincial “Counterrevolution”: The White Movement and the Civil War in the Russian North, 1917–1920]. Moscow, NLO. 384 p.

Orlov, N.A. (1918). *Prodovol'stvennaya rabota sovetskoy vlasti. K godovshchine Oktyabr'skoy revolyutsii* [Food Work of the Soviet Government. On the Anniversary of the October Revolution]. Moscow. 398 p.

Pavlyuchenkov, S.A. (1997). *Voennyi kommunizm v Rossii. Vlast' i massy* [War Communism in Russia. Power and the Masses]. Moscow, RKT-History. 270 p.

Prasulov, V.I., Kashurnikov, S.N. (2016). Riski prodovol'stvennoy bezopasnosti v Rossii v usloviyakh sanktsiy [Food Security Risks in Russia under Sanctions]. In *Prikladnye ekonomicheskie issledovaniya*. No. 4 (14), pp. 17–23.

Rotstein, E. (1998). *Kogda Angliya vtorglas' v Sovetskuyu Rossiyu...* [When England Invaded Soviet Russia...]. Moscow, Progress. 192 p.

Rozmainisky, I.V., Lozhnikova, A.V., Kichko, N.I., Khloptsov, D.M. (2017). Dacha v post-sovetskoy Rossii: institutsional'nyy analiz [The Dacha in Post-Soviet Russia: An Institutional Analysis]. In *Journal of institutional studies: zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. Vol. 9, No. 2, pp. 63–79.

Ryakov, S.A. (2004). *Sistema zhizneobespecheniya zakrytykh gorodov Urala* [Life Support System of Closed Cities in the Urals]. Yekaterinburg. 60 p.

Shanin, T. (1992). *Velikiy neznakomets. Krest'yane i fermery v sovremennom mire* [The Great Stranger. Peasants and Farmers in the Modern World]. Moscow, Progress Academy. 432 p.

Sorokin, P.A. (2003). *Golod kak faktor: vliyaniye goloda na povedeniye lyudey, sotsial'nyuyu organizatsiyu i obshchestvennyuyu zhizn'* [Hunger as a Factor: The Impact of Famine on Human Behavior, Social Organization and Public Life]. Moscow, Academy. 684 p.

Troshina, T.I. (2011). Pinezhskie “valety”: vosstanie perevertyshey v noyabre 1919 g. [The Pinega “Jacks”: The Revolt of the Rebels in November 1919]. In *Rodina*. No. 2, pp. 93–97.

Troshina, T.I., Morozova, O.M. (2024). “Krizis nepa” v severnoy derevne, ili “proletarizatsiya” krest'yan kak spetsificheskaya forma “raskrest'yanivaniya” v nezemledel'cheskikh rayonakh v interesakh industrializatsii [“The NEP Crisis” in the Northern Village, or the “Proletarianization” of Peasants as a Specific Form of “De-Peasantization” in Non-Agricultural Areas in the Interests of Industrialization]. In *Krest'yanovedenie*. Vol. 9, No. 4, pp. 122–143.

Tugan-Baranovsky, M.I. (1915). Vliyaniye voyny na narodnoye khozyaystvo Rossii, Anglii i Germanii [The Impact of War on the National Economies of Russia, England, and Germany]. In *Voprosy mirovoy voyny*. Petrograd, Pravo. Vol. 2, pp. 269–324.

Vasil'ev, V.V. (2018). Retrospektivnyy analiz etapov formirovaniya “severnogo zavoza” na severe Rossii [Retrospective Analysis of the Stages of the Formation of the “Northern Delivery” in the North of Russia]. In *Sever i rynok: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka*. No. 2 (58), pp. 146–155.

М.Д. Кушнарева*

СНАБЖЕНИЕ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ И ТОВАРАМИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В 1917–1919 ГОДАХ: МЕХАНИЗМЫ И РОЛЬ КРУПНЫХ ТОРГОВЫХ ФИРМdoi:10.31518/2618-9100-2026-4-8
УДК 94:332(571.6)"1917/1919"*Выходные данные для цитирования:**Кушнарева М.Д. Снабжение Якутской области продовольствием и товарами потребления в 1917–1919 годах: механизмы и роль крупных торговых фирм // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 132–141.**URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-08.pdf>*

M.D. Kushnareva*

SUPPLY OF THE YAKUTSK REGION WITH FOOD AND CONSUMER GOODS IN 1917–1919: MECHANISMS AND THE ROLE OF LARGE TRADING FIRMS

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-8

*How to cite:**Kushnareva M.D. Supply of the Yakutsk Region with Food and Consumer Goods in 1917–1919: Mechanisms and the Role of Large Trading Firms // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 132–141.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-08.pdf>]*

Abstract. This article analyzes the mechanisms and key areas of organizing the food and consumer goods supply process in the Yakutsk region in 1917–1919. The reconstruction of events at the core of the key research problem is based on previously unpublished sources. Previously unpublished office documentation from the Ministry of Supply and Food of the Siberian Government of A.V. Kolchak is of particular importance for revealing the topic of the publication. It is revealed that during the studied period, various political forces that came to power had their own approaches to the issues of providing the region with food and essential goods. In 1917, the Public Safety Committee exercised the authority to organize the food supply to the population of the Yakutsk region. As part of its policy, the contribution of large firms to the supply of the Yakutsk region consisted of wholesale deliveries of furs to the USA and Japan in exchange for consumer goods in the amount of 1.5 million rubles. The result of this policy was a partial coverage of the food needs of the population of the Yakutsk region. In early 1918, the Committee for Public Security's policy continued, with wholesale fur deliveries from large firms in exchange for food and consumer goods amounting to 950,000 rubles. The rise of the Socialist Revolutionary government led to a complete breakdown in the food supply chain. In mid-1918, food prices rose sharply, leading to shortages. In the second half of 1918, A.V. Kolchak's Siberian government partially returned to the practice of cooperating with large firms in the wholesale supply of food to the region. After holding a series of meetings with representatives of large firms in 1919, the Yakutsk region was able to supply food and industrial goods worth 2.7 million rubles, covering more than a third of its total needs. The introduced budget lending system failed to produce sustainable results.

Keywords: food, consumer goods, large companies, supplies, Yakutsk Region.

The article has been received by the editor on 21.04.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Маргарита Дмитриевна Кушнарева**, доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: rita270880@mail.ru
Margarita Dmitrievna Kushnareva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: rita270880@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы механизмы и основные направления организации снабжения продовольствием и товарами потребления Якутской области в 1917–1919 гг. Реконструкция событий, входящих в ядро ключевой проблемы исследования, выполнена на основе ранее не введенных в научный оборот источников. Определенное значение для раскрытия темы имеет ранее не опубликованная делопроизводственная документация Министерства снабжения и продовольствия Сибирского правительства А.В. Колчака. Выявлено, что в исследуемый период различные политические силы, приходившие к власти, имели свои подходы к вопросам обеспечения региона продуктами и товарами первой необходимости. В 1917 г. полномочия по организации снабжения продовольствием населения Якутской области осуществлял Комитет общественной безопасности. В рамках его политики вклад крупных фирм в снабжение Якутской области состоял в оптовых поставках пушнины в США и Японию в обмен на товары потребления в размере 1,5 млн руб. Итогом стало частичное покрытие потребностей в продовольствии населения Якутской области. В начале 1918 г. политика Комитета общественной безопасности была продолжена, оптовые поставки пушнины крупных фирм в обмен на продукты и товары потребления составили 950 тыс. руб. Приход к власти правительства эсеров привел к полному разрыву логистических цепочек в поставке продовольствия. В середине 1918 г. произошел резкий рост цен на продукты. Возник их дефицит. Во второй половине 1918 г. Сибирское правительство А.В. Колчака частично вернулось к практике взаимодействия с крупными фирмами в деле оптовых поставок продовольствия в область. После проведения ряда совещаний с представителями крупных фирм в 1919 г. в Якутскую область удалось поставить продукты питания и промышленные товары на 2,7 млн руб. и закрыть более трети всех потребностей. Введенная система бюджетного кредитования не смогла показать устойчивого результата.

Ключевые слова: продовольствие, товары потребления, крупные фирмы, снабжение, Якутская область.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026 г.

Актуальность исследования процесса снабжения населения Якутской области продуктами и товарами потребления в 1917–1919 гг. обусловлена несколькими важными факторами. Во-первых, изучение особенностей функционирования экономики региона во времена революционных преобразований, Гражданской войны и внешнеполитической нестабильности позволяет глубже понять механизмы адаптации хозяйственной системы к новым условиям, выявить специфику взаимодействия государства и крупного капитала в экстремальных ситуациях. Это особенно важно в свете современных дискуссий о влиянии кризисов на экономику регионов и возможности поддержания стабильности поставок жизненно важных товаров населению. Во-вторых, исследование позволяет оценить роль частного капитала в обеспечении продовольственной безопасности отдаленных территорий Российского государства, определить степень влияния экономических субъектов на социальную стабильность и устойчивость региональных рынков. Вопросы эффективности системы оптового снабжения макрорегиона остаются значимыми и для современного периода, когда также возникают проблемы с логистикой и доступностью продуктов питания в удаленных населенных пунктах. Наконец, работа имеет значение в свете осмысления целостной картины исторического развития сибирского хозяйства, включая понимание особенностей товарообмена и региональной политики в области обеспечения продовольствием населения Северо-Восточной Сибири.

Следует отметить, что период 1917–1919-х годов в настоящей статье выбран неслучайно. В 1917 г. на территории Северо-Восточной Сибири начинается процесс создания новых органов управления. Сформированные десятилетиями логистические цепочки опто-

вых поставок продуктов питания и товаров потребления были разрушены. Реквизиция и последовавшая за ней национализация затронула торгово-производственные и транспортные пункты, созданные частным капиталом. Все это оказало непосредственное влияние на конечного потребителя, который особенно остро почувствовал нехватку основных жизненно важных товаров в 1917–1919 гг. В результате Февральской буржуазно-демократической революции и последовавших за ней октябрьских событий 1917 г. в России произошло падение самодержавия, что кардинально изменило политическую и экономическую ситуацию в Якутской области. В течение 1917–1919 гг. различные политические силы, приходившие к власти, имели свои подходы к вопросам обеспечения региона продуктами и товарами первой необходимости.

Исходя из вышесказанного, ключевой целью данной публикации является анализ основных механизмов снабжения населения Якутской области продовольствием и товарами потребления в 1917–1919 гг. и роли в этом процессе фирм с крупным капиталом. Настоящая статья не претендует на обобщающий характер. Наша задача – изучение одного из аспектов проблемы с привлечением новой информации из ранее не опубликованных делопроизводственных источников.

Проблема организации снабжения продовольствием и товарами потребления населения Якутской области в период борьбы за власть ранее привлекала внимание российских ученых. В работе Н.И. Бурнашевой дан последовательный анализ кризисных явлений в экономике Якутии в период 1917–1919 гг. Автором были сделаны акценты на вкладе земских учреждений, потребительских обществ и кооперативов в процессе обеспечения продовольственной безопасности края¹. В работе П.О. Саввинова рассматривается роль городского самоуправления по обеспечению населения области продуктами питания и товарами потребления в годы Первой мировой войны². Военный и послевоенный периоды в обеспечении продовольственной безопасности Якутии рассмотрены в работе О.М. Долидович и Е.Н. Старовойтовой, которые указали, что в 1915 г. власти Якутской области не смогли выстроить диалог с представителями крупных фирм, что привело к появлению дефицита товаров первой необходимости и переходу на карточную систему³. Затяжной кризис продовольственного снабжения был характерен в целом для России 1914–1917 гг.⁴ Проблемы продовольственной безопасности населенных пунктов Сибири в 1914–1918 гг. затрагиваются также в работах М.В. Шиловского и Д.М. Шиловского⁵. О попытках американских торговцев проникнуть в материковые районы Якутии после 1914 г. для организации снабжения населения товарами потребления в обмен на пушнину писал В.П. Захаров⁶. Проблемы деятельности продовольственных комитетов, снабжение края во время земского самоуправления и указы А.В. Колчака рассмотрены в работе В.И. Федорова⁷. Он также отметил, что усиление политической борьбы еще больше усугубляло и без того тяжелую ситуацию с продовольствием в регионе⁸. Л.М. Дамешек подчеркивал важность учета отличительных черт северо-восточного региона Сибири при исследовании социально-экономических, политиче-

¹ Бурнашева Н.И. Кризис экономики Якутии в период борьбы за власть (1917–1919 гг.) // Вестник Якутского государственного университета. 2006. № 1. С. 123–126.

² Саввинов П.О. Деятельность городского самоуправления Якутска по снабжению населения товарами первой необходимости в годы Первой мировой войны (август 1914 г. – февраль 1917 г.) // Манускрипт. 2020. Вып. 8. С. 48–55.

³ Долидович О.М., Старовойтова Е.Н. Продовольственный кризис в Якутской области в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 3. С. 144.

⁴ Долидович О.М. Кризис продовольственного снабжения в городах Енисейской губернии (июль 1914 – февраль 1917 г.). Красноярск. 2018. С. 10.

⁵ Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015; Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Алкогольный вопрос в Сибири накануне и во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. и отношение к нему местных чиновников // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 75. С. 90.

⁶ Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1995. С. 85.

⁷ Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). Новосибирск, 2013. Кн. 2. С. 365.

⁸ Федоров В.И. Якутия в начале XX века (1900 – февраль 1917 г.): социально-экономические отношения. Новосибирск, 2022. С. 56.

ских и других проблем окраинных территорий России⁹. Однако вопрос о роли частного капитала в снабжении населения края продовольствием и товарами потребления в условиях нестабильности политической и экономической обстановки 1917–1919 гг. по-прежнему остается недостаточно изученным. Высветить новые грани ключевой проблемы настоящей публикации позволили обнаруженные в Государственном архиве Иркутской области делопроизводственные документы Министерства снабжения и продовольствия Сибирского правительства А.В. Колчака. Это комплекс телеграмм и донесений уполномоченных министерства в Якутской области, отражающий сложную продовольственную обстановку того времени и предпринятые попытки ее регулирования.

В марте 1917 г. управление Якутской областью перешло к Комитету общественной безопасности¹⁰. В его состав вошли представители местной интеллигенции, которые активно участвовали в организации работы комитета и формировании новой административной структуры¹¹. Для осуществления задач снабжения Якутской области продуктами и товарами потребления в комитете была образована специальная продовольственная комиссия. Проблема обеспечения населения Якутской области продуктами и товарами первой необходимости возникла осенью 1917 г., к декабрю нехватка продовольствия стала еще более ощутимой. Запрет свободной торговли хлебом удалось отменить, но существенного улучшения ситуации не произошло¹². В сложившейся обстановке представители крупных фирм, понимая важность согласованных действий в деле организации оптового снабжения продовольствием населения Якутской области, 14 апреля 1917 г. провели совместное совещание с участием должностных лиц Комитета общественной безопасности. Поскольку ранее крупные капиталовложения направлялись на развитие предпринимательства, производительных сил, дорожно-транспортной инфраструктуры региона, а также на рост товарного производства и обеспечение населения продовольствием, возникла необходимость создать эффективные механизмы снабжения, соответствующие новым экономическим реалиям¹³. Более того, крупные предприятия Якутской области имели деловые отношения с представителями иностранных фирм через торговые отделения в Якутске, на Охотском побережье, в Колымско-Чукотском крае. В 1917 г. в Якутске действовали представительства американских, немецких, японских, английских и датских компаний, таких как «Гудзон-бей», «М. Вульфсон и Ко», «Зингер и Ко», «Братья Циммерман» и др.¹⁴

Все это повлияло на итоги работы совещания, по результатам которого было заключено соглашение между представителями акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» и торговых домов «М.А. Коковин и И.А. Басов», «Наследники А.М. Кушнарера», «Г.В. Никифоров», «Наследники А.И. Громовой» о поставках крупных партий пушнины в США в обмен на товары потребления. В рамках соглашения на североамериканский рынок через японских представителей была отправлена крупная партия пушнины и закуплена провизия и товары первой необходимости на сумму более 1,5 млн руб.¹⁵ Сделка не смогла полностью покрыть нужды всего населения Якутской области, однако за счет распределения товаров между районами удалось избежать очаговых голодовок.

В начале 1918 г. по инициативе Комитета общественной безопасности и Краевой продовольственной комиссии было созвано новое совещание с участием представителей ведущих торговых компаний Якутской области. Среди участников находились представи-

⁹ Дамешек Л.М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII–XX вв.). Иркутск, 2022. С. 160.

¹⁰ Радченко Н.Н. Политическая ситуация в Якутской области накануне Октябрьского этапа революции 1917 года // Общество: философия, история, культура. 2023. № 11. С. 240.

¹¹ Бурнашова Н.И. Кризис экономики Якутии.... С. 123.

¹² Там же.

¹³ История Якутии: в 3 т. Новосибирск, 2021. Т. II. С. 165.

¹⁴ Бурнашева Н.И., Ковлеков И.И. Иностранные концессии в освоении природных богатств Северо-Востока РСФСР в 1920-е годы // Научный диалог. 2023. № 5. С. 432.

¹⁵ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 420. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–13; Д. 16. Л. 1–19; Д. 21. Л. 1–217.

тели торговых домов «Наследники А.М. Кушнарева», «Г.В. Никифоров», «М.А. Коковин и И.А. Басов», а также распорядители Якутского отделения АО спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников». На совещании была признана необходимость продолжения детальности крупных фирм Якутской области в деле снабжения населения края товарами потребления и продуктами и отмечено, что «существовавшая в Якутске Краевая Продовольственная Комиссия, будучи преисполнена самых благих намерений, не обладала ни достаточными материальными ресурсами для обеспечения края всем необходимым, ни опытом в деле выполнении возложенных на нее задач. Единственными организациями для снабжения края всем необходимым, как в прошлом, так и в настоящем и в ближайшем будущем, являлись собравшиеся фирмы. Значение для края каждой отдельной фирмы настолько велико, что прекращение или даже сокращение деятельности какой-либо из них может вредно отозваться на снабжении края»¹⁶. Компаниям было предложено продолжить свою деятельность по поставке пушнины в США и Японию в обмен на продукты потребления на основе государственных гарантий¹⁷. В первой половине 1918 г. крупные фирмы совместно поставили в США пушнину, мамонтовую кость в обмен на продукты питания на сумму 950 тыс. руб.¹⁸ Частично удалось решить некоторые проблемы с провиантом, однако общая продовольственная ситуация в крае продолжала усугубляться.

После создания в феврале 1918 г. Областного совета во главе с эсером В.В. Поповым экономические связи Якутии с Советской Россией были окончательно прерваны. Поставки промышленных товаров, сахара, чая, мануфактуры и оборудования из Центра практически прекратились, возник дефицит. Нехватка товаров первой необходимости спровоцировала спекуляцию и резкий скачок цен на продовольствие и промышленные товары. В Якутске, Вилюйске, Олёкминске были взяты на учет все продовольственные запасы, установлены твердые нормы распределения продуктов и цены на них. К осени 1918 г. в Якутске была введена карточная система. Краткосрочный приход в край советской власти в 1918 г. полностью не решил возникших проблем, продовольственный кризис усугубился за счет контрибуции имущества зажиточной части населения и введения различных налогов¹⁹.

Новая смена власти произошла осенью 1918 г. Сибирское правительство А.В. Колчака объявило контроль за ввозом и вывозом продуктов и промышленных товаров с территории Якутской области с целью обложения налогом. Эти мероприятия привели к полному разрыву всех экономических связей с Иркутском и прекращению снабжения Якутии продуктами и товарами потребления. Одним из способов решения возникших проблем стал кредит и обращение за помощью к ранее действовавшим в сфере снабжения края продуктами и товарами потребления крупным фирмам²⁰. Анализ документов, выявленных в процессе разработки темы исследования, показал, что все принимаемые новым правительством меры носили нерегулярный разрозненный характер, что в конечном итоге приводило к низкой эффективности всех проводимых мероприятий.

Организовать систему снабжения продовольствием и товарами первой необходимости для населения Якутской области требовалось в кратчайшие сроки. Отдаленность территории оказывала серьезное влияние на сроки поставок²¹. До начала навигации по р. Лене было необходимо закупить и создать запасы товаров на пристанях. В конце осени 1918 г. Совет министров Сибирского правительства А.В. Колчака постановил выделить кредит на 10 млн руб. для заготовки продовольствия. Сумма состояла из двух траншей: 5 млн руб. на заготовку предметов снабжения и 5 млн руб. на продовольствие. Выделение кредита одобрил

¹⁶ НАРС(Я). Ф. 420. Оп. 1. Д. 14. Л. 19.

¹⁷ Кушнарева М.Д. Взаимодействие власти и крупного капитала в системе экспорта пушнины и обеспечения населения Северо-Восточной Сибири в начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2022. Т. 40. С. 35.

¹⁸ НАРС(Я). Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 40.

¹⁹ Бурнашева Н.И. Кризис экономики Якутии... С. 124–125.

²⁰ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 226. Л. 1.

²¹ Архипова А.И. Управление северо-востоком России: институт губернаторства (2-я половина XIX – начало XX века). Иркутск, 2023. С. 42.

Верховный правитель адмирал Колчак²². Средства из выделенного кредита предполагалось потратить на заготовку пайкового довольствия казаков – 758 тыс. руб., гражданских чинов и духовенства – 193 тыс. руб., на соляные операции – 220 тыс. руб., огнестрельные припасы – 2 млн руб., хлеб для жителей области – 3,9 млн руб.²³ На основании донесения районного уполномоченного Минснабпрода Авдамовича для Якутской области требовалось заготовить хлеба в количестве 150 тыс. пудов, для чего были необходимы следующие средства: 100 тыс. пудов ржи по 22 руб. за пуд – 2,2 млн руб.; 30 тыс. пудов ячменя по 23 руб. за пуд – 660 тыс. руб.; 20 тыс. пудов пшеницы по 27 руб. за пуд – 540 тыс. руб. Доставка из Иркутска в Якутск обходилась по 10 руб. за пуд и составляла 1,5 млн руб. Всего требовалось на операцию 1919 г. 4,9 млн руб. К осуществлению продовольственной операции планировалось привлечь средства от реквизированного товара и взыскание долгов с крупных фирм²⁴. При этом за торговыми домами числились долги за продуктовую операцию 1917–1918 гг. в размере: «М.А. Коковин и И.А. Басов» – 604,8 тыс. руб., «Наследники А.И. Громовой» – 100 тыс. руб., «Наследники А.М. Кушнарева» – 309 тыс. руб., АО «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» – 79 тыс. руб. Всего сумма долга по поставкам продовольствия с торговых предприятий Якутской области составляла более 1,8 млн руб.²⁵ С учетом долгов крупных фирм была подготовлена смета, отправленная на утверждение в Омск, однако ассигнование кредита затягивалось.

21 февраля 1919 г. в телеграмме уполномоченного Минснабпрода И.П. Кокоулина отмечалось, что ситуация по снабжению Якутской области хлебом создалась критическая. За счет сумм реквизированных товаров удалось закупить лишь 30 тыс. пудов хлеба и заготовить дополнительно еще 60 тыс. пудов на 2 млн руб.²⁶ При этом требовалось срочно заготовить всю партию продовольствия и доставить зимним путем до пристаней, чтобы с начала навигации по р. Лене переправить в Якутск. Некоторое время спустя уполномоченный И.П. Кокоулин вновь отправил телеграмму в Омск, где указал, что «рассмотрение вопроса ассигнования средств требует слишком много времени и возможности доставки в Якутск сплавом будут упущены. Население останется без продуктов и товаров. Доставка зимой удорожает стоимость заготовки. Чтобы успеть доставить водой, необходимо приступить срочно и перевести 10 млн руб. для немедленной заготовки хотя бы части потребного для облегчения страданий местного населения»²⁷.

Поступление кредитных средств по-прежнему затягивалось. В создавшейся непростой обстановке И.П. Кокоулин предпринял попытку решить проблему с закупками и поставками продовольствия в область через привлечение средств «Китайского общества». В своем донесении в Совет Министров Сибирского правительства он писал: «“Китайское общество” предлагает свои услуги на следующих условиях: представители общества и Уполснабпрода совместно установят цены на перевозку из Харбина во Владивосток. Товарищество произведет закупку по указанию представителя Уполснабпрода на свои капиталы и доставит до Иркутска, где сдаст Уполснабпроду по заготовленной стоимости, плюс 20 % в случае, если казна товар не примет. Такое предложение даст возможность своевременно начать заготовку и доставку товаров в Иркутск, не ожидая разрешения кредита. В данном случае, если последует отказ в кредите, мы теряем только труд. Есть надежда, что Якутская область получит хоть часть товаров. В случае, если кредит будет разрешен, то от услуг китайцев можно отказаться, а переплата 20 % окупится тем, что население не будет переплачивать в десятки раз больше, если мы не доставим ничего»²⁸. Ответа на телеграмму не последовало, создавшаяся ситуация требовала срочного разрешения.

В связи с этим 3 июня 1919 г. в Якутске состоялось совещание представителей властей, торговых кругов, общественных деятелей и самоуправлений, кооперативов по вопросу орга-

²² ГАИО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 226. Л. 1 об.

²³ Там же. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 4.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 5.

²⁷ Там же. Л. 6.

²⁸ Там же.

низации снабжения населения края продуктами и товарами потребления. Было решено разрешить отпуск продуктов местному населению в обмен на пушнину, мамонтовую кость и кожи. Запрашиваемый ранее кредит в 10 млн руб. был признан недостаточным ввиду крайней неустойчивости цен на товары. Для покрытия нужд населения в продуктах питания и товарах первой необходимости требовалось 40 млн руб. Начало заготовки должно было начаться немедленно, поскольку единственным дешевым и удобным путем перевозки грузов до Якутской области являлась р. Лена, причем из Иркутска груз отправлялся подводами на расстоянии 300 верст на пристань Качуга и сплавлялся по течению реки в короткую навигацию. Поэтому все грузы необходимо было отправить из Иркутска не позже первой половины августа. При этом требовалось учесть, что самым лучшим временем для перевозки от Иркутска до пристаней р. Лены был промежуток между весенним посевом хлеба, когда крестьяне были свободны от полевых работ и занимались подрядами. Нужно было воспользоваться этим временем для перевозки в Якутск, не скапливая товары к осени, когда начиналась уборка хлебов и перевозчиков не хватало. По этим причинам было необходимо получить кредит как можно быстрее, хотя бы частично, для немедленного начала заготовки²⁹. Также на совещании приняли решение воспользоваться предложением «Китайского общества» и крупных фирм Якутской области, способных получить оптовую партию продовольствия и товаров потребления из Японии и США в обмен на пушнину.

Кроме 150 тыс. пудов хлеба, население Якутской области нуждалось в крупчатке, табаке, чае, сахаре. Из промышленных товаров создавалась острая нехватка мыла, строительных материалов, обуви, мануфактуры, керосина. По итогам совещания была разработана и принята смета в размере 36,9 млн руб. с учетом перевозки и страховки грузов³⁰.

В середине лета 1919 г. Якутское отделение АО спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» совместно с торговыми домами «Наследники А.М. Кушнарева», «Г.В. Никифоров», «М.А. Коковин и И.А. Басов» приступили к оптовым поставкам крупных партий пушнины в обмен на товары потребления. Первая партия пушнины и мамонтовой кости была отправлена в США на сумму 1,7 млн руб.³¹ Стоимость следующей совместной партии составила более 1 млн руб.³² В Якутскую область из США по зимним путям через порты Охотского моря поступило 43 тыс. пудов продуктов и товаров первой необходимости³³. Жители Якутской области получили 3 млн квадратных аршин бельевой одежды, ситец, шерстяные ткани, порох, 10 тыс. пудов кускового сахара, 100 тыс. пачек спичек, 1 тыс. пудов табака, 1 тыс. пудов свечей, бумагу, чернила, предметы электрического освещения, провода, лампы, 1 тыс. пудов риса, 2 000 пар обуви. Кроме того, отдельно для населения Колымского округа было доставлено 20 тыс. пудов преимущественно продовольственных грузов³⁴. Следует отметить, что силами крупных фирм в операцию 1919 г. по снабжению населения Якутской области продовольствием и товарами первой необходимости было закрыто более трети всех потребностей.

Привлечение средств «Китайского общества» позволило заготовить и доставить в Якутскую область 37 тыс. пудов ржи, 4 тыс. пудов пшеницы, 3 тыс. пудов ячменя на сумму более 1 млн руб. Отдельно для жителей отдаленного и труднодоступного Колымского округа было поставлено предметов продовольствия на сумму 65 тыс. руб. В Вилуйский округ было отправлено зерновой ржи 21 тыс. пудов, крупы и муки – 400 пудов, товаров потребления – более 700 пудов. В другие населенные пункты Якутской области зимними путями поступило более 1 000 пудов продуктов и товаров потребления. Общие расходы по доставке грузов из Иркутска и Владивостока до Якутска и Среднеколымска составили более 1 млн руб.³⁵

²⁹ ГАИО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 226. Л. 7.

³⁰ Там же. Л. 9.

³¹ НАРС(Я). Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 40–40 об.

³² Там же. Л. 41.

³³ Там же. Л. 41 об.–42.

³⁴ Там же. Ф. 420. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–6.

³⁵ ГАИО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 226. Л. 9.

В ноябре 1919 г. кредит на закупку продовольствия для Якутской области в размере 5 млн руб. был получен. Эти средства планировалось направить на организацию снабжения продовольствием населения Якутской области в следующем году. В операции 1920 г. намечалось доставить от 200 до 300 тыс. пудов хлеба из Иркутска и Тирети к пристаням Лены в Качуге и Жигалово, а оттуда весной первым сплавом в Якутск³⁶. Новые политические преобразования нарушили эти планы. К концу 1919 г. в Якутской области завершился этап снабжения региона продуктами и товарами потребления.

В заключение следует отметить, что в условиях политической нестабильности и частой смены власти крупные торговые фирмы взяли на себя ответственность в организации снабжения, пытаясь компенсировать паралич государственных структур. Анализ источников показал, что в условиях кризиса АО спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» и торговые дома «Наследники А.И. Громовой», Г.В. Никифоров», «А.М. Коковин и И.А. Басов», «Наследники А.М. Кушнарева» стали основными поставщиками жизненно важных товаров. Они не только организовывали завоз продовольствия и мануфактуры, но и пытались регулировать запасы и поддерживать минимальный уровень товарооборота. Однако их усилия были ограничены общим экономическим спадом, транспортными трудностями, инфляцией и дефицитом. Опыт 1917–1919 гг. наглядно демонстрирует, что в условиях кризиса именно гибкость и инициативность крупных торговых структур позволили смягчить последствия продовольственного и товарного дефицита в Якутской области.

Дальнейшее изучение механизмов взаимодействия власти и частного капитала в сфере снабжения позволит глубже понять специфику адаптации региональной экономики к экстремальным историческим условиям и выявить резервы для повышения устойчивости современных систем жизнеобеспечения на Севере.

Литература

Архипова А.И. Управление северо-востоком России: институт губернаторства (2-я половина XIX – начало XX века). Иркутск: Оттиск, 2023. 232 с.

Бурнашева Н.И. Кризис экономики Якутии в период борьбы за власть (1917–1919 гг.) // Вестник Якутского государственного университета. 2006. Т. 3, № 1. С. 123–126.

Бурнашева Н.И., Ковлеков И.И. Иностранные концессии в освоении природных богатств Северо-Востока РСФСР в 1920-е годы // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 5. С. 427–442.

Дамешек Л.М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII–XX вв.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. 179 с.

Долидович О.М. Кризис продовольственного снабжения в городах Енисейской губернии (июль 1914 – февраль 1917 г.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2018. 144 с.

Долидович О.М., Старовойтова Е.Н. Продовольственный кризис в Якутской области в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 3. С. 139–149.

Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1995. 137 с.

История Якутии: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Алексеева. Новосибирск: Наука, 2021. Т. II. 216 с.

Кушнарева М.Д. Взаимодействие власти и крупного капитала в системе экспорта пушнины и обеспечения населения Северо-Восточной Сибири в начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2022. Т. 40. С. 32–39.

Радченко Н.Н. Политическая ситуация в Якутской области накануне Октябрьского этапа революции 1917 года // Общество: философия, история, культура. 2023. № 11. С. 239–244.

³⁶ ГАИО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 226. Л. 10.

Саввинов П.О. Деятельность городского самоуправления Якутска по снабжению населения товарами первой необходимости в годы Первой мировой войны (август 1914 г. – февраль 1917 г.) // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 8. С. 48–55.

Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919): в 2 кн. Новосибирск: Гео, 2013. Кн. 2. 671 с.

Федоров В.И. Якутия в начале XX века (1900 – февраль 1917 г.): социально-экономические отношения. Новосибирск: Наука, 2022. 135 с.

Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Алкогольный вопрос в Сибири накануне и во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. и отношение к нему местных чиновников // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 75. С. 89–95.

References

Arkhipova, A.I. (2023). *Upravlenie severo-vostokom Rossii: institut gubernatorstva (2-ya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Governance of the North-East of Russia: The Institution of Governorship (Second Half of The 19th – Early 20th Centuries)]. Irkutsk, Ottisk. 232 p.

Burnasheva, N.I. (2006). *Krizis ekonomiki Yakutii v period bor'by za vlast' (1917–1919 gg.)* [The Crisis of the Economy of Yakutia During the Struggle for Power (1917–1919)]. In *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 3, No. 1, pp. 123–126.

Burnasheva, N.I., Kovlekov, I.I. (2023). *Inostrannye kontsessii v osvoenii prirodnkh bogatstv Severo-Vostoka RSFSR v 1920-e gody* [Foreign Concessions in the Development of Natural Resources of the North-East of the RSFSR in the 1920s]. In *Nauchnyy dialog*. Vol. 12, No. 5, pp. 427–442.

Dameshek, L.M. (2022). *Etnicheskiy faktor okrainnoy politiki imperii v regional'nom izmerenii: sibirskiy variant (XVIII–XX vv.)* [Ethnic Factor in The Outskirts of The Empire's Policy in the Regional Dimension: Siberian Variant (18th–20st Centuries)]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. 179 p.

Dolidovich, O.M. (2018). *Krizis prodovol'stvennogo snabzheniya v gorodakh Yeniseyskoy gubernii (iyul' 1914 – fevral' 1917 g.)* [Food Supply Crisis in the Cities of the Yenisei Province (July 1914 – February 1917)]. Krasnoyarsk, Izdatel'stvo SFU. 144 p.

Dolidovich, O.M., Starovoytova, E.N. (2023). *Prodovol'stvennyy krizis v Yakutskoy oblasti v gody Pervoy mirovoy voyny (iyul' 1914 g. – fevral' 1917 g.)*. [Food Crisis in the Yakutsk Region during the First World War (July 1914 – February 1917)]. In *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. No. 3, pp. 139–149.

Fedorov, V.I. (2013). *Yakutiya v epokhu voyn i revolyutsiy (1900–1919). Kn. 2* [Yakutia in the Era of Wars and Revolutions (1900–1919). Book 2]. Novosibirsk, Geo. 671 p.

Fedorov, V.I. (2022). *Yakutiya v nachale XX veka (1900 – fevral' 1917 g.): sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya* [Yakutia at the Beginning of the 20th Century (1900 – February 1917): Socio-Economic Relations]. Novosibirsk, Nauka. 135 p.

Kushnareva, M.D. (2022). *Vzaimodeystvie vlasti i krupnogo kapitala v sisteme eksporta pushniny i obespecheniya naseleniya Severo-Vostochnoy Sibiri v nachale XX v.* [Interaction of Power and Big Capital in the System of Fur Export and Provision of the Population of North-Eastern Siberia at the Beginning of the 20th Century]. In *Izvestiya IGU. Seriya Istoriya*. Vol. 40, pp. 32–39.

Radchenko, N.N. (2023). *Politicheskaya situatsiya v Yakutskoy oblasti nakanune Oktyabr'skogo etapa revolyutsii 1917 goda* [Political Situation in The Yakutsk Region on The Eve of The October Stage of The Revolution of 1917]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 11, pp. 239–244.

Savvinov, P.O. (2020). *Deyatel'nost' gorodskogo samoupravleniya Yakutska po snabzheniyu naseleniya tovarami pervoy neobkhodimosti v gody Pervoy mirovoy voyny (avgust 1914 g. – fevral' 1917 g.)* [Activities of the Yakutsk City Government to Supply the Population with Essential Goods during the First World War (August 1914 – February 1917)]. In *Manuscript*. Vol. 13, Iss. 8, pp. 48–55.

Shilovskiy, D.M., Shilovskiy, M.V. (2022). Alkogol'nyy vopros v Sibiri nakanune i vo vremya Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. i otnoshenie k nemu mestnykh chinovnikov [The Alcohol Issue in Siberia on the Eve of and during the First World War of 1914–1918 and the Attitude of Local Officials Towards It]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 75, pp. 89–95.

Shilovskiy, M.V. (2015). *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk, Avtograf. 330 p.

Zakharov, V.P. (1995). *Pushnoy promysel i trgovlya v Yakutii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Fur Trade in Yakutia (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Novosibirsk, Nauka. 137 p.

Л.Н. Мазур*

**ГОЛОД И ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ:
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ТЫЛОВОГО ГОРОДА
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ****doi:10.31518/2618-9100-2026-4-9
УДК 94:631.1(571.150)"1941/1945"*Выходные данные для цитирования:**Мазур Л.Н. Голод и война 1941–1945 годов: повседневность тылового города в воспоминаниях современников // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 142–156. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-09.pdf>*

L.N. Mazur*

**HUNGER AND WAR 1941–1945:
EVERYDAY LIFE IN A REAR-EARTH CITY
IN THE MEMORIES OF CONTEMPORARIES****

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-9

*How to cite:**Mazur L.N. Hunger and War 1941–1945: Everyday Life in a Rear-Earth City in the Memories of Contemporaries // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 142–156. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-09.pdf>]*

Abstract. The article examines the problem of famine and food supply in a rear-city during the Great Patriotic War, using the case of Sverdlovsk and the Sverdlovsk region and drawing on documented eyewitness accounts, diaries, letters, and archival sources. Particular attention is paid to the functioning of the rationing system, the differentiation of food norms by social group, the work of Workers' Supply Departments, auxiliary farms, the combination of rationing with commercial and black-market trade, and the impact of these mechanisms on the everyday life of different population categories. The author shows that the rationing system sustained urban residents at a borderline level of survival and did not prevent selective famine, primarily among children, the elderly, evacuees, dependents, and rural inhabitants excluded from the rationing system. Based on a large corpus of popular (grassroots) memoirs, the article reconstructs survival practices such as additional earnings, trips to villages to barter clothes for food, blood donation, the development of kitchen gardening, the use of "gifts of nature" and "hunger recipes", including bread substitutes. The study compares urban and rural patterns of famine, revealing the consequences of tax burdens on collective farmers, emergency legislation, and the repressive practice of the "three ears of grain law", which intensified the food crisis in the countryside. Special attention is given to social inequality in access to food, the formation of groups of the "non-hungry" (elites, nomenklatura, defense-industry workers), and abuses within the distribution system. The article concludes that the experience of famine became one of the key elements of the collective memory of rear-area everyday life, giving it a tragic tone and setting the stage for further research on regional specificities of the ethnodemographic transformation of the Urals' population in the 1940s.

Keywords: Great Patriotic War, rear, famine, rationing system, survival practices, urban population.

* Людмила Николаевна Мазур, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: LN.Mazur@urfu.ru

Lyudmila Nikolaevna Mazur, Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: LN.Mazur@urfu.ru

** Тема поддержана грантом РФФИ 26-18-00325 «Особенности этнодемографической трансформации населения Урала в 1850-е–1950-е гг.: факторы и механизмы».

This topic was supported by Russian Science Foundation grant 26-18-00325, "Characteristics of the Ethnodemographic Transformation of the Ural Population in the 1850s–1950s: Factors and Mechanisms".

The article has been received by the editor on 04.04.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На материале Свердловска и Свердловской области анализируется проблема голода и продовольственного обеспечения тылового города в годы Великой Отечественной войны. В качестве основных источников привлечены воспоминания современников, дневники, письма и архивные источники. Особое внимание уделено функционированию карточной системы снабжения, дифференциации норм выдачи продуктов по социальным группам, работе отдела рабочего снабжения, подсобных хозяйств предприятий и учреждений, сочетанию нормированного распределения с коммерческой и «черной» торговлей, а также влиянию этих механизмов на повседневную жизнь разных категорий населения. Показано, что карточная система поддерживала существование значительной части горожан на пограничном уровне выживания и не предотвращала избирательный голод, прежде всего среди детей, престарелых, эвакуированных, иждивенцев и сельских жителей, не охваченных нормированным снабжением. На основе корпуса народных воспоминаний реконструируются практики выживания: дополнительные заработки, поездки в деревню для обмена вещей на продукты, донорство, развитие огородничества, использование «даров природы» и «голодных рецептов», в том числе заменителей хлеба. Сопоставляются городская и сельская модели голода, выявляются последствия налогового обременения колхозников, чрезвычайного законодательства и репрессивной практики, усиливавших продовольственный кризис в деревне. Отдельно рассматривается проблема социального неравенства в доступе к продуктам. На основе анализа нормативных документов и воспоминаний выделены группы «неголодающих» (элита, номенклатура, рабочие оборонных предприятий, снабжаемые по 1-й категории) и роль злоупотреблений в системе распределения. Делается вывод, что опыт голода стал одним из ключевых элементов коллективной памяти о тыловой повседневности, формируя ее трагическое звучание и задавая перспективу дальнейших исследований региональных особенностей этнодемографической трансформации населения Урала в 1940-е годы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, тыл, голод, карточная система, практики выживания, городское население.

Статья поступила в редакцию 04.04.2026 г.

Введение. 85 лет прошло с начала одного из крупнейших военных конфликтов XX века – Великой Отечественной войны, унесшей десятки миллионов человеческих жизней. Память о ней жива, несмотря на то, что представителей военного поколения остается все меньше, а вместе с ними уходит и живая память о войне. Сохранить ее помогают эго-документы – воспоминания, письма и дневники военного времени, находящиеся в семейных архивах. Часть из них передается в государственные архивы и становится достоянием общества, позволяя исследователям прикоснуться к прошлому.

Являясь носителем эмоционально заряженных и устойчивых образов прошлого, личный опыт (живая память), как и произведения литературы и искусства, играет особую роль в процессах формирования коллективной памяти (рис. 1). Она становится тем важнее, чем дальше от нас событие, тем ценнее свидетельства очевидцев.

Объектом исследования в данной статье выступает массив документированных воспоминаний о тыловых буднях промышленного города. Управление архивами Свердловской области и Областной совет ветеранов в 1998 г. через газету обратились к ветеранам войны и тыла с просьбой прислать свои воспоминания в Центр документации общественных орга-

низаций Свердловской области (переименован в апреле 2026 г. в Государственный архив социально-политической истории Свердловской области – ГАСПИСО). Союз ветеранов разработал анкету, в которой были выделены вопросы: сведения об авторе (год рождения, место жительства), начало войны, день Победы, окончание войны, что больше всего запомнилось, награды. Может быть, поэтому один из авторов воспоминаний назвал свою рукопись «исповедью на заданную тему»¹.

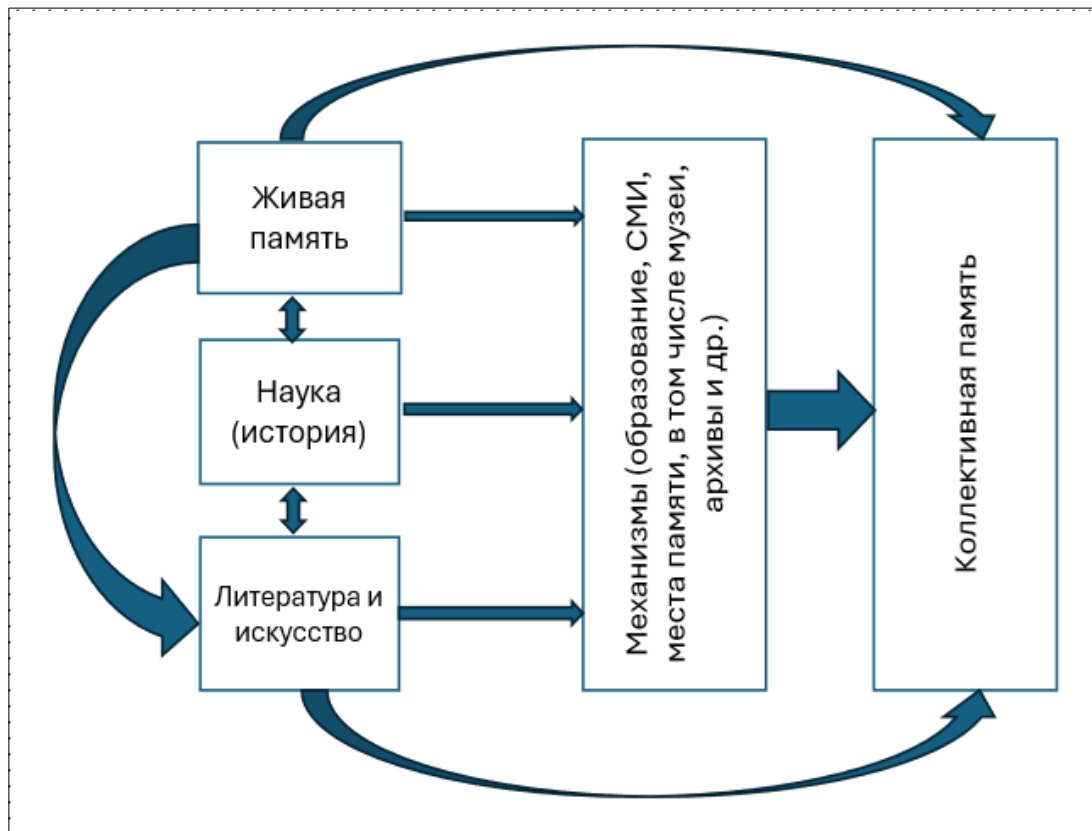

Рис. 1. Схема источников и механизмов формирования коллективной памяти

Откликнулось более 700 авторов, их воспоминания легли в основу нескольких изданий, сформированных по тематическому принципу. Архивом опубликованы два сборника воспоминаний театральных работников². Кроме того, были напечатаны сборники воспоминаний ленинградцев, эвакуированных в Свердловск, и о вкладе радистов в Победу³. Особняком стоит издание воспоминаний тружеников тыла – рабочих, колхозников, учителей, врачей, школьников и студентов, вышедшее из печати в 2000 г.⁴

Опубликованные и сохранившиеся в архиве рукописи⁵ относятся к категории «отложенных» воспоминаний, что накладывает свой отпечаток на избирательность, полноту и достоверность представленной в воспоминаниях картины военного прошлого. Как отмечал один из авторов воспоминаний, *«сейчас, когда прошло более полувека, память сохранила лишь отдельные моменты того времени»*⁶. Вместе с тем такой формат спустя много лет позволяет изучить сохранившиеся в памяти ветеранов образы прошлого. Они отличаются

¹ Государственный архив социально-политической истории Свердловской области (ГАСПИСО). Ф. 1274. Оп. 1. Д. 52. Л. 5.

² См.: Главная в жизни роль... Продолжение. Екатеринбург, 2013; Главная в жизни роль...: сборник воспоминаний. Екатеринбург, 1995.

³ См.: Ленинградская блокада (900 дней и 900 ночей), 1941–1944: сб. Екатеринбург, 1994; Ленинградская блокада (900 дней и 900 ночей 1941–1944 гг.): книга воспоминаний блокадников. Екатеринбург, 1996; Радисты Великой Отечественной – о себе и своих товарищах: воспоминания ветеранов войны. Екатеринбург, 2005.

⁴ Мы приближали победу: Очерки. Воспоминания. Письма. Екатеринбург, 2000.

⁵ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1.

⁶ Мы приближали победу... С. 334.

эмоциональной достоверностью и важны для понимания особенностей тыловых будней. К ним относятся воспоминания о труде «без выходных и отпусков» на пределе человеческих возможностей и голоде – его масштабах и сопутствующих практиках выживания. Это оборотная сторона войны. В тылу война также уносила жизни людей, меняла повседневность, режим труда/отдыха, жизненные приоритеты. Труд и голод – эти два сюжета находятся в центре воспоминаний большинства авторов.

* * *

Наиболее изученной была и остается тема голода в блокадном Ленинграде, свидетельствующая о массовом мужестве и героизме жителей города, оставшегося непобежденным⁷. В 1990–2000-е годы появились публикации воспоминаний и научные труды о голоде в сельской местности как результате налоговой, заготовительной и мобилизационной политики власти⁸. В 2010-е годы их дополнили региональные исследования, в том числе основанные на воспоминаниях и письмах⁹. Проблема голода в тыловом городе стала изучаться в 2000-е годы¹⁰. Ранее эта тема рассматривалась в контексте продовольственного обеспечения населения и введения карточной системы в качестве чрезвычайной меры, гарантирующей от возникновения ситуации системного голода и его последствий¹¹. Среди работ, посвященных проблеме продовольственного обеспечения Свердловска и Свердловской области, следует выделить труды А.В. Сперанского, а также очерк Г. Шантина, основанный на собранных им интервью¹², хранящихся в настоящее время в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и представляющих собой ценные свидетельства о жизни тылового города¹³.

Карточная система продовольственного обеспечения населения: был ли голод в тылу? В 1968 г. вышла монография А.В. Любимова¹⁴ – наркома торговли СССР, непосредственно участвовавшего в годы войны в разработке системы дифференцированного обеспечения населения продуктами питания и промышленными товарами (1941–1947 гг.). В книге бывшего наркома впервые дана детальная характеристика не только структурных элементов

⁷ См., например: Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013; Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб., 2014; и др.

⁸ Вылцан М.А., Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 50–77; Мотревич В.П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003. С. 85–87; Денисевич М.Н. Война и голод // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 89–93; и др.

⁹ Кабирова А.Ш. Продовольственное снабжение населения Татарстана в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 2-2. С. 148–156; Панков С.А. Аграрная экономика Сибири и чрезвычайное законодательство в годы Великой Отечественной войны // Известия Алтайского государственного университета. 2023. № 5 (133). С. 37–41; Шаповалов С.В. «...Ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»: голод в сельской местности Новосибирской области в 1940-е годы [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 163–176. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf> (дата обращения: 31.03.2026); Матлин М.Г. Устные рассказы о голоде 1941–1945 годов как источник изучения повседневности сельского населения Ульяновского Поволжья // Научный диалог. 2018. № 8. С. 147–160.

¹⁰ Будников Ю.И. Перестройка продовольственного снабжения рабочих и служащих Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 21–23; Пушкарев В.С. «Черный рынок» в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // Экономический журнал. 2006. № 12. С. 212–225.

¹¹ Трифонов А.Н. Создание и развитие продовольственной базы промышленных центров Урала в период Великой Отечественной войны // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938–1958). Свердловск, 1982. С. 61–64.

¹² Сперанский А.В. «Кому война, а кому мать родна»: решение продовольственной проблемы в 1941–1945 гг. (на материалах Среднего Урала) // Вызовы времени и социально-историческое знание: теоретико-методологические, конкретно-исторические аспекты, практическое значение: мат-лы Седьмой ежегод. науч. конф. (Екатеринбург, 8 февраля 2018 г.). Екатеринбург, 2018. С. 73–78; Шантин Г. Штрихи из жизни города // Мы приближали победу. Очерки. Воспоминания. Письма. Екатеринбург, 2000. С. 375–396.

¹³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 2766. Оп. 1. Интервью с жителями г. Свердловска (1984–1998).

¹⁴ Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968.

системы, но и принципов и механизмов ее функционирования. Книга презентует взгляд «сверху» на практики нормированного снабжения, но порождает ряд вопросов. Среди них основным вопросом остается обоснование разработанных норм.

А.И. Микоян, автор предисловия к монографии А.В. Любимова, отмечал, что созданная в годы войны карточная система, несмотря на малые нормы, «позволяла жить и работать»¹⁵. Она предусматривала снабжение населения продуктами через закрепленные по месту работы или жительства магазины и столовые. Были определены нормы для отдельных групп населения, установлены дополнительные виды питания для передовиков производства и работающих на особо важных участках. Все городское население было разбито на четыре категории: к первой относились рабочие и инженерно-технические работники (ИТР); ко второй – служащие и приравненные к ним; к третьей – иждивенцы и приравненные к ним; четвертую группу составили дети в возрасте до 12 лет¹⁶. Наряду с выделенными категориями существовали «литерные» и «особые» списки, для которых полагались повышенные нормы потребления продовольственных и промышленных товаров. К ним были отнесены военнослужащие, железнодорожники, заслуженные представители науки, искусства и литературы, номенклатурные работники¹⁷. Частью системы стало обеспечение продовольствием эвакуированных и сельской интеллигенции. В результате она охватила городское и часть сельского населения, за исключением колхозников, которые не имели гарантированного снабжения продуктами.

С целью реализации карточной системы были созданы органы, которые занимались учетом, выдачей карточек и контролем за процессами их распределения. С марта 1942 г. для улучшения снабжения работников при предприятиях были организованы Отделы рабочего снабжения (ОРСы), а также создавались подсобные хозяйства.

Введение карточной системы было вынужденным решением. С первых дней войны с продуктами в тылу возникли вполне ожидаемые сложности. Все стремились запастись впрок, у магазинов выросли «огромные очереди за маслом, хлебом и другими продуктами»¹⁸.

Первым делом карточки были введены в Москве и Ленинграде (июль-август 1941 г.). Нормированное распределение коснулось 12 видов продуктов питания – хлеба, муки, крупы, сахара, кондитерских изделий, мяса и рыбы. Из промышленных товаров талоны были распространены на ткани, обувь, мыло¹⁹. С ноября 1941 г. карточная система охватила практически все городское население страны и вводила нормы на десятки видов товаров.

В 1942 г. дневной паек для рабочих и ИТР составлял 800 г хлеба на день по первой категории и 600 г – по второй. Служащие получали 500 г хлеба в день по первой категории и 400 г – по второй. Иждивенцы и дети в возрасте до 12 лет ежедневно получали 400 г хлеба²⁰. Нормы могли пересматриваться. Так, засуха 1943 года привела к снижению нормы отпуска хлеба: для рабочих – до 500 г хлеба в день, для служащих – 400 г, для детей и иждивенцев – до 300 г.²¹ Помимо основных продуктовых карточек, правительством были установлены различные виды дополнительного питания: второе горячее питание, холодные завтраки, дополнительный хлеб, усиленное диетическое питание и др.²²

Введение карточной системы и нормы снабжения хлебом сохранились в памяти всех авторов воспоминаний: «Жизнь резко изменилась. Появились продуктовые карточки.

¹⁵ Любимов А.В. Торговля и снабжение... С. 5.

¹⁶ Краткий справочник по отнесению населения к группам по снабжению при выдаче продовольственных и промтоварных карточек, утв. НК торговли СССР 20 июля 1942 г. // Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Ленинград, 1945. С. 64.

¹⁷ О снабжении работников науки, искусства и литературы: приказ Наркома торговли СССР № 480 от 7 октября 1944 г. // Сборник важнейших приказов и инструкций... С. 118–126.

¹⁸ Шантин Г. Штрихи из жизни города... С. 376.

¹⁹ Любимов А.В. Торговля и снабжение... С. 21.

²⁰ Там же. С. 28.

²¹ Там же. С. 29.

²² О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий: приказ Народного Комиссариата торговли Союза ССР № 356 от 24 октября 1942 г. // Сборник важнейших приказов... С. 94–97.

Я как токарь-оператор получал 800 граммов хлеба, а остальные продукты тогда, когда они были. Конечно, питания не хватало» (В. Плешаков)²³. На первый взгляд хлеба полагалось достаточно много, но в условиях, когда получение других продуктов не гарантировалось, неизбежно менялась структура питания и даже максимальной нормы хлеба было мало для удовлетворения текущих потребностей. *«По рабочей карточке мы получали по 800 граммов хлеба в день, – сообщает Б. Гребнев. – Первое время съесть такое количество мы не могли, и казалось, что норма завышена. Но по мере того как приварок сокращался, хлеба все больше недоставало»*²⁴.

Свердловск входил в перечень городов, где по карточкам предоставлялся расширенный список продуктов²⁵. Для рабочих I категории, трудившихся на оборонных заводах, полагалось 2 кг мяса, 600 г жиров, 1,5 кг крупы или макаронных изделий в месяц и 700 г хлеба в сутки. Работники остальных промышленных предприятий, отнесенные ко II категории, получали карточки на 1,8 кг мяса, 400 г жиров, 1,2 кг крупы или макаронных изделий в месяц и 600 г хлеба в сутки²⁶.

Насколько карточная система гарантировала потребление положенных по нормативам продуктов? Все зависело от наличия товарных фондов и их доступности – серьезной проблемой были очереди. В результате часть карточек могла остаться неотоженной. Их можно было сдать в столовую в обмен на горячие обеды²⁷.

Нормированному распределению подлежали и промышленные товары. Талоны на одежду, обувь, ткани и другие товары выдавались на 6–9 месяцев. Карточка имела определенное количество купонов-единиц: для рабочих и ИТР – 125, для служащих – 100, для иждивенцев и детей – 80. Приобретая, например, пару обуви, покупатель оплачивал ее стоимость и должен был сдать 50 купонов²⁸. Однако получение промтоваров также не гарантировалось, все зависело от их наличия в магазинах. В дополнение к карточкам некоторые категории населения получали ордера и лимитированные талоны на определенные товары. Показательна история, рассказанная З. Лубегиной²⁹:

«Однажды мне вручили приглашение в военкомат, а это значило, что я получу талон на что-то из промышленных товаров. Прихожу в отдел кадров, здороваюсь. Начальник отдела кадров молчит. Я села на стул и спрашиваю, для чего меня пригласили? И тут состоялся разговор, который буквально потряс меня.

– У вас муж еще жив?

– Да, – отвечаю я, – по крайней мере получила недавно письмо от него.

– Так зачем же вы пришли ко мне?

– Я получила ваше приглашение.

*– И напрасно пришли. Талоны выдаем только тем, у кого муж погиб»*³⁰.

Одновременно с введением карточек сохранялось определенное количество магазинов, кафе, ресторанов, буфетов, торговавших без карточек по повышенным ценам. Постановлением Совнаркома СССР от 8 апреля 1942 г. были установлены коммерческие цены на все важнейшие промышленные товары. Разрешенная коммерческая, комиссионная и рыночная торговля выступала дополнением к карточной системе, помогая компенсировать ее недостатки и удовлетворять спрос платежеспособной части населения³¹.

²³ Мы приближали победу... С. 67.

²⁴ Там же. С. 337.

²⁵ Список городов, в которых выдаются карточки на некоторые продовольственные товары // Сборник важнейших приказов... С. 35.

²⁶ Будников Ю.И. Перестройка продовольственного снабжения... С. 21–23.

²⁷ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–6.

²⁸ Любимов А.В. Торговля и снабжение... С. 41–42.

²⁹ Лубегина Зоя Петровна (1919–2012 гг.) – доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, капитан медицинской службы. В июле 1942 г. была демобилизована, вернулась в Свердловск и была зачислена в штат Уральского научно-исследовательского института травматологии и ортопедии врачом-интерном. С 1959 по 1985 год З.П. Лубегина была директором Свердловского НИИ травматологии и ортопедии.

³⁰ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–8.

К 1943 г. система снабжения была в основном отлажена и работала вполне стабильно, поддерживая жизненные силы населения городов, но на пограничном уровне. Характерно, что рядом с воспоминаниями о голоде, как правило, упоминается усталость от тяжелой работы и холод. Эти три эмоции определяют образ военной тыловой повседневности.

«От недоедания некоторые страдали дистрофией. Были в цехах и голодные обмороки. В таких случаях пострадавшего уносили в медпункт, ставили какой-то укол, давали отдохнуть минут тридцать – и снова на рабочее место. В лучшем случае полагался талон на чашку супа, который можно было просто выпить, ложка не требовалась. Но все мы: и мужчины (как правило, в возрасте 55–60 лет), и женщины, и наш брат – подростки, несмотря на тяжесть труда, его интенсивность, недоедание, были полны решимости работать», – пишет В. Плешаков³².

Расстояние между чувством недоедания и голодом достаточно условно. Значение имеет продолжительность недоедания, состояние здоровья. Малейшее отклонение – утрата карточек, болезнь, перераспределение имеющихся ресурсов (например, повышение налогов, уход на фронт кормильца) – могло привести к ситуации физического голодания и трагическим последствиям.

Наиболее распространенной угрозой была утрата карточек в результате воровства или по рассеянности. Эта опасность грозила всем и служила основанием для разработки официальных и неофициальных практик помощи пострадавшим³³. Так, негласным правилом было не брать с собой месячный комплект карточек, отоваривая их по частям³⁴. В случае беды спасала взаимовыручка, поддержка со стороны власти и общественности. Вспоминая ситуацию с утратой десятидневного пакета карточек, Н. Толмачева сообщает: *«Какие-то талоны нам дали в прокуратуре – не то на крупу, не то в столовую»³⁵*. О коллективной поддержке свидетельствует В. Ваша: *«Было большое горе, если кто-то терял карточку на хлеб, приходилось всем коллективом выручать пострадавшего, кто чем мог»³⁶*. Но для кого-то утрата карточек была последней каплей и становилась причиной самоубийства, преступных действий или несчастного случая³⁷.

Продовольственные карточки, зерно или другие продукты можно было купить на черном рынке. *«На Щорсовском рынке, – вспоминает М. Старцева, – мама изредка покупала стакан овса, мы его мололи, варили. Однажды купила чекушку масла, а оказалась кас-торка»³⁸*. Не всем рыночные цены были по карману. Цена одной продуктовой карточки доходила до 500 руб., что соответствовало средней месячной заработной плате рабочего. *«Цены на рынке ужасные, – вспоминает З. Лубегина, – килограмм масла стоил тысячу рублей, килограмм картошки – восемьдесят рублей, литр молока – тоже восемьдесят. Я однажды хотела продать буханку хлеба (она стоила двести-триста рублей), но не осмелилась»³⁹*.

* * *

Оценивая значение созданной в годы войны системы нормированного распределения продуктов питания, нужно подчеркнуть ее неизбежность в условиях ограниченности ресурсов и утраты важнейших сельскохозяйственных районов в результате оккупации.

³¹ Бизин А.С. Государственная коммерция продовольствием в первые послевоенные годы (на материалах Ленинграда) // Метаморфозы истории. 2023. № 27. С. 7; Твердюкова Е.Д. Комиссионная торговля в советской России–СССР (1917–1991) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 4. С. 84.

³² Мы приближали победу... С. 67–68.

³³ Инструкция о порядке выдачи, учета и хранения карточек на нормированные товары и о порядке отпуска нормированных товаров в торговой сети, утв. Приказом Наркомторга СССР № 380 от 13 ноября 1942 г. // Сборник важнейших приказов... С. 12.

³⁴ Мы приближали победу... С. 385.

³⁵ Там же. С. 373–374.

³⁶ Там же. С. 430.

³⁷ Там же. С. 186, 374, 385–387, 489.

³⁸ Там же. С. 485.

³⁹ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

Тем не менее остается вопрос, насколько карточная система была гарантией от голода? В.С. Пушкарев приводит следующие данные: в ноябре 1944 г. из 23,745 млн занятых на производстве в тылу и получавших паек 12,5 млн человек получали 500 г хлеба в день, а повышенные нормы (800–1 000 г хлеба) – 1,5 млн человек⁴⁰, т.е. среди тех, кто получал карточки, только 6,3 % снабжались по 1-му разряду, остальные лишь наполовину были обеспечены продуктами питания, и еще оставались миллионы колхозников и других категорий населения, которые не были охвачены карточной системой.

Был ли голод? Об этом лучше всего свидетельствует взгляд со стороны. Тяжелая ситуация с питанием сразу бросалась в глаза тем, кто возвращался с фронта. Из воспоминаний З. Лубегиной, в 1942 г. приехавшей из действующей армии в Свердловск:

«Когда мы были на фронте, мы совершенно не знали, как живут наши семьи в тылу, а семьи не знали о нас... И вот я дома. Встретили меня с радостью, но дома было плохо. Папу, больного туберкулезом легких, призвали на трудовой фронт – охранять заключенных. Я ужаснулась, посмотрев на его отекавшие ноги. Папа выглядел стариком, мама – чуть лучше. Через некоторое время папу освободили, а фабрика [Уралобувь], на которой он работал, направила его в подсобное хозяйство. Моя сестра студентка стала донором. Сдавала кровь ежемесячно, несмотря на низкое содержание гемоглобина. Она получала так называемую шахтерскую карточку на хлеб (800 граммов) и обед в день сдачи крови. У нее были частые обмороки. Младшая сестра, тоже студентка, переносила недоедание легче. Продовольственные карточки отоваривали плохо: за хлебом приходилось стоять два-три часа, вместо мяса давали лебедя, вместо сахара конфеты-подушечки, почему-то пересыпанные махоркой. Словом, мы голодали»⁴¹. О голоде как черте повседневности говорят и другие авторы воспоминаний: «На второй год войны начали сказываться лишения, которые приходилось переживать людям: падали в голодные обмороки, опухали»⁴².

Еще более трагичную картину увидел А.И. Шишкин, воевавший на Карельском фронте и приехавший в мае 1945 г. в Архангельск на побывку к отцу: «...мы не могли ничем помочь. В результате в период войны умерла у меня сестра, мама... У отца я один остался...»⁴³.

Упоминания о голоде встречаются в письмах на фронт: «скорее всего не выживем, поскольку у нас в третий раз украли хлебные карточки, а рабочий паек матери слишком мал» (1942 г.)⁴⁴; «жизнь очень скудна и бедна, потому что нет ни хлеба, ни картофеля» (1944 г.)⁴⁵. Родные старались не огорчать тех, кто находился на фронте, тем ценнее эти свидетельства для нас – они как крик о помощи, жест отчаяния.

Практики выживания. Тяжелая продовольственная ситуация вынуждала искать дополнительные способы получения питания. Среди общепринятых практик, о которых рассказывают авторы воспоминаний, следует отметить поиски дополнительных заработков, «экспедиции» в отдаленные деревни для обмена вещей на продукты, донорство, разведение огородов, продажу на рынке личных вещей или сдачу их в комиссионные магазины, использование в пищу различных «даров природы» – заменителей хлеба.

В воспоминаниях часто встречаются рассказы об успешных/неуспешных походах в деревню с целью обмена вещей на овощи, масло, мясо и другие сельскохозяйственные продукты. Об этом написала, например, М.И. Кутырева (Осокина): «У меня осталось только одно платье, так как остальные пришлось отвезти в деревню на обмен. Пока едешь на подножке вагона из деревни, картофель замерзнет, но мы – я и младшая сестра – все равно его ели»⁴⁶. Похожая история изложена в воспоминаниях З. Лубегиной: «Чтобы чем-то накормить семью, мама с соседкой поехали на электричке в деревню. Была уже

⁴⁰ Пушкарев В.С. «Черный рынок» в СССР... С. 213.

⁴¹ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁴² Мы приближали победу... С. 151.

⁴³ Цит. по: Хатанзейская Е.В. Архангельск в 1939–1945 гг.: милитаризация управленческих практик и городская повседневность военного времени // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2020. № 2. С. 361.

⁴⁴ С правдой о войне. Письма 1941–1945 гг.: сб. док-тов. Орел, 2015. С. 131.

⁴⁵ Там же. С. 134.

⁴⁶ Мы приближали победу... С. 388.

поздняя осень, ветер, холод, а в вагон не зайти – переполнен. Так и ехали на подножке. Приехали в деревню за картошкой, но не тут-то было. Постучали в калитку – молчание в ответ. Только одна женщина позволила перекопать огород: если что найдут, могут взять. Прокопав целый день, собрали полведра. Но были рады и этому»⁴⁷.

Студенческие воспоминания полны сюжетами о дополнительных местах работы ради получения карточки рабочего с нормами снабжения в два раза выше студенческой⁴⁸, о тяжелом труде на полях колхозов, который в известной мере вознаграждался возможностью «подкормиться». Другим способом получения дополнительного питания было донорство: число доноров постоянно росло и значительную их часть составляли студенты. Из дневника И. Гордеевой:

«1942 год, февраль. Мы, студенты, стали донорами. У меня группа крови 1А – наиболее ходовая. Сдавать кровь будем через месяц. Ночью работали на строительстве завода около плотины городского пруда, таскали на носилках кирпичи. За это нам дали по куску хлеба и по сосиске; я принесла это домой, дети были очень рады лакомству. <...> После сдачи крови нам выдают надбавку к хлебной карточке в течение месяца по 100 граммов на день. Такое богатство! Три килограмма! Конечно, весь мой хлеб мы выкупали сразу же и для полного счастья шли в кино»⁴⁹.

«1942 год, октябрь. Уже три месяца работаем в колхозе, еще не убран картофель. Здесь сытнее, вдоволь едим картошку. Чему только не научилась я за этот колхозный сезон!»⁵⁰.

Для многих горожан спасением стали огороды. В 1942 г. было принято постановление, в соответствии с которым свободные земли в черте и вокруг городов стали нарезать под огороды и передавать предприятиям. Участки земли площадью до 0,15 га распределялись между работниками через профсоюз с условием сдачи государству части урожая по нормам, установленным для личных подсобных хозяйств⁵¹. Любопытно, что в памяти горожан сохранились проблемы, связанные с освоением сельскохозяйственных навыков, но отсутствуют воспоминания о сдаче госпоставок.

«В первый год войны у нас не было своего земельного участка. Весной нам его дали, мы приложили много усилий для его разработки. Работали до кровавых мозолей, зато потом с питанием стало легче»⁵², – вспоминает Е. Ведерникова. Свою огородную историю изложила З. Лубегина: «Папа задумал посадить картофель на маленьком клочке земли около дома. С сырого клубня сначала срезали верхушку, затем глазки, а что оставалось – в еду. Посадили и ждали урожая – пусть немного, но все же подспорье. Пришла пора уборки. Мы уговаривали папу выкопать картошку сегодня, но папа решил убрать завтра. А на завтра... Кто-то ночью выкопал наш урожай. Жаль было отца, себя»⁵³.

Голодные военные годы способствовали развитию огородничества. Так, если в 1940 г. на Урале имели огороды 37,4 % горожан, то в 1945 г. – 77,3 %⁵⁴, а площадь посадок в личных хозяйствах увеличилась на 44,8 % (с 301,2 тыс. до 436,4 тыс. га)⁵⁵.

Голодные рецепты. Воспоминания о голоде, как правило, сопровождаются рассказами кулинарного характера с упоминанием тех блюд, которые в условиях дефицита продуктов заменяли привычное меню и в конечном счете формировали повседневный рацион.

⁴⁷ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

⁴⁸ Мы приближали победу... С. 50.

⁴⁹ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 444 от 7 апреля 1942 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/243872-o-vydelenii-zemel-dlya-podsobnyh-hozyaystv-i-pod-ogorodov-rabochih-i-sluzhaschih-postanovlenie-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-locale-nil-444-ot-7-aprelya-1942-g> (дата обращения: 31.03.2026).

⁵² Мы приближали победу... С. 421–422.

⁵³ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

⁵⁴ Трифонов А.Н. Создание и развитие продовольственной базы... С. 64.

⁵⁵ Сперанский А.В. «Кому война, а кому мать родна»... С. 74.

Описание приготовления пищи наполнено деталями и эмоциями, предвкушением трапезы, заставляя сопереживать автору. Подробный рассказ о технологии получения муки из собранных колосков можно найти в воспоминаниях Н. Гарельшевой:

«Сначала колоски долго перетираешь руками, чтобы вылущить все до последнего зернышка. Затем зерно надо отвеять. Делалось это так: кладешь на землю тряпицу большую и с высоты своего роста сыплешь зерно из миски на тряпицу. При малейшем ветерке шелуха отлетает в сторону, а зерно падает вертикально. Если нет ветра, эту процедуру приходилось повторять несколько раз.

Теперь, когда зерно очищено, его надо перемолоть на жерновах вручную на несколько раз, чтобы мука на лепешки была и на кашу хватало. Жернова большие, тяжелые. У меня ни длины рук, ни силы не хватало: приходилось крутиться вокруг жерновов. И наступает, наконец, священный момент: помол просеивается. Мукой это назвать, конечно, можно только условно. Лепешки пекутся прямо на вымытой плите. Из крупного зерна варим кашу»⁵⁶.

Особое место в этих воспоминаниях отводится описанию даров природы и личного хозяйства, которые разнообразили скудный рацион: «Грибов, конечно, ели досыта. На зиму немного сушили, а вот посолить было нечем: соль ценилась на вес золота. Чтобы сэкономить ее, по несколько раз в одной воде варили картошку, подсаливая лишь чуть-чуть. Когда в огородах появлялась зелень – горох, бобы, первые тонкие хвостики моркови – все ели, не дожидаясь полной спелости»⁵⁷.

Среди рецептов «вкуснятины» военной поры нередко упоминаются «завариха» – мука, заваренная кипятком, а также супы из крапивы и лебеды, оладьи из картофельной кожуры⁵⁸. Рассказ о «голодных» рецептах, как правило, эмоционально окрашен в теплые цвета благодарности за спасение от голодной смерти.

Кто не голодал? Чрезвычайные ситуации, в частности военное положение, неизменно способствуют росту неравенства и поляризации общества. Заметнее всего неравенство было в столице и крупных городах – областных центрах. Особенно остро оно воспринималось на фоне общего обнищания. З. Лубегина вспоминает: «Я долго ходила в армейских сапогах и шинели, но сшить пальто было невозможно. Чувствовала обиду – некоторые были хорошо одеты, носили даже дорогие украшения, а я как Золушка. <...> Основная часть жителей и мерзла, и голодала...»⁵⁹.

Поляризация населения так или иначе была связана с доступностью продовольствия и промышленных товаров. Она определяла границу между «голодающими» и «неголодающими». К социальной группе «неголодающих» можно отнести:

во-первых, военную, политическую, научную и творческую элиты, высшую партийно-хозяйственную номенклатуру и членов их семей, включенных в особые или литерные списки и снабжаемых через закрытые распределители;

во-вторых, рабочих и ИТР оборонных предприятий, железнодорожного транспорта, снабжаемых по нормам группы рабочих (1-я категория).

Все перечисленные выше социальные группы не голодали на «законных» основаниях, пользуясь льготным режимом сверхнормативного или нормативного снабжения.

Определенными возможностями располагали руководители и главные специалисты промышленных оборонных предприятий и организаций, где были организованы так называемые директорские столовые, по своему меню отличные от рабочих. И. Левит сохранил в памяти такой случай: «Вернулся я в Свердловск несолоно хлебавши, правда покормили меня в директорской столовой отлично и без карточек. На десерт дали настоящий кофе со сливками и маленькую плитку шоколада. (Я спрятал ее для сынишки Вовы)»⁶⁰.

⁵⁶ Мы приближали победу... С. 403–405.

⁵⁷ Там же. С. 405.

⁵⁸ Там же. С. 293–294, 300; и др.

⁵⁹ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

⁶⁰ Мы приближали победу... С. 117.

К «неголодающим», по свидетельству А. Яновской, относились также те, кто «жил в своих домах. Многие домохозяйки не работали на производстве, имели свой огород, корову, кур, а может и другую живность. Они продавали молоко, картошку»⁶¹. Характеристика этой социальной группы связана скорее с практиками трудовой мобилизации, которая охватывала трудоспособное население, т.е. мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет. Под призыв не попадали, кроме старших возрастных категорий, жены военнослужащих, номенклатурных работников, многодетные матери, учащиеся, инвалиды⁶².

Помимо «неголодающих» на законных основаниях, выделялся круг лиц, имевших доступ к продовольственным ресурсам. Такая ситуация складывалась вокруг ОРСов, коммерческих отделов, магазинов, столовых и других точек распределения продовольствия и карточек, где имелась возможность «присвоения себе продовольственных товаров, карточек, отпуска продовольственных товаров по запискам без карточек»⁶³. Использовались также технологии обмана покупателей – обмеривание, обвешивание и обсчет, незаконная выдача/продажа продовольственных карточек.

Здесь следует отметить, что работники торговли и общественного питания снабжались по группе рабочих (2-я категория), т.е. находились в зоне риска, как и рабочие предприятий пищевой, легкой и хлебной промышленности. Имея доступ к продуктам питания или промышленным товарам, они нередко использовали их для личного потребления или в коммерческих целях. По наблюдениям Е.З. Гомельской, на рынке торговали «разные люди: работники столовых, магазинов или связанные с ними; пьяницы, чтобы выпить; воры, укравшие чужие карточки»⁶⁴. Отношение к данной категории лиц было негативным, что видно из рассказа З. Лубегиной об эвакуированных соседях по квартире: «Я не знаю, работал ли Борис, но его жена Люба устроилась в столовую и вечером приносила трехлитровый бидон с едой. Борис приходил на кухню, шлепал ладонями по животу и говорил: “Ну и нажрался”. Остатки выливали в унитаз»⁶⁵.

Город и деревня: особенности голода. Голод был приметой городской и сельской повседневности, но по-разному. В городе голод грозил наиболее незащищенным категориям населения, нормы обеспечения которых были пограничными. В наиболее сложной ситуации находились многодетные семьи, потерявшие кормильца и оставшиеся без поддержки близких.

Распространение голода среди городского населения зависело от ряда факторов – категории снабжения, статуса и возможностей предприятия (места работы), социально-демографических характеристик семьи – количества работников, их трудовой нагрузки (число едоков на одного работника) и половозрастного состава.

Трудности военного времени возрождали практики семейной кооперации, когда все члены семьи от детей до стариков брали на себя определенные заботы: трудоспособные, преимущественно женщины, практически круглосуточно находились на рабочем месте – в заводских цехах, нередко здесь же и отдыхая. Дети и старики стояли в очередях, чтобы отоварить карточки, работали в огороде, возрождая забытые крестьянские трудовые практики, вели домашнее хозяйство. Но и семейная кооперация не была гарантией благополучия, война объективно ослабляла семью, забирая мужей и отцов в армию и увеличивая трудовую нагрузку на женщин и подростков.

⁶¹ Мы приближали победу... С. 91.

⁶² О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве: Указ Президиума Верховного Совета СССР № 160/1 от 13 февраля 1942 г. [Электронный ресурс] // Федеральное государственное бюджетное учреждение «Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина». URL: <https://www.prilib.ru/item/1350197> (дата обращения: 05.04.2026); Гончаров Г.А. Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 6-1. С. 183–186.

⁶³ Хатанзейская Е.В. Архангельск в 1939–1945 гг. ... С. 360.

⁶⁴ Мы приближали победу... С. 384–385.

⁶⁵ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

Несколько по-иному складывалась ситуация в сельской местности в среде колхозников. Как уже было отмечено, государство централизованно не обеспечивало их ни зерном, ни какими-либо другими продуктами, за исключением посевного материала. Распределение по трудодням оставалось скудным и охватывало только тех, кто выработал минимум. Кормились преимущественно продуктами со своего личного хозяйства, которое обеспечивало семью колхозников не только овощами, мясом и молоком, но и ремесленными изделиями, что фактически означало возврат к натуральному хозяйству.

О тяжелой ситуации с продовольствием в тыловой деревне свидетельствует рост правонарушений по закону «о трех колосках». Среди осужденных преобладали женщины, которые ради пропитания своих детей решались на воровство хлеба⁶⁶. Архивные документы полны свидетельств о нищете в среде крестьян, массовой дистрофии, случаях суицида и убийства детей⁶⁷.

К наиболее травматичным моментам относятся рассказы о конфискации продуктов и вещей в счет погашения долгов по налогам. В первую очередь забирали скот, птицу и сельскохозяйственные продукты⁶⁸. *«Деревенские жители неукоснительно должны были сдать налоги: молоко, мясо, шерсть и яйца. У селян мало что оставалось, жили они, как и мы, впроголодь»*, – пишет Т. Городенцева-Троицкая⁶⁹.

Несмотря на то, что и горожане, и жители села считали по поводу друг друга, что *«там – в городе/селе – легче выжить»*, поскольку в городе есть гарантированные карточки на продукты, а в деревне все свое, тяжело было везде.

Голод и его последствия. Анализируя положение с продовольствием в тыловом городе, можно констатировать, что голод не носил тотального характера и затронул наиболее незащищенные социальные группы, которые между тем составляли большинство населения. Может быть, поэтому тема голода в годы войны в тыловых воспоминаниях приобрела трагическое звучание.

Последствия голода находили свое выражение в массовом распространении дистрофии, цинги и повышении уровня смертности. В дневнике И. Гордеевой находим убедительное свидетельство голода: *«В нашем же бараке лежит женщина с тяжелой формой дистрофии. Поперек кровати в ногах у нее – ребенок лет трех. Он не ходит. Рядом с ней лежит малыш, который все время хватает и тянет в рот ее пустую грудь, замолкая при этом на секунды, а потом снова жадно скулит, как щенок. И так беспрерывно»*⁷⁰.

Таким образом, голод носил избирательный характер и касался прежде всего детей, престарелых, эвакуированных. Карточная система позволяла поддерживать силы на пограничном уровне. Это чувство существования на грани выживания очень ярко передают сохранившиеся воспоминания:

«Работали мы без отпусков, почти без выходных, по 12 часов <...>. И постоянно хотелось есть. Иногда нам давали талоны УДП (усиленное дополнительное питание); мы их называли “умрешь днем позже”. На талон в столовой выдавали миску с баландой – так мы называли супчик-лапшу из ржаных отрубей. Для больных дистрофией на территории завода было отведено одноэтажное здание. Часто можно было видеть, как еще днем стоявшие штабелями у стены здания гробы исчезали за ночь – умерших от голода ночью вывозили на кладбище» (В. Полякова)⁷¹.

Воспоминания содержат не только факты из повседневной жизни, но и эмоции, которые оживляют прошлое, делая его близким и понятным спустя много лет. Они дополняют официальную версию событий и предлагают взгляд изнутри – о чем думал и что делал обычный человек в нечеловеческих условиях.

⁶⁶ Кабирова А.Ш. Продовольственное снабжение населения... С. 154.

⁶⁷ Сперанский А.В. «Кому война, а кому мать родна»... С. 75–76.

⁶⁸ Матлин М.Г. Устные рассказы о голоде... С. 153; Мы приближали победу... С. 454.

⁶⁹ Мы приближали победу... С. 293.

⁷⁰ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.

⁷¹ Мы приближали победу... С. 149.

Литература

Бизин А.С. Государственная коммерция продовольствием в первые послевоенные годы (на материалах Ленинграда) // *Метаморфозы истории*. 2023. № 27. С. 1–15.

Будников Ю.И. Перестройка продовольственного снабжения рабочих и служащих Урала в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 21–23.

Вылцан М.А., Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // *Война и общество, 1941–1945: в 2 кн.* М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 50–77.

Главная в жизни роль...: сборник воспоминаний / сост. Н. Коляда. Екатеринбург, 1995. 333 с.

Главная в жизни роль... Продолжение / сост. И.А. Клепикова. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. 190 с.

Гончаров Г.А. Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2006. № 6-1. С. 183–186.

Денисевич М.Н. Война и голод // *Урал в Великой Отечественной войне*. Екатеринбург: УрО РАН, Институт истории и археологии, 1995. С. 89–93.

Кабинова А.Ш. Продовольственное снабжение населения Татарстана в годы Великой Отечественной войны // *Ученые записки Казанского университета*. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 2-2. С. 148–156.

Ленинградская блокада (900 дней и 900 ночей), 1941–1944: сб. / сост. В.А. Гетманская, А.И. Глухих. Екатеринбург: Диамант, 1994. 34 с.

Ленинградская блокада (900 дней и 900 ночей 1941–1944 гг.): книга воспоминаний блокадников / сост. В.А. Гетманская. Екатеринбург: Диамант, 1996. 51 с.

Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб.: Аврора-Дизайн, 2014. 358 с.

Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 231 с.

Матлин М.Г. Устные рассказы о голоде 1941–1945 годов как источник изучения повседневности сельского населения Ульяновского Поволжья // *Научный диалог*. 2018. № 8. С. 147–160.

Мотревич В.П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // *Урал в военной истории России: традиции и современность*. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2003. С. 85–87.

Мы приближали победу: Очерки. Воспоминания. Письма / отв. ред. Н.С. Толмачева. Екатеринбург: АРД ЛТД, 2000. 526 с.

Папков С.А. Аграрная экономика Сибири и чрезвычайное законодательство в годы Великой Отечественной войны // *Известия Алтайского государственного университета*. 2023. № 5 (133). С. 37–41.

Пушкарев В.С. «Черный рынок» в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // *Экономический журнал*. 2006. № 12. С. 212–225.

Радисты Великой Отечественной – о себе и своих товарищах: Воспоминания ветеранов войны / сост. А.А. Кочурин. Екатеринбург, Изд-во «Банк культурной информации». 2005. 120 с.

С правдой о войне. Письма 1941–1945 гг.: сб. док-тов / пред. редкол. Ю.В. Опарина. Орел, 2015. 227 с.

Сперанский А.В. «Кому война, а кому мать родна»: решение продовольственной проблемы в 1941–1945 гг. (на материалах Среднего Урала) // *Вызовы времени и социально-историческое знание: теоретико-методологические, конкретно-исторические аспекты, практическое значение: мат-лы Седьмой ежегод. науч. конф. (Екатеринбург, 8 февраля 2018 г.)*. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2018. С. 73–78.

Твердюкова Е.Д. Комиссионная торговля в советской России–СССР (1917–1991) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 4. С. 80–89.

Трифонов А.Н. Создание и развитие продовольственной базы промышленных центров Урала в период Великой Отечественной войны // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938–1958). Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. С. 61–64.

Хатанзейская Е.В. Архангельск в 1939–1945 гг.: милитаризация управленческих практик и городская повседневность военного времени // *Historia Provinciae* – Журнал региональной истории. 2020. Т. 4, № 2. С. 340–391.

Шантин Г. Штрихи из жизни города // Мы приближали победу. Очерки. Воспоминания. Письма / ред. Н.С. Толмачева. Екатеринбург, 2000. С. 375–396.

Шарапов С.В. «...Ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»: голод в сельской местности Новосибирской области в 1940-е годы [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 163–176. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf> (дата обращения: 31.03.2026).

Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013. 313 с.

References

Bizin, A.S. (2023). Gosudarstvennaya kommersiya prodovol'stviem v pervye poslevoennye gody (na materialakh Leningrada) [State Commerce with Food in the First Post-War Years (Based on Materials from Leningrad)]. In *Metamorfozy istorii*. No. 27, pp. 1–15.

Budnikov, Yu.I. (2013). Perestroyka prodovol'stvennogo snabzheniya rabochikh i sluzhashchikh Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Reorganization of Food Supply for Workers and Employees of the Urals during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. No. 2, pp. 21–23.

Denisevich, M.N. (1995). Voyna i golod [War and Famine]. In *Ural v Velikoy Otechestvennoy voyne*. Yekaterinburg, UrO RAN, Institut istorii i arkheologii, pp. 89–93.

Getmanskaya, V.A. (Ed.). (1996). *Leningradskaya blokada (900 dney i 900 nochey 1941–1944 gg.)* [The Leningrad Blockade (900 Days and 900 Nights 1941–1944)]. Yekaterinburg, Diamant. 51 p.

Getmanskaya, V.A., Glukhikh, A.I. (Eds.) (1994). *Leningradskaya blokada (900 dney i 900 nochey), 1941–1944* [The Leningrad Blockade (900 Days and 900 Nights), 1941–1944]. Yekaterinburg, Diamant. 34 p.

Goncharov, G.A. (2006). Trudovaya mobilizatsiya sovetskikh grazhdan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Labor Mobilization of Soviet Citizens during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In *Vestnik Orenburzhskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 6-1, pp. 183–186.

Kabirova, A.Sh. (2009). Prodovol'stvennoe snabzhenie naseleniya Tatarstana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Food Supply of the Population of Tatarstan During the Great Patriotic War]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. No. 2-2, pp. 148–156.

Khatanzeyskaya, E.V. (2020). Arkhangel'sk v 1939–1945 gg.: militarizatsiya upravlencheskikh praktik i gorodskaya povsednevnost' voennogo vremeni [Arkhangelsk in 1939–1945: Militarization of Administrative Practices and Urban Everyday Life in Wartime]. In *Historia Provinciae – Zhurnal regional'noy istorii*. Vol. 4, No. 2, pp. 340–391.

Klepikova, I.A. (Ed.). (2013). *Glavnaya v zhizni rol'... Prodolzhenie* [The Main Role in Life... Continuation]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo AMB. 190 p.

Kochurin, A.A. (Ed.). (2005). *Radisty Velikoy Otechestvennoy – o sebe i svoikh tovarishchakh* [Radio Operators of the Great Patriotic War – about Themselves and Their Comrades]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo "Bank kul'turnoy informatsii". 120 p.

Kolyada, N.V. (Ed.) (1995). *Glavnaya v zhizni rol'...: sbornik vospominaniy* [The Main Role in Life...: Collection of Memoirs]. Yekaterinburg. 333 p.

Lomagin, N.A. (2014). *V tiskakh goloda. Blokada Leningrada v dokumentakh germanskikh spetssluzhb, NKVD i pis'makh leningradtsev* [In the Grip of Hunger. The Siege of Leningrad in Documents of German Intelligence Services, the NKVD, and Letters of Leningrad Residents]. St. Petersburg, Avrora-Dizayn. 358 p.

Lyubimov, A.V. (1968). *Torgovlya i snabzhenie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Trade and Supply During the Great Patriotic War]. Moscow, Ekonomika. 231 p.

Matlin, M.G. (2018). Ustnye rasskazy o golode 1941–1945 godov kak istochnik izucheniya povsednevnosti sel'skogo naseleniya Ul'yanovskogo Povolzh'ya [Oral Stories About the Famine of 1941–1945 as a Source for Studying the Everyday Life of the Rural Population of the Ulyanovsk Volga Region]. In *Nauchnyy dialog*. No. 8, pp. 147–160.

Motrevich, V.P. (2003). Golod na Srednem Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Famine in the Middle Urals during the Great Patriotic War]. In *Ural v voennoy istorii Rossii: traditsii i sovremennost'*. Yekaterinburg, IliA UrO RAN, pp. 85–87.

Oparin, Yu.V. (Ed.). (2015). *S pravdoy o voyne. Pis'ma 1941–1945 gg.* [With the Truth about the War. Letters 1941–1945]. Orel. 227 p.

Papkov, S.A. (2023). Agrarnaya ekonomika Sibiri i chrezvychaynoe zakonodatel'stvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Agrarian Economy of Siberia and Emergency Legislation during the Great Patriotic War]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5 (133), pp. 37–41.

Pushkarev, V.S. (2006). “Chernyy rynek” v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i ego vliyanie na sostoyanie vnutrennego rynka strany [The “Black Market” in the USSR During the Great Patriotic War and Its Influence on the State of the Domestic Market]. In *Ekonomicheskii zhurnal*. No. 12, pp. 212–225.

Shantin, G. (2000). Shtrikhi iz zhizni goroda [Touches from the Life of the City]. In *My priblizhali pobedu. Ocherki. Vospominaniya. Pis'ma*. Yekaterinburg, pp. 375–396.

Sharapov, S.V. (2024). “...Nu, brat Vasya, mne prikhoditsya zdes' pogibat', v Sibiri”: golod v sel'skoy mestnosti Novosibirskoy oblasti v 1940-e gody [“...Well, Brother Vasya, I have to Die Here, in Siberia”: Famine in the Rural Areas of Novosibirsk Region in the 1940s]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 4 (36), pp. 163–176.

Speranskiy, A.V. (2018). “Komu voyna, a komu mat' rodna”: reshenie prodovol'stvennoy problemy v 1941–1945 gg. (na materialakh Srednego Urala) [“For Some, War Is Misery; for Others, a Dear Mother”: Solving the Food Problem in 1941–1945 (Based on Materials from the Middle Urals)]. In *Vyzovy vremeni i sotsial'no-istoricheskoe znanie: teoretiko-metodologicheskie, konkretno-istoricheskie aspekty, prakticheskoe znachenie: materialy Sed'moy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UMTs UPI, pp. 73–78.

Tolmacheva, N.S. (Ed.). (2000). *My priblizhali pobedu* [We Brought Victory Closer]. Yekaterinburg, ARD LTD. 526 p.

Trifonov, A.N. (1982). Sozdanie i razvitie prodovol'stvennoy bazy promyshlennykh tsentrov Urala v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Creation and Development of the Food Base of the Industrial Centers of the Urals during the Great Patriotic War]. In *Razvitie rabocheho klassa i promyshlennosti Urala v period stroitel'stva sotsializma (1938–1958)*. Sverdlovsk, UNTs AN SSSR, pp. 61–64.

Tverdyukova, E.D. (2013). Komissionnaya trgovlya v sovetskoy Rossii–SSSR (1917–1991) [Commission Trade in Soviet Russia–USSR (1917–1991)]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. No. 4, pp. 80–89.

Vyltsan, M.A., Kondrashin, V.V. (2004). Patriotizm krest'yanstva [Patriotism of the Peasantry]. In *Voyna i obshchestvo, 1941–1945: v 2 kn.* Moscow, Nauka. Vol. 2, pp. 50–77.

Yarov, S.V. (2013). *Povsednevnyaya zhizn' blokadnogo Leningrada* [Everyday Life of Besieged Leningrad]. Moscow, Molodaya gvardiya. 313 p.

В.Б. Лапердин*

МТС КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930-Е ГОДЫ**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-10
УДК 94:631.1(571.1)"193/194"

Выходные данные для цитирования:

Лапердин В.Б. МТС как инструмент модернизации сельского хозяйства Западной Сибири в 1930-е годы // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 157–171.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-10.pdf>

V.B. Laperdin*

MACHINE-TRACTOR STATIONS
AS AN INSTRUMENT OF AGRICULTURAL MODERNIZATION
IN WESTERN SIBERIA IN THE 1930S**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-10

How to cite:

Laperdin V.B. Machine-Tractor Stations as an Instrument of Agricultural Modernization in Western Siberia in the 1930s // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 157–171. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-10.pdf>]

Abstract. The primary task of the machine-tractor stations established in the USSR at the turn of the 1920s–1930s was the mechanization of grain production and ensuring the country's food security. The Machine-Tractor Stations (MTS) were intended not only to resolve the grain problem but also to become a key element in the modernization of the countryside. This article examines the development of the MTS in Western Siberia during the 1930s. It considers the quantitative and qualitative aspects of the expansion of the MTS network, the issues in their relationship with collective farms, the creation of the mechanism of payment in kind as a form of state grain procurement, as well as the impact these stations had on the rural society. An additional objective is to demonstrate the interrelation between the activities of the MTS and the development of agriculture, as well as the resolution of the country's food security problem. Special attention is paid to the social situation of machine operators – a new category of the rural population subject to dual subordination: although formally they were collective farmers, they worked for the MTS. At the same time, neither the MTS nor the collective farms could provide them with adequate social protection, which resulted in high staff turnover. This instability of their status made machine operators the most mobile segment of the rural population, who sought to move beyond the boundaries of the collective farm system. It is established that despite the impressive growth in the quantitative indicators of the MTS, their efficiency proved to be low. The state-led modernization of the agricultural sector through the MTS was incomplete and could not be finalized due to the lack of material interest among the rural population, the poor quality of station infrastructure, the absence of an effective economic system, and the failure to create a social stratum of technical workers invested in modernization changes. The costs of operating the MTS (technical, financial, and social) constituted a risk factor for an already fragile food security. Adverse weather conditions were not offset by agrotechnical innovations, thereby jeopardizing the food supply for the population of the region and the country as a whole.

Keywords: state agricultural policy, agricultural industry, machine-tractor stations (MTS), mechanization workers, collective farms, Siberia.

* **Вячеслав Борисович Лапердин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: laperdin2011@mail.ru

Vyacheslav Borisovich Laperdin, Candidate of History Sciences, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: laperdin2011@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state assignment “Socioeconomic Potential of Russia's Eastern Regions in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

The article has been received by the editor on 12.04.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Основной задачей создаваемых в СССР на рубеже 1920–1930-х годов машинно-тракторных станций являлась механизация зернового производства и обеспечение продовольственной безопасности страны. МТС должны были не только решить зерновую проблему, но и стать ключевым элементом модернизации деревни. Представленная статья посвящена развитию МТС Западной Сибири в 1930-е годы. Рассматриваются количественные и качественные аспекты расширения сети МТС, проблемы их взаимоотношений с колхозами, создание механизма натуроплаты как формы государственного изъятия продукции, а также влияние, оказанное ими на сельский социум. Также ставится задача показа взаимосвязи деятельности МТС с развитием сельского хозяйства и решения проблемы продовольственной безопасности страны. Особое внимание уделено социальному положению механизаторов – новой категории сельского населения с двойным подчинением: формально являясь колхозниками, они работали в МТС. При этом ни МТС, ни колхозы не могли обеспечить им достойную социальную защиту, что вызывало высокую текучесть кадров. Эта неустойчивость положения делала механизаторов наиболее мобильной частью сельского населения, стремившегося выйти за рамки колхозной системы. Установлено, что, несмотря на впечатляющий рост количественных показателей МТС, их эффективность оказалась низкой. Проводимая государством модернизация аграрного сектора через МТС носила половинчатый характер и не могла быть завершена из-за отсутствия материальной заинтересованности сельского населения, качественной инфраструктуры станций, эффективной экономической системы и создания заинтересованного в модернизационных изменениях социального слоя технических работников. Издержки функционирования МТС (технические, финансовые, социальные) являлись фактором риска для и без того хрупкой продовольственной безопасности. Неблагоприятные погодные условия не компенсировались агротехническими нововведениями, что ставило под угрозу продовольственное обеспечение населения региона и страны в целом.

Ключевые слова: аграрная политика государства, сельское хозяйство, машинно-тракторные станции, механизаторы, колхозы, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 12.04.2026 г.

Введение. Проблема аграрной модернизации и ее составной части – технической модернизации – является одной из ключевых в аграрной истории СССР в 1930-е годы. С ней же связан вопрос обеспечения продовольственной безопасности, получивший в условиях форсированной индустриализации и массовой коллективизации не только экономическое, но и политическое значение. Государство стремилось создать систему управления сельским хозяйством, позволявшую резко увеличивать объемы производимой продукции и вместе с тем концентрировать в своих руках необходимые ресурсы при минимальных затратах, для чего и была проведена коллективизация. Центральным элементом новой колхозной системы стали машинно-тракторные станции (МТС), выполнявшие роль центров технического обслуживания колхозов и вместе с тем служившие инструментом контроля над ними и изъятия сельскохозяйственной продукции. Основной задачей МТС являлась механизация зернового производства. Первоочередное обращение к машинным технологиям его ведения было связано как с обострением зерновой проблемы в СССР в конце 1920-х годов, так и с тем, что выращивание хлебов являлось базовой отраслью сельского хозяйства в стране.

Актуальность исследования МТС обусловлена их возрождением в 1990-е годы, хотя современные формы лишь отдаленно напоминают советские образцы 1930–1950-х годов.

И все же изучение исторического опыта СССР полезно для понимания современного операционного лизинга. В советской историографии проблемой в первую очередь занимались экономисты¹, после чего подключились и историки. При этом вопросы развития МТС получили освещение не только на общесоюзном материале², но и региональном – сибирском³. Исследователи наглядно показали центральную роль машинно-тракторных станций в техническом оснащении колхозной системы, а также обозначили проблему появления новой социальной группы в деревне – механизаторов.

В современных работах фокус внимания расширился и сместился с экономической роли МТС на политическую и социальную проблематику. При этом появилось больше подходов, обусловленных авторскими позициями и концепциями аграрного развития СССР. Так, для исследователей 1990-х годов МТС играли в первую очередь роль хозяйственно-политической организации: они осуществляли политический контроль и выкачивали ресурсы из села для нужд индустриализации⁴. В концепции капитализации российской деревни в 1930–1980-е годы М.А. Безнина и Т.М. Димони машинно-тракторные станции являются каналом государственных вливаний материальных средств в колхозное производство и наращивания капитала вне основных фондов колхозов. Услуги МТС авторы считают формой натурального кредитования с последующей оплатой натуральными продуктами⁵. По мнению уральского историка Г.Е. Корнилова, посредством МТС происходила интенсификация сельскохозяйственного производства и переход от конно-ручной тяги к механизации основных трудоемких операций⁶. Несмотря на разницу подходов, многие положения вышеназванных концепций не являются взаимоисключающими. Не существует и острой дискуссии относительно сущности машинно-тракторных станций, были ли они средством политического контроля, очагами технологической модернизации в деревне или каналом выкачивания ресурсов. Очевидно, что МТС, выполнявшие разнообразные экономические, политические, социальные и даже культурные задачи, включали в себя все вышеперечисленные функции. Так, В.Н. Томилин рассматривает их в качестве системообразующей структуры колхозного производства, позволившей создать материально-техническую базу функционирования колхозного строя⁷.

Представленная статья посвящена развитию машинно-тракторных станций Западной Сибири в 1930-е годы. В работе рассматриваются количественные и качественные аспекты расширения сети МТС, проблемы их взаимоотношений с колхозами, создание механизма натуроплаты как формы государственного изъятия продукции, а также влияние, оказанное ими на сельский социум. Также ставится задача показа взаимосвязи деятельности МТС с развитием сельского хозяйства и решения проблемы продовольственной безопасности страны.

Становление сети МТС в годы первой пятилетки. Строительство машинно-тракторных станций на территории Западно-Сибирского края стартовало в конце 1929 г. и получило масштабное развитие в первой половине 1931 г., когда их количество выросло с 9 до 75, а число тракторов в них с 346 до 2 087. На первых порах вместо форсированной механизации

¹ См.: Вопросы экономики МТС. М., 1955.

² Аграрная политика Коммунистической партии на этапе строительства МТС (1929–1939 гг.). Владимир, 1985; История советского крестьянства: в 5 т. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. С. 170–173; 241–243; История советского крестьянства: в 5 т. М., 1987. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 57–64.

³ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск, 1983. С. 274–279; Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С. 29–35.

⁴ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 251–257.

⁵ Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. М., 2009. С. 48–49, 119; Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. С. 481.

⁶ Корнилов Г.Е. Особенности аграрной политики сталинизма: колхозная жизнь после коллективизации // Российская история. 2018. № 4. С. 19.

⁷ Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009.

сельского хозяйства станции занимались медленным обустройством: строили инфраструктуру, принимали имущество от колхозов и поступающую технику. Но уже к концу 1932 г. число МТС в крае увеличилось до 158. Они располагали 5 765 тракторами мощностью 90,3 тыс. л.с. (табл. 1). В середине 1932 г. МТС обслуживали 26 % колхозов Западно-Сибирского края, площадь посева зерновых в которых составляла около половины от общей посевной площади⁸.

Таблица 1

Развитие сети МТС в Западно-Сибирском крае в 1930–1933 гг.*

Дата	Число МТС	Количество тракторов	Мощность тракторного парка, тыс. л.с.
01.06.1930	9	346	4,5
01.06.1931	75	2 087	30,7
01.01.1932	87	4 445	60,8
01.01.1933	158	5 765	90,3

Составлено по: Сельское хозяйство СССР: Ежегодник 1935 г. М., 1936. С. 676–677.

* Приведены данные только по МТС Трактороцентра.

Несмотря на впечатляющий рост количественных показателей механизации, эффективность аграрного сектора экономики в начале 1930-х годов снизилась. Так, валовой сбор зерновых на территории Западно-Сибирского края упал с 54,2 млн ц в 1930 г. до 41,8 млн ц в 1932 г.⁹ Это объясняется системными проблемами: отсутствием квалифицированных кадров, организационной неразберихой, нарушением правил агротехники и засухой 1931 года. Ситуация усугублялась на фоне общего социально-экономического кризиса деревни, вызванного коллективизацией.

Первоначально механизация сельского хозяйства предполагала активное вовлечение крестьянства. Постановление СНК СССР от 30 декабря 1929 г.¹⁰ устанавливало, что строительство МТС должно осуществляться при условии частичного покрытия расходов сельским населением, равного 25 % общей стоимости. Финансирование осуществлялось через приобретение акций Трактороцентра, которое превратилось для колхозов и крестьян в форму дополнительного налогообложения – их взносы, формально добровольные, фактически стали целевым квазианалогом, принудительно навязываемым государством. Западно-Сибирский крайисполком рассылал районам разнарядки по сбору средств, причем их выполнение влияло на оценку эффективности местных органов власти и стало необходимым условием для создания МТС.

Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи колхозному строительству» предусматривало после погашения крестьянами государственных затрат на создание МТС, на которое отводилось три года, передать их технику колхозам¹¹. Однако впоследствии от этой идеи отказались по нескольким причинам: бедность деревни, нежелание крестьян платить, а также понимание государством того, что МТС являются мощным инструментом контроля над сельским хозяйством и источником продукции. В итоге к концу 1932 г. был закреплен принцип полного государственного контроля над МТС, включая финансирование и содержание. Хотя идея передачи техники колхозам не исчезла бесследно и была реализована в 1958 г. уже в совершенно иных социально-экономических условиях.

Развитие МТС в 1933–1940 гг. К 1933 г. машинно-тракторные станции прочно вошли в жизнь советской деревни. Перечень выполняемых МТС функций выходил далеко за рамки механизированных сельскохозяйственных работ. Они активно вторгались в хозяйственную

⁸ Сельское хозяйство СССР: Ежегодник 1935 г. М., 1936. С. 659.

⁹ Там же. С. 270.

¹⁰ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (СЗ СССР). 1930. № 2. Ст. 16.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5. С. 74.

деятельность колхозов вплоть до прямого управления ими и даже занимались просветительской деятельностью в деревне. Посреди крестьянского мира, основанного на традициях и обычаях, расположились МТС – очаги советской культуры с кинопередвижками, клубами, красными уголками и лекциями, проводимыми заезжими лекторами из городов. По степени влияния МТС уступали лишь райкомам и райисполкомам, а в период деятельности политотделов в 1933–1934 гг. фактически подменили их, став для колхозов местной властью, издавая обязательные для исполнения распоряжения по хозяйственным и кадровым вопросам, включая «чистки» руководства и рядовых колхозников.

В 1933–1937 гг. продолжалось наращивание сети МТС и их машинного парка. Число станций в Западной Сибири¹² увеличилось со 195 до 447, количество тракторов в них – с 8 729 до 25 297, зерноуборочных комбайнов – с 1 174 до 18 719. Мощность тракторного парка выросла почти в 4 раза (табл. 2). В 1937 г. МТС обслуживали в Западной Сибири 71 % колхозов¹³.

Таблица 2

Развитие сети МТС в Западной Сибири в 1934–1940 гг. (на начало года)*

Год	Число МТС	Количество тракторов	Мощность тракторного парка, тыс. л.с.	Количество комбайнов
1934	194	8 729	135	1 147
1935	235	13 568	221	2 019
1936	282	19 487	363	3 350
1937	336	23 929	473	7 079
1938	447	25 297	537	10 742
1941	578	33 147	759	18 719

Составлено по: МТС во второй пятилетке: стат. сб. М.; Л., 1939. С. 37–42, 45–46; Колхозы во второй сталинской пятилетке: стат. сб. М.; Л., 1939. С. 24–25; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1069. Л. 181, 223, 242, 276, 297, 318, 339, 360, 381, 402.

* Сведения приведены в сопоставимых территориальных рамках по Алтайскому краю, Новосибирской, Омской областям за 1934–1938 гг. в границах 1938 г., за 1941 г. – в границах 1940 г.

Вырос уровень механизации основных процессов зернового производства. В колхозах Западной Сибири в 1937 г. пахота под яровые была механизирована на 68,4 %, посев яровых – на 50,1 %, вспашка зяби – на 80,5 %. Головокружительными темпами наращивалась комбайноуборка хлебов. В 1934 г. комбайнами в Омской области убрали всего 4,4 %, в Западно-Сибирском крае (в границах 1935 г.) – 3,5 % площади зерновых культур. В 1937 г. данный показатель вырос в Западной Сибири в целом до 46 %¹⁴.

В ходе второй пятилетки кризис сельского хозяйства в целом был преодолен. В 1938 г. посевы зерновых культур в регионе увеличились по сравнению с 1932 г. на 39 %, по сравнению с 1928 г. – на 23 %. 1937 и 1938 гг. оказались самыми урожайными за все 1930-е годы¹⁵.

Развитие сети МТС в регионе представляло собой не только территориальную экспансию, но и процесс организационного становления, в ходе которого машинно-тракторные станции вышли за рамки выполнения чисто технических функций и стали ключевым элементом управления колхозной деревней. Вместе с тем развитию препятствовали многочисленные организационные проблемы. Одной из них было отсутствие единой стратегии расширения сети МТС. Планирование строительства осуществлялось центральными органами власти при активном содействии региональных земельных организаций и носило крат-

¹² Здесь и далее количественные данные по Западной Сибири приведены в территориальных рамках Алтайского края, Омской и Новосибирской областей в границах 1940 года.

¹³ Колхозы во второй сталинской пятилетке: стат. сб. М.; Л., 1939. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 24–26, 33, 34.

¹⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1409. Л. 9; Ильиных В.А. Сельскохозяйственная статистика в Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 2022. С. 143, 148, 149.

косрочный характер. Этот процесс сопровождался конфликтами между отдельными ведомствами и активным лоббированием районных властей, заинтересованных в усилении экономической роли подведомственных территорий. Отсутствие единого перспективного плана приводило к непродуманному расширению сети станций, их удаленности от ремонтных баз и транспортных путей, что стало причиной системных проблем в эксплуатации МТС и, в конечном счете, снижения их эффективности. Более подробно об этих проблемах речь пойдет ниже.

Следует отметить, что, обеспечив количественный рост сельскохозяйственного производства к концу десятилетия (по сравнению с кризисом его начала), созданная модель управления не смогла решить задачу комплексного развития аграрного сектора экономики и не заложила основы для его дальнейшего устойчивого улучшения.

В конце 1930-х годов продолжалось развитие материально-технической базы сельского хозяйства региона, хотя ее темпы в связи с переключением промышленности на преимущественное производство военной продукции снизились. В том числе за счет разукрупнения расширилась сеть МТС. К началу 1941 г. их число достигло 578. Прирост тракторного парка оказался относительно низким. При этом его мощность увеличивалась быстрее. Опережающими темпами шло наращивание парка зерноуборочных комбайнов (в 1,7 раза) (см. табл. 2). Возросла механизация колхозного производства.

Однако к повышению эффективности зернового хозяйства это не привело. Несмотря на продолжающийся рост посевных площадей, урожайность и валовые сборы хлебов в конце 1930-х годов в Западной Сибири и в СССР в целом снизились¹⁶. Это стало результатом несоблюдения агротехники возделывания зерновых культур и неблагоприятных погодноклиматических условий.

Хлебозаготовки. До 1933 г. колхозы расплачивались с МТС в смешанной форме – деньгами и зерном. Первоначально преобладали денежные расчеты, что привело к образованию значительной задолженности. В Западно-Сибирском крае только за 1930/31 год долг колхозов перед МТС достиг 5,6 млн руб., а в 1935 г. их задолженность составляла еще 7 млн руб. за работы, выполненные до 1933 г.¹⁷ Столь серьезная финансовая нагрузка на экономически слабые колхозы вынудила правительство в 1933 г. перейти к натуральной оплате (по единым ставкам в процентах от урожая), что, впрочем, отвечало и интересам государства, получившего доступ к дешевой сельхозпродукции. Первоначально полный цикл работ стоил 20 % валового сбора зерна. Но уже в 1934 г. натуроплата стала рассчитываться не в процентах, а в фиксированном размере, зависящем от урожайности. При этом государство навязывало колхозам полный цикл услуг МТС. Со временем нормы натуроплаты менялись: в 1937 г. их снизили, а в 1939 г. для ряда услуг повысили¹⁸.

Изъятие сельхозпродукции государством происходило в рамках заготовительных кампаний, в первую очередь хлебозаготовок, включавших обязательные поставки колхозов, единоличных крестьянских хозяйств и совхозов, а также возврат ссуд, гарнцевый сбор и натуроплату МТС. Расширение сети машинно-тракторных станций, рост технической оснащенности, увеличение обрабатываемых площадей и изменение законодательства о типовых ставках привели к постепенному росту объемов натуральной оплаты и увеличению ее доли в централизованных заготовках. Если в 1933/34 году в Западно-Сибирском крае этот показатель составлял 15,2 %, то к 1939 г. в Алтайском крае он достиг 57,4 %, в Новосибирской области – 48,7 %, в Омской – 53,9 %¹⁹, став основным источником поступления хлеба государству. Определенную роль сыграло сокращение обязательных поставок колхозами, но из-за постоянно возрастающих объемов натуроплаты МТС общий уровень налогового изъятия практически не изменился.

¹⁶ См.: Ильиных В.А. Сельскохозяйственная статистика в Сибири... С. 143, 148, 149.

¹⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 305. Л. 276; Д. 690. Л. 45.

¹⁸ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 112–113, 116, 118.

¹⁹ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020. С. 499–502.

Натуроплата МТС являлась разновидностью натуральной подати наряду с заготовками сельхозпродукции, закупкой зерна потребительской кооперацией (хлебозакупом), натуральным обложением единоличных хозяйств и личных подсобных хозяйств колхозников. Подать представляет собой примитивную форму налога, объектом которого служит не доход, а человек или отдельные виды имущества. В данном случае таким имуществом являлись колхозные посеы, обрабатываемые техникой МТС. Государство изымало натуральный продукт, а не деньги от его продажи, что было более выгодно и позволяло концентрировать в своих руках ресурсы, необходимые для проведения индустриализации.

МТС и колхозы. Основой взаимодействия между МТС и колхозами был договор: станции выполняли комплекс сельскохозяйственных работ, а колхозы оплачивали оказанные услуги. Однако в основе этой внешне стройной системы находились глубинные противоречия. Сотрудничество с МТС ложилось тяжелым бременем на колхозный бюджет, снижая стоимость трудодня и ухудшая экономическое положение колхозников. В то время как хозяйства, не обслуживаемые станциями, оказывались в более выгодном положении. Сообщения о такой, казалось бы, парадоксальной ситуации поступали с мест уже на начальном этапе развертывания системы МТС. Так, в 1932 г. глава Черепановского райкома ВКП(б) Толстиков в письме первому секретарю Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе указывал на более высокие доходы колхозов, не связанных с МТС, сравнивая их с соседями, пользовавшимися услугами станций. Причиной этого была слишком высокая стоимость технических работ²⁰.

В массовом сознании колхозников МТС ассоциировались не с технологическим прогрессом и приносимым им достатком, а с дополнительным государственным ярмом. Это порождало негативное отношение к технике и стремление отказаться от нее. Поэтому колхозники проявляли своеобразный «луддизм» (умышленную порчу машин) и разными способами пытались сократить расходы на услуги станций, по мере возможности задействуя собственные силы. Частые поломки, простои, низкое качество механизированных работ и их высокая стоимость усиливали желание колхозов обрабатывать поля своими руками, прибегая к помощи МТС только в условиях дефицита рабочей силы.

Государство, наоборот, стремилось навязать колхозам договоры с МТС. В ответ крестьяне всячески уклонялись от их подписания. Райкомы часто жаловались в вышестоящие инстанции на нежелание колхозов использовать тракторы и комбайны вплоть до случаев их умышленной поломки. Впрочем, колхозы нередко действовали не выходя за рамки правового поля. Невозможность МТС справиться со взятыми на себя обязательствами давала основания требовать возмещения причиненных убытков. Однако местные власти старались не создавать подобных прецедентов и зачастую вставали на сторону дирекции станции, обвиняя колхозников в «кулацкой агитации».

Опыт взаимодействия МТС и колхозов в 1930-е годы наглядно демонстрирует один из главнейших пороков сталинской аграрной системы – игнорирование экономических стимулов. Государство абсолютизировало технологический прогресс, закрыв глаза на его экономическую целесообразность для самих крестьян. В результате была создана система нерыночного изъятия ресурсов из деревни под видом оплаты технологических услуг. Первоначальный план использования МТС в качестве инструмента модернизации сельского хозяйства видоизменился до такой степени, что станции начали выполнять роль фискальных институтов, гарантировавших государству получение запланированного объема хлеба. Вместо ожидаемого «экономического симбиоза» между МТС и колхозами сложились отношения принуждения и скрытого саботажа.

Опыт внедрения машинно-тракторных станций в советскую деревню показывает, что технологические инновации обречены на сопротивление и низкую эффективность, если они не учитывают требования своих конечных потребителей, в данном случае крестьянства. Негативное отношение колхозников к МТС было не следствием «культурной отсталости» и «кулацких настроений», как утверждала официальная пропаганда, а рациональным ответом

²⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 371. Л. 21 об.

на экономическое давление. Колхозники интуитивно действовали как рациональные экономические агенты, стремясь снизить убытки и максимизировать выгоду. В результате проект модернизации в лице МТС был дискредитирован в глазах населения, а задача технического развития подменена желанием государства получить дешевые ресурсы.

Система финансирования МТС и ее реформирование. После отмены денежной оплаты услуг МТС колхозами в 1933 г. основным источником финансирования машинно-тракторных станций выступало государство. Их бюджет формировался за счет средств союзного бюджета, кредитов Госбанка и ассигнований Сельхозбанка. С 1935 г. действовал регламент²¹, позволявший получить 30%-ный аванс, в то время как оставшаяся часть поступала на расчетные счета после предоставления актов о выполнении работ, подписанных директором станций и председателями колхозов. Помимо бюджетных ассигнований, МТС получали целевые ссуды Госбанка, погашавшиеся после сдачи государству натуральной оплаты за услуги станций. Капитальные вложения финансировались Сельхозбанком и покрывали затраты на энергетику, инвентарь, строительство и прочие долгосрочные расходы. Директора МТС получали средства из различных источников в самостоятельное распоряжение. Сэкономленное к концу года могло быть использовано в следующем году или направлено на премии служащим и рабочим. Естественно, что дирекция старалась получить причитающееся с колхозов средства для укрепления вверенного им хозяйства. Однако финансовое положение многих МТС оставляло желать лучшего. Большинство функционировало в условиях хронической убыточности, завершая финансовый год с задолженностью перед государством.

После посевной кампании 1933 года правительство компенсировало убытки МТС СССР на 324 млн руб. и было вынуждено выделить сверх этого еще 76,3 млн руб. в качестве ассигнований²². Вместе с расширением сети МТС росли и сопутствующие расходы. Если задолженность станций Западно-Сибирского края в 1932 г. составляла 8 млн руб., то к 1936 г. долг только за горюче-смазочные материалы (ГСМ) достиг 6,9 млн руб. из более чем 15 млн руб. чистых убытков²³. По словам наркома земледелия М.А. Чернова, «Всего по СССР за 1936 г. машинно-тракторные станции перерасходовали 268,5 млн руб., в том числе на горючее – 40,4 млн руб., на ремонт 162,7 млн руб., на административно-хозяйственные расходы – 67,5 млн руб. и имеют убытков – 63 млн руб.»²⁴. В 1938 г. государство было вынуждено выдать колхозам страны ссуду в размере 50 млн руб. для погашения задолженности за тракторные работы, и это сверх уже отпущенного на тот момент кредита в 61 млн руб.²⁵

Правительство, видя сложное экономическое положение МТС, длительное время пыталось исправить ситуацию, не выходя за рамки существовавшей системы финансирования. Наркомзему СССР поручалось развивать хозрасчетные отношения в МТС и следить за исполнением их бюджетов. Для этого кредиты станциям выдавались строго в соответствии с объемом выполненных работ. Их убытки покрывались по мере сдачи государству натуроплаты. Принятые меры носили ограниченный характер и не могли устранить коренные проблемы.

Финансирование машинно-тракторных станций стало причиной острых разногласий между центром и регионами. В августе 1934 г. первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе направил жалобу И.В. Сталину, обвинив Наркомзем СССР в недофинансировании краевых МТС на 55,6 млн руб., предназначенных для текущей сельскохозяйственной кампании. Из-за возникшей ситуации станции оказались вынуждены сократить объемы работ либо вовсе простаивать без горючего²⁶. Госбанк пытался изыскать средства, удержав

²¹ СЗ СССР. 1935. № 10. Ст. 75.

²² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 538. Л. 22.

²³ Там же. Д. 347. Л. 112; Д. 869. Л. 1.

²⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 2004. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. С. 311.

²⁵ Собрание постановлений Правительства СССР (СП СССР). 1939. № 17. Ст. 116.

²⁶ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

из выделенных на капитальное строительство ассигнований 16 млн руб., чтобы ликвидировать ими финансовую брешь в содержании станций. Однако эти полумеры не изменили положения дел. Решение вопроса осложнялось позицией главы Наркомзема СССР М.А. Чернова, который перекладывал всю ответственность на МТС Западной Сибири, обвиняя их в перерасходе средств²⁷.

Претензии к Народному комиссариату земледелия СССР высказывали и другие стороны. Со временем в его недрах созрел ответ на все обвинения, который сформулировал М.А. Чернов: «Действующая система финансирования машинно-тракторных станций покрывает бесхозяйственность и бесплатность в работе машинно-тракторных станций и затрудняет организацию строгого государственного контроля за их деятельностью»²⁸. Таким образом, корень проблемы крылся в самой системе и местных хозяйственниках, пользовавшихся ее недостатками. По мнению Чернова, именно этим были вызваны разногласия с региональными властями. Критика главы ведомства существовавшей системы была учтена, хотя сам он к тому времени уже оказался под арестом по обвинению во «вредительстве». В начале 1938 г. СНК СССР ввел новую систему финансирования МТС²⁹. Главной задачей реформы было ликвидировать множественность источников финансирования. Прежний порядок, предусматривавший сочетание бюджетного финансирования, кредитов Госбанка и Сельхозбанка, а также поступление средств от колхозов, оказался чрезмерно сложным в применении. Слабая подконтрольность нескольких денежных потоков вызывала неразбериху и открывала широкий простор для нарушений и махинаций, тем самым вовлекая МТС в теневую экономику.

С 1 января 1938 г. финансирование МТС стало осуществляться централизованно из государственного союзного бюджета по заранее согласованным годовым сметам МТС. Они составлялись на основе лимитов, утвержденных наркоматами земледелия республик, краевыми и областными земельными управлениями. Лимиты устанавливались Народным комиссариатом земледелия СССР и ограничивали рамки годовых смет всех станций. По замыслу реформаторов, данная схема обеспечивала большую прозрачность и подконтрольность государству системы финансирования МТС.

Все расходы МТС покрывались за счет средств Госбанка и Сельхозбанка. Для каждой отдельной статьи затрат (ремонт, ГСМ, заработная плата и т.д.) открывался отдельный целевой счет. Средства с него выдавались строго в пределах утвержденной сметы. Помимо бюджетных счетов, станции открывали в Госбанке текущие счета для расчетов с трактористами, счета специального фонда директора и счета для прочих операций. Перевод средств между целевыми счетами и бюджетными строго запрещался.

Новая система обеспечивала прозрачность финансовых потоков, лишая при этом директоров станций самостоятельности. Строгая регламентация расходов и запрет на перераспределение средств вплоть до замораживания финансирования создавали условия для эффективного контроля, но ограничивали гибкость управления. Таким образом, к концу 1930-х годов сложилась модель финансирования МТС, обеспечивавшая их функционирование за счет государственного бюджета. Обратной стороной данных изменений стала полная зависимость МТС от централизованного планирования и контроля.

Организация ремонта и снабжения. Текущий ремонт техники самостоятельно выполнялся рабочими станций, в то время как средний и капитальный требовал привлечения квалифицированных специалистов и специализированного оборудования. Немногие МТС могли позволить себе подобное, поэтому была создана сеть машинно-тракторных мастерских (МТМ). На них возлагалась задача среднего и капитального ремонта. Однако они столкнулись с теми же проблемами, что и МТС. В Сибири катастрофически не хватало подготовленных специалистов, а местная промышленность испытывала кадровый голод. Кроме того, МТМ страдали от недостаточной оснащенности, отсутствовали требуемые станки и инстру-

²⁷ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 12.

²⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 821. Л. 77 об.

²⁹ СП СССР. 1938. № 4. Ст. 8.

менты. Реализация программы строительства новых мастерских срывалась из-за нехватки финансовых и материальных ресурсов. Более того, МТС часто использовали строительные фонды по своему усмотрению, а краевые и областные земельные управления не контролировали целевое расходование средств.

В то время как в большинстве мастерских наблюдалась нехватка рабочих рук и станков, отдельные МТМ, в силу парадоксов плановой системы и вопреки логике равномерного распределения, получали ресурсы с избытком. Их возможности выходили за рамки обслуживания местных станций. В 1933 г. правительство постановило создать на базе четырех МТМ Западно-Сибирского края ремонтные заводы. Однако эта инициатива встретила сопротивление со стороны местных специалистов. Например, Омской тракторной мастерской требовались дополнительные помещения для расширения своих функций. В то же время мастерская в Славгороде уже фактически являлась маленьким заводом и обслуживала Славгородский куст МТС с низкой загрузкой оборудования³⁰.

Для выполнения своих задач МТС нуждались в исправной технике. Однако возможности промышленности Сибири оказались недостаточными для удовлетворения растущего спроса на машины и запчасти. Поэтому их приходилось завозить из других регионов страны. Здесь обнажились недостатки системы планирования. Распределение техники и создание новых МТС зависели от согласования между региональными властями и Москвой. Несвоевременные и неполные поставки сельскохозяйственной техники в Сибирь неоднократно критиковались региональным руководством. Р.И. Эйхе с нескрываемым сожалением сообщал И.В. Сталину о систематическом срыве планов по завозу техники. К уборочной 1932 г. МТС получили лишь 22,4 % тракторов (52 из 232), автомашин – 43,2 % (259 из 600). Более того, 83,3 % комбайнов (200 из 240) прибыли с опозданием, что не позволило полноценно их использовать в текущей кампании. Спустя полгода ситуация повторилась, к посевной 1933 г. в край поступило 65,8 % обещанных тракторов (1 162 из 1 766) и 34,2 % плугов (302 из 883)³¹. Но даже полученная техника не всегда была готова к работе.

Р.И. Эйхе отмечал: «Помощь НКЗ и наркомсовхозов по линии технической вооруженности сельского хозяйства края до сих пор была недостаточной и зачастую оказывалась с таким запозданием, что теряла всякое производственное значение для того периода работ, на который была обещана»³². По причине поздних сроков сева на востоке страны в Москве ошибочно полагали, что если технику отправить в последний момент, то она поступит вовремя к полевым работам, и не учитывали медленные сроки транспортировки посевных грузов, шедших 25–30 суток. Главным же последствием таких задержек было то, что плановые задания по сельскому хозяйству рассчитывались исходя из предполагаемого наличия техники, поэтому их невыполнение становилось неизбежным. Из-за этого страдал аграрный сектор экономики Сибири, а на региональные власти ложилась ответственность за невыполнение планов.

Проблемы МТС с планирующими и снабжающими организациями отражали изъяны советской промышленной системы. Многие трудности в работе МТС обуславливались недостатками управления на вышестоящих уровнях. В начале 1933 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР подвели итоги первой пятилетки и признали отсутствие должного контроля над ремонтом сельхозтехники и снабжением ее запчастями³³. В официальных документах отмечалось, что ни Наркомзем СССР, ни Наркомат совхозов не располагал точными данными о количестве техники, подлежащей ремонту. Нормы снабжения запчастями определялись произвольно, без учета реальных потребностей, а их распределение по регионам заранее не планировалось. Проблема носила не ведомственный, а системный характер. Наркомат тяжелой промышленности, ответственный за производство запчастей, отставал от намеченных производственных показателей и, по мнению И.В. Сталина и В.М. Молотова, рассматривал нужды

³⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 355. Л. 227–229.

³¹ Там же. Д. 499. Л. 90 об.–91.

³² Там же. Л. 90.

³³ СЗ СССР. 1933. № 5. Ст. 30.

сельского хозяйства как второстепенные. Эта установка воспроизводилась на всех уровнях. Директора заводов «хитрили», исключая недоделки IV квартала 1932 г. из плана I квартала 1933 г., таким способом «аннулируя» свои производственные задания. В итоге МТС оставались без обещанных в 1932 г. деталей и полностью отремонтированной техники.

Проблемы снабжения и ремонта техники, характерные для первой пятилетки, приобрели хронический характер и сохранялись в последующие годы. На местах пытались справиться с ними, однако Центр проявлял недовольство из-за излишней самостоятельности регионалов, загружавших промышленные предприятия заказами без согласования с Москвой. Даже поступление запчастей в МТС не гарантировало должного ремонта, поскольку часть деталей приходила бракованной. В январе 1934 г. начальник политсектора МТС в Западно-Сибирском крае К.М. Сергеев в своем отчете критиковал работу снабжающих организаций. При поездке в Барнаул он обнаружил непригодные к использованию запчасти. Проверка выявила, что снабженцы осознанно отгружали дефектные комплектующие в машинно-тракторные мастерские³⁴.

В 1938 г. государство изменило существовавшую систему ремонта сельскохозяйственной техники. В рамках новой системы финансирования МТС устанавливались жесткие лимиты выделения средств на обслуживание техники, для чего создавался целевой денежный фонд. Его расходование на иные нужды каралось вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Этими мерами государство лишь перекладывало ответственность за превышение объемов капитального ремонта на дирекцию МТС, в то время как реальные причины заключались в недостатках плановой системы и низком качестве запчастей и техники. Введенные финансовые ограничения, лишив руководство МТС возможности оперативного маневра, лишь ухудшили положение дел.

Социально-экономическое положение механизаторов в деревне. Механизаторы машинно-тракторных станций хотя формально и являлись рабочими, однако оставались членами колхозов, обеспечивавших их материально. Создавалась ситуация двойного подчинения: МТС начисляли трудодни, а колхозы производили по ним окончательный расчет. Таким образом, механизаторы относились к социальной категории колхозников, а не служащих станций, получавших стабильное жалованье. Первоначально они были лишены гарантированного заработка. Введенная в 1932 г. фиксированная оплата в размере 1 руб. 30 коп. на трудодень не изменила их финансовое положение³⁵. Хотя механизаторы и считались работниками повышенной квалификации, за их работу начислялось больше трудодней, на практике они получали меньше рядовых колхозников, регулярно выходявших в поле. В результате существовавшая в годы первой пятилетки система оплаты вместо стимула стала главной причиной ухода механизаторов из МТС. Постановление СНК СССР от 21 сентября 1933 г. реформировало механизм расчетов. Теперь расчеты производили непосредственно МТС, куда колхозы обязывались вносить средства за отработанные трактористами трудодни. При этом механизаторам гарантировался минимальный доход в 2,5 руб. и 3 кг хлеба на трудодень³⁶.

Постановления правительства увеличили уровень оплаты труда механизаторов. Однако теперь они столкнулись с проблемой постоянных задержек выплат со стороны колхозов. Обследование Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР в 1933 г. выявило повсеместное нарушение сроков выплат трактористам их вознаграждения³⁷. Принятые Наркомземом СССР меры по ликвидации задолженности не изменили ситуацию коренным образом. Сельхозартели не всегда переводили необходимые денежные средства МТС для оплаты услуг трактористов. В отношении же натуральной выдачи хлебом, осуществлявшейся напрямую, дирекция вовсе «самоустранилась». Данный вопрос решался между рабочими и колхозными правлениями, зачастую нарушавшими требование о мини-

³⁴ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

³⁵ Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. М., 1960. С. 32.

³⁶ СЗ СССР. 1933. № 60. Ст. 361.

³⁷ Там же. № 66. Ст. 399.

мальной оплате и выдававшими за трудодень норму рядовых колхозников вместо положенных 3 кг. С целью закрепления кадров ЦК ВКП(б) и СНК СССР 13 января 1939 г. приняли постановление, в соответствии с которым денежный минимум оплаты труда трактористов (2 руб. 50 коп. за трудодень) брало на себя государство³⁸. Обязанности по натуральной части оставались за колхозами.

Для характеристики социального положения механизаторов стоит учитывать не только их место проживания, работы и систему заработной платы, но и роль внутри колхозного социума. В первую очередь следует отметить неоднозначность их статуса: формально являясь членами сельхозартелей, они фактически выполняли функции сезонной рабочей силы, направляемой колхозами в МТС. Поскольку тракторные бригады формировались и управлялись дирекцией станций, а механизаторы не отчитывались о проделанной работе перед правлением, отношения прямого подчинения между ними оказались разорваны. К тому же механизаторы часто работали в сторонних хозяйствах, и «родные» колхозы их деятельность «на стороне» не интересовала. Вместе с тем для чужих председателей они сами являлись «пришлыми», а не «своими» односельчанами, и заниматься проблемами посторонних людей было бессмысленно. Подобное ослабление рабочих связей с коллективом привело к тому, что механизаторы были выключены из его повседневной жизни и не могли рассчитывать на поддержку.

Формально числясь членами колхозов, но фактически отчужденные от них, механизаторы не нашли в лице руководства МТС желанной социальной опоры. Большинство низкоквалифицированного персонала фактически находилось на положении временного, сезонного ресурса. Вопреки обязательству отработать два года они покидали МТС зачастую после окончания первой же страды. Дирекции было легче найти замену среди местной молодежи, наспех обучить азам профессии на краткосрочных курсах и отправить на колхозные поля. Негативные последствия такого подхода – высокую текучесть кадров – начальство станций осознавало, однако предпочитало действовать по пути наименьшего сопротивления. Ценность для них представляли только высококвалифицированные комбайнеры, тракторные и ремонтные бригады.

Дирекция не стремилась отстаивать интересы механизаторов и принуждать колхозы к исполнению своих обязательств в отношении технических рабочих. По причине их быстрой сменяемости вести длительную тяжбу с каждой отдельной сельхозартелью из-за заработка не имело смысла. И если местный тракторист мог решить конфликт с председателем своего колхоза как со знакомым человеком, то, работая в соседнем хозяйстве, он оказывался в полностью незащищенном положении. Без внешнего давления со стороны административных органов на колхозные правления претензии «чужих» механизаторов нередко игнорировались.

И все же в профессии механизатора имелись немалые плюсы. Во-первых, более высокое по сравнению с основной колхозной массой материальное содержание. Во-вторых, их репутация: трактористы и комбайнеры являлись символами будущего, людьми, изменяющими привычный уклад жизни деревни. Данный образ, широко тиражируемый пропагандой, привлекал молодежь, желавшую получить перспективную специальность.

Механизаторы оказались на грани двух миров: не имея опоры в колхозном коллективе, они не стали полноценной частью МТС, которая так и не смогла дать им стабильный статус индустриального рабочего. Во всяком случае до получения квалификации комбайнера или бригадира и зачисления в штат с твердым окладом. Эта неопределенность, чувство отчуждения и незащищенности в сочетании с желанием зарабатывать больше толкали многих на уход из МТС. Так что машинно-тракторные станции стали своеобразным социальным лифтом, но лифтом с ограниченной высотой: он поднимал человека внутри деревни над большинством колхозников, но оставлял его в пределах сельского социума. Зато билетом в будущее становилась сама профессия – полученные навыки и квалификация позволяли

³⁸ СП СССР. 1939. № 4. Ст. 13.

находить работу на городских заводах и фабриках. А отсутствие прочной связи с колхозом и с МТС делало разрыв с деревней психологически и социально менее болезненным.

Заключение. С точки зрения модернизационной теории, создание сети МТС в 1930-е годы является классическим случаем догоняющей государственной модернизации. Государство выступало движущей силой перехода от традиционного аграрного уклада, основанного на индивидуальном крестьянском хозяйстве, к индустриальному с использованием сложной техники в сельхозартелях. Произошел резкий рост технической оснащенности, позволивший нарастить посевные площади и валовые сборы зерновых культур. Однако эффективность от внедрения технических новшеств ограничивалась недостатками форсированной модернизации. Несмотря на рост парка техники, результативность ее работы снижалась из-за технического брака. Первоначальная зависимость от импорта сменилась зависимостью от отечественной промышленности, не справлявшейся ни с задачей выпуска качественной продукции, ни со сроками поставок. В Западной Сибири данная ситуация осложнялась слабостью промышленной базы региона, ограничивавшей возможности снабжения. Кроме того, местные власти создавали сеть МТС, не учитывая необходимость увязки с ремонтными базами, складами ГСМ и транспортными путями.

Финансовая система МТС функционировала не как эффективный экономический механизм. Хроническая убыточность компенсировалась за счет бюджетных средств, что делало систему зависимой от административных решений, а не экономических показателей. Реформа финансирования в 1938 г. пыталась упорядочить ее процесс, но не устранила проблему отсутствия хозрасчета и не привела к повышению материальной заинтересованности рабочих станций. Государство пришлось к решению усилить бюрократический контроль, организовав финансирование через государственный бюджет с жесткими ограничениями. Это новая система лишила директоров МТС финансовой автономии и возможности оперативного маневра ресурсами.

Формирование нового социального слоя (механизаторов) показывает стремление государства трансформировать крестьянство в пролетариат, завершив тем самым процесс раскрестьянивания. Однако неоднозначный статус механизаторов, являвшихся формально колхозниками, а фактически наемными работниками станций, и высокая текучесть кадров указывают на незавершенность социальной модернизации и адаптацию крестьянской среды к меняющимся условиям в ущерб интересам государства. Новая социальная группа оказалась лишена устойчивого правового и экономического статуса. Будучи «технической элитой деревни», но не имея сопутствующих социальных гарантий, механизаторы стали наиболее мобильной и нестабильной частью сельского населения, покидая МТС и колхозы с целью переехать в город или трудоустроиться в иную хозяйственную организацию.

МТС стали не просто сервисными (или прокатными) пунктами, а новыми институтами власти в деревне. Техническая модернизация сопровождалась политической централизацией, что было особенно заметно в период функционирования политотделов в 1933–1934 гг. Государственная логика сводилась к тому, что повышенный контроль должен был обеспечить рост экономической эффективности и увеличение отдачи от механизации в виде поступления дешевой сельскохозяйственной продукции. Все это, в свою очередь, решало проблему продовольственной безопасности, которую сами власти в 1930-е годы трактовали прежде всего как гарантию стабильных поставок агропродукции для индустриализации и армии, а не как благополучие отдельных хозяйств, обслуживаемых станциями, или сельского населения в целом. МТС выступали не только очагами модернизации в деревне, но и инструментом изъятия продукции. Через них государство обеспечивало себе приоритетный доступ к зерну, не позволяя его раздавать колхозникам в счет трудодней и продавать на колхозном или черном рынке. Экстенсивный путь развития достигался преимущественно за счет расширения посевных площадей, в то время как урожайность оставалась нестабильной. Издержки функционирования МТС (технические, финансовые, социальные) являлись фактором риска для и без того хрупкой продовольственной безопасности. Неблагоприятные погодные усло-

вия не компенсировались агротехническими нововведениями, что ставило под угрозу продовольственное обеспечение населения региона и страны в целом.

Подводя итог, следует сказать, что модернизация аграрного сектора без соответствующего развития качественной технической инфраструктуры, обеспечивающей ее финансовой системы и создания социально защищенной группы технических специалистов, заинтересованных в модернизационных изменениях, имела ограниченный эффект и незавершенный характер.

Литература

Аграрная политика Коммунистической партии на этапе строительства МТС (1929–1939): сб. науч. ст. / отв. ред. Н.В. Корольков. Владимир: ВГПИ, 1985. 133 с.

Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. М.: Наука, 1960. 340 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. М.: Либроком, 2009. 128 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: Ленанд, 2014. 608 с.

Вопросы экономики МТС: материалы науч. конф. (Киев, 4–6 февраля 1955 г.). М.: Госиздат сельхозлит., 1955. 254 с.

Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.

Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН, 2020. 507 с.

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. 167 с.

Ильиных В.А. Сельскохозяйственная статистика в Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск: СО РАН, 2022. 202 с.

История советского крестьянства. М.: Наука, 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 / отв. ред. И.Е. Зеленин. 448 с.

История советского крестьянства / И.А. Зеленин и др. М.: Наука, 1987. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 / отв. ред. М.А. Вылцан. 447 с.

Корнилов Г.Е. Особенности аграрной политики сталинизма: колхозная жизнь после коллективизации // Российская история. 2018. № 4. С. 17–23.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. / отв. ред. Н.Я. Гущин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. 390 с.

Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / отв. ред. В.Т. Анисков, Н.Я. Гущин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. 398 с.

Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М.: АИРО–XXI, 2009. 409 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937 / отв. ред. В.П. Данилов. 648 с.

References

Arutunian, Yu.V. (1960). *Mechanizatory selskogo khozaystva USSR v 1929–1957 gg.* [Agricultural Machine Operators of the USSR in 1929–1957]. Moscow, Nauka. 340 p.

Aniskov, V.T., Gushchin, N.Yu. (Eds.). (1985). *Krest'yanstvo Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma* [The Peasants of Siberia during the Strengthening and Development of Socialism]. Novosibirsk, Nauka. 398 p.

Beznin, M.A., Dimoni, T.M. (2009). *Kapitalizatsiya v rossiyskoy derevne 1930–1980-kh godov* [Capitalization in the Russian Countryside in the 1930s–1980s]. Moscow, Librikom. 128 p.

Beznin, M.A., Dimoni, T.M. (2014). *Agrarnyy stroy Rossii 1930–1980-kh godov* [Agrarian System of Russia in the 1930–1980s]. Moscow, Lenand. 608 p.

Danilov, V. (Ed.). (2004). *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy v 5 tomakh* [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivisation and Dekulakization. 1927–1939. Documents and Materials. In 5 vol.]. Vol. 5: 1937–1939. Moscow, ROSSPEN. 648 p.

Gushchin, N.Ya. (Ed.). (1983). *Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma* [The Peasantry of Siberia during the Consolidation and Development of Socialism]. Novosibirsk, Nauka. 398 p.

Il'inykh, V.A., Laperdin, V.B. (2020). *Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurement in Siberia in the 1930s]. Novosibirsk, SO RAN. 507 p.

Il'inykh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Taxation of Siberian Villages. Late 1920s – Early 1950s]. Novosibirsk, SO RAN. 167 p.

Il'inykh, V.A. (2022). *Sel'skokhozyaystvennaya statistika v Sibiri (1920–1930-e gg.)* [Agricultural Statistics in Siberia (1920–1930s)]. Novosibirsk, SO RAN. 202 p.

Kornilov, G.E. (2018). Osobennosti agrarnoy politiki stalinizma: kolhoznaya zhizn' posle kollektivizatsii [Features of Stalinism's Agrarian Policy: Collective Farm Life After Collectivization]. In *Russian history*. No. 4, pp. 17–23.

Korolkov, N.V. (Ed.). (1985). *Agrarnaya politika kommunisticheskoy partii na etape stroitel'stva MTS (1929–1939): sbornik nauchnykh statey* [Agrarian Policy of the Communist Party at the Construction Stage of MTS (1929–1939): A Collection of Scientific Articles]. Vladimir, VGPI. 133 p.

Pershin, P.N. (Ed.). (1985). *Voprosy ekonomiki MTS* [MTS Economics Issues]. Moscow, Gosizdat selkhozlit. 254 p.

Tomilin, V.N. (2009). *Nasha krepost'. Mashinno-traktornye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoenny period: 1946–1958 gg.* [Our Fortress. Machine and Tractor Stations of the Chernozem Center of Russia in the Post-War Period: 1946–1958]. Moscow, AIRO–XXI. 409 p.

Vylcan, M.A. (Ed.). (1987). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva. Tom 3: Krest'yanstvo nakunne i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1938–1945* [History of the Soviet Peasantry. Vol. 3: The Peasantry on the Eve of and During the Great Patriotic War. 1938–1945]. Moscow, Nauka. 447 p.

Zelenin, I.E. (2006). *Stalinskaya “revolyutsiya sverkhu” posle “velikogo pereloma”, 1930–1939: politika, osushchestvleniye, rezultaty* [Stalin's “Revolution from above” after the “Great Turning Point”, 1930–1939: Politics, Implementation, Results]. Moscow, Nauka. 212 p.

Zelenin, I.E. (Ed.). (1986). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva. Tom 2: Sovetskoe krest'yanstvo v period sotsialisticheskoy rekonstruktsii sel'skogo khozyaystva. Konets 1927–1937* [History of the Soviet Peasantry. Vol. 2: Soviet Peasantry during the Socialist Reconstruction of Agriculture. End of 1927–1937]. Moscow, Nauka. 448 p.

С.В. Шарапов*

**ЗАКОН И СТИМУЛ: ПРОБЛЕМА КОЛХОЗНОГО ТРУДОДНЯ
В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ
(1938–1946 ГОДЫ)****doi:10.31518/2618-9100-2026-4-11
УДК 94:631.1(47+57)"1938/1946"*Выходные данные для цитирования:**Шарапов С.В. Закон и стимул: проблема колхозного трудодня в условиях мобилизационной экономики (1938–1946 годы) // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 172–187. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-11.pdf>*

S.V. Sharapov*

**LAW AND INCENTIVE: THE PROBLEM OF THE COLLECTIVE
FARM WORKDAY IN THE CONDITIONS
OF THE MOBILIZATION ECONOMY (1938–1946)****

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-11

*How to cite:**Sharapov S.V. Law and Incentive: The Problem of the Collective farm Workday in the Conditions of the Mobilization Economy (1938–1946) // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 172–187.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-11.pdf>]*

Abstract. Under Stalin's model of agrarian governance, the country's food security depended on collective farms. The level of collective farm production was determined by the efficiency with which agricultural cooperatives utilized labor resources. This article offers an alternative perspective on state labor policy regarding collective farms at the end of the 1930s–1940s. Its direction was determined by profound structural contradictions inherent in the artel mode of production. The most obvious of these was the low attractiveness of seasonal fieldwork, which accounted for the bulk of the cost of a labor day. Administrative and service personnel (guards, storekeepers, cleaners, etc.) worked significantly more labor days, despite their indirect contribution to the final product. This disproportion was particularly acute in "lagging" collective farms, where the share of administrative labor days reached 30–40 %. This reduced the involvement of field workers in the economy of the agricultural artel. The state saw hidden reserves of labor in those family members of collective farmers who, due to the intra-household distribution of labor, were employed on private farms. The introduction of a mandatory minimum workday allowed for a shift in the proportion of labor input (albeit not radically) from private household plots to collective farm public works. An analysis of incentive measures (additional payments for over-planned production, priority advance payments for harvesting) shows that they failed to overcome the income imbalance. The most effective was the informal practice of issuing increased in-kind remuneration during the harvest period, although it disrupted the standardized accounting of workdays and introduced chaos into final settlements. The shortage of physical labor in fieldwork, coupled with the slowdown in agricultural mechanization, remained one of the main problems of the collective farm economy. It had a negative impact on productivity and, consequently, reduced the state's ability to achieve the creation of a sustainable food supply system.

Keywords: state agricultural policy, collective farms, workday, mandatory minimum workdays.

* **Сергей Валерьевич Шарапов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sergey Valerievich Sharapov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state assignment "Socioeconomic Potential of Russia's Eastern Regions in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and Geopolitical Context" (FWZM-2024-0005).

*The article has been received by the editor on 10.04.2026
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В рамках сталинской модели аграрного строя продовольственная безопасность страны зависела от колхозов. Уровень колхозного производства определялся степенью эффективности использования сельхозартелями трудовых ресурсов. В статье предлагается альтернативный взгляд на государственную трудовую политику в отношении колхозов в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов. Ее вектор определялся глубокими структурными противоречиями артельного способа производства. Наиболее явное из них заключалось в низкой привлекательности сезонных полевых работ, которые и формировали основную стоимость трудодня. Работники административного и обслуживающего персонала (сторожа, кладовщики, уборщики и др.) вырабатывали значительно больше трудодней, при том что их вклад в создание конечного продукта был опосредованным. Эта диспропорция особенно обострялась в «отстающих» колхозах, где доля административных трудодней достигала 30–40 %. Она снижала вовлеченность работников полеводства в экономику сельхозартели. Государство видело скрытые резервы труда в тех членах семей колхозников, которые в силу внутридворового распределения были заняты в ЛПХ. Ведение обязательного минимума позволяло сместить пропорцию трудозатрат (хотя и нерадикально) от ЛПХ к общественным работам в колхозе. Анализ мер стимулирования (доплаты за сверхплановую продукцию, приоритетное авансирование уборочных работ) показывает, что они не смогли преодолеть диспропорцию в доходах. Наиболее действенной оказалась неформальная практика – выдача повышенного натурального вознаграждения в период уборки, хотя она нарушала унифицированный учет трудодней и вносила хаос в окончательные расчеты. Дефицит физического труда в полеводстве при торможении процессов механизации сельского хозяйства оставался одной из основных проблем колхозной экономики. Он негативно сказывался на производительности, а следовательно, сокращал возможности государства добиться создания устойчивой системы продовольственного обеспечения.

Ключевые слова: аграрная политика государства, колхозы, трудодень, обязательный минимум трудодней.

Статья поступила в редакцию 10.04.2026 г.

Введение. В рамках сталинской модели аграрного строя продовольственная безопасность страны в значительной степени зависела от колхозов. Уровень производства в них определялся степенью эффективности распоряжения наличными ресурсами, в том числе трудовыми. В колхозной экономике преобладало внеэкономическое принуждение к труду, но использовались и материальные стимулы. Формой оценки затрат труда и долевого участия в распределении доходов в сельхозартелях являлись трудодни, в которых в соответствии с установленными нормативами оценивался каждый вид выполняемых колхозниками работ.

Колхозный трудодень уже не раз становился объектом исторических исследований. При довольно редких попытках апологетики возникшей вместе с коллективизацией системы оплаты труда¹ большинство современных авторов рассуждают о нем в контексте становления в 1930-е годы порядков эксплуатации советского крестьянства². Применительно к предвоенному и военному периодам введение и последующее повышение обязательного

¹ Шубин С.И. История трудодня (1930–1966) как меры труда и инструмента его стимулирования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. С. 31–37.

минимума трудодней трактуются как эффективная мера по усилению трудовой дисциплины в колхозах, хотя и сопровождавшаяся большим количеством издержек³. В ряде работ указывается, что принудительная мотивация к труду имела ограниченное влияние на крестьянство и на первый план выходили моральные стимулы⁴. Появились специальные работы, посвященные динамике интенсивности труда колхозников в годы войны, стоимости трудодня и количественным/качественным изменениям в составе трудовых ресурсов деревни⁵.

Наше исследование предлагает альтернативный взгляд на трудовую политику государства в отношении колхозной деревни в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов. На наш взгляд, ее вектор был определен глубокими структурными противоречиями артельного способа организации производства. Добиться их выявления мы можем, сочетая макро- и микроуровни анализа, исследуя общестрановые процессы во взаимосвязи с внутрисельскими. Микроуровень исследования обеспечивается материалами Омской, Новосибирской областей и Алтайского края. Эти важнейшие зерновые регионы во время войны находились в глубоком тылу и испытывали на себе наравне с другими все эффекты государственной мобилизационной политики.

От инерции к регуляции. В «сталинском» учебнике политэкономии при описании путей развития СССР индустрии и сельскому хозяйству отводились далеко не равнозначные роли. Промышленность в этой паре безусловно выступала «ведущим началом»⁶. Государственное индустриальное предприятие представлялось «наиболее зрелой, до конца последовательной» формой производственных отношений⁷. Колхозная деревня в глазах большевиков выглядела неполноценной, отставая от города даже по уровню культуры⁸. Более того, само существование наряду с государственной колхозно-кооперативной формой собственности И.В. Сталин возводил в ранг решающей причины сохранения при социализме товарно-денежных отношений. Отсюда следовал известный тезис о том, что колхозно-кооперативная форма собственности должна подняться до уровня государственной (общенародной). Путь к этому виделся в комплексной механизации сельскохозяйственного производства, которая должна была сопровождаться последовательным сокращением сферы товарно-денежного обращения (замещением его прямым продуктообменом)⁹. Перспективы связывались с постепенным свертыванием рыночного компонента во взаимоотношениях между городом и деревней за счет ускоренного развития индустрии и увеличения выпуска промышленной продукции до той стадии, когда она закроет все потребности села.

В конце 1930-х годов темпы механизации сельского хозяйства, достигнутые в 1935–1936 гг., снизились. Приоритеты сместились в сторону оборонно-промышленного комплекса: если в 1936 г. в СССР было произведено 112,9 тыс. тракторов, то в 1937 г. только 50,1 тыс., в 1938 г. – 49,2 тыс., в 1939 г. – 48,1 тыс., а в 1940 г. – 31,6 тыс. (в пересчете на 15-сильный трактор соответственно 173,2, 66,5, 93,4, 88,8 и 66,2 тыс.)¹⁰. С 1937 г. стало

² См.: Мотревич В.П. Советский трудодень – зарплата «крепостных» колхозников в условиях тоталитарного государства // Аграрный вестник Урала. 2013. № 3. С. 38–43.

³ Мотревич В.П. Повышение обязательного минимума трудодней в СССР и его реализация на Урале // Аграрный вестник Урала. 2014. № 9. С. 51–53.

⁴ Рыков А.В. Внеэкономическая мотивация колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2. С. 130–134.

⁵ Шувалова Ю.Б. Уровень интенсивности труда колхозников в годы Великой Отечественной войны на примере Молотовской (Пермской) области // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 146–159; Аргунов О.Н. К вопросу о материальном обеспечении трудодней в период восстановления сельскохозяйственной отрасли народного хозяйства Курской области (1943–1957 гг.) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 3. С. 104–109; Викторов А.Ю. Доходы колхозников Кузбасса от общественного хозяйства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 108–112; Насибуллина Р.М. Оплата труда колхозников и рабочих совхозов Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 156–159.

⁶ Политическая экономия: учебник. М., 1954. С. 478.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 561.

⁹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 219.

активно осваиваться производство новых моделей гусеничных тракторов (СХТЗ-НАТИ, С-65), что позволило несколько компенсировать снижение количества выпускаемых единиц наращиванием их мощности. При этом следует учитывать, что новую технику прежде всего направляли в основные сельскохозяйственные регионы страны (Центрально-Черноземный район, Кубань, Поволжье, Украину). В Сибири, несмотря на то, что тракторный парк МТС в конце 1930-х годов стабильно прирастал количественно (в МТС Новосибирской области в 1938–1939 гг. количество тракторов возросло с 6 722 до 7 292¹¹), его основу составляла техника, поступившая в 1935–1936 гг., – уже устаревшие и маломощные колесные образцы, подверженные износу и частым поломкам. Перебои в поставках горюче-смазочных материалов, сокращение производства запчастей только ухудшали положение дел. Производительность тракторных работ в конце 1930-х годов быстро снижалась: в Новосибирской области выработка на один 15-сильный трактор в 1938 г. составила 429 га, в 1939 г. – только 343 га, в 1940 г. – 324 га¹². Столь же стремительно во второй половине 1930-х годов сокращалось производство уборочной техники. Выпуск комбайнов в СССР в 1936 г. составил 42,6 тыс., в 1937 г. – 43,9 тыс., в 1938 г. – 22,9 тыс., в 1939 г. – 14,8 тыс., в 1940 г. – 12,8 тыс.¹³

Замедление механизации на фоне неразрешенной продовольственной проблемы (особенно ввиду возможной войны) повышало значение колхозов с их собственными трудовыми и тягловыми ресурсами. Для восточных регионов СССР это было тем более актуально в связи с грандиозными планами по расширению посевных площадей. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. площадь пашни в колхозах и совхозах восточных районов СССР должна была увеличиться к 1942 г. на 4345 тыс. га¹⁴. В то же время в конце 1930-х годов сталинское руководство столкнулось с явными признаками эрозии общественного хозяйства колхозов и нарастающей внеартельной экономической активностью крестьянства.

Глубокую тревогу вызывала растущая с каждым годом доходность личных приусадебных хозяйств (ЛПХ) колхозников. Достаточно взглянуть на статистику доходов населения от реализации сельскохозяйственной продукции на колхозных рынках: в 1936 г. выручка в рублях (образца 1924 г.) составила 6,4 млрд руб., в 1938 г. – 10,8 млрд руб., а в 1939 г. – уже 14,7 млрд руб.¹⁵ В 1938 г. выяснилось, что темпы прироста поголовья скота в колхозах серьезно уступали личному сектору¹⁶. С точки зрения государства подсобные хозяйства оттягивали на себя труд колхозников, а их доходность считалась следствием паразитирования на артельных ресурсах. Принятые в 1938–1939 гг. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) («О нарушении Устава сельскохозяйственной артели в колхозах Белорусской республики» от 4 декабря 1938 г.¹⁷, «О нарушениях Устава сельскохозяй-

¹⁰ Davies R.W., Harrison M. et al. *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 7: *The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939*. London, 2018. P. 370; Мотевич В.П. Состояние материально-технической базы сельского хозяйства на Урале в условиях Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Аграрное образование и наука. 2014. № 4. URL: https://aes-urgau.ru/images/2014/04/20_04_2014.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

¹¹ МТС во второй пятилетке: статистические материалы. М.; Л., 1939. С. 37; Сельское хозяйство Союза ССР: статистический справочник. М., 1939. С. 8–9.

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 124–125.

¹³ Davies R.W., Harrison M. et al. *The Industrialisation of Soviet Russia*... P. 370.

¹⁴ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей» (Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР (СП СССР). 1940 г. № 10. Ст. 251).

¹⁵ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 1: Денежные доходы и расходы населения 1924–1990 гг. [Электронный ресурс]. М., 2006. С. 22–23. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/48233/ArchivalFonds_001.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

¹⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док-ты и мат-лы: в 5 т. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. С. 91.

¹⁷ Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 156–157.

ственной артели в колхозах» от 21 января 1939 г.¹⁸, «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 г.¹⁹) развернули в регионах кампанию по обмеру всех приусадебных хозяйств, сопровождавшуюся изъятием незаконно прирезанной земли и конфискацией скота, если его поголовье превышало установленные для ЛПХ нормы. С целью ограничения их доходности и увеличения бюджетных поступлений с 1939 г. был повышен сельхозналог²⁰. Государство препятствовало любым зачаткам складывания инфраструктуры мелкого крестьянского предпринимательства, которое искажало саму идею коллективизации.

«Порча», привнесенная стихийным проникновением рыночных отношений, обнаружилась и в самой колхозной организации производства. Власть встревожили высокие денежные и натуральные затраты колхозов на наем сторонней рабочей силы. По данным Наркомата земледелия СССР в 1938 г. «при наличии большого процента колхозников, не участвующих в работах колхозов, 90 тыс. колхозов пользовалось наемной рабочей силой»²¹. 19 апреля 1938 г. было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неправильном распределении доходов в колхозах». В нем указывалось, что правления «увлеклись капитальным строительством, чрезмерными производственными расходами и затратами на административно-хозяйственное управление в колхозах», а также «затрачивают значительные средства деньгами и натурой на наем рабочей силы извне, что приводит к разбазариванию колхозных средств и снижению колхозных доходов». Для корректировки экономического поведения артелей постановление предписывало направлять на оплату трудодней не менее 60–70 % всех денежных доходов²².

Проблема наемного труда заставляла пристальнее присмотреться к положению единоличников, которые чаще всего и привлекались к артельным работам. Оказалось, что их статус был сопряжен с некоторыми преимуществами, ранее остававшимися в тени. Единоличникам позволялось содержать лошадей, что открывало возможности заниматься мелким предпринимательством, обслуживая как колхозы, так и колхозников (предлагая услуги по вспашке огородов, грузовому и пассажирскому извозу и т.д.). Лошадь также позволяла вести посредническую торговлю: скупать товары в одном районе и перепродавать в другом²³. В конце 1930-х годов поголовье лошадей в хозяйствах единоличников росло быстрее, чем в колхозно-совхозном секторе. Доходы от мелкого предпринимательства государством не учитывались и, соответственно, не облагались налогом. «Такие неправильно сложившиеся отношения к единоличным хозяйствам, – писал нарком финансов СССР А.Г. Зверев, – не могли не сказаться на вовлечение их в колхозы и, вместе с тем, отрицательно действуют на неустойчивых колхозников»²⁴. В ответ правительство в июле 1938 г. в 1,7 раза повысило обязательные страховые взносы на рабочих лошадей²⁵, а 21 августа 1938 г. ввело особый государственный налог на лошадей, который сделал их содержание в хозяйствах нерентабельным²⁶.

Обнаруженные дефекты аграрной экономики убеждали власть в необходимости пересмотра политики в отношении колхозов. Новое видение соотношения общественного и частного в сельском хозяйстве было озвучено А.А. Андреевым на XVIII съезде партии в марте 1939 г.: «Был период, когда наши колхозы были еще слабы и не в состоянии были брать на себя полностью обеспечение потребностей колхозников за счет общественного хозяйства. Тогда правильно был поставлен вопрос о допущении личного хозяйства колхозника

¹⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири... С. 163–165.

¹⁹ СП СССР. 1939. № 34. Ст. 235.

²⁰ Политика раскрестьянивания в Сибири... С. 153.

²¹ Трагедия советской деревни... С. 415.

²² Там же. С. 102–105.

²³ Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011. С. 568.

²⁴ Трагедия советской деревни... С. 188.

²⁵ Аграрная политика советского государства... С. 568.

²⁶ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М., 1956. С. 345.

по скоту, приусадебных земель. Теперь, когда эта задача выполнена, все колхозники наделены коровами и усадьбами, и когда колхозы уже окрепли, надо ударение сделать на укрепление и расширение общественного колхозного хозяйства, повышение его роли в удовлетворении потребностей и доходов колхозников. Правильное сочетание личных интересов и общественных в колхозах остается основой колхозного строя, но личное хозяйство колхозных дворов должно все более носить узко-подсобный характер, а общеколхозное – возрастать как основное»²⁷. Речь шла о планах новой глубокой интервенции государства во внутренние дела колхозов, вмешательстве в операционные правила, вокруг которых выстраивалась их экономика. Направления этого вмешательства А.А. Андреев обозначил так: колхозника необходимо заинтересовать в повышении продуктивности, а значит труд должен быть «индивидуализирован в виде звеньев или отдельных колхозников, чем больше их труд материально поощрен, тем больше он производителен как в урожае, так и в животноводстве»; в оплате труда должно учитывать не только его количество, но и качество; работа в артели должна стать обязанностью: «Совершенно очевидно, что колхозы вправе требовать известного минимума труда в колхозе от каждого колхозника. Звание и права члена сельхозартели накладывают и известные обязательства. Нельзя называть себя колхозником и в то же время помыкать колхозом и лишь для вида отработать 30–40 трудодней»²⁸.

Системного вмешательства в организационные дела колхозов не произошло ни в конце 1930-х, ни в первой половине 1940-х годов. Хотя уже тогда было намечено создание нового органа, который занялся бы институциональным проектированием экономики сельхозартелей. На майском пленуме ЦК ВКП(б) 1939 г. И.В. Сталин говорил о намерении создать для крестьян «свой всесоюзный орган», который бы решал «некоторые вопросы колхозного строительства, при нашем участии и при нашей помощи»²⁹. Этот замысел реализуется после войны, когда в 1946 г. начнет работу Совет по делам колхозов. На рубеже 1930–1940-х годов власть ограничилась несколькими точечными мерами разной степени своевременности и эффективности – о них и пойдет речь далее.

Аномалия колхозного распределения труда. Абстрагируемся на время от задач партии и правительства и обратим внимание на структуру занятости в советских колхозах, а также на то, как она была взаимосвязана с системой трудодней. Начать следует с тех эффектов, которые порождались самой артельной формой организации сельхозпроизводства. Колхозы как относительно крупные производственные единицы по замыслу «творцов» коллективизации должны были копировать элементы фабричного способа производства. Это, в частности, выразилось в резко возросшей по сравнению с семейным крестьянским хозяйством специализацией труда, дифференциацией ролевых функций. Помимо разделения труда в полеводческих и животноводческих бригадах, колхозы содержали штат управленческого и обслуживающего персонала. В условиях отсутствия полноценного рынка труда внедрение трудодня должно было решить проблему сопоставимости разных трудносоизмеримых видов работ. Формально все они оценивались по единой семиразрядной сетке. Однако унифицировать способ оценивания было невозможно хотя бы из-за сосуществования постоянных и сезонных работ, выполняемых индивидуально или группами и требовавших разной квалификации. Поэтому в каждом колхозе в разных пропорциях присутствовали как повременная, так и сдельная оплата (групповая, мелкогрупповая, индивидуальная) трудоднями. Это формировало различные установки: в глазах колхозника одни виды работ выглядели привлекательнее других.

Допустимый процент расходования трудодней на оплату административного и обслуживающего персонала в колхозах был установлен постановлением Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) и коллегии наркомата рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) СССР принятом в августе 1933 г. Он не должен был превышать 8 % от общего числа

²⁷ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет 10–12 марта 1939 г. Л., 1939. С. 119.

²⁸ Там же. С. 117, 118.

²⁹ Трагедия советской деревни... С. 421.

трудодней³⁰. В категорию административного и обслуживающего персонала входили председатели колхозов, члены правлений, заведующие отраслями и предприятиями, счетно-конторские работники, учетчики, завхозы, кладовщики, лица, обслуживающие контору, сторожа, работники детских учреждений и общественного питания.

Таблица

Расход трудодней на оплату
административно-обслуживающего персонала в колхозах СССР

Год	Кол-во начисленных трудодней, %
1933	7,0
1937	6,7
1938	6,8
1939	7,0
1940	8,6
1941	9,0
1942	10,9
1943	12,0
1944	11,9
1945	13,7

Составлено по: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1574. Л. 172.

Как видно из таблицы, с 1940 г. доля трудодней этой категории превысила установленную норму и продолжила расти. Частично это объясняется указанием Наркомзема СССР, в декабре 1940 г. предписавшего местным земельным органам дополнительно включить в состав управленческого и обслуживающего персонала заведующих животноводческими фермами, бригадиров, специалистов сельского хозяйства (агрономов, агротехников, зоотехников, ветврачей и ветфельдшеров, работавших в колхозах), а также всех прочих работников, освобожденных от физического труда. В результате в эту категорию дополнительно включили около 702 тыс. человек³¹. Однако это не объясняет дальнейшее увеличение доли при одновременном снижении общего количества выработанных трудодней в колхозах. Последний показатель упал в 1945 г. по сравнению с 1940 г. с 9 до 7 млрд³². Колхозы явно предпочитали не экономить на штатах управленцев и обслуживающего персонала даже при острой нехватке рабочих рук на физических работах.

Занятость в административном и обслуживающем аппарате колхозов с повременной оплатой позволяла вырабатывать значительно больше трудодней, чем на сезонных работах. По данным обследования 28 колхозов Алтайского края в 1946 г. кладовщику начислялось в среднем 465 трудодней в год, сторожу – 341 трудодень, тогда как лучший колхозник-полевод вырабатывал 334 трудодня. Схожие данные были получены по 15 колхозам Омской области: сторожу начислялось в среднем 338 трудодней, а лучшему полеводу – 270³³.

В структуре колхозного распределения труда преимущество в целом было на стороне занятых на постоянных работах с повременной оплатой. В животноводстве она была распространена значительно шире, чем в полеводстве, где доминировала сдельная форма. В 1941 г. будущий известный советский экономист-аграрник В.Г. Венжер, посетив колхозы Омской области, сделал несколько нетривиальных наблюдений о соотношении количества выработанных трудодней и типа занятости. Он обратил внимание, что в большинстве дворов с суммарной выработкой свыше 1 000 трудодней глава семьи (он же основной работник) занимал постоянную должность. Так, например, семья конюха И.Е. Гончарова из семи

³⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1574. Л. 171.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 172.

³³ Там же. Л. 175.

человек выработала за 10 месяцев 1 323 трудодня (из которых Гончаров выработал 502, а остальные – 821). Семья другого конюха Н.М. Жданкина из девяти человек выработала за тот же срок 1 264 трудодня (Жданкин – 698, остальные – 566)³⁴.

Сезонные полевые работы оказывались непривлекательными для того, чтобы сделать их основной формой заработка. В сельхозартели им. Т. Шевченко из 87 колхозников, участвовавших в полевых работах, только 12 были главами семей, в колхозе «Красная Сибирь» из 74 – 30³⁵. «Как правило, – заключал В.Г. Венжер, – в колхозном дворе глава семьи выработывает наибольшее и при этом гарантированное количество трудодней. Остальные члены семьи работают на так называемых разных работах, летом главным образом на полевых, и работают не регулярно. Они отрываются от работы в колхозе и не выходят на работу тогда, когда потребности подсобного хозяйства двора или необходимость съездить на базар этого требуют»³⁶.

В докладной записке заместителя заведующего сельхозотделом Новосибирского обкома ВКП(б) Н.Н. Жуковского от 21 декабря 1945 г. проблема разрыва между полной укомплектованностью административных и обслуживающих должностей и нехваткой рук в полеводстве поставлена наиболее остро: «Во многих колхозах Новосибирской области, и особенно в отстающих колхозах, большая группа опытных и здоровых колхозников не работает физически на колхозных работах и, прежде всего, в полеводстве <...> Эта группа колхозников заняла постоянные высокооплачиваемые должности, имеет много свободного времени, больше внимания уделяет своему личному хозяйству и живет лучше работников полеводства»³⁷. Например, в колхозе «Вперед» Болотнинского района возчику почты за 1944 год начислили 556 трудодней, фуражиру – 695, сторожу – 685, мельнику – 609, кладовщице – 553, уборщице конторы – 420. Средний заработок работников полеводства по колхозу составил 150–170 трудодней³⁸.

Усредненные данные о росте доли трудодней, приходившихся на административный и обслуживающий персонал, маскируют глубокую дифференциацию между передовыми и отстающими районами и колхозами. Записка Жуковского показывает, что в отстающих районах этот показатель превышал средний уровень. Например, в 1944 г. в Колыванском районе – 20,9 %, в Михайловском – 19,8 %, в Каргатском – 18,1 %³⁹. Еще более ярко выражена дифференциация на уровне колхозов. В передовых артелях (выполнявших государственные планы и имевших сравнительно высокую оплату трудодня) данный показатель, напротив, был значительно ниже среднего. В колхозе им. Кирова Чановского района с 1939 по 1943 г. на административный и обслуживающий персонал приходилось ежегодно менее 5 % трудодней. В колхозе «Большевик» Мошковского в 1943 г. – 6,6 %, а в 1944 г. – 8 %. В колхозе им. Сталина Кыштовского района с 1939 по 1944 г. процент колебался от 3,3 до 7,4⁴⁰. В отстающих колхозах картина обратная: в колхозе «Коммунист» Пихтовского района в 1944 г. показатель достиг 43,6 %, в колхозе им. Куйбышева Каргатского района – 35,5 %, в колхозе «Сибирская звезда» Колыванского района – 32,9 % и т.д.⁴¹

Предположительно, чем острее ощущался дефицит ресурсов, тем выше были издержки администрирования и обслуживания. В одном из документов описан случай колхоза «Юг» Одесского района Омской области, где на административных и обслуживающих должностях было занято 30,5 % (почти треть!) трудоспособных членов. Выяснилось, что колхоз вынужден был содержать 20 сторожей для охраны неработающих тракторов и другой техники, разбросанной по полям⁴².

³⁴ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3316. Л. 63–64.

³⁵ Там же. Л. 61.

³⁶ Там же. Л. 59.

³⁷ Сельское хозяйство Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. док-тов. Новосибирск, 2025. С. 237.

³⁸ Там же. С. 238.

³⁹ Там же. С. 236.

⁴⁰ Там же. С. 237.

⁴¹ Там же. С. 239.

⁴² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 293. Л. 62.

Структурная аномалия, по-разному проявлявшая себя в разных колхозах, заключалась в следующем: колхозники, вырабатывавшие наибольшее количество трудодней и, следовательно, больше других заинтересованные в реальном весе трудодня, не были задействованы в тех видах работ (в полеводстве), которые и формировали его основную стоимость. Сезонные полевые работы зачастую оказывались хронически недоукомплектованными. На них привлекались главным образом члены семей, которые совмещали труд в колхозе и ЛПХ. Это свидетельствует о глубоких структурных проблемах советского артельного способа организации сельхозпроизводства.

Обратим внимание на другой изъян колхозной экономики – предельно слабую постановку учета и контроля труда. Прежде всего это связано с текучестью квалифицированных счетоводов. С 1937 по 1939 г. число работавших в колхозах СССР счетоводов со специальной подготовкой сократилось с 141 166 до 97 538 чел. (более чем на 30 %). Доля счетоводов со стажем до одного года, наоборот, увеличилась с 28,4 % в 1935 г. до 38 % в 1939 г.⁴³ Это объяснялось низкими заработками: счетоводы предпочитали искать более оплачиваемую работу в городе. Военские мобилизации лишь усугубили кадровый дефицит. Во время войны серьезным тормозом стало плохое снабжение колхозов бланками и книгами учета труда со стороны бланкоиздательства ЦСУ⁴⁴. Сказанное заставляет с осторожностью относиться к количественным данным, поступавшим от колхозов и затем агрегировавшимся в общесоюзную статистику трудодней. Следует признать, что мы точно не знаем, какой реальный труд стоит за статистическими расчетами, какова была его производительность, интенсивность и своевременность.

Закон. Прозвучавшие на XVIII съезде партии слова о том, что труд в колхозах должен стать обязанностью, были воплощены в правовую норму 27 мая 1939 г. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) установило обязательный минимум в размере 100 трудодней для хлопковых районов, 60 – для районов особого списка⁴⁵ и 80 – для всех остальных районов СССР. Постановление правительства и партии рекомендовало колхозам лишать членства не выполнявших данную норму⁴⁶. Характерно, что минимум был заметно ниже средней выработки на одного колхозника, принимавшего участие в общественных работах (в 1938 г. она составила 212 трудодней⁴⁷). Это означает, что закон не требовал большего от тех, кто и без того был включен в артельную экономику. Скорее минимум был рассчитан на членов семей, занятых в ЛПХ, чтобы принудить их к отработке на малопривлекательных сезонных работах.

Первые результаты эксперимента по превращению трудодня из экономического измерителя в инструмент принуждения должны были удовлетворить политическое руководство. Число взрослых трудоспособных колхозников, не участвовавших в общественных работах, сократилось по стране с 6,5 % в 1938 г. до 3,4 % в 1939 г. Средняя выработка трудодней на одного участвовавшего поднялась с 212 до 219⁴⁸. При этом пробная мера показала, что потенциал принуждения далеко не исчерпан. Усредненный показатель и на этот раз скрывал глубокую дифференциацию. В 1939 г. из общего числа колхозников выработали среднее и выше количество трудодней 42,9 %. Не участвовали в работах 3,4 %, выработали до 50 трудодней – 14 %, от 51 до 100 – 14,6 %, от 101 до 200 – 25,1 %⁴⁹. При ужесточении санкций и повышении минимума можно было бы потребовать большей отдачи примерно от 32 % колхозников.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 51.

⁴⁴ Там же. Л. 148.

⁴⁵ Московской, Ленинградской, Ивановской, Ярославской, Горьковской, Калининской, Вологодской, Тульской, Рязанской, Смоленской, Архангельской, Мурманской, Кировской, Пермской, Свердловской, Читинской областей, Хабаровского и Приморского краев, Карельской, Коми, Марийской и Якутской АССР, высокогорных зерновых и животноводческих районах по списку Наркомзема СССР.

⁴⁶ История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. II: (1937–1958 гг.). М., 1958. С. 110.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 27.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 30.

Колхозы подходили к исключению «тунеядцев» достаточно осторожно. В 1939 г. в СССР из артелей было 501,2 тыс. человек (8,5 % от числа не выработавших минимума)⁵⁰. Для многих исключенных это не становилось проблемой: они продолжали жить в артели, поскольку другой член семьи оставался колхозником. В некоторых документах такие хозяйства называли «половинчатыми». Они пользовались всеми правами колхозного двора, но не несли ответственности за участие в работах всех трудоспособных членов семьи. «Половинчатые» хозяйства платили повышенный сельхозналог, но имели больше времени для ведения ЛПХ⁵¹.

В 1942 г. обстоятельства потребовали поднять минимальный порог трудодней. 2 марта 1942 г. заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев получил от своего заместителя Н.Я. Ицкова проект постановления о повышении минимума. В сопроводительной справке утверждалось, что прежний закон утратил свое мобилизующее значение: существующий минимум слишком низок, его можно выработать за 30–40 дней на любых самых выгодных для колхозника работах, и «часть отсталых и несознательных колхозников использует его для того, чтобы на “законном основании” не принимать систематического участия в колхозном производстве и в то же время пользоваться всеми правами членов колхоза»⁵².

Окончательный вариант постановления был принят 13 апреля 1942 г.⁵³ Обязательный минимум повысился до 150 трудодней в хлопковых районах, 100 – в районах особого списка⁵⁴ и 120 – для всех остальных районов СССР. Устанавливался минимум для подростков от 12 до 16 лет – 50 трудодней. Исправлялся недостаток постановления 1939 г. – возможность выполнить норму на любых работах в любое время года. Теперь годовой минимум раскладывался по четырем сельскохозяйственным периодам (до 15 июня, с 15 июня по 15 августа, с 15 августа по 15 октября, после 15 октября), и в каждом нужно было отработать фиксированную часть. Ужесточались санкции по отношению к «лодырям»: помимо угрозы исключения, не выработавшие минимума по периодам без уважительных причин наказывались исправительно-трудовыми работами в колхозе на срок до шести месяцев с удержанием из оплаты до 25 % в пользу колхоза. Материалы в народный суд должны были предоставлять председатели и бригадиры; за уклонение от этого им самим грозила судебная ответственность.

Подключение к борьбе с «тунеядцами» системы юстиции должно было довести до автоматизма и сделать неизбежным наказание за проступок. Однако ожидаемый эффект утонул в правоприменительном хаосе с первых дней после публикации постановления. На 15 июля 1942 г. по неполным данным Наркомата юстиции в народные суды поступило 96 165 дел на крестьян, не выполнивших минимум. Около 20 % из них суды прекратили до рассмотрения, примерно по стольким же вынесли оправдательные приговоры⁵⁵. Первые отчеты об исполнении закона свидетельствовали о полном беспорядке в привлечении к уголовной ответственности. Председатели и бригадиры, напуганные угрозой судебного преследования, боялись самостоятельно решать, какие причины невыполнения следует считать уважительными⁵⁶. Зафиксировано множество случаев, когда руководство артелей направляло в суд списки колхозников без предварительного разбирательства⁵⁷. Далеко не всегда народные суды проявляли щепетильность в определении причин невыполнения минимума. Например, в Аромашевском районе Омской области судья Шумихин осудил «огульно по списку» 410 колхозников из 47 колхозов, посадив на скамью подсудимых

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 31.

⁵¹ Там же. Л. 32.

⁵² Там же. Л. 28–29.

⁵³ Руководящие материалы по вопросам сельского хозяйства. М., 1942. С. 38.

⁵⁴ Московской, Ленинградской, Ивановской, Ярославской, Горьковской, Калининской, Вологодской, Тульской, Рязанской, Смоленской, Архангельской, Мурманской, Кировской, Молотовской, Свердловской, Читинской областях, Хабаровском и Приморском краях, в Карело-Финской ССР, Коми, Марийской и Якутской АССР, в высокогорных зерновых и животноводческих районах по списку Наркомзема СССР.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 170.

⁵⁶ Там же. Л. 172.

⁵⁷ Там же. Л. 139.

из одного лишь колхоза «Парижская коммуна» 32 человека, включая 16 пожилых в возрасте от 57 до 73 лет и двух подростков до 16 лет⁵⁸. Пришлось давать дополнительные инструкции. 14 июля 1942 г. вышел приказ наркома юстиции СССР – не принимать к рассмотрению дела на колхозников старше 60 лет, колхозниц старше 55 лет и подростков моложе 16 лет⁵⁹.

Органы юстиции явно оказывались не на высоте поставленных задач. Дела нередко рассматривались судами заочно, без вызова свидетелей, материалы, предоставляемые колхозами, принимались без проверки, действительные причины невыполнения минимума во многих случаях не выяснялись. Повсеместно фиксировались случаи как неправильного оправдания, так и необоснованного осуждения – без учета возраста колхозников, болезней и иных уважительных причин⁶⁰. Неблагополучно обстояло дело и с исполнением приговоров. В докладной записке прокурора Новосибирской области К.Я. Румянцева (июнь 1944 г.) указывалось, что из-за отсутствия учета со стороны бюро исправительно-трудовых работ ряда районов приговоры народных судов остаются неисполненными и теряют смысл⁶¹.

Практика применения уголовного наказания выявила провалы в учете трудодней. Председатели не имели оперативных данных о выработке трудодней к концу каждого сельскохозяйственного периода. В ряде колхозов записи в трудовых книжках делались с большим опозданием, а подросткам книжки не выдавались вовсе⁶². Кроме того, сами колхозы не всегда могли обеспечить работой в течение всех сельскохозяйственных периодов. В некоторых случаях правления саботировали закон, не выдавая нарушителей. Например, председатель колхоза «Коммунизм» Омской области Саитов не передал материалы в суд, «потому что его жена и дочь тоже не работают в колхозе, а собирают ягоды и грибы»⁶³.

В справке наркома земледелия И.А. Бенедиктова о ходе выполнения постановления, написанной 23 июля 1942 г., выделялись три категории крестьян, не выполнивших закон о минимуме трудодней. Первая – занятые в ЛПХ и обеспеченные заработком других членов семьи. Вторая – выжидающие подходящей для себя работы, чей труд не был равномерно распределен по периодам. Третья, «лодыри» и «симулянты», как указывалось в докладной, была самой немногочисленной⁶⁴.

Закон об обязательном минимуме трудодней был вызван уверенностью власти в том, что ЛПХ скрывают еще незадействованные резервы рабочей силы. Это убеждение А.А. Андреев высказал еще в мае 1939 г. на совещании с секретарями обкомов и крайкомов ВКП(б): «За приусадебными участками у нас скрывается огромное количество рабочей силы и создается неправильное положение – колхозы нуждаются в рабочей силе»⁶⁵. Надо сказать, что закон был принят весьма своевременно для власти. Внутридворовое распределение труда чаще всего предполагало занятость главы семьи в колхозе. Труд же остальных членов семьи в разных пропорциях был разделен между артелью и ЛПХ. Из-за воинских мобилизаций, которые лишали дворы основных работников, возникала угроза дестабилизации колхозного производства. Обязательный минимум позволил гарантировать участие (хотя во многих случаях ограничивающееся выполнением нормы) в артельных работах подавляющего большинства оставшегося трудоспособного населения.

Стимул. Некоторые элементы стимулирования труда колхозников были зафиксированы еще в Примерном уставе сельхозартели 1935 г. Его пункт 15 гласил: «Если полеводческая бригада в результате хорошей работы собирает с закрепленных за ней участков урожай выше среднего колхозного или животноводческая бригада в результате лучшей работы обеспечивает больший удой коровы, большую упитанность скота, полное сохранение молодняка,

⁵⁸ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3267. Л. 23.

⁵⁹ Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г. – 1 мая 1943 г. М., 1943. С. 237.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 176.

⁶¹ Сельское хозяйство Новосибирской области... С. 191.

⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 138.

⁶³ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3267. Л. 24.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 145–147.

⁶⁵ Там же. Д. 18. Л. 69.

то всем членам такой бригады правление артели производит начисление дохода в размерах до 10 % всего числа выработанных ими трудодней, выдающимся ударникам в бригаде – в размере до 15 %, а бригадиру и заведующему фермой – до 20 %»⁶⁶. Такой меры стимулирования было недостаточно. Учитывая сравнительно низкую выработку трудодней работниками полеводства, прибавку в 10 % вряд ли можно назвать ощутимой.

Помимо пропорциональной, правительство допускало и прямую доплату трудоднями за перевыполнение планов. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей»⁶⁷ колхозам перечисленных краев и областей предлагалось «ввести дополнительное начисление трудодней колхозникам, работающим в звеньях колхозных бригад или в бригадах, за каждый полученный в их звене или бригаде сверх установленного плана урожайности центнер зерновых и зернобобовых культур – 2–3 трудодня». Результат применения данной меры оказался мизерным. В 1940 г. во всех сельхозартелях Западной Сибири дополнительно начислили 1267 трудодней, что составляло 0,25 % от их общего числа⁶⁸. Главной причиной являлась низкая урожайность в абсолютном большинстве колхозных бригад и звеньев.

Столь же малое распространение получило и прямое материальное поощрение, поставленное в зависимость от перевыполнения планов. В 1939–1941 гг. для каждого из регионов СССР были приняты постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о дополнительной оплате труда за повышение урожайности и продуктивности животноводства⁶⁹. Партия и правительство рекомендовали колхозам выдавать бригадам и звеньям часть сверхплановой продукции натурой или оплачивать деньгами. В регионах Западной Сибири для занятых в производстве зерновых рекомендовалось выдавать четвертую часть сверхпланового урожая, а по озимой пшенице, гречихе и зернобобовым – половину⁷⁰. Воспользоваться этой возможностью смогли немногие. В 1941 г. дополнительную оплату получили 4,9 % полеводческих бригад и 14 % звеньев, в 1942 г. – 1,9 и 3 %, в 1943 г. – 2,2 и 4 %, в 1944 г. – 2,9 и 7,9 %, в 1945 г. – 3 % бригад и 9,3 % звеньев⁷¹. Причина та же – низкая урожайность. Кроме того, постановление предполагало высокие требования к организации и учету труда. Колхозы, которые не справлялись с простой количественной фиксацией трудодней, вряд ли были способны вести раздельный учет по бригадам, звеньям и культурам.

Более удачной мерой стало приоритетное авансирование колхозников, занятых во время уборки на полевых работах и вывозке урожая. В 1941 г. в районах Сибири, Молотовской, Кировской, Вологодской и Архангельской областей, северных областей Казахской ССР, Коми и Татарской АССР колхозникам, занятым на уборке и выполняющим установленные нормы выработки, разрешили с 26 сентября по 15 октября производить повышенную оплату труда натурой сверх начисленных трудодней. Правлениям предоставлялось право выдавать до 5 кг зерна за каждый скошенный конными машинами гектар и до 15 кг – за скошенный вручную. Столько же (до 15 кг) разрешалось выдавать за просушку сырого хлеба в поле, вязку снопов, переноску и укладку их в копны, а за скирдование хлеба – до 7 кг за каждый гектар⁷².

⁶⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.: сб. док-тов за 50 лет. Т. 2: 1929–1940 гг. М., 1967. С. 527.

⁶⁷ Там же. С. 749–752.

⁶⁸ Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 41.

⁶⁹ См.: Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. (1938–1941 гг.). М., 1970. С. 26–27; Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 40.

⁷⁰ О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Алтайскому краю: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). Камень, 1941; О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Новосибирской области. Новосибирск, 1942. 19 с.

⁷¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 1710. Л. 116.

⁷² Правда. 1941. 2 окт.

Начиная с 1942 г. принцип приоритетного авансирования участвующих в уборке закреплялся для всех колхозов страны в ежегодных постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) об уборке урожая и заготовках сельхозпродуктов. Партия и правительство предписывали половину отчисляемого на авансовые выплаты зерна, риса, подсолнечника, картофеля и овощей распределять на трудодни, выработанные на всех уборочных и других полевых работах в период уборки урожая, а также на вывозке продукции⁷³.

Эта мера была действенной потому, что колхоз, не дожидаясь окончательного расчета по трудодням, мог поощрять работников продуктами за выполнение конкретных видов работ. Таким стимулом могли воспользоваться все, в том числе и отстающие артели. Изъян заключался в том, что, помимо уборочного периода, остальные сезонные работы (осенние, зимнее и, главное, весенние) оставались без поощрения. Например, в колхозе «Красный борец» Омской области с августа по октябрь 1942 г. явка работников полеводства на работу составляла 95 % к максимально возможному количеству человеко-дней. В ноябре этот показатель падал до 38 %, а в мае-июне не поднимался выше 54 %⁷⁴. Уборочные работы действительно были решающими и требовали наибольших трудозатрат, однако на конечную урожайность влиял весь комплекс полевых работ, который стимулировался неравномерно.

Есть основания полагать, что принцип приоритетного авансирования был не более чем попыткой узаконить и отрегулировать уже существовавшую в колхозах неформальную практику стимулирования. Например, в 1940 г. правление колхоза «Колос» Омской области во время уборки приняло решение выдавать по 0,8 кг за выполненную норму выработки вне зависимости от количества трудодней⁷⁵. Это свидетельствовало о том, что колхозы находили собственные способы смягчать негативные эффекты выявленной нами структурной аномалии. Такие выплаты компенсировали работникам полеводства низкие заработки при окончательном расчете за трудодни.

Другое дело, что такого рода неформальные выплаты нарушали принцип зависимости доходов от количества выработанных трудодней. Установленный государством принцип приоритетного авансирования предполагал, что выданное зерно, картофель и овощи по трудодням, заработанным в период уборки, засчитывается в конце года в счет окончательного распределения доходов по трудодням. То есть предполагалось, что в конце года при окончательном расчете стоимость трудодня будет выровнена вне зависимости от того, кем и когда он был выработан.

Колхозы сплошь нарушали установленное государством правило. В конце года оказывалось, что трудодень оценивался по-разному. Так, в колхозе «Путь бедноты» Омской области в 1942 г. на каждый «уборочный» трудодень было выдано 1,5 кг зерна, а на «общий» трудодень – 0,2 кг, т.е. в 7 раз меньше. При этом правление колхоза рисковало вызвать недовольство со стороны других работников, например животноводческих бригад, трудодень которых оценивался ниже. Но при всем несовершенстве такого метода стимулирования, который вносил хаос в окончательные расчеты колхозов с работниками, именно он позволял хотя бы частично компенсировать низкую привлекательность полевых работ. Действенной могла быть именно дополнительная оплата, а не аванс.

Заключение. В рассматриваемый период резко возросло значение ручного труда в колхозном полеводстве. Государство видело скрытые резервы труда в тех членах семей колхозников, которые в силу внутридворового распределения труда были заняты в ЛПХ. Ведение обязательного минимума трудодней позволяло сместить пропорцию трудозатрат (хотя и нерадикально) от ЛПХ к общественным работам в колхозе. Так, трудодень из экономического измерителя превратился в инструмент принуждения. Это было сделано вовремя: воинские мобилизации лишили многие семьи основных работников и отсутствие принуждения могло бы еще больше дестабилизировать колхозное производство. Однако проблема его низкой эффективности коренилась гораздо глубже. Полеводство, где производился

⁷³ История колхозного права... С. 226.

⁷⁴ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3316. Л. 9.

⁷⁵ ИАОО. Ф. 437. Оп. 9. Д. 878. Л. 37.

основной продукт, востребованный государством, было наименее привлекательным местом приложения труда. Работники полеводческих бригад вырабатывали меньше трудодней, чем административно-обслуживающий персонал и животноводы. Это негативно сказывалось на вовлеченности колхозников в полевые работы – многие из них ограничивались отработкой обязательного минимума.

Предложенные государством меры стимулирования оказались неэффективными. Даже приоритетное авансирование уборочных работ в том виде, в каком оно предлагалось государством, было проблематичным из-за отстаиваемого принципа равной стоимости трудодня для всех видов работ. Поэтому наиболее действенным способом стала неформальная колхозная практика прямой оплаты полевых работ безотносительно количества выработанных трудодней. По всей видимости, без ломки системы трудодней, которая вытесняла работников полеводства «на обочину», исправить ситуацию было невозможно. Существенным минусом данного метода была его применимость только в конце сельскохозяйственного сезона, когда у колхоза появлялся натуральный фонд оплаты труда.

Литература

Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2011. 608 с.

Аргунов О.Н. К вопросу о материальном обеспечении трудодней в период восстановления сельскохозяйственной отрасли народного хозяйства Курской области (1943–1957 гг.) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (276). С. 104–109.

Викторов А.Ю. Доходы колхозников Кузбасса от общественного хозяйства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 108–112.

Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.). М.: Политиздат, 1970. 200 с.

Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука, 1975. 284 с.

Мотревич В.П. Повышение обязательного минимума трудодней в СССР и его реализация на Урале // Аграрный вестник Урала. 2014. № 9 (127). С. 51–53.

Мотревич В.П. Советский трудодень – зарплата «крепостных» колхозников в условиях тоталитарного государства // Аграрный вестник Урала. 2013. № 3 (109). С. 38–43.

Мотревич В.П. Состояние материально-технической базы сельского хозяйства на Урале в условиях Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Аграрное образование и наука. 2014. № 4. URL: https://aes-urgau.ru/images/2014/04/20_04_2014.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

Насибуллина Р.М. Оплата труда колхозников и рабочих совхозов Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 156–159.

По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 1: Денежные доходы и расходы населения 1924–1990 гг. [Электронный ресурс] / сост. Ю.И. Кашин, В.В. Миков. М., 2006. С. 22–23. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/48233/ArchivalFonds_001.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. 214 с.

Политическая экономия: учебник / ред. К.В. Островитянов и др. М.: Госполитиздат, 1954. 638 с.

Рыков А.В. Внеэкономическая мотивация колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 130–134.

Сельское хозяйство Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов / отв. ред. В.А. Ильиных, Д.Г. Симонов. Новосибирск, 2025. 304 с.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 224 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док-ты и мат-лы: в 5 т. М., 2006. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939 / под ред. В. Данилова. С. 188.

Шубин С.И. История трудодня (1930–1966) как меры труда и инструмента его стимулирования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. С. 31–37.

Шувалова Ю.Б. Уровень интенсивности труда колхозников в годы Великой Отечественной войны на примере Молотовской (Пермской) области // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1 (204). С. 146–159.

Davies R.W., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S.G. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 7: The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. London: Macmillan Publishers Ltd., 2018. 439 p.

References

Argunov, O.N. (2017). K voprosu o material'nom obespechenii trudodney v period vosstanovleniya sel'skokhozyaystvennoy otrasli narodnogo khozyaystva Kurskoy oblasti (1943–1957 gg.) [On the Issue of Material Support of Workdays in the Period of Restoration of the Agricultural Branch of the National Economy of the Kursk Region (1943–1957)]. In *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 3 (276), pp. 104–109.

Danilov, V. (Ed.) (2004). *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: vokumenty i materialy: v 5 tomakh* [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivisation and Dekulakization. 1927–1939. Documents and Materials. In 5 vol.]. Vol. 5: 1937–1939. Book 2: 1938–1939. Moscow, ROSSPEN. 704 p.

Davies, R.W., Harrison, M., , Khlevniuk, O., Wheatcroft, S.G. (2018). *The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 7: The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939*. London, Macmillan Publishers Ltd. 439 p.

Gushchin, N.Ya., Kosheleva, E.V., Charushin, V.G. (1975). *Krest'yanstvo Zapadnoy Sibiri v dovoennye gody (1935–1941)* [The Peasantry of Western Siberia in the Pre-War Years (1935–1941)]. Novosibirsk, Nauka. 284 p.

Ilinykh, V.A., Kavtsevich, O.K. (Eds.). (2000). *Politika raskrest'yanivaniya v Sibiri. Vyp. 1: Etapy i metody likvidatsii krest'yanskogo hozyaystva. 1930–1940 gg.* [The Policy of De-Peasantization in Siberia. Novosibirsk. Issue 1: Stages and Methods of Liquidating Peasant Farms]. Novosibirsk. 214 p.

Ilinykh, V.A., Simonov, D.G. (Eds.). (2025). *Sel'skoe khozyaystvo Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik dokumentov i materialov* [Agriculture of the Novosibirsk Region during the Great Patriotic War: A Collection of Documents and Materials]. Novosibirsk. 304 p.

Motrevich, V.P. (2013). Sovetskiy trudoden' – zarplata “krepostnykh” kolkhoznikov v usloviyakh totalitarnogo gosudarstva [Soviet Workday – the Salary of “Serf” Collective Farmers in a Totalitarian State]. In *Agrarnyy vestnik Urala*. No. 3 (109), pp. 38–43.

Motrevich, V.P. (2014). Povyshenie obyazatel'nogo minimuma trudodney v SSSR i ego realizatsiya na Urale [Increasing the Mandatory Minimum of Workdays in the USSR and Its Implementation in the Urals]. In *Agrarnyy vestnik Urala*. No. 9(127), pp. 51–53.

Motrevich, V.P. (2014). Sostoyanie material'no-tekhnicheskoy bazy sel'skogo khozyaystva na Urale v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny [The State of the Material and Technical Base of Agriculture in the Urals during the Great Patriotic War]. In *Agrarnoe obrazovanie i nauka*. No. 4. Available at: URL: <http://www.aon.urgau.ru/ru/4-2014> (date of access 07.04.2026).

Nasibullina, R.M. (2007). Oplata truda kolkhoznikov i rabochikh sovkhozov Bashkirii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Remuneration of Collective Farmers and State Farm Workers

in Bashkiria during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. No. 1, pp. 156–159.

Ostrovityanov, K.V. (Ed.). (1954). *Politicheskaya ekonomiya* [Political Economy]. Moscow, Gospolitizdat. 639 p.

Rykov, A.V. (2017). Vneekonomicheskaya motivatsiya kolkhoznogo krest'yanstva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Altayskogo kraya) [Non-Economic Motivation of Collective Farm Peasantry during the Great Patriotic War (Based on Materials from Altai Krai)]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (94), pp. 130–134.

Shubin, S.I. (2013). Istoriya trudodnya (1930–1966) kak mery truda i instrumenta ego stimulirovaniya [The History of the Workday (1930–1966) as a Measure of Labor and an Instrument for Its Incentivization]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 6, pp. 31–37.

Shuvalova, Yu.B. (2021). Uroven' intensivnosti truda kolkhoznikov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny na primere Molotovskoy (Permskoy) oblasti [The Level of Labor Intensity of Collective Farmers during the Great Patriotic War on the Example of the Molotov (Perm) Region]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 23, No. 1 (204), pp. 146–159.

Stalin, I.V. (1952). *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic Problems of Socialism in the USSR]. Moscow, Gospolitizdat. 224 p.

Viktorov, A.Yu (2011). Dokhody kolkhoznikov Kuzbassa ot obshchestvennogo khozyaystva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Incomes of Collective Farmers of Kuzbass from Public Economy during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 108–112.

Vyltsan, M.A. (1970). *Sovetskaya derevnya nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny (1938–1941 gg.)* [Soviet Village on the Eve of the Great Patriotic War (1938–1941)]. Moscow, Politizdat. 200 p.

С.Н. Третьяков*

РОЛЬ ПОЛИТОТДЕЛОВ МТС И ОРГАНОВ НКВД
В ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ПРОИЗВОДСТВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)doi:10.31518/2618-9100-2026-4-12
УДК 94:631.1(571.150)"1941/1945"*Выходные данные для цитирования:**Третьяков С.Н. Роль политотделов МТС и органов НКВД в организации сельскохозяйственного производства в период Великой Отечественной войны (по материалам Алтайского края) // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 188–197. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-12.pdf>*

S.N. Tretyakov*

THE ROLE OF THE POLITICAL DEPARTMENTS OF THE MTS
AND THE NKVD IN THE ORGANIZATION OF AGRICULTURAL
PRODUCTION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BASED ON MATERIALS FROM THE ALTAI REGION)

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-12

*How to cite:**Tretyakov S.N. The Role of the Political Departments of the MTS and the NKVD in the Organization of Agricultural Production during the Great Patriotic War (Based on Materials from the Altai Region) // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 188–197. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-12.pdf>]*

Abstract. The agricultural management system that emerged in the 1930s and continued to function during the Great Patriotic War effectively included emergency (political departments) and law enforcement agencies. This article analyzes the contribution of the MTS political departments to the organization of production during the initial stages of the Great Patriotic War and demonstrates the impact of the NKVD on the agricultural situation. It is shown that at the beginning of the war, there was a threat of losing political control over the countryside and an uncontrollable decline in agricultural production. Consequently, in November 1941, the political departments of the MTS and state farms were reestablished, combining party-political, mass-political, and organizational-economic functions. Their primary task was to ensure an uninterrupted supply of food and raw materials for the needs of the front and the rear. It was concluded that the activities of the political departments led to the stabilization of the economic and political situation in the countryside during the initial stages of the war. However, they were unable to prevent the escalation of the crisis in agriculture. At the end of May 1943, the political departments were abolished. During the war, the powers of the NKVD were expanded. They complemented the party committees, land authorities, and the political departments of machine and tractor stations and state farms in organizing agricultural production, serving as a parallel control system. The NKVD helped reduce the scale of agricultural theft and labor discipline violations, thereby contributing to the country's supply of raw materials and food.

Keywords: Great Patriotic War, agricultural production, political departments of the MTS, NKVD, Altai Krai.

The article has been received by the editor on 26.10.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Сергей Николаевич Третьяков**, аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, e-mail: sergej.tretyakov.76@mail.ru
Sergey Nikolaevich Tretyakov, Postgraduate Student, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, e-mail sergej.tretyakov.76@mail.ru

Аннотация. В рамки сложившейся в 1930-е годы и продолжавшей функционировать в годы Великой Отечественной войны системы, фактически входили чрезвычайные (политотделы) и правоохранительные органы. В статье проведен анализ вклада политотделов МТС в организацию производства на начальном этапе Великой Отечественной войны, а также раскрыто влияние деятельности органов НКВД на ситуацию в сельском хозяйстве. Показано, что в начале войны возникла угроза утраты политического контроля над деревней и неконтролируемого падения производства сельхозпродукции. В связи с этим в ноябре 1941 г. были воссозданы политотделы МТС и совхозов, которые совмещали партийно-политические, массово-политические и организационно-хозяйственные функции. Их основной задачей было обеспечение бесперебойного поступления продовольствия и сырья для нужд фронта и тыла. Сделан вывод, что деятельность политотделов привела к стабилизации хозяйственно-политической ситуации в деревне на начальном этапе войны. Однако предотвратить нарастание кризисных явлений в сельском хозяйстве они не смогли. В конце мая 1943 г. политотделы были упразднены. Установлено расширение во время войны полномочий органов НКВД. Они дополняли парткомы, земельные органы, политотделы МТС и совхозов в сфере организации аграрного производства, играли роль параллельной системы контроля. Органы НКВД способствовали снижению масштабов хищений сельхозпродукции, нарушений трудовой дисциплины и тем самым вносили вклад в обеспечение воюющей страны сырьем и продовольствием.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сельское хозяйство, политотделы МТС, НКВД, Алтайский край.

Статья поступила в редакцию 26.10.2025 г.

Введение. Задачи органов управления сельским хозяйством включают создание условий для развития отрасли, обеспечение продовольственной безопасности страны и регионов. Ключевую роль в сложившейся в 1930-е годы и продолжавшей функционировать в годы Великой Отечественной войны системе управления сельским хозяйством СССР играла Коммунистическая партия. ВКП(б) осуществляла стратегическое руководство, планирование, координацию и контроль за аграрным сектором экономики на всех уровнях. Партийным комитетам подчинялись государственные земельные органы, которые должны были непосредственно руководить колхозами и машинно-тракторными станциями (МТС). При этом на районном уровне происходило сращивание партийного и государственного управления. Райкомы ВКП(б) не только контролировали деятельность сельхозпредприятий, но и оперативно управляли ими. Агентами большевистской партии на местах являлись члены и кандидаты в члены ВКП(б), объединяемые в первичные партийные организации. Коммунисты, как правило, занимали руководящие должности в колхозах и совхозах и непосредственно отвечали за выполнение ими государственных производственных планов.

Реакцией колхозников на сверхнормативное налогово-податное обложение колхозов, ставившее деревню на грань голода, являлись низкая трудовая дисциплина и хищения сельхозпродуктов, которые негативно сказывались на производственных показателях колхозов. Борьба с проявлениями подобного поведения крестьян и тем самым обеспечить выполнение колхозами посевных, заготовительных и иных заданий должны были правоохранительные органы.

В начале 1930-х годов обычные органы управления аграрным сектором экономики не смогли купировать вызванный форсированной коллективизацией глубокий кризис сельского хозяйства. В связи с этим в январе 1933 г. были созданы чрезвычайные партийно-государственные органы – политотделы МТС и совхозов. Политотделы МТС были ликви-

рованы в конце 1934 г., а политотделы совхозов – в начале 1940 г.¹ Политотделы МТС и совхозов вновь были воссозданы в ноябре 1941 г. В годы войны также активизировалась деятельность органов НКВД в деревне.

На советском этапе историографии наибольший вклад в изучение деятельности политотделов МТС в годы Великой Отечественной войны на общесоюзном уровне внес И.И. Виноградов². Деятельность политотделов в Сибири исследовали В.Т. Анисков³, А.С. Шевляков⁴ и другие историки. В постсоветский период интенсивность изучения проблемы существенно снизилась. Краткая характеристика деятельности политотделов МТС в основном дается в общих работах об аграрной истории периода Великой Отечественной войны⁵. Специальный анализ темы на материалах Сибири продолжил лишь А.С. Шевляков⁶. Проблема роли органов НКВД в организации сельскохозяйственного производства находится лишь на начальном этапе разработки⁷. Дальнейшее приращение исторических знаний по указанным проблемам может быть получено на материалах отдельных краев и республик страны.

Цель работы включает решение двух взаимосвязанных задач:

1) рассмотреть причины воссоздания политотделов МТС в 1941 г., дать характеристику их деятельности;

2) показать участие органов НКВД в организации сельскохозяйственного производства в годы Великой Отечественной войны.

Решение поставленных задач осуществляется на материалах Алтайского края.

Политотделы МТС. В связи с начавшейся войной в РККА было мобилизовано значительное число членов ВКП(б). В Алтайском крае с 1 июля 1941 г. по 1 января 1942 г. количество сельских коммунистов уменьшилось на 35 %, а число колхозных парторганизаций за год войны – почти наполовину⁸. В связи с этим возник риск утраты политического контроля над деревней. Первой реакцией стало направление в село коммунистов из городов и районных центров. Решением бюро Алтайского крайкома партии от 3 июля 1941 г. более половины членов ВКП(б), работающих в районах края, передвигалось непосредственно в сельскохозяйственное производство⁹. Всего в крае летом и осенью 1941 г. на постоянную руководящую работу в колхозы было направлено более тысячи коммунистов¹⁰. Мера оказалась недостаточной, сеть партийных организаций продолжала сокращаться. Тотальная мобилизация из деревни на фронт людских и материально-технических ресурсов, возрастание

¹ Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 636–637.

² Виноградов И.И. Политотделы МТС и совхозов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Л., 1976.

³ Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941–1945 гг.: деятельность партийных организаций по руководству сельским хозяйством в период Великой Отечественной войны. Барнаул, 1966.

⁴ Шевляков А.С. Деятельность политотделов МТС и совхозов Западной Сибири в годы Великой Отечественной: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1988.

⁵ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни: Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993; Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012; Шарапов С.В., Ильиных В.А. Сельское хозяйство Новосибирской области накануне и в годы Великой Отечественной войны. Монографический очерк // Сельское хозяйство Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. док-тов. Новосибирск, 2025. С. 266–295; и др.

⁶ Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов Сибири в годы Великой Отечественной войны. Томск, 2000; Шевляков А.С. Ликвидация политотделов МТС и совхозов (май 1943 г.) // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 2. С. 73–82; Шевляков А.С. Политический контроль над колхозным крестьянством в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 6. С. 48–53; и др.

⁷ См.: Папков С.А. Аграрная экономика Сибири и чрезвычайное законодательство в годы Великой Отечественной войны // Известия Алтайского государственного университета. 2023. № 5. С. 37–41.

⁸ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. М., 1970. С. 60; Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни... С. 200.

⁹ Алтай в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1960. С. 157.

¹⁰ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни... С. 201.

в чрезвычайных условиях налогово-податного обложения деревни, снижение партийного влияния в колхозах создавали угрозу потери управления сельским хозяйством и резкого падения объемов заготовок сельхозпродукции. В этих условиях руководители Советского государства приняли решение о воссоздании чрезвычайных органов управления сельским хозяйством.

17 ноября 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об организации политотделов в МТС и совхозах»¹¹. Их основной задачей являлось «укрепление дисциплины и порядка во всей работе МТС, совхозов и колхозов для обеспечения своевременного выполнения ими планов сельскохозяйственных работ».

Политотделы МТС и совхозов являлись партийно-государственными органами мобилизационного типа со следующей вертикалью подчинения: ЦК ВКП(б) – политуправления наркомата земледелия и наркомата совхозов – политсекторы региональных земельных отделов и совхозных трестов – политотделы. Начальники политотделов назначались и могли быть смещены только ЦК ВКП(б) по представлению первых секретарей краевых/областных парткомов. Согласно постановлению Политбюро, начальник политотдела одновременно являлся заместителем директора МТС или совхоза «по политработе и по выполнению хозяйственных планов». Штат политотдела МТС был небольшим и включал начальника, его заместителя и помощника по комсомольской работе.

К началу 1942 г. в Сибири организовали 827 политотделов в МТС и 339 в совхозах. В Алтайском крае было создано 274 политотдела (192 при МТС). В крае в них работало 820 человек. Около 70 % начальников политотделов имели партстаж более 10 лет¹².

Политотделы совмещали партийно-политические, массово-политические и организационно-хозяйственные функции. Первостепенное значение в их деятельности имела работа по укреплению и росту численности организаций ВКП(б) и ВЛКСМ. Политотделы сплотили вокруг себя постоянный актив передовиков, за счет которого росли сельские организации большевистской партии. Уже к ноябрю 1942 г. политотделы Алтая сформировали 136 новых первичных парторганизаций¹³.

В рамках массово-политической работы политотделы занимались устройством лекций и массовых чток (например, сводок информбюро), разъяснением постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б), а также крайкома партии и крайисполкома среди колхозников и механизаторов, подбором и распределением агитаторов, проведением с ними инструктивных совещаний, организацией красных уголков, изб-читален, клубов, «передвижек литературы» за счет книг районных и городских библиотек. Редакция газеты «Алтайская правда» рекомендовала начальникам политотделов публиковать в газете материалы на злободневные вопросы производства, о выдвижении женских кадров и т.д.¹⁴ В обязанности политотделов входило информирование вышестоящих инстанций о ситуации в деревне. С первых дней своей деятельности они составляли ежедекадные политдонесения, а с апреля 1942 г. – отчеты о выполнении приказов политсектора.

Хозяйственно-политическое направление деятельности включало организацию социалистического соревнования, заключение соцдоговоров, поддержку трудовых «починов» (инициатив) по сборке запчастей, выработке каждым колхозником не менее 500 трудодней в год и пр., создание бригад из передовиков, популяризацию опыта передовиков, оказание практической помощи ударникам и др.¹⁵

Контрольно-проверочные мероприятия предполагали организацию следующих проверок: выполнение устава сельхозартели, деятельности руководства колхозов, а также счетов-

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 7. С. 260–261.

¹² Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов Сибири... С. 56; Алтай в годы Великой Отечественной войны... С. 21; Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 346; Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни... С. 205.

¹³ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы... С. 67–68.

¹⁴ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1462. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–23, 31; Ф. П-1900. Оп. 1. Д. 3. Л. 9, 24, 25 об., 27–29 об., 42 об.; Ф. П-545. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 18.

¹⁵ Там же. Ф. П-545. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 9, 17, 44; Ф. П-1462. Оп. 1. Д. 3. Л. 30; Ф. П-1900. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.

водов и кладовщиков, распределение доходов и урожая, выполнение производственно-финансовых планов, выпуск стенной печати и работы агитаторов, посещаемость курсов председателей колхозов при МТС, выполнение социалистических обязательств МТС и колхозами; состояние сушилок, риг, сельхозинвентаря, качества обмолота, готовность скотных дворов, поощрение передовиков, выполнение постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) об оплате труда на уборке урожая и выработке минимума трудодней. Материалы по выявленным случаям хищений, махинаций и попыток срыва мероприятий передавались в следственные органы¹⁶.

Организационно-производственные меры включали в себя мобилизацию всех людских и тягловых ресурсов на выполнение производственных заданий, контроль за соблюдением трудовой дисциплины, оказание практической помощи колхозам в составлении производственных планов и расстановке рабочей силы, доведение ежедневных заданий до комбайнеров и тракторных бригадиров, организацию соблюдения агротехнических правил на весенне-полевых работах, борьбу с потерями урожая на полях и при молотье, организацию курсов полевых бригадиров и сеяльщиков, подбор кадров на курсы механизации, создание бригад для молотье в ночную смену, контроль за выполнением плана госпоставок и графика вывоза зерна¹⁷.

В донесении политотдела Айской МТС начальнику политсектора краевого земельного отдела содержалась следующая информация о проделанной в течение марта 1942 г. работе. Проведено 22 собрания по техническим и кадровым вопросам подготовки к весеннему севу и ряд производственных совещаний с председателями колхозов, секретарями организаций ВКП(б) и ВЛКСМ, агитаторами по всему спектру их работы. Дважды проверялось состояние дел в колхозах. Взаимопроверка колхозов показала выполнение на 48 % плана обучения коров хождению в упряжи для выполнения сельхозработ. Принимались меры по поиску семян, недостающих кадров, в том числе агрономов. Проверялась обеспеченность ГСМ. Оценка результатов ремонта тракторов проводилась с участием трактористов и бригадиров при личном присутствии начальника политотдела¹⁸.

Политотдел Каменской МТС проводил в марте-апреле 1942 г. аналогичные мероприятия, которые дополнялись планированием работ МТС и разъяснительной работой среди полеводов и механизаторов, организацией расстановки людей и тягла, составлением производственных планов и приходно-расходных смет, организацией бригад по изысканию семян и ремонту сельхозинвентаря¹⁹.

Важное место политотделы Айской и Каменской МТС уделялось организации соцсоревнования с другими МТС, между бригадами, фермами, колхозами. Проводились тематические политзанятия по задачам «трудового фронта» в военное время, а также совещания, беседы, конкурсы самодеятельности²⁰.

Одной из важнейших задач политотделов являлась работа с кадрами, которая включала комплекс мер – от замены ушедших на фронт и обучения новых специалистов до ужесточения контроля за ними. В годы войны в политическом лексиконе властных структур стал использоваться термин «засоренность кадров», который подразумевал политическую неблагонадежность и низкий профессиональный уровень части работников, занимающих низовые руководящие посты²¹.

¹⁶ ГААК. Ф. П-1900. Оп. 1. Д. 3. Л. 25, 27–29, 42, 43 об.; Ф. П-1462. Оп. 1. Д. 3. Л. 9, 97; Ф. П-545. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 9, 17, 59.

¹⁷ Там же. Ф. П-545. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 10–13, 21, 22; Ф. П-1. Оп. 18. Д. 221. Л. 86, 87, 87 об.; Ф. П-1462. Оп. 1. Д. 3. Л. 58; Ф. П-1900. Оп. 1. Д. 3. Л. 26, 27.

¹⁸ Там же. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 221. Л. 1, 1 об., 2.

¹⁹ Там же. Ф. П-1900. Оп. 1. Д. 3. Л. 37, 37 об., 43э.

²⁰ Там же. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 221. Л. 2, 2 об.; Ф. П-1900. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

²¹ См.: Рыков А.В. Положение бригадиров полеводческих бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Вопросы исторической науки: мат-лы III Междунар. науч. конф. (Москва, январь 2015 г.). М., 2015. С. 124–126.

Борьба с засоренностью кадров в политотделах Айской, Сростинской и Каменской МТС заключалась в проверке руководства колхозов, в особенности счетоводов и кладовщиков. В случае выявления «вредительства» материалы передавались в следственные органы. К нему могли относиться сдача в аренду, растрата и падеж скота, посев без вспашки и т.д. Также принимались меры по поиску виновных в падеже, побоях, чесотке лошадей и других проявлениях «безответственности, издевательства и обезлички»²².

При проведении уборочных работ в обязанность политотделов МТС входила организация борьбы с потерями урожая. В Каменской и Змеиногорской МТС во время уборки урожая 1942 г. было организовано обеспечение зерноуловителями уборочной техники, дополнительная подработка полей – сгребание колосьев конными и ручными граблями, сбор колосьев школьниками, а также переработка зерноотходов на токах. Политотделы МТС установили контроль качества уборки урожая с обсуждением результатов на производственных совещаниях, что поднимало ответственность председателей колхозов, полевых бригадиров, комбайнеров и мобилизовало колхозников на борьбу с потерями²³.

Наряду с ответственным подходом к исполнению обязанностей отмечены случаи формального отношения к работе. Совещания механизаторов в Ново-Еловской и Ельцовской МТС выявили недостатки в докладах начальников политотделов: отсутствие связи с реальными задачами механизаторов, анализа причин плохой работы. Начальники политотделов этих МТС не занимались повышением квалификации трактористов и комбайнеров, проводили только усиленные инструктажи на производственных совещаниях, а беседы, особенно по обстановке на фронте, проводились редко²⁴.

Следует особо отметить личные качества сотрудников политотделов. В поведении некоторых из них проявлялись элементы самопожертвования. Так, сотрудники политотдела Айской МТС, испытывая острую нужду в продуктах питания, считали неправильным брать их в колхозах. Но имели место и противоположные поведенческие практики. Например, начальник политотдела Лебяжинской МТС Никитин использовал служебное положение для решения личных проблем. В октябре 1942 г. он приказал отправить для нужд своей семьи 2 ц колхозной муки. Фиксировались случаи халатного отношения к должностным обязанностям. В Буденновской МТС начальник политотдела Яковлева пыталась скрыть плохой ремонт техники. Проведенная проверка показала крупные дефекты 14 тракторов, остальные 32 требовали доработки. Начальник политотдела Угловской МТС Николаев, несмотря на срыв тракторных работ, в тракторных отрядах бывал редко и недолго²⁵.

В работе политотделов МТС (особенно осенью 1942 г.) также проявлялось так называемое местничество, которое было также характерно для деятельности политотделов во время их первого пришествия в 1934 г.

Как указывалось выше, политотделы несли ответственность за выполнение колхозами заготовительных планов. Однако некоторые начальники политотделов, считая колхозы зоны действия МТС «своими», защищали их от непомерного изъятия сельхозпродукции. Они активно протестовали против злоупотреблений не только со стороны заготовительных органов, но и райкомов ВКП(б) и райисполкомов. Объектом их критики являлось изъятие семенных фондов в счет хлебозаготовок, практика выполнения госпоставок отстающих колхозов передовыми, «разбазаривание» колхозного имущества районным и краевым начальством, сплошные подворные обходы колхозных дворов с целью выявления похищенного хлеба и т.п. Подобные действия вступали в прямое противоречие с заготовительной практикой тех лет и были наказуемы. Такие работники определялись как «саботажники с партбилетами». В Алтайском крае только в период хлебозаготовок 1942 г. были сняты с должности пять начальников политотделов МТС и на восьмерых наложены взыскания. Например, получавшие неоднократные предупреждения начальники политотделов Верхне-

²² ГААК. Ф. П-545. Оп. 1. Д. 1. Л. 58; Ф. П-1. Оп. 18. Д. 221. Л. 2 об., 3; Ф. П-1900. Оп. 1. Д. 3, 43 об.

²³ Там же. Ф. П-1900. Оп. 1. Д. 3. Л. 12, 12 об., 17–20, 19 об., 20 об.; Ф. П-545. Оп. 1. Д. 1. Л. 60; Ф. П-1462. Оп. 1. Д. 3. Л. 97.

²⁴ Там же. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 221. Л. 84, 84 об.

²⁵ Там же. Д. 145. Л. 9; Д. 156. Т. 2. Л. 60; Д. 157. Т. 1. Л. 153; Ф. П-545. Оп. 1. Д. 1. Л. 74.

Чуманской и Бочкаревской МТС были в конце концов сняты с должности, исключены из партии и преданы суду за саботаж хлебозаготовок и срыв вывоза хлеба²⁶.

Политотделы МТС и совхозов способствовали стабилизации хозяйственно-политической ситуации в деревне на начальном этапе войны. Однако предотвратить нарастание кризисных явлений в сельском хозяйстве они не смогли. В конце мая 1943 г. политотделы были упразднены²⁷. Основной причиной данного решения называлось дублирование ими работы директоров МТС и совхозов. Кроме того, в постановлении указывалось, что «политотделы, занимаясь параллельно с директорами МТС и совхозов хозяйственными и административными делами, совершенно неудовлетворительно ведут политическую работу среди колхозников и рабочих совхозов <...> Райкомы же, обкомы, крайкомы и ЦК компартий союзных республик, полагаясь на политотделы и передоверив им работу в МТС и совхозах, сами по-настоящему не вникают в нужды МТС и совхозов, своевременно не оказывают им необходимой помощи и мало уделяют внимания партийно-политической работе в колхозах, МТС и совхозах»²⁸.

Однако в научной литературе существуют иные точки зрения на мотивы ликвидации политотделов. По мнению В.Т. Анискова, они были упразднены по причине того, что все более решительно стали выступать в роли защитников интересов крестьян²⁹. А.С. Шевляков полагает, что данное решение было связано с отсутствием антисоветских выступлений, в ожидании которых и были созданы политотделы³⁰. По версии С.В. Шарапова, политотделы были ликвидированы в связи с накоплением достаточного опыта управления сельскохозяйственным производством в военное время, в связи с чем отпала надобность в дополнительных чрезвычайных органах³¹.

Органы НКВД. Характерной чертой перестройки системы управления сельским хозяйством в военные годы стал рост административного давления. Полномочия региональной власти увеличивались при пропорционально нараставшем контроле над их деятельностью³². Расширился и круг обязанностей органов НКВД. Как и воссоздание политотделов, это было связано с угрозой потери контроля над колхозной деревней. Наряду с традиционными обязанностями по выявлению хищений и порчи продукции, «вредительства», политической неблагонадежности, появились не свойственные этому наркомату обязанности, включавшие в себя контроль за своевременностью хода полевых работ, полнотой использования гужевой и механической тяги и др.

Выше было сказано о небольшом количестве сотрудников политотделов (820 человек на Алтайский край). Им не под силу было охватить контрольными мероприятиями все колхозы и совхозы. Поэтому усилия политотделов дополнялись органами НКВД. Тем более что многие сферы их деятельности пересекались (борьба с «засоренностью кадров», хищениями, контроль над выполнением производственных и заготовительных заданий и т.д.).

Традиционные обязанности органов НКВД по борьбе с «засоренностью кадров» включали выявление «антипартийных поступков», в том числе среди руководителей районного уровня. Например, первый секретарь Ключевского райкома ВКП(б) И.И. Ветров был уличен в использовании грузового транспорта в личных целях во время кампании по вывозке хлеба. Он использовал его для поездки за спиртными напитками. В другом случае агент по заготовкам Т.А. Чистяков и председатель Новиковского сельсовета И.И. Григоров, явно превышая свои полномочия, принудительно изымали личные продовольственные запасы колхозников и теплую одежду якобы в фонд РККА. В некоторых случаях отмечалось

²⁶ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни... С. 207–208; Шевляков А.С. Политический контроль над... С. 53; ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 220. Л. 182.

²⁷ КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 412–413.

²⁸ Там же. С. 412.

²⁹ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни... С. 208.

³⁰ Шевляков А.С. Ликвидация политотделов МТС... С. 80.

³¹ Шарапов С.В. Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты // ЭКО. 2021. № 5. С. 164.

³² Там же.

изъятие полностью всех продуктов питания и последней одежды («с плеч снимали»), а также последующее присвоение изъятых. В конце января 1942 г. оба были арестованы и преданы суду³³.

С началом войны начальников райотделов НКВД обязывали тщательно контролировать пункты «Заготзерна», колхозные зернохранилища и качество хранения семян. Им также предписывалось следить за колхозным руководством и принимать меры по пресечению хищений зерна. Контрольно-проверочные мероприятия показали следующие результаты: в ряде пунктов «Заготзерна» были выявлены факты хищений зерна кладовщиками, сторожами, весовщицами по сговору с возчиками; в колхозах хищения (в том числе и сокрытие зерна в отходах взамен украденного зерна) нередко совершались руководством – председателями, бригадирами, кладовщиками. Так, тракторный бригадир трактористов Сенияшкин (Ребрихинский район) похитил с поля 342 кг пшеницы, 159 кг проса и 47 кг подсолнуха³⁴.

Во время войны органы НКВД, как указывалось выше, были наделены дополнительными обязанностями по контролю над производством и выявлению недостатков в ходе сельхозработ. Контрольные мероприятия охватывали ремонт сельхозтехники, соблюдение агротехнических мероприятий, ход посевных работ и хлебозаготовок, состояние тягловой силы и трудовой дисциплины. Самостоятельно сотрудники НКВД принимали меры только по факту преступлений уголовного или политического характера. Во всех остальных случаях собирали информацию, а затем в виде спецсообщений и докладных записок передавали в крайком ВКП(б) для принятия соответствующих мер.

В донесениях в крайком ВКП(б) содержалась информация о нарушениях агротехники, в частности о случаях плохого качества сева – на недостаточную глубину или при заниженных нормах высева, о качестве ремонта техники и прицепного инвентаря. Одновременно выявлялись случаи «вредительства» во время ремонта, «умышленной» порчи тракторов и другой техники³⁵.

Спецсообщения НКВД были дополнительным каналом поступления данных в крайком ВКП(б) о ходе посевной кампании. Они информировали о степени обеспеченности региона семенами (например, в посевную 1942 г. семенной фонд составлял 76–85 % от необходимого при большом количестве некондиционных семян), низкой производительности тракторного парка (фиксировались простои у 50 % тракторов), затяжке сева. Основная причина затягивания сева виделась в неполном использовании живого тягла ввиду его истощения и болезней. Дополнительно ситуацию усугубляли низкая трудовая дисциплина, отсутствие борьбы за ее укрепление и самоустранение от руководства севом некоторых председателей колхозов и уполномоченных райкома ВКП(б)³⁶. Органами НКВД предоставлялась дополнительная информация в крайком о ходе хлебозаготовок в районах края, выявленных фактах срыва хлебосдачи, общественных настроениях в районах (в некоторых случаях они характеризовались как «голодные» или «бесхлебные»). Также органы НКВД представляли сведения о темпах вывозки зерна из глубинных заготовительных пунктов³⁷.

Органы НКВД в годы войны дополняли деятельность партийных комитетов, земельных органов, политотделов МТС в сфере организации сельскохозяйственного производства, играли роль параллельной системы контроля. Они способствовали снижению масштабов хищений сельхозпродукции, нарушений трудовой дисциплины и тем самым вносили вклад в стабилизацию ситуации в сельском хозяйстве.

³³ ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 27. Л. 190, 223, 224; Д. 157. Т. 1. Л. 78–86.

³⁴ Там же. Д. 155. Т. 1. Л. 48, 72, 73, 247–249; Д. 156. Т. 2. Л. 54, 538–540; Д. 807. Т. 2. Л. 9–11.

³⁵ Там же. Д. 155. Т. 1. Л. 354, 360, 397–399, 400–403; Д. 156. Т. 2. Л. 45, 46, 48, 62, 63; Д. 157. Л. 150–155.

³⁶ Там же. Д. 155. Т. 1. Л. 354–359, 397, 399, 401–404; Д. 156. Т. 2. Л. 44, 45, 47, 51, 52, 58–61, 63, 64, 344; Д. 157. Т. 1. Л. 147–150.

³⁷ Там же. Д. 155. Л. 322–324.

Литература

- Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. док-тов и мат-лов / гл. ред. Т.А. Кулаков. Барнаул: Алтайск. кн. изд-во, 1965. 458 с.
- Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941–1945 гг.: деятельность партийных организаций по руководству сельским хозяйством в период Великой Отечественной войны. Барнаул: Алтайск. кн. изд-во, 1966. 371 с.
- Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни: Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1993. 245 с.
- Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1970. 466 с.
- Виноградов И.И. Политотделы МТС и совхозов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 128 с.
- Очерки истории Алтайского края / отв. ред. А.П. Бородавкин. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. 446 с.
- Папков С.А. Аграрная экономика Сибири и чрезвычайное законодательство в годы Великой Отечественной войны // Известия Алтайского государственного университета. 2023. № 5 (133). С. 37–41.
- Рыков А.В. Положение бригадиров полеводческих бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Вопросы исторической науки: мат-лы III Междунар. науч. конф. (Москва, январь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 124–126.
- Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Сибпринт, 2012. 408 с.
- Шарапов С.В. Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты // ЭКО. 2021 № 5. С. 155–174.
- Шарапов С.В., Ильиных В.А. Сельское хозяйство Новосибирской области накануне и в годы Великой Отечественной войны. Монографический очерк // Сельское хозяйство Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. док-тов. Новосибирск, 2025. С. 266–295.
- Шевляков А.С. Деятельность политотделов МТС и совхозов Западной Сибири в годы Великой Отечественной: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1988. 236 с.
- Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов Сибири в годы Великой Отечественной войны. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2000. 195 с.
- Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 636–637.
- Шевляков А.С. Политический контроль над колхозным крестьянством в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 6. С. 48–53.
- Шевляков А.С. Ликвидация политотделов МТС и совхозов (май 1943 г.) // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 2. С. 73–82.

References

- Aniskov, V.T. (1966). *Kolkhoznoe krest'yanstvo Sibiri i Dalnego Vostoka – frontu. 1941–1945 gg.: Deyatel'nost part. organizatsiy po rukovodstvu sel. khoz-vom v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Collective Farm Peasantry of Siberia and the Far East to the Front. 1941–1945: The Activities of Party Organizations for the Management of Rural Economy during the Great Patriotic War]. Barnaul, Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo. 371 p.
- Aniskov, V.T. (1993). *Zhertvennyy podvig derevni. Krest'yanstvo Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Sacrificial Feat of the Village. Peasantry of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 245 p.
- Arutyunyan, Yu.V. (1970). *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet Peasantry during the Great Patriotic War]. 2nd ed., add. Moscow, Nauka. 466 p.

Borodavkin, A.P. (Ed.). (1987). *Ocherki istorii Altayskogo kraya* [Essays on the History of the Altai Krai]. Barnaul, Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo. 446 p.

Ilinykh, V.A. (Ed.). (2012). *Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* [Siberian Agriculture in the 20th Century: Development Issues and Crises]. Novosibirsk, Sibprint. 408 p.

Kulakov, T.A. (Ed.). (1965). *Altay v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik dokumentov i materialov* [Altai during the Great Patriotic War: Collection of Documents and Materials]. Barnaul, Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo. 458 p.

Papkov, S.A. (2023). Agrarnaya ekonomika Sibiri i chrezvychaynoe zakonodatel'stvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Agrarian Economy of Siberia and Emergency Legislation during the Great Patriotic War]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5 (133), pp. 37–41.

Rykov, A.V. (2015). Polozhenie brigadirov polevodcheskikh brigad Altayskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Position of Field Brigade Foremen in Altai Krai during the Great Patriotic War]. In *Voprosy istoricheskoy nauki: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, yanvar' 2015 g.)*. Moscow, Buki-Vedi, pp. 124–126.

Sharapov, S.V. (2021). Khlebozagotovki v Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: plany i rezul'taty [Grain Procurement in Western Siberia during the Great Patriotic War: Plans and Results]. In *ECO*. No. 5, pp. 155–174.

Sharapov, S.V., Ilinykh, V.A. (2025). Sel'skoe khozyaystvo Novosibirskoy oblasti nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Monograficheskiy ocherk [Agriculture of the Novosibirsk Region on the Eve and during the Great Patriotic War. A Monographic Essay]. In *Sel'skoe khozyaystvo Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik dokumentov*. Novosibirsk, pp. 266–295.

Shevlyakov, A.S. (1988). *Deyatel'nost' politotdelov MTS i sovkhozov Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy* [The Activities of Political Departments of MTS and State Farms in Western Siberia during the Great Patriotic War]. Cand. hist. sci. diss. Tomsk. 236 p.

Shevlyakov, A.S. (2000). *Politotdely MTS i sovkhozov Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Political Departments of MTS and State Farms in Siberia during the Great Patriotic War]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 195 p.

Shevlyakov, A.S. (2009). Politotdely MTS i sovkhozov [Political Departments of MTS and State Farms]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk. Vol. 2, pp. 636–637.

Shevlyakov, A.S. (2013). Politicheskiy kontrol' nad kolkhoznym krest'yanstvom v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Sibiri) [Political Control over the Collective Farm Peasantry during the Great Patriotic War (Based on Materials from Siberia)]. In *Vestnik TGU. Istoriya*. No. 6 (26), pp. 48–53.

Shevlyakov, A.S. (2015). Likvidatsiya politotdelov MTS i sovkhozov (may 1943 g.) [The Liquidation of Political Departments of MTS and State Farms (May 1943)]. In *Biblioteka zhurnala "Rusin"*. No. 2, pp. 73–82.

Vinogradov, I.I. (1976). *Politotdely MTS i sovkhozov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Political Departments of MTS and State Farms during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 128 p.

О.Н. Аргунов*

ЗАГОТОВКИ И ЭКСПОРТ ЗЕРНА И ХЛЕБОПРОДУКТОВ
В СССР В 1945–1953 ГОДАХdoi:10.31518/2618-9100-2026-4-13
УДК 94:631.1+633.1(47+57)
"1945/1953"*Выходные данные для цитирования:*
Аргунов О.Н. Заготовки и экспорт зерна и хлебопродуктов в СССР в 1945–1953 годах // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 198–205.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-13.pdf>

O.N. Argunov*

PROCUREMENT AND EXPORT OF GRAIN
AND GRAIN PRODUCTS IN THE USSR IN 1945–1953

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-13

How to cite:
Argunov O.N. Procurement and Export of Grain and Grain Products in the USSR in 1945–1953 // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 198–205.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-13.pdf>]

Abstract. The issue of grain procurement and distribution in the post-war Soviet Union is a cornerstone of Russian historiography on the country's agricultural policy. However, in our opinion, it has been presented rather one-sidedly, focusing solely on the confiscation of grain from producers. The purpose of this article is to reconstruct the structure and results of grain and grain product procurement and export in the USSR in 1945–1953. In this regard, it is important to note the following research findings. First, it was determined that during the years studied, the state received a significant portion of its grain through mandatory deliveries and payments in kind to the machine-tractor stations (MTS) from collective farms. Moreover, the share of the former declined, while the latter steadily increased. Moreover, procurement volumes steadily increased throughout the study period, with the exception of the poor harvests of 1946 and 1953, indicating a gradual improvement in the agricultural sector of the USSR economy. Secondly, during the years studied, the state consumed less grain than it procured, accumulating reserves that were partially used to maintain the food balance during the lean years of 1946 and 1953. It is also worth noting that the export of grain and grain products gradually increased, but declined during periods of crisis, indicating a flexible approach by the state to the use of its grain reserves. Thus, the data obtained refute the established historiographic thesis about the lack of connection "between the economics of production and distribution" in the Soviet Union during the late Stalin period.

Keywords: grain procurement, mandatory deliveries, government procurement, payment in kind MTS, collective farm, grain, export, USSR.

The article has been received by the editor on 04.04.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Проблема заготовок и распределения зерна в послевоенном СССР является одной из краеугольных в отечественной историографии, посвященной аграрной политике государства. Однако, на наш взгляд, она представлена весьма однобоко, исключительно в рамках изъятия хлеба у производителей. Цель настоящей статьи состоит в реконструкции структуры, а также итогов заготовок и экспорта зерна и хлебопродуктов в СССР в 1945–1953 гг. В этой связи важно отметить следующие резуль-

* **Олег Николаевич Аргунов**, кандидат исторических наук, Государственный архив Курской области, Курск, Россия, e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru
Oleg Nikolaevich Argunov, Candidate of Historical Sciences, Kursk State Archive, Kursk, Russia, e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

таты исследования. Во-первых, было установлено, что в изучаемые годы значительную часть зерна государство получало через обязательные поставки и натуроплату МТС от колхозов. Причем доля поставок снижалась, а натуроплаты непрерывно увеличивалась. Объемы хлебозаготовок на протяжении всего исследуемого периода, за исключением неурожайных 1946 и 1953 гг., поступательно увеличивались, что указывает на постепенное улучшение положения в аграрном секторе экономики страны. Во-вторых, в изучаемые годы государство расходовало зерна меньше, чем заготавливало, накапливая резервы, которые в неурожайные 1946 и 1953 гг. частично расходовались на поддержание продовольственного баланса. Также стоит отметить, что постепенно увеличивался экспорт зерна и хлебопродуктов, но в кризисные периоды его объемы снижались, что говорит о гибком подходе со стороны государства к расходованию своих зерновых запасов. Таким образом, полученные данные опровергают устоявшийся в историографии тезис об отсутствии связи «между экономикой производства и распределением» в Советском Союзе в позднесталинский период.

Ключевые слова: зерно, хлебозаготовки, обязательные поставки, государственная закупка, натуроплата МТС, колхозы, экспорт, СССР.

Статья поступила в редакцию 04.04.2026 г.

Несмотря на то, что аграрная политика советского государства в позднесталинский период достаточно давно является предметом исследования отечественных¹ и зарубежных² исследователей, ряд вопросов до сих пор остается недостаточно изученным. Одной из таких, на наш взгляд, является проблема хлебозаготовок и последующего вывоза зерна за границу. Отдельные исследователи затрагивали данный вопрос, но комплексно проблема еще не рассматривалась. Поэтому в настоящей работе поставлена задача реконструкции структуры, а также итогов заготовок и экспорта зерна и хлебопродуктов в СССР в 1945–1953 гг. При этом мы основываемся не на позднейших опубликованных сведениях³ (каковыми в большинстве своем, по нашему мнению, весьма некритично пользуются некоторые ученые-историки⁴), а на аутентичных архивных документах, выявленных нами в ходе работы с материалами, хранящимися в фондах Российского государственного архива экономики.

В первую очередь обратимся к структуре хлебозаготовок в СССР. С середины 1930-х годов основная масса зерна поступала государству через три ключевых канала: обязательные поставки, натуроплату МТС и государственные закупки. Следует отметить, что в послевоенный период закупки или практически не производились, или были минимальными. Так, в 1946 г. государством у колхозов было закуплено только 180,4 тыс. т зерна, а в 1945, 1947, 1948 гг. госзакупки вообще не производились⁵.

Согласно сведениям, выявленным в сводной информации «Выполнение плана обязательных поставок зерна по СССР», имевшей ранее гриф «совершенно секретно», в которой дан анализ хлебозаготовок за 1940, 1947–1952 гг., в 1940 г. на обязательные поставки

¹ См.: Васильев Н.В. Социалистическое сельское хозяйство на путях к изобилию продуктов. М., 1951; Волков И.М. Колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 3–19; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву: Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 40-е гг. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 49–66; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов, 2000; и др.

² См., напр.: Dunmore T. The Stalinist Command Economy: The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945–53. New York, 1980.

³ Внешняя торговля СССР (1918–1966): стат. сб. М., 1967. С. 76–95.

⁴ См.: напр.: Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. Саратов, 2020. С. 217–219.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2029. Л. 354–355.

приходилось 41,9 %, на натуроплату МТС – 41,3 % от общего объема заготовленного в стране зерна. В послевоенный период картина стала меняться: если в 1947 г. на обязательные поставки и натуроплату МТС приходилось по 40,8 и 35,9 % поступающего государству хлеба, то в 1952 г. – 26,6 и 55,7 % соответственно⁶. Эти сведения верифицируются аналогичным более ранним документом, датированным 28 ноября 1950 г., в котором также приведены сведения за 1933–1939, 1941–1946 гг. В годы войны поступление зерна государству через натуроплату МТС неуклонно снижалось: с 39,4 % от общего объема заготовок в 1941 г. до 25,1 % в 1945 г., а с 1946 г. начался устойчивый рост⁷.

Эти сведения указывают на постепенную интенсификацию аграрного производства в стране в послевоенный период за счет расширения использования техники МТС, которое приводило к увеличению доли натуроплаты МТС в структуре хлебозаготовок⁸. Масштабы обслуживания колхозов росли ежегодно. В 1951 г. объем работ, выполненных МТС (в переводе на пахоту), увеличился в 3,2 раза по сравнению с 1945 г. и в 1,7 раза по сравнению с 1940 г.⁹ Нарастивался уровень механизации зернового производства.

В целом по обязательным поставкам и сдаче в счет натуроплаты МТС государство получало более 4/5 зерна. В то же время хлеб поступал в государственные закрома не одновременно: процесс растягивался фактически на год. Заготовительный год в СССР официально начинался 1 июля текущего года и заканчивался 30 июня следующего года. При этом для динамики сдачи хлеба были характерны определенные закономерности. Так, до 1 октября сельхозпроизводители должны были сдать не менее половины зерна, подлежащего сдаче, а к 1 января – не менее 80 %¹⁰. Впрочем, на местах стремились завершить хлебозаготовительную кампанию как можно раньше, желательно к празднованию очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Обратимся к количественным данным, характеризующим объемы хлебозаготовок в СССР в 1945–1953 гг. В течение завершающего периода Великой Отечественной войны, когда основная часть зернопроизводящих регионов страны уже была освобождена от оккупантов, и в первые послевоенные годы объемы заготовок зерна как в целом, так и по колхозному сектору неуклонно снижались. Этому, на наш взгляд, имеется два объяснения. Во-первых, сказывались деградация агротехники и существенное сокращение посевных площадей как в бывших оккупированных, так и в тыловых районах страны¹¹. Во-вторых, в эти годы произошло ухудшение агроклиматических условий, пик которого пришелся на 1946 год, когда значительная часть страны, в особенности ключевые зернопроизводящие регионы европейской ее части, оказалась во власти самой масштабной за весь XX век засухи¹².

Если говорить об объемах заготовок зерновых культур в абсолютных значениях, то данные сведения обобщены в таблице. Следует отметить, что в источниках, с которыми мы работали в процессе подготовки настоящей статьи, объемы хлебозаготовок, отпуска зерна и экспорта приводятся в разных единицах измерения (чаще всего в тысячах или миллионах пудов, реже в тоннах или центнерах). Для удобства сопоставлений все сведения приведены к единому знаменателю и даны в тысячах тонн (тыс. т) с округлением значений до десятых.

⁶ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2501. Л. 235.

⁷ Там же. Д. 2287. Л. 51.

⁸ В послевоенный период расценки за услуги МТС в зернопроизводстве оставались неизменными (См.: *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 137–142).

⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 66.

¹⁰ Там же. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1713. Л. 148.

¹¹ См.: *Аргунов О.Н.* Партийно-государственная политика восстановления и развития сельского хозяйства Курской области за период с февраля 1943 по 1957 г.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2018. С. 66–75; *Ильиных В.А., Андреевков С.Н.* Сельское хозяйство Сибири в годы Великой Отечественной войны // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2020. № 4. С. 8, 11; *Кондрашин В.В.* Сельское хозяйство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 2025. С. 148–149.

¹² *Аргунов О.Н.* Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода [Электронный ресурс] // *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета.* 2016. № 3. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1990 (дата обращения: 15.03.2026).

Таблица

Заготовка и отпуск зерна и хлебопродуктов в СССР в 1940, 1945–1953 гг.

Год	Заготовлено			Отпущено		
	всего, тыс. т	в т.ч. колхозами, тыс. т	% заготовок колхозами	всего, тыс. т	в т.ч. на экспорт, тыс. т	% экспорта к общему объему заготовок
1940	34 734,3	30 041,8	86,5	31 287,0	1 277,0	3,7
1945	19 499,3	15 870,1	81,4	16 053,0	339,8	1,7
1946	16 773,9	13 605,1	81,1	20 645,1	1 266,7	7,6
1947	27 489,7	22 474,6	83,5	17 383,2	646,2	2,4
1948	29 902,1	22 707,3	82,4	–	–	–
1949	30 976,5	26 103,9	84,1	24 537,0	2 465,0	8,0
1950	31 111,9	26 459,5	85,6	29 158,0	2 894,0	9,3
1951	32 351,5	29 971,6	92,6	31 025,0	4 114,0	12,7
1952	33 656,1	30 355,3	90,2	33 615,0	4 476,0	13,3
1953	31 145,2	27 540,5	88,4	34 471,0	3 225,0	10,4

Составлено по: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1480. Л. 5; Д. 1533. Л. 24 об.; Д. 1679. Л. 3, 21; Д. 1833. Л. 3; Д. 1874а. Л. 47; Д. 2029. Л. 34–37; Д. 2030. Л. 23; Д. 2276. Л. 7–10 об.; Д. 2287. Л. 116; Д. 2466. Л. 10; Д. 2501. Л. 5; Д. 2545. Л. 3; Д. 2584. Л. 3; Д. 2585. Л. 94.

Согласно представленным в таблице данным, в 1940 г. в СССР было заготовлено 34 734,3 тыс. т зерна, из которых 30 041,8 тыс. т, или 86,5 % к общему объему, дал колхозный сектор. К 1944 г. объемы заготовок снизились до 21 046,4 тыс. т зерна, или на 29,9 %, т.е. практически на треть, при этом колхозы дали государству 17 343,4 тыс. т (82,4 % от общего объема)¹³. В 1945 г. удалось собрать 19 499,3 тыс. т хлеба, из которых на колхозы приходилось 15 870,1 тыс. т, или 81,4 %. Из-за засухи 1946 г. объемы хлебозаготовок снизились до 16 773,9 тыс. т, что было меньше половины от сбора 1940 г. Колхозы сдали 13 605,1 тыс. т (81,1 %).

Несмотря на существенное снижение объемов хлебозаготовок за период войны и в первые послевоенные годы, доля колхозного сектора в заготовках оставалась стабильной, составляя более 80 %, что указывает на устойчивость выполнения планов хлебозаготовок, которое достигалось за счет административного давления на сельхозартели¹⁴.

Следует отметить, что урожаи в 1947–1950 гг. благодаря значительно лучшим климатическим условиям, а также вследствие постепенного выхода аграрной отрасли страны из кризиса, были существенно выше, следовательно государство получало больше зерна. Так, если из урожая 1947 г. государству было сдано 27 489,7 тыс. т, что на 10 715,8 тыс. т было больше, чем в 1946 г., но все еще на 7 244,6 тыс. т меньше, чем в предвоенном 1940 г., то в 1948 г. хлебозаготовки составили 29 902,1 тыс. т, в 1949 г. – 30 976,5 тыс., а в 1950 г. – 31 111,9 тыс. т.

Как и в предыдущие годы, в 1947–1950 гг. свыше 80 % от общих поступлений государству зерна давали колхозы. В 1947 г. сельскохозяйственные артели сдали 22 474,6 тыс. т, или 83,5 % от общего объема хлебозаготовок. В 1948 г. в колхозах заготовили 22 707,3 тыс. т (82,4 %), в 1949 г. – 26 103,9 тыс. т (84,1 %), в 1950 г. – 26 459,5 тыс. т (85,6 %). Таким образом, достигнутая ранее доля колхозов в 4/5 объема хлебозаготовок сохранялась в течение всей IV пятилетки.

В начале 1950-х годов тренд на увеличение объемов ежегодно заготавливаемого хлеба в стране, в особенности за счет колхозного сектора, продолжился. В 1951 г. в СССР

¹³ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1533. Л. 24 об.

¹⁴ Кондрашин В.В. Сельское хозяйство СССР... С. 131.

заготовили 32 351,5 тыс. т зерна, в том числе в колхозах – 29 971,6 тыс. т (92,6 %). В 1952 г. государству удалось получить 33 656,1 тыс. т хлеба, из них сельхозарттели обеспечили 30 355,3 тыс. т (90,2 %). В 1953 г. произошло снижение общего объема заготовок до 31 145,2 тыс. т, колхозных заготовок – до 27 540,5 тыс. т. До 88,4 % снизилась и доля сельхозарттелей. Причиной этого в большей степени стали неблагоприятные погодные условия, которые снизили урожайность культур повсеместно по стране. Влияние издержек колхозной системы, по нашему мнению, имело второстепенный характер.

Увеличение в начале 1950-х годов удельного веса колхозов в общих объемах заготовок связано с укрупнением сельхозарттелей, произошедшим повсеместно в стране в 1950 г. На наш взгляд, это вызвало рост объемов натуроплаты МТС, так как техника МТС более интенсивно начала использоваться на полях более крупных колхозов.

Таким образом, на протяжении всего исследуемого периода, за исключением неблагоприятных с климатической точки зрения 1946 и 1953 гг., объемы хлебазаготовок поступательно росли за счет постепенного восстановления аграрного сектора экономики СССР. Тем не менее даже в самом «обильном» 1952 г. зерна в СССР заготовили на 3 % меньше, чем в 1940 г., что свидетельствует о достаточно сложном положении в сельском хозяйстве.

Анализируя экспорт зерна и хлебопродуктов в послевоенный период, в первую очередь отметим особенности экспорта в 1945 г. За весь год из страны было вывезено 339,8 тыс. т зерна и хлебопродуктов (в том числе зерна – 231,1 тыс. т, муки – 98,6 тыс., крупы – 10,1 тыс. т¹⁵), что было почти в четыре раза меньше экспортированных в 1940 г. 1 277,0 тыс. т хлеба (см. таблицу). При этом основная часть экспорта пришлась на вторую половину года, когда было вывезено 239,7 тыс. т зерновых продуктов¹⁶, т.е. уже после окончания Великой Отечественной войны. Соотнеся эти данные со сведениями об объемах хлебазаготовок из урожая 1945 г., можно констатировать, что СССР вывез только 1,7 % заготовленного зерна, при этом нужно учитывать, что в первой половине 1945 г. вывозился хлеб, полученный из урожая 1944 г.

В начале 1946 г. размеры экспорта стал нарастать. Однако во втором полугодии наблюдалось его существенное снижение: зерна вывезли 244,5 тыс. т, муки – 24,6 тыс. т, крупы – 0,8 тыс. т. Общий объем экспорта за вторую половину года составил лишь 269,9 тыс. т, что было в 3,7 раза меньше, чем в первом полугодии 1946 г.¹⁷ Падение экспорта было обусловлено уменьшением заготовок в 1946 г. по сравнению с 1945 г. на 14,3 % (см. таблицу). В первой половине 1947 г. вывоз из страны продолжал снижаться. Экспорт составил 93,4 тыс. т (78,5 тыс. т зерна, 13,1 тыс. т муки и 1,8 тыс. т крупы). Причем за первый квартал 1947 г. было вывезено только 26,9 тыс. т¹⁸. Таким образом, есть все основания полагать, что после того как руководству СССР стали понятны масштабы нависшей катастрофы, экспорт зерна и продуктов был существенно сокращен.

Масштабы экспорта, на наш взгляд, можно оценить только в сравнении с другими статьями расходования зерна. Так, за тот же период (второе полугодие 1946 г. и первое полугодие 1947 г.) государство предоставило семенных ссуд в объеме 3 244,4 тыс. т, продовольственных – 392,4 тыс. т и фуражных – 163,8 тыс. т. Объем помощи голодающим сельским жителям страны (отметим, что помощь была далеко не повсеместной¹⁹) был на 29,1 тыс. т больше, чем весь экспорт. Более того, за это время государство израсходовало на различные цели, в том числе на экспорт, 18 030,3 тыс. т зерна (9 064,9 тыс. т во второй половине 1946 г. и 8 965,4 тыс. т в первом полугодии 1947 г.), что было больше заготовленного хлеба

¹⁵ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2585. Л. 94.

¹⁶ Там же. Д. 1480. Л. 1–13.

¹⁷ Там же. Л. 1–3.

¹⁸ Там же. Д. 1833. Л. 19–24.

¹⁹ Основная помощь была оказана Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областям, однако достаточно серьезная продовольственная ссуда (1,5 млн пудов) также выделялась в августе 1946 г. Молдавской ССР и ряду других регионов страны (Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 30. Д. 349. Л. 103–105).

на 1 256,4 тыс. т²⁰. То есть объем вывезенного зерна составил только 2 % от общего объема расходования зернопродуктов в стране за вышеуказанный период.

Однако даже после сбора относительно хорошего урожая зерновых культур в 1947 г. практически на всей территории СССР объем экспорта зернопродуктов во втором полугодии 1947 г. был почти вдвое ниже, чем до засухи 1946 г., и составил только 567,7 тыс. т (531,1 тыс. т зерна, 29,2 тыс. т муки, 5,4 тыс. т крупы)²¹. Общий же объем вывоза хлеба за границу за 1946–1947 гг., по нашим данным, составил 1 925,8 тыс. т, что существенно меньше приведенных В.Ф. Зимой в своей монографии о засухе и голоде 1946–1947 гг. данных об экспорте за границу 2,5 млн т зерна за эти годы²². Эти сведения приведены в статистическом сборнике «Внешняя торговля СССР (1918–1966)»²³. На наш взгляд, они недостоверны, так как не являются аутентичными изучаемому периоду. В этом же контексте В.Ф. Зима ссылается и на документ, хранящийся в Российском государственном архиве социально-политической истории²⁴, однако на деле это недатированный проект распоряжения СНК СССР об экспорте в мае–июле 1945 г. зерна, льна и пеньки в Финляндию.

Исходя из выявленных нами сведений, мы считаем тезис В.Ф. Зимы о больших объемах экспортируемого зерна из страны в 1946–1947 гг.²⁵ несостоятельным. Объемы вывоза хлеба, на наш взгляд, не сыграли сколь-либо существенного значения на распространение голода в СССР в 1946–1947 гг.

К сожалению, не удалось выявить сведений об объемах экспорта зерна и продуктов из него за 1948 г. в первичных документах²⁶. Но в нашем распоряжении имеются данные за 1949–1953 гг., согласно которым в 1949 г. из страны вывезли 2 465,0 тыс. т хлеба (8,0 % от общего объема заготовок), в 1950 г. – 2 894,0 тыс. (9,3 %), в 1951 г. – 4 114,0 тыс. (12,7 %), в 1952 г. – 4 476,0 тыс. (13,3 %), в 1953 г. – 3 225,0 тыс. т (10,4 %) (см. таблицу).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что объемы вывозимого из страны хлеба вполне коррелируются с объемами государственных заготовок, которые увеличивались в 1949–1952 гг. и уменьшились в 1953 г. При этом в начале 1950-х годов за границу вывозился каждый десятый килограмм заготовленного хлеба. Экспортировался он в самые разные страны. Так, в октябре 1950 – феврале 1951 г. в Италию продали 200 тыс. т пшеницы по цене 90 долларов за тонну, а в феврале–апреле 1951 г. – 50 тыс. т пшеницы в Египет по 92 доллара за тонну²⁷. Если смотреть на общую структуру экспорта, то доля зерна и хлебопродуктов в нем неуклонно снижалась с 21,4 % в 1946 г. до 8,3 % в 1955 г.²⁸, и уже к середине 1950-х годов хлеб перестал быть главным экспортным продуктом СССР.

На общем фоне потребления зерна в СССР в исследуемые годы объемы экспорта хлеба выглядят достаточно скромно, что хорошо видно из данных, представленных в таблице. Особенно это заметно в неурожайные годы, когда в стране потреблялось зерна больше, чем заготавливалось, что говорит о гибком подходе государства к проблемам заготовок и расходования зерна. Это опровергает тезис В.П. Попова о том, «что в Советском Союзе отсутствовала какая-либо связь между экономикой производства и распределением. Политика использования хлебных запасов не для первоочередных нужд в целях пропитания населения, а для обслуживания политических амбиций содержала в себе глубокие внутренние противоречия»²⁹. Более того, данное утверждение полностью противоречит и выявленным архивным документам.

²⁰ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1679. Л. 3; Д. 1833. Л. 21.

²¹ Там же. Д. 1833. Л. 5–7.

²² Зима В.Ф. Голод в СССР... С. 217.

²³ Внешняя торговля СССР (1918–1966)... С. 88.

²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 368. Л. 67.

²⁵ Зима В.Ф. Голод в СССР... С. 218.

²⁶ В статсборнике «Внешняя торговля СССР (1918–1966)» (М., 1967) приводятся данные о 3,2 млн т зерна, вывезенного из страны за этот год (с. 88). Однако мы их считаем завышенными.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1084. Л. 123; Д. 1086. Л. 85.

²⁸ Внешняя торговля СССР... С. 74–75.

²⁹ Попов В.П. «Закрома родины»: к вопросу о государственном резерве хлеба в советской России (1917–1953 гг.) // Российская история. 2018. № 4. С. 34.

В частности, в Постановлении Совета Министров СССР от 10 февраля 1953 г. «Об оказании продовольственной помощи колхозам Закарпатской, Дрогобычской и некоторых других областей Украинской ССР» указано, что Главное управление государственных продовольственных резервов при Совете Министров СССР обязывалось разбронировать и передать для отпуска в ссуду 6 тыс. т пшеницы, 1 тыс. т ржи и 1 тыс. т кукурузы³⁰.

Обобщая вышеизложенное, следует констатировать следующее. Во-первых, в послевоенные годы в СССР зерно государству поступало в основном от колхозов через обязательные поставки и натуроплату МТС. При этом размеры последней регулярно увеличивались, а обязательные поставки уменьшались, что говорит о поступательной интенсификации аграрного производства в стране через насыщение его техникой. Во-вторых, несмотря на то, что в 1945–1953 гг. экспорт зерна был важнейшей статьей пополнения бюджета страны валютой, СССР вывозил относительно небольшую часть заготовленного в данный период зерна, в то время как большая его часть шла на внутреннее потребление, а в периоды заготовительных кризисов для покрытия необходимых расходов государство использовало резервы. При этом укажем, продовольственная помощь не была достаточной и всеобщей. В этой связи экспорт зерна не был стабильным. Партийно-государственное руководство страны корректировало его в зависимости от объемов собираемого урожая, что говорит не просто об учете реальной обстановки в аграрном секторе экономики СССР, а о целостном подходе к реализации политики в сфере хлебозаготовок и распределения зерна.

Литература

Аргунов О.Н. Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода [Электронный ресурс] // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1990 (дата обращения: 15.03.2026).

Аргунов О.Н. Партийно-государственная политика восстановления и развития сельского хозяйства Курской области за период с февраля 1943 по 1957 г.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2018. 355 с.

Васильев Н.В. Социалистическое сельское хозяйство на путях к изобилию продуктов. М.: Госполитиздат, 1951. 192 с.

Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву: Середина 40-х – начало 60-х годов. М.: Наука, 1992. 224 с.

Волков И.М. Колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 3–19.

Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. Саратов: Приволжская книжная палата, 2020. 400 с.

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: Ин-т истории ОИИФФ СО РАН, 2004. 167 с.

Ильиных В.А., Андреенков С.Н. Сельское хозяйство Сибири в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 4. С. 5–12.

Кондрашин В.В. Сельское хозяйство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М.: Политическая энциклопедия; Историко-архивная книга, 2025. 374 с.

Попов В.П. «Закрома родины»: к вопросу о государственном резерве хлеба в советской России (1917–1953 гг.) // Российская история. 2018. № 4. С. 24–34.

Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2000. 222 с.

Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е гг. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 49–66.

Dunmore T. The Stalinist Command Economy: The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945–53. New York: St. Martin's Press, 1980. 176 p.

³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 43. Л. 95.

References

- Argunov, O.N. (2016). Sotsial'no-khozyaystvennaya zhizn' kurskoy derevni v poslevoennyy period. Problema goloda [Social and Economic Life of the Kursk Village in the Post-war Period. Famine Problem]. In *Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3. Available at: URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/044-007.pdf> (date of access 15.03.2026).
- Argunov, O.N. (2018). *Partiyno-gosudarstvennaya politika vosstanovleniya i razvitiya sel'skogo khozyaystva Kurskoy oblasti za period s fevralya 1943 po 1957 g.* [Party and State Policy for the Restoration and Development of Agriculture in the Kursk Region for the Period from February 1943 to 1957.], Cand. hist. sci. diss. Kursk. 355 p.
- Dunmore, T. (1980). *The Stalinist Command Economy: The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945–53*. New York, St. Martin's Press. 176 p.
- Il'inykh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Taxation of Siberian Villages. Late 1920s – Early 1950s]. Novosibirsk, Institut istorii OIIF SO RAN. 167 p.
- Kondrashin, V.V. (2025). *Sel'skoe khozyaystvo SSSR nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Agriculture of the USSR on the Eve of and During the Great Patriotic War]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, Istoriko-arkhivnaya kniga. 374 p.
- Popov, V.P. (2000). *Ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva. 1946–1953 gg.* [Economic Policy of the Soviet State. 1946–1953]. Tambov, Tambovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet. 222 c.
- Popov, V.P. (2000). Khleb kak ob'ekt gosudarstvennoy politiki v SSSR v 1940-e gg. [Bread as an Object of State Policy in the USSR in the 1940s]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 2, pp. 49–66.
- Popov, V.P. (2018). “Zakroma rodiny”: k voprosu o gosudarstvennom rezerve khleba v sovetskoy Rossii (1917–1953 gg.) [“The Granaries of the Motherland”: On the Issue of the State Bread Reserve in Soviet Russia (1917–1953)]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 4, pp. 24–34.
- Vasiliev, N.V. (1951). *Sotsialisticheskoe sel'skoe khozyaystvo na putyakh k izobiliyu produktov* [Socialist Agriculture on the Path to Food Abundance]. Moscow, Gospolitizdat. 192 p.
- Verbitskaya, O.M. (1992). *Rossiyskoe krest'yanstvo: ot Stalina k Khrushchevu: Seredina 40-kh nachalo 60-kh godov* [Russian Peasantry: From Stalin to Khrushchev: Mid-1940s – Early 1960s]. Moscow, Nauka. 224 p.
- Volkov, I.M. (1970). *Kolkhoznoe krest'yanstvo SSSR v pervye poslevoennye gody (1946–1950 gg.)* [Collective Farm Peasantry of the USSR in the First Post-War Years (1946–1950)]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 3–19.
- Zima, V.F. (2020). *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR 1946–1947: Origins and Consequences]. Saratov, Privolzhskaya knizhnaya palata. 400 p.

С.Н. Андреенков*

ПОТЕРИ ЗЕРНА ПРИ УБОРКЕ УРОЖАЯ В КОЛХОЗАХ СССР
В СЕРЕДИНЕ 1950-Х ГОДОВ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП
АНАЛИЗА ФАКТОРОВ И ОБЪЕМОВ**doi:10.31518/2618-9100-2026-4-14
УДК 94:338(47+57)"194/195"

Выходные данные для цитирования:

Андреенков С.Н. Потери зерна при уборке урожая в колхозах СССР в середине 1950-х годов: начальный этап анализа факторов и объемов // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 206–217. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-14.pdf>

S.N. Andreenkov*

GRAIN LOSSES DURING HARVEST IN USSR COLLECTIVE
FARMS IN THE MID-1950S: AN INITIAL ANALYSIS
OF FACTORS AND VOLUMES **

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-14

How to cite:

Andreenkov S.N. Grain Losses during Harvest in USSR Collective Farms in the Mid-1950s: An Initial Analysis of Factors and Volumes // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 206–217. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-14.pdf>]

Abstract. The article analyzes one of the most significant factors contributing to the grain deficit in the USSR – grain losses during harvesting. For the first time, data on the scale of these losses in the mid-1950s is introduced into academic discourse. The source of information consists of two memos to the Central Committee of the CPSU, published in the article, concerning grain losses during harvesting, signed by A.I. Tulupnikov, Head of the State Inspectorate for Yield Determination of the USSR Ministry of Agriculture, and V.N. Starovsky, Head of the USSR Central Statistical Administration, respectively. The documents report that the problem under consideration had reached alarming proportions. In 1953, approximately a quarter of the grown grain remained unharvested on each hectare of sown grain crops. The total amount of grain lost during harvesting in collective farms exceeded the volumes of grain delivered by them under mandatory quotas, in-kind payments to machine and tractor stations, loan repayments, and the “garntsevy” collection (a form of tax). The largest losses in that year were observed in collective farms of the non-black earth region of the RSFSR, the North Caucasus, and the Ukrainian SSR, while the smallest losses were in Siberian farms. The reasons for the enormous grain losses during harvesting, as indicated in the published documents, were attributed to the human factor and technical deficiencies. A.I. Tulupnikov saw a way out of the situation in increasing the remuneration of collective farmers and using the two-stage harvesting method. The implementation of these proposals proved unsuccessful. In collective farms, the two-stage method was applied in violation of regulations and without adequate technical support, thus causing more harm than good. In this situation, V.N. Starovsky’s recommendations to strengthen administrative control over the work of collective farmers became more relevant. The enormous grain losses during harvesting prevented the state from solving the grain and, consequently, the overall food problem.

Keywords: food security, grain problem, grain farming, two-stage harvesting, collective farms, state farms, machine and tractor stations.

* **Сергей Николаевич Андреенков**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

Sergey Nikolaevich Andreenkov, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state assignment “Socioeconomic Potential of Russia’s Eastern Regions in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

The article has been received by the editor on 10.04.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Анализируется один из важнейших факторов дефицита зерна в СССР – его потери при проведении уборочных работ. В научный оборот впервые вводятся данные об их размерах в середине 1950-х годов. Публикуются две справки в ЦК КПСС о потерях зерна, подписанные соответственно начальником государственной инспекции по определению урожайности Министерства сельского хозяйства СССР А.И. Тулупниковым и начальником Центрального статистического управления СССР В.Н. Старовским. В документах содержится информация об угрожающих масштабах проблемы. В 1953 г. на каждом гектаре посевов зерновых культур несобраным оставалось около четверти выращенного хлеба. Общее количество зерна, потерянного в ходе уборочных работ в колхозах, было больше объемов хлеба, сданного ими в рамках обязательных поставок, натуральной оплаты машинно-тракторных станций, возврата ссуд и гарнцевого сбора. Наибольшие потери на гектар в абсолютных величинах были зафиксированы в колхозах нечерноземной полосы РСФСР, Северного Кавказа, Украинской ССР. Причины огромных потерь зерна при уборке, обозначенные в публикуемых документах, сводились к человеческому фактору и недостаткам технического характера. Выход из сложившейся ситуации А.И. Тулупников видел в повышении оплаты труда колхозников и использовании раздельного способа уборки. Реализация данных предложений должного эффекта не дала. В колхозах раздельный способ уборки применялся с нарушением правил и без должного технического обеспечения и поэтому приносил больше вреда, чем пользы. В этой ситуации более актуальными становились рекомендации В.Н. Старовского усилить административный контроль за работой колхозников. Огромные потери зерна при проведении уборочных работ не позволяли Советскому государству решить зерновую и в целом продовольственную проблему.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, зерновая проблема, зерновое хозяйство, раздельный способ уборки, колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции.

Статья поступила в редакцию 10.04.2026 г.

После окончания Великой Отечественной войны руководство СССР поставило цель в обозримой перспективе обеспечить продовольственную безопасность страны. Однако достичь ее не удалось. Продовольственный дефицит оставался постоянным спутником советского аграрного строя и стал одной из причин демонтажа социалистической системы хозяйствования на рубеже 1980–1990-х годов. Созданная в 1930-е годы колхозно-совхозная система не давала достаточного количества качественной сельхозпродукции в силу множества факторов: слабости материально-технической базы, не развивавшейся должными темпами из-за недофинансирования; низкой трудовой активности работников хозяйств, связанной с недостаточной оплатой труда и сохранявшимся традиционным крестьянским мышлением; значительной метеозависимостью сельского хозяйства.

Традиционным индикатором социально-экономического благополучия нашего государства и общества остается состояние зернового хозяйства. Хронический дефицит зерна на советском этапе отечественной истории, особенно в ее первые десятилетия, обуславливался частыми недородами, низким уровнем агротехники, спецификой экономических взаимоотношений между государством и крестьянством. В изучении этих востребованных научно-исторических проблем российские ученые добились заметных результатов. Наиболее обстоятельно динамика, структурные изменения, факторы развития производства зерна,

особенности проведения хлебозаготовок, качественные характеристики зерновых ресурсов, специфика их статистического учета в XX в. проанализированы историками-аграрниками из Института истории СО РАН¹.

Однако нехватка зерна в СССР была связана еще и со значительными потерями урожая, вызванные множеством факторов². Данная проблема изучена достаточно фрагментарно. О значительных потерях зерна в южных зернопроизводящих районах СССР в 1932 г. как об одной из важнейших причин страшного голода говорится в статье С.А. Нефедова. По приведенным им данным, в этом году из-за неудовлетворительного качества уборочных работ в колхозах Украины и Северного Кавказа с каждого гектара было потеряно 2,3 ц зерна при урожайности 5,1 и 3,9 /га соответственно³. Информация о потерях в предыдущие и последующие годы в научный оборот еще не введена. Настоящая статья призвана отчасти сократить лакуны в знаниях о причинах и объемах потерь зерна в колхозах в ходе уборки урожая применительно к середине 1950-х годов.

Отметим, что в это время уборка зерновых культур в колхозах и совхозах отличалась достаточно высоким уровнем механизации и включала в себя такие работы, как скашивание (косовица) и обмолот колосьев преимущественно самоходными комбайнами, доставка автотранспортом сжатого зерна на тока хозяйств для первичной подработки (взвешивание, просушка, сортировка) и распределение по фондам хозяйств, а также транспортировка собранного хлеба на хлебоприемные пункты для зачисления в государственные ресурсы. Уборка урожая зерновых проводилась по установленным властями графикам в рамках выполнения государственного хлебозаготовительного плана. В колхозном хозяйстве на возмездной основе работала машинная техника государственных машинно-тракторных станций (МТС).

Ниже публикуются два документа – справки о масштабах потерь зерна во время жатвы хлебов в 1953–1954 гг. и в предыдущий период. Одну из них, датированную 12 апреля 1954 г., подписал начальник государственной инспекции по определению урожайности Министерства сельского хозяйства СССР⁴ Александр Иванович Тулупников. Второй документ 14 мая 1956 г. подписан начальником ЦСУ СССР Владимиром Никоновичем Старовским. В справках преимущественно на материалах проверок колхозов южных зернопроизводящих районов страны (Украинская ССР, Северный Кавказ) показаны объемы потерь, названы их причины и предложены способы решения проблемы.

Прежде чем приступить к анализу названных справок, целесообразно в общих чертах отобразить состояние послевоенной деревни. Великая Отечественная война нанесла аграр-

¹ См.: Сибирская деревня: сб. науч. тр. Новосибирск, 2017. Вып. 4: Зерновая проблема в XX в.; *Ильиных В.А.* Зерновая проблема в Сибири в XX в. // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 4. С. 20–30; *Ильиных В.А., Лапердин В.Б.* Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020; *Ильиных В.А.* Сельскохозяйственная статистика в Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 2022; *Андреенков С.Н.* Качественные характеристики зерновых ресурсов РСФСР во второй половине 1950-х годов (докладные записки министра хлебопродуктов РСФСР в ЦК КПСС) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 188–197. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-18.pdf> (дата обращения: 05.04.2026); и др.

² В современной агрономической науке под потерями в растениеводстве понимается сокращение массы и утрата ценных свойств продукта на всех этапах процесса его производства и переработки – от уборки с полей до выпуска готового товара. Качественные и количественные потери зерна при проведении уборочных работ обусловлены механическими, организационно-техническими и биологическими факторами. Первый связан с неудовлетворительной работой задействованных на уборке машин из-за их неправильной настройки, эксплуатации или поломки; второй – с несоблюдением сроков уборки и правил посева, задающего, например, низкое качество хлебостоя; третий – с неблагоприятными погодными условиями (при засухе происходит осыпание зерна, при избыточной влажности – его прорастание в колосе) и воздействием вредителей. Кроме того, дожди мешают работе машин, что приводит к дополнительным существенным потерям (см., напр.: *Демьянов А.* Причины потерь зерна при уборке // ExactFarming [Платформа цифрового сельского хозяйства]. 2025. 17 ноября. URL: https://exactfarming.com/blog/grain_losses) (дата обращения: 05.04.2026).

³ *Нефедов С.А.* Биологические причины голода 1933 года // Общественные науки и современность. 2013. № 1.

⁴ Государственная инспекция по определению урожайности Министерства сельского хозяйства СССР была ликвидирована в июле 1954 г. Ее функции передавались ЦСУ СССР (Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 5278. Л. 55–55 об.).

ному сектору экономики СССР огромный ущерб. Непосильным грузом на плечи колхозников, работников МТС и совхозов легли тяготы послевоенного восстановления народного хозяйства. Сверхнормативные заготовительные планы крестьянам приходилось выполнять без справедливого вознаграждения за тяжелый труд и необходимого объема современных средств производства. Большой ущерб сельскому хозяйству причиняли капризы погоды. Для колхозов и совхозов южных земледельческих регионов СССР по причине засухи и вызванных войной трудностей недородными и голодными оказались 1946 год и первая половина 1947 года. Для хлеборобных районов Сибири (Алтайский край, Омская и Новосибирская области) неурожайными выдались 1951 и 1952 гг. Низкие урожаи во всех зернопроизводящих зонах страны были получены в 1953 г.

В 1948–1952 гг. государство смогло накопить зерновые ресурсы, позволявшие избежать голода в недородных районах, однако из-за роста потребления продовольствия в городах и промышленных центрах при сокращении численности активного трудоспособного сельского населения они быстро уменьшались. В 1953 г. зерновая проблема серьезно обострилась и колхозно-совхозная система была не в состоянии обеспечить ее решение в обозримые сроки. Для «коллективного руководства», унаследовавшего власть И.В. Сталина, растущий дефицит продовольствия стал настоящей головной болью.

Председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков в речи перед депутатами Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. заявил, что «во многих районах страны колхозы и совхозы собирают низкие урожаи зерна и других сельскохозяйственных культур и допускают большие потери при уборке»⁵. Результатом этого заявления стали проверки качества уборочных работ, в том числе появление упомянутых выше документов.

В них приводились неутешительные сведения о существенных объемах потерь. По данным А.И. Тулупникова, в 1937 г. на каждом гектаре колхозной пашни терялось 2,2 ц зерна, в 1940 г. – 2,4 ц, в 1952 г. – 3,6 ц, в 1953 г. – 3,0 ц. Урожайность на корню в эти годы в среднем составляла 11 ц/га. Таким образом, с каждого гектара недобирали 20–30 % хлеба. Общее количество зерна, потерянного при жатве, по сельхозартелям СССР в целом исчислялось миллиардами пудов (1,2, 1,3, 2,1, 1,7 млрд пудов соответственно). Оно было больше, чем объемы хлеба, сданного в рамках обязательных поставок, натуроплата МТС, возврат ссуд и гарнцевый сбор. Так, в 1952 г. колхозы страны поставили государству по этим основным заготовительным каналам 1 753 млн пудов, в 1953 г. – 1516 млн пудов⁶, а потеряли 2 100 млн и 1 750 млн пудов соответственно. В 1953 г. больше всего хлеба в абсолютных величинах теряли в колхозах нечерноземной полосы РСФСР (3,5 ц/га), Северного Кавказа (3,2 ц) и Украинской ССР (3,3 ц).

Данные за 1955 г., приведенные В.Н. Старовским, демонстрируют объемы потерь зерна, допущенные во время жатвы, исключая хлеба, которые были сильно повреждены засухой, дождями, заморозками и другими природными катаклизмами и поэтому не убирались. В справке А.И. Тулупникова этого разграничения нет. Зафиксированные Старовским потери примерно в 2 раза ниже уровня 1953 г. При учете всех видов потерь, допускаемых только при уборке – от оставления комбайнами колосьев на стерне, осыпания вследствие перестоя хлебов, недовымолота, утраты зерна при разгрузке из бункеров, транспортировке, сортировке и хранении на токах, в 1955 г. на каждом гектаре колхозной пашни было потеряно приблизительно 1,4 ц зерна, или около 800 млн пудов в совокупности. Если к количеству потерянного при уборке хлеба приплюсовать зерно, погибшее от непогоды, сгнившее и похищенное из-за неудовлетворительных условий хранения и некачественной подработки на предприятиях «Заготзерно», а также разбазаренное организациями пищевой промышленности, то общий объем потерь окажется еще более внушительным. И это без учета того, что фактический сбор представлял собой не чистое зерно, а зерно с содержанием полевой влаги, земли и других посторонних предметов, попадавших в бункера комбайнов при уборке.

⁵ Маленков Г.М. Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР. 8 августа 1953 г. М., 1953. С. 11–12.

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 63. Л. 1.

Причины больших потерь хлеба при уборке, обозначенные в публикуемых документах, можно свести к двум группам обстоятельств: человеческому фактору и недостаткам технического характера. А.И. Тулупников в разделе, раскрывающем причины рассматриваемой проблемы, выделил восемь пунктов, из которых только в седьмом сообщается, что во многих колхозах, особенно нечерноземной полосы, вследствие низкой оплаты трудодня у крестьян отсутствует материальная заинтересованность в труде и это приводит к большим потерям урожая. В остальных пунктах говорится о несоблюдении сроков проведения уборочных работ, дефиците и плохом использовании комбайнов и транспорта, отсутствии сушильного хозяйства, неудовлетворительной постановке учета, оприходования и охраны собранного зерна. Зато в перечне предложений по исправлению недостатков в этой сфере пункт, рекомендующий повысить материальную заинтересованность колхозников на уборке урожая, стоит на первом месте. Колхозам предлагается ввести увеличенную оплату трудодней, выработанных в первые 10 дней уборки. Два других пункта предлагают соответственно более широко использовать хорошо зарекомендовавший себя в США раздельный способ жатвы хлебов⁷ и механизировать подбор соломы. В.Н. Старовский отметил важность организации действенного контроля за работой комбайнов и качеством уборки со стороны МТС, агрономов и правлений колхозов.

Рекомендация повысить материальную заинтересованность в труде колхозников соответствовала установкам аграрной политики «коллективного руководства», данным правительством Г.М. Маленкова летом 1953 г. Еще в июле министр сельского хозяйства и заготовок СССР А.И. Козлов по поручению Г.М. Маленкова подготовил предложения по подъему колхозно-совхозного производства, в которых указывалось на необходимость существенного увеличения доходов селян от работы в общественном хозяйстве⁸. О важности этих мер говорилось в речи Г.М. Маленкова на упомянутой выше августовской сессии Верховного Совета СССР⁹. Однако шаги правительства по развитию у селян материальной заинтересованности в подъеме сельскохозяйственного производства (снижение норм натуральных поставок, повышение заготовительных и закупочных цен и др.) колхозники по достоинству не оценили и вместо того, чтобы с усердием выполнять государственные задания, с еще большей уверенностью в своей правоте стали накапливать внутриколхозные зерновые запасы для их сверхнормативного распределения по трудодням и хищений. Усилению подобных настроений способствовало принятие 8 августа 1953 г. нового закона о сельхозналоге¹⁰, который существенно ослаблял налогово-податное обложение личных приусадебных хозяйств. В них теперь с большей, чем раньше, интенсивностью потекли ресурсы общественного хозяйства. В контексте этих процессов реализация рекомендации А.И. Тулупникова больше платить колхозникам на начальном этапе уборки хлебов к решительному снижению потерь зерна привести не могла.

Более чем драматичной оказалась эпопея с повсеместным внедрением раздельного метода уборки. О неэффективности двухфазного способа жатвы зерновых говорится в справке В.Н. Старовского, осторожно назвавшего его недостаточным. О фактическом провале планов применения раздельной уборки в Алтайском крае довольно красноречиво и откровенно рассказал корреспондент ТАСС П.А. Рогозинский, освещавший здесь уборочную кампанию в июле – сентябре 1956 г. В докладной записке на имя руководителя ТАСС от 20 сентября он указал на нежелание трактористов и комбайнеров применять

⁷ Раздельная уборка зерновых культур – метод уборки, состоящий из двух фаз: 1) скашивания хлебной массы и укладки ее в валки для сушки и дозревания зерна; 2) подбора валков и обмолота. Для скашивания зерновых культур используют рядковые (валковые) жатки и зерноуборочные комбайны, а для подбора валков и обмолота – зерноуборочные комбайны, оборудованные подборщиками. При раздельном способе уборку можно начинать во время восковой спелости зерна, т.е. раньше, чем при прямом комбайнировании. При этом способе сокращаются потери урожая, зерно получается более высокого качества (снижаются влажность и засоренность) (Раздельная уборка зерновых культур [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975. Т. 21. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/2102.htm> (дата обращения: 05.04.2026)).

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 20. Л. 2–52.

⁹ Маленков Г.М. Речь на пятой сессии... С. 12.

¹⁰ Закон о сельскохозяйственном налоге. Принят Верховным Советом СССР 8 августа 1953 г. М., 1953.

раздельный метод. Его саботаж обусловлен слухом о том, что заработок на этих работах меньше, и неумением механизаторов убирать хлеб в валки. «Помимо всего, косовицу хлеба раздельным способом надо вести применительно к конкретным условиям каждого поля. В обстановке же администрирования, приказа, окрика, отсутствия заинтересованности людей, неверия, раздельная уборка в ряде мест привела к гибели хлеба. <...> К началу сентября по краю в валках лежала и пропадала пшеница на площади 800 тысяч гектаров. Дожди задержали подборку. Когда дожди прекратились, краевые организации предложили мобилизовать поголовно все население сельских районов для того, чтобы переворачивать валки вручную. Но переворачивать валки можно механизированным способом при помощи жаток. Этот способ почти нигде не применяли. Огромное количество хлеба погублено и потому, что поля, предназначенные для раздельной уборки, как правило, не обкашивались и первые валки ложились на обочины и дороги, где их комбайном не подобрать. Так эти валки и пропали»¹¹.

Было бы ошибкой полагать, что в начале постсталинского периода в сельском хозяйстве не наблюдалось никаких прогрессивных сдвигов. Необходимо отметить ощутимый рост объемов капиталовложений в отрасль. В 1953 г. они составляли 20,5 млрд руб., в 1954 г. – 29,7 млрд, в 1955 г. – 40,9 млрд, в 1958 г. – 51 млрд руб. Доля этих вложений в общей структуре государственных инвестиций в народное хозяйство была равна 15, 18, 22 и 19 % соответственно¹². Значительные средства направили в районы освоения целинных и залежных земель (Казахская ССР, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток), что способствовало повышению здесь уровня механизации производственных процессов и роли механизаторов в жизни деревни. Оплата труда работников хозяйств увеличилась. В Западной Сибири в 1954 г. стоимость трудодня поднялась более чем в два раза. Заметны были и технические новации. В колхозах этого региона удельный вес посевных площадей зерновых культур, убранных раздельным способом, вырос с 26 % в 1956 г. до 84 % в 1958 г.¹³ Однако у этих и многих других прогрессивных тенденций была и обратная сторона, о которой не сообщали официальные статистические справочники. Качественные результаты деятельности колхозов, МТС и совхозов из-за человеческого фактора, недостатков в организационно-технической и управленческой работе оставались низкими. Наиболее красноречиво об этом говорят засекреченные данные об огромных потерях зерна. В начале 1950-х годов только на стадии уборки в колхозах терялось до трети всего урожая зерновых, что не позволяло решить зерновую проблему и обеспечить продовольственную безопасность страны в целом.

Публикация текстов документов осуществляется по установленным правилам. Дописанный публикатором текст (раскрытие сокращений, лакуны текста) приводится в квадратных скобках. Воспроизводятся только авторские подчеркивания или иные формы выделения (заглавные буквы). Ссылки на содержательные комментарии приводятся в квадратных скобках полужирным шрифтом и имеют сквозную цифровую нумерацию.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 157. Л. 74–75. Более подробно о практике применении раздельного способа уборки хлебов см.: Андреев С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск, 2007. С. 102–106.

¹² Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 387.

¹³ Там же. С. 194.

Документ № 1

**Справка начальника государственной инспекции
по определению урожайности Министерства сельского хозяйства СССР
А.И. Тулупникова в ЦК КПСС «О потерях зерна при уборке урожая»**

г. Москва

12 апреля 1954 г.

Сов[ершенно] секретно

СПРАВКА

О потерях зерна при уборке урожая

Государственная инспекция по определению урожайности располагает данными выборочного измерения урожайности на корню путем наложения метровок [1] на посевы перед уборкой, а также материалами о размерах фактического сбора [2] урожая по данным годовых отчетов колхозов. При этом за 1953 г., в связи с тем, что составление сводных годовых отчетов колхозов еще не закончено, расчет замеров фактического сбора зерна произведен по выборочным данным, собранным по колхозам, в которых производилось метрование.

Сравнение показателей выборочного измерения урожайности на корню / метровок / с показателями размеров фактического сбора зерна позволяет в достаточной степени правильно определить размеры потерь зерна при уборке урожая. Производим эти расчеты.

Расчет размеров потерь зерна
при уборке урожая в колхозах – в целом по СССР

	/ в центнерах с гектара /			
	1937 г.	1940 г.	1952 г.	1953 г.
<u>Урожайность на корню</u> по данным выборочного измерения / метровки /	11,5	10,7	11,6	10,1
<u>Фактически собрано зерна</u> по данным годовых отчетов	9,3	8,3	8,0	7,1*
<u>Потери зерна при уборке</u>	2,2	2,4	3,6	3,0

* По выборочным данным.

Как видно из приведенных данных, размеры потерь зерна при уборке урожая в колхозах по сравнению с довоенным периодом не только не уменьшились, а наоборот увеличились.

Размеры потерь зерна при уборке урожая в колхозах в 1953 г. по отдельным районам страны характеризуются следующими данными:

	/ в центнерах с гектара /		
	Урожай по данным метровок	Фактический сбор	Потери
Районы нечерноземной полосы РСФСР	8,0	4,5	3,5
Районы Центральной черноземной зоны	8,3	6,0	2,3
Районы Поволжья	8,4	6,0	2,4
Районы Северного Кавказа	11,9	8,7	3,2
Районы Урала	10,1	7,6	2,5
Районы Сибири	8,8	6,7	2,1
Украинская ССР	13,5	10,2	3,3
Белорусская ССР	6,9	4,4	2,5
Казахская ССР	9,4	6,7	2,7

Особенно большие потери зерна были допущены в 1953 году в районах нечерноземной полосы. Здесь в ряде областей потери достигали 4–5 с лишним центнеров на гектар – больше половины выращенного урожая. Это видно из следующих данных:

/ в центнерах с гектара /

Области	Урожай по данным метровок	Фактический сбор	Потери
Вологодская	8,2	3,9	4,3
Новгородская	8,1	3,0	5,1
Великолукская	6,9	3,0	3,9
Ивановская	8,3	4,1	4,2
Калининская	9,3	3,7	5,6
Костромская	8,0	3,6	4,4
Смоленская	6,9	2,7	4,2
Ярославская	9,5	4,7	4,6

Большие потери зерна были допущены также на Украине, Северном Кавказе и в других районах страны, при этом потери зерна кукурузы на Украине достигли 5–6 центнеров на гектар.

Общие размеры потерь зерна при уборке урожая в колхозах в целом по СССР исчисляются примерно в следующих размерах:

/ в миллионах пудов /

Годы	Общие размеры потерь на всей площади
1937	1 250
1940	1 300
1952	2 100
1953	1 750

Приведенные данные показывают большие потери зерна при уборке урожая. Если бы удалось снизить потери только на один центнер с гектара, то страна получила бы свыше полмиллиарда пудов зерна. Следовательно, вопрос о снижении потерь при уборке урожая заслуживает самого серьезного внимания и обсуждения.

Основными причинами больших потерь зерна являются:

1. Запаздывание с началом уборки в связи с тем, что комбайны пускаются в работу лишь при полной спелости хлебов. При неравномерном созревании хлебов сроки уборки еще больше оттягиваются и потери зерна от перестоя хлебов и пересыхания увеличиваются.

2. Слишком большая продолжительность уборки в связи с недостатком комбайнов и плохим использованием имеющегося парка комбайнов – низкой производительностью и большими простоями.

Между тем потери зерна после наступления полной спелости с каждым днем возрастают. Так, по опытам, произведенным Синельниковским и Павлоградским сортоиспытательными участками Днепропетровской области в 1953 г., намолот зерна озимой пшеницы сорта Пименка при уборке на 20-й день после наступления полной спелости составил 19–22 центнера с гектара против 30–32 центнеров, полученных в первый день уборки, то есть уменьшился на 10–11 центнеров с гектара /справка прилагается/.

3. Плохая очистка зерна комбайнами, вследствие чего из бункеров поступает засоренное зерно, требующее больших работ по очистке, но так как зерноочистка слабо механи-

зирована, зерно длительное время находится на непригодных токах /на неуплотненных площадках без навесов и т.д./, где значительная часть его портится и гибнет.

4. Недостаток транспорта для отвозки зерна от комбайнов, что приводит к вынужденной разгрузке зерна из бункера прямо на стерню или к простоям комбайнов и задержке уборки хлебов.

5. Непригодность кузовов автомашин к перевозке и разгрузке зерна и недостаток брезентов и мешков.

6. Отсутствие сушильного хозяйства, особенно в районах нечерноземной полосы, отличающейся дождливой погодой в период уборки. Поступающее из бункера комбайна влажное зерно в ворохах подвергается самосогреванию, портится и в больших размерах гибнет.

7. Слабая трудовая активность колхозников в ряде районов страны. Особенно это относится к районам нечерноземной полосы, где во многих колхозах, вследствие низкой оплаты трудодня, отсутствует материальная заинтересованность колхозников. Это приводит к задержке уборки и большим потерям урожая.

8. Неудовлетворительная постановка учета, оприходования и охраны фактического сбора урожая во многих колхозах, что приводит к разбазариванию и прямому хищению зерна.

В целях решительного усиления борьбы с потерями зерна при уборке урожая считал бы целесообразным обкомы, крайкомы КПСС и ЦК [ком]партий союзных республик рассмотреть вопрос о потерях и обеспечить, чтобы в каждой МТС были определены мероприятия по борьбе с потерями урожая.

Кроме того, считаю целесообразным рассмотреть следующие предложения:

1. Для повышения материальной заинтересованности колхозников на уборке урожая рекомендовать колхозам ввести повышенную оплату зерном трудодней колхозников, выработанных в первые 10 дней уборки каждой культуры с немедленной выдачей зерна колхозникам.

2. Начинать работу в период восковой спелости. Для этого следует широко использовать сноповязалки. Необходимо, кроме того, использовать виндруюэры [3] с последующей подборкой и обмолотом хлеба комбайнами / раздельная уборка /. Это даст возможность начинать уборку хлебов почти на неделю раньше начала массовой уборки хлебов комбайнами.

Следует отметить, что в США виндруюэры на уборке хлебов имеют широкое распространение /справка прилагается/.

3. Надо механизировать уборку соломы, для чего ускорить конструирование и начать с 1954 года массовый выпуск навесных рулонных прессов, заменив ими соломокопнители. Применение рулонных прессов даст возможность своевременно убрать и сохранить солому, повысить ее транспортабельность, а также увеличить производительность комбайнов.

А. Тулупников

Начальник государственной инспекции
по определению урожайности Министерства
сельского хозяйства СССР

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 63. Л. 26–30.
Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

Документ № 2

**Справка начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского в ЦК КПСС
«О потерях зерна при уборке урожая в 1955 году»**

г. Москва

14 мая 1956 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
товарищу Шепилову Д.Т.

С п р а в к а

О потерях зерна при уборке урожая в 1955 году

Проверка качества уборки, произведенная органами ЦСУ СССР, показывает, что в 1955 году допускались еще значительные потери зерна при уборке урожая. По зерновым культурам на одном гектаре в текущем году терялось в колосьях на стерне около 70 килограммов зерна. В расчете на всю убранную площадь зерновых культур размеры потерь зерна только в колосьях на стерне в колхозах составят не менее 400 миллионов пудов.

Выборочной проверкой качества уборки урожая, произведенной в 425 колхозах в южных областях Украинской ССР, были выявлены следующие потери зерна в колосьях на стерне:

	Число обследованных колхозов	Размеры потерь в колосьях на стерне в килограммах на гектар
Пшеница озимая	357	93
Рожь озимая	22	109
Ячмень озимый	29	116
Ячмень яровой	103	104

В отдельных колхозах потери зерна при уборке достигали исключительно больших размеров. Так, например, в Херсонской области в колхозе «Большевик» Скадовского района при уборке озимой пшеницы потери в колхозах на стерне составляли 257 килограммов на гектар, в колхозе имени Ворошилова Сивашского района – 241 килограмм на гектар. В Сталинской области – в колхозе имени Чапаева Амвросиевского района указанные потери озимой пшеницы составили 284 килограмма на гектар, в колхозе имени Ильича того же района – 289 килограммов, в колхозе имени Сталина Кр[асно-] Лиманского района – 319 килограммов на гектар. В Одесской области – в колхозе им. Мичурина Ширяевского района при уборке озимого ячменя потери зерна от оставления колосьев на стерне составляли 275 килограммов.

По РСФСР выборочной проверкой качества уборки было охвачено 3111 колхозов. Потери зерна от оставления на стерне колосьев / метелок / характеризуется следующими данными:

	Число обследованных колхозов	Намолочено в центнерах с гектара	Размеры потерь в килограммах на гектар	Потери в % к намолоту
Рожь озимая	2 699	8,7	75	8,6
Пшеница озимая	730	11,2	60	5,4
Пшеница яровая	1 152	6,9	56	8,1
Ячмень озимый	113	17,7	93	5,3
Ячмень яровой	460	16,1	79	4,9
Овес	622	8,9	52	6,2
Просо	27	4,1	97	23,7
Гречиха	24	4,3	62	14,4

Большие потери зерна при уборке допускались и в других республиках, что видно, например, из следующих данных:

	Пшеница озимая		Ячмень озимый	
	Число обследованных колхозов	Выявлено потерь килограммов на гектар	Число обследованных колхозов	Выявлено потерь килограммов на гектар
Молдавская ССР	98	79	7	146
Армянская ССР	23	81	6	110
Азербайджанская ССР	69	123	47	143
Грузинская ССР	48	50	19	103
Узбекская ССР	43	61	18	80

Необходимо отметить, что наряду с потерями зерна от оставления колосьев /метелок/ на стерне допускаются также другие виды потерь зерна при уборке урожая: от осыпания, вследствие перестоя хлебов, от недовымолота и оставления зерна в соломе и мякине, при разгрузке зерна из бункеров комбайнов, при транспортировке, при сортировке и хранении зерна на токах. С учетом этих видов потерь, размеры которых не учитывались, цифра в 400 млн пудов должна быть увеличена не менее чем в 2 раза.

Допущение больших потерь зерна при уборке урожая являлось результатом крайне недостаточной уборки хлебов отдельным способом, отсутствия должной борьбы за своевременную уборку урожая без потерь. Во многих проверенных колхозах, там, где допускались потери при уборке, подгребание колосьев на убранных площадях не производилось, действенный контроль за работой комбайнов и качеством уборки со стороны МТС, агрономов и правлений колхозов не осуществлялся, приемка убранных площадей председателями колхозов и бригадирами полеводческих бригад не производилась, технический контроль за правильной регулировкой работы комбайнов со стороны машинно-тракторных станций осуществлялся плохо.

НАЧАЛЬНИК ЦСУ СССР
/ В. Старовский /

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 63. Л. 26–30.
Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

Комментарии

1. Метровка, метрование – метод определения урожайности зерновых культур на корню (биологическая урожайность), при котором используется четырехугольная рамка со сторонами в 1 метр. Рамка накладывается на колосья, и стебли, оказавшиеся внутри нее, срезаются и обмолачиваются, а полученное зерно просеивается и взвешивается. Зерно, собранное при метровании, пересчитывается на гектары и становится основанием для определения заготовительных планов.
2. Фактический сбор зерна – собранный с полей объем зерна за вычетом всех потерь. В данном случае в расчет берется оприходованная масса полученного при уборке зерна без полной очистки и с естественной полевой влажностью.
3. Виндроуэр – уборочная машина, предназначенная для скашивания колосьев зерновых культур и формирования из них валков при раздельной уборке хлебов.

Литература

Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. 212 с.

Андреенков С.Н. Качественные характеристики зерновых ресурсов РСФСР во второй половине 1950-х годов (докладные записки министра хлебопродуктов РСФСР в ЦК КПСС) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 188–197. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-18.pdf> (дата обращения: 05.04.2026).

Ильиных В.А. Зерновая проблема в Сибири в XX в. // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 4. С. 20–30.

Ильиных В.А. Сельскохозяйственная статистика в Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск: СО РАН, 2022. 202 с.

Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН, 2020. 507 с.

Нефедов С.А. Биологические причины голода 1933 года // Общественные науки и современность. 2013. № 1. С. 135–140.

Сибирская деревня: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск: Сибпринт, 2017. Вып. 4: Зерновая проблема в XX в. 334 с.

References

Andreenkov, S.N. (2007). *Agrarnye preobrazovaniya v Zapadnoy Sibiri v 1953–1964 gg.* [Agrarian Reforms in Western Siberia in 1953–1964]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGU. 212 p.

Andreenkov, S.N. (2020). *Kachestvennye kharakteristiki zernovykh resursov RSFSR vo vtoroy polovine 1950-kh godov (dokladnye zapiski ministra khleboproduktov RSFSR v TsK KPSS)* [Qualitative Characteristics of Grain Resources of the RSFSR in the Second Half of 1950s (Notes of the Minister of Grain Products of the RSFSR to the Central Committee of CPSU)]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 3 (11), pp. 188–197. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-18.pdf> (date of access 05.04.2026).

Il'inykh, V.A. Laperdin, V.B. (2020). *Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurement in Siberia in the 1930s]. Novosibirsk, SO RAN. 507 p.

Il'inykh, V.A. (2019). *Zernovaya problema v Sibiri v XX v.* [The Grain Problem in Siberia in the 20th Century]. In *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. No. 4, pp. 20–30.

Il'inykh, V.A. (2022). *Sel'skokhozyaystvennaya statistika v Sibiri (1920–1930-e gg.)* [Agricultural Statistics in Siberia (1920s–1930s)]. Novosibirsk, SO RAN. 202 p.

Il'inykh, V.A. (Ed.). (2017). *Sibirskaya derevnya: sb. nauch. tr.* [Siberian Village: A Collection of Scientific Works]. Novosibirsk, Sibprint. Iss. 4: *Zernovaya problema v XX v.* 334 p.

Nefedov, S.A. (2013). *Biologicheskie prichiny goloda 1933 goda* [Biological Causes of the 1933 Famine]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 1, pp. 135–140.

Н.Ю. Пивоваров*

**ЦЕЛИННАЯ КАМПАНИЯ Н.С. ХРУЩЕВА
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
(СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС
ОТ 30 ЯНВАРЯ 1954 ГОДА)**doi:10.31518/2618-9100-2026-4-15
УДК 94:631.1+323(47+57)"1954"*Выходные данные для цитирования:**Пивоваров Н.Ю. Целинная кампания Н.С. Хрущева как политический проект (стенограмма заседания Секретариата ЦК КПСС от 30 января 1954 года) // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 218–246.**URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-15.pdf>*

N.Yu. Pivovarov*

**KHRUSHCHEV'S VIRGIN LANDS CAMPAIGN
AS A POLITICAL PROJECT (TRANSCRIPT OF THE MEETING
OF THE SECRETARIAT OF THE CPSU CENTRAL
COMMITTEE, JANUARY 30, 1954)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-15

*How to cite:**Pivovarov N.Yu. Khrushchev's Virgin Lands Campaign as a Political Project (Transcript of the Meeting of the Secretariat of the CPSU Central Committee, January 30, 1954) // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 218–246.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-15.pdf>]*

Abstract. This publication presents the transcript of a January 30, 1954, meeting of the Secretariat of the CPSU Central Committee, dedicated to the “Question of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan”. The reason for its implementation was the conflict between the Center and the leadership of Kazakhstan. The First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Kazakh SSR, Zh.Sh. Shayakhmetov, was against conducting a large-scale virgin lands campaign on the territory of the republic. This conflict, according to the author, became not simply an administrative episode but a key mechanism for “reformatting” the republican elites, a necessary condition for the accelerated implementation of the virgin lands project. Beginning in December 1953, a propaganda campaign against the Kazakh leadership began. Reports were sent to Moscow exposing the “feudal-lordly relations” that reigned in the republic. Pravda published a feuilleton ridiculing the everyday aspects of Kazakh society. The conflict culminated in a meeting of the Central Committee Secretariat on January 30, at which the actions of the First and Second Secretaries of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan, Zh.Sh. Shayakhmetov and I.I. Afonov, were harshly criticized. The main accusations, however, concerned not their position on the development of virgin lands, but the situation in livestock farming, the development of which the Kazakh leadership, on the contrary, considered a priority. They were accused of causing massive livestock deaths and their low productivity. An indicator of the industry’s crisis was that the republic’s livestock population was only half of its 1928 level. Following the meeting, Shayakhmetov and Afonov were dismissed from their posts. P.K. Ponomarenko and L.I. Brezhnev were appointed in their place. This change in personnel became the starting point for the accelerated Virgin Lands Campaign.

Keywords: virgin lands, apparatus of the CPSU Kazakhstan, N.S. Khrushchev, Zh.Sh. Shayakhmetov.

The article has been received by the editor on 02.05.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Никита Юрьевич Пивоваров**, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com
Nikita Yur'evich Pivovarov, Candidate of Historical Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

Аннотация. Осуществляется научная публикация стенограммы заседания Секретариата ЦК КПСС от 30 января 1954 г., на котором рассматривался «вопрос ЦК Компартии Казахстана». Поводом для его проведения стал конфликт между Центром и руководством Казахстана. Первый секретарь ЦК компартии Казахской ССР Ж.Ш. Шаяхметов был против проведения широкомасштабной целинной кампании на территории республики. Этот конфликт, по мнению автора публикации, стал не просто административным эпизодом, но ключевым механизмом «переформатирования» республиканских элит, необходимым условием для реализации целинного проекта. Начиная с декабря 1953 г. против казахского руководства развернулась пропагандистская кампания. В Москву поступают записки, разоблачающие «феодално-байские отношения», царившие в республике. В «Правде» публикуется фельетон, в котором высмеивались бытовые стороны казахского общества. Кульминацией конфликта стало заседание Секретариата ЦК 30 января, на котором действия первого и второго секретарей ЦК Компартии Казахстана Ж.Ш. Шаяхметова и И.И. Афонова были подвергнуты резкой критике. При этом основные обвинения касались не их позиции в связи с освоением целины, а ситуации в животноводстве, развитие которого казахское руководство, напротив, считало приоритетным. Им инкриминировали массовый падеж скота, его низкую продуктивность. Показателем кризисного состояния отрасли являлось то, что поголовье скота в республике составляло лишь половину от показателей 1928 г. По итогам заседания Шаяхметов и Афонов были сняты со своих постов. Вместо них были назначены П.К. Пономаренко и Л.И. Брежнев. Данная смена кадров стала отправной точкой для форсирования целинной кампании.

Ключевые слова: целина, аппарат ЦК КПСС, Казахстан, Н.С. Хрущев, Ж.Ш. Шаяхметов.

Статья поступила в редакцию 02.05.2026 г.

Базовой задачей целинного проекта Н.С. Хрущева являлось решение обострившейся в начале 1950-х годов зерновой проблемы и обеспечение продовольственной безопасности страны. Целинная кампания традиционно изучается либо сквозь призму экономической эффективности, либо в контексте социальной истории – быта переселенцев и их конфликтов с местным населением¹. Между тем целина была не просто хозяйственной, но и политической кампанией – первой крупной акцией аппарата ЦК и его нового руководителя первого секретаря ЦК Н.С. Хрущева.

Особого внимания заслуживает рассмотрение целинного проекта сквозь призму отношений «Центр – регионы». Данный аспект выходит далеко за рамки административной рутины, так как реализация целины спровоцировала острый конфликт между ЦК КПСС и руководством компартии Казахстана. Отправной точкой стал сентябрьский пленум ЦК 1953 г. Скорее всего, к этому времени идея распашки целины была подготовлена аппаратом ЦК в общих чертах. На это указывает то, что на следующий после пленума день состоялась встреча Н.С. Хрущева с казахским руководством². Центральным вопросом в ходе обсуждения стало предложение первого секретаря ЦК КПСС увеличить в республике производство зерновых. Хрущев пообещал помочь казахским руководителям с подготовкой этого вопроса и направить из Москвы инспекторов и инструкторов ЦК.

¹ Об основных историографических трендах изучения целинного проекта см.: Наухацкий В.В. Целинная кампания Н.С. Хрущева: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов н/Д., 2018; Андреев С.Н. Целинная кампания 1954 г. в советской и современной российской историографии // Asian Journal “Steppe Raion”. 2025. № 3. С. 439–452; Темникова Е.Е. Освоение целинных и залежных земель: некоторые итоги изучения // Исторический курьер. 2021. № 4. С. 88–97; Темникова Е.Е., Томилин В.Н. Отечественная и зарубежная историография освоения целины // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 102–110; и др.

² Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 52. Оп. 1. Д. 251. Л. 117–131.

Однако ожиданиям Москвы не суждено было сбыться: Казахстан не только не стал «локомотивом» освоения целины, но и продемонстрировал явное нежелание воспринимать эту идею как приоритетную. Показательным в этом отношении стал ноябрьский (1953 г.) пленум ЦК Компартии Казахстана. Выступая на нем, первый секретарь Ж.Ш. Шаяхметов полностью проигнорировал тему распахки целинных и залежных земель, сосредоточившись вместо этого на локальных задачах – расширении посевов овса, ячменя и кукурузы, т.е. культур, необходимых для решения животноводческой проблемы. С точки зрения республиканского руководства такой подход выглядел рациональным, однако с позиции Центра он означал политическую глухоту и непонимание масштаба поставленной задачи. Реакция аппарата ЦК КПСС в Москве не заставила себя ждать. Присутствовавшие на пленуме инспектор ЦК П.Ф. Пигалев и инструктор сельскохозяйственного отдела М.С. Дьячков направили в Москву шифротелеграмму, квалифицировав выступление Шаяхметова как «политически неострый доклад»³.

Дополнительным катализатором роста критических настроений в ЦК КПСС стали аналитические записки, подготовленные местными партийными руководителями. Их составители отстаивали необходимость интенсивного, а не экстенсивного развития аграрного сектора, делая акцент не на зерновом хозяйстве, а на животноводстве – традиционной для республики отрасли⁴. В то же время параллельно с этими записками в Москву от командированных в области Казахстана сотрудников аппарата ЦК поступали критические сигналы. В их донесениях местное руководство обвинялось в развитии отсталых форм хозяйства (таких как развитие кочевого животноводства), а главное – в нежелании всерьез ставить вопрос о распахке новых земель⁵. Таким образом, центр получал два полярных нарратива, однако именно второй оказался востребованным как инструмент для политического давления.

Начиная с декабря 1953 г. ЦК КПСС развернул против казахского руководства кампанию, используя весь доступный арсенал средств – от публикации разоблачительных фельетонов в «Правде» до анонимных сигналов, в которых высмеивались «феодално-байские нравы» республиканского руководства. Эта эскалация достигла кульминации в конце января 1954 г. Сначала 25 января было принято постановление Президиума ЦК «О Казахстане», поручавшее Секретариату ЦК обсудить с вызовом руководства республики «вопросы о мерах по улучшению руководства ЦК КП Казахстана»⁶, а 30 января состоялось заседание Секретариата ЦК (стенограмма которого публикуется ниже), фактически предпрешившее смену республиканского руководства.

Именно на заседании Секретариата ЦК 30 января 1954 г. действия казахского руководства получили окончательную политическую квалификацию: они были признаны не просто неудачными, а политически несостоятельными – тормозящими развитие республики и, шире, реализацию общесоюзных задач.

Наиболее конкретный и болезненный блок обвинений традиционно касался состояния сельского хозяйства. Однако парадокс заключался в том, что основной удар пришелся не на инертность Шаяхметова в освоении целины (хотя и она критиковалась), а на провалы в животноводстве – сфере, которую казахское руководство, напротив, считало приоритетной. Казахским властям инкриминировали массовый падеж скота и неспособность повысить продуктивность отрасли. Секретарь ЦК КПСС Н.Н. Шаталин привел следующую цифру: к 1954 г. поголовье скота в Казахстане составляло лишь половину от уровня 1928 г. Н.С. Хрущев лишь усилил этот тезис язвительной ремаркой: «Баи оказались лучшими хозяевами, чем мы с вами».

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 169. Л. 89.

⁴ Пивоваров Н.Ю. Страсти по целине: политическая борьба вокруг целинного проекта в июле 1953 – феврале 1954 гг. // После Сталина. Реформы 1950-х гг. в контексте советской и постсоветской истории: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г.). М., 2016. С. 316.

⁵ Там же.

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 65. Л. 3.

Однако критика не ограничилась аграрной сферой. Казахские руководители подверглись разнонаправленным обвинениям: от традиционных для аппарата ЦК претензий в кадровой политике (незнание председателей колхозов, отсутствие ротации, «семейственность») и общеполитическом стиле (неспособность к решению масштабных задач, диктуемых Москвой) до гораздо более чувствительного обвинения в некорректной национальной политике. Н.С. Хрущев прямо заявил, что казахское руководство искусственно выдвигает казахов в ущерб русским и украинцам, а положение русских специалистов в республике сравнил с положением бесправных негров.

Итогом массированной критики стало снятие с постов первого и второго секретарей ЦК КП Казахстана Ж.Ш. Шаяхметова и И.И. Афонова. На смену им были назначены П.К. Пономаренко и Л.И. Брежнев, которых Н.С. Хрущев образно (и с явным пропагандистским подтекстом) назвал «молодыми казахами». Эта демонстративная «пересадка кадров» символизировала полное недоверие Центра к местным национальным элитам и стала отправной точкой для форсирования целинного проекта.

Наиболее полное представление о механизме политического «переворота» в Казахстане, организованного Н.С. Хрущевым для обеспечения безусловной реализации целинного проекта, дает публикуемая ниже стенограмма заседания Секретариата ЦК от 30 января 1954 г. Это уникальный исторический источник, причем не только по содержанию, но и по самой своей форме. Дело в том, что за весь «хрущевский» период не сохранилось больше ни одной стенограммы заседания Секретариата ЦК. Стенографирование заседаний Секретариата ЦК в виде рабочих записей начнется лишь с 1966 г. Таким образом, стенограмма заседания 30 января 1954 г. выпадает из общего ряда: она фиксирует не рутинное делопроизводство, а экстраординарное событие.

Представленная ниже стенограмма заседания Секретариата ЦК сохранилась в единственном машинописном экземпляре. Незначительные исправления имеются лишь на первом листе. Основной массив текста не содержит следов последующей редакции. Это указывает на то, что стенограмма не готовилась для официальной рассылки или ознакомления с ней широкого круга лиц. Воспроизводятся авторские формы выделения текста (набор прописными буквами, подчеркивание). Археографические примечания расположены в постраничных сносках. В ряде случаев эмендация проводилась без оговорок. Учитывая объем документа, составитель ограничил его комментирование составлением именного указателя, в котором приводятся сведения о должности упоминаемых в нем лиц и времени занятия ими данной должности.

* * *

Стенограмма заседания Секретариата ЦК КПСС «Вопрос ЦК КП Казахстана»

г. Москва

30 января 1954 г.

ВОПРОС ЦК КОМПАРТИИ КАЗАХСТАНА

30^а января 1954 года

<...>^б

ШАЯХМЕТОВ. На основе критики, которая была в адрес руководства ЦК КП Казахстана, мы провели ряд организационных мероприятий. Во-первых, решения сентябрьского пленума были обсуждены.

ХРУЩЕВ. Дело не в том, что вы обсуждали решения, а надо, чтобы обсуждение решений сентябрьского пленума имело след.

^а Вписано чернилами поверх другой даты: 29.

^б Опуцен список присутствующих на заседании.

ШАЯХМЕТОВ. Какие недостатки по реализации решений сентябрьского пленума?

Во-первых, мы с большим опозданием начали перестройку партийного аппарата и его укрепление. Мы по ряду районов, особенно крупных, старались прежде всего укрепить руководство райкомов партии. Из аппарата ЦК и из аппарата обкомов была направлена группа товарищей в качестве секретарей райкомов партии.

Работа по укреплению МТС и закреплению за ними работников не закончена.

Насчет освоения новых целинных земель. При разработке мероприятий мы по таким масштабам, как сейчас, не шли. Мне оправдываться нечего, положение с сельским хозяйством плохое и я лично повинен в этом, но сказать, что мы задерживали темпы и не согласны с ними – нельзя. Основная ошибка, что мы к таким темпам и масштабам, которые сейчас предлагаются, не привыкли, в частности я. Мы взяли около 2,5 миллионов га для освоения целинных и залежных земель, имея огромные возможности по освоению новых земель. У нас в период войны работа по освоению новых и целинных земель проводилась, особенно в северных областях. И эта работа оправдала себя, так что опыт по освоению новых земель у нас есть. Сейчас освоение новых земель будет проводиться в Кустанае, Северном Казахстане, Акмолинске, Павлодаре. Сейчас в этих областях проводится работа по выявлению земельных участков. Этой работой будут заниматься около 240 МТС, 1 400 колхозов. Мы должны засеять весной этого года 550 тыс. га, эта площадь семенами обеспечена, недостаточно семян картофеля и травы.

План ремонта тракторов выполнен на 50 %.

Говоря о новых целинных землях, хотелось бы поставить такой вопрос: эти земли по ряду колхозов, особенно по совхозам, вновь организуемым, будут на большом расстоянии от заготпунктов, некоторые из них на расстоянии от 150 до 300 километров. В связи с этим остро встает вопрос о строительстве складских помещений хотя бы временного типа.

ХРУЩЕВ. Все равно зерно вывозить нужно.

ШАЯХМЕТОВ. Практически на такое расстояние трудно будет.

ХРУЩЕВ. Надо подумать, может быть целесообразно строить узкоколейные дороги, это дешево и быстро, ведь там равнина, стоит только проложить рельсы. Надо посмотреть на месте.

ШАЯХМЕТОВ. Это правильно, экономически это будет выгоднее.

Следует подумать насчет семян на 1955 год.

ХРУЩЕВ. Это обсуждать мы не будем, посоветуемся на месте с колхозниками и агрономами. Если потребуется 2 цнт^в, надо дать.

ШАЯХМЕТОВ. У нас на пять колхозов один инструктор. Для одного инструктора это очень много, надо закрепить меньше колхозов.

ХРУЩЕВ. Это можно сделать.

ШАЯХМЕТОВ. Мы вынуждены были сократить 260 инструкторов сельских райкомов партии от ныне существующего штата.

ХРУЩЕВ. Вот это неправильно, это и есть шаблон. Мы поэтому и предложили, чтобы сами места высказались. Видите, тов. Громов, нельзя в наших условиях подходить ко всем одинаково. Пошли к хорошему, а пришли к плохому. Неправильно, сокращают аппарат сельских райкомов партии.

ШАЯХМЕТОВ. Мы просим сохранить этот штат, тогда мы выйдем из положения.

ХРУЩЕВ. Если сокращать, то не в райкоме, а в обкоме и в облисполкоме, а райкомы, наоборот, надо усилить, а мы ослабляем райкомы.

ШАЯХМЕТОВ. Мне кажется, следовало бы закрепить на 2–3 колхоза одного опытного инструктора, хорошо разбирающегося в сельском хозяйстве, этим бы мы значительно оживили и подняли бы роль первичных партийных организаций колхозов. С секретарями первичных партийных организаций у нас дело неблагополучно обстоит, есть колхозы, в которых до 40 человек членов партии, а секретарем избирают того, кто поменьше занят.

^в Так в документе.

Грубых кормов у нас хватит, но они расположены неправильно – в некоторых областях излишки, поэтому перед нами задача перебросить грубые корма из одной области в другую.

ХРУЩЕВ. Одним словом, корова на колокольне. Разве мыслимо сено возить на тысячу километров? Сколько же тогда будет стоить сено? Оно будет дороже булок. Корм надо создавать на месте скота.

ШАЯХМЕТОВ. Из животноводства следовало бы выделить овцеводство.

ХРУЩЕВ. Это правильно. Главное для вас – овцеводство.

ШАЯХМЕТОВ. Мы иной раз высказываем такое мнение, но, видимо, нас неправильно понимают. План по крупному рогатому скоту бывает высокий, давать 16–18 % прироста за год по крупному рогатому скоту очень трудно, но поскольку план нам дается, мы вынуждены выполнять его. В некоторых районах мы не можем развивать крупный рогатый скот, поэтому идем в другие районы. Было бы правильнее на каком-то уровне изменить направление в развитии крупного рогатого скота, особенно на северо-востоке. Причем поставить главной задачей овцеводство, но не просто овцеводство, а тонкорунное.

Вся беда в том, что у нас не хватает людей. В этой связи хотелось бы еще сказать о людях и помочь нам. У нас есть спецпоселенцы – чеченцы и ингуши, значительная часть которых осела на крупных ж.д. станциях, в райцентрах и бездельничает. Их надо переселить. Мы ставили об этом вопрос, но нам говорят, что это будет второе переселение и на это требуется решение правительства. Я считаю этот ответ неправильным, люди должны работать.

Критика, которая была лично в мой адрес, принципиально правильная. Должен сказать, что в практике моей работы зажимать кого-либо не было. Был случай, когда я Жамбаева не принял в связи с плохим состоянием здоровья и сказал, что никого не приму. Из этого делать вывод, что я не принимаю первых секретарей, неправильно. То, что я не всегда глубоко вникаю в состояние сельского хозяйства, не всегда советуюсь с членами бюро ЦК – правильно. Но у меня и никогда в мыслях не было, чтобы не выполнять указания Центрального Комитета и чтобы я неправильно относился к тем предложениям, которые направлены на улучшение сельского хозяйства.

ХРУЩЕВ. Несколько слов, чтобы дать направление обсуждению этого вопроса. Мы обменялись мнениями в Президиуме ЦК по вопросу состояния работы в Казахстане и у нас сложилось такое впечатление, что в связи с большими задачами, поставленными перед Казахстаном, настоящее руководство ЦК Казахстана, в первую голову первый секретарь т. Шаяхметов, не обеспечит того, что нужно от Казахстана. У него не хватит силы, чтобы организовать людей, сплотить и направить на выполнение решений Центрального Комитета. Поэтому мы считаем необходимым подкрепить руководство, помочь Казахстану, послать туда более сильных работников. Мы считаем необходимым рекомендовать первым секретарем Казахстана тов. Пономаренко – кандидата в члены Президиума ЦК, сейчас работающего министром культуры. Много говорить о т. Пономаренко не стоит. Тов. Пономаренко всем нам известен как один из руководителей партии, который долгое время работал в Белоруссии, в ЦК КПСС, в Министерстве заготовок, сейчас в Министерстве культуры как имеющий большой опыт руководящей работы. Тов. Пономаренко значительно сильнее тех, кто сейчас находится у руководства в Казахстане. Но этого мало. Республика очень большая, а возможности ее неисчерпаемы. Поэтому мы считаем необходимым не только на пост первого секретаря рекомендовать нового товарища, но и на пост второго секретаря вместо тов. Афонова рекомендовать тов. Брежнева. Многие присутствующие здесь товарищи хорошо знают тов. Брежнева. Он сам – инженер-металлург, работал много лет на партийной работе, был секретарем в Днепропетровске, Запорожье, Молдавии, потом секретарем ЦК КПСС, а сейчас работает зам. начальника Политуправления Советской армии. Тов. Брежнева мы знаем как одного из способнейших партийных работников и руководителей, хорошо знающего сельское хозяйство, промышленность и вообще хорошо знающего партийную работу. Опыт у него большой и работал он хорошо.

Мы убеждены, что посылка таких товарищей будет большой реальной помощью, этого как раз республике и не хватает.

Посылая двух новых товарищей, не следует ослаблять привлечение к руководству местных инициативных и хорошо работающих товарищей. Поэтому в Центральном Комитете высказались за то, чтобы расширить секретарский состав до 5 человек, т.е. установить секретариат из пяти секретарей.

Пусть сейчас члены бюро ЦК КП Казахстана выскажут свое мнение, а потом созовем съезд ЦК КП Казахстана. Дело коммунистов – оставить т.т. Шаяхметова и Афонова в составе ЦК или нет. Если они выскажутся, что т.т. Шаяхметов и Афонов могут из-под критики выйти окрепшими и могут занимать руководящее положение в партии, они об этом скажут и мы согласимся. Если они выдвинут более сильных, мы тоже будем согласны. Точка зрения Центрального Комитета такова: чем сильнее работники будут выдвинуты, тем лучше. И эта точка зрения правильная. Мы знаем и положительные, и отрицательные стороны Казахстана. Тов. Шаяхметов слаб как руководитель, да и со здоровьем у него плохо. Конечно, здесь упрека быть не может, но и дело страдать не может. Естественно, что больной человек должен уступить место более здоровому, этого требует работа.

Мы просим товарищей, приехавших из Казахстана, высказаться по этому вопросу, и если мы найдем общий язык, а мы думаем мы его найдем, созовем пленум, обсудим этот вопрос на пленуме, а потом созовем съезд партии Казахстана.

Я ставлю сначала организационный вопрос, чтобы к нему больше не возвращаться. Наши предложения крутые, и поэтому я хочу в начале обсуждения поставить вопросы, которые Центральный Комитет считает необходимым обсудить.

АФОНОВ. Полностью согласен с критикой в адрес первого секретаря и мой как занимающегося вопросами сельского хозяйства. Центральный Комитет всегда делал так, чтобы обеспечить любой участок работы в любой области, в любом районе, и те мероприятия, которые сегодня выдвигаются, являются совершенно правильными, они укрепят руководство ЦК КП Казахстана и дадут возможность нашей парторганизации встряхнуться. Встряска нам нужна.

Я два года работаю в парторганизации Казахстана и не скрывал, да и другие не скрывали, что серьезные недостатки в развитии сельского хозяйства и промышленности происходят главным образом от низкого уровня руководства. У нас как-то так складывалось, что подготавливались и принимались хорошие решения, но выполнялись они плохо. Настроиваемся мы остро, а организационной работой не подкрепляем. Характер нашей организационной работы таков, что мы не умеем мобилизовать партийные организации и самих руководителей на выполнение этих решений, а это приводит к тому, что мы не можем как следует работать с людьми. Это самый большой недостаток в работе Центрального Комитета партии. Действительно, мы мало бываем на местах, прикованы к бумагам, у нас уж очень большая вера в силу циркуляра. Я не хочу сказать, что мы этого не замечали; на пленумах, на конференциях громогласно говорили, что у нас неправильные методы, которые не способствуют связи с народом. Однако проходит время, острота спадает и мы успокаиваемся. Например, в 1952 году за три месяца пало овец 288 тысяч. После решений сентябрьского пленума, когда подняли людей, пало 287 тысяч – только на 1 тысячу меньше.

Не подкрепляются решения партии и наши собственные решения практическими делами. Ведь у нас в Казахстане курица дает больше дохода, чем лошадь. Лошадь топчет пастбища, уничтожает сено, отрывает рабочую силу в большом количестве, так как на 100–150 лошадей нужен табунщик. Чтобы колхозы получали доход, мы решили серьезно заняться кумысом. Разработали мероприятия, а практически мало что получили.

На сентябрьском пленуме указывалось, что 200 тысяч коров не дотяся, из них 120 тысяч – наши. В 1952 году мы надоили за октябрь–ноябрь месяцы 66 литров на одну корову; в 1953 году – 59 литров за это же время. И это после того, как мобилизовали, поставили вопрос на ребро, рассказали людям.

Все это говорит о том, что недостаточное руководство со стороны ЦК, Совета Министров республики, наших партийных организаций и в первую очередь нас – первых руководителей.

Я хочу еще сказать об отсутствии дифференцированного руководства, вернее, о недостатках в этом руководстве. У нас 70 процентов населения – русские, украинцы, остальные 30 процентов – казахи. Когда мы выступаем на пленумах, на совещаниях и активах, то говорим, что отстают такие-то колхозы, отстает такое-то количество районов, и называем их. Но говорим вообще, а мне хочется высказаться за то, что надо конкретно. У нас 68 районов животноводческих, и большинство из них с казахским кочующим населением. Причем этого слова у нас боятся. Это значит, что казах не имеет дома, не имеет пристанища, он садится с детьми на верблюда и кочует. Вот вам и культура, и уровень, мы до него никак не можем добраться. Есть колхозы, которые имеют по 100 точек, и председателю колхоза нужно иметь самолет, чтобы побывать на всех точках зимовки. В Гурьевской области я встретил колхозника, который идет с зимнего пастбища на весеннее. Спрашиваю у него – кто председатель колхоза, не знает, так как он не был на колхозном собрании пять лет.

Такие вопросы в практической работе ЦК партии должны занимать ведущее место. Надо не стесняться и называть фамилии руководителей отстающих районов и колхозов.

ХРУЩЕВ. А почему не называете-то?

АФОНОВ. Привыкли к тому, что есть русское и украинское население, и стараемся сглаживать.

О зерновых культурах говорить в целом неправильно: есть Казахстан земледельческий, есть Казахстан животноводческий и есть Казахстан технических культур. И нельзя все приплюсовывать.

ХРУЩЕВ. Это правильно. Нельзя складывать голову воробья и верблюда и выводить среднее.

АФОНОВ. Пока так получается.

Для нас проблема показать хороший казахский колхоз. Когда приезжают делегации, особенно из капиталистических стран, то они не хотят смотреть на образцовые русские колхозы, просят показать им казахские.

ХРУЩЕВ. Разве нельзя создать хорошие казахские колхозы? Разве казахи хуже работают?

АФОНОВ. Отсутствие дифференцированного руководства и руководства вообще в системе обкомов, райкомов приводит к тому, что мы выпускаем казахские колхозы, есть хорошие колхозы, есть хорошие кадры, но опоры на них нет.

Насчет овцеводства. У нас в республике не без ведома Министерства сельского хозяйства Союза имеется неправильное направление по овцеводству. Возможности у нас прекрасные для развития овцеводства, а вот как дело дойдет до практических дел, то у нас ничего не получается, то наши ученые с чем-либо не согласны, то Министерство сельского хозяйства разрешения не дает.

ХРУЩЕВ. Ученые вами руководят или вы учеными? Что за наука, которая мало дает?

АФОНОВ. Не наука, а отдельные представители. В самих колхозах 140 племенных ферм, это база для развития. Все есть, а толчка нет.

ХРУЩЕВ. Вот, видимо, мы сегодня толчок и дадим. Это уже третий сигнал.

АФОНОВ. Казахстан должен быть ведущим по шерсти.

ХРУЩЕВ. Не только по шерсти, но и по мясу и зерну. Вы должны через 2–3 года занять первое место среди других республик. Самая крупная республика – Украина дает до 600 миллионов пудов хлеба, а для вас это плевое дело. По шерсти же вам равных нет.

АФОНОВ. Если поставить вопрос, что завтра все надо ликвидировать, это будет неправильно.

Казахстан является крупнейшей зерновой базой. Когда говорят, что мы не хотим согласиться с повышенным планом – это неправильно. Вначале была робость, опасение, ведь за все годы советской власти колхозы освоили 5 миллионов гектаров земель, а теперь за 2 года предлагается освоить еще 6 миллионов. Это такая задача, в которой сразу не разберешься. Сейчас, я утверждаю, нет ни одного члена бюро ЦК, ни одного работника области, которые бы серьезно не задумались над этим вопросом. Целинные земли надо осваивать,

но нам потребуется помощь. Много в этом деле нам неясно. Нам ясно одно – 6 290 тысяч га нужно освоить, все остальное неясно. Нам дают технику, а в рабочей силе, в механизаторских кадрах ясности нет. Дорог нет, складов нет.

ХРУЩЕВ. Нужна воля. Если пойти по вашему пути, то только через 50 лет освоим, нашей жизни не хватит. Помните, как Осинский ставил вопрос: сначала надо построить дороги, а потом автомобили. Что бы из этого вышло? Зачем строить дороги, когда ехать не на чем и возить нечего? Когда будет много хлеба, а начальство и колхозники будут бить лбы, тогда и дороги быстро построят.

АФОНОВ. О нынешнем руководстве. Я с т. Шаяхметовым работаю два года и у меня нет оснований говорить, что он безынициативный, не работоспособный, нетрудолобивый человек. Я смело могу сказать в Центральном Комитете, что он плохо живет с активом, что кадровое дело держит в своих руках, мог бы почаще советоваться с членами бюро. Последние выборы в областной комитет партии показали, что он ни с кем не советовался.

ХРУЩЕВ. Это вы тоже показали себя не на высоте. Второй секретарь должен требовать.

АФОНОВ. Я лежал в больнице.

ХРУЩЕВ. Где вы работаете – в больнице или в Казахстане? Просто характера, духа у вас не хватило.

СУСЛОВ. Каково ваше отношение к предложению по укреплению руководства?

АФОНОВ. Я с этого начал.

ШАТАЛИН. Вы начали за здоровье, а кончили за упокой. Ваша позиция неправильная. Вначале вы сказали одно, а в конце другое. В конце вы говорите, что Шаяхметов гениальный секретарь.

АФОНОВ. Моя позиция ясна. Я в самом начале сказал, что Центральный Комитет поступает правильно, укрепляя казахскую парторганизацию.

ТАЙБЕКОВ. Критика Центрального Комитета на руководство ЦК КП Казахстана правильная и я в полной мере также должен нести ответственность за недостатки в нашей работе.

Говоря о недостатках руководства в нашей республике, прежде всего нужно сказать о крайне низкой работе по укомплектованию решающих участков – МТС и колхозов. Мы не подняли этот вопрос, в результате чего во многих МТС и колхозах находились не квалифицированные люди, не способные организовать дело. Это большая ошибка.

За последнее время по животноводству мы находимся в глубоком прорыве, допустили большой падеж скота. В отдельные годы падеж был ужасный. В Гурьевской, Джамбулской, Западно-Казахстанской областях падеж доходил в течение зимы до 1 миллиона голов. На местах не чувствуется ответственности за порученное дело, за развитие общественного хозяйства.

ХРУЩЕВ. Это получается в результате не квалифицированного безответственного руководства. Как могли допустить, что миллион голов овец подошли?

ТАЙБЕКОВ. У нас крупнейшие колхозы остались без скота. Основная причина падежа – отсутствие кормовой базы для животноводства. На 99 % падеж объясняется отсутствием кормов.

ХРУЩЕВ. На 100 %.

ТАЙБЕКОВ. Была ли возможность создать кормовую базу в условиях нашей республики? Была. В Гурьевской, Джамбулской, Алма-Атинской и Юго-Восточной областях можно на поливах возделывать и кукурузу, и зерно, и зеленую массу. Там почва хорошая. Этого мы не сделали.

ХРУЩЕВ. Нужно внимательно изучить почву, одно хорошо для одного района и это же плохо для другого. Поэтому если вы будете ориентироваться на квадратно-гнездовую посадку кукурузы для Гурьевского района, то у вас ничего не выйдет, так как поливать нечем. Поэтому к каждому району надо подойти со своей меркой и со своей разработкой.

В Алма-Атинской области должен развиваться хлопок, виноград, сады, а в Гурьевской области надо развивать овцеводство.

Я плохо знаю Казахстан и не хочу с вами спорить, тем более что я зарекомендовал себя как кукурузник, поэтому я хочу предупредить, что кукурузу надо сеять там, где она рациональна по местным условиям. Каждый район должен иметь свою схему.

ТАЙБЕКОВ. Кукурузу в южных районах можно сеять. Во всех южных районах мы могли бы создать кормовую базу на базе возделывания люцерны. Люцерна нужна как кормовое средство и как предшественница для хлопчатника и сахарной свеклы, но воды у нас недостаточно и в этом большие трудности. Надо поднять урожай с каждого укоса и тогда разрешить кормовую проблему за счет люцерны.

Во всех северных районах сеется пырей, из многолетних трав в западных областях и в южно-восточных областях можно сеять житняк.

Правда, если хорошо поискать, то в Казахстане можно найти воду, ведь у нас около 10 тысяч рек, можно построить плотины.

Казахстан должен стать одним из крупнейших районов по производству зерна. Поэтому надо пойти по всем источникам.

Насчет отгонного животноводства мнение неправильное. Мы имеем в центре Казахстана 100 миллионов га пастбищ.

ХРУЩЕВ. Никто не думает отказываться от отгонного животноводства, это абсолютно неправильно. Вы, видимо, думаете так, когда вас критикуют за кочевой способ.

Может быть сделать для чабанов фургоны на колесах, дать трактор, чтобы он перетаскивал этот домик, чтобы было культурно и для работы, и для житья. Надо создать хорошие условия жизни чабанам. Трактор просто необходим, им можно корм, воду подвезти, бахчу засеять.

ТАЙБЕКОВ. Надо выявить все возможности снабжения водой и решить вопрос о расширении площадей под хлопок. Это даст возможность расширить посевы люцерны и использовать отгонные безводные участки. Министерства водного хозяйства у нас нет, у Министерства сельского хозяйства руки не доходят до водного дела, поэтому в этом вопросе нам нужно помочь. К этому надо повернуть внимание всей парторганизации. Мы на местах страдаем в силу слабой требовательности, у нас недостаточно чувства ответственности, нет активной борьбы за дело.

СУСЛОВ. А руководство?

ТАЙБЕКОВ. Какое может быть другое мнение?

ХРУЩЕВ. Чувствуется, что вы ссориться не хотите, что, мол, против ЦК не попрешь.

СУСЛОВ. Все же руководство слабовато, по вашему мнению?

ХРУЩЕВ. Он не хочет Шаяхметова критиковать, чтобы и Шаяхметов его потом не критиковал. Может быть, это и правильно, ведь когда идешь в драку, хотя и силу имеешь, тебе хоть слабо, все же заедет. А он считает: если я его не трону, то он меня не тронет и я выйду без синяков. А тут без синяков выходить неудобно, дело говорит о том, что синяки будут. Кому сколько положено, определять необязательно, должно попасть и Шаяхметову, и вам.

ТАЙБЕКОВ. Я согласен с мнением ЦК, я говорю то, что думаю.

СУСЛОВ. У вас своих слов нет, чтобы это выразить.

ХРУЩЕВ. Он потом скажет Шаяхметову: знаешь, неудобно, выступал секретарь ЦК Хрущев, раз он говорит, значит нужно поддакивать.

ТАЙБЕКОВ. Я не допускаю мысли, чтобы Шаяхметов после говорил на эту тему.

ХРУЩЕВ. Вы признаете, что мы рекомендуем людей, которые выше и сильнее в смысле умения руководить и ставить вопросы?

ТАЙБЕКОВ. Согласен.

СУЖИКОВ. Мы правильно подвергаем серьезной критике за низкий уровень руководства сельским хозяйством прежде всего со стороны ЦК КП Казахстана. У нас нет еще прочной базы для развития основных отраслей сельского хозяйства. В частности, массовая

гибель поголовья скота в ряде областей и районов за прошлые годы объясняется тем, что до настоящего времени мы не перешли от разговоров к делу по созданию прочной кормовой базы. И сейчас имеются десятки районов, сотни колхозов, где обеспеченность кормами на 1–1,5 месяца. Я только что приехал из Карагандинской области и лично убедился, что там кормов осталось на пару месяцев. В этой области нет концентрированных кормов, не решен вопрос о выделении запаса концентрированных кормов. Многие вопросы, связанные с сельским хозяйством, решаются несвоевременно, поверхностно, неквалифицированно. Об этом неоднократно заявляли на пленумах ЦК КП Казахстана, но серьезных выводов не делалось.

Водное хозяйство – очень важный и жизненный вопрос. Мы можем расширить посевные площади, для этого имеются все возможности. Страна нуждается в хлебе. Но для того чтобы расширить посевные площади, нужно осуществить ряд серьезных мероприятий и в первую очередь разрешить водную проблему.

ЦК КПСС правильно делает вывод о необходимости укрепления ЦК КП Казахстана. Тов. Шаяхметов продолжительное время работал секретарем ЦК и, надо прямо сказать, он многое отдал республиканской парторганизации. Но за последнее время чувствуется ослабление в работе, видимо, это объясняется состоянием здоровья т. Шаяхметова. Мы все за последнее время не чувствуем напряжения в работе. 15 января прошла Алма-Атинская областная партконференция и мы думали, что теперь вопрос о развитии сельского хозяйства будет поставлен по-новому. Фактически же никаких изменений не произошло. Гнилой, порочный стиль руководства обкомов, облизполкомов не подвергается критике. В докладе ничего не сказано, как конкретно осуществляются директивы сентябрьского Пленума ЦК. Разве с таким подходом к делу в наших условиях можно поднять уровень сельского хозяйства?

Такое же положение и в Карагандинской областной парторганизации. Мы рассмотрели отчетный доклад и в нем ничего не сказано о новой возросшей роли МТС, а ведь без МТС нет квалифицированного сельского хозяйства. Что делается в областной парторганизации по перестройке работы областного комитета партии, – об этом ничего не сказано.

Все это говорит о том, что мы еще далеко не перестроились для того, чтобы обеспечить осуществление поставленных грандиозных задач. Если мы сейчас плохо справляемся с сельским хозяйством, то в условиях новых задач, которые стоят перед страной, когда надо создать обилие продуктов сельскохозяйственного производства, безусловно, необходимо укрепить руководство республиканской парторганизации. В этой связи считаю правильным решение Президиума ЦК КПСС, и республиканская парторганизация примет это решение к неуклонному исполнению.

МЕЛЬНИК. С т. Шаяхметовым я работал дважды. На съезде, на пленумах ЦК я высказывал свое мнение, что у него стиль изменился, как только он стал первым секретарем. Будучи вторым секретарем, он вникал во все мелочи и детали работы. Но когда его побили за идеологический фронт, он потихоньку отошел от сельского хозяйства и уже так тщательно и детально им, как прежде, не занимался. Второй секретарь – это правая рука первого секретаря, поэтому укрепление здесь тоже необходимо.

Мы не поднялись до государственных масштабов в постановке сельскохозяйственных вопросов. Плохо то, что мы о специфике наших условий по-настоящему не ставили вопроса перед Центральным Комитетом. Например, у нас есть колхоз в 259 дворов, у него 16 тысяч овцематок. Если будет приплод в 90 %, то получим 14 тысяч ягнят. В сентябре месяце нужны будут 100 человек чабанов, а где их взять?

ХРУЩЕВ. Здесь вопрос не столько в формах хозяйства, сколько в психологии. Ведь сколько лет жили так: человек имел стадо и всю жизнь ездил за этим стадом. Это его главный источник жизни. А мы сейчас требуем пшеницу, а ему плевать на пшеницу, ему была бы лишь баранина.

Вы сейчас даете около 100 миллионов пудов хлеба государству, а возможности у вас на 500–600 миллионов товарного хлеба. Вы же, имея такую психологию, начинаете говорить

о том, где пасти скот. Мы не должны отказываться от своего хорошего и плохого, что было у русских и казахов.

МЕЛЬНИК. Вопрос шерсти – это вопрос использования пастбищ.

Считаю, что т. Шаяхметов может остаться секретарем ЦК, он будет хорошим помощником тов. Пономаренко и будет выгоден для Казахской парторганизации.

СУСЛОВ. Оставить первым секретарем?

МЕЛЬНИК. Нет, секретарем ЦК. У тов. Шаяхметова были недостатки и за эти недостатки он сейчас несет ответственность.

Мы плохо работаем с людьми. У нас как-то получается так: человек работает хорошо, а потом за какие-то дела попадает под суд, или так, механически сходит со сцены, мы плохо работаем с народом, не знаем председателей колхозов. Если, например, спросить нас о переселенцах нашей республики, мы, пожалуй, ничего и не скажем.

И последний вопрос в отношении техники. Мы косим 18 миллионов тонн сена – одну пятую по Союзу. Причем косим как везде, а нам надо не так косить. У нас жаркое лето и не нужно копнить и сволокивать, это лишнее. Нам нужна такая машина, которая бы косила, сгребала и стоговала сено. Но мы робко просим об этом. Вот приедут к нам работники и мы просим их помочь.

ХРУЩЕВ. Напрашиваюсь и я к вам, мне сказали, что к вам хорошо поехать в мае месяце.

ГУБИН. Оценка работы бюро ЦК КП Казахстана соответствует действительности. Мы плохо руководили и плохо мобилизовали парторганизацию на выполнение важнейших задач партии и государства. Мы как будто бы неплохо разъяснили решения сентябрьского пленума, в некоторых колхозах сделали по 4–5 докладов; я лично был по поручению ЦК в Карагандинской области по проверке и организации работы. На месте я столкнулся с таким положением: спрашиваешь местных работников, что практически будете делать, как думаете дальше работать? У вас с животноводством дело обстоит плохо, что намереваете по улучшению животноводства? Отвечают, что полной ясности нет, ждем планы от райисполкома и районного отделения сельского хозяйства. Вместо творческой активности в колхозах и самих колхозников у нас получилось сдерживание инициативы районов, ненужные обещания присылки планов.

Работу с кадрами мы начали вовремя, не раскачивались очень долго. В такой крупнейшей парторганизации, как Карагандинской, сразу после решения сентябрьского пленума 1 060 специалистов изъявили желание поехать в сельское хозяйство. Когда начали разговаривать с людьми в организованной комиссии по проверке знаний, то в конце концов выяснилось, что в область за два месяца выехало всего 60 человек.

О работе бюро. У нас, членов бюро, не было необходимой принципиальной требовательности друг к другу, не было достаточной критики. Редко услышишь критику среди самих членов бюро, это создавало элементы благополучия в работе бюро. Наблюдалось неправильное отношение к кадрам, и в первую очередь к руководящим кадрам. Тов. Шаяхметов говорил о гибели миллиона голов скота в Джамбулской и Гурьевской областях. Под «руководством» секретаря Джамбулского обкома погиб скот. А какие к нему требования предъявили? Его выдвинули председателем Карагандинского облисполкома, он рад, что уехал от партийной и государственной ответственности. Или второй факт: прошлая конференция освободила секретаря Алма-Атинского обкома Канапина, который развалил работу области. Этот выскочка долгое время сидел на столичной области, область валилась по всем видам, а Канапина освободили в связи с защитой диссертации и есть предположение взять его на работу в ЦК.

Секретарь Павлодарского обкома Золотухин освобожден от работы. Он явно неудовлетворительно руководил областью, кроме еще и личных недостатков. А разве ему сказали о недостатках на конференции? Конечно нет. Он отзывается в распоряжение ЦК партии.

Этим мы неправильно воспитываем кадры, на ошибках и недостатках мы должны учить других работников и всю парторганизацию. Низкая требовательность, отсутствие

необходимой принципиальности в подходе и оценке работы того или иного работника не могли не сказаться на общем положении дел в республике.

В решении указаний ЦК об освоении целинных земель большое место принадлежит людям. Тов. Шаяхметов внес предложение о вторичном переселении спецпоселенцев. Нельзя не считаться с этим контингентом, так как он составляет около миллиона человек. Я считаю, что с этими людьми надо работать и правильно их использовать. Часть из них осела в городах, но абсолютное большинство работает в сельском хозяйстве и некоторые работают неплохо. Правда, есть определенная часть, которая живет нетрудовым образом или работает сторожем, а днем спекулирует. Тов. Яковлев поставил вопрос перед ЦК и его поддерживает т. Шаяхметов, чтобы переселить 10 тысяч чеченцев из Карагандинской в другие области. Я считаю, что этого делать нельзя. Они уже один раз были наказаны, переселены, а теперь с ними нужно работать. Может быть, принять решение Совета Министров и ЦК произвести переселение какой-то части населения на освоение новых земель, в том числе и русских, украинцев. Тогда это поможет партийной организации правильно решить вопрос о кадрах.

Предложение ЦК КПСС об укреплении руководства республики, безусловно, правильное. На том уровне, на каком мы находимся сейчас, не поднять задач партии и государства, которые поставлены перед республикой, и единственно правильное и своевременное решение – укрепить руководство республики и поднять парторганизацию на решение задач, поставленных ЦК КПСС.

КЕРИМБАЕВ. Предложение ЦК КПСС по укреплению руководства республики правильное. Мы виноваты в том, что в течение 34 лет существования республики имели посевных площадей только 6 с половиной миллионов. Сейчас в течение полутора лет нам надо поднять еще 6 миллионов. Это исключительно большая и смелая задача, и для ее разрешения требуются сильные руководители-организаторы. Ресурсы республики богатые и при правильной организации работ результаты будут хорошие. Главная задача – составление точных почвенных карт. У нас карты 1909 года, а ведь сейчас совершенно другая структура почвы.

Животноводство у нас может развиваться, особенно овцеводство. В районе между Карагандинской и Алма-Атинской областями, в самом недоступном месте, существует опытная станция, на которой получают 4–5 килограммов шерсти. Это говорит о том, что у нас на всех участках имеется возможность для расширения овцепоголовья, требуется только дифференцированный [подход] и правильное решение.

Решение ЦК КПСС своевременно, и мы примем все меры к тому, чтобы быть на высоте положения.

ЗАХАРОВ. Я членом бюро ЦК работаю недавно, с последних чисел апреля прошлого года, но в Казахстане работаю 10 лет. Будучи членом бюро, мне пришлось много сталкиваться с сельским хозяйством и с работниками, работающими в этой области, и я могу сделать вывод о низком уровне руководства сельским хозяйством, большой отсталости организационной работы от политических задач. Я лично был на Актюбинской и Кустанайской партконференциях и должен сказать, что в Кустанайской области после сентябрьского Пленума ЦК положение с кадрами в МТС не изменилось. Во главе МТС должны стоять люди, понимающие политику нашей партии, а как может руководить МТС человек, который имеет низшее образование?

Такое же положение и с директорами совхозов. Основное руководящее звено в развитии сельского хозяйства – укрепление кадрами – не решается. Еще хуже с инструкторами райкомов партии, прикрепленными к зонам МТС. Более 70 % инструкторов имеют низшее образование. А ведь это люди, которые должны вести партийно-организационную и партийно-политическую работу, должны проводить политику нашей партии.

На Кустанайской областной партконференции не выступил ни один секретарь, прикрепленный к МТС. Это объясняется тем, что люди не работали в этой зоне МТС и им нечем поделиться.

Политическая работа слаба. В Темирском районе Актюбинской области люди два года не видели кинокартин, в Челкарском районе две киноустановки вышли из строя и люди больше года не видели кино.

Как дело обстоит с посылкой людей из промышленности? С момента сентябрьского пленума ЦК КП Казахстана принял три решения. Надо было наказать секретарей райкомов за то, что они не посылают из промышленности людей. В промышленности Казахстана имеется более полутора тысяч инженеров-механиков и 3 444 техников-механиков, а дали всего 310 инженеров-механиков и 244 техника-механика. Секретари обкомов этим делом не занимаются, а промышленно-транспортный отдел ЦК тоже плохо занимается. Когда взяли за дело как следует, задание по Актюбинской области было выполнено, 20 инженеров-механиков были даны в несколько дней.

Плохо с назначением кадров: человек на одной работе не справляется, а его посылают на другую ответственную работу. Например, секретаря Павлодарского обкома освободили от работы, но я, как член бюро, об этом ничего не знал. Также случайно узнал об освобождении от работы Канапина. Тов. Шаяхметов с членами бюро о передвижении кадров не советуется, не ставит их в известность.

ХРУЩЕВ. Это неправильно, значит нет коллективного руководства.

[ЗАХАРОВ.] Сейчас стоит вопрос о руководстве сельским хозяйством. Но и уровень руководства промышленностью также очень слабый. Казахстан в ближайшие два года должен быть житницей по зерну, давать шерсти, мяса во много раз больше. Казахстан занимает большой удельный вес в союзной промышленности. А кто занимается конкретно промышленностью? Тт. Шаяхметов и Афонов не доходят до этого, они занимаются сельским хозяйством; т. Сужиков – совсем не занимается, говорит, что промышленностью должен заниматься я. Правильно, я должен ею заниматься, но меня кто-то должен поправлять, я могу ошибаться. Надо сказать, что и ЦК КПСС не балует нас в смысле руководства в области промышленности. Почему Магнитку строила вся страна, а Джезказган нет? Об этом мы писали в ЦК, в Совет Министров, но нас не поддерживают.

Укомплектованность строительных трестов от 60 до 70 %, а инженерно-техническими работниками – еще меньше. Из года в год проваливаются стройки в угольной промышленности, нефтяной промышленности, металлургической, химической, машиностроительной. Я уже не говорю о стройках министерства, производящих предметы потребления, они совсем плохо работают.

В отношении предложения ЦК КПСС – я целиком поддерживаю это предложение. Очевидно, у т. Шаяхметова понизилась требовательность к секретарям обкомов партии. Секретарь Южно-Казахстанского обкома т. Кузембаев договорился до того, что инструктору ЦК КПСС т. Величкину, приехавшему к нам для помощи, заявил: мы направляем людей в областное сельхозуправление, но там бракуют их. В проекте мы предложили дать выговор Кузембаеву за плохой подбор кадров в сельское хозяйство, но т. Шаяхметов снизил взыскание, дал только указание. Три постановления приняло бюро ЦК, но ни одним постановлением никого как следует не наказали.

Я знаю т. Шаяхметова как второго и первого секретаря. Раньше у него было больше требовательности. Всем ясно, что секретарь обкома – это опора. Но когда они проваливают дело или становятся на путь нарушения партийной дисциплины, с них надо взыскивать и строго требовать, тогда это будет правильное воспитание, а не сюсюкание.

В целях оживления и встряски республиканской парторганизации необходимо поставить крепкого и волевого человека. Может ли т. Шаяхметов работать на посту секретаря ЦК? Может. Я беспристрастно могу сказать, что т. Шаяхметов пользуется в Казахской парторганизации огромным авторитетом, может быть это в силу того, что нетребовательно относится к кадрам, но я знаю и другую его сторону – работоспособность, когда он желает глубоко разобраться в вопросе.

В интересах дела считаю, что т. Шаяхметова надо оставить секретером ЦК.

КАРИБЖАНОВ. В чем главная причина отставания сельского хозяйства? В том, что расшатана дисциплина. Это зависит в первую очередь от первого секретаря, от членов бюро. Обкомы партии на решения ЦК не отвечают, не выполняют в установленный срок указаний ЦК, и не было случаев, чтобы таких секретарей обкомов партии или других руководителей вызвали в ЦК и потребовали ответственности за недисциплинированность или за провал той или иной работы.

Возьмите Северный Казахстан – крупнейшая зерновая область. Весенний сев позже всех закончила, хлебоуборку провели позже всех, зябь провалили. В прошлом году слушали отчет этой области, записали сделать то-то и то-то, но после этого в области ничего не активизировалось. Следовало бы потребовать строгой ответственности с руководителя этой области. А вместо этого его послали на учебу.

ХРУЩЕВ. Просто позор, работу проваливают, а их посылают на учебу, а потом, по окончании школы, не знают куда его послать, потому что не берут на ту должность, с которой он пришел.

КАРИБЖАНОВ. В Центральном Комитете много формализма, у нас не бывает так, чтобы послушать в ЦК и побеседовать с рядовыми специалистами, ограничиваются обычно руководящими работниками. На эту сторону следует обратить внимание.

По вопросу освоения целинных земель. Это трудная задача, но благородная и вполне выполнимая. Так она нами и понимается. Кое-какие вопросы будут решать ЦК и министерства сельского хозяйства, но есть ряд вопросов, в разрешении которых необходима помощь. Например, по Кустанайской области проектируют миллион га, но в то же время, когда распределяем наметки по МТС, получается, что отдельные МТС имеют нагрузку 27–30 тысяч га посева, а мы планируем 40–50 тысяч. В связи с этим встает вопрос о укрупнении МТС.

Одновременно надо решить и зерновую проблему, надо сейчас же подумать о том, куда возить хлеб.

ХРУЩЕВ. Как говорится, дай бог хлеба, а куда возить – найдем.

КАРИБЖАНОВ. Как только много хлеба, мы занимаем и красные уголки, и скотные дворы, и другие помещения. Чтобы этого не было впредь, надо подумать заранее.

Рекомендуя тт. Пономаренко и Брежнева в руководство ЦК, ЦК КПСС проявляет большую заботу об укреплении и улучшении нашей работы. Тов. Шаяхметова можно оставить одним из руководящих работников в республике. Нельзя сказать, что он пассивный человек.

ЛУЦЕНКО. Мне пришлось участвовать на Пленуме ЦК партии, где я выступил, а сейчас хочу это повторить. Знаю т. Шаяхметова хорошо, работал с ним 10 лет. Должен сказать, что на пленуме он выступил несамокритично. Тов. Шаяхметову надо было выступить и сказать о той критике, которая была в адрес республиканской парторганизации на сентябрьском пленуме. Он этого не сделал, поэтому получилось в ходе пленума, что был призыв к критике, а не критика. В чем вина тт. Шаяхметова, Афонова и Тайбекова – пленум не вскрыл. В стиле работы Шаяхметова чувствуется ослабление. С переходом на работу первым секретарем т. Шаяхметова тт. Афионов и Тайбеков его не поддержали.

В отношении глубины решения вопросов. ЦК КП Казахстана принял решение о 5–6 килограммов на корову. Этот лозунг для районов с развитым молочным животноводством. Одни этого добились, но в Карагандинской области нужно запретить задание до 6 килограммов, а то мы подходим механически и в результате хорошее дело опорочивается.

Сентябрьский пленум поставил большие задачи перед республикой, а кадровый вопрос у нас не решен. Мы будем ждать съезда, пока-то люди возвратятся, а в апреле нужно, чтобы тракторы в борозде были. Большой разрыв с кадрами надо решать активнее. Мне кажется, в дополнение к тем курсам, которые проводятся при МТС, в областных центрах провести

дополнительный набор на курсы. Видимо, надо помочь республике и механизаторскими кадрами.

Я выдвигал вопрос в отношении передвижки большого количества населения в рай-центры, это пополнит запас труда в животноводство, однако члены бюро ЦК это мнение не разделяют.

Предложение ЦК партии об укреплении партийного руководства в республике своевременно. Только при этом условии можно обеспечить выполнение поставленных задач. Тов. Шаяхметов в республике пользуется заслуженным авторитетом и в составе Секретариата будет полезным человеком. Он тов. Пономаренко на первых порах будет реальной помощью и опорой.

КРЕСТЬЯНИНОВ. В Казахстане есть такие колхозы, которые сохранили полностью овцепоголовье в суровые морозы, потому что у них был запас корма. А рядом в колхозе погибло 20 тыс. ягнят. Когда начали выяснять это дело, оказалось полное очковтирательство. Затем в ЦК я говорю, что в Джамбулской области почти половина овец погибла, надо принять какие-то меры к секретарю обкома, а там мне отвечают: мы мыслим его сделать председателем Верховного Совета. Затем узнаю, что Едильбаев послан в Караганду. Есть такой Шахшин. Кто он? Никто. Но лет 15 ходит в руководящих работниках, в конце концов он назначен на пост первого секретаря Западно-Казахстанского обкома партии. Чем озаглавлен его приход? Тем, что опять подошли овцы. Теперь его послали на учебу. Такое же положение и в Гурьевской области. В июне месяце Галиева слушали в ЦК КП Казахстана в связи с тем, что 50 % овец подошли. Все молчат, никто не выступает. Я выступил и сказал, что это очковтирательство. Его сняли с поста первого секретаря, но на это он сказал так: не думаю, чтобы после меня положение улучшилось.

В Совете Министров никто не руководит животноводством, не могут подобрать человека, который бы этим делом занимался. Я неоднократно говорил т. Шаяхметову, чтобы поставить квалифицированных людей, болеющих за это дело, знающих это дело, а то сажают случайных людей, которые только занимают место.

Сколько лет идут разговоры об обводнении, выносятся решения, вопрос обсуждается на пленуме ЦК, а потом все забывается, никто ничего не добивается и не требует. Имеется 200 миллионов га пастбищ, не хватает только воды. Если бы была вода, то можно было бы разводить десятки миллионов овец. Вопрос обводнения пастбищ правительство и ЦК Казахстана не ставили. Это большое упущение и мы недобираем большое количество продукции, шерсти и мяса.

СКВОРЦОВ. Новым ли является для руководителей и т. Шаяхметова то, что с Казахстана потребовали больше хлеба? Еще в 1940 году на пленуме ЦК тов. Сталин сказал, что вы даете хлеба столько, сколько Кубань. Затем, когда разрабатывали всякие мероприятия, он же подчеркнул, что вы разрабатываете мероприятия, которые стоят на рубль полтинник, вы постарайтесь использовать природные богатства.

Всем ясно – то, что вы имеете по плану, это не то, что требуется от Казахстана.

В отношении воды надо собрать стариков и спросить, где источники.

Основной недостаток в работе руководства – нет связи с массами. Масса не чувствует, что есть организаторы, повседневной органической связи с массой нет.

Должен сказать, что т. Шаяхметову этот объем работы не по плечу. Я и раньше сомневался в том, что т. Шаяхметов может поднять республику. Как большой недостаток надо отметить, что в республике нет новых кадров. Люди растут, учатся, но все время передвигаются одни и те же люди, новые кадры не выдвигаются. Это произошло потому, что т. Шаяхметов связан с более преданными ему кадрами, такой грешок есть, иначе чем объяснить, что так слабо выдвигают новые кадры.

Я сомневаюсь в искренности тех высказываний, что т. Шаяхметов пользуется всеобщим авторитетом, и я сомневаюсь в том, сможет ли т. Шаяхметов работать секретарем. Мне кажется, мы и так запоздали с укреплением руководства. Я об этом говорю для того, чтобы не создалось ложного впечатления на местах, что человек прекрасно работал, пользо-

вался авторитетом и его освободили только по болезни. Фактически же девятилетнее топтание на одном месте.

СУСЛОВ. Ход обсуждения показывает, что вопрос об укреплении руководства ЦК КП Казахстана назрел и перезрел. ЦК проявляет большую тревогу за положение дел. В Казахстане сложилось серьезное несоответствие между задачами, которые стоят перед партийной организацией, перед республикой, и уровнем руководства. Это несоответствие между большими задачами, которые ставятся перед парторганизацией и республикой, уровнем руководства, обнаружилось не сегодня. ЦК уже в течение последних двух лет неоднократно предупреждал руководящих работников ЦК Казахстана и прежде всего т. Шаяхметова и членов бюро, они несколько раз бывали по этим вопросам. Результаты же от этих предупреждений незначительные, до партийных организаций предупреждения ЦК не доходили, они не выходили за пределы членов ЦК. Тов. Шаяхметов не тревожно воспринимал критику, не взволнованно, а на тормозах все эти указания спускались.

Сельское хозяйство республики развивается крайне медленно, а по некоторым показателям идет даже вниз. Резко возрос падеж скота, продуктивность окота по сравнению с довоенным уровнем упала. Руководство ЦК Казахстана привыкло к замедленным темпам и свыклось с ними. Оно приспособилось к таким замедленным темпам развития хозяйства. Отсюда и требовательность понижена, и критики друг друга нет, и подбор кадров идет по шаблону. Даже когда ЦК прямо поставил вопрос, то и здесь критики в адрес друг друга нет. Вот стиль работы так и сложился, еле-еле поворачиваются.

Возможности в республике колоссальные, но какая отдача республики перед страной и государством? Сейчас Краснодар дает хлеба столько, сколько весь Казахстан, при посевной площади в три раза меньше, чем в Казахстане. Ставрополь дает 22 тысячи тонн тонкорунной шерсти, а вы даете 36, причем из них 30 – грубой. Это в целом отношении в 2–3 раза меньше, чем дает Ставрополь. У них пастбищ и сенокосов 2–3 миллиона, а у вас 170 миллионов.

Если взять Северный Кавказ, то там тонкорунное овцеводство сложилось только после организации колхозного строя, а после войны восстановлено заново. Овец же там сейчас в полтора раза больше, чем было до войны. Значит, можно поправить дело? Можно.

Я повторяю, что от несоответствия между задачами, которые стоят перед организацией, и низким уровнем руководства сложился и стиль работы. И некоторые товарищи говорили, что теперь новые задачи, очень большие задачи в связи с освоением новых земель, надо освоить 6,5 млн [га] в течение двух лет, они говорили, что теперь они справятся с этим делом и до этого не справлялись. И в речах товарищей, в особенности т. Шаяхметова и т. Афонова, прозвучало, что они как бы боятся этой задачи, нота такая прозвучала, что это, мол, не по плечу им. Один из них прямо сказал – мы не привыкли к таким темпам, а тов. Афонов заявил – ясно, что 6,5 млн [га] земли надо поднимать, но нам неясно, как выполнить это, т.е. это нам не по плечу, не по плечу эта задача нынешнему руководству. Вот какое у меня убеждение сложилось. Поэтому я считаю абсолютно необходимым решительную встряску в руководстве надо сделать, а уже не обычное предупреждение, чем мы ограничивались до сих пор.

ШАТАЛИН. Я, товарищи, бывал в Казахстане, поэтому с этого и начну. Если взять животноводство отгонное, а я был там в 1944 году, тогда вопрос отгонного животноводства был запутанным, если товарищи помнят. Тогда очень многие выступали как раз о том, что отгонного животноводства не было. Это, я повторяю, было в 1944 году, и я должен сказать, что в то время, Никита Сергеевич, надо было некоторую смелость иметь, чтобы прямо сказать, что в Казахстане должно быть отгонное животноводство, за это можно было получить политическую кличку. Считалось, что это антиреволюционный метод.

С точки зрения казахстанских просторов – это глупость несусветная. И тов. Афонов, конечно, если он там жил с такими настроениями, то он был плохой помощник делу. В Казахстане должно быть сочетание и отгонного животноводства, и пастбищного, причем отгонное животноводство, я так понимаю, как Никита Сергеевич говорит, что другой вопрос,

какое отгонное животноводство – это отгонное животноводство старинное, байское и нынешнее, наше животноводство. К сожалению, у нас пока еще очень много байского было, по сути дела кочевое, не животноводство отгонное, а кочевое. Грубо говоря, уходили люди за сотни километров, им приходилось жить там, пока не скормят тех трав, которые там есть, а кормов не заготавливают. Так что сейчас вопрос очень ясный, неясно только одно (мне тоже ясно, но я хочу в адрес руководства сказать), тогда, я помню, были выработаны мероприятия, если товарищи не забыли об этом. Надо сказать, что мероприятия были правильные. Тогда товарищи говорили насчет нашего советского способа отгонного животноводства, говорили о культурно-бытовых мероприятиях хороших, даже проекты, помню, товарищи некоторые рисовали, что это за домики должны были быть и сколько их должно быть, как продвигать эти домики и т.д. Вот это и есть способ руководства – поговорили, прошло 9 лет, а ничего не сделали. Как было, так и осталось. Это характеризует, как относятся товарищи к делу. Это говорильня. На данном конкретном примере можно показать обезличку, безответственность, бесконтрольность, говорильню. Более или менее правильная была говорильня в отношении животноводства, а дела не сделано. Ведь является позором иметь 50 % по отношению к 1928 году. Тогда были единоличники, баи были. Это их хозяйство было. А сейчас сколько лет прошло и мы имеем 50 %.

ХРУЩЕВ. Баи оказались лучшими хозяевами, чем мы с вами.

ШАТАЛИН. Пока иначе не скажешь. Факт есть факт. Это говорит о том, как они кочевали, как они вели хозяйство, а у нас этого не имеется.

Конечно, это прежде всего минус руководству, бюро, первому секретарю, что они толком не занимаются этим вопросом.

У них ведь, товарищи, кроме сельского хозяйства имеется громадная промышленность, а самое главное, громадная перспектива в промышленности. У них столько в земле добра имеется, что трудиться очень много придется. И на фоне этого богатства, которое имеется в Казахстане, конечно, руководство выглядит бледно.

Ни одного вопроса толком не было поставлено, как по линии сельского хозяйства, так и по линии промышленности.

Там спокойненько люди жили, безмятежно жили, там более или менее установились какие-то цифры, в пределах этих цифр есть все: хлеба 80–100 %, если взять животноводство, то миллиона два падает на падеж, это вроде как достижение. Вот так и жили. Конечно, так дальше нельзя. Им не хватает размаха, не хватает кругозора даже в пределах своей республики, я уже не говорю о том, что там должны быть люди, которые с этой верхушки должны смотреть и пошире, не только с позиций своей республики, а с позиций всего Советского Союза. Надо оценивать удельный вес Казахстана в пределах всего нашего Советского Союза, как здесь уже совершенно правильно говорили товарищи, надо думать о том, чтобы как можно больше дать в общем размещении нашем. А этого у них нет. Сейчас складывается такое впечатление, что вроде товарищи обеспокоены, какое у кого имеется недовольство, потому что жизнь более или менее шла нормально, а сейчас вклинились в эту жизнь и не каждый товарищ понимает хорошо это дело. Мне тоже Афионов не понравился. Вместо того чтобы загореться, зацепиться за это дело, он начинает вопросы задавать. Конечно, вопросов будет миллион. Здесь должен будет и Центральный Комитет помогать, но сейчас по-другому нужно ставить вопрос. Надо за это дело взяться, надо загореться, надо это дело сделать. А как сделать надо будет, из-за этого мы не можем останавливаться на месте и не двигаться вперед.

Я, товарищи, убежден и считаю единственно правильным рекомендовать Казахской партийной организации тт. Пономаренко и Брежнева, чтобы в значительной степени стиль и методы работы переменить и смотреть более широко на вопросы, чтобы в ближайшие годы добиться того, чтобы Казахстан больше вкладывал в общее хозяйство нашего Советского Союза.

АФИОНОВ. Видимо, меня неправильно поняли. Речь идет вот о чем. Когда мне говорят, что я против отгонного животноводства, это не соответствует действительности. Значит,

я неправильно сформулировал свое выступление. Если посмотреть все мои выступления и если противопоставить их тому, когда кто выступал против отгонного животноводства, я называл это авантюрой, не обеспечивать такие пространства в Казахстане это действительно авантюра, и если такую вещь кто-нибудь делал, я об этом говорил, можно убедиться на документах, посмотреть стенограммы, где я всегда протестовал, и протестовал не только на словах, но принимал всяческие меры против этого. Когда я сказал, Никита Сергеевич, о том, что половина поголовья поручена людям, которые ведут не такой образ жизни, который бы хотелось иметь на сегодняшний день на данном уровне, я имел в виду, что об этих людях нужно специально позаботиться, нужно использовать все пастбища, изыскать сотни миллионов гектаров, нужно было сделать так, чтобы был использован опыт Кабарды, Грузии, Ставропольской, Ростовской, Астраханской областей, все они имеют опыт использования сезонных пастбищ. Поэтому прошу меня в этом случае понять правильно. Я за правильное использование всех земель, они использовались отвратительно плохо, мы не умели эти вопросы до конца решить. Это первое.

Второе. Когда речь зашла об использовании целинных земель, у меня нет основания сказать, что я чего-то испугался. На пленуме я говорил членам бюро, членам ЦК, по итогам пленума я высказывался и говорил о наших возможностях. В стенограмме все это записано. Я говорил о том, что надо использовать 30 млн га земли, проанализировав все это, рассказал, сколько находится под пашней и сколько имеется огромных возможностей в использовании наших земель исходя из решения сентябрьского пленума ЦК. Об этом также есть стенограмма, есть непосредственная дальнейшая деятельность.

Когда я участвовал в работе комиссии, когда со всеми секретарями обкомов беседовал, я конкретно показывал, что надо сделать в связи с тем, что перед нами стоит большая задача освоить 1 миллион гектаров. Больше того, оказалось, что не хватает механизаторских кадров. Я ставил перед товарищами вопрос, что никто к нам не поедет. Об этом был разговор. Механизаторские кадры надо было искать за счет внутренних резервов.

Таким образом, в отношении правильного использования целинных земель можно сказать, что не использованы громадные резервы в республике. И совершенно правильно. Раз этой вещи не сумели сделать, и я в данном случае, и Центральный Комитет в отношении всего руководства оказались в таком положении – мы оказались не на высоте. Поэтому совершенно правильно много раз предупреждали нас, и я выражу определенную твердую уверенность в том, что это решение ЦК правильное – уровень руководства нам низок, мы непригодны. Центральный Комитет, секретари Центрального Комитета вполне правы, предъявляя ко мне особые претензии, ибо два года тому назад, посылая меня в Казахстан, они поставили передо мной задачу работать и в области кадров, и помогать т. Шаяхметову, и сделать то в партийной организации, что требовали от нас секретари ЦК. Я этого не сделал, я этого не смог сделать.

ШАЯХМЕТОВ. У меня маленькая справка. Я себя никогда не считал и не считаю вождем.

Что касается критики моих недостатков и ошибок по руководству хозяйством республики, я ее считаю принципиально правильной. В связи с этим считаю также правильным предложение, которое вносит Центральный Комитет – улучшить дело руководства партийной организации Казахстана путем посланки туда товарищей Пономаренко и Брежнева. Я из этой критики, которая здесь была по моему адресу и в адрес ЦК КП Казахстана, сумею сделать правильные выводы и работать там, где меня поставит Центральный Комитет.

ХРУЩЕВ. По вопросу системы ведения хозяйства животноводческого. Я думаю, что здесь мы вряд ли дадим какие-то конкретные указания. Надо посоветоваться с местными людьми при изучении местных условий, тогда только можно решить правильно этот вопрос. В общем рассуждения, которые здесь есть, они правильные.

Что такое отгонное и неотгонное животноводство? Это значит, вести ли хозяйство только лишь на пахотных землях или же вести хозяйство животноводческое и на непахотных землях. Если у нас распаханно сейчас там около 10 млн, мы хотим еще распахать 6 с лишним

миллионов, у нас, значит, будет 16 миллионов, а 230 миллионов непаханных земель, и мы говорим, что делай и отгонное животноводство. Это просто глупо. А что же делать с теми землями, которые у нас существуют и что-то на них растет? Мы их бросаем, потому что это некультурное ведение сельского хозяйства. Это, конечно, глупость. Тогда байы были более умные, которые вели хозяйство кочевое. Почему кочевое хозяйство они вели? Потому что населения было очень мало. Условия для животноводства прекрасные, поэтому люди жили не на пшенице, как украинцы или другие, а жили мясом. И это их удовлетворяло. Они жили хорошо и имели хороший доход. Это при условии плотности, которую они имели. Мы пока половины не можем достигнуть того, что они имели.

Я рассматриваю период до 1928 года – это хозяйства единоличные с господством кулацкого и байского хозяйства. И нужно отдать им должное. А мы с вами барахтаемся и никак не можем выкрутиться. У нас поддыхает скот, а у них не подыхал.

ШАТАЛИН. Меньше, во всяком случае.

ХРУЩЕВ. Значит не подыхал.

ШАТАЛИН. Говорят, что у них на внутренние нужды идет очень много, что поедают. Раньше тоже ели.

ХРУЩЕВ. Да еще как. Так что надо сказать, товарищи, что, по-моему, там направление действительно возможно – это смешанное хозяйство на окультуренных и освоенных землях – там одна система, на землях, которые не распаханы, – другая система.

Нам сейчас надо подумать более разумно, как нам наладить отгонное хозяйство с обеспечением запасов в критические дни года, в частности зимой. Если байы все время кочевали и не имел этих опорных пунктов, то если это позволяет теперь при изучении местных условий, что какой-то район можно заранее подготовить, что мы к такому-то критическому времени со своим стадом придем в такую-то точку, это когда могут быть большие осадки снега, сильные морозы, чтобы у нас к этому времени были накоплены какие-то корма. И если бы мы могли обработать все эти земли с таким расчетом, чтобы на небольших площадях, но более высокий урожай получить, а это говорит о том, чтобы с меньшими затратами получить этот урожай, потому что скосить сено с гектара 2 центнера или 15 центнеров – это разница. Над этим надо подумать.

Если бы мы в этих точках имели бы какие-то устройства для загона или задержки для скота, это было бы самое лучшее. Это все надо продумать. Но отсюда никакой схемы и указаний дать мы не можем. Это лучше всего на месте сделать. Люди, которые хозяйничают, которые живут и родились там, они это дело лучше знают. С ними надо посоветоваться и разработать систему.

А основное наше направление – как можно быстрее и больше осваивать земель, все земли, которые могут быть распаханы, надо их распашать, потому что это уже культурное ведение хозяйства и это наше направление таким должно быть.

Теперь, если говорить о причинах, которые побудили собрать Секретариат, я считаю, что тут виноваты товарищи казахстанские руководители, но не снимаем и с себя ответственности, с Центрального Комитета, потому что мы тоже могли бы раньше вмешаться в это дело и принять меры, потому что материальные возможности у нас давно созрели для этого. Поэтому, видимо, мы сами недооценили возможностей, которые имеются в Казахстане и в других областях, где имеются свободные и целинные земли, хотя нужда у нас в освоении этих земель колоссальная.

Хлеба у нас не хватает. Животноводство у нас перебивается и не развивается в освоенных районах из-за отсутствия кормов. На трудодни выдаем очень мало колхозникам из-за отсутствия зерна. Разбегаются люди из ряда колхозов, потому что низкая оплата трудодней. Мы тоже, если так говорить, не совсем в этом деле своевременно принимаем меры. Значит, не предусмотрели, и я бы сказал, что вина наша в излишней доверчивости и надежде на Казахстан или другие районы. Я беру хотя бы Алтай, Омск, Томск, Красноярск, где земель оказывается очень много. Но сейчас дело не в этом. Сейчас мы говорим – сегодня надо приниматься за это дело. Мы могли бы сказать – вы виноваты и мы виноваты, одни

больше, другие меньше. Мы об этом говорить не будем, а будем стараться лучше поставить хозяйство.

Может быть так поставить вопрос мы не можем, потому что если мы так скажем, то сегодняшнее руководство может не справиться с новыми задачами, которые сейчас встали перед Казахской Республикой, поэтому мы при всем уважении к тов. Шаяхметову, а у меня никакой претензии к нему нет, кроме того, что он слаб по уровню задач, по масштабу, который стоит перед Казахской Республикой, он не может всего одолеть, а раз слаб сегодня, мы его раскритиковали, но если мы ему не поможем более сильным руководством, завтра он станет плохо работать и мы вынуждены будем снимать его с работы. Мы хотим вовремя прийти на помощь и подкрепить руководство, послать туда людей.

Мы даем туда технику, но что стоит техника, если не будет людей. Она около станции будет стоять, она не пойдет на поля. Это дело надо организовать. Надо управлять этим делом, надо поставить на это дело людей, поддерживать, подхлестнуть, каждому свое время и свое должно быть внимание.

Поэтому мы должны на это дело пойти и решительно. Я считаю, что с этим делом нельзя медлить. Я даже беспокоюсь. Проходят конференции, и мы немножко упустили. Если бы раньше сделали это, пока не прошли областные конференции, лучше было бы.

Если нужно, то этот вопрос надо будет поставить на пленумах, если нужно, созвать еще конференции, без отчетов, а с докладом о создавшемся положении. Разве долго нам собрать конференцию областную? Соберут районные конференции, выберут делегатов и поставят там вопрос об изменении руководства.

Товарищи, если вы этого не сделаете, тогда вы можете потерять годы, а нам сейчас каждый день дорог. Поэтому всех слабых в областях работников надо заменить, не считаясь с тем, что прошла конференция. Повторяю, другого выхода нет.

Теперь я хотел бы один вопрос поставить. До нас доходят слухи, и не только слухи, а и жалобы, что в Казахстане не совсем правильно понимают вопросы национальной политики с точки зрения использования кадров и расстановки кадров. Этот вопрос для нас очень принципиальный. Давайте мы его решим правильно.

Говорят, что сейчас в Казахстане почти, как правило, прекратилось выдвижение на первые посты в областях и районах работников русской национальности. Правильно ли это? По-моему, это неправильно и вредно.

Во-первых, это не наша политика, это политика не Коммунистической партии. Коммунистическая партия совершенно правильно ведет национальную политику. Она нации, которые входят в состав нашего Советского государства и которые в своем развитии отстают, она все делает для того, чтобы их подтянуть к общему уровню развития нашего народа. Почему у нас созданы национальные школы не так, как в царской России было, когда создавались только русские школы. Мы создаем национальные школы для того, чтобы дети на своем языке обучались, чтобы они быстрее осваивали грамоту. Сейчас к нам приезжают враги, и в Казахстане, и в Узбекистане их убивают те успехи, которые мы сейчас имеем. Но сейчас что же делается? В Казахстане 70 % народов не казахской национальности.

Товарищи дорогие, что же вы хотите? Ведь люди растут и развиваются и неказахи. И если мы их не выдвигаем, что же это такое? Разве это наша национальная политика? Нет. Я считаю, что это неправильно. Я много лет прожил в своей жизни на Украине и не так давно вернулся в Москву. Я считаю, что там более правильная политика. Я русский человек. Сколько лет я прожил в Донбассе, работал на заводах и на шахтах с украинцами и русскими и никогда не чувствовал угнетения и упрека со стороны украинцев. Я был секретарем райкома, был секретарем Центрального Комитета [Украины], был председателем Совета Министров [Украины] – я, русский человек. Теперь Брежнев – мой земляк, он тоже, наверное, и родился там. Он был секретарем Запорожского и Днепропетровского обкомов и никогда не имел ограничений.

А разве в Днепропетровске нет украинцев? Если по национальному составу рассматривать, то там абсолютное большинство украинцев и, несмотря на это, была открыта дорога для выдвижения других национальностей, в данном случае русских. И не только русских.

Выгодно ли это для казахской национальности? Я считаю, что тоже невыгодно. Это значит, держать под спудом выросшие кадры, кадры неказахской национальности. Не выдвигать их, а выдвигать казахов, хотя они, может быть, слабее. Это значит задерживать рост своего народа, своей культуры и богатств. Я считаю, что это не в интересах не только Советского Союза, но и не в интересах казахского народа, который, по-моему, если ему объяснить, он совершенно правильно нас поймет.

Там есть некоторые области, где 80–90 % русских, но руководство строится так, что на первые посты выдвигаются казахи. Я считаю это неправильным. Ведь вы можете вызвать гнев. Вы поймите это, дорогие товарищи, насколько рабочие и крестьяне других национальностей с большим уважением относятся к Казахской Республике, но они могут просто заголосовать при голосовании. Нельзя этого делать. Я считаю это неразумным. Поэтому, товарищи, надо выдвигать достойных людей любой национальности, как это у нас и принято в Коммунистической партии. Мы должны оценивать, насколько человек способен, насколько он пользуется доверием, уважением и т.д. Это главное – определить для выдвижения, а вопрос, какой он национальности, это уже побочная сторона. Можем мы это игнорировать? Нет, это игнорировать нельзя. Нужно разумно подходить, а не так, как к этому подходили до сих пор. Если в таком-то районе нет выросшего человека из казахов, надо выдвигать русского, грузина, украинца, армянина, кто там есть, но более достойного. Смотрите, у нас и в правительстве, и везде выдвигают людей, которые обеспечивают работу. Надо знать, кого можно посадить на ту или другую ступень государственного устройства. Надо посадить такого человека, чтобы он рос, помогать ему нужно и тогда выдвигать, а так нельзя делать. Это неправильно. Я думаю, что другого выхода нет.

В советском аппарате, который больше общается с местным населением, могут быть пережитки неправильного понимания, надо выдвигать больше казахов. Там могут на первые посты быть выдвинуты казахи, и подкрепление им дать, не то чтобы обязательно искусственно создавать это. Нет. Если там есть передовые люди только из казахов, то там формируется партийное и советское руководство полностью, на первые, вторые и третьи посты. Но если так не выходит, тогда надо подсадку делать. В советские органы на первые посты можно выдвигать казахов заместителем, если нет соответствующего, надо подкрепить человеком из другой национальности, который более подготовлен. Только при выдвижении лучших, выросших людей мы можем справиться с задачей, которая стоит.

Товарищи дорогие, если бы мы собирались по национальностям и не использовали наших возможностей, кто нас похвалил бы. Я могу это сказать на примере Украины. Я приехал на Украину в 1938 году в роли первого секретаря. Там тоже националистический душок был, и сейчас есть. Я тогда собрал всех и говорю – я русский человек, но я могу поехать в деревню, могу пойти на предприятие и тогда давайте посмотрим, кто поддерживает и проводит политику партии. И если я буду на верных позициях, то я буду поддерживать партию и против меня не будут выступать украинцы. Я ручаюсь в этом. А у вас, казахов, поддержат того, кто за народ казахский, кто за партию. Верно это или нет? Всегда так было. Поэтому поразмыслить над этим надо. Я в Казахстане не был, но пошлите меня, и я уверяю вас, что я найду общий язык с казахом больше, чем казах. На выборах мы узнаем, за кого будут голосовать, и я говорю вам, что голосовать будут за лучших представителей нашей партии, за тех, кто думает о чаяниях и нуждах нашего народа. Это единственный критерий. Но могут сказать – позвольте, условия сбрасывать нельзя, в каких жили казахи, сколько лет их угнетали, делали так, чтобы они не развивались. Этого сбрасывать нельзя. Но давайте посмотрим, что происходит сейчас. Сегодня он помощник, завтра занимает уже второй пост, послезавтра третий. Люди растут. Это не искусственно создается, а это сознательно делается. Вы, например, просите, чтобы вам еще людей подбавили. Но что скажут люди, которых мы будем туда направлять – что я там буду негром ходить.

Если я поеду в Казахстан, то буду лишен права быть выбранным, а это положение негра. Разве это будет равенство наций? Это неправильно. Поэтому со всех точек зрения я считаю, что такой взгляд неправильный. Но тут надо очень осторожно подходить, могут махнуть под видом, что более передовой русский и украинец, казахов на задний план отнести. Это будет неправильно, это будет извращение политики Коммунистической партии. И, наоборот, если там выросли люди, не потому что это русский, а это казах и казах менее развитый будет руководить, этого делать нельзя. Я думаю, что этот вопрос ясен, и вы, товарищи казахи, чистосердечно скажите, правильно ли это или нет. Думаю, что вы в обиде не будете на это.

ГОЛОСА С МЕСТА. Правильно.

ХРУЩЕВ. Я должен вам сказать, что, когда я встречался после Пленума ЦК с секретарями обкомов, я прямо без лести говорю, мне многие секретари обкомов очень понравились. Я не могу знать их на деле, а когда они здесь говорили. Это люди довольно зрелые. Там были инженеры и другие работники. Зачем нам искать среди русских, когда это казахская земля, принадлежит казахам и выдвигать здесь в эти должности надо коренное население. Это надо делать в первую голову. Поэтому надо и дальше стремиться к выдвиганию и воспитанию казахских кадров. Но, товарищи, вы в рабстве не держите и представителей других национальностей – русских, украинцев (смех), потому что мы не хотим на шее сидеть и на свою шею нет охоты кого-либо сажать. У нас должно быть полное взаимопонимание. Правильно это будет?

ГОЛОСА С МЕСТА. Правильно.

ХРУЩЕВ. Главная задача наша сейчас – это побольше дать хлеба, побольше мяса, побольше одежды хорошей. Теперь о хорошей одежде мы ведем разговор, а не вообще об одежде, ватники, говорят нам, надоели. Значит, надо больше шерсти, надо овцеводство, надо виноградарство развивать, садоводство, чтобы Алма-Ата действительно была городом яблок.

ГОЛОС С МЕСТА. Отцом яблок ее зовут.

ХРУЩЕВ. Видите, как народ называет Алма-Ату. И это неслучайно. Чтобы был виноград, хлопок. А вы что, хуже узбеков? Конечно, все мы одинаковые, но они на 8 центнеров больше дают урожай хлопка.

ГОЛОС С МЕСТА. Больше.

ХРУЩЕВ. Вот вы на это дело больше уделите внимания. Организуйте соревнование, чтобы занять свое место в нашем Советском Союзе, достойное место, а казахи, как и все народы, имеют все данные, чтобы занять достойное место и вести хозяйство свое на высоком уровне.

Я хотел бы, чтобы коллективно руководство республикой и новые товарищи Пономаренко и Брежнев подумали над этим вопросом. Доходность от овцеводства зависит от людей. Говорят, что нет людей, которые бы занимались отъемом ягнят, значит оплата плохая. Давайте придумаем такую оплату, чтобы животноводы ваши зарабатывали не меньше, а может быть больше, чем зарабатывают хлопководы. Хлопководы, когда солнышко пригрело, под дерево могут сесть, когда холодно, они сидят дома, а животновод всегда на ветру, на холоде, на солнцепеке. Что нам будет это стоить? Это будет стоить одну миллионную от той стоимости, которую мы несем в порядке убытка, когда подыхает скот. После этого сразу все болезни, лекарства – все это исчезнет. Так что давайте не пожалеем средств. Бай на это шел, он на этом зарабатывал. Он королем жил. У него юрта богатая была, на него батраки работали. Так вот, давайте сейчас разработаем для чабанов-отгонщиков, чтобы эти мероприятия были не общие, потому что могут потянуться и здесь, в Москве, за этим, а давайте разработаем мероприятия для отгонного животноводства, не пожадничаем, и вы посмотрите, какие чудеса получатся. Надо, чтобы люди туда пошли, чтобы люди туда стремились, а для этого надо создать условия. Надо дать туда автомашины, связь установить, радио туда дать, надо создать все культурные условия, чтобы туда пошли не самые забитые, а чтобы пошли люди культурные, зная, что они не будут оторваны от культурной жизни, что у них будет радио, книги, газеты и сами они смогут приехать. Надо вам обязательно иметь

самолеты и вертолеты, чтобы они совершали регулярные рейсы, чтобы регулярная связь была с кочевниками на отгонах. Ведь это полукочевой образ жизни, и надо, чтобы люди чувствовали себя связанными с республикой и с руководством.

ШАТАЛИН. С землей.

ХРУЩЕВ. Да

ГОЛОС С МЕСТА. У нас юрт не хватает, так как не выполняется план по шерсти, нам шерсть на юрты не дают.

ХРУЩЕВ. Это неразумно. Как может человек жить без юрты. Надо, чтобы была хорошая крыша над головой. Если мы этого не дадим, человек будет жить в рабских диких условиях. Как же он будет работать, раз мы ему не создадим условий. Никакого плана по шерсти тогда мы не будем иметь. Для того чтобы иметь план, надо создать условия. Здесь не надо жалеть, надо дать столько, сколько нужно. Если сейчас 36 тонн дают, то сколько им нужно.

ГОЛОС С МЕСТА. Две тысячи.

ХРУЩЕВ. Две тысячи это не каждый год.

ГОЛОС С МЕСТА. Два процента от фактической сдачи.

ХРУЩЕВ. Товарищи, нужно дать два процента, полтора или два с половиной. Здесь нельзя жадничать. Это глупая жадность. На это мы пойдем. Давайте разработаем, внесем и мы пойдем на это. Без этого нельзя двигаться. Если не создадим условий людям, люди не будут работать, разбегутся, а нам нужно создать условия, чтобы они не разбегались, а, наоборот, чтобы туда шли.

Когда я вносил предложение по коже в 1939 году, тогда товарищ Сталин сказал, что надо собрать людей и поговорить. Поручили это мне и т. Микояну. Я внес тогда предложение, чтобы за сверх плана выращенные колхозом кожи колхозу давали 80 %, а 15 % за выделку государству. Тогда, я помню, т. Косыгин еще молодой был министр, и другие товарищи, в частности знатный сапожник Сметанин сказал: товарищ Хрущев, вы знаете, сколько из этой кожи подмоток будет? Я тогда ответил ему: дорогой мой, ведь я кожу даю с того быка, которого еще в природе нет, а ты хочешь получить эту кожу, ведь ты ничего не получишь. А я хочу кожу от быка, которого нет, 35 % отдать колхозу. Я буду иметь 15 %, а на 85 % колхозники наделают сапоги и у государства покупать их не будут. Я же буду иметь все 100 %. Это дело тогда одобрили. Собрали пленум ЦК, Микоян сделал доклад. Товарищ Сталин говорит: выступите и вы, я выступил. И потом часто товарищ Сталин говорил об этом – помнишь, как Хрущев выступил. Тогда товарищ Сталин одобрил это дело. Почему? Потому что правильно.

Но, товарищи, надо иметь в виду, что надо заинтересовать материально, а не подхлестывать кнутом. Главный стимул для поднятия производительности и, следовательно, поднятия хозяйства в любых отраслях – это, конечно, не подстегивание, на одном подстегивании без материальной заинтересованности никакого дела двинуть нельзя. Поэтому давайте это разработаем. Может быть, это надо сделать для Казахстана, Северного Кавказа, Бурят-Монголии, Читы. Тогда пойдет животноводство, и вы увидите, как оно двинется вперед.

Теперь насчет техники. Техника нужна, но надо хорошо подумать. Я не знаю, насколько учтена в этих решениях, которые представлены тт. Бенедиктовым и Юркиным, уборка соломы из-под комбайна, что надо делать с этой соломой – сжигать, и чтобы потом можно было пахать? Сжигать жалко. Вообще я не боюсь сжигать, но если в каком-то районе нет кормов для скота, а мы будем сжигать солому, вряд ли много ума мы здесь прикладываем, надо подумать, тем более что для уборки соломы машина нужна не в 1954 году, а в 1955 году. У вас есть целый год для того, чтобы создать эту машину.

Насчет кадров. Я считаю, что тех людей, которые высланы, надо привлекать к работе. Надо послать туда вербовщиков. Я согласен с министром внутренних дел Казахстана, что просто в порядке приказа не выйдет переселение. Надо объявить этих людей свободными, как всех граждан, с ними нужно поговорить и их туда перетащить. Это у нас, това-

рищи, затянулось. Нужно было бы ускорить. Мы хорошо можем поработать с этими людьми, это неплохие люди. Давайте мы поищем. Там много высланных кулаков с Украины, плохо работающих в первые дни после освобождения Украины, мы сразу корсет надели на людей, а там есть неплохие люди, они разболтались, когда немцы пришли, может быть из них кое-что и выйдет.

Теперь я считал бы, что надо было бы от министерства совхозов выдвинуть каких-то крупных уполномоченных туда в республику и надо немедленно создавать совхозы.

КОЗЛОВ. Мы послали туда бригады очень сильные.

ХРУЩЕВ. Я обращаюсь к старым и молодым казахам, молодым, я имею в виду товарищей Пономаренко и Брежнева; надо разобраться, что это за бригады. Ведь можно послать бригаду, а толку не будет. Нам нужны люди, которые сразу бы установили совхоз, что там будет такой-то директор, такой-то агроном, такой-то инженер, такое-то место определенное надо выбрать и начать стаскивать технику, оформлять земли. Времени для этого очень мало. Я просил бы это немедленно в Казахстане и по другим районам РСФСР начать делать. Надо сейчас разработать тт. Юркину и Прутовых конкретный план, надо послать людей.

Я бы считал, что может быть нам надо каких-то уполномоченных от Совета Министров РСФСР послать, от Центрального Комитета, которые не связаны с министерствами. Они свободные люди и надо активно вмешаться в это дело. Нужно ли от ЦК КПСС посылать, надо над этим подумать. Может быть вам еще какую-то группу людей крупных работников отсюда надо было бы взять с собой и двинуть туда. Казахи не будут обижаться. Они сначала помнутся, а потом, когда будет хлеба больше, мяса, шерсти, скажут, что правильно сделали. Сначала поежился т. Шаяхметов, а потом расплывется в улыбке, что и он что-то хорошее сделал. Так вот, если наступаем на одну любимую мозоль и если на другую наступим – ничего, перетерпим как-нибудь.

Давайте поручим тов. Громову и Сельскохозяйственному отделу изучить вопрос оплаты председателей колхозов, которые не по трудовым дням оплачиваются, а деньгами. У нас выдвинуто много людей, мало достойных, но очень хорошо оплачиваемых.

ГОЛОС С МЕСТА. Закон уже кончился, не действует.

ХРУЩЕВ. Для бюрократов это самое главное, а жизнь не кончилась, закон кончился, а отсталых колхозов больше нет?

ГОЛОС С МЕСТА. Есть.

ХРУЩЕВ. Значит, не кончился и закон. Время кончилось для этого постановления, но, видимо, нам придется это дело проделать.

Я вчера или позавчера принимал агронома одной из МТС Калининской области. Она была на совещании и послала письмо. Я звонил Лобанову и просил, чтобы ее приняли. Вот она и рассказывает, что она имеет среднее образование, 10 лет работает агрономом, настойчивая женщина. Она говорит – товарищ Хрущев, кто выдумал деньги платить председателям колхозов? Я говорю – выдумали неплохо и я за это. Тогда она говорит – смотрите что делается. Присылают председателя, он работал в районе, получал 500–600–700 рублей. Сейчас председателем колхоза посылают и он получает 900–1200 рублей, а ума у него и на 500 рублей нет, работает плохо. Она назвала колхоз. Приехал такой-то, жена у кого ничего не делает, ходит барыней, а у нас людей мало. Председатель колхоза обращается к колхозникам, а они говорят – ты свою барыню заставь, пусть она пойдет вместе с нами работать и мы тогда выйдем. А он отвернулся и пошел. И товарищи все разошлись. Я думаю, что здесь у нас это в результате низкого уровня партийного районного руководства. У нас этот сильный рычаг не был использован так, как нужно, а был использован во вред, потому что здесь было оказано полное доверие районной партийной организации.

Я ставлю это на обсуждение. Давайте это не сейчас решать. Я думаю, не стоит ли нам принять предложение, чтобы председателей колхозов взять в номенклатуру обкома партии. Мы должны сейчас на председателей колхозов выбирать людей по уровню развития не ниже, чем руководителей районов. А ведь есть народная поговорка, что сам себя за волосы не поднимешь. Как же это районные руководители должны равняться на руководство колхозов,

которое по уровню будет выше его, они давно бы его вышибли. Кто-то должен вмешаться. Обком, он выше района и выше тем более колхоза. Если он за это не возьмется, колхозы не вытянешь ни за какие блага. Райкомы, конечно, содействуют, но это, товарищи, очень медленный путь, а нам нужно за два-три года поднять дело. Нам надо начинать работу с отсталыми колхозами, с умелыми руководителями. Мы поэтому, товарищи, должны мобилизовать все внимание на председателей колхозов. Взять Пузанчикова – председателя колхоза, у него дела идут хорошо, вы любого секретаря райкома пошлите, и у него дела будут идти хорошо. Если вы секретаря на год в отпуск отпустите, Пузанчиков все равно свое возьмет. Верно?

ГОЛОС С МЕСТА. Верно.

ХРУЩЕВ. Но если Пузанчикова возьмете на полгода и туда трех секретарей дадите таких, каких у нас, к сожалению, немало, все равно колхоз не поднимется, пойдет вниз. Я этим хочу сказать, что значение председателя колхоза решающее.

То, что мы собирались, говорили, все это хорошо. А кто же будет в колхозе дело делать. Мы поговорили, нам поплодировали и разъехались все. Если приехал человек, который не понимает дела, он будет рассказывать только о том, что он видел в Кремле.

Поэтому, товарищи, вопрос подбора кадров, выдвижения кадров и выдвижения таких, которые были бы достойны, это сейчас главное, и меньше всего над этим работают сейчас наши обкомы и райкомы партии. Вот начинается отчетно-выборная кампания в колхозах и мы можем завалить дело. Давайте подумаем над этим вопросом – и Сельскохозяйственный отдел, и тов. Громов.

У вас по строительству большие вопросы. Я бы просил вас взять в Министерстве сельского хозяйства сборник по железобетонному строительству. Я не знаю, знаете ли вы новые конструкции, но я просил бы и тов. Брежнева, и тов. Пономаренко, и других разобратся с этим. Это железобетонные ажурные конструкции, исключительно эффективные. Мы записали в решении о строительстве железобетонных заводов. Это надо делать, без этого дело не двинешь. Это одно.

Затем я бы посоветовал поехать на завод в Москве. Тов. Мыларчиков может быть сумеет это сделать, надо посмотреть завод по изготовлению соломенных плит-утеплителей. Я бы считал, что вам надо такой завод построить. Правда завод – это громко сказано, там очень простое оборудование. Соломы у нас очень много и вы можете очень быстро строить жилье. Это оборудование было куплено в Швеции. Оно очень оригинальное и простое. Шведы вокруг Стокгольма построили много таких домов. Это прессованные плиты любого размера – 3–4 метра шириной и 1 метр или 1,2 метра шириной. Туда солома, стружка, камыш могут идти. Я считаю, что о строительстве надо думать.

Я бы считал, что может быть надо подумать и о том, чтоб механизаторы строили своими силами, насколько это возможно. В ваших условиях это не так легко, но на совещании выступил директор одной МТС и говорил, что силами своих механизаторов они проводили строительство. Вопрос о связи надо хорошо разработать, чтобы были автомашины, потому что большие пространства надо преодолевать. Если мы не создадим условий для преодоления таких пространств, значит руководства оперативного не будет. Надо машины, вездеходы иметь, самолет типа У-2, вертолет, чтобы в любое время связь держать с областями и районами. Область с районами должна иметь хорошую связь. Давайте посмотрим, сколько это будет стоить. Ведь для того, чтобы поднять эти богатства, нужно какие-то издержки иметь.

Возможности дальнейшего освоения земель товарищи все представляют, и я считаю, что это только начало. За эти годы мы вряд ли сможем что-нибудь увеличить, но в 1956 году, а это значит в 1955 году, нужно пахать, мы добавим вам техники, если будут найдены хорошие земли – мы одолеем это.

Вопрос лиманного орошения. Это надо делать на месте. Также обстоит дело с обводнением скважин. Здесь правда надо будет помочь.

Надо решительно идти на укрепление кадров, не бояться.

Товарищи, в Центральном Комитете мы выделили т. Пономаренко и т. Брежнева, которых посылали к вам. Вы сами должны оценить, какое значение мы придаем этому делу. Я прошу понять, что мы посылаем тт. Пономаренко и Брежнева как крупных людей. Мы считаем, что тт. Брежнев и Пономаренко с точки зрения их важности и силы – они равные люди. Я прошу это учесть. Это не подчиненные один другому люди. ЦК рассматривает и т. Пономаренко, и т. Брежнева так, потому что тов. Пономаренко руководил республикой и тов. Брежнев все данные имеет такие же для руководства любой республикой. Я его знаю и считаю, что он достоин по своему пониманию хозяйственному, по своей энергии, по своему политическому развитию и по своему воспитанию быть на такой работе. Так что вы соответственно и рассматривайте это.

Как вы расставите людей, это вы посмотрите, оставлять т. Шаяхметова секретарем или нет. В феврале у вас все секретари могут быть на месте. Но посмотрите, может быть перестановку сделаете, которая вас усилит. Подумайте над этим. Если перестановку не нужно делать, это тоже на ваше усмотрение. Мы никаких указаний не даем, делайте как лучше, сами разберитесь с этим делом, но надо сделать так, чтобы вы вышли с большим усилением в руководстве на такую большую кампанию, которую придется вам провести.

Теперь о том, как[ой] порядок. Чем скорее сделаете, тем лучше. Как это скорей можно сделать? Я думаю, что вы сейчас, выйдя отсюда, посоветуетесь в своем кругу. Тов. Громов должен принять участие в этом деле. Мы заранее с вами согласны. Мы хотим созвать пленум. Думаем, решения не принимать. Поскольку вы с нами все согласны, придется тов. Шаяхметову доложить пленуму ЦК, рассказать. Мы бы не хотели решение иметь по этому поводу, потому что решение связывает. Что против решения ЦК КПСС скажешь? А там свободные люди, сами решайте. Члены пленума выступят, результаты организационные тоже будут, но самочувствие членов ЦК КП Казахстана будет другое. Лучше будет или нет?

ШАЯХМЕТОВ. Лучше.

ХРУЩЕВ. Кто поедет от нас? Видимо, кому-то из секретарей надо будет. Мы подумаем, как быть с этим делом. Может быть, и не нужно ехать. Ведь т. Пономаренко – кандидат в члены Президиума, т. Брежнев – член ЦК. А приедет наш человек, вроде будет навязывать, вряд ли это надо. Но выступить и вас раскритиковать может быть есть смысл, если у вас духа не хватит самим раскритиковать себя. Как, тов. Шаяхметов?

ШАЯХМЕТОВ. Хватит, я думаю.

ХРУЩЕВ. Если не хватит, мы Пигалева пошлем, он выступит.

ШАЯХМЕТОВ. Я думаю, что не выступит.

ХРУЩЕВ. Когда сам себя сечешь, мускулы оказывают невольно сопротивление, другому это делать легче, а здесь, если вы не раскритикуете недостатков, сами зажмите и другие не раскритикуют. Надо, чтобы помогли вам в смысле критики.

Мы подумаем, потому что новые люди секретари – они ничего не могут сказать критического, они только приедут, поэтому ЦК должен через свой аппарат вскрыть недостатки. Я думаю, что надо собрать пленум, на это надо дать согласие.

ШАЯХМЕТОВ. Пленум у нас назначен на 6-е в связи со съездом, а съезд на 9 февраля.

ХРУЩЕВ. Может быть, съезд немножко оттянуть, а пленум передвинуть. Здесь должен быть какой-то разбег с точки зрения изучения кадров. Два дня – это не время. Придется, видимо, войти с предложением на съезд о кадрах. Здесь должен быть больший промежуток времени. Потом, видимо, надо людей, которые занимаются Казахстаном, послать вместе с товарищами в Казахстан, чтобы они совет дали, помогли там, потому что они ездили и изучали кадры.

РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 131–179. Машинописная стенограмма.

Именной указатель

- Афонов И.И.** – второй секретарь ЦК КП Казахстана (1951–1954).
Бенедиктов И.А. – министр сельского хозяйства СССР (1953–1955).
Брежнев Л.И. – заместитель начальника ГПУ Советской армии и ВМФ (1953–1954), второй секретарь ЦК КП Казахстана (1954–1955).
Величкин И.В. – инспектор ЦК КПСС (1951–1954).
Галиев С.Ф. – первый секретарь Гурьевского обкома КП(б) Казахстана (1946–1950).
Громов Е.И. – заведующий Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС (1953–1954).
Губин В.В. – министр внутренних дел Казахской ССР (1951–1954).
Дьячков М.С. – инструктор Сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС.
Жамбаев С. – первый секретарь Кустанайского обкома КП Казахстана (1948–1954).
Захаров Н.Д. – заведующий Промышленно-транспортным отделом и член Бюро ЦК КП Казахстана (1953–1954).
Золотухин М.П. – первый секретарь Павлодарского обкома КП Казахстана (1950–1954).
Канапин А.К. – первый секретарь Алма-Атинского обкома КП Казахстана (1951–1954).
Едильбаев И.Е. – первый секретарь Джамбульского обкома КП Казахстана (1945–1952), председатель Карагандинского облисполкома (1952–1953).
Карибжанов Ф.К. – министр сельского хозяйства Казахской ССР (1953–1954).
Керимбаев Д.К. – председатель Президиума ВС Казахской ССР (1947–1954).
Козлов А.И. – министр совхозов СССР (1953–1955).
Косыгин А.Н. – нарком текстильной промышленности СССР (1939–1940).
Крестьянинов В.Н. – заместитель заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС (1953–1954).
Кузембаев Н.К. – первый секретарь Южно-Казахского обкома КП Казахстана (1953–1954).
Лобанов П.Н. – министр сельского хозяйства РСФСР (1953–1955).
Луценко М.Н. – заместитель министра сельского хозяйства СССР (1953–1957).
Мельник Г.А. – заместитель председателя СМ Казахской ССР (1953–1954).
Микоян А.И. – заместитель председателя СНК/Совета Министров СССР (1935–1964).
Мыларщиков В.Н. – заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС (1953–1954).
Осинский Н. (парт. псевдоним В.В. Оболенского) – начальник Центрального управления народнохозяйственного учета, зам. председателя Госплана СССР (1932–1935).
Пигалев П.Ф. – инспектор ЦК КПСС (1952–1954).
Пономаренко П.К. – министр культуры СССР (1953–1954), первый секретарь ЦК КП Казахстана (1954–1955).
Прутовых П.Н. – министр совхозов РСФСР (1953–1954).
Пузанчиков – нарицательная фамилия, используемая Хрущевым для создания образа нерадивого руководителя.
Скворцов Н.А. – заместитель начальника управления сельского хозяйства Министерства промышленности продовольственных товаров (1953–1957). Бывший первый секретарь ЦК КП Казахстана (1938–1945).
Сметанин Н.С. – один из первых стахановцев в кожевенно-обувной промышленности, директор обувной фабрики «Скорород» в Ленинграде (1943–1961).
Сталин И.В. – генеральный секретарь (секретарь) ЦК РКП(б)/ВКП(б)/КПСС (1922–1953).
Сужиков М.А. – секретарь ЦК КП Казахстана (1951–1954).
Суслов М.А. – секретарь ЦК ВКП(б)/КПСС (1947–1982).
Тайбеков Е.Б. – председатель СМ Казахской ССР (1951–1955).
Хрущев Н.С. – первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964).
Шаталин Н.Н. – секретарь ЦК КПСС (1953–1955).

Шахшин М. – первый секретарь Западно-Казахского обкома КП Казахстана (1952–1954).

Шаяхметов Ж.Ш. – первый секретарь ЦК КП Казахстана (1946–1954).

Юркин Т.А. – заместитель министра совхозов РСФСР (1953–1954).

Яковлев Ф.К. – заместитель заведующего Общим отделом Секретариата ЦК КПСС (1953–1954).

Литература

Андреев С.Н. Целинная кампания 1954 г. в советской и современной российской историографии // *Asian Journal “Steppe Panorama”*. 2025. Т. 10, № 3. С. 439–452.

Наухацкий В.В. Целинная кампания Н.С. Хрущева: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов н/Д.: Издательско-полиграфический комплекс Рост. гос. экон. ун-та (РИНХ), 2018. 144 с.

Пивоваров Н.Ю. Страсти по целине: политическая борьба вокруг целинного проекта в июле 1953 – феврале 1954 гг. // *После Сталина. Реформы 1950-х гг. в контексте советской и постсоветской истории: мат-лы VIII Междунар. науч. конф.* (Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г.). М.: РОССПЭН, 2016. С. 311–320.

Темникова Е.Е. Освоение целинных и залежных земель: некоторые итоги изучения [Электронный ресурс] // *Исторический курьер*. 2021. № 4 (18). С. 88–97. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-08.pdf> (дата обращения: 02.05.2026).

Темникова Е.Е., Томилин В.Н. Отечественная и зарубежная историография освоения целины // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2022. № 4 (64). С. 102–110.

References

Andreenkov, S.N. (2025). Tselinnaya kompaniya 1954 g. v sovetskoy i sovremennoy rossiyskoy istoriografii [The Virgin Lands Campaign of 1954 in Soviet and Contemporary Russian Historiography]. In *Asian Journal “Steppe Panorama”*. Vol. 10, No. 3, pp. 439–452.

Naukhatskiy, V.V. (2018). Tselinnaya kompaniya N.S. Khrushcheva: razmyshleniya o diskussionnykh voprosakh istoriografii [N.S. Khrushchev’s Virgin Lands Campaign: Reflections on Debatable Issues of Historiography]. Rostov-on-Don, Izdatelsko-poligraficheskiy kompleks Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh). 144 p.

Pivovarov, N.Yu. (2016). Strasti po tseline: politicheskaya bor’ba vokrug tselinnogo proekta v iyule 1953 – fevrale 1954 gg. [Passions around Virgin Lands: Political Struggle around the Virgin Lands Project in July 1953 – February 1954]. In *Posle Stalina. Reformy 1950-kh gg. v kontekste sovetskoy i postsovetskoy istorii: Materialy VIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, ROSSPEN, pp. 311–320.

Temnikova, E.E. (2021). Osvoenie tselinnykh i zaleznykh zemel: nekotorye itogi izucheniya [The Development of Virgin and Fallow Lands: Some Results of the Study]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 4 (18), pp. 88–97.

Temnikova, E.E., Tomilin, V.N. (2022). Otechestvennaya i zarubezhnaya istoriografiya osvoeniya tseliny [Russian and Foreign Historiography of the Virgin Lands Development]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. No. 4 (64), pp. 102–110. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-08.pdf> (date of access 02.05.2026).

Е.Е. Темникова*

**ЦЕЛИНА – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ
ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВОЛЮНТАРИЗМ
(АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)**doi:10.31518/2618-9100-2026-4-16
УДК 94:631.1+633.1(47+57)
"1954/1964"+930*Выходные данные для цитирования:**Темникова Е.Е. Целина – экономическая необходимость или политический волюнтаризм (анализ концепций российской историографии) // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 247–255. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-16.pdf>*

E.E. Temnikova*

**VIRGIN LAND: ECONOMIC NECESSITY
OR POLITICAL VOLUNTARISM
(ANALYSIS OF HISTORIOGRAPHICAL CONCEPTS)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-16

*How to cite:**Temnikova E.E. Virgin Land: Economic Necessity or Political Voluntarism (Analysis of Historiographical Concepts) // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 247–255. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-16.pdf>]*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the evolution of scientific views on the development of virgin and fallow lands in the USSR in 1954–1964, one of the most ambitious and controversial agricultural projects of the Soviet era. The virgin lands campaign was intended to quickly resolve the grain problem that had become acute in the USSR in the early 1950s and ensure the country's food security. The author aims to identify the main historiographical concepts that have developed in Russian science and to trace the transformation of research approaches from apologetic to critical assessments. The paper identifies three qualitatively different stages of the historiography of virgin lands. Special attention is paid to modern discussions: The role of scientific expertise, environmental consequences, and the impact of virgin lands on the organizational structure of agriculture are analyzed. The author emphasizes that in modern historiography, regional studies and the study of the daily life of virgin lands, such as material and household provision, family relations, and cultural leisure, are becoming increasingly important. It is concluded that modern science strives for synthesis: the objective need for new sources of grain is recognized in the post-war crisis, but at the same time arbitrary methods of implementation are fixed (forcing, ignoring scientific recommendations, underestimating risks). Virgin soil is considered as a catalyst for the profound transformation of the agricultural sector, which had both positive (increased grain production, development of territories, creation of infrastructure) and negative consequences (environmental crisis, structural imbalances).

Keywords: agrarian policy of the Soviet state, agriculture, food problem, virgin land, historiography, N.S. Khrushchev.

The article has been received by the editor on 13.04.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции научных взглядов на освоение целинных и залежных земель в СССР в 1954–1964 гг. – одного из самых масштабных и противоречивых аграрных проектов советской эпохи. Целинная кампания должна была в сжатые сроки решить обострившуюся в начале 1950-х годов в СССР зерновую проблему и обеспечить продовольственную безопасность страны. Постав-

* Елена Евгеньевна Темникова, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, e-mail: E.Temnikova16@yandex.ru

Elena Evgenievna Temnikova, Lipetsk State Pedagogical University P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia, e-mail: E.Temnikova16@yandex.ru

лена задача выявить основные историографические концепции, сложившиеся в отечественной исторической науке, и проследить трансформацию исследовательских подходов от апологетических оценок к критическим. В работе выделены три качественно различных этапа историографии целины. Особое внимание уделено современным дискуссиям: анализируется роль научной экспертизы, экологические последствия, влияние целины на организационную структуру сельского хозяйства. Автор подчеркивает, что в новейшей историографии все большее значение приобретают региональные исследования и изучение повседневной жизни целинников – материально-бытового обеспечения, семейных отношений, культурного досуга. По итогам анализа историографии сделан вывод о том, что современная наука стремится к синтезу: признается объективная потребность в новых источниках зерна в условиях послевоенного кризиса, но одновременно фиксируются волонтаристские методы реализации (форсирование, игнорирование научных рекомендаций, недооценка рисков). Целина рассматривается как катализатор глубинной трансформации аграрного сектора, имевшей как позитивные (рост производства зерна, освоение территорий, создание инфраструктуры), так и негативные последствия (экологический кризис, структурные диспропорции).

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства, сельское хозяйство, продовольственная проблема, целина, историография, Н.С. Хрущев.

Статья поступила в редакцию 13.04.2026 г.

Освоение целинных и залежных земель (1954–1964 гг.) принадлежит к числу наиболее масштабных и противоречивых проектов в аграрной истории СССР. За короткий срок в хозяйственный оборот было вовлечено около 45 млн гектаров земель в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и в Казахстане. Эта кампания навсегда изменила облик восточных регионов страны, позволила существенно увеличить валовые сборы зерна, но одновременно породила комплекс проблем – от экологического кризиса до структурных диспропорций в сельском хозяйстве.

Уже более семи десятилетий в исторической науке продолжается дискуссия о природе этого мегапроекта: была ли целина экономически обусловленным решением, вызванным объективными потребностями страны, или же она стала следствием субъективизма и волонтаризма Н.С. Хрущева, пренебрегшего мнением специалистов? Как отмечает С.Н. Андреенков, «влияние целины на развитие сельского хозяйства страны трудно переоценить», а развернувшиеся в последние годы дискуссии «являются признаком нормальной научной жизни и стимулируют ученых к продолжению конкретно-исторических и теоретических изысканий»¹.

Цель настоящей статьи – проанализировать основные историографические концепции, сложившиеся в отечественной науке, и выявить эволюцию исследовательских подходов к данной проблеме.

Анализ историографической традиции позволяет выделить три качественно различных этапа в изучении целинной кампании, каждый из которых характеризовался специфическими методологическими установками и источниковой базой.

Первый этап (1954–1964 гг.) складывался непосредственно в разгар целинной эпопеи. Как отмечают исследователи, «в годы хрущевской оттепели и застоя об освоении целинных и залежных земель говорили как о закономерном и необходимом начинании, соответствовавшем замыслам В.И. Ленина»². Для этого периода характерна небольшая доля собственно исторических исследований – большинство работ вышло из-под пера экономистов, партий-

¹ Андреенков С.Н. Целинная кампания 1954 г. в советской и современной российской историографии // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. № 3. С. 441.

ных и хозяйственных руководителей. В публикациях значительное место уделялось восхвалениям в адрес первых лиц государства, говорилось о большом вкладе партийных и комсомольских организаций в освоение новых земель, героизме целинников, укреплении колхозов и совхозов, росте производства зерна, позитивном влиянии кампании на развитие восточных окраин СССР. Социальные аспекты и бытовые проблемы практически не затрагивались.

Второй этап (1965–1991 гг.) ознаменовался сменой исследовательской оптики после отставки Н.С. Хрущева. В работах этого периода появляются первые критические оценки. В 1966 г. экономист П.А. Игнатовский писал о недостаточно высоком потенциале зернового производства в стране и необходимости его повышения не экстенсивным путем, который себя уже исчерпал, а через интенсификацию³. В 1972 г. историк В.П. Данилов назвал целинную кампанию чрезвычайной мерой, намекая на крайне тяжелую ситуацию в сельском хозяйстве первой половины 1950-х годов⁴.

Наибольшую известность в период перестройки приобрела концепция экономиста И.В. Русинова, изложенная в 1988 г. в журнале «Вопросы истории КПСС». По его мнению, целина являлась одной из трех волюнтаристских сверхпрограмм Н.С. Хрущева – наряду с кукурузной эпопеей и кампанией по подъему животноводства. Волюнтаристский характер целине придавала не сама идея освоения новых земель, а ошибочные методы, сжатые сроки, огромные масштабы. Русинов подчеркивал, что наступление на новые земли проводилось без должной научной проработки, средняя урожайность зерновых на целине оказалась в два раза ниже прогнозируемой, а кампания отвлекла значительные ресурсы от укрепления зернового хозяйства в других районах страны⁵.

Однако в советский период для создания объективной картины освоения целины у ученых не хватало фактических данных. Сделать достоверные выводы им мешала также и необходимость учитывать доктринальные установки и точку зрения верховной власти. И период перестройки, ознаменованный в целом большей свободой творческого самовыражения исследователей, в этом плане не является исключением.

С 1990-х годов начинается третий этап, который характеризуется исчезновением идеологического диктата и существенным расширением источниковой базы за счет введения в научный оборот ранее недоступных архивных материалов. Именно в этот период разворачивается основная дискуссия между сторонниками признания экономической необходимости целины и апологетами концепции «волюнтаризма».

В 1990-е годы для большинства исследователей концептуально-методологическим основанием для анализа причин, хода, итогов и исторического значения освоения целины служили выводы И.В. Русинова. Преобладала точка зрения, согласно которой целинная программа Н.С. Хрущева противоречила курсу на интенсификацию сельского хозяйства, принятому сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК КПСС. Однако в 2000-е годы эта концепция была оспорена рядом авторов.

В.А. Шестаков пришел к выводу, что отход от аграрной программы 1953 г. обуславливался объективными причинами: невозможностью реализовать ее в сложившихся условиях и острой политической необходимостью получить хлеб немедленно и без больших затрат. Кроме того, по мнению автора, целина стала критическим поворотом в развитии сельского хозяйства – переходом от изъятия средств из аграрного сектора к вливанию их в него⁶.

² Андреев С.Н. Целинная кампания 1954 г. в отечественной историографии // Проблемы плодородия почв в современном земледелии. Красноярск, 2024. С. 474.

³ Игнатовский П.А. Сельское хозяйство СССР в послевоенные годы. М., 1966.

⁴ Данилов В.П. Проблемы истории советской деревни в 1946–1970 гг. (Очерк историографии) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы. 1946–1970 гг. М., 1972. С. 19–20.

⁵ Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 28–42.

⁶ Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 230, 232.

Алтайский историк В.И. Казанцев говорит о целинной кампании как о необходимом, выгодном и исторически оправданном мероприятии, которое, несмотря на отдельные недостатки, принесло ощутимую выгоду всему советскому обществу и создало базу для дальнейшего роста материального и духовного уровня народа⁷.

В.В. Наухацкий в своих работах⁸ последовательно критикует подход Русинова. По его мнению, в 1954 г. экстенсивные пути подъема производства зерна еще не были исчерпаны, и в условиях нехватки средств для перехода к интенсификации и обострения зерновой проблемы воспользоваться плодородными неосвоенными землями имело большой смысл. Именно исчерпание потенциала целины в начале 1960-х годов указало на необходимость проведения полноценной интенсификации. При этом Наухацкий признает, что в целинной программе не были просчитаны возможные риски, не предусматривались блокировки негативных сценариев, о которых предупреждали ученые.

Важной особенностью современного этапа историографии становится перемещение основного внимания на региональную проблематику. Как отмечает О.В. Кузнецова, «наиболее полные работы на региональном уровне стали появляться только в последние пять лет»⁹, однако до сих пор наблюдаются разрозненность и узость в анализе человеческого измерения целинной эпопеи.

Одним из ключевых направлений современной историографии становится анализ влияния целинной кампании на организационно-производственную структуру сельского хозяйства. С.Н. Андреенков обосновывает тезис о том, что благодаря освоению новых земель стала осуществляться «совхозизация» аграрного сектора экономики: расширялась сеть совхозов, внедрялись элементы совхозной формы организации производства в сельскохозяйственные артели, проводилась реорганизация машинно-тракторных станций¹⁰.

По мнению исследователя, «совхозизация» ускорила процессы огосударствления, укрупнения, централизации хозяйственных структур, механизации производственных процессов и «орачивания» крестьянства. Массовое строительство государственных сельскохозяйственных предприятий развернулось на новых землях, а после XX съезда КПСС (1956 г.) совхозы стали создаваться и в старопахотных районах на базе экономически слабых сельскохозяйственных артелей.

Андреенков также показал механизм определения верховной властью приоритетных хозяйственных форм в аграрном секторе. После смерти И.В. Сталина глава советского правительства Г.М. Маленков выступал за использование материальных стимулов в сельском хозяйстве, развитие колхозов и МТС, интенсификацию производства в старопахотных районах. Этой стратегии противостоял целинный проект Н.С. Хрущева, делавший ставку на освоение неосвоенных земель на основе трудового энтузиазма горожан и индустриальных форм хозяйственной деятельности.

Важным направлением современных исследований становится анализ роли научной экспертизы в принятии государственных решений. В литературе отмечается, что решения о целинной кампании принимались в спешке без полноценного экспертного исследования последствий и общественного обсуждения¹¹.

⁷ Казанцев В.И. Аграрная политика Н.С. Хрущева: достижения и просчеты // Вопросы истории Сибири. Барнаул, 2005. Вып. 2. С. 140–152.

⁸ Наухацкий В.В. Целинная кампания 1950–1960-х годов: современный научный дискурс // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018. № 1. С. 256–269; Наухацкий В.В. Целинная кампания Н.С. Хрущева: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов н/Д., 2018.

⁹ Кузнецова О.В. Проблема повседневности целины в региональной историографии [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 124–131. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12529> (дата обращения: 16.03.2026).

¹⁰ Андреенков С.Н. «Целинный проект» и перестройка организационно-хозяйственной структуры аграрного сектора экономики СССР в середине 1950-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 4. С. 74–79.

¹¹ Анисимов А.П., Чичкин А.В. Освоение целины: уроки истории для современного российского земельного и экологического права // Юрист. 2024. № 9. С. 2–7.

Между тем еще в 1936 г. Н.М. Тулайков, специалист в области засушливого земледелия, предупреждал коллег о необходимости осторожного подхода к будущему освоению целины, предлагая избегать массовой распашки степных засушливых земель¹². Его коллега К.П. Горшенин, специалист по почвам Сибири, также отмечал, что целинные земли степной зоны засушливы, есть опасность образования очагов пылевых бурь, в связи с чем он предостерегал от стандартных подходов к освоению и призывал широко использовать дифференцированную агротехнику, травосеяние и лесонасаждение¹³.

Исследователи сибирского земледелия обращают внимание на еще более ранние прогнозы: ученые-первооткрыватели, побывавшие в Сибири в XVII–XVIII вв., предупреждали, что через сто лет после освоения этих земель здесь может образоваться пустыня, и призывали не торопиться с их распашкой¹⁴.

Экологические последствия целины оказались долговременными. Как отмечается в современных исследованиях, «безудержная погоня за ростом урожайности и максимизацией доходов обернулась огромными экологическими рисками»¹⁵. Основная проблема в степном земледелии – возникновение ветровой эрозии из-за несоответствия применяемых технологий условиям засушливого климата. Потенциал плодородия целинных земель стал неуклонно, а иногда катастрофически снижаться.

Одним из наиболее перспективных направлений современной историографии становится изучение повседневной жизни целинников. О.В. Кузнецова выделяет два этапа в региональной историографии повседневности целины. Первый (советский) период характеризовался тенденциозностью и идеологизацией подходов, историки практически не рассматривали социальную составляющую. Второй этап ознаменован изменением подходов и изучением новых аспектов через повседневность, хотя и здесь наблюдается разрозненность в анализе человеческого измерения. Исследователь подчеркивает необходимость глубокого изучения материально-бытового обслуживания, культурного обеспечения, семейных отношений первоцелинников. В работах последних лет появляются сюжеты, связанные с проблемами семьи в повседневной жизни целинников: браки, разводы, семейные конфликты¹⁶.

Следует отметить, что героизм часто бывает следствием экстремальных условий, и на целине они создавались искусственно. Однако сам по себе подвиг целинников никем из исследователей не ставится под сомнение.

При оценке экономических результатов целины современные исследователи стремятся к сбалансированным оценкам. С одной стороны, очевидны позитивные результаты: рост валового сбора зерна, снижение остроты продовольственной проблемы, вовлечение в оборот огромных территорий, создание производственной и социальной инфраструктуры¹⁷. Как отметил В.С. Бойко, в Омской области площадь пахотных земель увеличилась на одну треть, производство зерна по сравнению с 1953 г. выросло на 30 %. В 1954–1958 гг. по сравнению с 1949–1953 гг. в Западной Сибири валовые сборы зерна увеличились в 2 раза. Решающим фактором стало создание прочной материально-технической базы: за 1950–1955 гг. среднегодовой темп роста производства сельхозтехники составил 11 %, за 1956–1957 гг. – 40 %¹⁸.

С.А. Коцик на материалах Красноярского края показывает, что целинная кампания способствовала значительному увеличению зернового производства, стремительному экономическому росту основных районов ее проведения, улучшению условий труда и жизни

¹² Тулайков Н.М. Избранные труды: к проблеме засушливого земледелия. М., 1936.

¹³ Горшенин К.П. Почвы южной части Сибири. М., 1950.

¹⁴ Бойко В.С. История освоения целинных земель и современные проблемы в земледелии Сибири // Проблемы плодородия почв в современном земледелии. Красноярск, 2024. С. 452.

¹⁵ Освоение целины: уроки истории... С. 2–7.

¹⁶ Кузнецова О.В. Проблема повседневности целины...

¹⁷ Гергилев Д.Н., Павлюкевич Р.В. Кампании СССР по поднятию целинных и залежных земель 1954–1969 гг. К историографии вопроса (очерк) // Проблемы плодородия почв в современном земледелии. Красноярск, 2024. С. 482.

¹⁸ Бойко В.С. История освоения целинных земель... С. 453.

советского крестьянства. Однако замедление хода кампании во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов было обусловлено сохранением ряда проблем сельскохозяйственного производства¹⁹.

В.П. Мотревич в своих исследованиях, посвященных уральской целине, анализирует как достижения, так и просчеты кампании²⁰. Экстенсивные факторы роста производства достигли своих пределов, что продемонстрировало необходимость поворота аграрной политики в сторону интенсификации.

Анализ современной историографической ситуации позволяет выделить ряд ключевых дискуссионных проблем.

Первая проблема – соотношение экстенсивных и интенсивных методов развития. Как отмечается в исследованиях, традиционно считается, что экстенсивный характер освоения целины был задуман изначально. Однако ряд современных историков полагает, что это не так: рост производства предполагал использование и экстенсивных, и интенсивных методов, связанных с привлечением разной сельскохозяйственной техники. Недооценка факторов интенсификации не позволила максимизировать эффект от целины.

Вторая проблема – роль субъективного фактора и альтернативность исторического выбора. В современной историографии активно обсуждается вопрос о том, существовала ли реальная альтернатива целинному проекту. Исследователи реконструируют дискуссию между сторонниками интенсификации (Г.М. Маленков) и сторонниками экстенсивного развития (Н.С. Хрущев), показывая, что выбор в пользу целины не был предопределен.

Третья проблема – региональная специфика целинной кампании. Исследования последних лет показывают, что освоение целины в различных регионах проходило по-разному. В Красноярском крае, Омской области, Оренбуржье, на Алтае существовали свои особенности организации работ, кадрового обеспечения, решения социальных проблем.

Таким образом, противопоставление «экономическая необходимость – политический волюнтаризм», в рамках которого долгое время велась дискуссия о целинной кампании, сегодня представляется недостаточным для понимания всей сложности этого исторического феномена. Современная историография движется к синтезу различных подходов, признавая многомерность и противоречивость целинного проекта.

Прежде всего, исследователи фиксируют объективную обусловленность поиска новых источников зерна в условиях послевоенного восстановления, роста потребностей населения и кризисного состояния сельского хозяйства в начале 1950-х годов. Однако при этом констатируется и наличие волюнтаристских элементов в методах реализации проекта – форсирование темпов, игнорирование научных рекомендаций, недооценка экологических рисков, что в конечном счете снизило потенциальную эффективность кампании.

Закономерным следствием такого подхода стала неоднозначность последствий: с одной стороны, страна получила решение острой продовольственной проблемы, освоение огромных территорий, создание производственной инфраструктуры в ранее необжитых районах; с другой – экологический кризис, структурные диспропорции в аграрном секторе, ускорение процессов огосударствления сельского хозяйства. Целина выступила катализатором глубокой трансформации аграрного сектора, став ключевым фактором «совхозизации», укрупнения хозяйств и изменения социальной структуры деревни, что предопределило вектор развития советского сельского хозяйства на десятилетия вперед.

Наконец, важнейшим направлением современных исследований становится человеческое измерение целинной эпопеи: подвиг целинников, их повседневный труд и быт, семейные отношения, культурное обеспечение – все то, что долгое время оставалось за рамками как апологетической, так и критической историографии.

¹⁹ Коцик С.А. Реализация «целинного проекта» Н.С. Хрущева на территории Красноярского края // Манускрипт. 2025. Т. 18, вып. 1. С. 98–103.

²⁰ Мотревич В.П. Аграрная политика Н.С. Хрущева: основные направления и результаты // Аграрное образование и наука. 2019. № 1. С. 1–12; Мотревич В.П. Освоение уральской целины // Бизнес, менеджмент и право. 2005. № 3. С. 125–127.

Перспективным направлением дальнейшего изучения истории освоения целины является анализ кампании в контексте аграрной истории страны в целом, привлечение широкого круга архивных источников, включая региональные материалы, и использование методологии междисциплинарных исследований, объединяющих экономический, социальный, экологический и культурологический подходы. Уроки целины сохраняют актуальность и для современной России, демонстрируя, сколь опасно пренебрежение научной экспертизой и недооценка долгосрочных последствий при реализации масштабных проектов.

Литература

Андреенков С.Н. «Целинный проект» и перестройка организационно-хозяйственной структуры аграрного сектора экономики СССР в середине 1950-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 4. С. 74–79.

Андреенков С.Н. Целинная кампания 1954 г. в отечественной историографии // Проблемы плодородия почв в современном земледелии. Красноярск, 2024. С. 474–477.

Андреенков С.Н. Целинная кампания 1954 г. в советской и современной российской историографии // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 10, № 3. С. 439–452.

Анисимов А.П., Чичкин А.В. Освоение целины: уроки истории для современного российского земельного и экологического права // Юрист. 2024. № 9. С. 2–7.

Бойко В.С. История освоения целинных земель и современные проблемы в земледелии Сибири // Проблемы плодородия почв в современном земледелии. Красноярск, 2024. С. 452–455.

Гергилев Д.Н., Павлюкевич Р.В. Кампании СССР по поднятию целинных и залежных земель 1954–1969 гг. К историографии вопроса (очерк) // Проблемы плодородия почв в современном земледелии. Красноярск, 2024. С. 481–485.

Горшенин К.П. Почвы южной части Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 216 с.

Данилов В.П. Проблемы истории советской деревни в 1946–1970 гг. (Очерк историографии) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы. 1946–1970 гг. М.: Наука, 1972. С. 5–32.

Игнатовский П.А. Сельское хозяйство СССР в послевоенные годы. М.: Наука, 1966. 312 с.

Казанцев В.И. Аграрная политика Н.С. Хрущева: достижения и просчеты // Вопросы истории Сибири. Барнаул, 2005. Вып. 2. С. 140–152.

Коцик С.А. Реализация «целинного проекта» Н.С. Хрущева на территории Красноярского края // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 1. С. 98–103.

Кузнецова О.В. Проблема повседневности целины в региональной историографии [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 124–131. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12529> (дата обращения: 16.03.2026).

Мотревич В.П. Аграрная политика Н.С. Хрущева: основные направления и результаты // Аграрное образование и наука. 2019. № 1. С. 1–12.

Мотревич В.П. Освоение уральской целины // Бизнес, менеджмент и право. 2005. № 3. С. 125–127.

Наухацкий В.В. Целинная кампания 1950–1960-х годов: современный научный дискурс // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018. № 1. С. 256–269.

Наухацкий В.В. Целинная кампания Н.С. Хрущева: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов н/Д.: Издательско-полиграфический комплекс Рост. гос. экон. ун-та (РИНХ), 2018. 144 с.

Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 28–42.

Тулайков Н.М. Избранные труды: К проблеме засушливого земледелия. М.: Сельхозгиз, 1936. 480 с.

Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М.: Наука, 2006. 296 с.

References

- Andreenkov, S.N. (2016). "Tselinnyy proekt" i perestroyka organizatsionno-khozyaystvennoy struktury agrarnogo sektora ekonomiki SSSR v seredine 1950-kh – nachale 1960-kh gg. ["The Virgin Lands Project" and the Restructuring of the Organizational and Economic Structure of the Agricultural Sector of the USSR Economy in the Mid-1950s – Early 1960s]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 74–79.
- Andreenkov, S.N. (2024). Tselinnaya kampaniya 1954 g. v otechestvennoy istoriografii [The Virgin Lands Campaign of 1954 in Russian Historiography]. In *Problemy plodorodiya pochv v sovremennom zemledelii*. Krasnoyarsk, pp. 474–477.
- Andreenkov, S.N. (2025). Tselinnaya kampaniya 1954 g. v sovetskoy i sovremennoy rossiyskoy istoriografii [The Virgin Lands Campaign of 1954 in Soviet and Contemporary Russian Historiography]. In *Asian Journal "Steppe Panorama"*. Vol. 10, No. 3, pp. 439–452.
- Anisimov, A.P., Chichkin, A.V. (2024). Osvoenie tseliny: uroki istorii dlya sovremennogo rossiyskogo zemel'nogo i ekologicheskogo prava [The Development of Virgin Lands: Lessons of History for Contemporary Russian Land and Environmental Law]. In *Yurist*. No. 9, pp. 2–7.
- Boyko V.S. (2024). Istoriya osvoeniya tselinnykh zemel' i sovremennye problemy v zemledelii Sibiri [The History of Virgin Land Development and Current Problems in Siberian Agriculture]. In *Problemy plodorodiya pochv v sovremennom zemledelii*. Krasnoyarsk, pp. 452–455.
- Danilov, V.P. (1972). Problemy istorii sovetskoy derevni v 1946–1970 gg. (Ocherk istoriografii) [Problems of the History of the Soviet Village in 1946–1970 (Essay on Historiography)]. In *Razvitie sel'skogo khozyaystva SSSR v poslevoennye gody. 1946–1970 gg.* Moscow, Nauka, pp. 5–32.
- Gergilev, D.N., Pavlyukevich, R.V. (2024). Kampanii SSSR po podnyatiyu tselinnykh i zaleznykh zemel 1954–1969 gg. K istoriografii voprosa (ocherk) [USSR Campaigns for Raising Virgin and Fallow Lands in 1954–1969: Towards the Historiography of the Issue (An Essay)]. In *Problemy plodorodiya pochv v sovremennom zemledelii*. Krasnoyarsk, pp. 481–485.
- Gorshenin, K.P. (1950). *Pochvy yuzhnoy chasti Sibiri* [Soils of the Southern Part of Siberia]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 216 p.
- Ignatovskiy, P.A. (1966). *Sel'skoe khozyaystvo SSSR v poslevoennye gody* [Agriculture of the USSR in the Post-War Years]. Moscow, Nauka. 312 p.
- Kazantsev, V.I. (2005). Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva: dostizheniya i proshchety [The Agrarian Policy of N.S. Khrushchev: Achievements and Miscalculations]. In *Voprosy istorii Sibiri*. Barnaul. Iss. 2, pp. 140–152.
- Kotsik, S.A. (2025). Realizatsiya "tselinnogo proekta" N.S. Khrushcheva na territorii Krasnoyarskogo kraya [Implementation of N.S. Khrushchev's "Virgin Lands Project" in the Krasnoyarsk Territory]. In *Manuskript*. Vol. 18, Iss. 1, pp. 98–103.
- Kuznetsova, O.V. (2014). Problema povsednevnosti tseliny v regional'noy istoriografii [The Problem of the Everyday Life of Virgin Lands in Regional Historiography]. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 2, pp. 124–131. Available at: URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12529> (date of access 16.03.2026).
- Motrevich, V.P. (2005). Osvoenie ural'skoy tseliny [The Development of the Ural Virgin Lands]. In *Biznes, menedzhment i parvo*. No. 3, pp. 125–127.
- Motrevich, V.P. (2019). Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva: osnovnye napravleniya i rezul'taty [The Agrarian Policy of N.S. Khrushchev: Main Directions and Results]. In *Agrarnoe obrazovanie i nauka*. No. 1, pp. 1–12.
- Naukhatskiy, V.V. (2018). Tselinnaya kampaniya 1950–1960-kh godov: sovremennyy nauchnyy diskurs [The Virgin Lands Campaign of the 1950s-1960s: Contemporary Scholarly Discourse]. In *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. No. 1, pp. 256–269.
- Naukhatskiy, V.V. (2018). Tselinnaya kampaniya N.S. Khrushcheva: razmyshleniya o diskussionnykh voprosakh istoriografii [N.S. Khrushchev's Virgin Lands Campaign: Reflections on Debatable Issues of Historiography]. Rostov-on-Don, Izdatelsko-poligraficheskiy kompleks Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh). 144 p.

Rusinov, I.V. (1988). *Agrarnaya politika KPSS v 50-e – pervoy polovine 60-kh godov: opyt i uroki* [The Agrarian Policy of the CPSU in the 1950s – First Half of the 1960s: Experience and Lessons]. In *Voprosy istorii KPSS*. No. 9, pp. 28–42.

Shestakov, V.A. (2006). *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh godov* [The Socio-Economic Policy of the Soviet State in the 1950s – Mid-1960s]. Moscow, Nauka. 296 p.

Tulaykov, N.M. (1936). *Izbrannye trudy: K probleme zasushlivogo zemledeliya* [Selected Works: On the Problem of Arid Agriculture]. Moscow, Sel'khozgiz. 480 p.

Р.В. Павлюкевич*

РАЗВИТИЕ ЖИВОТНОВОДСТВА
В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 1966–1970 ГОДАХdoi:10.31518/2618-9100-2026-4-17
УДК 94:636(571.51)"1966/1970"*Выходные данные для цитирования:**Павлюкевич Р.В. Развитие животноводства в Красноярском крае в 1966–1970 годах // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 256–265.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-17.pdf>*

R.V. Pavlyukevich*

DEVELOPMENT OF LIVESTOCK FARMING
IN THE KRASNOYARSK KRAI IN 1966–1970

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-17

*How to cite:**Pavlyukevich R.V. Development of livestock farming in the Krasnoyarsk Krai in 1966–1970 // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 256–265.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-17.pdf>]*

Abstract. An analysis is being carried out of the peculiarities of livestock farming development in the Krasnoyarsk Krai during the Eighth Five-Year Plan (1966–1970). The relevance of the study is determined by the importance of the industry for ensuring food security amid the territorial unevenness of resource distribution and natural-climatic differences. Special attention is paid to the measures undertaken in the region to deepen the specialization and concentration of agricultural enterprises, the zoning of agricultural territories, and the transition of state farms (sovkhozy) to full economic accountability. To improve the efficiency of livestock farming, recommendations from research institutions and planning bodies were taken into account. It has been established that in the second half of the 1960s, relatively high growth rates in livestock production output were achieved in the region. The productivity of livestock and poultry increased. Despite positive changes, many problems of livestock farming development in the second half of the 1960s could not be overcome. The fodder problem remained unsolved; there were difficulties with providing livestock housing, mechanizing production processes, and product quality. Labor motivation remained low. The industry's dependence on weather conditions remained high. The increase in livestock production output only slightly outpaced the growth of the region's urban population. Solvent demand was growing at a high rate. As a result, the food situation in the region at the end of the 1960s remained tense.

Keywords: agricultural policy of the Soviet state, livestock farming, Eighth Five-Year Plan, food security, Krasnoyarsk Krai.

*The article has been received by the editor on 01.05.2026.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. Осуществляется анализ особенностей развития животноводства на территории Красноярского края в годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.). Актуальность исследования обусловлена значением отрасли для обеспечения продовольственной безопасности в условиях территориальной неравномерности распределения ресурсов и природно-климатических различий. Особое внимание уделяется предпринимаемым в крае мерам по углублению специализации и концентрации сельхозпредприятий, зонированию сельскохозяйственных территорий, переводу совхозов на полный хозяйственный расчет. Для повышения эффективности животноводства учитывались

* **Руслан Витальевич Павлюкевич**, кандидат исторических наук, Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, e-mail: autocrator@yandex.ru
Ruslan Vital'evich Pavlyukevich, Candidate of Historical Sciences, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: autocrator@yandex.ru

рекомендации научно-исследовательских учреждений, плановых органов. Установлено, что во второй половине 1960-х годов в крае были достигнуты относительно высокие темпы наращивания выпуска животноводческой продукции. Выросла продуктивность скота и птицы. Несмотря на позитивные сдвиги, многие проблемы развития животноводства во второй половине 1960-х годов изжить не удалось. Не была решена кормовая проблема, существовали сложности с обеспечением помещений для скота, механизацией производственных процессов, качеством продукции. Сохранялась низкая мотивация труда. Оставалась высокой метеозависимость отрасли. Прирост производства животноводческой продукцией лишь ненамного обгонял увеличение городского населения края. Платежеспособный спрос рос высокими темпами. В итоге продовольственная ситуация в крае в конце 1960-х годов оставалась напряженной.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства, животноводство, восьмая пятилетка, продовольственная безопасность, Красноярский край.

Статья поступила в редакцию 01.05.2026 г.

Обеспечение продовольственной безопасности – одна из центральных задач государства, от реализации которой в значительной степени зависит стабильность общества. Для российского государства данная проблема оставалась актуальной всегда, в том числе в связи с его гигантскими размерами, территориальной неравномерностью распределения ресурсов и разнообразными природно-климатическими условиями. Особую остроту вопрос продовольственного обеспечения населения приобрел в советскую эпоху. В сталинский период данная проблема нередко игнорировалась, а сельское хозяйство рассматривалось как один из источников средств для индустриализации.

Пришедший к власти в результате политической борьбы Н.С. Хрущев считал аграрный сектор ключевым и требующим особого внимания. В 1954 г. по его инициативе развернулась целинная кампания, которая должна была решить обострившуюся в начале 1950-х годов в стране зерновую проблему. В 1957 г., по мнению Хрущева, пришло время для решения животноводческой проблемы. Им была поставлена задача в короткие сроки догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения¹.

Однако в начале 1960-х годов в сельском хозяйстве страны начали нарастать кризисные явления. Сократились валовые сборы зерна. Результаты развития животноводства существенно уступали плановым предположениям. Аграрный сектор экономики СССР был не в состоянии удовлетворить растущий спрос на продовольствие.

Руководители страны, которые пришли к власти после отстранения Н.С. Хрущева, сделали ставку на интенсификацию сельского хозяйства. Существенное увеличение капитальных вложений в отрасль, а также принятие мер по экономическому стимулированию сельхозпредприятий и сельских тружеников привели к позитивным результатам. Темпы наращивания производства сельхозпродукции в СССР во второй половине 1960-х годов существенно выросли. Восьмая пятилетка стала самой успешной советской пятилеткой для сельского хозяйства.

Детальный анализ итогов развития сельского хозяйства страны в годы восьмой пятилетки до сих пор не проведен. Обязательным условием объективного изучения проблемы является ее исследование на материалах отдельных регионов. Красноярский край является ведущим аграрным регионом Восточной Сибири.

Цель настоящей статьи – реконструкция динамики развития животноводства на территории Красноярского края в годы восьмой пятилетки (1965–1970 гг.).

¹ Андреенков С.Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск, 2016. С. 205.

Методологическую основу исследования составляют теория модернизации и концепция смены моделей аграрного строя, предложенная В.А. Ильиных. По мнению Ильиных, итогом аграрных преобразований 1953–1964 гг. стало оформление новой модели аграрного строя страны, характерными чертами которой являлось укрупнение производственных структур (особенно в Сибири), индустриализация сельскохозяйственного производства, труда и системы оплаты. Организационно-производственной ее основой стали крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, в которые были превращены и колхозы. Роль индивидуальных хозяйств в удовлетворении потребительских нужд сельских семей уменьшилась².

Базовыми источниками работы исследования являются материалы статистического управления и плановой комиссии Красноярского края, содержащиеся в фондах Государственного архива Красноярского края, а также опубликованные статистические источники.

Ретроспективный анализ динамики животноводства в годы восьмой пятилетки в Сибири, в том числе в восточной ее части, осуществлен в обобщающих трудах по аграрной истории региона³. Общие тенденции развития отрасли в Красноярском крае во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов осветил А.В. Крюков⁴. В его статье периоды восьмой и девятой пятилеток определяются как наиболее успешные для животноводства края.

В постсталинский период шел поиск новых путей развития животноводства. Произошел отказ от сталинских принципов управления сельским хозяйством, возник процесс укрупнения сельхозпредприятий, началась индустриализация отрасли. В конце 1950-х – первой половине 1960-х годов животноводство Красноярского края развивалось поступательно. В 1959–1965 гг. поголовье крупного рогатого скота (КРС) во всех категориях хозяйств региона увеличилось на 28 %, в том числе коров – на 18 %, свиней – на 24 %, овец и коз – на 13 %. Нарастал выпуск животноводческой продукции. В 1964 г. молока по сравнению с 1959 г. произвели на 15 %, шерсти – на 16 %, яиц – на 23 %, мяса – на 58 % больше⁵.

В то же время решить существующие проблемы в животноводстве не удалось. Для отрасли была характерна нехватка профессиональных кадров, недостаточное количество приспособленных помещений, медленная механизация труда. Острой оставалась кормовая проблема. В условиях экстенсивного роста поголовья возможности заготовки для них кормов не поспевали за потребностями. Это вело к высокому падежу скота, сдаче государству легковесного скота. Животноводческие хозяйства продолжали оставаться убыточными.

Основные директивы по плану экономического развития на 1966–1970 гг. предполагали дальнейший рост производства мяса, яиц и шерсти в совхозах и колхозах, главным путем достижения этого выступало повышение продуктивности, т.е. интенсификация производства в сочетании с продолжением планомерного увеличения поголовья скота. Все это должно было обеспечить рост среднегодового производства мяса в восьмой пятилетке до 135 тыс. т (против 125 тыс. т в 1961–1965 гг.), молока – до 1 059 тыс. т (против 865 тыс. т) и яиц – до 473 млн шт. (против 280 млн шт.)⁶, что, в свою очередь, должно было способствовать обеспечению продовольственной безопасности Красноярского края.

Однако первый год новой пятилетки – 1966 год – по уровню производства продукции животноводства уступал предыдущим годам по целому ряду показателей. Так, мяса было

² Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX в.: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 628–629.

³ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991; Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012.

⁴ Крюков А.В. Животноводство в Красноярском крае во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4 (46). С. 108–114.

⁵ Павлюкевич Р.В. Динамика развития животноводства в Красноярском крае в 1953–1964 гг. [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 186, 188. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-14.pdf> (дата обращения: 10.04.2026); Народное хозяйство Красноярского края: стат. сб. Красноярск, 1967. С. 93.

⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 9074. Л. 48.

произведено на 8 тыс. т меньше, шерсти – на 3 центнера, хотя при этом в крае удалось повысить производство молока и яиц. Местные органы власти объясняли неудачи в производстве продукции животноводства двух предшествующих лет полуголодными зимами, последствия которых не удалось компенсировать даже удачным урожаем 1966 г. Сдаваемый скот, как правило, был ниже средней упитанности, а зачастую и вовсе тощим. Так, 22 % сдаваемого КРС и 55 % овец оказались некондиционными, что заметно превышало показатели 1965 г. Особенно заметные проблемы в этой области были характерны для колхозов и совхозов Бирилюсского, Большеулуйского, Нижнеингашского районов и Хакасской автономной области⁷.

В 1966 г. снизилась и продуктивность молочного скота по сравнению с предыдущим годом как минимум в 10 районах Красноярского края. Особенно заметное падение наблюдалось в Бирилюсском районе, где среднегодовой удой на корову снизился с 1 455 до 1 283 кг.⁸

Краевые власти, анализируя ситуацию и осуществляя поиск путей повышения эффективности производства продуктов животноводства в новой пятилетке, сделали ставку на все большую специализацию мясного скотоводства там, где это было экономически выгодно. Интенсивное выращивание и откорм молодняка КРС планировались в специализированных откормочных хозяйствах в районах молочного животноводства. Особое внимание также предполагалось уделить рациональному использованию поголовья свиней⁹.

При этом организация труда в области животноводства обозначалась как проблемная. Крайплан полагал, что работа в совхозах и колхозах организована плохо. Среди недостатков работы он называл нераспространенность практики выделения отдельных групп скота для интенсивного откорма, отсутствие взвешивания скота до и после процесса откорма, отсутствие должного учета расхода кормов. Все это затрудняло возможность оценки эффективности методов работы хозяйств. Тем более что в ряде колхозов и совхозов все еще практиковалась, как заявлялось, устаревшая форма оплаты труда работников, в рамках которой оплата зависела от времени, затраченного на откорм скота, а не от размера полученного привеса, что вело к большому перерасходу кормов на центнер привеса¹⁰. Помимо вышесказанного, следует заметить, что проблемой в этой области был и кадровый дефицит квалифицированных работников.

Сама же отрасль продолжала оставаться убыточной. Так, убытки колхозов хоть и сократились, но оставались высокими: если в 1966 г. колхозы края от производства продукции животноводства потеряли 6 437 тыс. рублей, то в 1968 г. убыточность составила уже всего 2 490 тыс. рублей. При этом большинство хозяйств, занимавшихся мясным производством, к этому времени сумели выйти в плюс. Проблемным оставалось молочное производство, убыточность которого для хозяйств края все так же росла (рост убытков с 5 766 тыс. до 7 056 тыс. рублей)¹¹.

Одним из путей повышения рентабельности рассматривалось распространение принципов хозрасчета. Отправной точкой здесь выступало постановление Совета Министров СССР от 13 апреля 1967 г.¹², в рамках которого совхозы переходили на полный хозрасчет, что означало покрытие всех производственных затрат из собственных средств, создание фондов экономического стимулирования. Уже 1967 г. 4 совхоза края были переведены на хозрасчет, а в 1968 г. таких совхозов было 9 из 179 по всему краю. Показатели переведенных на хозрасчет были значительно лучше, чем у обычных. Так, средний удой молока на одну корову в стандартных совхозах составлял 2 313 кг, а яйценоскость составляла 153 яйца на несушку, в то время как в хозрасчетных совхозах эти показатели составляли 2 567 кг

⁷ ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 9074. Л. 49

⁸ Там же. Л. 54–55.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 56.

¹¹ Там же. Д. 9083. Л. 98.

¹² Постановление Совета Министров СССР от 13 апреля 1967 г. № 319 «О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет».

и 173 яйца соответственно¹³. Следует отметить, что на систему хозрасчета в первую очередь переводили наиболее эффективные передовые хозяйства.

Еще одним важным направлением работы в области повышения эффективности производства продуктов животноводства в Красноярском крае стало углубление специализации хозяйств. Начало работ по специализации и концентрации сельскохозяйственного производства в колхозах и совхозах Красноярского края относится к 1963 г. Первый этап был завершён к 1965 г. Проведенные изыскательские работы Красноярского научно-исследовательского института сельского хозяйства (КНИИСХа) позволили четко определить природно-хозяйственную зональность Красноярского края, сформированную под влиянием исторических и природно-климатических условий¹⁴.

В число первоочередных рекомендаций краевых властей и института, подлежавших практической реализации, входило создание крупных птицеводческих предприятий в пригородных зонах городов и рабочих поселков Красноярского края. Помимо этого, предусматривалось развитие овощемолочных хозяйств, которые вместе с птицефабриками должны были стать базовой структурой продовольственного снабжения промышленных кадров как свежей, так и консервированной продукцией¹⁵.

Зоной развития овцеводства, увеличения производства шерсти и баранины определялись степные районы Хакасской автономной области, а также Ужурский, Новоселовский, Краснотуранский, Минусинский и Курагинский районы.

Существенная роль в специализации аграрного сектора края отводилась углублению концентрации свиноводства и развитию данной отрасли. В соответствии с плановыми заданиями к 1970 г. предполагалось создать 9 крупных свиноводческих совхозов и 46 свиноводческих ферм¹⁶.

Для таежных и подтаежных районов края специализацией предусматривалось дальнейшее развитие мясомолочного производства, квалифицировавшееся как наиболее выгодная отрасль сельского хозяйства в указанных природно-климатических условиях¹⁷. Следует отметить, что в принятых по состоянию на 1965 г. планах специализации развитию растениеводства придавалось существенно меньшее значение, нежели животноводству. Указанное соотношение приоритетов во многом обуславливалось, во-первых, неудачами аграрных реформ Н.С. Хрущева в сфере решения зерновой проблемы, а во-вторых, спецификой природно-климатических и хозяйственных условий Красноярского края. Сама логика специализации на данном этапе носила предварительный концептуальный характер и еще не была эмпирически верифицирована.

Спустя несколько лет, в 1969 г., в рамках анализа реализации восьмого пятилетнего плана и разработки нового, Крайплан вновь возвратился к рассмотрению вопроса зонирования уже с имеющимся опытом работы и привлечением КНИИСХа. В итоге было выделено уже шесть основных сельскохозяйственных районов Красноярского края: а) зона Крайнего Севера (Таймырский и Эвенкийский национальные округа, а также Игарский, Туруханский и Северо-Енисейский районы); б) северная (подтаежная) зона (Енисейский, Кежемский, Богучанский, Казачинский, Боготольский, Тасеевский, Пировский, Бирилюсский, Абанский и Нижнеингашский районы); в) пригородная зона города Красноярска (Емельяновский и Большемуртинский районы); г) центральная зона (Канский, Иланский, Рыбинский, Ирбейский, Уярский, Манский, Саянский, Балахтинский, Ачинский и Ужурский районы); д) юго-восточная зона (Новоселовский, Краснотуранский, Минусинский, Идринский, Курагинский, Каратузский и Шушенский районы); е) Хакасская автономная область.

Новое зонирование носило более проработанный характер. При выделении районов учитывался широкий спектр факторов: среднегодовая температура, продолжительность вегетационного и безморозного периодов, количество осадков, сумма активных температур

¹³ ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 9086. Л. 2.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 635. Л. 1.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 1–2.

¹⁷ Там же. Л. 2.

(выше 10 °С), а также данные почвенного анализа¹⁸. Пригородная зона была ограничена территорией краевого центра, что ожидаемо в связи с крайне высокой концентрацией населения здесь по сравнению с остальными поселениями края. Произошло разделение Южной зоны на две, а также выделение отдельной Северной зоны.

На основе полученных данных была сформирована сельскохозяйственная специализация выделенных зон. Зона Крайнего Севера практически не рассматривалась в контексте собственно аграрного производства, а определялась как промысловая зона. Помимо промыслов, здесь предполагалось активное развитие оленеводства.

Таежная зона была обозначена как зерново-молочное направление с развитым производством технических культур и свинины. Здесь предполагалось постепенное сокращение производства зерна при повышении роли животноводства, особенно свиноводства. Уже в рассматриваемый период оно увеличило свой удельный вес с 10,8 до 23 %.

В пригородной зоне города Красноярска основой должно было стать молочное скотоводство, заняв удельный вес в 50 %. Второстепенное значение отводилось птицеводству и свиноводству при сокращении доли овощеводства, которое ранее называлось ключевой отраслью.

В Центральной сельскохозяйственной зоне края ведущее место также занимало молочно-мясное скотоводство (42,9 %) при резком развитии свиноводства (доведение его доли до 15,8 %). Второстепенное значение отводилось зерноводству, чья доля постепенно должна была быть сокращена до 20,2 %. Аналогичная логика применялась по отношению к Юго-Восточной зоне.

Особняком выделялась зона Хакасской автономной области, обозначенная как преимущественно мясомолочная, а точнее овцеводческая зона развития.

В целом можно констатировать, что работа в области районирования и специализации сельского хозяйства была проведена основательно, с учетом предложений научных организаций, исторических особенностей и потребностей региона. Сам же профиль Красноярского края определялся как ведущий в мясомолочном и свиноводческом животноводстве, где производство товарного зерна играет второстепенную роль.

Наиболее заметной работа в области специализации хозяйств была именно в животноводстве. Так, еще в течение 1961–1964 гг. поголовье овец из центральных и восточных районов Красноярского края было перебазировано преимущественно на юг и в Хакасию. К концу 1960-х годов краевое овцеводство было сосредоточено в 52 совхозах и 70 колхозах в 10 районах южной и частично центральной зоны Красноярского края и во всех 7 районах Хакасской автономной области. На 1 января 1966 г. 82 % поголовья овец были сконцентрированы в совхозах¹⁹. Аналогичные процессы происходили и в других отраслях животноводства. Так, если в 1964 г. птицеводством занималось 103 колхоза и 69 совхозов (36 и 46 %) к общему количеству, то к 1970 г. в результате концентрации производства их доля снизилась до 18 и 20 % соответственно. Удельный вес колхозов, в которых выращивались свиньи, сократился с 92 до 87 %, совхозов – с 59 до 46 %²⁰.

Над совершенствованием местного животноводства работали научные организации. Так, в рамках работы Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства (ВНИИЭСХ) и КНИИСХа были определены оптимальные размеры земельных угодий для молочно-мясных и мясомолочных совхозов края, а именно 12–25 тыс. га, плюс дополнительно 5–12 тыс. га пашни. Следует заметить, что значение КНИИСХа в рассматриваемые годы росло. Созданный в 1956 г. институт в годы восьмой пятилетки превратился в эффективно функционирующее учреждение со 151 научным сотрудником²¹. Проблемами животноводства в нем занимались три отдела: крупного рогатого скота, свиноводства и птицеводства. Важное значение для отрасли имел отдел кормопроизводства.

¹⁸ ГАКК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 634. Л. 17–18.

¹⁹ Там же. Л. 4–5.

²⁰ Там же. Л. 31.

²¹ Там же. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 95. Л. 12.

В рамках тематического плана работы института в период восьмой пятилетки проблемам животноводства было посвящено 10 ключевых тем и 5 по кормопроизводству.

Общее направление развития отрасли в документах института проходило как «Интенсификация и специализация животноводства». Ряд направлений работы имел общий характер: как разработка научно обоснованных методов увеличения производства свинины, говядины, молока, так и узкие направления, связанные с выведением новых пород скота, адаптированных к местным условиям. Так, совершенствовалась крупная белая порода свиней, велось выведение новых пород свиней путем скрещивания, а также совершенствование хакасского типа красноярской тонкорунной породы овец²². Следует заметить, что большинство из этих работ во второй половине 1960-х годов лишь получили начало и дать заметного результаты для отрасли еще не могли.

Несмотря на усилия научных учреждений, многие из проблем животноводства, характерных ранее, продолжали оставаться актуальными. Кормовой вопрос в крае так и не был решен: на протяжении пятилетки среднее наличие кормов на одну единицу КРС составляло 12,25 ц, что было ниже установленных норм, и лишь в 1970 г. показатель удалось повысить до 13,3 ц, однако уже спустя два года он упал еще ниже – до 10,9 ц²³. Главной проблемой здесь являлось наращивание поголовья, за которым кормопроизводство, как правило, не успевало. Показатели падежа скота хотя постепенно и снижались, но оставались все равно достаточно высокими. Проблемной была и племенная работа²⁴.

Количественные итоги развития животноводства в Красноярском крае во второй половине 1960-х годов представлены в нижеследующих таблицах. Поголовье скота в крае изменялось следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности продуктивного скота
в Красноярском крае в 1965–1970 гг. (тыс. голов на конец года)

Категория хозяйства	1965	1966	1967	1968	1969	1970
<i>Крупный рогатый скот</i>						
Колхозы и совхозы	795	819,3	867,6	867	842,2	869,8
Население	393,7	426,3	430,2	310,2	388,8	338
Все категории	1 269,7	1 307,7	1 359,1	1 335,4	1 227,2	1 264,1
<i>Коровы</i>						
Колхозы и совхозы	290,3	295,5	300,1	303,4	299,3	311,5
Население	233,6	233,4	234	227,8	203,5	195,1
Все категории	532,7	537,6	544,3	541,1	512,9	517,1
<i>Свиньи</i>						
Колхозы и совхозы	392,3	408,2	373,9	337,5	370,1	414,7
Население	264,9	280,4	247,2	208,9	187,8	220,8
Все категории	764,7	763,4	683,9	606,1	621,4	708,4
<i>Овцы и козы</i>						
Колхозы и совхозы	1 549,8	1 640,6	1 797,1	1 845,6	1 845,9	1 804,4
Население	233,5	236,3	257,9	252,1	225,8	240,9
Все категории	1 818,9	1 923,9	2 107,5	2 135,3	2 108,7	2 183,3

Составлено по: ГААК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 1030. Л. 17–25.

²² ГААК. Ф. Р-2370. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–29.

²³ Там же. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 1006. Л. 1э.

²⁴ Там же. Л. 97.

Из представленных данных видно, что численность КРС в Красноярском крае в рассматриваемые годы менялась неравномерно: так, общий показатель 1970 г. даже уступает показателю 1965 г., но в то же время если взять динамику в разрезе категорий хозяйств, виден стабильный рост поголовья в государственном секторе при сокращении численности скота у населения, что было следствием как государственной политики в более ранние годы, так и постепенного сокращения численности собственно сельского населения. Подобная ситуация характерна и для поголовья свиней. Однако любопытно, что обратная ситуация была характерна для поголовья коров. Корова, снабжающая семью молочной продукцией, была главным показателем благосостояния сельского жителя, за который он держался несмотря ни на что. Стабильным ростом отличалось овцеводство, теперь окончательно сконцентрированное на юге Красноярского края и в Хакасии.

В то же время динамика численности скота не всегда коррелирует с объемами производства продукции животноводства и, собственно, с эффективностью самой отрасли (данные показатели отражены в табл. 2).

Таблица 2

Производство продукции животноводства
в Красноярском крае в 1965–1970 гг.

Категория хозяйства	1965	1966	1967	1968	1969	1970
<i>Мясо всех видов в живом весе (тыс. т)</i>						
Колхозы и совхозы	117,9	102,3	131	141,8	152,2	137,7
Население	84,6	87,5	86,5	95,8	93,9	73,7
Все категории	226,7	210,1	238,6	259,9	268,5	232,5
<i>Молоко (тыс. т)</i>						
Колхозы и совхозы	541,4	569,4	644,7	631,3	602,6	639,3
Население	388,7	397,1	400,3	397,9	367,1	341,1
Все категории	949,5	985,3	1 067,5	1 042,4	988,3	1 000,5
<i>Яйцо (млн шт.)</i>						
Колхозы и совхозы	148,4	171	189	199,6	223,7	271,3
Население	240,5	245,4	227,7	214,8	198,1	196,1
Все категории	399,6	428,6	432,2	426,6	438,4	490,3
<i>Шерсть (т)</i>						
Колхозы и совхозы	4 935	4 613	5 779	6 404	6 569	6 591
Население	527	525,5	463	456	473	446
Все категории	5 527	5 173	6 299	6 916	7 127	7 098

Составлено по: ГААК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 1030. Л. 17–25.

Погодовая динамика производства была неравномерной. Так, пик выпуска мяса приходится на 1969 г., а молока – на 1968 г. В 1970 г. мяса в крае произвели лишь на 2,6 % больше, чем в 1965 г., молока – на 5,4 %, яиц – на 22,7 % и шерсти – на 28,4 %. При этом в личных приусадебных хозяйствах населения производство животноводческой продукции снизилось, а в социалистическом секторе аграрной экономики выросло.

В целом итоги пятилетки в Красноярском крае в сфере животноводства оказались позитивными. Среднегодовое производство мяса в убойном весе по всем категориям хозяйств в 1966–1970 гг. по сравнению с 1961–1965 гг. увеличилось на 17,4 %, молока – на 17,5 %, яиц – на 16,5 %, шерсти – на 19 %²⁵. В годы восьмой пятилетки был зафиксирован

²⁵ Сельское хозяйство СССР (1965–1981 гг.): стат. сб. М., 1982. С. 234, 244, 249, 254.

существенный рост продуктивности скота и птицы. В 1970 г. средний удой на корову превышал показатели 1965 г. на 11 %, средний настриг шерсти на овцу – на 16 %, яйценоскость курицы-несушки увеличилась на 31 % (табл. 3).

Таблица 3

Продуктивность скота и птицы в колхозах и совхозах
Красноярского края в 1965–1970 гг.

Показатель	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Удой молока на фуражную корову в год, кг	2 009	2 007	2 319	2 262	2 164	2 237
Настриг шерсти на овцу в год, кг	3,1	3	3,5	3,6	3,6	3,6
Яйценоскость на курицу-несушку в год, шт.	135	137	140	146	163	177

Составлено по: ГААК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 1030. Л. 17–25.

Несмотря на очевидные позитивные сдвиги, многих проблем развития животноводства во второй половине 1960-х годов изжить не удалось. Так и не была решена кормовая проблема, существовали сложности с обеспечением помещений для скота, проблемы с кадрами, механизацией производственных процессов. Сохранялась низкая мотивация труда. Работники сельхозпредприятий не были напрямую материально и организационно заинтересованы в результатах своего труда, что снижало общую эффективность производства. Все так же продуктивность животноводства сильно зависела от климатических условий и урожайности кормовых культур, что подтверждается приведенными выше данными о падении производства в 1970 г. Сохранялись и проблемы с качеством продукции. Следует также отметить, что прирост производства животноводческой продукцией лишь ненамного обгонял увеличение городского населения края. А платежеспособный спрос рос высокими темпами. В итоге продовольственная ситуация в крае в конце 1960-х годов оставалась напряженной.

Литература

Андреев С.Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 256 с.

Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX в.: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 620–629.

Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг.: кол. моногр. / отв. ред. Н.Я. Гушин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 489 с.

Крюков А.В. Животноводство в Красноярском крае во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4 (46). С. 108–114.

Павлюкевич Р.В. Динамика развития животноводства в Красноярском крае в 1953–1964 гг. [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 177–189. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-14.pdf> (дата обращения: 10.04.2026).

References

Andreenkov, S.N. (2016). *Kolkhozno-sovkhznaya sistema v Sibiri v 1946–1964 gg.: funktsionirovanie i reformirovanie* [Kolkhoz-Sovkhoz System in Siberia in 1946–1964: Functioning and Reforming]. Novosibirsk, Sibprint. 256 p.

Gushchin, N.Ya. (Ed.). (1991). *Krest'yanstvo i sel'skoe khozyaystvo Sibiri. 1960–1980-e gg.* [Peasantry and Agriculture in Siberia. 1960s–1980s]. Novosibirsk, Nauka. 489 p.

Il'inykh, V.A. (2012). Agrarnyy stroy Sibiri v XX v.: etapy transformatsii [The Agrarian System of Siberia in the 20th Century: Stages of Transformation]. In *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2012: Tipologiya i osobennosti agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI vv.* Moscow, Bryansk, pp. 620–629.

Il'inykh, V.A. (Ed.). (2012). *Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* [Siberian Agriculture in the 20th Century: Development Issues and Crises]. Novosibirsk, Sibprint. 408 p.

Kryukov, A.V. (2021). Zhivotnovodstvo v Krasnoyarskom krae vo vtoroy polovine 1960-kh – pervoy polovine 1980-kh gg. [Animal Husbandry in the Krasnoyarsk Region in the Second Half of the 1960s and the First Half of the 1980s]. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. No. 4 (46), pp. 108–114.

Pavlyukevich, R.V. (2024). Dinamika razvitiya zhivotnovodstva v Krasnoyarskom krae v 1953–1964 gg. [Dynamics of Livestock Breeding Development in Krasnoyarsk Krai in 1953–1964]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 4 (36), pp. 177–189. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-14.pdf> (date of access 10.04.2026).

В.А. Ильиных*

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
В 1990–2010-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2026-4-18
УДК 94:631(571.5)"2000/2020"

Выходные данные для цитирования:

Ильиных В.А. Сельское хозяйство и продовольственное обеспечение Восточной Сибири в 1990–2010-е годы // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 266–284. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-18.pdf>

V.A. Ili'nykh*

AGRICULTURE AND FOOD SUPPLY
IN EASTERN SIBERIA IN THE 1990S–2010S**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-18

How to cite:

Ili'nykh V.A. Agriculture and Food Supply in Eastern Siberia in the 1990s–2010s // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 266–284. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-18.pdf>]

Abstract. A reconstruction of the dynamics of the main agricultural sectors of Eastern Siberia in the 1990s–2010s, as well as changes in its sectoral and organizational-economic structure, has been carried out. Basic trends in changes in the population's consumption of basic food products and self-sufficiency in the region have been identified. The radical agrarian reform of the early 1990s resulted in a profound crisis in agriculture, which resulted in a significant reduction in the number of productive livestock and sown areas. The largest decline was in the number of sheep and wool yield. Sheep breeding for wool and meat as a subsector of Eastern Siberian agriculture was virtually eliminated. An integral part of the agricultural crisis in the 1990s was the restructuring of its organizational-economic structure. There was a significant decline in the share of agricultural enterprises in output. Residential farms assumed the leading role in agricultural production. The contribution of the new agricultural sector—farm farms—to output remained insignificant in the 1990s. The agricultural crisis was accompanied by a deterioration in the food supply of the population. In the 2000s, the rate of decline in production slowed, and a gradual recovery in the region's agriculture began. Positive shifts in Eastern Siberian agriculture that emerged in the first decade of the 21st century were consolidated in the 2010s. Grain and meat production continued to increase. Industrial pig and sheep farming developed rapidly. Livestock and poultry productivity increased, as did crop yields. Crop production diversified thanks to a significant expansion of industrial crops. The quantitative and qualitative parameters of food supply have improved. However, the crisis in the region's agricultural sector was not overcome. Recession in dairy and beef cattle farming continued. The share of household farms in agricultural production, although declining, remained high. The level of agricultural development in the region was inferior to the indicators achieved within the framework of the Soviet model of agricultural development.

Keywords: agricultural industry, crop production, animal husbandry, farms, personal subsidiary farming, food supply, Eastern Siberia.

* **Владимир Андреевич Ильиных**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: agro_iwa@mail.ru

Vladimir Andreevich Ili'nykh, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: agro_iwa@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state assignment “Socioeconomic Potential of Russia's Eastern Regions in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

The article has been received by the editor on 30.03.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Осуществлена реконструкция динамики основных отраслей сельского хозяйства Восточной Сибири в 1990–2010-е годы и его организационно-хозяйственной структуры. Определены базовые тенденции изменений в потреблении населением основных продуктов питания и самообеспечении ими региона. Следствием радикальной аграрной реформы начала 1990-х годов стал глубокий кризис сельского хозяйства, который выразился в значительном снижении поголовья продуктивного скота и посевных площадей. Максимальным был обвал поголовья овец и настрига шерсти. Шерстно-мясное овцеводство как подотрасль сельского хозяйства Восточной Сибири было фактически ликвидировано. Составной частью кризиса сельского хозяйства в 1990-е годы являлась перестройка его организационно-хозяйственной структуры. Произошло существенное снижение доли сельхозпредприятий в выпуске продукции. Ведущую роль в аграрном производстве заняли хозяйства населения. Вклад нового сектора сельского хозяйства – фермерских хозяйств – в выпуск продукции в 1990-е годы оставался незначительным. Сельскохозяйственный кризис сопровождался ухудшением продовольственного обеспечения населения. В 2000-е годы темпы сокращения производства замедлились, началось постепенное восстановление сельского хозяйства региона. Наметившиеся в первом десятилетии XXI в. позитивные сдвиги в сельском хозяйстве Восточной Сибири были закреплены в 2010-е годы. Продолжалось увеличение производства зерна и мяса. Высокими темпами развивалось промышленное свиноводство и овцеводство. Выросла продуктивность скота и птицы, урожайность сельскохозяйственных культур. За счет значительного расширения посевов технических культур диверсифицировалось растениеводство. Улучшились количественные и качественные параметры продовольственного обеспечения. Однако кризисные явления в аграрном секторе экономики региона преодолеть не удалось. Продолжалась рецессия в молочно-мясном скотоводстве. Удельный вес хозяйств населения в производстве сельхозпродукции хотя и снизился, но оставался высоким. Уровень развития сельского хозяйства региона уступал показателям, достигнутым в рамках советской модели аграрного развития.

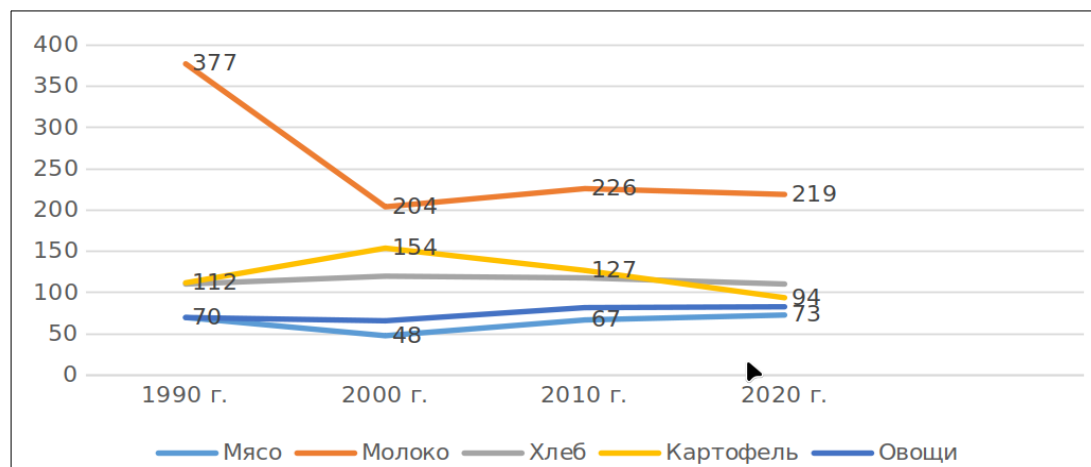
Ключевые слова: сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, фермерские хозяйства, хозяйства населения, продовольственное обеспечение, Восточная Сибирь.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026 г.

Введение. Анализ развития сельского хозяйства относится к числу базовых задач аграрной историографии. Ее решение имеет принципиальное значение для определения уровня продовольственной безопасности страны. В современных условиях к наиболее общестенно значимым историографическим проблемам относится выявление последствий аграрной реформы начала 1990-х годов для развития сельскохозяйственного производства и продовольственного обеспечения населения, а также результативность аграрной политики государства в начале XXI в. Изучение темы в масштабах всей страны невозможно без реконструкции динамики сельского хозяйства и продовольственного обеспечения в отдельных регионах. Восточная Сибирь является районом, в котором наиболее ярко проявились особенности кризисного развития агропродовольственной сферы в 1990-е годы и ее структурной перестройки в последующий период.

Диаграмма

Потребление основных продуктов питания
в Восточной Сибири в 1990–2000 гг. (кг на душу населения)

Исследователи определили основные тенденции развития сельского хозяйства Сибири в целом и Восточной Сибири в частности в последнее десятилетие XX в.¹ Аграрная экономика региона в 2000–2010-е годы изучена недостаточно. Ретроспективный анализ развития отрасли в эти годы проводился по ограниченному набору показателей в относительно узких хронологических рамках и по отдельным субъектам РФ, расположенным на территории Восточной Сибири. Отсутствуют обобщающие работы по истории сельского хозяйства региона за весь постсоветский период. Продовольственное обеспечение населения в начале XXI в. фактически стало объектом исследования лишь после 2014 года. Применительно к Сибири проблема также изучается в рамках отдельных краев, областей и республик. Исключение составляет коллективная монография «Обеспечение продовольственной безопасности регионов Сибири»², в которой в том числе показана роль агропромышленного комплекса в достижении продовольственной безопасности Сибирского федерального округа (СФО), выявлены уровни обеспечения основными продуктами питания входящих в него регионов в первой половине 2010-х годов.

Цель работы включает решение двух взаимосвязанных задач:

- 1) реконструкция динамики базовых отраслей сельского хозяйства Восточной Сибири в 1990–2010-е годы и его организационно-хозяйственной структуры;
- 2) определение изменений в потреблении населением региона в исследуемый период основных продовольственных продуктов, уровне самообеспечения ими.

Анализ сельского хозяйства и продовольственного обеспечения в 1990–2010-е годы предваряется кратким описанием ситуации в означенных сферах в конце 1980-х годов.

Реконструкция развития аграрного производства в обозначенный период осуществляется на основе построения и описания рядов динамики базовых показателей аграрного производства: поголовья основных видов продуктивного скота, посевной площади всех и основных сельхозкультур, производства основных продуктов растениеводства и животноводства, доли в производстве продукции основных организационных форм ведения сельского хозяйства – сельскохозяйственных организаций (СХО), крестьянских (фермерских)

¹ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири. Очерки истории. Новосибирск, 2008. Раздел VII. Аграрная реформа конца XX в. и сельское хозяйство; Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Сельское хозяйство Сибири в 1990-е годы // Вопросы истории Сибири в новейшее время: сб. науч. тр. Новосибирск, 2011. Вып. 1. С. 170–183; Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. Гл. 9. Кризис 1990-х гг.: производственные и социальные аспекты; Ильиных В.А., Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Зерновое хозяйство Сибири в 1990-е гг. // Сибирская деревня: сб. науч. тр. Новосибирск, 2017. Вып. 4: Зерновая проблема в XX в. С. 300–332; Ильиных В.А. Сельское хозяйство Восточной Сибири в конце 1980-х – 1990-е гг.: динамика, отраслевая и организационно-производственная структура // Историко-экономические исследования. 2018. № 1. С. 59–78; и др.

² Обеспечение продовольственной безопасности регионов Сибири. Новосибирск, 2016.

хозяйств (КФХ), хозяйств населения (ХН). Рассматривается обеспечение населения мясом и мясопродуктами, молоком и молочной продукцией, яйцом, хлебопродуктами, картофелем, овощами и бахчевыми культурами.

В Восточную Сибирь, которая составляет географические рамки работы, помимо Красноярского края, Иркутской области, республик Хакасия и Тыва, мы также включаем Республику Бурятия и Забайкальский край³, несмотря на то, что два последних субъекта РФ в ноябре 2018 г. передали из СФО в состав Дальневосточного федерального округа.

Источниковая база работы, за исключением оговоренных случаев, основывается на обработанных материалах сельскохозяйственной статистики, извлеченных из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), которая размещена на сайте Росстата (fedstat.ru)⁴. Отметим, что извлеченные из ЕМИСС статистические данные о параметрах развития сельского хозяйства Сибири в 1990–2020 гг. размещены в электронном справочном издании «Сельское хозяйство Сибири в конце XX – начале XXI вв.»⁵.

Сельское хозяйство в конце 1980-х годов. Основной специализацией аграрного сектора экономики Восточной Сибири в 1980-е годы являлось животноводство. Подотраслью животноводства, имеющей общесоюзное значение, являлось овцеводство. Среди экономических районов РСФСР Восточная Сибирь занимала третье место по поголовью овец и производству шерсти. Удельный вес региона в общероссийском настриге шерсти в 1986–1990 гг. составлял 13,7 %⁶. Большая часть поголовья овец находилась в Читинской области (в 1990 г. 42 % от общерегионального стада), Хакасской АО (18 %), Бурятской АССР (17 %) и Тувинской АССР (11 %). В Красноярском крае и Иркутской области ведущим направлением животноводства являлось молочно-мясное скотоводство. Свиноводство и птицеводство относились к второстепенным подотраслям животноводства. Как и молочно-мясное скотоводство, они имели преимущественно внутрирегиональное значение. Доля Восточной Сибири в общероссийском производстве молока, яиц и мяса в целом в годы двенадцатой пятилетки была незначительной и составляла 5,5, 5,2 и 5,6 % соответственно⁷. В 1990 г. регион занимал одно из ведущих мест в РСФСР в выпуске баранины и козлятины (12,9 %), имел относительно высокий удельный вес в производстве говядины (6,3 %) и низкую долю в выпуске свинины (4,8 %) и мяса птицы (4,3 %).

На обеспечение внутрирегиональных нужд также было ориентировано растениеводство. Большую часть засеянной пашни занимали зерновые культуры (в 1990 г. – 54 %). При этом удельный вес основной продовольственной культуры – пшеницы – составлял 43,5 % зернового клина. На остальной его части (56,5 %) размещались так называемые второстепенные хлеба, главным образом зернофуражные культуры. Если учесть, что 43 % общей площади посева засеивались кормовыми культурами, можно сделать вывод, что производство продукции растениеводства в Восточной Сибири в первую очередь ориентировалось на обеспечение нужд животноводства. 2,1 % пашни занимал картофель, 0,5 % – технические культуры, 0,3 % – овощи. Доля Восточной Сибири в общероссийском валовом сборе зерновых культур, картофеля и овощей в годы двенадцатой пятилетки составляла 5,5, 5,6 и 3,8 %⁸.

³ Забайкальский край образован в 2008 году в границах бывшей Читинской области.

⁴ В качестве источников используются следующие показатели ЕМИСС: Посевные площади сельскохозяйственных культур (URL: <https://fedstat.ru/indicator/31328>); Валовой сбор сельскохозяйственных культур (URL: <https://fedstat.ru/indicator/3950>); Поголовье скота и птицы в хозяйствах всех категорий (URL: <https://fedstat.ru/indicator/31325>); Производство скота и птицы на убой в убойном весе в хозяйствах всех категорий (URL: <https://fedstat.ru/indicator/31368>); Производство молока в хозяйствах всех категорий (URL: <https://fedstat.ru/40694>); Производство шерсти в хозяйствах всех категорий (URL: <https://fedstat.ru/indicator/31369>); Производство яиц в хозяйствах всех категорий (URL: <https://fedstat.ru/indicator/33946>); Продукция сельского хозяйства в фактически действовавших ценах (окончательные данные) (URL: <https://fedstat.ru/indicator/43337>); Потребление основных продуктов питания (в расчете на душу населения) (URL: <https://fedstat.ru/indicator/31346>) (дата обращения: 28.03.2026).

⁵ Сельское хозяйство Сибири в конце XX – начале XXI вв.: справочное издание [Электронный ресурс]. Новосибирск, 2026. URL: <http://iisoran.ru/images/Publics/isbn-978-5-4437-1949-8.pdf> (дата обращения: 10.08.2026)

⁶ Сельское хозяйство в России: стат. сб. М., 1998. С. 365, 367.

⁷ Там же. С. 356, 358, 359, 361, 362, 364.

⁸ Там же. С. 242, 244, 269, 271, 277, 276.

Абсолютно бóльшая часть сельскохозяйственных угодий закреплялась за сельхозпредприятиями (колхозами, совхозами, подсобными хозяйствами). Доля их посевов в общей посевной площади в 1990 г. составляла 98,4 %. Фермерские хозяйства в конце 1980-х годов были единичным явлением. 1,6 % посевных площадей в Восточной Сибири приходились на личный сектор аграрной экономики (приусадебные хозяйства, участки, отведенные для ведения коллективного огородничества и садоводства). Вклад хозяйств населения в производство зерновых, технических и кормовых культур был статистически ничтожным. В то же время они производили бóльшую часть картофеля (76 % от общерегионального валового сбора 1990 г.) и вносили существенный вклад в выращивание овощей (32 %).

Основными производителями животноводческой продукции также являлись сельхозпредприятия. В них была сосредоточена бóльшая часть поголовья продуктивного скота. Значимую роль в снабжении населения региона продукцией животноводства, особенно молоком и мясом, играли ХН. В Восточной Сибири в 1990 г. на личных подворьях производилось 30 % молока, 26 % мяса, 9 % яиц, 7 % шерсти. Относительно высокие показатели удельного веса личного сектора в производстве мяса имели Тувинская АССР (41 %), Бурятская АССР (36 %), молока – Тувинская АССР (52 %), Читинская область (47 %), Хакасская автономная область (36 %). В целом удельный вес ХН в общерегиональном производстве сельхозпродукции в 1986–1988 гг. в стоимостном выражении составлял 24,7 %⁹.

В силу отдаленности и слабого развития транспортной инфраструктуры себестоимость производства в Восточной Сибири была высокой, а рентабельность соответственно низкой. Большинство сельхозпредприятий экономического района фактически были убыточными. Их функционирование обеспечивалось прямыми и косвенными государственными дотациями, доля которых в обеспечении производства была выше, чем в большинстве сельскохозяйственных регионов страны, включая Западную Сибирь. Следует также отметить, что Восточная Сибирь находится в зоне еще более рискованного земледелия, чем западная часть макрорегиона. Наиболее высоким уровень дотационности был у сельхозпредприятий Тувы, Бурятии, Хакасии и Читинской области. Они были районами развитого овцеводства. Земледелие и молочно-мясное скотоводство с зимне-стойловым содержанием КРС на их территории в советский период в значительной степени искусственно насаждались и не коррелировались с местными природно-климатическими условиями и менталитетом бывших кочевников, принудительно переведенных на оседлость.

Характерная для постсталинской модели аграрного строя СССР индустриализация сельского хозяйства, переход на оплату труда, не зависящую от конечных результатов, привели к нарастающему отчуждению работников сельхозпредприятий от земли и других средств производства и снижению эффективности сельского хозяйства. В этих условиях все более широкое привлечение финансовых и материальных средств в аграрный сектор не сопровождалось устойчивым приростом производства. В конце 1970-х – начале 1980-х годов ситуация в сельском хозяйстве страны стала принимать кризисные формы¹⁰. Резко упала эффективность производства, его фондоотдача, окупаемость применяемых средств, производительность труда, возросла себестоимость продукции. Снижение темпов прироста производства сельхозпродукции на фоне быстрого роста спроса на ценные продукты питания привело к возникновению напряженности в продовольственном снабжении населения. В связи с этим началась реанимация карточной системы. Кризисные явления были характерны и для Восточной Сибири. В годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.) валовое производство сельхозпродукции в регионе (в стоимостном выражении) увеличилось лишь на 1,5 %. В Тувинской, Бурятской АССР и Читинской области было зафиксировано снижение производства¹¹.

⁹ Развитие агропромышленного комплекса РСФСР: стат. сб. М., 1989. С. 74, 76.

¹⁰ См.: Сельское хозяйство Сибири в XX веке... С. 174.

¹¹ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1988. С. 27, 29.

В 1980-е годы темпы развития сельского хозяйства в регионе выросли. Производство яиц за 1986–1990 гг. увеличилось по сравнению с 1976–1980 гг. на 46 %, мяса – на 25 %, зерна – на 22 %, молока – на 17 %. Прирост производства мяса в значительной степени был обеспечен за счет свинины и мяса птицы. Основными факторами наращивания сельхозпроизводства являлись ввод в эксплуатацию крупных птицефабрик и свинокомплексов, улучшение агротехники возделывания зерновых культур, а также относительно благоприятные погодноклиматические условия. В то же время снижение производства было зафиксировано в традиционной для Восточной Сибири подотрасли животноводства – овцеводстве. Настриг шерсти за годы двенадцатой пятилетки уменьшился по сравнению с десятой более чем на 8 %¹².

Несмотря на прирост производства в Восточной Сибири и СССР, в целом качественных сдвигов в аграрном секторе не произошло. Продовольственное снабжение населения продолжало ухудшаться. Карточная система приобретала все более тотальный характер. Одной из основных причин дефицита продуктов питания в торговой сети являлось значительное превышение платежеспособного спроса над предложением.

Развитие животноводства в 1990–2020 гг. Аграрная реформа начала 1990-х годов привела животноводство Восточной Сибири в состояние глубокого кризиса. Произошло резкое падение поголовья продуктивного скота. В наибольшей степени пострадало стадо овец. Их численность в регионе к 2000 г. сократилась по сравнению с 1990 г. в 5,9 раза. Достаточно интенсивным было снижение поголовья свиней (на 54 %). Относительно более устойчивым оказалось молочное стадо. Коров в регионе стало меньше на 32 %. Поголовье КРС снизилось в 1,9 раза (табл. 1). Значительным был спад в промышленном птицеводстве. Поголовье птиц в СХО сократилось в 2 раза.

Таблица 1

Поголовье скота в Восточной Сибири в 1990–2020 гг.
в хозяйствах всех категорий, на конец года, тыс. голов

Республика, край, область, регион	1990	2000	2010	2020
<i>Крупный рогатый скот</i>				
Республика Бурятия	559	339	363	331
Республика Тыва	205	97	137	188
Республика Хакасия	258	134	166	168
Забайкальский край	801	441	442	456
Красноярский край	1 302	660	412	343
Иркутская область	836	419	279	305
Восточная Сибирь	3 960	2 090	1 785	1 791
<i>Коровы</i>				
Республика Бурятия	185	144	143	140
Республика Тыва	74	48	61	77
Республика Хакасия	91	63	68	72
Забайкальский край	255	183	174	188
Красноярский край	472	295	164	133
Иркутская область	288	201	133	139
Восточная Сибирь	1 364	934	743	749

¹² Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1971. С. 293, 301, 309, 317; Сельское хозяйство СССР. М., 1988. С. 284, 293, 300, 307; Народное хозяйство Российской Федерации в 1992 году: стат. ежегодник. М., 1992. С. 477, 482, 490, 497.

Окончание табл. 1

Республика, край, область, регион	1990	2000	2010	2020
<i>Свины</i>				
Республика Бурятия	262	117	73	129
Республика Тыва	65	10	25	11
Республика Хакасия	144	51	56	33
Забайкальский край	301	95	127	66
Красноярский край	930	487	394	517
Иркутская область	583	296	219	176
Восточная Сибирь	2 286	1 056	893	931
<i>Овцы</i>				
Республика Бурятия	1378	205	236	266
Республика Тыва	921	407	678	912
Республика Хакасия	1 489	157	175	329
Забайкальский край	3 450	450	463	389
Красноярский край	734	116	49	56
Иркутская область	320	62	67	84
Восточная Сибирь	8 292	1 397	1 668	2 036

В относительных величинах наиболее высокие показатели падения поголовья КРС зафиксированы в Туве (–53 %), коров – в Красноярском крае (–38 %), свиней – в Туве (–85 %), в Читинской области (–68 %), в Хакасии (–65 %). Численность овец сократилась в Хакасии в 9,3 раза, в Читинской области – в 7,4 раза, в Бурятии – в 6,4 раза. В абсолютных величинах максимальным было снижение численности КРС, коров и свиней в Красноярском крае (на 642, 177 и 443 тыс. голов соответственно), овец – в Читинской области (на 2 996 тыс. голов).

Уменьшение поголовья скота всех видов происходило преимущественно за счет крупнохозов (преобразуемых совхозов и колхозов), которые не могли содержать животных в новых экономических условиях. В значительной степени это было обусловлено высоким уровнем затрат, спросовыми ограничениями населения ввиду неблагоприятного материального положения, неразвитостью системы сбыта продукции, падением объемов производства легкой промышленности. Поскольку хозяйства были не в состоянии поддерживать поголовье скота на прежнем уровне, они производили его массовый забой.

Среднегодовое производство мяса, молока, шерсти и яиц в 1996–2000 гг. снизилось по сравнению с 1986–1990 г. в Восточной Сибири в 1,7, 1,5, 5,4 и 1,6 раза (табл. 2). В мясном животноводстве за десятилетие произошли существенные структурные сдвиги. Более высокими темпами снижался выпуск баранины и мяса птицы. В 2000 г. баранины и козлятины произвели в 5,3 раза, мяса птицы – в 2,6 раза, говядины – в 2 раза, свинины – в 1,7 раза меньше, чем в 1990 г. В общем объеме производства скота и птицы на убой (в убойном весе) сократилась доля баранины с козлятиной (с 9 % до 3,9 %), а также мяса птицы (с 13,6 до 10,8 %), и увеличилась доля свинины (с 29,3 до 35,1 %) и говядины (с 48,1 до 50,2 %).

Таблица 2

**Производство основных продуктов животноводства
в Восточной Сибири в 1986–2020 гг. в хозяйствах всех категорий,
по пятилетиям в среднем за год**

Республика, край, область, регион	1986–1990	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020
<i>Скот и птица (в убойном весе), тыс. т</i>							
Республика Бурятия	68	60	41	33	28	35	38
Республика Тыва	23	19	15,7	13,1	10,8	12	13
Республика Хакасия	43	36	24	24	31	30	23
Забайкальский край	84	75	54	37	42	49	51
Красноярский край	202	176	112	113	129	126	133
Иркутская область	117	101	76	77	82	98	103
Восточная Сибирь	538	466	323	297	322	350	361
<i>Молоко, тыс. т</i>							
Республика Бурятия	262	206	175	229	233	204	140
Республика Тыва	74	65	53	51	60	62	64
Республика Хакасия	194	184	136	136	157	179	154
Забайкальский край	433	389	303	281	300	334	331
Красноярский край	1 143	1 080	816	685	668	664	641
Иркутская область	714	607	500	509	475	457	453
Восточная Сибирь	2 820	2 530	1 983	1 891	1 893	1 900	1 784
<i>Шерсть, т</i>							
Республика Бурятия	5 251	2 923	806	553	538	485	471
Республика Тыва	2 315	1 689	885	841	1 069	1271	1 265
Республика Хакасия	6 355	4 424	1 011	419	295	328	662
Забайкальский край	12 521	8 705	2 199	1 612	1 782	1449	1 101
Красноярский край	3 245	1 360	620	302	171	140	147
Иркутская область	1 286	664	208	136	125	125	169
Восточная Сибирь	30 972	20 765	5 729	3 862	3 980	3 797	3 814
<i>Яйцо, млн шт.*</i>							
Республика Бурятия	280	207	87	63	64	74	84
Республика Хакасия	179	151	128	107	96	88	90
Забайкальский край	277	183	123	97	83	75	65
Красноярский край	1 005	815	684	744	751	814	820
Иркутская область	850	712	639	802	886	950	1 001
Восточная Сибирь	2 650	2 116	1 678	1 818	1 883	2 006	2 067

* Данные о сборе яиц в Республике Тыва не приводятся в связи с незначительностью показателей.

Максимальное падение производства мяса в относительных величинах зафиксировано в Красноярском крае и Хакасии (в 1,8 раза в каждом субъекте РФ), молока – в Бурятии (в 1,5 раза), шерсти – в Бурятии (в 6,5 раза), яиц – в Туве и Бурятии (в 3,7 и 3,2 раза соответственно). В абсолютных величинах рекордсменами падения производства мяса, молока и яиц

был Красноярский край (на 90 тыс. т, на 327 тыс. т, на 311 млн шт.), шерсти – Читинская область (на 11 901 т).

В 2001–2005 гг. темпы сокращения продуктивного скота в Восточной Сибири существенно уменьшились. В 2006–2015 гг. было зафиксировано небольшое увеличение поголовья КРС и коров, а в 2016–2020 гг. – незначительное сокращение их численности. Свинопоголовье во второй половине 2000-х годов и в первой половине 2010-х годов росло, а во второй половине 2010-х годов снизилось. Количество овец в 2006–2020 гг. росло достаточно высокими темпами. Птицепоголовье в СХО в первом десятилетии XXI в. увеличивалось, а во втором снизилось. В итоге в 2020 г. в хозяйствах всех категорий региона овец стало больше, чем в 2000 г., на 22 %, свиней – на 4,2 %, а поголовье КРС и коров изменилось незначительно (+0,3 и +0,8 % соответственно). Численность птицы в СХО Восточной Сибири уменьшилась за 20 лет на 9,3 %.

За первые 20 лет XXI века поголовье КРС и коров увеличилось в республиках Тыва, Хакасия и Забайкальском крае, свиней – в Бурятии, Туве и Красноярском крае, овец – в Бурятии, Туве, Хакасии и Иркутской области. В относительных величинах наиболее высокие показатели прироста численности КРС зафиксированы в республиках Тыва (+94 %) и Хакасия (+25 %), коров – в Туве (+60 %), свиней – в Бурятии (+10 %), овец – в Туве (+124 %) и Хакасии (+110 %). В абсолютных величинах максимальные показатели прироста стада КРС и коров достигнуты в Туве (на 91 и 29 тыс. голов соответственно), свиней – в Красноярском крае (на 30 тыс.), овец – в Туве (на 505 тыс. голов).

В относительных величинах максимальное сокращение поголовья КРС и коров зафиксировано в Красноярском крае (–48 и 55 %) и Иркутской области (–27 и 31 %), свиней – в Иркутской области (–41 %) и Хакасии (–35 %), овец – в Красноярском крае (–52 %). На большее число голов уменьшилось стадо КРС и коров в Красноярском крае (на 185 и 114 тыс. голов соответственно) и Иркутской области (на 114 и 62 тыс.), свиней – в Иркутской области (на 120 тыс.), овец – в Забайкальском крае (на 61 тыс.) и Красноярском крае (на 60 тыс. голов).

С первых лет XXI века началось увеличение выпуска яиц. Настриг шерсти снизился в 2001–2005 гг., вырос в 2006–2010 гг., вновь снизился в 2011–2015 гг., остался фактически неизменным в 2016–2020 гг. Надой молока сократился в первом пятилетии XXI в., оставались фактически неизменными во втором и третьем, снизились – в четвертом пятилетии. Среднегодовые показатели производства мяса в первом пятилетии XXI в. сократились, а затем стали расти. При этом самый низкий темп прироста зафиксирован в четвертом пятилетии. Существенно различалась динамика по отдельным видам мяса. Производство свинины снизилось в 2001–2005 гг., а затем стало наращиваться высокими темпами. Выпуск баранины и козлятины в XXI в. незначительно увеличился, а говядины снизился. Производство мяса птицы за первые три пятилетия века значительно выросло, а в четвертом пятилетии резко сократилось (на 23 %).

В 2016–2020 гг. среднегодовые объемы производства яиц и мяса в регионе выросли по сравнению с 1996–2000 гг. на 23 и 12 %, молока и шерсти – уменьшились на 10 и 33 %. На снижение надоев молока в значительной степени повлияло их сокращение в Красноярском крае (на 21 %). Производство молока увеличилось в Туве (на 21 %), Хакасии (на 13 %) и Забайкальском крае (на 9 %), шерсти – в Туве (на 43 %), яиц – в Иркутской области (на 57 %) и Красноярском крае (на 20 %), мяса – в Иркутской области (на 36 %) и Красноярском крае (на 19 %).

В 2020 г. говядины в регионе произвели на 13 % меньше, чем в 2000 г., а баранины вместе с козлятиной, свинины и мяса птицы на 27, 56 и 120 % больше. В мясном животноводстве произошли соответствующие структурные сдвиги. В общем объеме производства скота и птицы на убой увеличилась доля свинины (с 35,1 % в 2000 г. до 43,1 % в 2020 г.) и мяса птицы (с 10,8 до 18,6 %), снизилась доля говядины (с 50,2 до 34,4 %), а удельный вес баранины с козлятиной остался неизменным (по 3,9 %). Наращивание производства свинины в значительной степени было обеспечено за счет Красноярского края (91 % прироста), мяса птицы – за счет Иркутской области (94 % прироста).

В 2020 г. в Восточной Сибири в хозяйствах всех категорий КРС стало меньше, чем в 1990 г., в 2,2 раза, коров – в 1,8 раза, свиней – в 2,5 раза, овец – в 4,1 раза. В 2016–2020 гг. среднегодовое производство мяса в регионе уменьшилось по сравнению с 1986–1990 гг. в 1,5 раза, молока – в 1,6 раза, шерсти – в 8,1 раза, яиц – в 1,3 раза. Динамика производства отдельных видов мяса существенно различалась. В 2020 г. баранины и козлятины в Восточной Сибири произвели на 73 %, говядины – на 55 %, мяса птицы – на 14 %, а свинины – лишь на 8 % меньше, чем в 1990 г. Удельный вес говядины и баранины с козлятиной в общем производстве скота и птицы в убойном весе снизился с 48,1 в 1990 г. до 34,4 % в 2020 г. и с 9 до 3,9 %, свинины и мяса птицы увеличился с 29,3 до 34,4 % и с 13,6 до 18,6 % соответственно.

Вышеприведенные показатели соотношения производства различных видов мяса свидетельствуют, что в животноводстве Восточной Сибири в начале XXI в. фактически был воспроизведен проявившийся в позднесоветский период базовый тренд развития. Прирост достигался за счет скороспелого мясного животноводства (мясо птицы, свинина) и сбора яиц. При этом наращивание производства в данных подотраслях в значительной степени было обеспечено за счет работы птицефабрик и свинокомплексов, построенных в СССР. В то же время традиционные для региона подотрасли (молочно-мясное скотоводство и овцеводство) существенно отставали в своем развитии от промышленного птицеводства и свиноводства. В конце 2010-х годов объемы производства всех основных видов животноводческой продукции были меньше, чем в конце 1980-х годов. К советскому уровню приблизился лишь выпуск свинины.

Наиболее развитое промышленное свиноводство и птицеводство имели Красноярский край и Иркутская область. Ведущим районом разведения мелкого рогатого скота в XXI в. стала Тува. Ее доля в общерегиональном овцепоголовье составляла 45 %, в численности коз – 74 %, в производстве баранины и козлятины – 33 %, в общем настриге шерсти – 33 %. Следует отметить, что республика имела более высокие показатели в восстановлении советского уровня поголовья крупного и мелкого рогатого скота. В 2020 г. КРС и овец на ее территории содержалось на 8,3 и 1 % меньше, чем в 1990 г., а коров и коз – на 4,1 и 1,3 % больше. Перевод на оседлость бывших кочевников в Туве произошел позднее, чем в других национальных автономиях Сибири. И они после развала советской системы хозяйствования быстро восстановили традиционное хозяйство.

Развитие растениеводства в 1990–2020 гг. В Восточной Сибири пашни в 2000 г. засеяли почти наполовину меньше, чем в 1990 г. В 1991–1995 гг. снижение составило 23 %, в 1996–2000 гг. – 33 %. За десятилетие в целом максимальным в абсолютных величинах было сокращение общей посевной площади в Читинской области (на 1207 тыс. га) и Красноярском крае (на 955 тыс. га). Значительно снизились (в 2,4 раза) посевы кормовых культур. Рекордсменами в падении кормопроизводства в относительных величинах стали Тува, Читинская область и Бурятия, где посевные площади кормовых культур сократились соответственно в 12, 10, и 4,8 раза (табл. 3). Еще более резко, чем кормовые, сократились (в 3,1 раза) площади, занятые прочими зерновыми культурами.

Таблица 3

Посевные площади в Восточной Сибири в 1990–2020 гг.
в хозяйствах всех категорий, тыс. га

Республика, край, область, регион	1990	2000	2010	2020
<i>Посев всех культур</i>				
Республика Бурятия	768	356	191	117
Республика Тыва	282	44	30	54
Республика Хакасия	598	278	221	218

Окончание табл. 3

Республика, край, область, регион	1990	2000	2010	2020
Забайкальский край	1 543	336	217	188
Красноярский край	2 879	1 924	1 446	1 475
Иркутская область	1 573	1 002	633	706
Восточная Сибирь	7 643	3 940	2 738	2 758
<i>Зерновые культуры</i>				
Республика Бурятия	357	253	107	61
Республика Тыва	146	29	21	14
Республика Хакасия	312	140	91	78
Забайкальский край	932	243	152	112
Красноярский край	1 652	1 083	978	933
Иркутская область	727	560	358	418
Восточная Сибирь	4 126	2 308	1 707	1 616
<i>Кормовые культуры</i>				
Республика Бурятия	389	81	70	45
Республика Тыва	131	11	6,4	37
Республика Хакасия	272	117	116	128
Забайкальский край	574	56	39	30
Красноярский край	1 135	739	398	357
Иркутская область	787	374	231	219
Восточная Сибирь	3 288	1 378	861	816
<i>Технические культуры*</i>				
Республика Хакасия	2,4	0,6	1,4	4,6
Забайкальский край	11	10	4,8	29
Красноярский край	20	9,3	5,9	147
Иркутская область	4,7	3,7	2,3	42
Восточная Сибирь	40	25	15	223
<i>Картофель*</i>				
Республика Бурятия	18	18	13	8,6
Республика Хакасия	9,6	16	10	5,6
Забайкальский край	23	23	19	16
Красноярский край	64	82	57	33
Иркутская область	46	56	37	24
Восточная Сибирь	164	197	139	90

* Данные о посадках технических культур и картофеля в Республике Тыва не приводятся в связи с незначительностью показателей.

Посевы пшеницы в целом по региону за 1990-е годы уменьшились лишь на 13,3 %. В Красноярском крае площади, занятые пшеницей, сократились минимально (на 2,6 %), а в Бурятии и Иркутской области увеличились на 12,4 и 4,5 % соответственно. В итоге посевы зерновых культур в Восточной Сибири сократились на 44 %. В то же время посадки картофеля

в большинстве административно-территориальных единиц Восточной Сибири и в регионе в целом увеличились и лишь в Бурятии остались неизменными, а в Туве уменьшились.

Валовой сбор всех зерновых культур в целом в 1996–2000 гг. снизился по сравнению с 1986–1990 гг. в 1,8 раза, пшеницы – в 1,4 раза. Максимальное падение производства хлебов в относительных величинах зафиксировано в Читинской области (в 5,1 раза) и Бурятии (в 4,7 раза), в абсолютных величинах – в Иркутской области (на 643 тыс. т) и Красноярском крае (на 606 тыс. т) (табл. 4). Спад производства зерна был связан не только с динамикой посевных площадей. На величину валовых сборов существенное влияние оказывало снижение урожайности хлебной нивы, которое определялось ухудшением качества обработки почвы, падением объемов внесения в почву удобрений. Валовой сбор картофеля в 1991–1995 гг. в Восточной Сибири увеличился по сравнению с предыдущим пятилетием на 37 %, а в 1996–2000 гг. снизился на 11 %.

Таблица 4

Производство основных продуктов растениеводства в Восточной Сибири в 1986–2020 гг. в хозяйствах всех категорий, по пятилетиям в среднем за год*

Республика, край, область, регион	1986–1990	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020
<i>Валовой сбор зерна после доработки, тыс. т</i>							
Республика Бурятия	501	317	240	105	85	88	64
Республика Хакасия	377	243	146	96	94	144	127
Забайкальский край	1 113	625	264	220	195	154	118
Красноярский край	2 432	2 325	1 762	1 826	1 979	2 168	2 204
Иркутская область	1 207	986	694	564	665	681	830
Восточная Сибирь	5 766	4 585	3 130	2 830	3 030	3 232	3 358
<i>Валовой сбор картофеля, тыс. т</i>							
Республика Бурятия	217	212	148	143	150	129	119
Республика Хакасия	118	153	155	145	106	98	81
Забайкальский край	191	270	207	157	160	177	157
Красноярский край	862	1 004	1 035	1 006	1 030	772	640
Иркутская область	579	1 061	850	678	556	468	382
Восточная Сибирь	1 995	2 730	2 429	2 161	2 031	1 668	1 402

* Данные о производстве зерновых культур и картофеля в Республике Тыва не приводятся в связи с незначительностью показателей.

В 2000-е годы темпы падения площади посева в регионе оставались в целом высокими, но имели тенденцию к замедлению. В 2005 г. пашни засеяли на 22 % меньше, чем в 2000 г., в 2010 г. – на 11 % меньше, чем в 2005 г. Снижение за десятилетие составило 31 %. Максимальным как в абсолютных, так и в относительных величинах было сокращение посевной площади в Иркутской области (на 369 тыс. га, на 37 %) и в Бурятии (на 165 тыс. га, на 46,3 %). Наиболее высоким оставалось падение посевов кормовых культур (на 38 %). В зерновом хозяйстве ситуация изменилась. Темпы сокращения посевов пшеницы (–30 %) стали выше, чем прочих хлебов (–19 %). Площадь, занятая зерновыми культурами в целом, за десятилетие снизилась на 26 %, картофелем – на 29 %.

В 2010-е годы ситуация в растениеводстве стабилизировалась. В 2015 г. посев по сравнению с 2010 г. незначительно увеличился, а за следующее пятилетие незначительно уменьшился. В 2020 г. площадь засеянной пашни фактически равнялась показателям 2010 г. При этом в Бурятии, Забайкальском крае и Хакасии посевные площади снизились (на 38, 13 и 1,4 % соответственно), а в Туве, Иркутской области и Красноярском крае увеличились (на 80, 12 и 2 %). Динамика посевов отдельных сельхозкультур существенно различалась.

Темпы сокращения посадок картофеля выросли (–35 % за десятилетие), а кормовых культур стали меньше (–5 %). Прирост посевов прочих хлебов (+6 %) частично компенсировал снижение пшеничного клина (–12 %). Площадь, занятая зерновыми культурами в целом, снизилась на 5 %. Отличительной чертой десятилетия стал взрывной рост посадок технических культур: в 3,1 раза за 2010–2015 гг. и в 4,7 раза за 2016–2020 гг. Нарращивание произошло за счет рапса. Его посевы увеличились в 25 раз.

Среднегодовые валовые сборы зерновых культур в Восточной Сибири в 2001–2005 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием снизились на 9,6 %, а затем стали расти: в 2006–2010 гг. – на 7,1 %, в 2011–2015 гг. – на 6,7 %, в 2016–2020 гг. – на 3,9 %. За четвертое пятилетие XXI в. зерна собрали на 7,3 % больше, чем за последнее пятилетие XX в. Сбор зерна увеличился в Красноярском крае (на 25 %) и Иркутской области (на 20 %), а в Забайкальском крае, республиках Хакасия и Бурятия – снизился.

На размеры производства зерна, помимо изменений посевных площадей, влияли погоднo-климатические условия и улучшение агротехники возделывания хлебов. В 1996–2000 гг. сбор зерна с одного гектара засеянной в регионе пшеницы в среднем составлял 11,2 ц, в 2001–2005 гг. – 13,6 ц, в 2006–2010 гг. – 17,2 ц, в 2011–2015 гг. – 18,1 ц, в 2016–2020 гг. – 19,9 ц. Наиболее высокие среднегодовые показатели урожайности зерновых в четвертом пятилетии XXI в. были зафиксированы в Красноярском крае (22,5 ц/га). В то же время в Забайкальском крае они составляли 9,6 ц/га, в Бурятии – 9,7 ц/га¹³. Производство картофеля в XXI в. в Восточной Сибири постоянно снижалось. В 2011–2020 гг. его сбор по сравнению с 2001–2005 гг. упал более чем в 1,5 раза.

За 30 постсоветских лет общая площадь посева в Восточной Сибири снизилась в 2,8 раза. Большая часть ранее используемой пашни была выведена из сельскохозяйственного оборота. Зарастающие кустарниками и лесом бывшие сельхозугодья в общественном сознании являются наиболее наглядным показателем негативных последствий реформирования сельского хозяйства в начале 1990-х годов. Тем не менее отметим, что в первую очередь не засевались высокодотационные и малопригодные для растениеводства, а соответственно малопродуктивные земли. В рамках плановой системы ведения хозяйства высокая себестоимость возделывания на них сельхозкультур не имела значения. В условиях рыночной экономики это стало нецелесообразным.

Динамика посевов различных культур имела свою специфику. Посадки технических культур за счет рапса и масличного льна-кудряша выросли в 5,6 раза. Площади, занятые остальными культурами, снизились. Максимальным было сокращение кормовых культур (в 4 раза). Посадки картофеля и овощей в 1990-е годы увеличились, а затем начали снижаться. Посевы пшеницы сократились в 1,9 раза, прочих хлебов – в 3,6 раза, зерновых культур в целом – в 2,6 раза. Существенные изменения произошли в структуре посевных площадей. Удельный вес кормовых культур в регионе сократился (с 43 до 29,6 %), а зерновых культур, технических культур, картофеля и овощей – вырос (с 54 до 58,6 %, с 0,5 до 8,1 %, с 2,1 до 3,3 % и с 0,3 до 0,5 % соответственно). Среднегодовое производство хлебов в регионе снижалось до середины 2000-х годов, а затем начался его рост. Тем не менее зерновых культур в целом в Восточной Сибири в 2016–2020 гг. собрали на 42 %, а пшеницы – на 30 % меньше, чем за годы двенадцатой советской пятилетки. Более высокие показатели зернового хозяйства имел Красноярский край. За 2016–2020 гг. производство зерна в целом на его территории уступало сбору 1986–1990 гг. на 9,4 %, а пшеницы собрали на 5,3 % больше. В следующей за ним Иркутской области зерна собрали на 31 %, пшеницы – на 21 % меньше.

Организационно-хозяйственная структура сельского хозяйства в 1990–2020 гг. В 1990-е годы произошли значительные изменения в организационно-хозяйственной структуре сельского хозяйства. Появился новый сектор аграрной экономики – крестьянские (фермерские) хозяйства. Несмотря на декларируемую государством поддержку фермерского движения, их доля в общей площади посевов в Восточной Сибири в 2000 г. достигла лишь 3,8 %. Основной специализацией фермеров стали зерновое хозяйство и овцеводство. В 2000 г. удельный вес посевов КФХ в общей посевной площади зерновых культур составлял в регионе 5,3 %, в поголовье овец и коз – 5,5 %. Максимальных значений удельный

¹³ Сбор зерна рассчитан с одного га засеянной площади.

вес КФХ в зерновом производстве достиг в Туве и Хакасии (18 и 7,1 % посевов зерновых культур), в овцеводстве – в Туве (9,5 % поголовья овец и коз). Вклад фермерских хозяйств в производство других сельхозпродуктов был еще менее значимым. На их долю приходилось 1,5 % посадок картофеля, 2,6 % поголовья КРС, 2,5 % коров, 2,2 % свиней. Удельный вес КФХ в общем объеме выпуска мяса скота и птицы в убойном весе составлял 2,3 %, молока – 1,7 %, яиц – 0,2 %, шерсти – 4,5 %.

Сельскохозяйственные организации, которые в 1990-е годы также именовались крупхозами, существенно снизили свой производственный потенциал. В Восточной Сибири за десятилетие общая посевная площадь в них снизилась в 2,1 раза, посевы зерновых – в 1,5, посадки картофеля – в 7,2, овощей – в 2,9, поголовье КРС – в 3,5, коров – в 2,7, свиней – в 4,2, овец – в 9,8 раза. Удельный вес СХО в производстве сельхозпродукции в фактически действующих ценах сократился в регионе с 67,6 до 32,8 %. На долю КФХ, для которых 1990-е годы стали периодом становления, в 2000 г. приходилось лишь 2,1 % валового производства в стоимостном выражении (табл. 5).

Таблица 5

Структура производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в Восточной Сибири в 1991–2020 гг. в фактически действующих ценах, %

Категория хозяйств	1991	1995	2000	2005	2010	2015	2020
СХО	67,6	42,0	32,8	34,4	33,9	39,0	43,9
КФХ	–	1,6	2,1	2,8	4,4	7,5	12,5
ХН	32,4	56,4	65,2	63,0	61,6	53,5	43,7

Динамика развития хозяйств населения была иной. В 1991 г. в Восточной Сибири на долю ЛПХ сельских и городских жителей, включая участки, выделенные под ведение коллективного садоводства и огородничества, приходилось 32,4 % валового производства сельхозпродукции. В первой половине 1990-х годов спад производства в крупхозах, снижение оплаты труда в них, резкое повышение цен на продовольственные товары создали стимулы для наращивания производственного потенциала ХН. Площадь посадок картофеля в них в 1991–1995 гг. выросла в 1,9 раза, посадок овощей – в 3,3 раза. Поголовье КРС и коров в них также увеличилось, хотя и не столь значительно (на 15 и 28 %), а численность овец и коз вместе взятых, а также свиней снизилась на 6 и 10 % соответственно.

Расширение приусадебных хозяйств обеспечивалось в основном за счет «разбазаривания» материально-технического потенциала бывших совхозов и колхозов. По мере исчерпания их ресурсов началось сокращение ряда количественных параметров развития ХН. Площадь посадок картофеля в них во второй половине 1990-х годов снизилась на 10 %, поголовье КРС – на 6 %, коров – на 5 %, свиней – на 16 %. В то же время продолжался рост посадок овощей (на 19 %) и был зафиксирован рост численности овец и коз (на 4 %). Но поскольку спад производства в СХО был более глубоким, относительные величины развития ХН продолжали расти.

В 2000 г. в ХН Восточной Сибири производилась абсолютно большая часть картофеля и овощей (96 и 82 %). Они также стали основными производителями мяса и молока (65 и 66 %). На них приходилось 29 % настрига шерсти и 15 % сбора яиц. В 2000 г. доля ХН региона в валовом производстве сельхозпродукции в стоимостном выражении составляла 65,2 %. Это свидетельствовало о том, что сельское хозяйство региона приобрело более ярко выраженный мелкотоварный и потребительский характер, чем десятилетие назад.

В XXI в. продолжалось наращивание производственного потенциала КФХ. За первые 20 лет века вклад КФХ в производство сельхозпродукции в Восточной Сибири постоянно увеличивался, достигнув максимума (12,5 %) в 2020 г. Более высоким удельный вес фермерских хозяйств был в Хакасии, Иркутской области и Туве (19,6, 16,9 и 16,4 % соответственно).

Произошла относительная диверсификация фермерского хозяйства. В 2020 г. доля КФХ в посадках картофеля и овощей увеличилась до 7,4 и 16,1 % соответственно. Заметно

повысилась доля фермеров в скотоводстве: до 20 % в поголовье КРС и 21 % в численности коров. В свиноводстве и птицеводстве фермеры были представлены минимально: 2,8 % поголовья свиней и 0,4 % птицепоголовья. Доля КФХ в общерегиональном производстве молока составляла 9,9 %, мяса – 6,7 %, яиц – 0,3 %. Базовой специализацией восточносибирских фермеров в животноводстве оставалось овцеводство, в растениеводстве – зерновое хозяйство. В 2020 г. их удельный вес в посевах зерновых культур достиг 33,7 %, в поголовье овец и коз – 33,9 %. На долю КФХ приходилось 36 % от общего настрига шерсти.

В XXI в. площади посева в СХО региона продолжали снижаться, но более медленными темпами. В 2000-е годы они уменьшились на 34 %, в 2010-е годы – на 20 %. Стадо КРС и коров также стало уменьшаться медленнее: соответственно на 42,4 и 42,5 % в первое десятилетие века и на 18,4 и 18,9 % – во второе. Темпы снижения числа овец в первом десятилетии XXI в. замедлились (–16 %), во втором десятилетии – ускорились (–42 %). Свинопоголовье в СХО начало увеличиваться во втором пятилетии века, численность птиц во втором пятилетии увеличилась, в третьем – снизилась, а в четвертом – вновь выросла. В итоге в 2020 г. поголовье крупного и мелкого рогатого скота в сельхозорганизациях упало по сравнению с 2000 г. более чем в 2 раза (КРС – на 53 %, коров – на 51 %, овец – на 52 %), численность птицы снизилась лишь на 9 %, а свинопоголовье возросло в 1,8 раза. На объемы животноводческой продукции в СХО, помимо изменений в численности скота, влиял рост продуктивности скота и птицы. В 2020 г. в сельхозорганизациях Восточной Сибири свинины произвели в 4,3 раза, мяса птицы – в 2,8 раза больше, чем в 2000 г. В итоге удельный вес СХО в производстве сельхозпродукции в фактически действующих ценах в 2000-е годы остался фактически неизменным, а в 2010-е годы увеличился до 43,9 %.

В первое десятилетие XXI в. продолжалось начатое во второй половине 1990-х годов медленное снижение потенциала ХН. Сокращалось стадо продуктивного скота за исключением овец и коз. Меньшими стали площади посадок картофеля и овощей. Тем не менее в 2001–2005 гг. удельный вес хозяйств населения в производстве сельхозпродукции в Восточной Сибири снизился незначительно (с 65,2 до 61,6 %). Однако в следующем пятилетии ситуация изменилась. Высокими темпами развивались КФХ. Увеличилось производство ряда сельхозпродуктов в СХО. Удельный вес ХН в стоимости аграрной продукции начал снижаться, составив в регионе в 2010 г. 43,7 %. В 2010-е годы спад в ХН ускорился. Посадки картофеля и овощей за 10 лет снизились на 40 и 33 %, поголовье КРС, коров и свиней – на 11, 22 и 32 %. Увеличилась лишь численность овец и коз (на 13 %). В результате удельный вес личных подворий в стоимости сельхозпродукции в регионе уменьшился до 53,5 % в 2015 г. и до 43,7 % в 2020 г.

Составной частью кризиса сельского хозяйства Восточной Сибири в 1990-е годы являлась перестройка его организационно-хозяйственной структуры. Ее итогом стало существенное снижение доли крупхозов в производстве продукции. Ведущую роль в сельском хозяйстве заняли ХН. В конце 1980-х – начале 1990-х в регионе появился новый сектор аграрной экономики – КФХ. Однако в 1990-е годы их вклад в сельхозпроизводство оставался незначительным. В первом двадцатилетии XXI века базовым трендом в организационно-производственной структуре аграрного производства Восточной Сибири являлось снижение производственного потенциала ХН и увеличение объемов производства в КФХ. В 2010-е годы вырос вклад в аграрное производство СХО.

Продовольственное обеспечение в конце 1980-х – 2010-е годы. Восточная Сибирь в позднесоветский период, как и ранее, полностью не обеспечивала себя продуктами питания. Разница между производством и потребностями покрывалась за счет масштабного ввоза продовольствия из других регионов страны, в основном из Западной Сибири. Относительно высокие темпы развития животноводства в Восточной Сибири во второй половине 1980-х годов при в целом стабильных объемах ввоза позволили увеличить потребление животноводческой продукции на душу населения: мяса и мясопродуктов – с 63 кг в 1985 г. до 70 кг в 1990 г., молока и молочных продуктов – с 323 до 377 кг, яиц – с 268 до 277 шт. (табл. 6)¹⁴.

¹⁴ Сельское хозяйство в России: стат. сб. М., 1995. С. 467, 478, 480.

Таблица 6

**Потребление основных продуктов питания
в Восточной Сибири в 1990–2020 гг. на душу населения**

Республика, край, область, регион	Мясо, кг	Молоко, кг	Яйцо, шт.	Хлебопродукты, кг	Картофель, кг	Овощи, кг
1990						
Республика Бурятия	74	342	284	135	109	68
Республика Тыва	58	299	222	126	44	49
Забайкальский край	70	416	225	110	67	63
Красноярский край	71	393	283	106	132	77
Иркутская область	69	362	298	109	116	68
Восточная Сибирь	70	377	277	111	112	70
2000						
Республика Бурятия	51	207	151	120	88	50
Республика Тыва	40	162	69	134	45	21
Республика Хакасия	52	233	217	128	125	112
Забайкальский край	45	220	127	113	195	60
Красноярский край	50	229	196	119	172	78
Иркутская область	47	165	188	121	111	58
Восточная Сибирь	48	204	177	120	154	66
2010						
Республика Бурятия	62	258	200	118	88	57
Республика Тыва	55	175	88	138	91	37
Республика Хакасия	65	244	249	134	104	100
Забайкальский край	68	245	168	116	105	84
Красноярский край	75	240	250	120	168	101
Иркутская область	62	190	203	109	114	72
Восточная Сибирь	67	226	213	118	127	82
2020						
Республика Бурятия	63	287	204	114	83	64
Республика Тыва	61	177	110	130	71	41
Республика Хакасия	68	251	259	124	87	107
Забайкальский край	74	252	167	111	105	88
Красноярский край	83	238	262	110	98	98
Иркутская область	68	195	242	106	93	70
Восточная Сибирь	73	219	231	111	94	83

Составлено по: Сельское хозяйство в России: стат. сб. М., 1995. С. 470, 472, 474, 476, 478, 480; ЕМИСС: Потребление основных продуктов питания (в расчете на душу населения).

Примечания: 1) В соответствующих столбцах приводятся данные о потреблении мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, овощей и бахчевых культур. 2) За 1990 г. в строке «Красноярский край» приведены общие данные по Красноярскому краю и Хакасии.

Сельскохозяйственный кризис 1990-х годов привел к продовольственному кризису. Его факторами являлось резкое снижение платежеспособного спроса, падение внутрирегионального выпуска сельхозпродуктов, сокращение объемов их ввоза из других регионов, производство в которых также уменьшилось. Потребление мяса на душу населения в 2000 г. в Восточной Сибири составляло 48 кг (69 % от уровня 1990 г.), молока – 204 кг (54 %), яиц – 177 шт. (64 %). Сократилось и потребление овощей: с 70 кг в 1990 г. до 66 кг в 2000 г. В то же время увеличились потребительские расходы менее ценных продуктов питания: хлебных продуктов (со 111 до 120 кг), картофеля (со 112 до 154 кг). Самообеспечение Восточной Сибири мясом, хлебопродуктами и картофелем в 1990-е годы снизилось. Снабжение ими еще в большей степени, чем в советский период, осуществлялось за счет ввоза. В то же время выросло обеспечение региона овощами и яйцом за счет внутренних ресурсов. Производство же молока в регионе в значительной степени покрывало его снизившееся потребление.

С начала 2000-х годов продовольственная ситуация в регионе стала постепенно улучшаться. Началось восстановление сельского хозяйства в Западной Сибири, которая оставалась основным продовольственным донором восточной части макрорегиона. Увеличилось внутрирегиональное производство сельхозпродуктов. На рынок региона поступала импортная продукция, которая во второй половине 2010-х годов стала вытесняться отечественной. Вырос платежеспособный спрос. В 2010 г. потребление мяса выросло до 67 кг, молока – до 226 кг, яиц – до 213 шт., овощей – до 82 кг, а хлебопродуктов и картофеля уменьшилось до 118 и 127 кг соответственно.

В 2010-е годы продолжалось увеличение потребления мяса и яиц (до 73 кг и 231 шт. в 2020 г.) и снижение хлебопродуктов и картофеля (до 111 и 94 кг). В то же время прирост по овощам составил всего 1 кг. А молока жители Восточной Сибири потребляли в 2020 г. на 7 кг меньше, чем в 2010 г. На ситуацию с молоком повлияло снижение его надоев в регионе (см. табл. 2). В 2020 г. уровень потребления мяса и овощей превышал показатели 1990 г., а молока и яиц – уступал им. Меньше, чем в позднесоветский период, в регионе потребляли и картофеля.

В 2000–2010-е годы показатели снабжения Восточной Сибири различными продуктами за счет внутренних ресурсов коррелировались изменениями их внутрирегионального выпуска и потребления. Несмотря на прирост производства мяса, уровень самообеспечения им имел тенденцию к снижению. Также уменьшалось самоснабжение региона овощами. В то же время за счет внутреннего производства росло обеспечение картофелем и хлебопродуктами. Относительно высоким оставалось самоснабжение молоком и яйцом.

Параметры самообеспечения краев, областей и республик Восточной Сибири в 2020 г. приведены в табл. 7. Уровень самоснабжения региона мясом и мясопродуктами оставался относительно невысоким и колебался от 59 до 66 %. Молоком собственного производства практически полностью обеспечивали себя Тува и Забайкальский край (99,8 и 98,1 % соответственно). Самый низкий показатель по молоку имела Бурятия (54 %). Красноярский край и Хакасия удовлетворяли 90 % собственных нужд в данном продукте, Иркутская область – почти 70 %. Сбор яиц в Иркутской области в 1,6 раза превышал потребности. В Красноярском крае превышение составляло 7 %. Минимальным был уровень самообеспечения яйцом в Республике Тува (17 %). В Забайкальском крае он составлял 33 %, в Бурятии – 46 %, в Хакасии – 63 %.

В 2020 г. валовой сбор зерна в Красноярском крае в 1,8 раза перекрывал внутренние потребности. Республика Хакасия и Иркутская область превышали собственные нужды в хлебе на 10 и 2 % соответственно. Бурятия им себя практически полностью обеспечивала (98 %). Самый низкий показатель по зерну имел Забайкальский край (74 %). Сопоставляя уровень самообеспечения регионов продукцией растениеводства, следует иметь в виду, что он мог повышаться в урожайные годы и снижаться в недородные. Картофелем обеспечивали себя Бурятия и Красноярский край. Данным продуктом Иркутская область удовлетворяла свои потребности на 91 %, Хакасия – на 87 %, Забайкальский край – на 68 %, Тува –

на 66 %. Овощей в Восточной Сибири в силу природно-климатических особенностей региона выращивали значительно меньше внутренних потребностей. Минимальным был уровень самообеспечения овощами в Забайкальском крае (25 %) и Туве (26 %). В Красноярском крае собственные нужды в них удовлетворялись на 51 %, в Иркутской области – на 55 %, в Бурятии – на 57 %, в Хакасии – на 59 %.

Таблица 7

Уровень самообеспечения основными видами продовольствия
регионов Восточной Сибири в 2020 г., %

Республика, край, область, регион	Мясо	Молоко	Яйцо	Зерно	Картофель	Овощи
Республика Бурятия	61,4	54,0	46,1	97,9	101,2	56,9
Республика Тыва	59,1	99,8	17,0	93,3	65,7	26,3
Республика Хакасия	57,5	89,9	62,7	110,4	87,4	58,5
Забайкальский край	65,8	98,1	32,8	74,4	67,6	24,6
Красноярский край	58,7	90,3	107,1	182,4	101,7	51,2
Иркутская область	62,4	86,8	156,6	102,2	91,2	54,8

Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/K_so_2024.xls (дата обращения: 29.03.2026).

Итоги развития сельского хозяйства Восточной Сибири в 1990–2010-е годы. Следствием радикальной аграрной реформы начала 1990-х годов стал глубокий кризис сельского хозяйства, который выразился в значительном снижении поголовья скота и посевных площадей. Наглядным проявлением кризиса стало существенное увеличение роли хозяйств населения в производстве сельхозпродукции.

В 2001–2005 гг. темпы сокращения производства сельхозпродукции замедлились, а затем началось восстановление сельского хозяйства региона. Достаточно быстро развивалось промышленное свиноводство и птицеводство. За счет увеличения урожайности выросли валовые сборы зерновых культур. Повысился уровень самообеспечения региона хлебопродуктами. Значительно расширились посадки технических культур. КФХ и СХО потеснили хозяйства населения.

Одним из важных итогов аграрного развития Восточной Сибири в исследуемый период были существенные сдвиги в отраслевой структуре сельского хозяйства. Место ведущих подотраслей животноводства заняли свиноводство и птицеводство, отодвигавшие молочно-мясное скотоводство. Овцеводство стало второстепенным направлением животноводства. Кормопроизводство уступило место производству пшеницы, которое стало ведущей подотраслью полеводства. За счет рапса и масличного льна-кудряша значительно выросло выращивание технических культур. Растениеводство потеснило животноводство. Доля последнего в общем объеме валовой продукции сельского хозяйства Восточной Сибири (в стоимостном выражении) в 1988 г. составлял 67 %¹⁵, а в 2020 г. – 60 %.

Однако кризисные явления в аграрном секторе экономики региона во втором десятилетии XXI века в полной мере преодолеть не удалось. Продолжалась рецессия в скотоводстве. Темпы развития животноводства в 2016–2020 гг. снизились. Удельный вес ХН в сельском хозяйстве хотя и уменьшился, но оставался высоким. В конце 2010-х годов объемы производства основных видов продукции животноводства и растениеводства уступали уровню конца 1980-х годов. Темпы восстановления сельского хозяйства Восточной Сибири в целом были ниже, чем в большинстве регионов России, включая Западную Сибирь. Показателем этого является сокращение удельного веса Восточной Сибири в общероссийских показателях выпуска шерсти, мяса, яиц, зерновых культур и овощей с 13,7, 5,6, 5,5, 3,4 и 4,6 % в 1986–1990 г. до 7,1, 3,4, 4,6, 2,7 и 2,6 % соответственно. Повысилась лишь доля

¹⁵ Развитие агропромышленного комплекса РСФСР, 1989. С. 78, 82.

региона в надоях молока (с 5,2 до 5,8 %) и сборе картофеля (с 5,6, до 6,5 %). При этом производство молока и картофеля в Восточной Сибири в XXI в. снизилось. В других регионах РФ спад в этих подотраслях был больше. В результате Восточная Сибирь заняла еще более периферийное положение в сельском хозяйстве России, нежели в позднесоветский период. Базовым сдерживающим фактором развития отрасли в регионе является высокая себестоимость производства продукции, которая связана с удаленностью и слабым развитием транспортной инфраструктуры.

Литература

Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири. Очерки истории / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2008. 308 с.

Ильиных В.А. Сельское хозяйство Восточной Сибири в конце 1980-х – 1990-е гг.: динамика, отраслевая и организационно-производственная структура // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19, № 1. С. 59–78.

Ильиных В.А., Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Зерновое хозяйство Сибири в 1990-е гг. // Сибирская деревня: сб. науч. тр. Новосибирск, 2017. Вып. 4: Зерновая проблема в XX в. С. 300–332.

Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Сельское хозяйство Сибири в 1990-е годы // Вопросы истории Сибири в новейшее время: сб. науч. тр. Новосибирск, 2011. Вып. 1. С. 170–183.

Обеспечение продовольственной безопасности регионов Сибири / под ред. П.М. Першукевича, Л.В. Тю. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 147 с.

Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Сибпринт, 2012. 408 с.

Сельское хозяйство Сибири в конце XX – начале XXI в. Справочное издание [Электронный ресурс] / сост. В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков. Новосибирск: Институт истории СО РАН; ИПЦ НГУ, 2026. 344 с. URL: <http://iisoran.ru/images/Publics/isbn-978-5-4437-1949-8.pdf> (дата обращения: 10.08.2026).

References

Il'inykh, V.A. (2018). Sel'skoe khozyaystvo Vostochnoy Sibiri v kontse 1980-hk – 1990-e gg.: dinamika, otraslevaya i organizatsionno-proizvodstvennaya struktura [Agriculture in Eastern Siberia in the Late 1980s and 1990s: Dynamics, Sectoral and Organizational-Production Structure]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 59–78.

Il'inykh, V.A. (Ed.). (2008). *Agrarnye preobrazovaniya i sel'skoe khozyaystvo Sibiri. Ocherki istorii* [Agrarian Transformations and Agriculture in Siberia. Essays on History]. Novosibirsk, II SO RAN. 308 p.

Il'inykh, V.A. (Ed.). (2012). *Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* [Siberian Agriculture in the 20th Century: Development Issues and Crises]. Novosibirsk, Sibprint. 408 p.

Il'inykh, V.A., Andreenkov, S.N. (Comp.). (2026). *Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v kontse XX – nachale XXI vv. Spravochnoe izdanie* [Agriculture in Siberia in the Late 20th and Early 21st Centuries. Reference Edition]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, IPTs NGU. 344 p. Available at: URL: <http://iisoran.ru/images/Publics/isbn-978-5-4437-1949-8.pdf> (date of access 10.08.2026)

Il'inykh, V.A., Karpunina, I.B., Melent'eva, A.P. (2017). Zernovoe khozyaystvo Sibiri v 1990-e gg. [Grain Farming in Siberia in the 1990s]. In *Sibirskaya derevnya*. Novosibirsk. Vol. 4, pp. 300–332.

Karpunina, I.B., Melent'eva, A.P. (2011). Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1990-e gody [Siberian Agriculture in the 1990s]. In *Voprosy istorii Sibiri v noveyshee vremya*. Novosibirsk. Vol. 1, pp. 170–183.

Pershukevich, P.M., Tyu, L.V. (Eds.). (2016). *Obespechenie prodovol'stvennoy bezopasnosti regionov Sibiri* [Ensuring Food Security in the Siberian Regions]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 148 p.

А.С. Ващук
Н.И. Кужина*

КЛЮЧЕВЫЕ РИСКИ
И ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В КОНЦЕ 1990 – НАЧАЛЕ 2010-Х ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-19
УДК 94:631.1(571.6)"1995/2015"

Выходные данные для цитирования:
Ващук А.С., Кужина Н.И. Ключевые риски и проблемы продовольственной безопасности Дальнего Востока в конце 1990 – начале 2010-х годов // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 285–299.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-19.pdf>

A.S. Vashchuk
N.I. Kuzhina*

KEY RISKS AND CHALLENGES
TO FOOD SECURITY IN THE FAR EAST
IN THE LATE 1990S AND EARLY 2010S

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-19

How to cite:
Vashchuk A.S., Kuzhina N.I. Key Risks and Challenges to Food Security in the Far East in the Late 1990s and Early 2010s // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 285–299. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-19.pdf>]

Abstract. The article identifies the consequences of agrarian reform as a set of prerequisites for the emergence of a crisis situation in the area of food supply for the population in the Far Eastern region. The effects of the implemented policy turned out to be negative to a greater extent for the Far East than for Russia as a whole. In the Far Eastern Federal District, the area of agricultural land decreased, soil degradation was observed, and there was a reduction in crops, the number of all types of livestock, and the production of agricultural products. By 2005, the region could fully provide for itself only in potatoes (mainly through personal subsidiary plots). The situation in other categories can be characterized as extremely critical. Relatively stable production was maintained only in egg production, and even then only in several regions (for example, Primorye and Khabarovsk Krai). The article concludes that the reformers' focus on farms as the main producers of agricultural products in the Far East did not justify itself. The increase in the number of farms in certain years of the late 20th century did not mean an increase in their role in addressing the task of ensuring food security. In the 2000s, the main share fell to large agricultural enterprises, while the proportion of many types of products produced in the households of the Far East showed a declining trend. It has been revealed that in the 2000s, the authorities paid attention to the factor of ensuring food security in various regions of the country and developed the Food Security Doctrine in the Russian Federation in 2010. It has been proven that by the end of the 2010s, a critical situation continued to exist in the Far Eastern Federal District, and farmers failed to achieve the level of production in crop and livestock farming to approach the threshold indicators of security. The analysis of food imports, including crop and livestock products, made it possible to determine risks in the field of food security in the territory of the Far East in the 2000s. The main threat to Russia's food sovereignty, taking into account the Far Eastern territory, was represented by significant volumes of agricultural products imported from other countries. However, the lack of proper transportation conditions made the import of vegetables and fruits from countries other than China problematic. At the same time, not always high-quality products from China were imported into the region. By the 2020s, the region's population remained critically dependent on external food supplies.

* **Ангелина Сергеевна Ващук**, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, e-mail: va_lina@mail.ru

Angelina Sergeevna Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: va_lina@mail.ru

Наталья Ивановна Кужина, Государственный архив Хабаровского края, Хабаровск, Россия, e-mail: natali_1985_06_30@mail.ru

Natal'ya Ivanovna Kuzhina, State Archives of Khabarovsk Krai, Khabarovsk, Russia, e-mail: natali_1985_06_30@mail.ru

Keywords: agrarian policy, agrarian reform, risks, food security, import, Far Eastern Federal District.

The article has been received by the editor on 02.05.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье установлены последствия аграрной реформы как совокупность предпосылок возникновения кризисной ситуации в сфере обеспечения продовольствием населения в Дальневосточном регионе. Последствия проводимой политики оказались отрицательными в большей степени для Дальнего Востока, чем для России в целом. В Дальневосточном федеральном округе (ДФО) уменьшилась площадь сельскохозяйственных угодий, наблюдалась деградация почв, произошло сокращение посевов, поголовья всех видов домашних животных и производства сельскохозяйственной продукции. К 2005 г. регион мог полностью обеспечить себя только картофелем (преимущественно за счет хозяйств населения). По остальным категориям ситуацию можно охарактеризовать как кризисную. Относительно стабильное производство сохранялось лишь в производстве яйца, и то в нескольких регионах (например, в Приморье и Хабаровском крае). Сделан вывод, что ориентация реформаторов на фермерские хозяйства как основных производителей сельхозпродукции на Дальнем Востоке не оправдалась. Рост числа фермерских хозяйств в отдельные годы конца XX в. не означал увеличение их роли в решении задачи обеспечения продовольственной безопасности. В 2000-е годы основная доля стала приходиться на крупные сельскохозяйственные предприятия, а удельный вес по многим видам продукции, которая была произведена в хозяйствах населения Дальнего Востока, имел тенденцию к снижению. Выявлено, что в 2000-е годы власть обратила внимание на фактор обеспечения продовольственной безопасности в разных регионах страны, разработав в 2010 г. Доктрину продовольственной безопасности в РФ. Доказано, что к концу 2010-х годов в ДФО продолжала существовать критическая ситуация и аграриям не удалось достичь уровня производства в растениеводстве и животноводстве, чтобы приблизиться к пороговым индикаторам безопасности. Анализ импорта продовольствия, включая продукцию растениеводства и животноводства, позволил определить риски в сфере продовольственной безопасности на территории Дальнего Востока в 2000-е годы. Основную угрозу продовольственному суверенитету России с учетом дальневосточной территории представляли значительные объемы завоза продукции сельского хозяйства из других стран. Однако отсутствие надлежащих условий транспортировки делало импорт овощей и фруктов из других стран, кроме КНР, проблематичным. В то же время в регион завозилась не всегда качественная продукция из Китая. К 2020-м годам население региона осталось критически зависимым от внешних поставок продовольствия.

Ключевые слова: аграрная политика, аграрная реформа, риски, продовольственная безопасность, импорт, Дальневосточный федеральный округ.

Статья поступила в редакцию 02.05.2026 г.

Введение. Проблема продовольственной безопасности России, в том числе Дальнего Востока, является сегодня новым направлением в отечественной исторической науке. Но пока приоритет в исследовании этой актуальной темы принадлежит экономистам¹,

¹ Жуплей И.В. Эффективное развитие региональной аграрной структуры в контексте решения проблемы продовольственной безопасности России // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3 (119). С. 175–180; Латкин А.П., Жуплей И.В. Структурная политика развития потенциала продовольственной безопасности российского Дальнего Востока. Владивосток, 2023; Каймакова Я.С., Донскова О.А. Продовольственная безопасность региона и условия ее обеспечения в период внешних вызовов // Всероссийские молодежные научные чтения им. профессора Н.Н. Протопопова: сб. мат.-лов. Новоси-

которые смогли просчитать обеспеченность населения сельхозпродукцией местного производства с учетом пороговых значений безопасности (И.В. Жуплей, А.П. Латкин).

Впервые после проведения аграрно-земельной реформы в 2010 г. в России появилась Доктрина продовольственной безопасности России, утвержденная Указом Президента от 30 января, и в этом стратегическом документе дается определение продовольственной безопасности. Она определяется как «состояние экономики Российской Федерации, при котором обеспечивается продовольственная независимость и гарантируется физическая и экономическая доступность для населения страны пищевых продуктов»². Для историка важно понять предпосылки принятия данного стратегического документа, которые, прежде всего, находятся в плоскости итогов проведения радикально-либеральной реформы в 1990-е годы в сфере земельно-аграрных отношений в России. Доктрина вызвала пересмотр аграрной политики федеральными и региональными структурами, что отразилось в принятии Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденной постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717³. Ее влияние на сокращение рисков в сфере продовольственной безопасности в Дальневосточном регионе входит в число актуальных задач исторической науки.

В литературе сегодня распространен вывод, что деревни и села в российских регионах стали самой большой жертвой внедрения капитализма. Последствия радикального либерализма оказались наиболее тяжелы в аграрной экономике прежде всего из-за утраты продовольственной независимости страны, из-за разрушения сельского социума, усиления экологической деградации сельскохозяйственных угодий и снижения природно-ресурсного потенциала. Актуальность проблемы заключается в том, чтобы решить фундаментальный вопрос в российской истории конца XX – начала XXI в.: учитывали ли российские реформаторы факторы риска, связанные с национальной безопасностью, разрабатывая стратегию реформ, и как зарождались риски в обеспечении продовольственной безопасности в период либеральных реформ и в пореформенный период с учетом регионального фактора. В данной статье использовалась концепция изучения социальных рисков на Дальнем Востоке с учетом специфики АПК, разработанная коллективом авторов в книге «Историческая динамика социальных рисков и угроз на дальневосточной периферии России в 1991–2020 гг.» (Владивосток, 2022). Такая постановка проблемы определила задачи и структуру данной статьи. Ее цель – установить общую картину предпосылок возникновения ситуации кризиса в обеспечении населения Дальнего Востока разными видами сельскохозяйственной продукции и раскрыть основные тенденции развития сельскохозяйственного производства с учетом вклада разных хозяйственных форм в 2000-е годы, определить характер рисков в сфере продовольственной безопасности.

Последствия аграрно-земельной реформы на Дальнем Востоке. К середине 1990-х годов на основе жестких административных методов на Дальнем Востоке была разрушена совхозно-колхозная модель сельскохозяйственного производства, и к началу 2000-х годов власть уже полностью ориентировалась на новую систему сельскохозяйственной экономики. Большинство колхозов и совхозов были реорганизованы в акционерные общества (ОАО, товарищества или сельскохозяйственные кооперативы). Количество предприятий в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), успешно адаптированных к новым рыночным отношениям, в 2001 г. составляло не более 12 %. Наиболее успешные – ОПХ «Пуциловское», «Восточное», АООТ «Краснореченское», АООТ «Партизан»⁴.

За годы реформ общая площадь используемых в ДФО сельскохозяйственных угодий уменьшилась на 30 %, пашни – на 26,4 %, посевные площади сократились на 40 %. Валовый сбор зерна за 1996–2000 гг. составил 44 % от уровня 1986–1990 гг., сои – 40 %⁵. В регионе

бирск, 2023. С. 55–58.

² Указ Президента Российской Федерации от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 32. Ст. 4549.

⁴ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 88. Л. 58.

⁵ Там же. Ф. Р-99. Оп. 20. Д. 88. Л. 21.

на душу населения в 2000 г. производилось 120 кг зерна против 965 кг в 1990 г. В период кризиса наблюдалось нетипичное явление: производство зерна переместилось в районы с менее благоприятными условиями и более высокими затратами. Так, в Республике Саха (Якутия) в 1990 г. производилось 2 % зерна, а в 2000 г. – 9 % от общего регионального объема. Якутия являлась примером развития сельского хозяйства в северных широтах. Хотя аграрная реформа на территории республики проходила в рамках общепринятого курса, принятая республиканская подпрограмма «Концепция развития села и углубления аграрной реформы Республики Саха (Якутия)», разработанная академиком И.А. Матвеевым, была принята только 16 июня 1995 г.⁶ И здесь стоит отметить традиционную национальную специфику. В претворении аграрной политики на территории Якутии координирующая роль принадлежала улусным формированиям сельского хозяйства⁷. Их деятельность заключалась в помощи по встраиванию в новые производственные отношения коренного населения.

Положение в животноводстве по сравнению с 1990 г. в хозяйствах всех категорий в ДФО к 2000 г. можно охарактеризовать как кризисное (табл. 1). поголовье крупного рогатого скота (КРС) сократилось на 61 %, свиней – на 81 %, птицы – на 74 %. Особо сельскохозяйственный кризис проявился на северных территориях региона. Например, в Магаданской области к 2000 г. оставалось КРС 17,2 %, свиней – 1,8 %, птицы – 3 % от уровня 1990 г., в Камчатской области – соответственно 19, 10 и 20 %, в Сахалинской – 27,8, 5,4 и 19,7 %⁸.

Падение реальных доходов населения и снижение производства сельскохозяйственной продукции в своей совокупности привели к сокращению потребления продуктов животноводства в 2001 г.: мяса – на 42 %, молока – на 60 %, яиц – на 46 %. За счет собственных поставок удовлетворялось только 20 % потребности в мясе, 62 % в молочных продуктах, 73 % в яйце. Не лучше обстояло дело и с потреблением растениеводческой продукции. При увеличении потребления картофеля на 47 % потребление овощей снизилось на 16 %⁹.

Таблица 1

Производство основных видов продукции сельского хозяйства
в Дальневосточном федеральном округе

Вид продукции	1986–1990 (в среднем за год)	1990	1995	2000
Зерно, тыс. т	1 115,0	1 312,3	488,0	315,4
Соя, тыс. т	582,7	648,0	247,0	259,9
Картофель, тыс. т	1 330,0	1 108,3	1 510,0	1 372,9
Овощи, тыс. т	465,0	394,6	503,0	480,4
Скот и птица в живом весе, тыс. т	493,0	519,6	239,6	130,8
Молоко, тыс. т	1 532,0	1 571,5	819,1	695,3
Яйцо, млн шт.	2 250,0	2 260,6	1 091,9	750,5

Составлено по: Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 88. Л. 6.

В условиях падения реальных доходов населения дальневосточные сельскохозяйственные производители вынужденно ограничивали возможности повышать цены на продукцию. Но при этом ее себестоимость в ДФО росла более высокими темпами, чем по России. Если в 1990 г. себестоимость на отдельные виды сельхозпродукции превышала среднероссийские показатели на 35–70 %, то в 2000 г. – на 160–270 %. Только в результате повышения

⁶ Якутия: хроника, факты, события. Якутск, 2000. С. 342.

⁷ Санникова Я.М. Традиционное хозяйство коренных народов Севера и аграрная реформа 1990-х гг. в Якутии. Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. Владивосток, 2020. С. 142.

⁸ ГАХК. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 88. Л. 23.

⁹ Там же. Л. 24.

цен на нефтепродукты в 1999–2000 гг. дополнительные затраты сельского хозяйства Дальнего Востока и Забайкалья составили более 500 млн руб.¹⁰

В районах Крайнего Севера в особой поддержке нуждалось оленеводство, которое создавало условия жизнеобеспечения коренных народов. Возникла проблема компенсации затрат на авиационный транспорт, выделения средств на регулирование численности диких волков и поголовье диких оленей, на борьбу с заболеваниями и на организацию переработки продукции оленеводства. Однако в начале 1990-х годов реформаторы фактически игнорировали специфику Северо-Востока (наличие родовых, общинных хозяйств). В Магаданской области на начало 1990-х годов, помимо 312 фермерских хозяйств, было 26 родовых общинных хозяйств, занимавшихся оленеводством, рыболовством и охотничьим промыслом. Насажение административными методами частных хозяйств на этих территориях вызвало непонимание у северных коренных народов. В 1993 г. 80 % колхозов и совхозов Камчатской области сохранили свой статус¹¹. В 1991–1992 гг. коренное население выжило благодаря внешнеэкономическим связям, до установления «сверху» экспортных пошлин на сырье. В Китай и Корею продавалось вторичное сырье продукции оленеводства. За 1991–2000 гг. поголовье оленей в хозяйствах Магаданской области сократилось на 71 %¹². Усугубляли социальную ситуацию частичные поставки продовольствия в область. А в 1997 г. государство полностью прекратило финансовую поддержку северного сельского хозяйства.

Процесс образования фермерских хозяйств в начале 1990-х годов на Дальнем Востоке проходил крайне противоречиво. Рост числа крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) не означал увеличение их роли в решении обеспечения продовольственной безопасности. Местные управленцы стремились как можно успешнее отчитаться перед вышестоящими структурами о росте числа фермеров. На Дальнем Востоке желающих заняться фермерством во второй половине 1990-х годов становилось все меньше, а именно они, по замыслу реформаторов, должны были стать ведущими производителями в селе. Так, рост числа хозяйств населения (ХН), вопреки ожиданиям управленческого звена, произошел за счет увеличения числа городских семей, занимающихся огородничеством и садоводством. В то же время число сельских семей, ведущих товарное личное хозяйство, сокращалось. Созданная в процессе реформ многоукладная экономика на Дальнем Востоке как нигде привела к преобладанию в сельскохозяйственном производстве мелких товаропроизводителей с преимущественно ручным трудом. Эти тенденции и специфика условий хозяйствования на дальневосточных территориях вынуждали местные органы власти корректировать аграрную политику¹³. Федеральный инспектор администрации полномочного представителя Президента РФ в ДФО В.И. Савченко, анализируя состояние малых хозяйств, считал в числе проблем отсутствие отдельной программы развития крестьянских хозяйств¹⁴.

В дальнейшем кризис в сельском хозяйстве так и не был преодолен. В пореформенные годы (2000–2010-е) сохранялась крайне нестабильная ситуация, что выразилось прежде всего в неустойчивой тенденции производства зерновых и бобовых в Приморском крае и Амурской области¹⁵. Сокращались сборы овощей в Приморье до 2008 г., а в Хабаровском крае падение их производства продолжалось и в 2011 г.¹⁶ В период 2005–2010 гг. происходило перераспределение доли производства продукции по категориям товаропроизводителей (табл. 2).

¹⁰ ГАХК. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 69. Л. 5, 8.

¹¹ Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). Ф. П-4702. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.

¹² Историческая хроника Магаданской области. 1991–2000. События и факты. Магадан, 2015. С. 31.

¹³ См.: Кужина Н.И. Государственная аграрная политика в России и ее реализация на юге Дальнего Востока (1991–2010 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2025.

¹⁴ Государственный архив Амурской области. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 957. Л. 19.

¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. М., 2012. С. 547.

¹⁶ Там же. С. 561.

Таблица 2

Динамика структуры производства агропродукции по категориям хозяйств
в Дальневосточном федеральном округе в 2005–2010 гг.
(в % от общего объема производства)

Вид продукции	2005	2006	2007	2008	2009	2010
<i>Сельскохозяйственные предприятия</i>						
Зерновые культуры	83,0	75,4	75,9	77,2	75,7	81,9
Картофель	7,1	8,1	8,4	7,5	7,3	7,3
Овощи	15,4	18,3	17,1	16,1	17,5	18,1
Мясо скота и птицы	37,2	38,0	42,0	46,6	50,2	53,9
Молоко	21,3	21,5	21,9	22	23,8	24,7
<i>Крестьянские (фермерские) хозяйства</i>						
Зерновые культуры	15,6	23,6	23,4	22,1	23,6	16,8
Картофель	5,2	6,9	5,9	6,6	6,1	7,4
Овощи	12,1	16,2	16,5	14,7	14,6	15,9
Мясо скота и птицы	7,1	7,7	8,6	8,5	9,0	8,8
Молоко	11,3	15,3	16,5	16,2	16,7	16,3
<i>Хозяйства населения</i>						
Зерновые культуры	1,4	1,0	0,7	0,7	0,7	1,3
Картофель	87,7	85	85,7	85,9	86,6	85,3
Овощи	72,5	65,5	66,4	69,2	67,9	66,0
Мясо скота и птицы	55,7	54,3	49,4	44,9	40,8	37,3
Молоко	67,4	63,2	61,6	61,8	59,5	59

Составлено по: Жуплей И.В. Эффективное развитие региональной аграрной структуры в контексте решения проблемы продовольственной безопасности России... С. 175–180.

Анализ данных табл. 2 свидетельствует о том, что в общей структуре производства сельхозпродукции увеличивается доля сельскохозяйственных предприятий¹⁷. Ставка реформаторов на быстрое формирование фермерства не оправдалась. Фермеризация в регионе проходила на основе морали выживания, а личные хозяйства производили продукцию преимущественно для собственных нужд. Доля крупных АПК имела тенденцию к росту. Дальневосточные фермеры хотя и продемонстрировали в 2000–2010 гг. позитивную динамику, но реально способствовать насыщению рынка ДФО продовольствием не смогли ввиду их малого вклада в региональную «продовольственную корзину» (около 4 %). Удельный вес хозяйств населения в совокупном производстве имел тенденцию к снижению.

Уровень обеспечения сельскохозяйственной продукцией дальневосточников и импорт продуктов из-за рубежа: риски и проблемы. Обеспеченность сельскохозяйственной продукцией в дореформенный период была значительно выше, естественно при стабильном государственном финансировании отрасли и на фоне невысокой производительности труда. Импорт сельхозпродукции в дореформенной России был низким. Свыше 90 % дефицита по фруктам и овощам покрывались за счет межрайонного обмена и только 10 % за счет

¹⁷ В 2000–2010 гг. в регионе активно организовывались крупные агропромышленные комплексы. Они формировались на базе трех ключевых факторов: наследия советской инфраструктуры, вертикальной интеграции перерабатывающих предприятий и частично государственной поддержки. Большинство холдингов создавалось на базе приватизированных активов 1990-х годов. Инвесторы выкупали земли и производственные мощности бывших крупных хозяйств, которые обладали готовой системой обработки земли и территориальной связанностью.

импорта¹⁸. Большую роль в продовольственном обеспечении региона выполняли межрегиональные связи, которые в годы радикально-либеральных реформ распались. В связи с этим северные территории ДФО (Магадан, Чукотка, Камчатка) с их огромными расстояниями и слаборазвитой инфраструктурой оказались очень уязвимыми. Цены на продукты здесь были в 1,5–3 раза выше, чем в среднем по стране. Сельское хозяйство Камчатской области также имело свою специфику. Вне зависимости от времени года потребность населения в свежих продуктах закрывалась лишь частично, область на протяжении 1990-х годов выживала за счет импорта. Молоко завозилось из Новой Зеландии, а поставки мяса птицы привели к приостановке деятельности и без того с трудом функционирующей областной бройлерной фабрики, высвободив на улицу 320 человек. Губернатор Камчатской области В.А. Бирюков на заседании Совета Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов федерации Дальнего Востока и Забайкалья 19 ноября 1998 г. отмечал: «Даже если хотя бы из половины таможенных поступлений с завоза продовольствия сформировать фонд поддержки сельского хозяйства, это уже поправило бы положение в отрасли»¹⁹.

Аналогичная ситуация была и в Сахалинской области, где одной из задач аграрной политики была минимизация завоза сельскохозяйственных продуктов. Невзирая на то, что Курильские острова сильно зависели от внешних поставок продовольствия, начальник экономического управления администрации Сахалинской области В.С. Сидоренко был настроен оптимистически, утверждая, что островные территории области располагают достаточным потенциалом для развития сельского хозяйства, представленного фермерскими и личными подсобными хозяйствами²⁰. С ним был солидарен председатель Законодательного собрания Приморского края В.В. Горчаков, заявивший в выступлении на совещании парламентской ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье»: «Мы рассматриваем сельскохозяйственную отрасль как “точку роста” для экономики региона»²¹.

В пункте 8 Доктрины продовольственной безопасности были определены основные риски, связанные с проблемами развития сельского хозяйства в пореформенный период. «Обеспечение продовольственной безопасности сопряжено с рисками, которые могут существенно ее ослабить. Наиболее значимые риски относятся к следующим категориям: макроэкономические риски, обусловленные снижением инвестиционной привлекательности отечественного реального сектора экономики и конкурентоспособности отечественной продукции, а также зависимостью важнейших сфер экономики от внешнеэкономической конъюнктуры; технологические риски, вызванные отставанием от развитых стран в уровне технологического развития отечественной производственной базы, различиями в требованиях к безопасности пищевых продуктов и организации системы контроля их соблюдения; агроэкологические риски, обусловленные неблагоприятными климатическими изменениями, а также последствиями природных и техногенных чрезвычайных ситуаций; внешнеторговые риски, вызванные колебаниями рыночной конъюнктуры и применением мер государственной поддержки в зарубежных странах»²².

Из-за высоких транспортных тарифов доставка продуктов из центральных регионов России была дороже, чем закупка в странах АТР (Китай, США, Австралия). Главная сельскохозяйственная житница Дальнего Востока – Амурская область в кризисный 1998 год стала завозить больше риса, мяса и овощей из КНР. В последующие 2000–2001 гг. наблюдался рост импорта по овощам и фруктам (табл. 3).

¹⁸ Яхиев А.М. Советско-вьетнамское сотрудничество как один из факторов решения продовольственной программы на Дальнем Востоке. Проблемы и перспективы развития экспортного производства Дальнего Востока. Владивосток, 1985. С. 3.

¹⁹ ГАХК. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 34. Л. 31.

²⁰ ГИА СО. Ф. П-4705. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.

²¹ ГАХК. Материалы регионального совещания парламентской ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье». 2 июня. 2010 г. Хабаровск, 2010. С. 7.

²² Указ Президента Российской Федерации от 30.01.2010 № 120...

Таблица 3

**Ввоз основных продуктов питания из КНР в Амурскую область
в 1995–2001 гг. (т)**

Вид продукции	1995	1998	2000	2001
Мясо	1911	3013	107,0	164,9
Рис	517	2257	552	59,5
Овощи	н/д	5,4	8,4	12,9
Фрукты	н/д	10,9	12,0	13,4

Составлено по: Амурская область показатели развития. Провинция Хейлунцзян: стат. сб. Благовещенск, 2002. С. 13.

Самым крупным торговым партнером КНР в ДФО был Хабаровский край. В 2001 г. в структуре импорта из КНР основную долю занимали продукты питания – 40,5 %²³. Определенная роль в поставках продовольствия на ДФО до начала 2000-х годов принадлежала США. Если в 1998 г. продукты питания составляли основную долю импорта в ДФО из США – 32 %, то в 2000 г. – только 7 %. Как правило, это были мясо и пищевые субпродукты птицы. В 1998 г. их доля составляла 13 % от общего объема импорта и 45 % от объема импорта продуктов питания, в 2000 г. – 2 и 33 % соответственно. Внешнеторговый оборот с США Приморского края составлял 48 %, Сахалинской области – 14 %, Магаданской – 13,7 %²⁴.

В 2000-е годы регионы Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область) наладили внешнеэкономические операции с Японией. По внешнеторговому обороту с Японией первое место занимал Хабаровский край – 30 %, второе место Приморский край – 25 %, но при этом экспорт в Страну восходящего солнца из Приморья превышал импорт в 6,5 раза²⁵.

Основные импортеры продовольственных товаров в Приморский край – КНР, Республика Корея, в меньшей степени США, Канада, Бразилия, Австралия, Аргентина, Филиппины, Вьетнам, Дания, Франция, Испания. Однако отсутствие надлежащих условий транспортировки делало импорт овощей и фруктов из других стран, кроме КНР, проблематичным. На эту проблему обращали внимание и ранее, а импорт из КНДР и Вьетнама фруктов и овощей обходился на 25–30 % дешевле, чем завоз из других регионов страны или производство в местных условиях²⁶.

Уровень самообеспеченности основными продуктами питания в Приморском крае в 2007 г. составил: овощами – 49,0 % (в 2001 г. – 77,8 %), картофелем – 91,9 % (100 %), яйцом – 60,4 % (73,8 %), молоком – 38,5 % (35,4 %), мясом – 26,0 (27,0 %)²⁷. В 2000–2010 г. многие агрохолдинги начинали как трейдеры сельскохозяйственной продукции. Но постепенно они переходили от чистой перепродажи к инвестированию в производство. Одним из таких был «Михайловский бройлер». Появилась тенденция роста в производстве мяса птицы. В Приморском крае начали функционировать крупные свинопредприятия. Потребление мяса на душу населения в Приморском крае, снизившись в 2000 г. до 45 кг, в 2009 г. вернулось к уровню 1990 г. (63 кг). Собственное производство скота и птицы в убойном весе в 2009 г. возросло до 32,6 тыс. т (в 2000 г. – 18,6 тыс. т). Но, несмотря на рост производства, потребность населения за счет собственного производства покрывалась на 41 %. Объемы же производства молока в 2000 г. составляли 61 % от уровня 1990 г.²⁸

²³ ГАХК. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 91. Л. 82.

²⁴ Там же. Д. 72. Л. 14, 15.

²⁵ Там же. Д. 71. Л. 66.

²⁶ Ключиков З.И. Влияние внешних факторов на развитие экспортного производства Дальнего Востока // Проблемы и перспективы развития экспортного производства Дальнего Востока. Владивосток, 1985. С. 24.

²⁷ Производство и потребление основных продуктов питания в Приморском крае. 2011. Сборник с аналитической запиской. 2012. С. 36.

²⁸ Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1694. Оп. 10. Д. 74. Л. 7, 69.

Невзирая на положительную тенденцию в сельхозпроизводстве Приморья, удельный вес продовольствия и сельскохозяйственного сырья в крае в общем объеме импорта в 2011 г. составил 16,1 %. Доля мяса от всего импорта продовольствия – 33 %, или 132,2 тыс. т (в 2007 г. – 39 %), фруктов – 16 %, овощей – 11 % (в 2007 г. – 15 %)²⁹. Динамика импорта в Приморье свидетельствует о наметившихся скромных сдвигах в решении продовольственной проблемы лишь по отдельным видам продукции. Так, картофеля в 2009 г. завезли 19,2 тыс. т, в 2011 г. – уже 30,9 тыс. т; овощей в 2009 г. – 132,1 тыс. т, в 2011 г. – 155,3 тыс. т; фруктов в 2009 г. – 96,8 тыс. т, в 2011 г. – 81,6 тыс. т; риса в 2009 г. – 25,3 тыс. т, в 2010 г. – 10,7 тыс. т, в 2011 г. – 1,0 тыс. т³⁰. К сожалению, подробные сведения об импорте сельхозпродукции и продуктов питания по всем территориям региона пока не удалось установить, в нашем распоряжении такие данные имеются лишь по Хабаровскому краю.

Таблица 4

Завоз сельскохозяйственной продукции в Хабаровский край в 2009 г. (тыс. т)

Вид продукции	Из регионов РФ	Из стран дальнего зарубежья
Мясо	36 400	47 900 КНР 15 000, Канада 5 300 Нидерланды 5 100 Австралия 4 800 Дания 3 600 Франция 3 200 Бразилия 3 000 США 2 600 Монголия 2 300 Испания 2 000 Германия 1 000
Молоко и молочные продукты	218 100	19 300 Голландия 4 800 Австралия 2 500 Финляндия 2 500 Чехия 2 300 Швейцария 2 300 Новая Зеландия 2 200 Германия 1 800 Литва 900
Картофель	2 000	6 700 КНР 6 300 Голландия 400
Овощи	30 600	62 200 КНР 59 100 США 2 200

Составлено по: ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 10. Д. 1493. Л. 1–111; Оп. 14. Д. 22. Л. 1–55; Д. 501. Л. 9 об.; Д. 347. Л. 2 об.

На примере Хабаровского края четко прослеживается, что с начала 1990-х годов и до 2000 года импорт овощей и фруктов шел из Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Азербайджана, Молдовы. Потребности дальневосточников в мясной и молочной продукции закрывались за счет поставок из Украины, Белоруссии и регионов РФ. Но уже в 2009 г. ситуация меняется кардинальным образом, и импортная составляющая из стран дальнего зарубежья сравнивается или превышает завоз из регионов РФ. Данная динамика не соответствовала требованиям Доктрины продовольственной безопасности России. Отметим, что в Хабаровском и Приморском краях были приняты законы о продовольственной безопасности. Нормативные акты регионов Дальнего Востока в основном повторяли положения Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации и, за редким исключе-

²⁹ Производство и потребление основных продуктов питания... С. 16.

³⁰ Там же. С. 17.

нием, не содержали особых норм, отражающих специфику регионов. В частности, управленцам Хабаровского края удалось скорректировать показатели обеспечения населения сельскохозяйственными продуктами за счет собственной базы в сторону снижения процента собственным продовольствием по сравнению с федеральным показателем до 50 %³¹.

С присоединением России к Всемирной торговой организации в 2012 г. возникли новые вызовы для дальневосточников. Эта политическая акция стала очередной проверкой на прочность дальневосточных аграриев. Одним из условий вступления России в ВТО было сохранение объема поддержки сельскохозяйственного производства в десятки раз меньшем, чем расходы в странах Европейского союза, США, Австралии. По мнению исследователей, вступление России в ВТО привело к снижению производства сельхозпродукции и создало необходимость кардинальной корректировки российской политики поддержки сельского хозяйства³². Вхождение России в ВТО имело двоякие последствия для аграрной отрасли ДФО. С одной стороны, периферийное положение Дальнего Востока способствовало развитию торгово-экономических связей со странами Восточной Азии, но в то же время ставило руководство страны перед необходимостью защиты отечественных сельхозпроизводителей от нахлынувшего импорта зарубежной сельхозпродукции.

Зависимость от зарубежных поставок продовольствия и его высокая стоимость все-таки осознавались властью и вызывали обеспокоенность у некоторых ее представителей. В 2012 г. обеспечение жителей ДФО за счет местного производства составило по мясу – 25 %, молоку – 49 %, овощам – 63 %, картофелю – 100 %³³. Несмотря на положительные ожидания управленцев, сельскохозяйственные потребительские кооперативы и фермерские хозяйства Дальневосточного региона производили не более 15 % от общего объема продукции. В 2011 г. доля ДФО в объеме производства продукции сельского хозяйства России составила 3,4 %. Процент завоза мяса на Дальний Восток увеличился до 64 % в 2010 г. против 40 % в 1991 г.³⁴

Заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ С.Ю. Орлова обратила внимание на проблему самообеспечения на Дальнем Востоке: «Нам надо вообще ставить задачу производить сою, зерновые, фрукты и овощи. В г. Партизанске Приморского края даже абрикосы растут, что же мы везем через всю страну сюда, а потом делаем северный завоз. Лучше здесь все это производить, из Хабаровска же проще завезти в Якутию или из Приморья завезти на Север»³⁵.

Одновременное снижение государственной поддержки, открытие рынков и отказ от экспортных субсидий имели отрицательные последствия для дальневосточных аграриев, что выразилось в динамике завоза сельскохозяйственной продукции в целом в ДФО (табл. 5).

Статистические данные свидетельствуют, что завоз продукции на территорию ДФО возрастал. Это было обусловлено смягчением мер по регулированию ввоза продукции из-за рубежа в связи со вступлением России в ВТО, затянувшейся адаптацией агропроизводственных объединений нового и старого формата к пореформенным реалиям, меняющимся курсом государственной власти в выборе поддержки то малых, то крупных хозяйств, ограниченным количеством крупных сельскохозяйственных предприятий и недостаточным производственным потенциалом мелкого сектора. За два года (2015–2017 гг.) в 1,5–2 раза увеличился завоз зерновых в ведущие сельскохозяйственные регионы ДФО. Сохранялся импорт

³¹ Распоряжение Правительства Хабаровского края от 22.04.2014 № 253-рп «Об утверждении Концепции продовольственной безопасности Хабаровского края на период до 2020 года»; Концепция продовольственной безопасности Хабаровского края на период до 2020 года от 22 апреля 2014 г. № 253-рп.

³² Буздалов И.Н., Петриков А.В., Узун В.Я. Аграрные доктрины двадцатого столетия: уроки на будущее // *Никоновские чтения*. М., 1998. С. 31.

³³ Ишаев В.И. Посткризисная модель развития Дальневосточного федерального округа России // *Экономика и управление*. 2012. № 7. С. 3–11.

³⁴ ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 4002. Л. 12; Д. 3991. Л. 69; Ф. Р-353. Оп. 14. Д. 308. Л. 17; Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 156. Л. 9.

³⁵ Стенограмма межрегиональной конференции региональных отделений Всероссийской политической партии «Единая Россия» Дальневосточного федерального округа «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока до 2020 г. Программа на 2010–2020 гг.». 5 декабря 2010 г. Хабаровск, 2010. С. 64.

картофеля, несмотря на производственные успехи хозяйств населения. Нельзя не отметить, что завоз сельхозпродукции в северные районы ДФО был меньше, чем в южные.

Таблица 5

Ввоз сельскохозяйственной продукции в Дальневосточный федеральный округ, включая импорт, в 1996–2017 гг. (тыс. т)*

Регион	1996	2000	2005	2010	2015	2017
<i>Зерно</i>						
ДФО	–	–	–	–	159,6	284,7
Республика Саха (Якутия)	–	–	–	–	12,6	35,3
Камчатский край	–	–	–	–	30,5	32,3
Приморский край	–	–	–	–	24,9	50,2
Хабаровский край	–	–	–	–	76,3	112,7
Амурская область	–	–	–	–	0,7	41,1
Магаданская область	–	–	–	–	1,2	2,4
Сахалинская область	–	–	–	–	5,5	3
Еврейская авт. область	–	–	–	–	7,9	7,7
Чукотский авт. округ	–	–	–	–	0	0
<i>Картофель</i>						
ДФО	65,7	70,2	102,1	90,8	125,3	169,5
Республика Саха (Якутия)	50,7	42,9	43,8	47,8	51,7	38,6
Камчатский край	0,1	0,1	0,1	2,1	4,3	3,7
Приморский край	5,4	4,3	36,7	16,3	39,1	54,7
Хабаровский край	2,8	1,0	7,1	5,4	13,3	42,8
Амурская область	2,4	0,3	5,3	4,3	3,0	16,7
Магаданская область	3,7	8,7	3,6	1,0	4,7	3,3
Сахалинская область	0	7,6	3,4	10,7	5,1	4,1
Еврейская авт. область	0,6	0,1	0,1	0,7	1,9	3,1
Чукотский авт. округ	0	5,2	2,1	2,5	2,2	2,5
<i>Молоко</i>						
ДФО	–	476,2	614,5	716,2	755,8	827,6
Республика Саха (Якутия)	–	113,5	107,5	105,5	117,5	116,2
Камчатский край	–	32,3	31,3	39,5	36,0	28,1
Приморский край	–	57,4	120,	194,2	205,6	217,1
Хабаровский край	–	179,0	211,6	235,7	233,8	241,4
Амурская область	–	2,5	29,7	20,4	53,2	122,3
Магаданская область	–	29,0	29,3	30,3	31,2	31,0
Сахалинская область	–	56,4	73,1	73,8	44,9	39
Еврейская авт. область	–	4,1	9	13,1	28,5	27,2
Чукотский авт. округ	–	2,3	3,1	3,7	5,1	5,3

Окончание табл. 5

Регион	1996	2000	2005	2010	2015	2017
<i>Мясо</i>						
ДФО	–	235,9	299,5	367,9	413,7	425,5
Республика Саха (Якутия)	–	47,2	54,7	60,0	61,5	64,7
Камчатский край	–	13,9	17,2	20,9	19,0	18,4
Приморский край	–	66,6	77,6	121,0	166,8	167,8
Хабаровский край	–	55,4	74,9	84,2	82,7	91,6
Амурская область	–	14,0	19,6	20,5	24,3	24,2
Магаданская область	–	9	10,9	11,2	10,7	11,3
Сахалинская область	–	26,3	36,7	41,2	39,9	38,8
Еврейская авт. область	–	2,4	5,4	7,1	7,5	7,3
Чукотский авт. округ	–	1,1	2,5	1,8	1,3	1,4
<i>Овощи</i>						
ДФО	92,9	213	390,5	354,4	319,1	401,5
Республика Саха (Якутия)	28,9	27,8	44,2	42,5	43,5	42,9
Камчатский край	11,2	7,5	20,6	20,7	22,8	24,2
Приморский край	10,7	101,5	150,0	83,4	56,2	87,6
Хабаровский край	3,7	44,4	102,9	119	110,4	127,5
Амурская область	15,1	12,8	47,4	53,0	42,1	65,3
Магаданская область	9,7	9,7	8,8	8,8	7,8	8,1
Сахалинская область	12,0	5,6	9	20,3	20,7	20,7
Еврейская авт. область	1,7	3,7	6,9	6,2	14,4	23,7
Чукотский авт. округ	0	0	0,7	0,5	1,2	1,5

Составлено по: ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/34469> (дата обращения: 28.04.2026).

* Данные за 1996 год по молоку, мясу и за 1996–2010 гг. по зерну отсутствуют в ЕМИСС.

Даже при росте производства зерновых и бобовых в Амурской области и Приморском крае в 2015–2017 гг. наблюдалась тенденция роста импорта. В 2017 г. в ДФО по сравнению с 2000 г. повысился завоз картофеля, овощей – в 1,9 раза, молока – в 1,7 раза, мяса – в 1,8 раза.

Анализ данных табл. 5 и показателей, обозначенных в Доктрине продовольственной безопасности, показывает, что доля импорта зерна в ДФО к 2017 г. составляла 27 % и в 2010 г. превышала пороговое значение доли импорта в 5 раз. Импорт картофеля в ДФО к 2017 г. составил 12,4 % (превышал пороговое значение в 2 раза), хотя в 1996 г. импорт картофеля составлял 3,8 %. Завоз молока в 2017 г. составил 60 % и превышал допустимую норму в 6 раз. Импорт мяса в 2017 г. на территорию ДФО составил 68 % и превышал пороговое значение в 4 раза. Таким образом, четко прослеживается ситуация, что принятие Доктрины практически не изменило риски в сфере продовольственной безопасности на Дальнем Востоке.

Некоторые положительные сдвиги в достижении порогового уровня продовольственной независимости начали постепенно происходить лишь с 2014 г. По данным И.В. Жуплей, коэффициент достижения порогового уровня продовольственной независимости к 2014 г. по Дальнему Востоку представлял следующую картину (табл. 6).

Таблица 6

Коэффициент достижения порогового уровня продовольственной независимости по России и Дальнему Востоку в 2014 г.

	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Картофель	Овощи	Фрукты
Российская Федерация	0,96	0,88	1,66	1,0	0,57
Дальний Восток	0,41	0,61	1,0	0,82	0,17

Составлено по: Жуплей И.В. Оценка структурных изменений в агропроизводстве Дальнего Востока России в условиях импортозамещения [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. 2020. № 6. URL: <https://esj.-today/PDF/75ECVN620.pdf> (дата обращения: 16.04.2026).

Если судить по материалам таблицы, по мясу Дальний Восток достиг лишь 41 % от порогового значения, по молоку – 61 %. Критериальные величины уровня самообеспечения достигались по-прежнему только для картофеля. Показатели по мясу и молоку хотя и несколько увеличились, но все же оставались низкими. Проведенный анализ позволил выявить наиболее устойчивые риски продовольственной безопасности на Дальнем Востоке России (рисунок).

Критическая зависимость от импорта	В 2000-е годы доля импортного продовольствия в ряде городов Дальнего Востока достигала 60-80%
Деградация сельского хозяйства	- Инвестиционный голод с 15,4 до 1,7% - Сокращение производства
Логистические барьеры	Цена на северных территориях выше на 1,5-3 раза, чем в среднем по стране
Социальные риски	Дешевые и не всегда качественные продукты из Китая
Диспропорция рациона	Из-за дороговизны мяса, молока и свежих овощей в рационе жителей преобладали углеводы (хлеб, картофель), что не соответствовало нормам здорового питания

Ключевые риски и проблемы продовольственной безопасности Дальнего Востока

Модернизация агропромышленного комплекса к 2010 г. создавала предпосылки для того, чтобы контролировать определенную группу рисков (расширение торговой сети для малых форм хозяйствования, возможность выхода с продукцией на рынки наравне с китайской). Предоставление инвестиционных льгот и разработка мер поддержки для сельхозпроизводителей на Дальнем Востоке сдерживали деградацию сельского хозяйства. Однако риск критической зависимости от импорта продовольствия дальневосточного населения оставался неизменным и впредь.

Заключение. Последствия аграрной реформы 1990-х годов и развитие сельскохозяйственного производства в пореформенный период составляют историческую совокупность предпосылок возникновения кризисной ситуации в сфере продовольственной самообеспеченности в Дальневосточном регионе. Общие итоги развития заставили федеральную власть в 2000-е годы скорректировать цель аграрной политики. Если в 1990-е годы реформаторы поставили политическую цель – разрушить совхозно-колхозную систему и создать новые рыночные формы организации в сельском хозяйстве, то в 2000-е годы российская власть признала социальные и экономические проблемы итогов реформ, обратив особое внимание на фактор обеспечения продовольственной безопасности с учетом ситуации в разных регионах страны, в том числе и на Дальнем Востоке.

Важным историческим уроком является то, что переход от одной модели сельскохозяйственной экономики к другой ведет к возникновению новых рисков. На Дальнем Востоке наглядно проявились такие риски, как критическая зависимость от импорта. В 2000-е годы доля импортного продовольствия в ряде городов Дальнего Востока достигала 60–80 %. Произошла деградация сельского хозяйства. Наблюдался так называемый «инвестиционный голод». К числу рисков надо отнести сложившиеся логистические барьеры, что сказывалось на ценах, особенно на северных территориях. В ДФО существовали социальные риски, которые были часто связаны с некачественной сельскохозяйственной продукцией из КНР. Из-за дороговизны мяса, молока и свежих овощей в рационе жителей преобладали углеводы (хлеб, картофель), что не соответствовало нормам здорового питания. Проблема продовольственной безопасности была связана и с влиянием структурных изменений в формах собственности в сфере сельского хозяйства Дальнего Востока Российской Федерации, в частности с понижением вклада хозяйств населения в общий объем сельхозпродукции, с невысокой степенью участия фермерства в производстве общего продовольственного фонда. К 2020 г. население региона осталось критически зависимым от внешних поставок продовольствия.

Литература

Буздалов И.Н., Петриков А.В., Узун В.Я. Аграрные доктрины двадцатого столетия: уроки на будущее // Никоновские чтения: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (ВИАПИИ им. Никонова, 1–2 октября 1998 г.). М., 1998. С. 30–41.

Жуплей И.В. Эффективное развитие региональной аграрной структуры в контексте решения проблемы продовольственной безопасности России // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3 (119). С. 175–180.

Жуплей И.В. Оценка структурных изменений в агропроизводстве Дальнего Востока России в условиях импортозамещения [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12, № 6 URL: <https://esj.today/PDF/75ECVN620.pdf> (дата обращения: 16.04.2026).

Историческая динамика социальных рисков и угроз на дальневосточной периферии России в 1991–2020 гг. / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2022. 452 с.

Историческая хроника Магаданской области. 1991–2000. События и факты / И.Д. Бацаев, А.И. Лебединцев. Магадан: Охотник, 2015. 282 с.

Ишаев В.И. Посткризисная модель развития Дальневосточного федерального округа России // Экономика и управление. 2012. № 7. С. 3–11.

Каймакова Я.С., Донскова О.А. Продовольственная безопасность региона и условия ее обеспечения в период внешних вызовов // Всероссийские молодежные научные чтения им. профессора Н.Н. Протопопова: сб. мат-лов. Новосибирск, 2023. С. 55–58.

Ключиков З.И. Влияние внешних факторов на развитие экспортного производства Дальнего Востока // Проблемы и перспективы развития экспортного производства Дальнего Востока: сб. науч. тр. Владивосток: ИЭИ ДВНЦ АН СССР, 1985. С. 19–29.

Кужина Н.И. Государственная аграрная политика в России и ее реализация на юге Дальнего Востока (1991–2010 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2025. 373 с.

Латкин А.П., Жуплей И.В. Структурная политика развития потенциала продовольственной безопасности российского Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ВВГУ, 2023. 164 с.

Санникова Я.М. Традиционное хозяйство коренных народов Севера и аграрная реформа 1990-х гг. в Якутии // Реформы конца XX – начала XXI в. На постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. С. 140–147.

Якутия: хроника, факты, события / сост. А.А. Калашников. Якутск, 2000. 432 с.

Яхиев А.М. Советско-вьетнамское сотрудничество как один из факторов решения продовольственной программы на Дальнем Востоке // Проблемы и перспективы развития экспортного производства Дальнего Востока: сб. науч. тр. Владивосток: ИЭИ ДВНЦ АН СССР, 1985. С. 71–79.

References

- Batsaev, I.D., Lebedintsev, A.I. (Eds.). (2015). *Istoricheskaya khronika Magadanskoj oblasti. 1991–2000. Sobytiya i fakty* [Historical Chronicle of the Magadan Region. 1991–2000. Events and Facts]. Magadan, Okhotnik. 282 p.
- Buzdalov, I.N., Petrikov, A.V., Uzun, V.Ya. (1998). Agrarnye doktriny dvadtsatogo stoletiya: uroki na budushchee [Agrarian Doctrines of the Twentieth Century: Lessons for the Future]. In *Nikonovskie chteniya: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, pp. 30–41.
- Ishaev, V.I. (2012). Postkrizisnaya model' razvitiya Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga Rossii [Post-Crisis Development Model for the Far Eastern Federal District of Russia]. In *Ekonomika i upravlenie*. No. 7, pp. 3–11.
- Kalashnikov, A.A. (2000). *Yakutiya: khronika, fakty, sobytiya* [Yakutia: Chronicle, Facts, Events]. Yakutsk. 432 p.
- Kaymakova, Ya.S., Donskova, O.A. (2023). Prodovol'stvennaya bezopasnost' regiona i usloviya ee obespecheniya v period vneshnikh vyzovov [Food Security in the Region and Conditions for Ensuring it during External Challenges]. In *Vserossiyskie molodezhnye nauchnye chteniya imeni professora N.N. Protopopova: sbornik materialov*. Novosibirsk, pp. 55–58.
- Klyuchikov, Z.I. (1985). Vliyanie vneshnikh faktorov na razvitie eksportnogo proizvodstva Dal'nego Vostoka [The Influence of External Factors on the Development of Export Production in the Far East]. In *Problemy i perspektivy razvitiya eksportnogo proizvodstva Dal'nego Vostoka. sbornik nauchnykh trudov*. Vladivostok, IEI DVNC AN SSSR, pp. 19–29.
- Kuzhina, N.I. (2025). *Gosudarstvennaya agrarnaya politika v Rossii i ee realizatsiya na yuge Dal'nego Vostoka (1991–2010 gg.)* [State Agricultural Policy in Russia and Its Implementation in the South of the Far East (1991–2010)], Cand. hist. sci. diss. Vladivostok. 373 p.
- Larin, V.L., Vashchuk, A.S. (Eds.). (2022). *Istoricheskaya dinamika sotsial'nykh riskov i ugroz na dal'nevostochnoy periferii Rossii v 1991–2020 gg.* [Historical Dynamics of Social Risks and Threats on the Far Eastern Periphery of Russia in 1991–2020]. Vladivostok, IIAE DVO RAN. 452 p.
- Latkin, A.P., Zhupley, I.V. (2023). *Strukturnaya politika razvitiya potentsiala prodovol'stvennoy bezopasnosti rossiyskogo Dal'nego Vostoka* [Structural Policy for Developing the Food Security Potential of the Russian Far East]. Vladivostok, Izdatel'stvo VVGU. 164 p.
- Sannikova, Ya.M. (2020). Traditsionnoe khozyaystvo korennykh narodov Severa i agrarnaya reforma 1990-kh gg. v Yakutii [Traditional Economy of Indigenous Peoples of the North and Agrarian Reform of the 1990s in Yakutia]. In *Reformy kontsa XX – nachala XXI v. na postsovetском prostranstve: regional'nyy aspekt: sbornik nauchnykh statey*. Vladivostok, IIAE DVO RAN, pp. 140–147.
- Yakhiev, A.M. (1985). Sovetsko-v'etnamskoe sotrudnichestvo kak odin iz faktorov resheniya prodovol'stvennoy programmy na Dal'nem Vostoke [Soviet-Vietnamese Cooperation as one of the Factors in Solving the Food Program in the Far East]. In *Problemy i perspektivy razvitiya eksportnogo proizvodstva Dal'nego Vostoka: sbornik nauchnykh trudov*. Vladivostok, IEI DVNC AN SSSR, pp. 71–79.
- Zhupley, I.V. (2013). Effektivnoe razvitie regional'noy agrarnoy struktury v kontekste resheniya problemy prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii [Effective Development of the Regional Agricultural Structure in the Context of Solving the Problem of Food Security in Russia]. In *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 3 (119), pp. 175–180.
- Zhupley, I.V. (2020). Otsenka strukturnykh izmeneniy v agroproizvodstve Dal'nego Vostoka Rossii v usloviyakh importozameshcheniya [Assessment of Structural Changes in Agricultural Production in the Russian Far East in the Context of Import Substitution]. In *Vestnik Evraziyskoy nauki*. Vol. 12, No. 6. Available at: URL: <https://esj.today/PDF/75ECVN620.pdf> (date of access 16.04.2026).

Г.У. Орынбаева*

**МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**doi:10.31518/2618-9100-2026-4-20
УДК*Выходные данные для цитирования:**Орынбаева Г.У. Механизмы обеспечения продовольственной безопасности в казахском обществе конца XIX – начала XX века // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 300–310. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-20.pdf>*

G.U. Orynbaeva*

**MECHANISMS FOR ENSURING
FOOD SECURITY IN KAZAKH SOCIETY
IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-20

*How to cite:**Orynbaeva G.U. Mechanisms for Ensuring Food Security in Kazakh Society in the Late 19th and Early 20th Centuries // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 300–310. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-20.pdf>]*

Abstract. Food security issues played an important role in the life of traditional Kazakh society. Faced with harsh natural conditions – the arid climate of the dry steppes and semi-deserts – the Kazakhs developed their own mechanisms and strategies to maintain food stability and overcome food crises. Food stability was maintained by adhering to time-tested methods of increasing livestock numbers and boosting crop yields in areas suitable for agriculture. The nomads' food strategy focused on preserving livestock and steadily increasing its numbers, as well as improving the animals' condition and milk yield. Ensuring food security during the cold season was a top priority. Livestock breeders preserved meat by freezing, drying, and smoking it, as well as by making sausages (smoked and dried). Dairy products were preserved for the winter in the form of butter and dried varieties of cottage cheese, both salted and sweet. The Kazakhs had social mechanisms for maintaining community stability by providing livestock and food to less affluent members of the community, organizing feasts, offering hospitality, and providing assistance. Community members who lost their livestock ceased long-distance nomadic travel, adopted a semi-sedentary lifestyle, expanded their crop cultivation, or switched entirely to agriculture. In addition, the Kazakhs made up for food shortages through trade and supplementary livelihoods such as hunting, fishing, and wage labor. During the period under study, the development of market relations and the state policy of the Russian Empire led to an intensification of settlement processes among the Kazakhs, as well as the spread of seasonal migration and wage labor, which also became a new phenomenon in the life of traditional Kazakh society.

Keywords: Kazakhs, food security, nomadic cattle breeding, meal, preparation of products, sauna, hospitality, agriculture.

The article has been received by the editor on 01.05.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Вопросы обеспечения продовольственной безопасности играли важную роль в жизни традиционного казахского общества. Находясь в зависимости от суровых природных условий, засушливого климата сухих степей и полупустынь, казахи выработали собственные механизмы и стратегии сохранения продовольственной

* **Гульмира Усенбаевна Орынбаева**, кандидат исторических наук, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: orinbaevag@mail.ru

Gulmira Usenbaevna Orynbaeva, Candidate of Historical Sciences, Valikhanov Institute of the History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: orinbaevag@mail.ru

стабильности и выхода из продовольственного кризиса. Продовольственная стабильность сохранялась путем соблюдения веками опробованных методов приумножения скота и увеличения урожая сельскохозяйственных культур в районах, пригодных для земледелия. Продовольственная стратегия кочевников была направлена на сохранность скота и постоянное увеличение его количества, на повышение его упитанности и удойности. Большое место занимала забота о продуктовой безопасности в холодное время года. Скотоводы заготавливали мясо путем его замораживания, вяления и копчения, изготовления колбас (копченых и вяленых). Молочные продукты на зиму сохранялись в виде сливочного масла, сушеных соленых и сладких разновидностей творога. У казахов существовали социальные механизмы сохранения стабильности общины путем наделения скотом и обеспечения пищей малоимущих членов общины, организации угощений, гостеприимства, оказания помощи. Потерявшие скот члены общины прекращали кочевание на дальнее расстояние, переходили на полуседлый образ жизни, увеличивали посевы или полностью переходили на занятие земледелием. Кроме того, недостаток в продовольствии казахи восполняли за счет торгового обмена, подсобных промыслов: охоты, рыболовства, работы по найму. В исследуемый период развитие рыночных отношений и государственная политика Российской империи приводят к усилению среди казахов процессов оседания, распространению отходничества и работы по найму, что также стало новым явлением в жизни казахского традиционного общества.

Ключевые слова: казахи, продовольственная безопасность, кочевое скотоводство, пища, заготовка продуктов, саун, угощения, земледелие.

Статья поступила в редакцию 01.05.2026 г.

Известный немецкий историк Ю. Остерхаммель заметил: «Жизнь кочевников более рискованна, чем жизнь земледельцев, и это формирует их мировоззрение. Стада могут размножаться с экспоненциальной скоростью и быстро приносить богатство, но они и более биологически хрупки, чем земледелие»¹. Хрупкость скотоводческого хозяйства выражалась в практически тотальной его зависимости от внешних условий, регулярно повторяющихся природных и социальных бедствий, приводящих к продовольственным кризисам.

Существовавшее на протяжении долгих веков кочевое скотоводческое общество вырабатывало собственные социальные и экономические механизмы предохранения от опасности голода. Кроме того, в конце XIX – начале XX в., в эпоху социально-экономических трансформаций, имели место новые стратегии адаптации индивидов к ситуациям, когда их продовольственное обеспечение оказывалось под угрозой. Настоящая статья посвящена этим хозяйственным и социокультурным традициям и институциональным основам казахского общества, которые можно охарактеризовать как механизмы обеспечения продовольственной безопасности в казахском традиционном обществе.

Механизмы продовольственной безопасности, сложившиеся в казахском обществе конца XIX – начала XX в., частично отображены во многих трудах его исследователей. Однако в посвященных функционированию казахского кочевого общества в целом, его экономике, социальной структуре и культуре трудах данная тема фактически находилась на периферии. Попытаемся рассмотреть имеющийся опубликованный материал с точки зрения функционирования механизмов продовольственной безопасности и ответить на вопрос, какими усилиями скотоводческий в своем большинстве народ преодолевал продовольственные кризисы, стремился избежать голода, который регулярно преследовал народы аграрной эпохи.

¹ Остерхаммель Ю. Преображение мира. История XIX столетия. М., 2024. Т. II: Формы господства. С. 75–76.

Скот у кочевых казахов был основой и гарантом продуктовой безопасности, главным источником благосостояния. Этнограф Х. Аргынбаев отмечал, что даже при приветствии казахи спрашивались о состоянии друг друга словами: «Мал-жан аман ба?» (Благополучны ли скот и домочадцы?), причем слово «мал» (скот) ставили на первое место². Исследователь экономики кочевого общества С.Е. Толыбеков писал, что казахи «воевали не на жизнь, а на смерть с природной стихией, с морозами и снежными буранами за сохранение своего источника существования, единственного богатства – скота»³.

Казахи разводили овец, коз, лошадей, верблюдов и крупный рогатый скот и использовали мясо и молоко всех животных. При этом это были неприхотливые к степным условиям породы, выведенные кочевниками в результате многовековой селекции. Хотя показателем престижа было коневодство, все же наибольшее значение в хозяйстве казахов среднего и малого достатка принадлежало овцам. Причину этого описал знаток степного скотоводства Муса Чорманов: «От них получают шерсть, мерлушки, овчины, мясо, молоко и прочее... Кроме указанной выше пользы, овца имеет и то еще важное достоинство, что она на годовом возрасте делается маткою; она приносит нередко двойни. Баран идет на пищу богатому и бедному. Наконец, овцы вымениваются киргизами (эндоэтноним казахов до 1925 г. – Г. О.) на разные русские товары»⁴.

Хозяйственный цикл у скотоводов состоял из четырех сезонов: весеннего, летнего, осеннего и зимнего.

Весной наиболее ответственным событием было получение приплода: от этого процесса напрямую зависело количественное приращение стада. Кроме того, начался период доения маток и приготовления молочных продуктов, которые в рационе казахов, в особенности небогатой части, имели первостепенное значение. У казахов существовала поговорка «ағы бардың бағы бар»⁵ – «у кого есть молоко, у того есть и счастье».

Малоскотные хозяева использовали различные способы увеличения удоя молока. Доили скот с учетом возрастных особенностей, стараясь не причинить ущерба нормальному развитию лактации. Например, ягнят пасли отдельно от остального поголовья. Но во время выдойки привязанные ягнята должны были находиться в поле зрения маток для выработки у них молока. На ночь молодняк отделяли от взрослого стада и загоняли в специальную разборную переносную ограду, чтобы накопить побольше молока у дойных маток за ночь. Крупные же скотоводы, не имевшие особой нужды в молоке, могли оставлять на ночь ягнят вместе с матками⁶.

Л.Ф. Костенко так описывал процесс доения у казахов кобыл: «Три раза в сутки пригоняют кобыл к юртам доить, а перед началом этой операции подпускают минуты на две жеребенка к матери, но в это время киргиз зорко следит, чтобы жеребенок не отбил его несколько лишних чашек молока. <...> Как только жеребенок в состоянии щипать траву, его начинают подпускать к матери на несколько мгновений только для того, чтобы кобыла не переставала давать молоко...»⁷. Для того чтобы получать от кобыл молоко всю зиму, их оставляли нетельными и содержали возле зимовья. Пасшие их табунщики тоже употребляли в пищу молоко яловых кобыл⁸.

У бедных и средних слоев, имевших оседлый или полuosедлый образ жизни, больше всего ценилась корова – кормилица крестьянства всех народов. Во второй половине XIX в. крупный рогатый скот стал приобретать большее значение в хозяйстве казахов, что было

² Аргынбаев Х. Избранные труды в трех томах. Алматы, 2024. Т. 1. С. 56.

³ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Алма-Ата, 1971. С. 221.

⁴ Чорманов М. Заметка о киргизах Павлодарского уезда // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. XXXII. Омск, 1906. С. 18.

⁵ Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Алматы, 2017. Т. 1. С. 140.

⁶ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 546.

⁷ Костенко Л.Ф. Туркестанский край: опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа: материалы для географии и статистики России. СПб., 1880. С. 111.

⁸ Аргынбаев Х. Избранные труды... С. 199.

связано с сокращением перекочетов. Коровы разводились и богатыми казахами, главным образом для получения молочных продуктов⁹.

Следующий сезон летней пастбы на жайлау (летнее пастбище) являлся для казахов также весьма важным моментом в их производстве. Ибо судьба скота и его хозяев зимой во многом зависела от того, насколько скот насытился и нажировался летом. Если к осени он не успевал достаточно окрепнуть и зажиреть, то ему грозила гибель в зимнюю стужу. Самой главной задачей поэтому становилось найти богатые травостоем и водными ресурсами пастбища, не ограничиваясь никакими расстояниями. Также могли вступать в договоренность с другими родовыми общинами, которые за плату скотом либо за угощение уступали часть своих пастбищных угодий¹⁰.

Осенью решался важный вопрос о приросте поголовья, необходимо было качественно провести случную кампанию. Если весной каждый хозяин ожидал существенного поступления молодняка, то осенью этот процесс запускался.

Для регулирования случки в целях предупреждения слишком раннего окота казахи до ноября месяца подвязывали баранам-производителям войлочные фартуки-предохранители «куйек». Случную кампанию начинали в среду, четверг или пятницу, которые считались у казахов благоприятными, раздавали по этому случаю сладости, устраивали специальное угощение. Как свидетельствовал этнограф казахской жизни А.И. Добросмыслов: «Перед случкой, то есть как только с самцов снимут куйек, киргиз-хозяин садится верхом на барана, высыпает ему в рот немного проса и читает молитву, прося Бога, чтобы он благословил счастливое и благополучное размножение овец в таком же изобилии, как родится просо в урожайные годы»¹¹.

Скотоводы специально подгадывали рождение молодняка овец, как и другого скота, в весенние месяцы. И это было обусловлено не всегда только удобствами в хозяйственном отношении, но иногда и социальными причинами. Бедная часть населения стремилась получить молодняк ранней весной либо даже иногда и в феврале, чтобы поскорее обеспечить себя молочной пищей¹².

В рационе казахов-кочевников в указанный период преобладала молочная, мясная и злаковая пища.

Степень употребления мяса характеризовала социальное положение казаха: в пище богатых оно было обычным ежедневно употребляемым продуктом, у бедняка же появлялось лишь по праздникам, по случаю приезда гостей, в зимнее время при заготовке мяса¹³. Основным же повседневным видом питания у основной части населения являлись разнообразные молочные продукты, супы, каши, десерты из обжаренной просяной крупы и хлебные изделия, например баурсаки – жаренные на сале кусочки кислого теста¹⁴.

В весенне-летний сезон основным источником питания населения становились молочные продукты. Кочевники употребляли в пищу молоко всех разводимых животных, но чаще всего овец¹⁵. Из молока изготавливали большое количество разновидностей молочных продуктов: кисломолочных, концентрированных, сливок, творогов, сыров, масла и т.д.

Как у многих народов, у казахов имел место культ скота и молока. Казахи, как и другие скотоводы, например монголы, считали, что нельзя проливать или ронять на землю молоко, кумыс и творог, «потому что эти три вещи есть счастье»; сделав это нечаянно, казахи смачивали палец в пролитом молоке и вытирали о лоб¹⁶. Существовало также и множество

⁹ Аргынбаев Х. Избранные труды... С. 54–56.

¹⁰ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 402, 555.

¹¹ Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895. С. 47.

¹² Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Алматы, 2011. С. 336.

¹³ Казахи. Алматы, 1995. С. 165.

¹⁴ Аргынбаев Х. Избранные труды... С. 106.

¹⁵ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 549.

¹⁶ Там же. С. 195.

других поверий, связанных со страхом голода¹⁷. Так же как у многих народов, нравственной нормой считалось доесть, не выбрасывать хлеб, не ронять на землю рис и т.д. Несоблюдение этих правил в их представлении грозило бедностью и наступлением голодных времен. Например, подобные требования до сих пор имеют место в семейном быте у народов бывшего СССР.

Большое значение со второй половины XIX в. приобрели продукты из злаковых культур, что историки обычно связывают с культурным влиянием России. Кроме традиционного для казахской пищевой культуры проса, казахи стали употреблять все больше хлеба, каш и супов из пшеницы или ячменя¹⁸.

Казахи заготавливали на зиму молочные продукты, мясо, сало, зерно и муку. Еще с весны, в разгар лактационного периода у скота, каждая хозяйка старалась оставить впрок на зиму курт, сливочное масло, разные виды творогов «иримшик».

Во время установления постоянных холодов, в ноябре или декабре – в зависимости от региона проживания, казахи принимались за массовый забой скота на «согым» (зимний запас мяса). По свидетельству Л.Ф. Костенко, при заготовке мяса южные казахи рассчитывали по ¼ или ½ овцы в неделю на каждого. Причем, как утверждает автор, количество заготовленного мяса определялось числом одних лишь мужчин¹⁹. Крупный скотовладелец из Павлодарского уезда Акмолинской области М. Чорманов писал, что богатые и среднесостоятельные люди забойку скота производят по числу душ и с расчетом на гостей²⁰. При этом казахи, как и другие кочевые народы, не забивали на мясо здоровое маточное поголовье и самцов-производителей. Баи отдавали беднякам на забой старый и тощий скот, который не смог бы пережить зиму²¹.

В пищу употребляли практически все части забитого животного: мясо, ливер, требуху, голову и конечности. Казахи для зимнего запаса заготавливали частью свежее мясо, которое замораживали, частью засаливали, вялили и коптили, также изготавливали колбасы, которые тоже хранили в мерзлом, вяленом или копченном виде²². Мясо согыма старались дотянуть до весны, когда с началом доения начинался переход, как говорили казахи, «с красного на белое», т.е. от мясной пищи к молочной²³.

Мясные, молочные и зерновые продукты хранили в специальном хозяйственном строении «тошала» (или «шошала»), которое зимой использовалось как холодный чулан. Заготовленные продукты содержали в специальных тарах: вяленое и копченое мясо в деревянных ящиках кебеже или мешках из армячины; масло – в обработанных особым образом бараньих желудках и толстых кишках, которые тоже помещали в кебеже; муку, курт и иримшик – в мешках из армячины; зерно – в войлочных мешках²⁴.

Полуоседлые и полукочевые казахи также зерно засыпали в большие ямы с узким горлом (ура). Ямы охранялись сторожами, получавшими один пуд зерна с каждого объекта. Оседлые или полуоседлые земледельцы хранили пшеницу в закромах (камбар)²⁵.

В зимний период основную опасность для продовольственной защищенности кочевников представляли джуты (каз. жұт – бескормица, бедствие; массовая гибель скота из-за обледенения пастбищ). Такие бедствия нередко охватывали огромные регионы, имели место и локальные джуты. Народный опыт гласил, что большие джуты повторяются через каждые 10–12 лет и чаще всего бывают в Год Зайца по восточному двенадцатилетнему календарю, тогда как малые джуты повторяются каждые 3–4 года. В результате джутов погибали тысячи голов скота, что пагубно сказывалось на экономическом положении кочевого населения.

¹⁷ Казахи... С. 171–172; Диваев А.А. Этнографическое жизнеописание казахов (Ташкент, 1921 г.) // Байтанаев Б.А. А.А. Диваев – очерк жизни и деятельности. Шымкент; Алматы, 2004. С. 231.

¹⁸ Аргынбаев Х. Избранные труды... С. 110–111.

¹⁹ Костенко Л.Ф. Туркестанский край... С. 92.

²⁰ Чорманов М. Заметка о киргизах Павлодарского уезда... С. 25.

²¹ Аргынбаев Х. Избранные труды... С. 193.

²² Там же. С. 105.

²³ Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі... Т. 5. 171-б.

²⁴ Там же. 691-б; Аргынбаев Х. Избранные труды... С. 108.

²⁵ Казахи... С. 43.

Во время сильных джуртов процент падежа скота мог достигать 50 и даже 90 %²⁶. Например, в зиму 1879–1880 г. пострадала практически вся степь от границ с Западным Китаем до р. Урал и от р. Иртыш до р. Сырдарьи²⁷. У скотоводов был наработан комплекс разнообразных мер для противодействия этой природной стихии, но все же зачастую они оказывались бессильны. В таких ситуациях казахи вынуждены были резать истощенный скот на мясо²⁸.

Во второй половине XIX в. из-за сокращения пастбищных угодий происходил процесс учащения джуртов и в целом расстройства кочевого хозяйства, который сопровождался обеднением населения. Этнолог Ж.О. Артыкбаев приводит данные: только 22 % казахов в этот период относились к категории имущих, остальные 3/5 оставались за пределами черты бедности. С.Е. Толыбеков пишет, что семья из 7 человек, имеющая 50 овец и коз, 5 верблюдов, уже не могла прожить на доходы от своего хозяйства²⁹.

У казахов был институционализирован комплекс социальных мер для поддержания нуждающихся членов общины, таких как отдача скота в сауны (временное использование), устройство многочисленных пиров и празднеств, система подарков-отдарков, законы гостеприимства и т.п. По нашему мнению, более корректным является объяснение этих явлений кочевниковедом Н.Э. Масановым: «дисперсность (рассеянное расселение. – Г. О.) во взаимодействии с кооперацией обуславливали потребность в патернализме»³⁰.

Помимо утилитарного «производственного» подхода к объяснению обычаев угощений, который преобладает в историографии, у казахов немаловажную роль играли представления о вознаграждении высшими силами (богом или аруахами – духами предков) за добрые дела: оказание помощи, угощение и т.п.

У казахов были распространены обычаи угощения во время различных празднеств (той), поминок (ас), а также связанных с хозяйственной деятельностью: ерулик, согымбасы, сыбага, гостеприимство и др.

Этнограф и антрополог А.Н. Харузин воспринял казахов как народ, «любящий общество, любящий новости и болтовню, любящий хорошо поесть, большой охотник до празднеств, будь они по случаю свадьбы или по какому другому поводу»³¹. Действительно, угощения на празднествах и поминках были хорошей возможностью для бедноты поесть вдоволь мяса, а, кроме того, унести с собой еще и сыбага – продукты, которые забирались с угощения домой. Также сыбага назывались продукты, обычно мясо, специально припасенные хозяевами для оставшихся дома домочадцев, прибывших гостей либо лиц, оказывавших помощь в обслуживании гостей³². Для малоимущих слоев такие мероприятия, устраиваемые богатыми людьми, становились возможностью разжиться мясом. Также у казахов существовало поверье, что забрать еду с богатого стола – значит обрести такой же достаток и статус. С.Е. Толыбеков для иллюстрации такого явления в жизни казахского общества приводит пословицу «Для бедняка насытиться – как будто разбогатеть» («Жарлының бір тойғаны – шала байығаны») ³³.

Крупные скотовладельцы регулярно устраивали по различным поводам щедрые угощения мясом, кумысом, чаем. Некоторые пиршества длились несколько дней и сопровождались раздачей призов, тоже обычно в виде скота, победителям в конных скачках, спортивных боях и других соревнованиях. О таких угощениях А.И. Добросмыслов сообщал: «Поминки продолжаются не менее двух дней, во время коих хозяин обязан предоставлять гостям всякое продовольствие, за исключением кумыса, который гости должны привозить с собой»³⁴.

²⁶ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов... С. 329–330.

²⁷ Герн. Вл. фон. Из записной книжки (Этнографические заметки). «Памятная книжка Семипалатинской области на 1899 год». Семипалатинск, 1898. С. 22–23.

²⁸ Аргынбаев Х. Избранные труды... С. 106.

²⁹ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 525.

³⁰ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов... С. 363, 369.

³¹ Харузин А. Киргизы Букеевской орды. М., 1889. С. 127.

³² Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі... Т. 5. С. 478.

³³ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 120.

³⁴ Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области... С. 123.

Кроме угощений по особым случаям, планируемых обычно на лето, для богатых скотоводов было в обычае и повседневное гостеприимство. По выражению В. фон Герна, степняки как будто боялись прослыть скупыми³⁵. Периодические угощения, а также система гостеприимства имели немаловажное значение для усиления влияния и авторитета крупного скотовладельца на население округи. Таким образом, богатч вербовал людей в свою свиту, которые кормились у него, помогали по хозяйству, сопровождали при выездах, что должно было демонстрировать его высокий статус³⁶.

Кочевое скотоводство обусловило существование у казахов закона гостеприимства, обязательного к исполнению согласно обычному праву. Отправляясь в путь, казахи обычно брали с собой продукты, которые можно было есть находясь в седле. Однако при долгом нахождении в степи казахи всегда могли рассчитывать получить сытную горячую пищу и ночлег в любом ауле. Обычай гостеприимства, как считал В. фон Герт, был возведен у казахов в культ. Согласно степному праву, законы гостеприимства распространялись и на врагов хозяина. Как правило, гость гарантировал в случае последующей встречи ответную услугу. То есть законы выживания в степи были поставлены выше личной вражды.

Что бы ни готовилось впервые (молозиво, кумыс, выпекание лепешек, согым), все отмечалось приглашением гостей. После окончания трапезы самый уважаемый из гостей произносил слова благословения. Казахи считали, что чем больше они угощают людей, тем больше будет урожай и изобилие³⁷. В каждодневной жизни казахи также приглашали соседей, если резали барана в жаркое время, когда мясо сберечь было невозможно, рассчитывая на ответное угощение³⁸.

В качестве примера можно привести обычай под названием ерулик – угощение членов аула, только что прибывших на кочевку по соседству. Так как в первый день прибытия на сезонную стоянку предстояло много работы по устройству быта, находившийся по соседству обжившийся аул мог проявить инициативу и организовать в качестве помощи угощение для новоселов. Организаторы угощения рассчитывали на ответную помощь при необходимости, также надеялись на благоволение высших сил в ответ на оказанные ими добрые дела и щедрость³⁹.

Во время убоя скота казахи праздновали согымбасы (наподобие праздника урожая), также обязательно устраивали угощения, так как считали, что в противном случае благополучие и достаток покинут их. Мужчин-умельцев, которые приглашались для забоя скота, и женщин, помогавших при этом и чистивших требуху, наделяли кусками мяса и могли устраивать для них отдельное угощение⁴⁰.

Среди кочевых казахов было распространено такое явление, как саун, когда на лактационный период баем или середняками нуждающиеся члены рода наделялись скотом для выдойки и сострига шерсти (каз. «сауын» – дойные животные с приплодом).

Исследователи советского времени наделяли этот обычай сугубо эксплуататорской сутью, способом классового экономического угнетения баями бедных членов общины⁴¹. В настоящее время среди ученых-номадологов преобладает точка зрения, что саун выполнял реципрокную и редистрибутивную функции (перераспределение материальных благ и взаимообмен услугами) т.е. являлся проявлением системы общественных связей типа «патрон – клиент»⁴². В то же время в условиях распространения рыночной экономики в конце XIX в. все же саун нес в себе и признаки эксплуатации⁴³. Однако в любом случае

³⁵ Герт Вл. фон. Из записной книжки... С. 2.

³⁶ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 119.

³⁷ Казахи... С. 172, 173.

³⁸ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 128.

³⁹ Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі... Т. 2. 190-б.

⁴⁰ Там же. Т. 5. 171-б.

⁴¹ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 119, 126, 529–530 и др.

⁴² Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002. С. 265–267; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов... С. 369–370.

⁴³ Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі... Т. 5. 131-б.

это была возможность для членов общины избежать нищеты и обеспечить себе продовольственную безопасность пусть даже и ценой попадания в зависимость⁴⁴.

Об этой экономической институции кочевников дореволюционные этнографы писали следующее: «Ссуда преимущественно практикуется по отношению к скоту; богатый киргиз считает своим долгом каждое лето снабдить не только неимущих родственников, но и многих знакомых необходимым скотом. Верблюды для кочевков, лошади для езды, а бараны и рогатый скот для удоя. За ссуду никакого вознаграждения не берется, а для взявшего существует только обязанность возвратить скот в целости»⁴⁵.

В саун отдавались такие дойные животные, как коровы, кобылы, овцы и козы. Овец обычно отдавали в количестве 15 голов⁴⁶. Сроки сауна были разные исходя из лактационного периода после весеннего окота: овцы и козы на два-три месяца, кобылы находились до поздней осени, а коров можно было доить и в продолжении зимы⁴⁷.

Крупные владельцы стад нуждались в многочисленных работниках, оказывали различные услуги трудившимся в их хозяйстве сородичам. Кроме выделенного в саун скота, им разрешалось доить овец байских стад. Кроме того, бай мог дарить детям бедняков молодняк: жеребенка, верблюжонка, ягнят и козлят. Бай предоставлял возможность забивать на мясо неполноценных особей. Также, участвуя в горячую пору вроде заготовки согыма, сородичи получали определенную порцию мяса. В глазах жителей аула продовольственное обеспечение со стороны бая и труд бедных членов общины в его хозяйстве рассматривались как взаимная помощь родственников⁴⁸.

Историк Ж.Б. Абылхожин приводит свидетельства очевидцев репрессий баев в конце 1920-х годов, задокументированных историко-этнографическими экспедициями уже в позднее советское время. В них говорится, что жители аулов плакали, прощаясь с баями, молились об их участии, помнили их доброту и помощь. По мнению исследователя, после ликвидации байских хозяйств советской властью кормившиеся в них обедневшие слои утратили единственный источник своего существования, что было одним из факторов массовой люмпенизации и продовольственного коллапса начала 1930-х годов⁴⁹.

У казахов также существовал обычай под названием «барымта» – угон скота, когда в ночное время совершался налет на байское либо зажиточное многолошадное хозяйство. Американская исследовательница В. Мартин в числе других причин совершенно справедливо просматривает и экономическую мотивацию барымтачей-конокрадов: «многие люди воровали лошадей, чтобы иметь конину для еды»⁵⁰. То есть, на наш взгляд, барымту также вполне обоснованно можно отнести к способам добычи скота в личное владение, а значит и пропитания.

В указанный период казахское общество уже было достаточно плотно вовлечено в рыночные отношения. Недостающую продукцию казахи получали при помощи торговли и обмена. Часть скота и продуктов скотоводства, таких как шерсть, шерстяные изделия, кожа, реализовывалась как товары в обмен на хлеб, чай, сахар, сухофрукты, конфеты и другие изделия⁵¹. Особенно много степные казахи закупали зерна и муки, для чего ездили в близлежащие русские селения и города. С.Е. Толыбеков пишет, что семья из семи человек закупала на 8 месяцев, на период с августа по апрель следующего года, 40–50 пудов муки⁵². Также под культурным влиянием русского населения казахи стали употреблять в пищу

⁴⁴ Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты. Алматы, 2022. С. 166.

⁴⁵ Харузин А. Киргизы Букеевской орды... С. 222.

⁴⁶ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 589.

⁴⁷ Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі... Т. 5. 131-б.

⁴⁸ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 530, 546, 569, 572, 607.

⁴⁹ Очерки по истории традиционной структуры казахов... С. 206, 208.

⁵⁰ Мартин В. Закон и обычай в Степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX в. Алматы, 2012. С. 174.

⁵¹ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С. 491, 555.

⁵² Там же. С. 525.

новые продукты, например мед, растительное масло и овощи, которые покупали в русских селениях⁵³.

Одной из известных среди кочевников древнейших стратегий обеспечения себя продовольствием в кризисный период был переход к оседлости и хлебопашеству. Земледелие у казахов издавна существовало и как основное в маргинальных зонах кочевого ареала, т.е. в Южном и Юго-Восточном Казахстане, и как подсобное производство у кочевников. Кочевые казахи при наличии водных ресурсов занимались возделыванием земли, засевали пашни весной и скашивали урожай по возвращении из летников. Посевы сторожили обедневшие неkochующие земледельцы-сородичи⁵⁴.

В конце XIX – начале XX в. лишившиеся скота бедняки перед опасностью реального голода вблизи водных источников, отрываясь от кочевой общины, становились земледельцами. И.В. Аничков в начале XX в. писал: «Самое главное явление, которое должно привлечь наше внимание, это обеднение киргиз вследствие частых падежей скота... Результатом этого является увеличение “игинчей” (каз. егінші – хлебопашец), т.е. киргиз (казахов. – Г. О.), которые вынуждены ликвидировать свое скотоводческое хозяйство и обратиться исключительно к земледелию»⁵⁵.

Многие из оседающих бедняков, не имея сельскохозяйственных орудий, рабочего скота и семян, вступали в договоренность с баями и зажиточными хозяевами, имевшими зимовки в местах оседания бедняков, и отдавали им от половины до 3/4 части урожая⁵⁶. В указанный период предприимчивые середняки и крупные баи, ощущая влияние рынка, тоже занимались земледелием в торговых целях. Также Российское государство предпринимало меры для оседания кочевников и привлечения их к обработке земли.

Известно, что в конце XIX – начале XX в., кроме культивируемого издревле проса, казахи в ряде регионов уже активно выращивали пшеницу, рожь, ячмень, бахчевые и огородные культуры. Пшеницу поставляли на рынок: к примеру, в 1884 г. казахи-землепашцы Жетысу (Семиречья) собрали 2 168 пудов зерна, в 1889 г. – 9 946 078 пудов, а в 1892 г. – 16 634 382 пуда⁵⁷.

В качестве вспомогательных отраслей у казахов также развивались такие виды деятельности, как охота, рыболовство, собирательство, а также промыслы, ремесла и работа по найму, которые тоже становились подспорьем для основного хозяйства и приносили некоторый доход.

Охота на зверей и птиц для большинства казахов, не являясь особым промыслом, издавна была подспорьем в хозяйстве. Для казахской элиты в течение многих веков она являлась развлечением. Но были среди обедневших людей и те, для которых охота превратилась в основное занятие⁵⁸. Например, Л. Костенко писал, что немногие беднейшие казахи занимались охотой как промыслом⁵⁹. Казахи для пропитания добывали зайцев, сайгаков, архаров, косуль, гусей, уток, фазанов, перепелов, дроф и т.д.⁶⁰ В народной памяти сохранились истории о том, что в голодные годы охотники благодаря своей добыче могли обеспечивать пропитанием все население аула⁶¹.

Во второй половине XIX в. возросло количество казахских семей, употреблявших в пищу рыбу. Рыболовство развивалось у казахов, живших на побережье Каспийского и Аральского морей, озер Балхаш, Зайсан и Маркаколь, крупных рек Сырдарья, Иртыш и др.⁶² Рыбу в пищу употребляли те, кто не имел мясной либо какой-либо другой сытной

⁵³ Аргынбаев Х. Избранные труды... С. 11–112.

⁵⁴ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов... С. 291.

⁵⁵ Аничков И. Упадок народного хозяйства в киргизских степях // Русская мысль. 1907. № 5. С. 61.

⁵⁶ Казахи... С. 43.

⁵⁷ Ауэзова Л.М. Развитие земледелия в Казахстане во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата; М., 1958. С. 418–419.

⁵⁸ Аргынбаев Х. Избранные труды... С. 71.

⁵⁹ Костенко Л.Ф. Туркестанский край... С. 99.

⁶⁰ Казахи... С. 49–54.

⁶¹ Токтабай А. Казахская борзая тазы. Алматы, 2013. С. 123.

⁶² Казахи... С. 46.

пищи, т.е. беднота. Но рыбный бульон также готовили для заболевших людей: считалось, что он обладает лечебными свойствами, придает сил⁶³. Этнограф А.А. Диваев в 1921 г. в материалах экспедиции по Восточному Приаралью, проведенной в условиях послевоенной экономической разрухи, писал, что рыба употребляется в вареном виде, приготовленном «на манер камыр-ет»⁶⁴, т.е. наподобие блюда «бесбармак», с тонко раскатанным тестом и овощами.

Каким бы большим ни было байское хозяйство, оно имело предел для вовлечения нуждающихся индивидов. Поэтому они вынуждены были находить дополнительные источники для существования, зачастую нанимаясь пастухами стад, занимаясь батрачеством. Также в рассматриваемый период широко распространилось отходничество: ежегодно до 20 тыс. казахов отправлялись в города, казачьи станицы, крестьянские селения, военные укрепления для найма на работу в качестве сельскохозяйственных и промышленных рабочих⁶⁵.

Изучение темы продовольственной безопасности у казахов-кочевников в XIX – начале XX в. показало, что выявленные стратегии продовольственной безопасности казахского традиционного общества заключались в постоянной заботе о сохранности стада и его приумножении, повышении его удойности, заготовке продуктов впрок и т.д. Кочевая община имела собственные механизмы вовлечения терпящих продовольственное бедствие людей в трудовую кооперацию и наделения их продуктами. Одним из таких институций кочевого общества было временное наделение скотом нуждающихся и организация угощений. Переход к земледельческому труду обедневших скотоводов издавна был механизмом избегания голода, а в XIX – начале XX в. к земледелию переходит довольно значительная часть населения под влиянием аграрной политики Российской империи. В этот же период проникновение рыночных отношений приводит к распространению рыболовства, торгового обмена и работы по найму, что также стало новой возможностью для бедноты решить продовольственную проблему.

Литература

Аргынбаев Х. Избранные труды в трех томах. Алматы: Радуга, 2024. Т. 1: Ранние труды по исторической этнографии казахов, этнокультурным связям, животноводству (конец 1950-х – 1-я половина 1970-х гг.) / под общ. ред. С.Е. Ажигали (гл. ред.); ред. колл.: А.Т. Абдулина (отв. ред.-сост.), Д.А. Черниенко и др. 544 с.

Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Караганда: Полиграфия, 1993. 330 с.

Ауэзова Л.М. Развитие земледелия в Казахстане во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата; М., 1958.

Диваев А.А. Этнографическое жизнеописание казахов (Ташкент, 1921 г.) // Байтанаев Б.А. А.А. Диваев – очерк жизни и деятельности. Шымкент–Алматы: Инжу-Маржан, 2004. С. 187–232.

Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. 5 томдық [Традиционная система этнографических категорий, понятий и названий у казахов. Энциклопедия в 5 томах] / Ғылыми редакторы және жоба жетекшісі Н. Әлімбаев. Алматы: Әлем Даму Интеграция, 2017.

Казахи. Историко-этнографическое исследование / ред. Т.Е. Тайжанова. Алматы: Казахстан, 1995. 352 с.

Мартин В. Закон и обычай в Степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX в. Алматы: ЦОП КазАТиСО, 2012. 282 с.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Изд. 2-е, доп. Алматы: Print-S, 2011. 740 с.

⁶³ Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Т. 1. 545-б.

⁶⁴ Диваев А.А. Этнографическое жизнеописание казахов... С. 16.

⁶⁵ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов... С. 534.

Остерхаммель Ю. Преображение мира. История XIX столетия. М.: Новое литературное обозрение, 2024. Т. II: Формы господства. 740 с.

Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты / Ж.Б. Абылхожин, Н.А. Алимбай, Л.Р. Турганбаева, Г.У. Орынбаева, А.К. Жумадил. Алматы: LEM, 2022. 455 с.

Токтабай А. Казахская борзая тазы. Алматы: Атамұра, 2013. 160 с.

Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971. 634 с.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

References

Abylhozhin, Zh.B. (2022). *Ocherki po istorii traditsionnoy struktury kazakhov v pervye sovet-skie desyatiliya: sotsial'no-ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty* [Essays on the History of the Traditional Structure of the Kazakhs in the First Soviet Decades: Socio-Economic and Socio-cultural Aspects]. Almaty, LEM. 455 p.

Alimbay, N. (Ed.). (2017). *Qazaqtyn etnografiyalyq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhujesi. Enciklopediya. 5 tomdyq* [The Traditional System of Ethnographic Categories, Concepts, and Names among the Kazakhs. Encyclopedia. In 5 vol.]. Almaty, Alem Damu Integrat-siya.

Argynbaev, Kh. (2024). *Izbrannye trudy v trekh tomakh. T. 1: Rannie trudy po istoricheskoy etnografii kazakhov, etnokul'turnym svyazym, zhivotnovodstvu (konets 1950-kh – 1-ya polovina 1970-kh gg.)* [Selected Works in Three Volumes. Vol. 1. Early Works on the Historical Ethnography of the Kazakhs, Ethnocultural Relations, and Animal Husbandry (Late 1950s – First Half of the 1970s)]. Almaty, Raduga. 544 p.

Artykbaev, Zh.O. (1993). *Kazahskoe obshchestvo v XIX veke: traditsii i innovatsii* [Kazakh Society in the 19th Century: Traditions and Innovations]. Karaganda, Poligrafiya. 330 p.

Auezova, L.M. (1958). *Razvitie zemledeliya v Kazahstane vo vtoroy polovine XIX veka* [The Development of Agriculture in Kazakhstan in the Second Half of the 19th Century]. Cand. hist. sci. diss. Alma-Ata, Moscow.

Divayev, A.A. (2004). *Etnograficheskoe zhizneopisanie kazakhov* (Tashkent, 1921 g.) [Ethnographic Description of the Kazakhs]. In A.A. Divayev – *ocherk zhizni i deyatel'nosti*. Shymkent, Almaty, Inzhu-Marzhan, pp. 187–232.

Hazanov, A.M. (2002). *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the Outside World]. Almaty, Dajk-Press. 604 p.

Martin, V. (2012). *Zakon i obychay v Step: kazakhi Srednego zhuza i rossiyskiy kolonializm v XIX v.* [Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Zhuz and Russian Colonialism in the 19th Century]. Almaty, COP KazATiSO. 282 p.

Masanov, N.E. (2011). *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [The Nomadic Civilization of the Kazakhs: The Fundamentals of Nomadic Society]. Almaty, Print-S. 740 p.

Osterhammel', Yu. (2024). *Preobrazhenie mira. Istoriya XIX stoletiya. T. II: Formy gospodstva* [The Transformation of the World. History of the 19th Century. Vol. II: Forms of Dominance]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 740 p.

Tayzhanova, G.E. (Ed.). (1995). *Kazakhi. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Kazakhs. Historical and Ethnographic Research]. Almaty, Kazakhstan. 352 p.

Toktabay, A. (2013) *Kazahskaya borzaya tazy* [Kazakh Greyhound Tazy]. Almaty, Atamura. 160 p.

Tolybekov, S.E. (1971) *Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII – nachale XX veka. Polityko-ekonomicheskiy analiz* [The Nomadic Society of the Kazakhs in the 17th – Early 20th Centuries. A Political and Economic Analysis]. Alma-Ata, Nauka. 634 p.

Е.С. Волкова*

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ СЕЛО
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ****doi:10.31518/2618-9100-2026-4-21
УДК 94:316.35(571.6)"18/19"+(093.3)*Выходные данные для цитирования:**Волкова Е.С. Дальневосточное село конца XX – начала XXI века в художественной литературе // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 311–322. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-21.pdf>*

E.S. Volkova*

**THE FAR EASTERN COUNTRYSIDE
OF THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES IN FICTION****

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-21

*How to cite:**Volkova E.S. The Far Eastern Countryside of the Late 20th – Early 21st Centuries in Fiction // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 311–322.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-21.pdf>]*

Abstract. The article analyzes the state of Far Eastern rural areas and communities in the post-Soviet period in a socio-anthropological way, the source base is works of fiction created by contemporaries. Far Eastern authors show in a generalized symbolic artistic form how, under the influence of market reforms, agricultural production is declining, jobs are being cut, labor is being precarized, economic and social infrastructure is being destroyed, and the standard of living of the majority of the rural population is falling. Writers express concern about the decline in the region's self-sufficiency in food and the formation of dependence on imported food supplies. Artistic texts describe such ways of adapting to the transforming everyday life as subsistence farming on household plots, fishing, hunting and harvesting wild plants in the taiga, natural exchange, and finally migration from the countryside to the city. Unable to cope with the new socio-economic reality, a number of literary heroes use destructive practices, ranging from the systematic intake of alcoholic beverages to suicide. The study of fiction allows us to conclude that the adaptation of the inhabitants of the region to the reforms in the agricultural sector was long and difficult. The conclusions reached by poets and prose writers are generally consistent with data from other sources and judgements of researchers.

Keywords: Russian Far East, market reforms, 1990s, 2000s, agriculture, countryside, fiction.

*The article has been received by the editor on 01.05.2026.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье анализируется состояние дальневосточного села в постсоветский период в социально-антропологическом ключе. Источниковой базой выступают произведения художественной литературы, созданные современниками. Дальневосточные авторы в обобщенно-символической художественной форме показывают,

* Елена Сергеевна Волкова, кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, e-mail: elenavolkova1@yandex.ru

Elena Sergeevna Volkova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: elenavolkova1@yandex.ru

** Исследование выполнено в рамках государственного задания ИИАЭ ДВО РАН «Трансформационные и стабилизационные процессы на Дальнем Востоке России в эпоху глобализации: из XX в XXI век» (FWMU-2026-0011). The study was carried out as part of the state assignment of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences "Transformational and Stabilization Processes in the Russian Far East in the Era of Globalization: From the 20th to the 21st Century" (FWMU-2026-0011).

как под воздействием рыночных реформ приходит в упадок сельскохозяйственное производство, сокращаются рабочие места, идет прекаризация труда, разрушается экономическая и социальная инфраструктура, падает уровень жизни большинства сельского населения. Кроме того, литераторы выражают беспокойство по поводу снижения показателей самообеспечения региона продуктами питания и формирования зависимости от импортных поставок продовольствия. В художественных текстах описаны такие способы адаптации к трансформирующейся повседневности, как ведение натурального хозяйства на приусадебных земельных участках, рыболовство, охота и сбор дикоросов в тайге, натуральный обмен, миграция из деревни в город. Целый ряд литературных героев, не в силах справиться с новой социально-экономической реальностью, использует деструктивные практики, начиная от систематического приема алкогольных напитков и заканчивая сведением счетов с жизнью. Изучение художественной литературы позволяет сделать вывод, что адаптация жителей региона к реформам в аграрной сфере была длительной и трудной. Выводы, к которым приходят поэты и прозаики, в общем и целом согласуются с данными других источников и заключениями исследователей.

Ключевые слова: Дальний Восток России, рыночные реформы, 1990-е годы, 2000-е годы, сельское хозяйство, деревня, художественная литература.

Статья поступила в редакцию 01.05.2026 г.

Вопросы сельскохозяйственного производства, обеспечения страны продовольствием и вклада отдельных регионов в этот процесс являются актуальными направлениями научного поиска, особенно в современных условиях. Основными источниками для данного исследования выступают художественные тексты дальневосточных авторов, современников рыночных реформ. Литературные произведения открывают широкие возможности для историка, действующего в русле социально-антропологического подхода, позволяя проследить трансформацию повседневных структур, изучить общественные настроения и практики адаптации населения к новой социально-экономической реальности, почувствовать дух эпохи. Подобное исследование на материалах художественной литературы предпринимается впервые.

Сельское хозяйство на Дальнем Востоке имеет свои особенности: экономисты констатируют, что регион относится к зоне рискованного земледелия, местные производители вынуждены применять дополнительные технологические приемы для преодоления неблагоприятных климатических факторов, использовать повышенные дозы удобрений в условиях низкого естественного плодородия почв, нести высокие транспортные издержки на поставку ресурсов. Большую роль играет рассредоточенность сельскохозяйственного производства, на севере региона оно носит очаговый характер. Основные сельскохозяйственные угодья сосредоточены в Амурской области и Приморском крае¹.

Однако, несмотря на все имеющиеся особенности и трудности освоения территории, надо признать, что на Дальнем Востоке к концу XX столетия был накоплен значительный опыт сельскохозяйственного производства. Основу его в позднесоветский период составляли колхозы и совхозы, оно являлось многоотраслевым и в каждой области и крае имело свою специфику. Сельское хозяйство было признано одним из национальных приоритетов, для его развития на Дальнем Востоке использовались специальные методы экономического регулирования (в частности, сельхозпроизводители получали надбавки из государственного бюджета к закупочным ценам). В 1980-е годы в регионе значительно выросло производство мяса,

¹ Шелепа А.С. Экономические проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 58; Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1. С. 101.

молока и яиц, небольшой прирост был зафиксирован по зерну и картофелю, в общем и целом самообеспеченность дальневосточных территорий продуктами питания увеличивалась даже несмотря на рост населения².

Преобразования в сельском хозяйстве в годы перестройки начинались под лозунгами повышения эффективности производства, по всей стране шли дискуссии о путях реформирования. Герои повести амурского прозаика Л.А. Симачева, сотрудники радиорелейной станции провинциального городка, с ностальгией вспоминают прежние времена, когда в округе паслись стада коров и коз, и сетуют, что теперь достать натуральное молоко стало проблемой. На замечание электромеханика, что существующее положение вещей нужно менять, начальник цеха уверенно отвечает: *«А мы и будем... Вот если хотя бы треть семей сейчас завели коров, то проблема молока и мяса была бы практически решена. А проблему овощей, если разумно подойти, сделав теплицы, загодя подготовиться, вообще можно решить за год. Сам же говорил, что китайцы, корейцы здесь все выращивали»*³. Герои повести, как и многие их соотечественники, *«наивно очарованы перестройкой»*⁴, искренне верят, что в новых условиях все возможно, и для начала решают завести корову на две семьи, чтобы обеспечивать молоком своих детей.

Герой камчатского поэта И.Г. Рычкова тракторист Иван в годы перестройки отправляется в город для обучения в Высшей партийной школе (ВППШ), планируя после возвращения в деревню работать в сельсовете. Об односельчанах автор как бы мимоходом сообщает: *«Васька на складе в халате сидит, / шифер налево толкает, бандит. / Сеньку забрали – сельпо разорил, / шубы собольи молодкам дарил»*. За время обучения тракториста, как следует из писем его матери, ситуация в деревне стремительно меняется: *«Вымахал в поле по пояс бурьян»*; *«Доится Зорька с грехом пополам, / вербу сглодала и ту до сучка. / Скоро останемся без молочка...»*; *«Зорьку забили, товарищ Иван, / дров прикупить – продала сарафан»* и, наконец, *«Хлеба купить – нет в избе ни гроша»*. Иван, получив диплом ВППШ, возвращается в деревню, а в это время в Москве происходит путч: *«С поезда слез, а райком под замком, / все величают меня дураком»*; *«Поле по шею травой заросло, / а под горой митингует село»*. В новых условиях герой вынужден отложить диплом ВППШ до лучших времен и по-прежнему работать трактористом, а его законопослушные односельчане, как выяснилось, преуспели: *«В мэрии Васька – без мыла пролез, / продал “волжонку”, купил “мерседес”. / Сенькиных и не учесть должностей: он пострадавший от бывших властей»*⁵.

В повести амурского прозаика А.В. Маликова директор совхоза и его предприимчивый заместитель одну за другой генерируют бизнес-идеи, от торговли шкурами, рогами и копытами вплоть до продажи китайцам чернозема, который предприимчивые товарищи собираются закупать в Воронежской области. Воплотить в реальность удастся только одну идею – нанять китайцев для выращивания овощей на землях совхоза: *«Наш народ совсем разбаловался, ниче руками делать не хотят, а эти... еще неиспорченные»*⁶. А вскоре китайцы обращаются к руководству совхоза с жалобой на местных жителей, которые украли у них огурцы⁷.

Картина, нарисованная литераторами, в общем и целом согласуется с выводами целого ряда исследователей, которые считают ситуацию, сложившуюся в сельском хозяйстве к началу 1990-х годов, проблемной, кризисной, требующей скорейшего разрешения⁸.

² Сухомиров Г.И. Проблема самообеспечения сельскохозяйственными продуктами в регионах Дальневосточного федерального округа // Проблемы развития территории. 2017. № 1. С. 175, 177.

³ Симачев Л.А. До коммунизма и после. Благовещенск, 2003. С. 48.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Рычков И.Г. Былина о ВППШ [Электронный ресурс] // Изба-Читальня. Литературно-художественный портал. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/408284/> (дата обращения: 28.04.2026).

⁶ Маликов А.В. Острое чувство. Благовещенск, 2014. С. 333–334, 346.

⁷ Там же. С. 347.

⁸ Корякина Е.В. Социально-экономическая траектория развития дальневосточной деревни в середине 1980-х – начале 1990-х гг. XX в. (на примере Амурской области и Приморского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-2. С. 94–95.

После принятия базовых нормативных актов в отрасли стартовали радикальные преобразования, которые включали в себя приватизацию земель сельскохозяйственного назначения, ликвидацию колхозов и совхозов, создание крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ), отмену централизованного планирования в сфере сельхозпроизводства, либерализацию торговли и цен и др.⁹ Вот как описывает ход реформы в Амурской области, которая традиционно считалась житницей Дальнего Востока, прозаик П.М. Никиткин в романе «Русский берег»: *«Распался совхоз на мелкие хозяйства. Кто был у власти – отхватил от хозяйства кусок пожирнее, завел собственное дело. Основная часть работников довольствовалась земельным паем, что достался при дележе и который зарастал бурьяном, стал пустошью»; «пришла безработица, вышибло крестьянина из колеи»*¹⁰.

Молодой толковый специалист Володя, муж бывшей доярки и отец двоих детей, который раньше заведовал животноводческой фермой (*«там заработки хорошие были»*), теперь остался не у дел и получил предложение поработать у двоюродного дяди Юрия Михайловича управляющим в КФХ: *«Дядя не обижает. Семья Володи обеспечивается хорошо. Но и работает он с восхода до заката, а зимой и после заката. И без выходных»*¹¹.

В отличие от Володи, Юрий Михайлович в сельском хозяйстве *«ни ухом ни рылом»*, но раньше он занимал большой пост в горисполкоме и в ходе приватизации получил солидный кусок бывшей государственной собственности – на эти деньги построил хоромы на берегу реки и создал фермерское хозяйство: *«У половины бывших колхозников... паи за бесценок выкупил. Да их же, этих колхозников, и привлекает во время посевной, уборочной к работе»*¹². В художественных произведениях мы видим, что в новых условиях многие наемные работники вынуждены работать без социальных гарантий и беспрекословно подчиняться работодателю, чтобы не потерять рабочее место. Происходит прекаризация труда, широкое распространение получает временная, неформальная, теневая занятость.

Фермерский опыт другого героя романа, Петра, который в советское время вместе с женой работал в тайге на гидрометеорологическом посту, оказался неудачным. С началом радикальных реформ молодые супруги попали под сокращение и вынуждены были переехать к теще, а та привезла им поросят: *«Откормите и, глядишь, к зиме выручите какую-никакую копейку. Другой работы нигде не найдете»*. И хотя Петр крутился как белка в колесе и в результате выкормил, вырастил свиней, оказалось, что это только полдела: *«Вторая половина – куда их сбыть, как получить доход»*¹³. Пытался новоявленный фермер пробиться на рынок, в ресторан, в столовую, но безуспешно – оказалось, что *«в райцентре всей торговли мясом заправляют черные»*¹⁴, а отдавать свинину перекупщикам Петр не хотел из принципа. Узнав о неудаче, теща через знакомых договорилась с военными – они и купили у Петра все мясо, но сам он с той поры завязал с предпринимательством и вскоре оказался в батраках у того же Юрия Михайловича¹⁵. Исследователи отмечают, что на территории Амурской области достаточно глубоко были укоренены коллективистские настроения, основная часть сельского населения пассивно отнеслась к призывам властей по созданию КФХ¹⁶.

⁹ Ващук А.С. Российская земельно-аграрная реформа в 1990-е гг. и ее начальный этап реализации на Дальнем Востоке // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России. Владивосток, 2021. С. 194–195.

¹⁰ Никиткин П.М. Русский берег. Благовещенск, 2015. С. 121.

¹¹ Там же. С. 100, 121.

¹² Там же. С. 101. По данным статистики, большинство КФХ в Амурской области составляли семейные фермы, только 15 % хозяйств рассматривали привлечение наемной рабочей силы (Ващук А.С., Кужина Н.И. Земельная реформа и формирование крестьянских (фермерских) хозяйств в Амурской области в 1990-х – 2014 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. № 6. С. 57).

¹³ Исследователи констатируют, что сбыт произведенной продукции был одной из самых острых проблем, препятствующих развитию КФХ.

¹⁴ «Черными» на Дальнем Востоке называли выходцев с Кавказа.

¹⁵ Никиткин П.М. Русский берег... С. 103–105.

¹⁶ Ващук А.С., Кужина Н.И. Земельная реформа... С. 62, 66–67. В 2002 г. в Амурской области на долю КФХ приходилось 13,3 % сельхозугодий.

Еще об одной практике адаптации к новым рыночным условиям в романе рассказывает водитель-дальнобойщик, который до начала реформ работал в автоколонне агропромстроя: *«А теперь сельское хозяйство государству, похоже, не нужно, – заключает герой, – строить на селе – ничего не строят. Оказались мы не у дел. Наше начальство решило отдать машины в аренду водителям, чтобы и технику сохранить, и самим, однако, зарплату с этой аренды получать»*¹⁷. Эта и другие схемы, представленные в литературных произведениях, подтверждают, что использование административного ресурса при реформировании сельскохозяйственной отрасли играло важную роль.

Рыночные реформы коренным образом изменили условия деятельности сельхозпроизводителей. Речь идет не только о разрыве сложившихся связей в сферах снабжения, сбыта, переработки продукции, но и о диспаритете цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. В среднем по России за период с 1991 по 2008 год диспаритет составил 3,8 раза, на Дальнем Востоке – 9,4 раза (цены на реализуемую сельскохозяйственную продукцию выросли в 74,2 раза, а на приобретаемую сельским хозяйством промышленную продукцию – в 697,9 раза)¹⁸. Приморский автор М.С. Деменок рассказывает об упадке Анучинского пчелосовхоза, который в благополучные 1980-е годы освоил современные технологии и стал высокорентабельным предприятием, что позволяло выделять средства на развитие социальной сферы и даже вести собственное жилищное строительство. Однако в годы рыночных реформ *«из-за непродуманной ценовой политики, когда мед был дешевле кирпича, сахара, почти все пчелопасеки разорились. Вместо того чтобы наращивать пчелосеми, они вынуждены были продавать их с молотка, чтобы выплатить пчеловодам и подсобным рабочим зарплату. Одним словом, передовой, некогда гремевший по краю пчелосовхоз обанкротился, а классные профессиональные пчеловоды... оказались не у дел»*¹⁹.

«...Собственно, все сельскохозяйственное производство стало убыточным», – читаем в романе «Русский берег»²⁰. Экономисты подтверждают, что и к концу 2000-х годов производство продукции в сельскохозяйственных организациях Дальнего Востока без дотаций и компенсаций оставалось убыточным. С учетом субсидий из бюджетов разных уровней начиная с 2006 г. среднюю рентабельность удалось поднять до положительных значений, но достигнутые показатели не обеспечивали условий даже для простого воспроизводства. Несмотря на реализацию приоритетного нацпроекта «Развитие АПК» (агропромышленного комплекса), на произошедшие позитивные сдвиги в сельском хозяйстве и появление отдельных точек роста, на рубеже 2000–2010-х годов дальневосточное село по-прежнему находилось в трудном положении и по большинству социально-экономических показателей не достигло уровня 1990 г.²¹

*«Взять те же зверосовхозы, зверофермы, – рассуждает один из героев П.М. Никиткина старик Гаврилыч. – Какой доход они приносили... А затраты – корм – рыба минтай да отходы с мясокомбината. Но теперь минтай и для населения стал золотой рыбкой, а отходов на мясокомбинатах нет – все идет в колбасу, все идет на стол людям»*²². Поэт Г.П. Шумейко, по сути, подтверждает эти слова: *«А тут минтая взял, и вот он – праздник»*²³.

Статистика показывает, что в 2000 г. по сравнению с 1990 г. из-за падения реальных доходов дальневосточников значительно сократилось потребление на душу населения мяса (в 1,6 раза), молока и молочных продуктов (в 2,5 раза), яиц (в 1,8 раза), овощей (в 1,5 раза), «хлебные» показатели остались примерно на том же уровне, а «картофельные» увеличились в 1,4 раза²⁴. Важно отметить, что потребление хлеба и картофеля превысило рекомендуемые

¹⁷ Никиткин П.М. Русский берег... С. 39–40.

¹⁸ Шелепа А.С. Экономические проблемы... С. 58–59.

¹⁹ Деменок М.С. Злой рок Алтайки. Владивосток, 2007. С. 275–276.

²⁰ Никиткин П.М. Русский берег... С. 46.

²¹ Шелепа А.С. Экономические проблемы... С. 62–63, 65; Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность... С. 101–102.

²² Никиткин П.М. Русский берег... С. 162.

²³ Амурская правда. 1999. 13 февр.

²⁴ Подсчитано по: Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность... С. 103.

нормы, а вот остальные позиции сильно от них отставали – подобная модель углеводистого типа питания негативно влияет на качество и продолжительность жизни²⁵. Кроме того, экономисты констатируют, что в годы рыночных реформ увеличилась дифференциация в потреблении продуктов питания между группами населения с высокими и низкими доходами. Большинство сельских жителей попали во вторую категорию: целый ряд продуктов питания для них оказался просто недоступным. Сельское население потребляло значительно меньше мяса, молока, яиц, фруктов, овощей и намного больше хлеба и картофеля, чем городское (таким образом, модель углеводистого типа питания здесь более выражена)²⁶. Лирический герой стихотворения Г.П. Шумейко рассказывает, что каждую весну сажает у себя на огороде картошку и капусту, которые помогают пережить трудные времена, и предлагает поставить памятник этой «сладкой парочке»²⁷. *«И если б не картошка и капуста, на паперти б сидела вся страна»*, – саркастически заключает поэт²⁸.

В романе П.М. Никиткина руководитель возрождающегося коллективного хозяйства делится наболевшим: *«По всей стране поля зарастают лесами, разрушены зерновые и скотные дворы, уничтожено поголовье скота и птицы»*²⁹. Статистика показывает, что на Дальнем Востоке в силу неблагоприятных природно-климатических и экономических условий спад сельскохозяйственного производства был более глубоким, чем в среднем по России³⁰. За годы рыночных реформ в Дальневосточном регионе резко снизилась обеспеченность сельскохозяйственными продуктами на душу населения за счет собственного производства: в 2001–2005 гг. по сравнению с 1986–1990 гг. в 3 раза упали показатели по мясу, в 2,1 раза – по молоку и молокопродуктам, в 2 раза – по яйцам, а выросли по картофелю – в 1,4 раза, по овощам – в 1,3 раза, да и то за счет хозяйств населения (ХН). По мясу, молоку и яйцам самообеспеченность региона в первой половине 2000-х годов составила лишь 14,1, 21,3 и 44,3 % соответственно³¹.

Дальневосточные писатели констатируют, что в результате реформ страна попала в жесткую зависимость от зарубежных поставок продовольствия. *«Да вот и рынок. Кроме забугорных, / на нем и нынче нет уже товаров, / а Запад забастует – что с базара / мужик российский завтра понесет?»* – вопрошает магаданский поэт А.А. Пчелкин³². *«Несметные полчища иноземных продуктов легко пересекли границы славянских племен и без сопротивления завоевали просторы России, – читаем в повести хабаровского прозаика А.В. Гребенюкова. – ...На рынках повсю хозяйничали соседи. “Корефана, корефана!”³³ – предлагали они свой дешевый товар. Но и на нем получали стопроцентную прибыль»³⁴*. Главный герой повести Алексей, бывший инженер-конструктор, а теперь водитель у собственной жены-бизнесвумен, не жаловал китайскую картошку, поскольку она *«была плохая, сладкая и быстро портилась»*. Придя на рынок, он отыскал *«с краю примостившегося дедка в телогрейке»*, который продавал картошку подороже, но местного производства. *«Родная, не чета иноземцу косоглазому»*, – подтвердил дедок³⁵.

Получила отражение в художественной литературе и такая практика, как получение гуманитарной помощи из-за границы – о ней дальневосточные авторы и их герои зачастую говорят с горькой иронией и чувством стыда (от того, что здоровые люди трудоспособного возраста вынуждены принимать дармовые подачки, а порой даже устраивают из-за них драки).

²⁵ Шелепа А.С. Экономические проблемы... С. 59.

²⁶ Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность... С. 102.

²⁷ Здесь очевидна отсылка к телевизионной рекламе шоколадных батончиков Twix 1990-х годов.

²⁸ Амурская правда. 1999. 13 февр.

²⁹ Никиткин П.М. Русский берег... С. 248.

³⁰ Шелепа А.С. Экономические проблемы... С. 9.

³¹ Подсчитано по: Сухомиров Г.И. Проблема самообеспечения... С. 180.

³² Пчелкин А.А. Непогодь: стихи перестроечных лет. Магадан, 2000. С. 49.

³³ Судя по обращению продавцов к покупателям, речь идет о китайцах.

³⁴ Гребенюков А.В. Ангел и бес // Дальний Восток. 1999. № 5-6. С. 195.

³⁵ Там же. С. 197.

Реформирование колхозов и совхозов в 1990-е годы не включало в себя государственную поддержку социально-бытовой сферы: предполагалось, что в новых рыночных условиях сельское население должно «крутиться» и выживать самостоятельно. По данным статистики, в результате реформ в сельской местности формируется значительный слой малоимущих, существующих на грани физического выживания³⁶. Вот как пишет амурский баснописец М.Н. Синявский о крестьянине, живущем в богом забытом селе:

*Реформы обошлись с ним так жестоко,
Что приходили мысли о петле...
Земля без удобрений не рожала,
Солярка – в долларах, ну а зерно – в рублях...
А техника настолько вздорожала,
Что хоть мотыгой обрабатывай поля...
И нет властей, что раньше выручали
При заготовке и угля, и дров.
Без молока детишки отоцали –
Кормов не стало и... под нож коров³⁷.*

Водитель Геннадий Иванович в романе «Русский берег» рассуждает: «Ну как, как селянину свести концы с концами, когда нет работы, нет зарплаты? ...Разбегутся, разбредутся мужички по городам...»³⁸.

В рассказе сахалинского прозаика Е.В. Шевич пожилая женщина Анна Петровна отказывается брать у «шикарно одетого Господина» доллары и евро, которые тот предлагает в качестве платы за молоко для больной дочки: «Да на кой ляд мне энти картинки! Я на них ни крупы, ни хлеба не куплю». Анна Петровна просит у покупателя рубли, но рублей у богача не хватает, и он встает перед женщиной на колени: «Я отработаю... я к вам в батраки пойду». Услышав о больном ребенке, Анна Петровна выносит банку молока и безапелляционно вручает Господину, закрывая глаза на недостающую сумму. А вот как рассказывает героиня о своей жизни в новых рыночных условиях: «У меня лошадка есть. Сено косим опять же. Слава Богу – и огород, и коровка, куры, ути... И телевизор есть. Только нам как в девяностом году свет обрезают за неплатеж, он вроде и ни к чему... А теперь, как электростанции сгорели, хоть бы радио послушать, скучно без него»³⁹. П.М. Никиткин пишет, что в деревнях закрываются медицинские пункты, а до ближайшей аптеки приходится ехать несколько десятков километров⁴⁰.

Литераторы рисуют драматическую картину разрушения социальной инфраструктуры в сельской местности и архаизации социальных практик⁴¹. В годы радикальных реформ широкое распространение получают такие формы хозяйственной деятельности, как самообеспечение продуктами питания с приусадебных хозяйств и дачных участков, прямые бартерные обмены, сбор дикоросов в тайге, охота и рыболовство (в том числе браконьерские практики), производство самогона на продажу, сбор металлолома и прочее – эти способы адаптации к новой рыночной реальности, описанные исследователями, представлены и в художественных произведениях. А за медицинской помощью жителям села приходится обращаться к народной целительнице бабке-повитухе или, как в романе Ю.С. Рытхэу, к простой санитарке, которая по должности отвечала только за чистоту помещений, но за годы работы в больнице научилась многим медицинским процедурам⁴².

³⁶ Куликова Н.В. Состояние современной социальной сферы дальневосточного села // Никоновские чтения. 2001. № 6. С. 387.

³⁷ Синявский М. Сказка о богатом рыбаке и его «рыбке» // Амурская правда (ГАОО. Ф. Р-2328. Оп. 1. Д. 11. Л. 5).

³⁸ Никиткин П.М. Русский берег... С. 46.

³⁹ Шевич Е.В. Все как тогда. Южно-Сахалинск, 2014. С. 108–109.

⁴⁰ Никиткин П.М. Русский берег... С. 245.

⁴¹ Зарубина Н.Н. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 42.

⁴² Рытхэу Ю.С. Чукотский анекдот... С. 128.

Если у городских жителей в 2000-е годы отмечено значительное снижение интереса к выращиванию сельскохозяйственной продукции на собственном участке в связи с ростом доходов из основных источников, то в сельской местности личные хозяйства по-прежнему остаются важнейшим средством выживания⁴³. В 2006–2008 гг. в ХН все еще производится 59,1 % валовой продукции сельского хозяйства Дальневосточного региона⁴⁴. Многие жители села рассчитывают на использование этого источника существования как одного из основных и после выхода на пенсию⁴⁵. Такая позиция получила отражение и в стихах приморского поэта Е.Д. Лебкова: *«Мой огород – пока четыре сотки / Землицы на озерном берегу. / Таких, как я, в стране теперь не сотни, / А миллионы в пенсион-полку»*⁴⁶. *«Люди в поселке живут только своим хозяйством, – рассказывает водитель приезжему в романе П.М. Никиткина. – А хозяйство – коровенка да поросяток. И тех держат только для себя, а на продажу невыгодно – корма стоят дорого»*⁴⁷.

С болью пишет о ситуации в деревне В.Г. Алюшин, уроженец села Степного в Амурской области, которое давно уже исчезло с лица земли:

*Не заплещется море синее,
Сколь водицы в него не лей.
Закатилась звезда России,
Закатилась звезда полей. <...>
Зарастет травой чисто полюшко,
Затоскует луг по косьбе.
...Ой ты, русская доля-долюшка,
Позавидует кто тебе?»*⁴⁸

Для целого ряда дальневосточных авторов, особенно тех, кто родился и вырос в сельской местности, деревня является истоком, опорой и символом России. Герой романа «Русский берег» бывший моряк Василий после долгих поминок по отцу задумал продать родовой дом в деревне, бывшей казачьей станице, но один из родственников убедил его не делать этого: *«Здесь же корни твои. Что ты скажешь детям своим? Что по пьяному делу продал дом, продал станицу, продал родину?»*⁴⁹.

Отметим, что деструктивные практики широко представлены в художественной литературе изучаемого периода: если говорить о жителях сельских территорий, то в подавляющем большинстве случаев речь идет о неумеренном употреблении алкогольных напитков. *«Пьянь – на пьяни, все повымрем вскоре»*, – мрачно прогнозирует Е.Д. Лебков⁵⁰.

Продолжается переток населения из деревни в город: *«...Поле-полюшко заросло, / Не вернуть народ к серпу-молоту, / Все безлюднее наше село»*, – сетует П.И. Шепчугов⁵¹. Главными причинами стали низкие зарплаты в сельской местности (45–50 % от средней по экономике⁵²), сокращение числа рабочих мест и возможностей для трудоустройства⁵³, жилищная проблема, развал социальной инфраструктуры: стремительно падает обеспеченность сельского населения образовательными, медицинскими, культурными учреждениями,

⁴³ Козырева П.М. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М., 2013. С. 85–86; Пастухова Н.Ю. Основные проблемы развития социально-трудовой сферы села дальневосточного региона // Никоновские чтения. 2001. № 6. С. 228. По данным опроса, проведенного специалистами Дальневосточного НИИ экономики, организации и планирования АПК в 2001 г., для 40 % сельского трудоспособного населения Хабаровского края личное хозяйство являлось основным местом работы и источником доходов.

⁴⁴ Шелепа А.С. Экономические проблемы... С. 61.

⁴⁵ Козырева П.М. Ресурсы и практики... С. 86.

⁴⁶ Лебков Е.Д. А что же мне делать в России. Находка, 2001. С. 70.

⁴⁷ Никиткин П.М. Русский берег... С. 46.

⁴⁸ Литература Приамурья (середина XIX – начало XXI века). Благовещенск, 2022. С. 462.

⁴⁹ Никиткин П.М. Русский берег... С. 179.

⁵⁰ Лебков Е.Д. А что же... С. 70.

⁵¹ Паруса – 3. Владивосток, 2008. С. 79.

⁵² Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность... С. 101.

⁵³ С 1990 по 1999 год численность занятых на сельскохозяйственных предприятиях Дальнего Востока сократилась на 62,3 % (Пастухова Н.Ю. Основные проблемы... С. 227–228).

транспортное сообщение приходит в упадок. Ощутимо увеличивается разрыв между городом и деревней по многим социально важным показателям. *«Городу легче, город быстрее привыкает к переменам. Он – космополит, – говорит водитель в романе «Русский берег». – А деревня... Все вернулось на круги своя. Некрасовские времена вернулись. Нищета беспросветная»*⁵⁴. Население в деревнях стареет, молодежь и специалисты среднего возраста с детьми тянутся в город. *«Стоит деревня в отдалении, / еще как будто бы стоит, / а в ней народонаселения / на трех старух – один старик...»*, – сетует сахалинский поэт Б.П. Репин⁵⁵.

«В селе вообще тяжко», – заключает автобиографический герой В.М. Пожидаева⁵⁶. Тем не менее герой признается, что в последние годы советской власти переехал из благоустроенной городской квартиры в деревню и не жалеет об этом⁵⁷. Как выясняется, после всех реформ и катаклизмов жизнь в деревне продолжается: *«Не дремлет русская глубинка»*, – заключает Е.Д. Лебков, добавляя: *«Она к политике – не очень, / Да и к властям – не с полной верой, / Ей поважней – “убраться в осень” / И домом жить, а не фатерой»*⁵⁸. С большим уважением относится автор к крестьянскому труду и людям, которые, несмотря ни на что, сохраняют верность деревне. Для целого ряда дальневосточных авторов она выступает землей обетованной: там бескрайние просторы, благодать и покой, там легче дышится, да и люди в деревне добрее. *«Там начало всех начал для души»*, – убежден поэт Г.П. Шумейко⁵⁹.

Специфика трансформации сельскохозяйственной отрасли в самом восточном автономном округе России в 1990-е годы получила отражение в романе Ю.С. Рытхэу «Чукотский анекдот». Кандидат от партии власти приезжает в село Люрэн – когда-то оно считалось образцовым: здесь жили лучшие китобои, в округе паслось самое большое оленье стадо, село в первую очередь обеспечивалось техникой, строились новые корпуса зверофермы и т.д. Теперь же кандидата встречают в *«полуразваленном, давно не топленном Доме культуры»*, столовая, детский сад и пошивочная мастерская закрыты, меж домов бродят *«тени не успевших протрезветь»*, а возле морга собралась толпа местных жителей на похороны односельчанина Котгыргына, который покончил собой, не дожив и до сорока лет, поскольку больше года не получал зарплату и оказался не в состоянии прокормить больную жену и троих детей⁶⁰.

В силу климатических особенностей и транспортной труднодоступности продовольственная проблема на Чукотке в годы реформ стояла особенно остро. Михаил Меленский, руководитель недавно образованного кооператива, который занимается рыболовством и добычей морского зверя, сообщает, что в результате перебоев с поставками продовольствия многие чукчи и эскимосы перешли на местные продукты – мясо моржа, кита, лахтака и нерпы: *«Заготавливаем запасы на зиму, пользуясь древними технологиями. По большому счету могли бы обходиться без картофеля и овощей. Наши старые женщины еще помнят, как консервировать на зиму тундровые растения, ягоды, дикий лук... Конечно, тяжелее приходится приезжим русским. Когда кончаются привозные продукты, они буквально начинают голодать»*⁶¹.

Что касается оленеводства, то здесь, как и в других отраслях АПК, коллективные хозяйства были упразднены, общественные олени розданы в частное владение, однако попытки организовать фермерские хозяйства закончились полным провалом. *«Кто пропил оленей, кто так продал, за деньги, – рассказывает оленевод Тутай. – ...Тут много прилетало покупателей. Но больше всего за рогами. Порой так и оставляли на земле мертвые туши, спиливали только рога»*⁶². В советское время Тутай работал старшим пастухом совхоза,

⁵⁴ Никиткин П.М. Русский берег... С. 48.

⁵⁵ Литературный Сахалин. 1992. № 2. С. 5.

⁵⁶ Пожидаев В.М. У черепахи жизнь простая // Литературный Владивосток. 2016. С. 92.

⁵⁷ Там же. С. 98–99.

⁵⁸ Лебков Е.Д. А что же... С. 40.

⁵⁹ Амурская правда. 1999. 13 февр.

⁶⁰ Рытхэу Ю.С. Чукотский анекдот... С. 184, 189–191, 234.

⁶¹ Там же. С. 101.

⁶² Там же. С. 78–79.

но по сути являлся хозяином большого оленьего стада, унаследованного от предков: «в подпитии он хвастался, что хотя формально олени и принадлежат совхозу, однако настоящим владельцем является он, Тутай». На вопрос, почему же новые собственники оленей так быстро с ними расстались, Тутай сердито отвечает: «Потому что ворованное стараются поскорее сбыть с рук! Те, кому отдали в собственность оленей, никогда не были настоящими их хозяевами. ...Животных, которых приватизировали, как бы случайно нашли. ...Вот почему и постарались избавиться от них поскорее – а вдруг эти московские тангитаны, которые придумали приватизацию, одумаются и все отменят?»⁶³. Автор добавляет, что с началом рыночных реформ водку и вино на Чукотке стали продавать без ограничений, в результате чего местное население «впало в беспробудное пьянство»⁶⁴ (в силу генетических причин коренные народы Севера более уязвимы к алкоголизму).

Важный лейтмотив, который звучит в литературных произведениях конца XX – начала XXI в.: не стоит ждать милостей от государства, нет смысла надеяться на то, что кто-то придет и обустроит твою жизнь – надо брать дело в свои руки. «Гуманитарная помощь не может быть вечной. Да и стыдно жить на чьем-то иждивении... Очень медленно, но среди местного населения растет сознание того, что надо полагаться на самого себя», – говорит Меленский, предлагая в первую очередь возродить морской зверобойный промысел, который обеспечит местное население полноценным животным белком, что снизит остроту продовольственной проблемы⁶⁵.

В романе «Русский берег» Полина Егоровна, в позднесоветский период уехавшая по молодежному призыву на строительство Байкало-Амурской магистрали, возвращается в родную деревню и предлагает односельчанам возродить коллективное хозяйство. «Вечерами их дом напоминает клуб. Все население собирается ее послушать. Она говорит, что хватит питаться продуктами с чужого берега, пора свои выращивать. Пора России встать с колен. И правда, пора!.. Нечего нам ждать указок сверху», – говорит Василий, бывший одноклассник Полины и моряк заграничного плавания, который приехал в деревню на похороны отца и неожиданно для себя самого принял решение остаться⁶⁶.

Получив поддержку односельчан, Полина оформляет регистрационные документы: изначально речь идет о создании подсобного хозяйства Байкало-Амурской магистрали для обеспечения железнодорожников продовольствием. БАМ выделяет средства на закупку семян, скота, техники, строительство сельскохозяйственных зданий и сооружений. «А главное – есть работа и из деревни не будут уезжать люди», – с жаром говорит Василий своему приятелю, приглашая его поучаствовать в новом проекте⁶⁷. Приятель соглашается, подсобное хозяйство «Надежда» начинает свою деятельность и работает вполне успешно, но через два года выясняется, что и для железнодорожников наступили трудные времена, в результате проект сворачивают, а имущество планируют продать. Однако жители деревни принимают решение не бросать хозяйство, а продолжить работу уже в качестве самостоятельного юридического лица, взять кредит в банке и заключить договор с железной дорогой о постепенном погашении долгов. «Дай, Господи, моим героям, моим соотечественникам выстоять в это штормовое время, сберечь и поднять страну – русский берег», – так завершает автор свой роман⁶⁸.

Подводя итог, отметим, что в художественных произведениях дальневосточных авторов перед нами предстает драматическая картина падения сельскохозяйственного производства, разрушения экономической и социальной инфраструктуры, роста безработицы и снижения уровня жизни сельского населения. По сути, литераторы освещают те же самые вопросы, которые обсуждаются в научных трудах, только языком лирики и художественной прозы. Среди главных причин упадка – неадекватное реформирование отрасли, резкое

⁶³ Рытхэу Ю.С. Чукотский анекдот... С. 82–83. Тангитанами чукчи называют белых людей, в данном случае – русских.

⁶⁴ Там же. С. 54.

⁶⁵ Там же. С. 184–185.

⁶⁶ Никиткин П.М. Русский берег... С. 181–182.

⁶⁷ Там же. С. 182.

⁶⁸ Там же. С. 255.

сокращение инвестиций в АПК, диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. На Дальнем Востоке к этим общим для страны факторам добавляются непомерно высокие теплоэнергетические и транспортные тарифы. Снижаются показатели самообеспечения региона продуктами питания, формируется зависимость от импортных поставок продовольствия. Разрушение производственного и экономического потенциала сельского хозяйства в ходе рыночных реформ приводит к сокращению рабочих мест, снижению материальной заинтересованности и массовому оттоку работников в другие отрасли. Идет процесс прекаризации труда, повсеместно практикуется временная, неформальная, теневая занятость. Продолжается миграция населения в города. Обезлюдение деревни является одной из болевых точек художественной литературы рассматриваемого периода.

Анализ произведений дальневосточных писателей приводит к выводу, что адаптация жителей региона к преобразованиям в аграрной сфере была долгой и трудной, что также согласуется с заключениями целого ряда исследователей. В художественных текстах нашли отражение не только деструктивные процессы, но и практики адаптации сельского населения к новой реальности. Целый ряд литераторов выражает надежду на возрождение села, считая важнейшим условием не только возвращение сельского хозяйства в число национальных приоритетов, но также преодоление сельским населением патерналистской позиции и опору на собственные силы.

Литература

Ващук А.С. Российская земельно-аграрная реформа в 1990-е гг. и ее начальный этап реализации на Дальнем Востоке // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 191–199.

Ващук А.С., Кужина Н.И. Земельная реформа и формирование крестьянских (фермерских) хозяйств в Амурской области в 1990-х – 2014 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Т. 15, № 6. С. 48–74.

Зарубина Н.Н. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 37–46.

Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013. 328 с.

Корякина Е.В. Социально-экономическая траектория развития дальневосточной деревни в середине 1980-х – начале 1990-х гг. XX в. (на примере Амурской области и Приморского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-2 (56). С. 91–95.

Куликова Н.В. Состояние современной социальной сферы дальневосточного села // Никоновские чтения. 2001. № 6. С. 387–388.

Пастухова Н.Ю. Основные проблемы развития социально-трудовой сферы села дальневосточного региона // Никоновские чтения. 2001. № 6. С. 227–228.

Сухомиров Г.И. Проблема самообеспечения сельскохозяйственными продуктами в регионах Дальневосточного федерального округа // Проблемы развития территории. 2017. № 1 (87). С. 173–186.

Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1. С. 101–108.

Шелепа А.С. Экономические проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 58–70.

References

Koryakina, E.V. (2007). Sotsial'no-ekonomicheskaya traektoriya razvitiya dal'nevostochnoy derevni v seredine 1980-kh – nachale 1990-kh gg. XX v. (na primere Amurskoy oblasti i Primorskogo kraya) [The Socio-Economic Trajectory of the Development of the Far Eastern Village in the Mid-1980s – Early 1990s (Using the Example of Amur Region and Primorsky Region)]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4-2 (56), pp. 91–95.

Kozyreva, P.M. (2013). *Resursy i praktiki sotsial'no-ekonomicheskoy adaptatsii naseleniya Rossii* [Resources and Practices of Socio-Economic Adaptation of the Russian Population]. Moscow, Novyy khronograf. 328 p.

Kulikova, N.V. (2001). Sostoyanie sovremennoy sotsial'noy sfery dal'nevostochnogo sela [The State of the Modern Social Sphere in the Far Eastern Countryside]. In *Nikonovskie chteniya*. No. 6, pp. 387–388.

Pastukhova, N.Yu. (2001). Osnovnye problemy razvitiya sotsial'no-trudovoy sfery sela dal'nevostochnogo regiona [The Main Problems of the Development of the Social and Labor Sphere of Villages in the Far Eastern Region]. In *Nikonovskie chteniya*. No. 6, pp. 227–228.

Shelepa, A.S. (2010). Ekonomicheskie problemy razvitiya sel'skogo khozyaystva Dal'nego Vostoka Rossii [Economic Problems of Agricultural Development in the Russian Far East]. In *Prostranstvennaya ekonomika*. No. 4, pp. 58–70.

Sukhomirov, G.I. (2013). Prodoval'stvennaya bezopasnost' Dal'nego Vostoka [Food Security of the Far East]. In *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. No. 1, pp. 101–108.

Sukhomirov, G.I. (2017). Problema samoobespecheniya sel'skokhozyaystvennymi produktami v regionakh Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [The Issue of Self-Sufficiency of the Regions of the Far Eastern Federal District with Agricultural Products]. In *Problemy razvitiya territorii*. No. 1 (87), pp. 173–186.

Vashchuk, A.S. (2021). Rossiyskaya zemel'no-agrarnaya reforma v 1990-e gg. i ee nachal'nyy etap realizatsii na Dal'nem Vostoke [Russian Land and Agrarian Reform in the 1990s and the Initial Stage of Its Implementation in the Far East]. In *Itogi i perspektivy razvitiya istoricheskoy nauki na Dal'nem Vostoke Rossii*. Vladivostok, Dal'nauka, pp. 191–199.

Vashchuk, A.S., Kuzhina, N.I. (2023). Zemel'naya reforma i formirovanie krest'yanskikh (fermerskikh) khozyaystv v Amurskoy oblasti v 1990-kh – 2014 gg [Land Reform and the Formation of Peasant (Farm) Farms in the Amur Region in the 1990s – 2014]. In *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 15, No. 6, pp. 48–74.

Zarubina, N.N. (2014). Uproshchennye sotsial'nye praktiki kak sposob adaptatsii k slozhnomu sotsiumu [Simplified Social Practices as an Adopting Means to Complex Socium]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 5, pp. 37–46.

Е.А. Ерохина
А.Д. Куропатов*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И СТРАТЕГИИ
ВЫЖИВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО СКОТОВОДСТВА
НА АЛТАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В АЛТАЙСКОМ КРАЕ И РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-22
УДК 39:636(571.150+571.151)
"2025/2026"

Выходные данные для цитирования:

Ерохина Е.А., Куропатов А.Д. Экономическая устойчивость и стратегии выживания традиционного скотоводства на Алтае (по материалам полевых исследований в Алтайском крае и Республике Алтай) // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 323–333. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-22.pdf>

E.A. Erokhina
A.D. Kuropatov*

ECONOMIC SUSTAINABILITY AND SURVIVAL STRATEGIES
OF TRADITIONAL LIVESTOCK IN ALTAI
(BASED ON FIELD RESEARCH
IN ALTAI KRAI AND ALTAI REPUBLIC)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-22

How to cite:

Erokhina E.A., Kuropatov A.D. Economic Sustainability and Survival Strategies of Traditional Livestock in Altai (Based on Field Research in Altai Krai and Altai Republic) // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 323–333.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-22.pdf>]

Abstract. The article examines the contradiction between the practices of the current stage of state reform of agriculture in the Russian Federation and the survival strategies of small farms, personal subsidiary plots and peasant farms in rural areas. Their role remains vital today as they significantly influence national food security. Based on the results of a field study on the current state of traditional livestock farming in Altai (fall 2025 – winter 2026), strategies for its reproduction in private subsidiary farms and peasant farms of the region were identified. Empirical material was collected using a semi-structured interview method in the Ust-Koksinsky district of the Altai Republic, in the Biysk and Smolensk districts of the Altai Region. For the region's interethnic local communities, the traditional economic system remains a significant component of their culture, a means of maintaining human potential and sustainable rural lifestyles in a changing social context. It has been shown that reforms have had contradictory results, with both positive and negative impacts on small agricultural producers. A trend towards a decrease in the number of livestock in private farms was identified, as well as the impact of institutional factors on the reduction in production volumes in small farms, including changes in standards for accounting and control of livestock products. It was established that the survival of small farms in the Altai Republic and Altai Region is currently based on the inertia of the traditional way of life and the desire for high-quality self-sufficiency. According to respondents, current legislative changes (requirements for slaughter, waste disposal, and manure storage) are creating conditions that make the survival of small and medium-sized farms difficult. This situation objectively contri-

* Елена Анатольевна Ерохина, доктор философских наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия; Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: leroh@mail.ru

Elena Anatolievna Erokhina, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia; Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: leroh@mail.ru

Александр Дмитриевич Куропатов, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: al.kuropatov@yandex.ru

Alexandr Dmitrievich Kuropatov, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: al.kuropatov@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» № 2025 19 «Пастбищная экономика: проблема сохранения скотоводства в личном подсобном хозяйстве в регионах Саяно-Алтая».

The study was carried out with the financial support of the Khamovniki Foundation for Social Research No. 2025 19 "Pastoral Economy: The Problem of Preserving Cattle Breeding in Personal Subsistence Farms in the Sayano-Altai Regions".

butes to the dominance of large agricultural organizations. The owners of private plots and farms themselves, describing their current situation, call it “being squeezed in a vice”. On the one hand, there’s a steady rise in resource prices, and on the other, there’s instability in the prices of their output. This disparity is a key factor in the decline in profitability and viability of small farms. Despite some pessimism, the viability of the remaining farms in the industry is determined by their owners’ non-economic incentives, such as deep personal motivation, the strength of tradition, and attachment to the land.

Keywords: cattle breeding, private farming, tradition, government regulation, economic sustainability, Altai.

The article has been received by the editor on 27.04.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается противоречие между практиками современного этапа государственного реформирования сельского хозяйства в Российской Федерации и стратегиями выживания малых хозяйств (личных и крестьянских фермерских) на селе. Их роль на современном этапе развития по-прежнему велика. Они оказывают существенное влияние на продовольственную безопасность страны. По результатам полевого исследования современного состояния традиционного животноводства на Алтае (осень 2025 – зима 2026 г.) выявлены стратегии его воспроизводства в хозяйствах населения и крестьянско-фермерских хозяйствах региона. Эмпирический материал собран методом полуструктурированного интервью в Усть-Коксинском районе Республики Алтай, в Бийском и Смоленском районах Алтайского края. Для межэтнических локальных сообществ региона традиционный хозяйственный уклад как значимая составляющая их культуры, способ поддержания человеческого потенциала и устойчивости образа жизни на селе в изменяющемся социальном контексте сохраняет свою значимость. Показано, что реформы имеют противоречивый результат, включающий позитивные и негативные эффекты воздействия на малых сельхозпроизводителей. Выявлена тенденция к уменьшению поголовья скота в личных и фермерских хозяйствах, влияние на сокращение объемов продукции в небольших хозяйствах институциональных факторов, в том числе изменение стандартов учета и контроля за продукцией животноводства. Установлено, что сохранение малого хозяйства в Республике Алтай и Алтайском крае на текущий момент держится на инерции традиционного уклада и стремлении к качественному самообеспечению. По мнению опрошенных, текущие законодательные нововведения (требования к убою, утилизации отходов, хранению навоза) создают условия, в которых выживание малых и средних хозяйств становится затрудненным. Такая ситуация объективно способствует доминированию крупных сельскохозяйственных организаций. Сами владельцы личных и крестьянско-фермерских хозяйств, характеризуя свое текущее положение, называют его нахождением в «тисках». С одной стороны – неуклонный рост цен на ресурсы, с другой – нестабильность цен на их продукцию. Этот диспаритет является ключевым фактором снижения рентабельности и жизнеспособности малых хозяйств. Несмотря на определенный пессимизм, жизнестойкость оставшихся в отрасли хозяйств определяется их владельцами внеэкономическими стимулами, такими как глубокая личная мотивация, сила традиций и привязанность к земле.

Ключевые слова: животноводство, хозяйства населения, традиция, государственное регулирование, экономическая устойчивость, Алтай.

Статья поступила в редакцию 27.04.2026 г.

Введение. «Поворот на Восток» остается сегодня актуальным трендом во внешней и внутренней политике России. В перечне его значимых задач – развитие социальной, институциональной и технологической инфраструктуры территорий Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, содействие воспроизводству человеческого потенциала регионов на востоке РФ, в том числе трансграничных.

Одним из таких фронтирных макрорегионов, географически и исторически включенных в одно пространство с народами Центральной Азии, является Алтай. Его население традиционно было связано своим образом жизни с сельским хозяйством, опиралось на семейно-родственные структуры, что предопределило особую роль родов – сеоков в сохранении и развитии хозяйства тюркских народов. Русское старожильческое население, в том числе старообрядцы, осваивали этот регион также благодаря усилиям патриархальных семейных связей. В 1930-е годы началась коллективизация, которая много изменила в воспроизводстве сельского образа жизни и специфике сельского хозяйства: во-первых, оказалась нивелирована роль села как «демографического» реактора; во-вторых, процессы урбанизации отвлекли значительные массы населения в город; в-третьих, благодаря индустриализации экономика региона стала многоукладной.

Радикальные рыночные реформы 1990-х годов и непоследовательная приватизация собственности, в том числе земельной, поставили общество в состоянии неопределенности. Реиндустриализация начала XXI в. внушила определенные надежды на экономический рост и технологическое развитие региона. Однако и в середине 2020-х годов роль сельского хозяйства в структуре жизнеобеспечения населения межэтнических сообществ Алтайского края и Республики Алтай по-прежнему велика. В хозяйство пришли новые технологии и современные рыночные отношения. Оказывая существенное влияние на продовольственную безопасность страны, на воспроизводство ее человеческого потенциала, само оно испытывает существенную нагрузку в связи с текущим этапом реформ, изменениями в законодательстве, новыми требованиями к качеству сельхозпродукции.

Данная статья в качестве исследовательской проблемы выделяет противоречие между практиками современного этапа государственного реформирования отрасли и стратегиями выживания малых хозяйств, личных и крестьянских фермерских на селе. С середины 2000-х годов государство все более системно начинает подходить к поддержке малых форм хозяйства на селе, оказывая меры по льготному кредитованию, выделению грантов и субсидий. На текущем этапе в этот процесс включены и субъекты РФ. Вместе с тем усиление экологических требований и внедрение цифровых программ учета и контроля за движением сельхозпродукции приводят к увеличению дополнительных издержек, от которых страдают все производители, но малые – в большей степени.

Методология исследования и эмпирическая база. Методологическим инструментом исследования является концепция эксполлярной экономики, предложенная Т. Шаниным для описания неформальных систем жизнеобеспечения вне институциональных полюсов – рыночных и государственных¹. Испытывающая влияние указанных институтов, но все же в высокой степени автономная система воспроизводства неформальных моделей традиционного хозяйства на селе является, с точки зрения авторов, основой выживания домохозяйств в регионе. Ее сетевая природа и мощный адаптационный ресурс позволяют гибко реагировать на институциональные трансформации. Однако этот потенциал не является безграничным.

Эмпирический материал собран зимой 2025–2026 гг. методом полуструктурированного интервью в субъектах РФ, территория которых находится в низкогорных и среднегорных зонах Алтая: Алтайском крае (Бийский и Смоленский районы) и Республике Алтай (Усть-Коксинский район). Традиционный хозяйственный уклад как значимая составляющая культуры народов Большого Алтая, поддержания потенциала села в Алтайском крае и Республике Алтай, устойчивости образа жизни и его воспроизводства в изменяющемся соци-

¹ Shanin T. Expolary Structures and Informal Economy in Contemporary Russia // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999. С. 11–32.

альном контексте опирается на скотоводство. Скотоводство Большого Алтая является значимым элементом мирового культурного наследия.

Проблема исследования. Между тем, как показали интервью с главами муниципальных образований, владельцами личных и крестьянских фермерских хозяйств в населенных пунктах сельской местности указанных регионов, сокращение доли животноводства (крупного и мелкого рогатого скота, лошадей) в структуре личного подсобного хозяйства стало устойчивым трендом. Эта тенденция негативно, на наш взгляд, отражается на воспроизводстве человеческого потенциала села, традиционного образа жизни и этнической культуры. Проблемы развития межэтнических сообществ макрорегиона тесно сопряжены с вызовами российскому обществу и государству.

Источники обозначенных рисков были подвергнуты анализу в рамках проекта «Пастбищная экономика: проблема сохранения скотоводства в личном подсобном хозяйстве в регионах Саяно-Алтая», реализованного при содействии Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» (2025–2027). С владельцами хозяйств населения (ХН) и крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) было собрано около 30 индивидуальных и групповых интервью в селах Алтайского края (Усятское, Верх-Катунское, Сростки, Сычевка, Солоньковка, Новотырышкино) и Республики Алтай (Катанда, Тюнгур, Мультя, Верх-Уймон). Транскрибация интервью осуществлялась при подготовке настоящей статьи с помощью систем искусственного интеллекта.

Региональный контекст. Алтайский край называют житницей Сибири и России. Это самый крупный аграрный регион РФ. Несмотря на наличие крупных промышленных производств, в том числе инновационных и связанных с ВПК, Алтайский край остается зависимым от бюджетных трансфертов из федерального центра. По данным результатов Росстата, регион теряет население ежегодно с 2019 г. Его численность составляла в 2020 г. 2 193 тыс. чел., в 2022 г. – 2 130,9 тыс. чел., в 2023 г. – 2 115,3 тыс. чел. По показателям средней ожидаемой продолжительности жизни, которая в 2022 г. составила 68,6 года, он занял 60-е место в рейтинге субъектов РФ. Несмотря на рост этого показателя в абсолютных значениях к 2023 г. (70,77 года), свое место в рейтинге он уступил другим регионам, заняв уже 62-е место. Наряду с республиками Алтай, Тыва и Хакасия Алтайский край возглавил антирейтинг самых низких показателей среднедушевого дохода в 2022 г. – 74-е место в рейтинге РФ².

Сельское хозяйство традиционно является одной из ведущих отраслей его экономики. При этом основной отраслью аграрного производства остается земледелие. Животноводство (разведение крупного рогатого скота (КРС), овец и коз, свиней, птицы) оказывается вторичным по отношению к производству зерновых и технических культур. Большую часть года (поздняя осень, зима и ранняя весна) в предгорье Алтая преобладает стойловое содержание скота. Выпас на луга возможен только в теплое время года. Зимой из-за глубокого снежного покрова, не позволяющего скоту добывать корм самостоятельно, владельцы хозяйств вынуждены содержать скот за счет приобретенных кормов и собственных собранных летом запасов.

О роли ХН и КФХ в животноводстве в Алтайском крае в 2025 г. можно судить по их доле в поголовье отдельных видов скота (таблица). В 2024 г. удельный вес хозяйств населения в производстве мяса всех видов в убойном весе составил 29,0 %, говядины – 45,8 %, баранины и козлятины – 86,8 %, свинины – 44,7 %, молока – 38,2 %, шерсти – 81,5 %; фермерских хозяйств – 3,1, 9,6, 9,7, 0,3, 7,2 и 12,5 % соответственно³.

² Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2022. С. 44, 80, 169; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2025. С. 46, 82.

³ ЕМИСС. Производство скота и птицы на убой в убойном весе; производство молока в хозяйствах всех категорий; производство шерсти в хозяйствах всех категорий URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31368>; <https://www.fedstat.ru/indicator/40694>; <https://www.fedstat.ru/indicator/31369> (дата обращения: 26.04.2026).

Таблица

**Поголовье скота в Алтайском крае и Республике Алтай
в конце 2025 г. по категориям хозяйств**

Категория хозяйства	Алтайский край		Республика Алтай	
	тыс. голов	%	тыс. голов	%
<i>Крупный рогатый скот</i>				
Сельхозорганизации	254,9	50,6	20,5	11,4
КФХ	70,9	14,1	66,4	36,9
Хозяйства населения	178,2	35,4	93,0	51,7
<i>Овцы и козы</i>				
Сельхозорганизации	6,2	4,9	38,7	14,6
КФХ	25,4	20,1	118,6	44,8
Хозяйства населения	94,9	75,0	107,5	40,6
<i>Свиньи</i>				
Сельхозорганизации	166,1	59,5	–	–
КФХ	4,5	1,6	0,01	0,3
Хозяйства населения	108,4	38,9	3,2	99,7
<i>Лошади</i>				
Сельхозорганизации	13,7	25,8	10,3	10,2
КФХ	11,4	21,5	31,4	31,1
Хозяйства населения	28,0	52,7	59,4	58,8

Составлено по: ЕМИСС. Поголовье скота и птицы в хозяйствах всех категорий. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31325> (дата обращения: 26.04.2026).

Сравнение показателей 2021 и 2025 гг. позволяет выявить тенденцию к сокращению производства животноводческой продукции в хозяйствах населения и фермерских хозяйствах. Поголовье КРС в ХН за 5 лет снизилось на 31 %, овец и коз – на 24,4 %, свиней – на 42 %; в КФХ КРС стало меньше на 21 %, овец и коз – также на 21 %⁴. Субъективный настрой владельцев хозяйств на сокращение поголовья, проявившийся в интервью, нашел объективное выражение в статистических показателях. Забегая вперед, отметим аналогичную тенденцию среди владельцев хозяйств в Республике Алтай, что также отразилось на показателях развития животноводства с 2021 по 2024 г. Она выразилась в сокращении поголовья КРС в ХН на 17 %, в КФХ – на 24 %⁵.

Бийский и Смоленский районы Алтайского края относятся к числу наиболее благоприятных зон для ведения сельского хозяйства. При этом необходимо отметить неблагоприятный рельеф местности в предгорьях, затрудняющий обработку почвы, посев и сбор урожая, в том числе для корма скоту. Ведущую роль в животноводстве данного региона играет крупный рогатый скот: производство молока и мяса. Традиционно его разведением занимались русские и представители коренных, тюркских по происхождению, народов Алтая. Однако в постсоветский период этнический состав населения начал меняться под влиянием миграций из Средней Азии и Казахстана, Кавказа и республик Поволжья (Татарстан). Происходит сокращение не только русского населения – наиболее существенно сократилось число этнических немцев. В то же время ряд поселений (например, Солоновка) пополняется

⁴ ЕМИСС. Поголовье скота и птицы в хозяйствах всех категорий URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31325> (дата обращения: 26.04.2026).

⁵ Там же.

горожанами, ищущими новых безрелигиозных духовных практик (в основном выходцами из столичных мегаполисов), незнакомыми с традициями ведения хозяйства в регионе.

Республика Алтай остается самым малочисленным субъектом РФ в Сибирском федеральном округе. По данным Росстата, в 2020 г. здесь проживало 211,2 тыс. чел., в 2023 г. – 210,8 тыс. чел. По показателям средней ожидаемой продолжительности жизни в 2023 г. он занял 79-е место в рейтинге российских регионов, составив 69,39 года. Среднедушевой доход, по данным Росстата на 2021 г., составил 23 798 руб. (77-е место). Сельское население имеет самый высокий удельный вес в сравнении с другими сибирскими национально-территориальными субъектами – 69,4 %. Для сравнения, удельный вес сельского населения составляет в Республике Бурятия 40,9 %, в Республике Тыва – 44,2 %, в Республике Саха (Якутия) – 32,4 %, в Республике Хакасия – 31,1 %⁶.

По этническому составу в регионе доминируют русские. Треть населения составляют алтайцы и родственные им этносы (теленгиты, тубалары, челканцы) и коренные малочисленные народы (кумандинцы, телеуты, шорцы). 7 % населения составляют казахи двух локальных групп: северной (туратинцы) и южной (кош-агачцы). Ведущие сектора экономики – сельское хозяйство и рекреационный (экологический, экстремальный, познавательный) туризм⁷. Базовой отраслью сельского хозяйства остается животноводство: скотоводство (разведение КРС), овцеводство, козоводство, коневодство. Данные статистики показывают преобладание ХН и КФХ в животноводстве региона (см. таблицу). В 2024 г. удельный вес хозяйств населения в производстве мяса всех видов в убойном весе составил 62,9 %, говядины – 61,1 %, баранины и козлятины – 58,3 %, молока – 81,8 %, шерсти – 44,4 %; фермерских хозяйств – 29,2, 33,2, 33,9, 10,1 и 43,4 % соответственно⁸.

В Республике Алтай представлены все горные зоны: низкогорье, где зимой снежный покров остается глубоким, среднегорье и высокогорье, где снежный покров невелик. В среднегорье и высокогорье это открывает возможность отгонного животноводства, при котором скот, включая КРС, способен обеспечивать себя кормом самостоятельно. Усть-Коксинский район республики относится к среднегорным. Однако на его территории есть и высокогорные местности, в том числе в районе одной из самых высоких вершин Алтая – г. Белухи.

В отличие от Алтайского края, для которого характерен значительный удельный вес агрохолдингов и сельскохозяйственных организаций, в Республике Алтай в целом и в Усть-Коксинском районе в частности преобладает мелкотоварное производство. Исключение составляет единственное крупное мараловодческое хозяйство – ООО «Пантовитал», ферма и цех по переработке пантов и изготовлению БАДов. Это и другие более мелкие мараловодческие предприятия, сумевшие наладить переработку и сбыт за рубеж своей продукции, составляют основную налогооблагаемую базу Усть-Коксинского муниципального образования.

Устойчивость ХН и КФХ в регионе, по мнению экспертов и владельцев хозяйств, зависит от ряда факторов: естественных и институциональных. К естественным факторам относятся такие, например, как урожайность кормовых культур, наличие/отсутствие засухи или затяжных дождей летом, глубина снежного покрова зимой, активность хищников, наличие/отсутствие эпизоотий. В числе институциональных факторов самое существенное значение имеют рынок и государство. И если рынок рассматривается респондентами как начало, обладающее, в определенном смысле, стихийным содержанием, то государство и его институты (органы управления, ветеринарные службы, система торгов и закупок, кадастрового учета, грантовая поддержка) воспринимаются как источник авторитета и влияния, решения которого оказывают противоречивый эффект на развитие хозяйства.

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2022. С. 44, 50, 169; Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2025. С. 46, 82.

⁷ Ерохина Е.А. Диспропорции в развитии национальных республик России в оценках российских социологов: этносоциальный аспект (на примере Азиатской России) // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 4. С. 13–30.

⁸ ЕМИСС. Производство скота и птицы на убой в убойном весе; производство молока в хозяйствах всех категорий; производство шерсти в хозяйствах всех категорий.

Экономические риски и регуляторные барьеры. Необходимо отметить, что в последнее десятилетие государство на федеральном и региональном уровнях предприняло серьезные усилия по развитию сельского хозяйства. Определенная часть этих усилий была направлена на грантовую поддержку КФХ. Министерство сельского хозяйства РФ в соответствии с утвержденным планом финансовой поддержки предложило широкую линейку инструментов помощи для малых сельхозпроизводителей: «Агростартап» (грант для начинающих фермеров), «Агротуризм» (грант для проектов сельского туризма), «Агромотиватор» (грант для участников СВО), грант на развитие семейной фермы, грант для вновь созданных потребительских кооперативов, льготное кредитование, субсидирование (в том числе в отдельных регионах и районах) хозяйств населения и др.⁹

Фермеры высоко оценивают льготные кредиты от Министерства сельского хозяйства и Россельхозбанка как реально действующий механизм поддержки. Такие инструменты, как «Агростартап» и социальные контракты, помогли многим из них начать или расширить хозяйство, увеличить поголовье скота, приобрести технику. Однако даже самая действенная поддержка может превратиться в «кабалу», когда происходит обвал цен на продукцию. Так, в период высокой инфляции банки в одностороннем порядке традиционно повышают процентные ставки, что приводит к резкому росту долговой нагрузки. Если же на этом фоне падают цены на сельхозпродукцию, обслуживание кредитов становится крайне затруднительным. Это превращает механизм поддержки в инструмент вымывания оборотных средств, вынуждая фермеров продавать скот для покрытия обязательств перед банками. Реальный эффект от реализации госпрограмм зачастую «съедается» неблагоприятной конъюнктурой, обусловленной природными условиями (засухами или проливными дождями) и эпидемиями. Таким образом, даже при наличии работающих механизмов поддержки их эффективность часто нивелируется не только негибкостью самой системы, но и ситуативными факторами.

Наряду с неблагоприятной ценовой конъюнктурой владельцы ХН и КФХ сталкиваются с серьезными проблемами сбыта. Рынок насыщен более дешевой продукцией крупных хозяйств. Растет спрос на низкожирные продукты как результат навязывания «диетической культуры», что снижает популярность домашней молочной продукции. Наконец, отказ от коровьего молока в качестве прикорма младенцев в пользу смесей лишает производителей важной группы потребителей. Даже такой перспективный рынок сбыта, как курортная зона Белокуриха, оказывается малодоступным для ХН и мелких КФХ. В соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ о государственных закупках все договоры на сумму свыше 100 000 руб. должны заключаться через аукцион¹⁰. Это автоматически отсекает мелких производителей, не способных обеспечить такие объемы, и открывает дорогу трейдерам, которые консолидируют продукцию и выигрывают тендеры.

Существенные вызовы для владельцев КФХ несут регуляторные барьеры. Жесткие условия грантового софинансирования требуют вложения значительных собственных средств, что само по себе является барьером для начинающих хозяйств. Правила конкурсов не позволяют учесть ранее понесенные затраты, например на покупку фермы или поголовья.

Эксперты, владельцы ХН и КФХ единодушно отмечают усиление контроля за качеством сельхозпродукции и текущий этап реформирования отрасли как факторы, порождающие противоречивые эффекты, в числе которых сокращение поголовья. Это обстоятельство, проблематизирующее устойчивость мелких хозяйств, обусловлено рядом законодательных нововведений.

Во-первых, изменились требования к забою скота. Требование проводить забой скота исключительно на сертифицированных бойнях создало для владельцев, желающих выставить свой продукт на продажу, логистический коллапс. Так, например, во всем Смоленском

⁹ Гранты на сельское хозяйство и животноводство в 2025 году // DVConsulting, 21 мая 2025 г. URL: <https://dvconsulting.ru/grant-na-selskoye-khozyaystvo-zhivotnovodstvo> (дата обращения: 26.04.2026); Господдержка фермеров в 2025 // Свое фермерство от Россельхозбанка. 25 ноября 2024. URL: <https://svoefarmerstvo.ru/svoemedia/articles/gospodderzhka-fermerov-v-2025-godu> (дата обращения: 26.04.2026).

¹⁰ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

районе функционируют всего две такие площадки, по факту своего местонахождения территориально удаленные для большинства хозяйств. В Усть-Коксинском районе оборудование обанкротившегося сельхозпредприятия было демонтировано и вывезено собственниками, что оставило владельцев скота без цивилизованного забоя.

Проблема усугубляется экономической незаинтересованностью самих боен в работе с ХН. Технологический процесс требует, чтобы туша после забоя охлаждалась в течение суток, занимая место в камерах. Обслуживать единичные заказы нерентабельно, выгоднее работать с оптовыми партиями. Эта ситуация не просто снижает цену на продукцию крестьян и фермеров, она создает новую рыночную прослойку – перекупщиков. Перекупщики становятся монопольными покупателями живого скота в ХН, которые, не имея легальной возможности забить одну-две головы, вынуждены сдавать животных по заниженной цене, теряя значительную часть прибыли.

Во-вторых, внедрение федеральных государственных информационных систем «Меркурий» и «Хорриот», призванных контролировать все значимые процессы в отрасли, создало дополнительную административную нагрузку на собственников¹¹. В отличие от крупных предприятий, нанимающих для введения данных в систему отдельного специалиста, для главы КФХ это становится еще одной обязанностью. При этом система «Хорриот» имеет технические недостатки: когда животное теряет бирку, в системе создается новая запись, но старая не удаляется. В результате по документам поголовье может искусственно удваиваться, создавая путаницу.

В последнее время, по заявлениям владельцев скота, в Алтайском крае ужесточились ветеринарные правила: срок действия анализов на бруцеллез перед убоем сокращен с шести до одного месяца. Это создало в Смоленском районе логистические проблемы из-за острой нехватки ветеринарных специалистов, которые физически не успевают своевременно взять пробы. В результате регуляторное давление, помноженное на неблагоприятную экономическую конъюнктуру, поставило фермеров в крайне уязвимое положение.

Цифровой учет скота в Республике Алтай многими владельцами ХН воспринимается как инструмент давления: люди не видят выгоды в цифровой прозрачности, опасаясь появления нового налога. Определенные издержки связаны с ветеринарными услугами и приобретением чипов и бирок. Сама ветеринарная служба региона, как и в Алтайском крае, испытывает дефицит кадров: молодежь предпочитает частную практику работы с домашними животными тяжелому сельскому труду. Следование административным предписаниям не обеспечивает простого и легального доступа на рынок. Такая ситуация порождает «замкнутый круг»: отсутствие прозрачного учета блокирует выход на официальный сбыт, консервируя зависимость от перекупщиков. Крестьяне и фермеры Усть-Коксинского района вынуждены сбывать скот живым весом за наличный расчет предпринимателям из Казахстана. Продукция вывозится без налогов и, соответственно, мимо районного и регионального бюджета.

Однако главными факторами, снижающими конкурентоспособность продукции скотоводов Республики Алтай, остаются логистическое «плечо» и отсутствие железнодорожного сообщения. Дополнительным фактором, усугубляющим эту проблему, стало разрушение производственных мощностей убойных цехов и холодильного оборудования. Усть-Коксинский район обладает уникальным «высокогорным брендом» (эндемики, высокое содержание белка в молоке, сыропригодность), однако масс-маркет требует объемов и низкой цены. Республика проигрывает соседям «игру в объемы», не имея логистических механизмов для монетизации своего качественного превосходства.

Для скотоводов Усть-Коксинского района содержание животных превратилось, по меткому выражению владелицы ХН с. Верхний Уймон, в *«стратегию продовольственного суве-*

¹¹ Фадеева О.П. Цифровизация в сельском хозяйстве: создание «мнимой» реальности // Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: материалы V конференции ИМП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию. М., 2023. С. 163; Фадеева О.П. Цифровизация «сверху» в российском АПК: от проектов к реалиям // Крестьяноведение. 2025. № 3. С. 206.

ренитета на уровне домохозяйства». Хозяева готовы работать в «ноль» или даже в убыток, мотивируясь необходимостью выживания и стремлением обеспечить себя «чистым» продуктом. При этом респонденты отмечают структурный сдвиг от молочного к мясному скотоводству, а также рост интереса к табунному коневодству. Среди причин структурной трансформации своего хозяйства были названы следующие:

- падение закупочных цен на молоко из-за экспансии белорусского сухого молока делает это направление нерентабельным;

- молочное животноводство требует интенсивного ежедневного труда, к которому молодежь, предпочитающая сферу услуг, не готова;

- сдерживающим фактором выступает высокая цена кормов. Особенно страдают регионы низкогогорья: если устанавливается высокий снежный покров – тебеневка исключается;

- коневодство оказывается менее затратной отраслью. Однако и здесь есть свои трудности, в том числе сложный рельеф и отсутствие устойчивого сотового покрытия при использовании современных технологий.

Таким образом, переориентация на мясное направление оказывается защитной реакцией на рыночную конъюнктуру. Однако отсутствие глубокой переработки оставляет ХН в зоне риска.

Фактором, сдерживающим развитие сельского хозяйства в Республике Алтай, остается конкуренция за земельные ресурсы и кадры со сферой рекреационного туризма. Кадровый кризис усиливается разрывом в оплате труда. Заработная плата ветеринара (30–35 тыс. руб.) несопоставима с оплатой труда персонала в туристическом кластере. Так, например, водитель в Манжероке получает от 80 тыс. руб., обеспечивается формой и комфортными условиями труда. Это приводит к вымыванию людей из аграрного сектора.

Экспансия туризма ведет к массовому переводу земель сельхозназначения под рекреацию. Проблема не ограничивается только сокращением площадей: происходит разрыв маршрутов отгонного животноводства. Туристические базы, занимая поймы рек и долины, отсекают пути сезонной миграции скота к высокогорным пастбищам. Этот разрыв делает использование удаленных летних стоянок затрудненным и даже иногда невозможным. Домохозяйства оказываются вынужденными пасти скот в поселениях или около поселков, перегружая прилегающие земли и вызывая их деградацию (стравливание).

Своя специфика отмечается в интервью хозяев подворий в Алтайском крае. В соответствии с Федеральным законом от 14.07.2022 № 248 «О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹², регион ввел требования к хранению и использованию навоза, обязывая КФХ строить специализированные навозохранилища. Навоз должен выдерживаться на специальной площадке не менее года, после чего фермер обязан провести его лабораторный анализ перед внесением на поля. Финансовая нагрузка, связанная с исполнением требований закона, является для малых и средних КФХ существенной. По заявлению одного из фермеров, стоимость разработки только проектной документации для навозохранилища составляет 200 000 руб. Важно, что данные требования не распространяются на ХН, что создает дополнительный стимул для фермеров отказываться от статуса КФХ и уходить в менее регулируемую категорию.

Еще одной острой проблемой для фермеров Алтайского края стала проблема утилизации биоотходов. Закрытие традиционных скотомогильников поставило перед необходимостью пользоваться услугами удаленных крематоров, что сопряжено с серьезными финансовыми затратами. По оценкам одного из руководителей КФХ Смоленского района, расходы на утилизацию в крематоре г. Бийска складываются из абонентского договора (12 000 руб./год), платы за утилизацию (25–30 руб./кг), транспортных расходов. Высокая стоимость провоцирует нелегальный выброс павших животных, что, по мнению респондентов, создает прямую угрозу распространения опасных заболеваний, таких как бешенство. Именно это нововве-

¹² Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 248 «О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

дение стало одной из ключевых причин радикального решения о ликвидации одного из КФХ: его владельцем было принято решение перевести его в статус личного хозяйства, чтобы избежать разорительных издержек.

Хотя установка крематоров и строительство навозохранилищ остро не стоят на повестке в Республике Алтай, в будущем эти новации неизбежно затронут сельское хозяйство его районов. Жители Усть-Коксинского района отмечают, что для малых сел такие требования невыполнимы. Стоимость легальной утилизации одной павшей коровы (с учетом спецбригады и транспорта) составляет 7 000–8 000 руб. Это заставляет владельцев ХН и КФХ скрывать падеж, срезать бирки и создавать стихийные скотомогильники, что угрожает эпизоотической ситуации.

Жизнестойкость хозяйств и стратегии выживания. Сохранение поголовья в малых хозяйствах Республики Алтай и Алтайского края на текущий момент держится на инерции традиционного уклада и стремлении к качественному самообеспечению. По мнению опрошенных, текущие законодательные нововведения (требования к убою, утилизации отходов, хранению навоза) создают условия, в которых выживание малых и средних хозяйств становится затрудненным. Такая ситуация объективно способствует доминированию крупных сельскохозяйственных организаций, для которых выполнение таких требований не является серьезной проблемой.

Сами крестьяне и фермеры, характеризуя текущее положение, называют его нахождением в «тисках». С одной стороны – неуклонный рост цен на ресурсы, с другой – нестабильность цен на их продукцию. Этот диспаритет является ключевым фактором снижения рентабельности и жизнеспособности малых хозяйств. Владельцы хозяйств указывают на следующие проблемные места. Во-первых, рост затрат на корма, цен на семена, технику и горюче-смазочные материалы. Во-вторых, нестабильность цен на продукцию перекупщиков и перерабатывающих кооперативов, диктующих низкие цены на закупку произведенной крестьянами и фермерами продукции. В таких условиях животноводство для многих хозяйств превратилось в способ хеджирования рисков и своего рода «кубышку» для решения неотложных финансовых проблем и/или закрытия срочных кредитных обязательств. Как заметил один из владельцев КФХ, он вынужден продавать скот не тогда, когда это выгодно, а когда срочно нужны деньги для покрытия кассовых разрывов.

В качестве рекомендаций, направленных на выравнивание ситуации, респонденты предлагали следующие меры: 1) реформу ветеринарной службы, предполагающую ее перевод на федеральное обеспечение и установление зарплат не ниже 60–80 тыс. руб./мес; 2) расширение мер поддержки малым сельхозпроизводителям, в том числе возвращающимся на село участникам СВО, с целью упрощенного выделения земли и техники; 3) обеспечение логистической автономии через субсидирование мобильных забойных пунктов и создание цепочек сбыта, в том числе ориентированных на премиальный сегмент. Наконец, для Республики Алтай важно законодательно закрепить на региональном уровне маршруты перегона скота, запрещающие застройку туристическими объектами вдоль всей их территории по направлению к высокогорным пастбищам.

Несмотря на определенный пессимизм респондентов, жизнестойкость оставшихся в отрасли хозяйств определяется их владельцами внеэкономическими стимулами, такими как глубокая личная мотивация, сила традиций и привязанность к земле. Ее контекст раскрывается словами одного из фермеров Смоленского района: *«Я не украл ничего у людей, все что у меня есть – это нам досталось горбом. <...> Я с одной коровы начинал, 20 лет это животноводство раскачивал»*¹³. Именно опыт многолетнего труда и личной истории придает вес заключительной фразе: *«За державу обидно»*¹⁴.

Указывая среди причин мотивации занятости в ХН и КФХ, респонденты отмечают возможность контролировать свою жизнь и жизнь своей семьи, планировать бюджет времени и следовать ему, неспешность жизни в селе и отсутствие серьезных стрессов,

¹³ Полевые материалы автора. Алтайский край, январь 2026 г.

¹⁴ Там же.

доступность социальных благ и доступа к культурному досугу благодаря развитости цифровых платформ, финансовых и государственных услуг, не требующих обязательного физического перемещения. Респонденты отмечают также некоторое облегчение физических усилий благодаря «электропастухам», трекерам, видеокамерам и другим технологиям, механизмам, облегчающим содержание скота и переработку продукции.

Животноводство в личных и крестьянско-фермерских хозяйствах Алтая представляет собой адаптивную экономическую практику, компенсирующую отсутствие альтернативных источников дохода в сельской местности. Эта модель основана на семейном труде, неформальных каналах сбыта, взаимопомощи внутри сообщества и приспособлении к институциональным ограничениям. Отсутствие инфраструктуры сбыта, рост административной нагрузки и отток молодежи создают структурные препятствия для воспроизводства традиционного уклада. Вместе с тем сохранение хозяйства имеет значение не только для продовольственной безопасности отдельных семей, но и для поддержания социально-экономической стабильности в малых населенных пунктах, где альтернативные формы занятости ограничены или отсутствуют, для сохранения этнокультурного многообразия и историко-культурного наследия народов России.

Скотоводческий образ жизни остается важным инструментом контроля за геополитическим пространством России межэтническими сообществами, связанными с ним хозяйственными и символическими узами, особенностями личной биографии и идентичностью. Это обстоятельство требует от государства особых мер поддержки, направленных на создание благоприятных условий труда и жизни, удерживающих население на трансграничных территориях Большого Алтая.

Литература

Ерохина Е.А. Диспропорции в развитии национальных республик России в оценках российских социологов: этносоциальный аспект (на примере Азиатской России) // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 4. С. 13–30.

Фадеева О.П. Цифровизация в сельском хозяйстве: создание «мнимой» реальности // *Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: материалы V конференции ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию* (Московская обл., 22–24 марта 2023 г.). М., 2023. С. 162–165.

Фадеева О.П. Цифровизация «сверху» в российском АПК: от проектов к реалиям // *Крестьяноведение*. 2025. Т. 10, № 3. С. 205–233.

Shanin T. Expolary Structures and Informal Economy in Contemporary Russia // *Неформальная экономика. Россия и мир*. М.: Логос, 1999. С. 11–32.

References

Erokhina, E.A. (2023). Disproportsi v razviti natsional'nykh respublik Rossii v otsenkakh rossiyskikh sotsiologov: etnosotsial'nyy aspekt (na primere Aziatskoy Rossii) [Disproportions in the Development of the National Republics of Russia in the Assessments of Russian Sociologists: the Ethnosocial Aspect (Using the Example of Asian Russia)]. In *Society and Security Insights*. Vol. 6, No. 4, pp. 13–30.

Fadeeva, O.P. (2023). Tsifrovizatsiya v sel'skom khozyaystve: sozdanie "mnimoy" real'nosti [Digitalization in Agriculture: Creating a "Virtual" Reality]. In *Ekonomicheskaya politika Rossii v mezhotraslevom i prostranstvennom izmerenii. Materialy V konferentsii INP RAN i IEOPP SO RAN po mezhotraslevomu i regional'nomu analizu i prognozirovaniyu* (Moskovskaya oblast', 22–24 marta 2023 g.). Moscow, pp. 162–165.

Fadeeva, O.P. (2025). Tsifrovizatsiya "sverkhu" v rossiyskom APK: ot prozhektov k realiyam [Digitalization "From Above" in the Russian Agro-Industrial Complex: From Projects to Reality]. In *Krest'anovedenie*. Vol. 10, No. 3, pp. 205–233.

Shanin, T. (1999). Ekspolyarnye struktury i neformal'naya ekonomika sovremennoy Rossii [Expolary Structures and Informal Economy in Contemporary Russia]. In *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir*. Moscow, pp. 11–32.

Ю.А. Крашенинникова*

**ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ: ОЛЕНЬЯ КРОВЬ
В РАЦИОНЕ ПИТАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ НЕНЦЕВ ЯМАЛА**doi:10.31518/2618-9100-2026-4-23
УДК 39:641(571.121)"2025"*Выходные данные для цитирования:**Крашенинникова Ю.А. Гастрономические заметки: оленья кровь в рационе питания современных ненцев Ямала // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 334–340. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-23.pdf>*

Yu.A. Krasheninnikova*

**GASTRONOMIC NOTES: DEER BLOOD
IN THE DIET OF MODERN NENETS OF YAMAL**

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-02

*How to cite:**Krasheninnikova Yu.A. Gastronomic Notes: Deer Blood in the Diet of Modern Nenets of Yamal // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 334–340. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-23.pdf>]*

Abstract. The work presents the materials recorded in 2025 during a folklore and ethnographic expedition organized as part of a project to describe objects of intangible ethnocultural heritage of the Nenets of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of the Tyumen Region. The collected data confirm the observations made by the researchers earlier about the simple recipes and ease of cooking of most dishes, the significant role of meat and fish in the diet of the Nenets. The author provides information about one of the important components of the diet of modern Nenets of Yamal – deer blood. A small note contains a description of some dishes, the component ingredient of which is deer blood (raw blood like sauce and marinade, blood cakes, soup with blood). Using previously published data and recorded expeditionary materials, the author shows some trends in the formation of the diet of modern Nenets, dishes with deer blood both preserving the traditional recipe and allowing “deviations” from the canon in the technology of preparation and composition of ingredients are described. A conclusion about the importance of deer blood in the food system of not only nomadic, but also settled Nenets was made. The trend of “forming a regional brand” is indicated: traditional Nenets dishes with deer blood become cultural indicators of the territory (the blood cakes and soup as an obligatory component of gastronomic tours in Yamal and as part of a tourist projects).

Keywords: tundra Nenets, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, traditional technologies, national cuisine, modern food ration, deer blood.

The article has been received by the editor on 30.03.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлены материалы, записанные в 2025 г. в ходе фольклорно-этнографической экспедиции, организованной в рамках проекта по выявлению и описанию объектов нематериального этнокультурного достояния ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Подтверждены сделанные ранее наблюдения о несложной рецептуре и простоте приготовления большинства блюд, значительной роли мяса и рыбы в рационе ненцев. Представлены сведения об использовании современными ненцами Ямала в своем рационе оленьей крови как в качестве самостоятельного блюда

* **Юлия Андреевна Крашенинникова**, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия, e-mail: krasheninnikova@rambler.ru

Yulia Andreevna Krasheninnikova, Candidate of Philological Sciences, Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia, e-mail: krasheninnikova@rambler.ru

(соус, маринад), так и составного ингредиента в традиционных блюдах ненецкой кухни (кровяные лепешки *вэя' леска*", суп *я' евэй*). Используя опубликованные ранее данные и записанные экспедиционные материалы, автор показывает некоторые тенденции организации рациона питания современных ненцев: описаны блюда с оленьей кровью, как сохраняющие традиционную рецептуру, так и допускающие «отступления» от канона в технологии приготовления и составе ингредиентов. Сделано заключение о значении оленьей крови в системе питания не только кочевых, но и оседлых ненцев. На материалах публикаций и онлайн-ресурсов показана тенденция «формирования регионального бренда»: традиционные ненецкие блюда с оленьей кровью становятся культурными индикаторами территории (ненецкий суп *я* как часть культурно-туристического проекта, кровяные лепешки *вэя' леска*", суп *я' евэй* как обязательная составляющая гастрономических туров по Ямалу).

Ключевые слова: тундровые ненцы, Ямало-Ненецкий автономный округ, традиционные технологии, национальная кухня, современный пищевой рацион, оленье кровь.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026 г.

В марте 2025 г. в рамках проекта «Фольклорно-этнографические экспедиции по выявлению объектов нематериального этнокультурного достояния народов РФ» состоялась экспедиция в Ямало-Ненецкий автономный округ. Проект организован Государственным республиканским домом народного творчества им. В.Д. Поленова (Москва) и Центром народной культуры и детского творчества (ГАУК ЯНАО «ОЦНК», Салехард), реализуется при поддержке Министерства культуры РФ. Большой блок записанных материалов посвящен традиционной пище, культуре питания, технологии приготовления некоторых блюд, особенностям заготовки продуктов длительного хранения.

Кухня ямальских ненцев проста в рецептурном плане, характеризуется простотой приготовления, ограниченным набором продуктов питания, но вместе с тем высокой питательностью. В обобщающих работах, посвященных материальной и духовной культуре ненцев, исследователи анализируют в том числе пищевую культуру, ассортимент продуктов и особенности режима питания ненцев. Рациону питания, пищевым нормам и предпочтениям Л.В. Хомич посвятила главу «Пища» в монографии «Ненцы»¹. Исследователь пишет, что традиционно пищей ненцам служили мясо и рыба, отмечает незначительную роль растительной пищи в рационе, особенности употребления хлеба и мучных изделий, которые ненцы до прихода русских на Север и в Сибирь почти не употребляли. Наиболее лакомым блюдом было сырое мясо и субпродукты только что убитого оленя, в пищу также использовали вареное оленье мясо, молодые олени рога. Весной употребляли в пищу мясо птиц (гусей, уток и других, исключая чайку), гусиные яйца, летом основной пищей была рыба. Достигнув побережья моря, ненцы топили жир морских животных (нерп, моржей). Употребляли дикорастущие ягоды (морознику, голубику, бруснику); грибы не использовали, считая их пищей оленей². Практиковалось копчение, вяление на солнце и засолка мяса, заготовка рыбы и мяса впрок. В зависимости от достатка использовали покупные продукты (сухари, сахар, чай, сушки, пряники, крупы и др.).

Г.П. Харючи, привлекая новые полевые материалы, отмечает изменения в культуре питания на современном этапе и расширение пищевого рациона ненцев. Так, например, строганину едят с горчицей, кетчупом, луком, чесноком, мясные супы заправляют картофелем, вермишелью, готовят сложные блюда из рыбы (котлеты и пельмени с рыбным фаршем), используют покупные жиры. Благодаря огородничеству рацион пополняется карто-

¹ Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.: Л., 1966. С. 133–140.

² Запрет на употребление грибов в пищу фиксируется и в наших записях; по поводу употребления ягод информанты отмечают, что ягоды собирали в основном дети, употребляли в пищу сразу, заготовление ягод впрок не было распространенным явлением.

фелем, луком, вареньем из ягод. Исследователь заключает, что пищевые традиции тундровых ненцев не претерпели коренных изменений, но отмечает нововведения (добавки к традиционному супу, введение в рацион приправ и соусов, мясных и овощных консервов, кофе, привозных жиров)³. Е.Т. Пушкарева анализирует изменение рациона питания за последние сто лет, говорит о расширении продовольственного ассортимента вследствие развития региональных связей⁴.

Современные ненцы считают свой рацион богатым, обильным, разнообразным: *«Обычно люди говорят, что у нас очень скудно. Например, у нас мороженная рыба, мороженое мясо. У нас, мне кажется, довольно-таки много блюд. Потом значит, у нас жареная рыба, вареная рыба, т.е. уха, ну, лепешки кровяные. Уха из любой рыбы»* (ВНН, 1963 г.р.)⁵. В интервью информанты рассказывали нам о технологии приготовления сушеной рыбы юрик, рыбьего жира *порца* и др. Особенность рациона кочующие ненцы объясняют сезонными периодами: *«Мы на берегу Обской губы жили в летнее время, а в зимнее время каслали на оленях, у нас свои олени были, каслали в сторону тайги. И у нас вот получалось: мы всё лето ели рыбу-рыбу-рыбу-рыбу, осенью – утка, между ними опять рыба. Потом мы доезжали до лесотундры – мясо-мясо-мясо-мясо, боровая дичь. Мясо боровой дичи, дикого оленя. Потом, значит, опять мы спускались вниз – рыба-рыба-рыба-рыба, мясо, потом опять куропатки, весной особенно. Рыбы нету долго. Утки, гуси. И первая наконец-то рыба свежая в июне, после ледохода, и то поймают, семья-то большая, две-три рыбки. Мы готовы были всё с косточками съесть. Свежая же еще она. А уже рыба оставалась такая сильно соленая, ее размачивали, но все равно она потом безвкусная. А тут свежая рыба – как свежие огурцы (смеются)»* (ЛТН, 1961 г.р., УЕХ, 1956 г.р.). С промышленным освоением северной территории и образованием поселений в рационе жителей региона начинают появляться овощи, фрукты, но кочующие ненцы еще в последней трети XX в. воспринимают эту еду однозначно: *«...каслающий народ [говорил]: зачем мне нужна эта [еда], это не моя еда. Это мой отец, когда я салат сделала ему, говорит: “Зачем мне это? Сами траву кушайте”»* (ЛТН, 1961 г.р., УЕХ, 1956 г.р.).

Исследователи пишут об особом отношении ненцев к свежей оленьей крови – как к «большому лакомству»: так, в трапезу в еще теплую кровь обмакивали мясо только что убитого оленя, теплую кровь пили чашками⁶. Отношение к крови как к лакомству выразилось в высказывании, в котором информант сравнивает кровь со сгущенным молоком: *«Также мы очень любим брать хлебушек и макать в эту кровь соленую, и просто кушать, как будто макаешь в сгущенку. Очень вкусно»* (БСЕ, 1990 г.р.).

Для получения крови выбирают здорового жирного оленя трех-четырех лет, также хорошо использовать важенку, потому что у нее «само мясо нежное» (БСЕ, 1990 г.р.). Старались перед забоем не держать оленя долго на привязи, так как животное «чувствует адреналин и кровь начинает пахнуть как бы мочой» (ЛТН, 1961 г.р., УЕХ, 1956 г.р.). Невкусными кровь и мясо становятся у самцов в период гона – их также не забивали для еды.

Если вся кровь сразу после забоя оленя не употребляется, то ее сохраняют, потому что кровь – это «ценность», «витамин северных людей». Информанты сравнивают кровь с фруктами и овощами, апеллируя к расхожему мнению о том, что последние полезны для здоровья: *«Бывают витамины – фрукты, овощи, а у нас вот кровь, сырое мясо»* (САЕ, 1987 г.р.). По наблюдению Г.П. Харючи, ненцы о здоровом человеке говорят *ян' хамортада взярида янгу*, дословно – «нет только на землю капающей крови, т.е. у человека здоровое румяное лицо», что соответствует русскому выражению «кровь с молоком»⁷.

³ Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск, 2001. С. 59–74, 78–79.

⁴ Пушкарева Е.Т. Гастрономические встречи. Этнографические очерки о кухне ненцев и не только... Салехард, 2020.

⁵ В работе цитируются материалы, записанные во время фольклорно-этнографической экспедиции (март, 2025 г.), в скобках даются инициалы информанта (ФИО) и год рождения.

⁶ Хомич Л.В. Ненцы... С. 134.

⁷ Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре... С. 62–63.

Процедура хранения оленьей крови в условиях тундры состоит в следующем. Кровь хранят в оленьем желудке (*ня́нко*). Желудок выворачивают, аккуратно чистят от содержимого (зимой с помощью снега), выжимают руками «как тряпку», выворачивают вновь, заливают в него предварительно подсоленную кровь и завязывают куском замши (*рóвдуги*). В таком виде кровь может храниться от нескольких часов (в летнее время) до нескольких месяцев (в зимнее время): в летнее время кровь стараются использовать быстро, потому что на жаре она может забродить; зимой кровь замораживают, хранят в нартах, а когда возникает необходимость – «рубят топором на кусочки [вместе с нянко]» (ВНН, 1963 г.р.).

Бережная чистка желудка объясняется тем, что остатки содержимого благоприятно влияют на качество крови: «его (желудок. – Ю. К.) промывают от этого, от содержимого, но не сильно, его нельзя сильно мыть, потому что там микроэлементы все... И кровь приобретает другой вкус уже. Она же травяная. <...> И все вот эти вкусовые качества, все микроэлементы, которые были связаны с травами, они остаются [в крови]» (ЛТН, 1961 г.р., УЕХ, 1956 г.р.). Е.Т. Пушкарёва говорит об отличии вкуса крови, хранящейся в желудке, от свежей: она приобретает оригинальный пряный привкус благодаря небольшому количеству кашицы, оставшейся на «сосочках» желудка после промывания последнего. Эту кровь Пушкарёва называет кровавым соусом, который исторически предшествует кетчупу и майонезу⁸.

В современной кулинарной культуре ненцев присутствуют блюда, одним из ингредиентов которых является оленья кровь. Предпочтение отдают сырой крови, отмечая ее полезность: «она намного полезней, намного вкуснее. Пока она варится, все витамины уходят» (РНФ, 1982 г.р.), «в крови очень много железа и витаминов» (БСЕ, 1990 г.р.). Оленьей кровью заправляют свежее сырое мясо, в нее макают строганину – замороженное сырое мясо или рыбу, нарезанные тонкими, узкими, свернувшимися в завиток слоями. Кровь используют в качестве маринада. В частности, способ хранения сырого мяса и некоторых субпродуктов (например, легкие) в оленьем желудке с кровью современные ненецкие хозяйки сравнивают с маринованием: сырое мясо «превращается как в вареное. Замариновалось. Оно еще вкусней становится. Как в маринаде» (ВСЛ, 1983 г.р.). Блюдо с кусочками сырого мяса и субпродуктов, замаринованными в крови, называют «ненецким салатом» (ЛТН, 1961 г.р., УЕХ, 1956 г.р.), употреблять его можно уже через несколько часов после закладки в желудок («Можно сразу через несколько часов поест, можно [через] два-три дня». (ЛТН, 1961 г.р., УЕХ, 1956 г.р.)⁹.

Оленья кровь используется в кровавых лепешках *вэя' лёска*¹⁰. Л.В. Хомич описывает это блюдо как хлеб бурого цвета «из оленьей крови с очень небольшой примесью муки». Его предпочитали использовать в пищу в теплом виде, поскольку остыв, он «становится твердым и упругим»¹¹. Девочки начинали готовить лепешки примерно с десяти лет: в рецепте присутствует мука – продукт, имевший в условиях тундры высокую ценность, считался «дорогим удовольствием» (ЛТН, 1961 г.р., УЕХ, 1956 г.р.). Незамысловатый рецепт, который приводит Хомич, и сейчас является актуальным (кровь + мука + соль), однако в наших материалах зафиксированы вариации в составе ингредиентов и способе приготовления. Так, информанты отмечают, что раньше муку изготавливали из сушеной рыбы: последнюю клали в специальные мешочки из плотного материала и отбивали молоточком, превращая рыбу в рыбную муку (БСЕ, 1990 г.р.); также использовали ржаную муку, сейчас предпочитают пшеничную.

⁸ Пушкарёва Е.Т. Гастрономические встречи... С. 28.

⁹ О блюде, состоящем из кусочков сырого мяса и субпродуктов, замаринованных в свежей оленьей крови, которое ненцы относят к деликатесным, со ссылкой на воспоминания А.Д. Мухачева упоминают исследователи, см.: Мухачев А.Д., Харючи Г.П., Южаков А.А. Кочующие через века: оленеводческая культура и этноэкология ненцев. Екатеринбург, 2010; Пушкарёва Е.Т. Гастрономические встречи... С. 29.

¹⁰ Вэя – кровь, лёска – лепешка (Хомич Л.В. Ненецко-русский словарь: для нач. шк. с прил. грамматич. табл. ненец. яз. Около 4 500 слов. Л., 1954. С. 16, 25).

¹¹ Хомич Л.В. Ненцы... С. 138.

От информантов мы записали два способа замешивания теста. В первом случае берут чистую кровь, добавляют соль по вкусу и интенсивно ее взбивают до состояния пены. Затем маленькими порциями вводят во взбитую кровь муку. Готовое тесто должно быть легким, «живым»: *«взбиваю, чтобы оно прямо гуляло у меня, играло. <...> Я прямо его взбиваю, оно гуляет в тазу, ходит»* (БСЕ, 1990 г.р.). Оставляют тесто ненадолго, после чего выкладывают на сковороду с разогретым маслом, формируя лепешку. Во втором случае за день до приготовления лепешек ставят опару на ржаной муке: *«Вот она (бабушка. – Ю. К.) теплой водичкой заливала муку, размешивала хорошо, с солью делала, и она закрывала почти на сутки...»* (ВНН, 1963 г.р.). На следующий день в опару добавляют муку, кровь, замешивают тесто и готовят лепешки. Соотношение муки и крови у информантов разное, но в любом случае при замешивании смотрят, чтобы тесто не было густым, иначе *«лепешки будут сильно твердые, тяжелые»* (ВНН, 1963 г.р.), будут плохо пропекаться; по консистенции тесто *«ближе как к оладьям, оно не сильно густое»* (БСЕ, 1990 г.р.). Раньше готовили лепешки на рыбьем или оленьем жире; ненцы, проживающие на побережье Карского моря, использовали топленый тюлений, нерпичий или моржовый жир; сегодня жир заменяют растительным маслом.

Ненцы относятся к этому виду хлебных изделий как к хлебу, сравнивают с лавашем (ВМЕ, 1972 г.р.), употребляют лепешки с супом, мороженой или соленой рыбой. Современные хозяйки допускают вариации в рецептуре; понимая, что это современные инновации, добавляют сахар, дрожжи, соду – последние два ингредиента делают тесто более пышным: *«Ну, это в современном [приготовлении]. Дрожжи, немного сахара, немного соли и чуть-чуть немножко соды добавляю обычно. Они такие пышные становятся»*. Расширение списка ингредиентов влечет и другое отношение к блюду – как к лакомству, деликатесу: *«Мы специально для ребятешек [делаем], чтобы ребятешкам было. У меня в семье основное – на детей, лепешки же, они очень вкусные, как говорят, это вкусно. Это и хлеб, и деликатес»* (ВНН, 1963 г.р.).

Еще одно традиционное блюдо, в рецепте которого присутствует оленья кровь, – суп *я' евэй*¹², или как называют его ненецкие женщины – суп *я*. Для супа *я' евэй* варят мясной бульон из оленины – могут использовать грудинку, лопаточную часть, спинную часть, также сердце, язык. Мясо варят 3–4 часа, сердце и язык убирают из бульона за час до полной его готовности. Вареное сердце режут вдоль: актуален запрет резать сердце поперек и употреблять нарезанное неправильно сердце – нарушившему запрет грозят сердечно-сосудистые заболевания, у него будет *«болеть сердце»* (ВСЛ, 1983 г.р.). Кончик вареного оленьего языка не употребляют в пищу, его выбрасывают, чтобы не быть *«причиной для сплетен»* (ЛТН, 1961 г.р.). Далее берут ржаную муку, которую, предварительно прожарив на сковороде (единичное свидетельство), смешивают в отдельной емкости с небольшим количеством теплого бульона и кровью. Затем, постоянно помешивая, отправляют кашицеобразную мучную смесь в котел с готовым бульоном и мясом и доводят до кипения. Некоторые информанты отмечают, что перед внесением в суп мучной смеси мясо вынимают, другие, напротив, оставляют мясо в котле, чтобы *«всё пропиталось кровью»* (ВСЛ, 1983 г.р.). Готовый суп имеет темноватый оттенок, ярко-коричневый цвет свидетельствует о нежелательном переизбытке крови (ВСЛ, 1983 г.р.). По консистенции суп сравнивают с *«жидким киселем»*¹³. Из специй раньше использовали только соль, современные хозяйки добавляют перец, лавровый лист, укроп.

Перед подачей на стол из супа вынимают мясо, его режут и подают в отдельной емкости. Суп наливают каждому едоку в пиалу. Употребляют следующим образом – едят мясо, запивая его супом из пиалы: *«Мясо вытаскиваем в отдельную мисочку и потом уже в обычные пиалочки [наливаем]. И просто без ложки, [суп] просто пьем с краю. [Мясо берут руками?] Да, да. С миски прямо, как будто заедают суп»* (ВНН, 1963 г.р.).

¹² Я – 1. мука; 2. суп с примесью муки; *евэй* – суп без примеси муки, похлебка (Хомич Л.В. Ненецко-русский словарь... С. 98, 17).

¹³ Мухачев А.Д., Харючи Г.П., Южаков А.А. Кочующие через века...; ЛТН, 1961 г.р.

Л.В. Хомич отмечает наличие в пищевом рационе ненцев супа *я' евэй* – это бульон, сваренный на оленьем мясе и густо заправленный ржаной мукой после того, как мясо вынималось; оленью кровь как составляющую рецепта исследователь не упоминает¹⁴. Вероятно, именно этот суп И.А. Перфильев характеризует так: «густая мучная похлебка без соли на бульоне из-под мяса»¹⁵. Аналогичный рецепт супа, заправленного ржаной мукой (*евей я*), опубликован в книге «Кочующие через века: оленеводческая культура и этноэкология ненцев». Е.Т. Пушкарева пишет об использовании ненцами в своем рационе мясного бульона с мукой (кровь также не упоминается), похожего на жидкий суп-пюре, называемого в исторических источниках похлебкой¹⁶. Г.П. Харючи, анализируя пищевые традиции и инновации в пищевой культуре ненцев второй половины XX в., отмечает, что похлебка, приготовленная на основе мясного бульона с мукой и кровью, является любимым блюдом ненцев. Исследователь сообщает о существующем запрете готовить похлебку весной в период оживания земли, так как «похлебка и земля называются одинаково – я, и по цвету похлебка похожа на землю»¹⁷.

Технология приготовления блюд с оленьей кровью сохраняется и передается по женской линии. Исследователи ненецкой культуры отмечают, что приготовление пищи в ненецкой семье было исключительно женским делом¹⁸. Разделение на мужские и женские обязанности фиксируется и в интервью современных ненцев: «Все, что связано с улицей, это все мужское дело. А то, что женщина – это твой чум, делай все, что хочешь» (ВНН, 1963 г.р.).

В настоящее время оленья кровь остается важным компонентом питания не только кочевых, но и оседлых ненцев, используется как самостоятельный продукт, так и в составе традиционных блюд ненецкой кухни в качестве соуса и маринада. Изменились способы хранения крови: кровь замораживают и хранят в пищевых контейнерах в морозильных камерах, что позволяет устранить ограничения в сезонном потреблении этого продукта.

Современные ненцы совершенствуют рецепты блюд с оленьей кровью. Наиболее традиционным с точки зрения набора ингредиентов и техники приготовления остался суп *я' евэй*, хотя список составляющих его ингредиентов расширен за счет приправ и специй. Инновации коснулись рецепта кровавых лепешек. Так, для теста могут использовать не чистую кровь, а смешивают в равных пропорциях кровь и воду (ВНН, 1963 г.р., ВМЕ, 1972 г.р.), рецепты с разными пропорциями воды и крови встречаются в Интернете¹⁹. Некоторые хозяйки для большей пышности теста используют дрожжи, соду (ВНН, 1963 г.р., ВМЕ, 1972 г.р.); в пресное тесто добавляют сахар, яйца²⁰, соду, яичный порошок, сухое молоко²¹. На основе оленьей крови готовят соус: в свежую кровь, помимо соли и перца, добавляют горчицу, майонез, кетчуп и в таком виде употребляют в качестве приправы к мясной или рыбной строганине. Однако на вопрос собирателя – пользуется ли спросом такой соус – информант ответил, что «предпочитают чистую кровь, конечно. Немногие любят перец, немногие любят кетчуп» (ВНН, 1963 г.р.).

¹⁴ Хомич Л.В. Ненцы... С. 134.

¹⁵ Перфильев И.А. Краткий очерк самоедского быта на острове Колгуеве // Северное хозяйство. 1928. № 1-2. С. 89.

¹⁶ Пушкарева Е.Т. Гастрономические встречи... С. 42.

¹⁷ Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре... С. 63.

¹⁸ Хомич Л.В. Ненцы... С. 133.

¹⁹ См.: Чебакова В.С. Гастрономический туризм на Ямале [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16904> (дата обращения: 26.03.2026); Власова Н. Сырая рыба, мозг оленя и блины с кровью: известная на Ямале артистка поделилась рецептами ненецкой кухни (публикация от 25.04.2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://sever-press.ru/news/obschestvo/syraya-ryba-i-bliny-s-krovju-izvestnaja-na-jamale-artistka-podelilas-retseptami-nenetskoj-kuhni/> (дата обращения: 26.03.2026).

²⁰ Ганчерко В. Топ-10 блюд коренных северян: увидеть Ямал и хорошенько поесть (публикация 31.01.2026 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://yamal-media.ru/narrative/uvidet-jamal-i-horoshenko-poest-top-izvestnyh-bljud-korennyh-severjan> (дата обращения: 06.06.2026).

²¹ Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре... С. 69.

В средствах массовой информации получают распространение описания блюд, в основе которых традиционные рецепты, известные, в том числе, по публикациям второй половины XX в. В социальных сетях размещены видео с мастер-классами по приготовлению кровяных лепешек и супа я. Эти блюда называются в числе обязательных компонентов гастрономических туров и туристических программ для гостей Ямало-Ненецкого автономного округа. В частности, ненецкий суп я попал в межрегиональный культурно-туристический проект «Вкусная карта России»²² (<https://vk.com/tastymapofrussia?offset=10&own=1>). Блюда национальной традиционной кухни ненцев представляют на окружных фольклорных фестивалях²³, гастрономических фестивалях, Днях оленевода.

Итак, оленья кровь занимает важное место в пищевой культуре современных кочевых и оседлых ненцев Ямала, воспринимается она не столько как деликатес, но как необходимый продукт питания в суровых северных условиях. Оленья кровь используется в составе блюд ненецкой кухни, некоторые из которых сохраняют традиционную рецептуру (например, суп я' евэй), в рецептуре других ненецкие хозяйки допускают вариации в технологии приготовления и составе ингредиентов (кровяные лепешки *вэя' лёска*). Эти блюда ненецкой кухни входят в перечень обязательных в гастрономических турах по Ямалу.

Литература

Мухачев А.Д., Харючи Г.П., Южаков А.А. Кочующие через века: оленеводческая культура и этноэкология ненцев. Салехард; Екатеринбург: Креативная команда «Кипяток», 2010. 135 с.

Перфильев И.А. Краткий очерк самоедского быта на острове Колгуеве // Северное хозяйство. 1928. № 1-2. С. 82–92.

Пушкарева Е.Т. Гастрономические встречи. Этнографические очерки о кухне ненцев и не только... Салехард: Сев. изд-во, 2020. 208 с.

Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск: Изд-во Томского университета, 2001. 228 с.

Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 330 с.

Чебакова В.С. Гастрономический туризм на Ямале [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16904> (дата обращения: 26.03.2026).

References

Chebakova, V.S. (2017). Gastronomicheskiy turizm na Yamale [Gastronomic Tourism in Yamal]. In *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik*. No. 2. Available at: URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16904> (date of access 26.03.2026).

Khariuchi, G.P. (2001). *Traditsii i innovatsii v kul'ture nenetskogo etnosa (vtoraya polovina XX veka)* [Traditions and Innovations in the Culture of the Nenets Ethnic Group (Second Half of the 20th Century)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 228 p.

Khomich, L.V. (1966). *Nentsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Nentsy. Historical and Ethnographic Essays]. Moscow, Leningrad, Nauka. 330 p.

Mukhachev, A.D., Khariuchi, G.P., Iuzhakov, A.A. (2010). *Kochuyushchie cherez veka: olenevodcheskaya kul'tura i etnoekologiya nentsev* [Nomads Through the Centuries: Reindeer Herding Culture and Ethnoecology of the Nenets]. Yekaterinburg, Kreativnaya komanda "Kipy-atok". 135 p.

Perfil'ev, I.A. (1928). *Kratkiy ocherk samoedskogo byta na ostrove Kolgueve* [A Brief Outline of Samoyed Life on the Island of Kolguyev]. In *Severnoe khozyaystvo*. No. 1–2, pp. 82–92.

Pushkareva, E.T. (2020). *Gastronomicheskie vstrechi. Etnograficheskie ocherki o kukhne nentsev i ne tol'ko...* [Gastronomic Meetings. Ethnographic Essays on the Cuisine of the Nenets and Not Only...]. Salekhard, Severnoe izdatel'stvo. 208 p.

²² Ганчерко В. Топ-10 блюд коренных северян...

²³ См.: Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре... С. 73.